

Сергей Кургинян

Актуальный архив

Работы 1988–1993 годов

Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»

Москва 2010

УДК 327.56

ББК 66.4(0)

К93

Кургинян С.Е.

К93 АКТУАЛЬНЫЙ АРХИВ. *Работы 1988–1993 годов.* –

М.: МОФ ЭТЦ, 2010. – с.

ISBN 978-5-7018-0517-8

В книге собраны основные ранние работы известного политолога Сергея Кургиняна. Написанные в период перестройки (с 1988 по 1993 год), они и сегодня сохраняют высочайшую политическую актуальность.

В приведенных статьях подробно разобраны вильнюсские события, события, происходившие в Нагорном Карабахе и Баку, так называемая «финансовая война», непосредственно предшествовавшая развалу СССР, гражданская война в Таджикистане, октябрьские события 1993 г., а также программы действий, вынесенные «Экспериментальным творческим центром» на широкое обсуждение в начале 90-х годов.

Разработанный Сергеем Кургиняном метод анализа вкупе с возможностью получать информацию непосредственно на месте событий позволили делать прогнозы, значение которых по-настоящему можно оценить только сейчас, когда прогнозы уже сбылись, многие факты из вызывающих и сенсационных превратились в «общеизвестные», а история... История грозит вновь повториться в виде «перестройки-2».

Предъявленный читателю анализ позволяет составить целостное представление о событиях конца 80-х–начала 90-х годов, ломавших всю матрицу советского государства.

Составители – И.С.Кургинян, М.С.Рыжова

Под общей редакцией Ю.В.Бялого и М.Р.Мамиконян

Художественное оформление серии – Н.Д.Соколов

Подписано в печать 18.05.2010. Формат 60х90 1/16.

Бумага офсетная №1. Печать офсетная.

Усл. печ. л. Тираж 1000 экз. Заказ № 4946

МОФ «ЭТЦ». 123001, г. Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2

Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНТИ».

140010 Люберцы, Московской обл., Октябрьский пр-кт, 403.

Тел. 554-21-86

ISBN 978-5-7018-0517-8

© Сергей Кургинян, 2010

© ЭТЦ, 2010

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Мы предлагаем вниманию читателя основные ранние работы С.Е.Кургиняна, написанные в период с 1988 по 1993 год. Переиздание старых работ не имеет ничего общего с автоматическим помещением уже изданных ранее книг под новую обложку. Мы позволили себе отобрать наиболее значимые для современного читателя работы Сергея Ервандовича. Мы снабдили эти работы справочным аппаратом, поскольку многие из упомянутых фигур и событий стерлись из общественной памяти.

С крайней бережностью относясь к аутентичности не только авторского текста, но и стиля, мы взяли на себя рутинный корректорский и редакторский труд, который в свое время по понятным причинам не проделали прежние издатели этих работ, труд по исправлению опечаток и т.д.

И наконец, находясь в контакте с автором, мы получили у него необходимые уточнения, что именно имелось в виду, когда та или иная мысль была выражена в жанре публицистической скорописи.

Подобный труд берут на себя все, кто ответственно переиздает не потерявшие актуальности политические произведения двадцатилетней давности. Отсюда и название книги. Это не архив как таковой, а именно Актуальный Архив.

Причины, побудившие нас к переизданию ранних работ, разнообразны.

Наибольшее значение, наверное, имеет причина собственно политического характера. Политически актуальным написанное двадцать лет назад может быть только в одном случае – если сегодня мы движемся к «перестройке-2», и она сходна с той первой перестройкой, аналитике и концептуальной критике которой посвящены ранние работы Кургиняна. То есть как раз в том случае, про который сказано «Народ, забывший свою историю, обречен на то, чтобы пережить ее вновь». Народ вообще не должен забывать свое прошлое, но если кто-то навязывает ему вторую перестройку, а он чуть было не погиб в результате первой, то историю

этой первой перестройки он в особой степени не имеет права забыть. Такова собственно политическая причина, побудившая нас к данному изданию. Но к ней все не сводится.

Не меньшее значение имеет причина научная или, точнее, методологическая. С.Е.Кургинян – создатель и разработчик определенного аналитического метода. Исследование политического процесса отличается от исследования процессов физических, химических и так далее не тем, что теория политического (как и любого общественного) процесса якобы вообще не предполагает экспериментальной проверки, а тем, что роль такой проверки (конечно же, с многочисленными оговорками) играет свершившееся, то есть история. Очень часто крайне авторитетные теоретики науки утверждают, что политическая наука может заглянуть за «горизонт» максимум в полгода. Пусть каждый, кто прочтет статьи С.Е.Кургиняна, сам убедится, что разрабатываемый и применяемый им метод концептуальной аналитики позволил заглянуть за двадцатилетний горизонт.

Существует также немаловажная морально-политическая причина, побуждающая нас к выпуску данной книги. Многие деятели перестроечной поры позже заявляли, что они представить не могли, чем именно кончатся их политические затеи. Что будто бы никто не мог даже предположить негативных результатов. При этом ссылаются на работы тех ученых, которые сулили триумфальное завершение начатых преобразований. Достаточно важно, как нам кажется, напомнить, что о пагубных последствиях таких действий, как развал единой территории, обрушение ценностных опор общества, шоковый переход к рынку и так далее, эти политики на самом деле были предупреждены загодя. Такое напоминание имеет не только внутривнутриполитическую, но и внешнеполитическую цель. Ибо есть силы, которые хотят продолжить сходные эксперименты, обеспечив нам «перестройку-2», а миру – аж глобальную перестройку. И они, и ведомая ими часть «мирового сообщества» не должны делать вид, что катастрофический результат их «благой» деятельности непредсказуем.

Наконец, есть причина экзистенциальная. Столь многие за последние двадцать лет по несколько раз меняли не только политическую позицию, но и позицию этическую, аксиологическую и так далее, что иногда кажется: отсутствие позиции есть свойство эпохи, за которое конкретные люди в каком-то смысле не ответ-

ственны. Предъявление читателю прецедента неизменяемости фундаментальных оценок и подходов, согласитесь, тоже немало важно.

В целом же чтение ранних работ С.Е.Кургиняна и познавательно, и поучительно, и увлекательно. По крайней мере, для его сторонников, которых немало. А возможно, отнюдь не только для них.

Молодежь, пылливо интересующаяся собственной историей, в том числе и прежде всего — историей последнего десятилетия, к сожалению, находится на весьма скудном интеллектуальном пайке. И уж во всяком случае лишена альтернативных точек зрения на происходившее. Если под альтернативными точками зрения иметь в виду нечто, не укладывающееся в матрицу конспирологических мифов. Часть молодежи, входящая в политику, просто не понимает, какова цена повторного наступания на те же грабли, и убеждена, что ныне происходящее носит сугубо оригинальный характер. Развеять эти ложные убеждения поможет чтение данной книги.

ОГРАБЛЕНИЕ ВЕКА

Статья подготовлена по заказу редакции газеты «Правда» в декабре 1988 года, но не опубликована в ней (набор был рассыпан).

1. Одна из ключевых проблем в Закавказском конфликте — это беженцы¹. Люди, согнанные с мест, где они жили, работали, рожали детей, хоронили отцов и матерей. Люди, лишенные родины. Как ни горько об этом говорить сегодня, но проблема — двусторонняя. С каждой из сторон согнано более ста тысяч (вдумайтесь в эту цифру!) ни в чем не повинных людей. Говорить об этом больно и стыдно. Но и молчать нельзя, поскольку проблема требует общественного внимания. И дело здесь даже не в международном бесконечно запутанном и больном конфликте. Экономическая подоплека, будучи только приоткрытой, сразу же денационализирует вопрос. И за счет этого делает его особенно важным, ведь такое может повториться завтра в Удмуртии, послезавтра на Украине. Или — в Люберцах, или — в Ленинграде, или — в Москве. Подлинный виновник в своих целях готов использовать любую, отнюдь не только национальную подоплеку.

2. Беженцы — это в массе своей измученные, растерянные крестьяне, оскорбленные, униженные, справедливо возмущенные люди, пытающиеся понять, что же с ними произошло. Иногда — полуголые, закутанные в одеяла, с маленькими детьми на руках. Еще раз подчеркиваю: попытка выставить в этом вопросе какую-либо из сторон в виде правой «не проходит». Возбужденной публике, разгоряченному общественному мнению можно подбросить ту или иную патетическую декларацию. Но страсти, даже очень умело подогреваемые, рано или поздно остынут. Подноготная

¹ По данным Госкомстата Азербайджана, к февралю 1990 г. в стране было 186 тыс. беженцев-азербайджанцев из Армении. В 1998 г. в Азербайджане было зарегистрировано 233 тыс. беженцев из Армении и Узбекистана. По данным Агентства по миграции Армении, в 1988–1992 гг. в республику прибыло более 360 тыс. беженцев-армян из Азербайджана. Здесь и далее примечания составителей.

неизбежно выйдет наружу. Сегодня справедливо возмущенных людей еще удастся обмануть, пустить по ложному следу. Кто ограбил? Подлый армянин. Кто убил? Дикий азербайджанец. Можно — наоборот. Расчет гнусен и точен одновременно. Но стоит только задать несколько элементарных вопросов: «Сколько взяли у тебя за бесценнок скота? Движимого и недвижимого имущества? Кормов? Земли? Сколько ты потерял?» Крестьянин знает. Он называет точные цифры. Сколько людей согнано с земель? Более двухсот тысяч. Сколько в среднем теряет каждый? Более двадцати тысяч. Множим в столбик на бумаге и видим, как национальный гнев здесь же, прямо на глазах, замещается гневом труженика, презрением к банде. Четыре миллиарда рублей! Кто-то процедил: «Мафия». Другой добавил: «Наверняка поделили». (Вот вам и непреодолимая национальная распря!) Третий, кажется, сельский учитель, сказал: «Ограбление века». Что-что, а как грабят, как сговариваются для того, чтобы ограбить, как вымогают, что такое интернационал воров — это, увы, закавказский труженик знает, может быть, лучше, чем любой другой. Подлые технологи власти, те, чья профессия — манипулировать чувствами людей, знают: мифы действуют безотказно лишь на эмоционально перевозбужденную психику. Они боятся анализа как черт ладана. Особенно — если анализ достигает сознания народа. Во все времена для власть имущих это было страшнее всего.

Когда после разговора я возвращался в гостиницу, за мной следом долго молча шел человек. Около гостиницы я остановился, подождал. Ко мне подошел один из тех бесконечно трудолюбивых, бесконечно любящих свою семью и свой дом и, увы, бесконечно (по крайней мере, пока не задеты семья и дом) терпеливых кавказских крестьян, при виде которых у меня всегда подкатывает комок к горлу. В этих людях есть что-то удивительно чистое и удивительно детское. Подошедший сказал мне: «Сынок, ты попробуй, сделай так, чтобы все поняли! Пора кончать, понимаешь». Сказавший эти слова был азербайджанец. Но он мог быть армянином. Я обещал ему, что попробую. Не знаю, помнит ли он меня, но, если помнит, пусть знает, что я выполняю данное ему слово.

В далеком грузинском селе у меня живут родственники-армяне. Один из них очень похож на этого азербайджанца. Он талантливый каменщик. У него своими руками построенный каменный дом, сад. Я не хочу, чтобы однажды, ссылаясь (может быть, и очень обоснованно) на царя Давида или царя Арташеса, его изгнали из

дома. Присвоив трудом нескольких поколений созданные ценности. Не бывать этому.

3. Когда мы говорим сегодня о новом мышлении, то почему-то имеем в виду лишь глобальные, геополитические проблемы – ну, например, советско-американские отношения и пути их развития.

Однако ничуть не меньше нуждаются в подходах, основанных на новом мышлении, и проблемы региональные.

На первый взгляд не столь уж значителен конфликт между двумя закавказскими республиками, чье население вместе едва ли составит десятую долю процента всего населения Земли, но и он вне нового мышления разрешен быть не может.

«Снижая планку», мы обрекаем себя на десятилетия тяжб и взаимных обид, которые обратят в ад жизнь всех живущих на прекрасной земле Кавказа.

Новое мышление не знает различия между большим и малым. Для него что азербайджанско-армянские отношения, что американско-советские – все равны, ибо речь идет «не о блуждающей почке, а о жизни и смерти».

Мы до тех пор не устроимся на этой, уже сегодня тесноватой для нас, планете достойно и с миром, пока каждая капля невинной крови, каждый безвинно обиженный человек не станут для нас столь же глобальны, сколь глобальна мировая политика.

Завтрашний день, общечеловеческое братство, без которого гибель цивилизации неминуема, требуют распространения и возвышения этого принципа. Во-первых, «вширь»: на все народы. Каждый азербайджанец, армянин, русский, татарин, украинец, курд имеют право на защиту своих интересов со стороны государства. То же – для всех стран мира.

Во-вторых, этот принцип должен развиваться вглубь. Это значит, что если я безвинно пострадавший человек, то я в своем страдании соразмерен всему человечеству. И я не только вправе, но и обязан привлечь к себе его внимание. Ибо куда есть люди, страдающие без вины, человеческое счастье устроено быть не может. И – более того: не должно быть устроено. Этому учили нас все великие гуманисты – от Христа и Магомета до Достоевского и Комитаса. Это сегодня становится тем политическим принципом, без которого немислимо развитие человечества. Наша страна вышла с этим принципом на международную арену. И нам – показывать пример остальным. Прежде всего – в том, что происходит у нас дома.

Новое мышление — демократично. Научить ему нельзя, научиться — можно. И нужно. Учиться ему должны и Рейган, и Горбачев, но не только. Учиться ему должны и крестьяне маленьких азербайджанских и армянских сел. Учиться придется самим. И не обязательно только крестьянину у Горбачева. Возможно, и Горбачеву у крестьянина. Всем миром, как говорилось у нас испокон. Новое мышление отрицает всезнающих учителей. Нравственность — его ключевая и, пожалуй, единственная аксиома. В этом сила нового мышления. В этом же и его слабость, великая слабость добра, беззащитность простых и ясных истин перед хитросплетениями технологов власти, незащищенность распинаемого Христа, великого сердцем Отелло.

Новое мышление важно еще и потому, что никто из нас, исповедующих идеи гуманизма, не вправе смириться со страданиями двух малых по территории, но великих по духу народов, с перспективой братоубийственной войны, губельной не только для них.

Новое мышление при решении любого вопроса предлагает искать в качестве исходного пункт, бесспорный для обеих сторон, и, лишь обретя в нем согласие, идти дальше.

Есть ли такой пункт, такая точка в Закавказском конфликте? Что в череде бесконечных споров является бесспорным для обеих сторон?

Мудрость стариков и трезвый анализ ученых, здоровый инстинкт женщин, обеспокоенных будущим своих детей, и интуиция всякого труженика, десятилетиями ощущавшего себя эксплуатируемым в стране, провозгласившей отсутствие эксплуатации и собравшей под этим лозунгом народы в единую семью, говорят, что бесспорное есть. Оно — в праве любого человека, не совершавшего зла, иметь гарантии неприкосновенности. Право на жилище. На землю, в которой похоронены его отцы и деды. На жизнь, наконец. На безопасность его семьи.

Я, азербайджанец из армянского села, жил, не делая никому зла. Я не занимался политикой. Не участвовал в Сумгаитском погроме². Я просто жил, пахал землю. Растил детей, хоронил в этой земле близких, делил свой хлеб с соседями-армянами из этого же села. Я никому не делал зла. А раз так, то и мне никто зла делать не должен. Возможно, где-то рядом совершались страшные злодеяния. Но я за них ответственности не несу. И вот ко мне прихо-

² Речь идет об армянском погроме в г. Сумгаите 27–28 февраля 1988 г.

дят и сгоняют с земли, заставляют за бесценок продать имущество... Я должен бежать с земли предков. Почему? Говорят, что где-то рядом люди моей национальности сотворили зло армянам. Но, даже если это было страшное зло, я лично в нем не участвовал. Наказаны жестоко и беспощадно должны быть те, кто совершил это зло. Мою неприкосновенность должно защитить государство. Это его святейшее право и долг — встать на защиту невинного человека.

Я, армянин, живущий в Азербайджане, работающий честно, вдруг по решению парткома выгнан с работы только за то, что я армянин. Возможно, что где-то рядом другие армяне чинили зло по отношению к азербайджанцам. Но я в этом зле не участвовал. А раз так, то я имею право на личную неприкосновенность.

Подчеркиваю: и в том, и в другом случае речь идет о личной неприкосновенности, личной вине и ответственности за нее. Никакая принадлежность, национальная, классовая, расовая или любая другая, не может быть основанием для ущемления моих прав.

Как мы мечтали о времени, когда эта идея восторжествует. И что же? Не успели начать говорить о правовом государстве, как сотни тысяч людей оказались лишенными крова, имущества, земли предков. Какая разница, какое значение имеет при этом, кто начал, кто виноват, чьи претензии справедливы? Можно бесконечно спорить по этим вопросам. И на каждый аргумент будет контраргумент. На каждую частную правду — такая же частная, неполная контрправда. Истина же в том, что не должен пострадать ни один невинный; не армянин, не азербайджанец, а просто — ни один невинный. Ни один мирно живший и не творивший зла гражданин.

Разве это не бесспорно? Разве найдется хоть один человек, чью бы сторону в этом конфликте он ни занимал, который не согласится с тем, что это должно быть только так? И разве не бесспорно то, что это право грубо нарушено обеими сторонами? Более двухсот тысяч беженцев, армян и азербайджанцев, насильно лишены крова, и это документально подтверждено. Люди, согнанные с земель, — не идеологи «Карабаха» или «Вятена», не активные участники национальной распри. Это просто крестьяне с расплюснутыми от работы руками, жившие у своих очагов, которых втягивают в политическую мясорубку.

Убежден, что, если наше общество, наше государство не сумеют отстоять их личные права и интересы, в каждом отдельном случае, по каждому отдельному акту несправедливости, тогда — ко-

нец. Конец перестройке, конец всему, с чем связывают такие надежды вся страна и все человечество. Как сможем мы учить другие народы новому мышлению, не сумев отстоять его в своем родном доме? И что такое государство, неспособное постоять за права каждого отдельного человека? Те самые права человека, о которых так много кричала наша интеллигенция и вопрос о которых вдруг оказался постыдно размыт в ходе путаных споров об исторических правах участвующих в конфликте наций.

Что же получается в очередной раз? Абстрактное подавляет конкретное? А тезис о национальных правах затаптывает даже воспоминание о правах личности? В чем же тогда перестройка?

За последнее время обе стороны, апеллируя к истории, очень часто используют понятие тоталитаризм, но они не сумели воспрепятствовать тому, чтобы этот тоталитаризм сегодня снова возымел место у них дома. Потому что нарушение прав личности в угоду какому-либо принципу или догме — это вот и есть самый настоящий тоталитаризм, его единственная суть.

Люди моего поколения, помните «Нюрнбергский процесс» Стэнли Крамера? Там на вопрос, когда это началось, судья ответил: «Это началось тогда, когда вы сознательно подписали смертный приговор ни в чем не повинному человеку».

Интеллигенция Армении и Азербайджана, сегодня, действуя от лица народов, мафиозный тоталитаризм подписывает такой приговор в ваших республиках. И как бы вы ни были убеждены в «правоте своей нации», как бы ни было оскорблено ваше национальное достоинство, ваш первейший долг сегодня — отстоять право личности, право каждого ни в чем не повинного беженца, забыв на это время о расправах.

Честь каждой нации требует, чтобы она сама сумела смыть этот позор. Потом можно будет требовать восстановления исторической справедливости, потом можно будет требовать кары преступникам с обеих сторон.

Сегодня двести с лишним тысяч человек требуют, чтобы о них вспомнили. Необходимо самое полное расследование дела о беженцах и немедленное восстановление их прав.

И вот когда это свершится, то вдруг, ко всеобщему удивлению, обнаружится, что за спиной Отелло, с каждой из двух сторон стоит свой Яго. И что подлинной подоплекой этого массового нарушения прав является подлая криминальная экономика.

Акция по сгону с земель дала мафии четыре миллиарда. Это — один процент национального бюджета. Точное расследование покажет, насколько верен этот расчет. Масштабы акции таковы, что есть все основания для сравнения организовавших ее сил с колумбийской наркомафией. Но то, что речь идет о фантастических прибылях, бесспорно. Вопрос: в чьи карманы попали эти миллиарды? В каком соотношении поделил между собой прибыль криминальный интернационал, с удовольствием обогащающийся под лозунгом защиты национальных интересов?

Маркс писал когда-то, что за триста процентов капитал продаст родного отца. За тысячу процентов можно пойти на любые преступления. Залить кровью родную землю, утопить в слезах родной народ.

Смотрите же, кто пришел. Пришел хищник, ничуть не менее жестокий, чем его предок эпохи первоначального накопления.

Рабочие и крестьяне Азербайджана и Армении, опомнитесь. Подумайте, так ли уж велики ваши национальные разногласия? И не больше ли разногласия групповые или классовые, сколь старомодным ни казалось бы сегодня это слово. Что если под аккомпанемент призывов к национальному очищению, в дымке романтических лозунгов и воззваний вами ловко манипулируют, чтобы под шумок обделать очень грязное и очень подлое дельце? Вспомните, сколько раз это уже бывало в истории!

О МЕХАНИЗМЕ СОСКАЛЬЗЫВАНИЯ

Литературная Россия. 1989. 30 июня; 7 июля; 14 июля; 1 сентября

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

Наука зиждется на сомнении. Во всем. И прежде всего — в том, что кажется очевидным. Уж, казалось бы, что может быть очевиднее лозунга: «От слов — к делу!» Но императив научного «ремесла» не позволяет просто и бесхитростно присоединиться к, казалось бы, столь естественному призыву. Сразу хочется доопределить, доосмыслить: от каких слов — и к какому делу?.. Додумать, как «технологически» осуществить такое преобразование. Возможно ли оно в принципе, и если возможно, то в какие слова аккумулярован сегодня максимум энергии, а значит, какие действия при предлагаемом переходе будут осуществлены?

Интуиция подсказывает (а точные социологические исследования подтверждают), что гипнотическую и, я бы сказал даже, магическую власть над массовым сознанием приобретают такие слова, как «геноцид», «партийная клика», «мафиозный заговор», «жидо-масонский заговор», «военная клика». А ведущим, центральным словосочетанием, «ключевым», как это называют психоаналитики, тем «Солнцем», вокруг которого вращаются планеты всех прочих «энергетических заклинаний» и «политических мантр», является, конечно же, самое раскаленное — «гражданская война».

«Предчувствие гражданской войны-ы-ы» — под аккомпанемент рок-оркестра; «гражданская война между народом и партаппаратом» — в мегафон почти на каждом из митингов; «без гражданской войны дела с места не сдвинешь» — это в такси, а еще чаще в подвозящих ночью частных машинах...

«Взял бы автомат, да и...» — это от каждого второго пьяного...

Сумгаит, Кировабад, ноябрьские события в Закавказье, Тбилиси, Фергана, Коканд... «От слов — к делу!»

Но лозунг — это, как определил еще в начале века Мигель де Унамуно, поверхностная история.

Интраисторию, реальную температуру общественного сознания, не в меньшей степени характеризует такая безобидная вещь, как анекдот, пародирующий лозунговую стихию... И тут, конечно, вне конкуренции следующий перл: «Перестройку – в перестрелку...»

«Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется...»

Увы, дано... Дано нам это предугадать, особенно если речь идет о горячем слове, брошенном на благодатную почву... С математической точностью предугадываемо действие такого слова всеми мастерами манипуляции массовым сознанием – от Геббельса до «теоретиков» социально управляемого общества и «системщиков», закладывающих в кейсы своих компьютеров экспертные матрицы и так называемые структурные модели «микровласти».

Интересно, какой процент мужчин и женщин (а последние порой ничуть не менее податливы на политические заклинания, чем сильный пол) воочию видел перестрелку? Вообще – войну, и тем более гражданскую? Те, кто видел, вспоминать не любят... Кричат же другие, зачастую те, кто не то что в перестрелке, а в первой же уличной потасовке начнет растерянно озираться и, по меткому выражению Бердяева, «апеллировать к родовому». Вопрос – почему же они так громко кричат, так яростно жонглируют обжигающими словами? Потому ли, что не ведают, что творят? Или оттого, что – да простится мне марксистская терминология – рассчитывают на «разделение труда», коль скоро Слово вдруг возьмет да превратится в Дело?

«Предчувствие гражданской войны!»

Да что же это получается? Костерили на всех интеллигентских кухнях большевиков за то, что они развязали эту самую гражданскую войну, и вдруг...

«Сон разума рождает чудовищ...» Характерно, что мы имеем дело с особым лихорадочным, конвульсивно деятельностным Сном, который Эрих Фромм назвал «сном на бегу». Общество лихорадочно бежит куда-то, в очередной раз не удосужившись уточнить – куда? То ли в Котлован, то ли в Светлое (теперь уже, очевидно, в капиталистическое) Будущее. Бежит, как кажется ему, от нестерпимости своего настоящего. Ему мнится, что хуже некуда и что лучше пускай будет и хуже, но только не так, как сейчас... Ой ли?

В Сумгаите я спрашивал тех, кто по роду службы имел оружие и кто по гражданскому темпераменту и уровню профессиональной подготовки мог и хотел вмешаться – и не вмешался. На мой вопрос – почему, рослый, с открытым лицом мужчина, поблед-

нев, ответил: «Мы охраняли хлор...» Сумгаитский резервуар хлора при взрыве может дать последствия не меньшие, чем Чернобыльская катастрофа.

Автоматическое оружие уже пущено в ход в Средней Азии. Ручные противотанковые гранатометы на вооружении у таких же стрелковых частей, у каких (больше — неоткуда) бралось, выкрадывалось, выкупалось стрелковое автоматическое оружие.

Итак, два фанатика, один РПГ-9 и...? А сколько хорошо вооруженных людей надо, чтобы уничтожить многомиллионный город? Москву? Ленинград? Новосибирск?

Десять? Двадцать? Тридцать?

Так ли уж нестерпимо плохо наше сегодняшнее состояние, чтобы звать, накликать эту самую гражданскую войну?

Днем и вечером у телеэкранов, вместе с десятками тысяч столь же растерянных и дезориентированных людей, наэлектризованных раскаленными словосочетаниями. Людям, по-видимому, кажется, что ЭТО необходимо.

Но ведь есть еще ночь. Есть дети. Есть страна, в которой им жить.

Что особенно поражало во всех горячих точках Закавказья? То, что дети оказывались втянутыми в далеко не детские «игры». И где? В регионе, где ребенок — средоточие смысла. Что же происходит?

Деформация социализма, застойный период, отчуждение, механизм торможения, инерция, командная система... Вавилонская башня слов... Раскаленная лава публикаций... Все — плохо... Все — надо менять. Всюду — незамедлительно вкладывать огромные средства... Вся страна как открытая рана...

Острый политический парадокс. С одной стороны, крик о том, что страна разорена, с другой, — истерия социального иждивенчества. Парадокс, рождающий невротическое состояние общественного сознания.

Дай — новую надежную энергетику!

Дай — экологическую безопасность!

Дай — товары народного потребления!

Дай — больше заработать предприимчивым людям!

Дай — социальную защищенность!

Дай...

Дай!..

Дай!..

...Откуда взять?!

И здесь предлагается такой простой и очевидный выход — частное предпринимательство. Стоит-де, мол, только взять и посадить на царство вместо большевиков министров-капиталистов — и все проблемы сразу решатся. Приватизация! Новое раскаленное слово. Никто не спрашивает, можно ли ее осуществить, как заработает этот новый механизм? Ведь там, у них, хорошо? Значит, и у нас тоже будет хорошо!

Оптическая иллюзия. Кажется, от нас до них — рукой подать!.. Но в том-то и парадокс, что при всей обманчивой близости между нами — пропасть.

Но кто сказал, что есть лишь два варианта? До каких пор мы будем оставаться в плену этого вечного «или—или»?

«О, дайте людям свободу мысли!»

«Странный вы мечтатель!», — ответил на это пылкое требование маркиза де Позы король Филипп. И исторический опыт, увы, свидетельствует в его пользу.

В самом деле, трудно и страшно дающему, но еще страшней и тягостней — берущему. Поскольку не умеет, не может, не хочет взять.

Гражданская война — это ясно, понятно, просто.

А свобода мысли?

В сто крат легче заменить лозунги, чем разрушить структуру лозунгового мышления, создать думающую личность, устойчивую к любому — подчеркиваю, любому — массовому психозу, интеллектуально независимую не только от государственных кабинетов, печатных органов, правых и левых, но и от групповых влияний, и даже, как ни страшно это прозвучит, от своих человеческих пристрастий. Ведь мы же требуем этого от тех, кто вершит суд над людьми. Как отнеслись бы мы к следователю, приобщающему к делу лишь эмоционально созвучные его восприятию свидетельские показания?! Или к судье, имеющему давнишние счеты с подсудимым и не берущему самоотвод?!

У меня — крупный фамильный счет к 30-м годам.

Но какое право имею я судить этот период, заранее зная, кто прав и кто виноват? Да в этом случае я даже и спектакль не имею права ставить, поскольку и у художника, и у ученого задача одна: добыть истину, а не облечь ее в красивую упаковку.

Говорить правду — гораздо легче, чем добывать ее.

И кто сегодня при решении вопросов о нашей исторической судьбе, о роковых механизмах, бросающих наше Отечество из одного катаклизма в другой, способен давать рецепты?

Только не очень умный и очень ангажированный человек.

«Никто не знает настоящей правды...» Искать ее мы обязаны все, изрекать — не смеет никто. Ибо каждое изреченное слово, подхваченное тем или иным общественным веянием, способно стать той самой искрой, от которой если и возгорится пламя, то пламя, в котором сгорят наши дети...

Мы обязаны выработать такую научную интонацию, которая (не сковывая свободы научного поиска) исключит превращение наших исследований в финки и автоматы еще одной гражданской, которая — а это понимает любой мыслящий человек — ох как легко может перерасти в третью мировую.

Сделать это не так уж трудно. Достаточно, отложив выяснение межгрупповых отношений до более мирного времени, прекратить жонглирование раскаленными словосочетаниями, начать распутывать гордиев узел, вместо того чтобы кромсать его тупым ножом.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ

Любое общество, совершенствуясь, решает совместно проблемы функционирования и проблемы развития. Последние приоритетны. Заботясь об элементах нового и жертвуя во имя их чем-то в своем настоящем, общество сознает, что именно новое поможет ему решить все, в том числе и текущие, его проблемы, сколь бы остры они ни были. Общество, не создающее внутри своего настоящего реальных материальных плацдармов будущего, больно. Кризис социализма как общественно-политической системы — налицо, но это кризис социализма индустриального. Это кризис функционирования, порожденный отсутствием моделей развития.

Представим себе сегодня «чистый», индустриальный капитализм. Это ведь тоже ничуть не менее, а то и более нездоровая система. Ныне развитие той или иной капиталистической державы полностью определяется тем, насколько она сумела угадать и начать строить свое постиндустриальное завтра. Ярчайший пример — Япония.

Наша общественно-политическая система в 20-е и 30-е годы могла развиваться и, наконец, просто быть лишь постольку, поскольку вся, безоглядно, была опрокинута в свое будущее. Будущее это для полуфеодальной России было будущим индустриальным.

Вопреки чудовищным патологиям сталинской системы общество было живым. Мы и теперь задаемся вопросом, как совмес-

тить репрессии, культ личности — и, безусловно, духовный тип человека, сформированный в эпоху индустриализации. Классификация по принципу «было плохое, а было и хорошее», чем занимались и с успехом продолжают заниматься «шестидесятники», сегодня абсолютно неубедительна.

Про плохое говорится ярче, активнее, энергичнее, а раз так, то — вопреки исторической правде — общество, и прежде всего молодежь, убеждается: было только плохое, хорошее — идеологический блеф. «Шестидесятники» сметены, начинается шабаш. Сказать же подлинную правду о сталинизме можно лишь изменив систему интеллектуальных координат и жестко разграничив понятия — «общество» и «система». В какой-то мере именно степень обладания будущим определяет уровень иммунитета общества по отношению к патологиям своей системы. Не понимая этого, мы можем лучше или хуже анатомировать труп или же разыграть черную мессу. Но ритмы и противоречия жизни в тот бесконечно сложный период будут от нас ускользать. Инструменты не те, технологии исследования неэффективны.

К концу 40-х годов индустриальность в СССР из радужной перспективы превратилась в прозаический факт. Перед страной во весь рост встала проблема «нового» будущего. Решить ее маразмизирующий сталинизм, естественно, не мог. На Хрущева и пришедшую с ним команду «шестидесятников» была возложена сложнейшая историческая миссия — реформировать, вывести из кризиса индустриальный социализм и — одновременно — дать стране будущее.

Итак, Хрущев, понимаемый сегодня в основном лишь через призму либерализации, должен был решить многие задачи помимо разоблачения «культа». Само по себе такое разоблачение могло лишь «подживить» начинающее окостеневать общество на сравнительно недолгий срок — за счет высвобождения негативной энергии по отношению к действительно чудовищным злодеяниям сталинизма.

«Сжигая» сталинизм, можно и нужно было разогреть общество прежде всего для антикризисной реформы индустриального социализма. Реформы такого типа — это совокупность мер, эффективно и в кратчайшие сроки устраняющих только самые крупные наросты и патологии, мешающие решить проблемы развития. Дальнейшее и более скрупулезное копание в механизме, не обладающем энергией будущего, бессмысленно. У каждого общества

есть естественные пределы в улучшении своего настоящего, и нелепо делать его более привлекательным, чем оно могло бы быть. Во сто крат важнее думать о будущем. С упорством, достойным лучшего применения, «шестидесятники» «чинили» хозяйственный механизм, «догоняли» индустриальный капитализм по производству вещей на душу населения и взяли в этих «улучшениях». Искренне желая сделать индустриальный социализм лучше, чем он мог стать по своей природе, они делали его хуже, чем он мог бы быть. Так чересчур чадолюбивые родители пытаются «вогнать» свою неказистую дочку в стандарты суперзвезды, принося в жертву не только ее здоровье, но и здоровье ее детей, свое будущее...

Уже к началу хрущевского периода будущее социализма полностью определялось его способностью производить творческий, интеллектуальный продукт, по существу дела единственный продукт, органически свойственный обществу, провозгласившему «тотальное творчество» своей высшей целью и ценностью. Используя духовный потенциал «оттепели», мы к середине 60-х могли создать плацдармы постиндустриального социализма. Разумеется, для этого необходимо было иметь осуществленными немногие ключевые реформы конца 50-х и вместе с тем оставить в покое свою от рождения неказистую экономику.

На существование в 60-е годы такой возможности указывает хотя бы интерес США к решению у нас в стране проблемы использования интеллектуального капитала, интеллектуальных сил общества. Учтя наш опыт, они осуществили рывок. Мы же взяли у них химизацию, кукурузу. Мы растворили коммунизм в несостоятельной концепции изобилия. И, как итог, начали пробуксовывать.

Эйфорическую радость по поводу того, что индустриальный социализм вот-вот будет улучшен, вытеснило постепенно разочарование. «Дочка», которая, не имея задатков «суперзвезды», ею, разумеется, не стала, превратилась в «падчерицу», которую если кто и мог взять замуж, так только очень и очень неразборчивый или корыстный жених, преследующий свои, весьма далекие от идеальных, цели.

Так началось разрушение социальной мотивации, которое ко второй половине 70-х годов приобрело характер мотивационной катастрофы. В отличие от экономической стагнации, которая вторична (!), мотивационная катастрофа осталась и по сей день неотслеженной и неосмысленной. А ведь именно она лежит в основе

всех экономических, социальных, политических болезней, поразивших наше общество. Тяжесть их, по-видимому, до сих пор еще до конца не осознана.

Наше понимание закономерностей, управляющих развитием — или деградацией — общества, осталось на уровне начала 60-х годов. Мы слепо верим в чисто экономические законы, хотя вот уже более десяти лет весь мир развивает сначала социологическую, потом психологическую и даже этическую экономику.

В то время как в Японии изучали опыт первых пятилеток как способ экономически эффективного использования психологических ресурсов, мы сосредоточились на ускоренной распродаже сырья и — разрушении психологических ресурсов общества. Нам до сих пор в диковинку, как это кто-то может использовать — вместе, разом (!) — психологические (и уж тем более этические!) и экономические категории. Для нас в этом — нарушение чистоты жанра, его эклектика. Увы, вне этой «эклектичности» сегодня никому не дано оценить перспективу развития, распутать весь узел противоречий.

Общество 70-х годов — это «общество разочарования». Его экономика — это экономика разочарования. Характерные черты — заимствование, подмена созидания добыванием. В самом деле, а во имя чего созидать? Концепции будущего нет, настоящее уныло.

Ситуация поистине трагическая, сложившаяся у нас с вычислительной техникой, имеет своим источником все то же разочарование. Мы-де заведомо хуже, а раз так — зачем надрываться, зачем создавать свои машины?! К чему это приведет? СССР отстал в области вычислительной техники не только от США и Японии, но и от Южной Кореи. Мы производим компьютеров меньше, чем Тайвань, и они хуже по качеству.

Но главное — мы капитулировали психологически. И не только в вычислительной технике. Нет, пожалуй, уже ни одной отрасли, в которой бы мы не продекларировали свою несостоятельность, подчас даже вопреки объективной реальности. И разве не разочарование, не смена ценностных ориентаций легли в основу скачкообразного роста «теневого бизнеса», а если уж называть вещи своими именами, то криминальной национальной буржуазии, заявляющей о своих политических претензиях — пока лишь (!) — в ходе национальных конфликтов?

В массовом сознании возникла и закрепилась как будто сформированная намеренно, забавная, с точки зрения любого серьезного

информационного аналитика, иллюзия, что капитализм — это и есть демократия. Идеалом рая земного для советского обывателя стали Швеция, Швейцария, на худой конец — Соединенное Королевство. Не вступая в дискуссии, просто как технолог, как человек, привыкший просчитывать сценарии возможного разворота событий, хочу сказать, что это нам «не грозит», извините, попросту «не светит». А вот колумбийский вариант — эдакий мафиозный тоталитаризм со специфическими оттенками для каждой из союзных республик — теоретически не исключен. Один из отечественных «бизнесменов», очевидно контролирующих южные плодоовощные республики, высказался по этому поводу вполне определенно: «С большевиками покончено, скоро возьмемся за либералов. — И забавно перефразировал Николая Шмелева: — Эффективно то, что безнравственно».

В отличие от наших прекраснородушных «шестидесятников» деятели преступного бизнеса в СССР, контролирующие не менее ста (!) миллиардов рублей, поделили страну на зоны влияния и свободно налаживают связи со своими зарубежными «коллегами», вплоть до откровенного участия в международных «форумах». Они-то прекрасно понимают, что первична политика, а не экономика. Они озабочены прежде всего вопросом о власти.

В обществе разочарования силы стремительно поляризовались. На одном полюсе — официозный камуфляж, хорошая мина. И чем сильнее разочарование, тем толще слой грима, тем алей румяна. Сложился своего рода негативный консенсус. Ярмарка 70-х предложила два типа невест — на выбор: румяную куклу или оскобленный скелет. Одержимые игрой в правдолюбство, мыслители в массе своей выбрали вторую модель. Обыватель, жаждущий покоя, — первую. А работники идеологического фронта, занимающие промежуточное положение, как сказано у Чехова, «женились сразу на двух». При тотальном господстве подобной схемы мы с вами уже перестали бы есть, пить, одеваться, не говоря уже — запускать космические корабли.

Борьба с этой схемой — шла. Причем буквально не на жизнь, а на смерть. Увы, об этой борьбе пока еще сказано мало. Боролись те, для кого общественно-политический идеал сохранил свое обаяние. В известном смысле здесь сложился широкий демократический фронт. В него, хотя он не был ни зарегистрирован, ни провозглашен, вошли «спасатели» всех видов: как известные обществу имена, так и безвестные, и столь общественно непопулярные работники «органов» из числа тех, кто пытался остановить коррупцию (другие поддержива-

ли ее, а для одураченного общественного мнения все были одним миром мазаны), и столь же «непопулярные» партийные лидеры, включая члена Политбюро, по поводу преждевременной кончины которого Брежнев плакал³. (Леонид Ильич вообще был сентиментален. Или по крайней мере с успехом играл эту роль.)

Крайне важно осознать, что, распахивая дверь перед теневыми дельцами, Брежнев опирался не только и не столько на бюрократию, которая была совсем не так монолитна, как это пытаются сейчас изобразить, а на весь негативный консенсус. Трагедия «шестидесятников» состояла в том, что их благородный критический пафос был активно подхвачен и перехвачен! Это нетрудно было сделать, поскольку позитивные модели, творимые «шестидесятниками», не убеждали и убедить не могли. Подобно тому как в конце 20-х годов никто уже не мог заставить сколько-нибудь мыслящие слои верить в то, что торгующий пирогами нэпман «социалистичней» Саввы Морозова, так же в 70-е стало ясно для думающего большинства, что всерьез построенное на частной собственности и крупном капитале общество работоспособней так называемого «рыночного социализма».

«Шестидесятники» от политологии «громили» Сталина и традиционный социализм, пытаясь отстоять, «высветлить на контрасте» и даже отмыть от копоти образ Ленина-либерала, Бухарина, как его преемника, и НЭП, как единственно истинную модель. Те, кто шел следом за ними, выждали, пока «шестидесятники» сделали свою работу, а потом без труда не оставили камня на камне от самих «шестидесятников». Логика соскальзывания была проста: если Ленин (читай: Бухарин) лучше Сталина, то Мартов лучше Ленина. Каутский лучше Мартова, а дальше — либо «Память»⁴, либо «Демократический союз»⁵. Но только не «красные».

В истории такое повторялось не раз. Главное, чтобы Карно расправился с Робеспьером, а уж дальше Баррасу расправиться с Карно не составит труда. Не успели «шестидесятники» распотрошить классику, как настал их черед... Это и есть соскальзывание.

³ Речь идет о первом секретаре ЦК Коммунистической партии Белоруссии П.М.Машерове, погибшем 4 октября 1980 г. в автокатастрофе.

⁴ Общество «Память» — общественная организация, возникла в конце 70-х—начале 80-х гг. XX в. Являлась самой заметной русской националистической организацией того времени.

⁵ «Демократический союз» — радикально-либеральная организация. Был создан в мае 1988 г. В августе—сентябре 1988 г. провел в Москве два антикоммунистических митинга.

Брежнев получил политическую индульгенцию. Он как бы нес персональной ответственности за происходящее. Все списывалось на систему. И даже более того. Поскольку очевидную для всех правду необходимо было скрывать, как раковый диагноз от больного, то и его собственное поведение было для всех оправдано. Говорит и не верит? А как же в такое можно верить?.. Затыкает рты? А как же можно про такое распускать языки? Нагло жлет? А что ему остается делать в такой ситуации? Общество было идейно обезоружено, способно только на горький смех, и Брежнев был даже необходим для него в качестве посмешища.

Перестройка пришлась на момент социального шока. Смерть Андропова... черненковский коллапс... призрак Гришина⁶... Унижение было столь велико, что мобилизовались все. Время разочарований кончилось. Наступило время новых надежд. Оно у всех на памяти, и поэтому я позволю себе обратить внимание только на один аспект. Все надеялись на разное, всяк на свое. Ключевым в этой ситуации был вопрос об авторитете самой партии. Она сделала ставку на демократизацию. Пожалуй, единственно возможную. Но социальные процессы, вызванные таким ферментом, требовали замены репрессивного авторитета духовным.

Поначалу простой отказ от репрессивности дал мощный положительный импульс, показавший, что мотивационные сдвиги обратимы, хотя бы в какой-то степени. Люди выстроились в очереди за газетами. Напряженность ожидания — работает или нет репрессивный тормоз на очередном идеологическом вираже? — по своему накалу могла соперничать с хоккейным матчем СССР—Канада. Назывались имена политических деятелей, ускоряющих и тормозящих, за них болели, на них молились. Кооперативы даже выбрасывали, кажется, по три рубля за штуку значки с лозунгами в поддержку одних и в порицание других. Само по себе это было прекрасно. Постольку, поскольку возвращало горячее внимание туда, куда давно уже было обращено холодное презрение и равнодушие. Постольку, поскольку показало нам всем, сколь велики ресурсы жизни в этой, казалось бы, застывшей стране. Постольку, наконец, и это главное, поскольку был

⁶ В.В.Гришин с 1967 г. — первый секретарь МГК КПСС, с 1971 по 1986 г. — член Политбюро ЦК КПСС, после смерти Черненко считался одним из кандидатов на должность генсека. В начале 80-х гг. его имя фигурировало в громком деле директора московского магазина «Елисеевский» Ю.К.Соколова, расстрелянного по статье за взяточничество.

сделан первый шаг к информационно свободному обществу. Вне этого никакое развитие невозможно. Любой вариант, любое блокирование информационного потока равносильны интеллектуальному параличу. Но чем меньше возможности приказывать, тем больше должно быть умения убеждать. Демократизация требует новых методов управления социальными процессами, в противном случае этим займутся другие. Они и занялись. К тому времени у них накопился абсолютный опыт неявных методов социального управления. У партии же он, по существу, отсутствовал.

Инициаторы перестройки пришли в общество с уже сложившейся расстановкой сил. И те и другие силы стали тянуть каждая в свою сторону. Игнорировать же расстановку сил в условиях снятия репрессивного механизма нельзя. Остро понадобился маневр между Сциллой и Харибдой. Последнее было возможным в условиях жестко определенной цели и четко прописанной технологии. Цель уже определил Апрельский пленум 1985 г. и детально обрисовал XXVII съезд. Суть состояла в преодолении технологического отставания⁷.

В неявном виде был выдвинут лозунг спасения страны, подхваченный самыми широкими силами. Настало время осуществлять намеченное. На повестку дня встал вопрос о социальных технологиях, и ... карт-бланш получили «шестидесятники». Причин тому было немало. Во-первых, «шестидесятники» пользовались заслуженным социально-политическим авторитетом. Они сохраняли веру в возможность строя, а значит, и мотивацию к поиску средств его излечения. Во-вторых, у них на руках сохранились готовые рецепты, в ответственности которых они были убеждены столь же свято, сколь и в пору своего расцвета. В-третьих, ряд выдвигаемых ими максим был очевиден, в первую очередь — последовательный антисталинизм. Итак, «шестидесятники» получили право действий, использовали его, и тут же началось соскальзывание. Уже на деле.

Вкратце — паллиатив не сработал, как и в 20-е годы. Не злая воля «демона-искусителя» тогда совратила наше общество, а беспомощность полумер, претендующих на либерализацию, которая и катализировала диктатуру. То же самое может произойти и сейчас. Любая концепция преодоления технологического отставания требует решения вопроса о ввозе новой технологической базы. Этот вопрос, в свою очередь, требует указания на экспортный продукт, за счет которого

⁷ На Апрельском пленуме 1985 г. был выдвинут лозунг «ускорения» как способа преодоления технологического разрыва между СССР и Западом.

ввоз может произойти. В 20-е годы, как известно, таким экспортным продуктом был хлеб. Что может стать им сегодня? Займы, концессии? Как тогда, так и сегодня эти меры дела не спасут. Сырьем, дешевой рабочей силой и экологическими ресурсами за новые технологии не рассчитаешься. А что же тогда?

Классическая перестройка сделала ставку на следующий, допустим, второй этаж технологической пирамиды – производство вещей. И здесь сразу же возникло одно трагическое обстоятельство. Брежневское процветание жило займы у своих основных фондов. Мы задолжали им несколько триллионов рублей. Возместить их в короткие сроки невозможно. Без этого же на мировой рынок выйти нельзя. К тому же культура рабочей силы, преодолевающей технологическое отставание, мгновенно сформироваться не может.

Выход, как ни странно, в перескакивании через этаж. В использовании интеллектуального капитала. Хлеб 20-х годов может быть сегодня заменен интеллектуальным продуктом.

Мы просто не заметили, как обе системы – капитализм и социализм – перешли в постиндустриальную эру.

С точки зрения предъявляемых ею требований социализм имеет ощутимые, пожалуй, даже решающие преимущества. Духовная почва, выжившая даже после чудовищных патологий, способна плодоносить. И плоды эти могут иметь для экономики страны решающее значение. Стоимость программного обеспечения («софтвера») составляет до 75 процентов стоимости компьютера, и в том, что касается именно этого «продукта», мы уже конкурентоспособны.

Но, чтобы этот механизм заработал, мы уже сегодня должны приступить к созданию постиндустриальных зон, «полюсов роста», сознательно сместив акценты на социальные группы, которые способны этот продукт производить. Причем акцент этот должен быть одновременно и политическим, и экономическим. Необходимо безотлагательно сделать все, чтобы у тех, в ком воплощена интеллектуальная мощь страны, возникло осознание своей нужности, чтобы они наконец перешли из группы «просителей» в группу, наделенную «политическим доверием», располагающую широчайшими возможностями для творчества. Путь к этому – создание (сначала точечных, а затем и более масштабных) зон интеллектуального производства. Это – и решение целого ряда текущих экономических проблем, и, что, вероятно, еще важнее, построение плацдармов будущего социализма.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ

Еще сорок лет назад Эрих Фромм предупреждал, что коммунисты проиграют все, если только включатся в потребительскую игру. Вне протестантской этики, заполнившей нравственный фундамент здания капиталистической экономики, неминуемым стал бы бандитский рай, общество самосъедания. Ох, как хорошо капиталисты это понимают! Как умело расходуют нравственные, психологические ресурсы общества! При изобилии товаров – сколько сил прилагают к тому, чтобы сдержать потребительскую лихорадку! Много ли Рейган говорил о прибыли? Главная его тема – американские идеалы! А Рузвельт? А прочие капиталистические реформаторы? Перелистайте их речи.

Может быть, я говорю о слишком высоких материях? Но к чему, скажите на милость, может привести разжигание потребительских appetites в условиях товарного голода, удовлетворить который нет сегодня никакой возможности? Не кооперативными же бантиками его удовлетворить?!

Но если все-таки свершится худшее и страна пойдет именно этим путем, путем займов и ввоза товаров, то и это – опять экономический гипноз! – не столько поможет удовлетворить спрос, заткнуть «черную дыру», сколько произведет субъекта такого спроса. Субъекта безусловно колониального! Уже Африка поняла, что это путь в пропасть! А мы? Страна до сих пор располагает огромными духовными возможностями! Но разве же не ясно, что их испарение есть самый страшный для нашей экономики процесс? Или же мы до сих пор ничего не научились считать, кроме тонн и километров?

Общество не в силах начать производить что бы то ни было, пока ему не укажут будущего. Это будущее для нашей страны связано с социализмом. Но не с развитым или реальным, а с социализмом постиндустриальным. Таким, каким он и был задуман людьми, осознававшими, что из разрухи данный народ, данную страну можно вытянуть лишь указав очень крупную, в каком-то смысле эсхатологически значимую цель.

На языке серьезной «экономики» – то есть экономики математической, потому, увы, малопонятной, в отличие от поп-жанра, наспех тиражируемого на потребу разочарованному, социально дезориентированному и не слишком грамотному потребителю, – это означает, что функционалы развития должны оптимизироваться с учетом

иерархии потребностей. Как только вводится эта «весовая функция», оптимум начинает сползать в сторону от рынка, который действительно оптимален при так называемой «единичной» функции, уравнивающей все потребности. (Подчеркиваю: не эксплуатирующей только низменные потребности, как учили массы парикмахеры от политэкономии, а уравнивающей все. Хотите — читайте Томаса Манна и Платона, хотите — колитесь наркотиками, рынку все равно. Только не наносите вреда другому.) Рыночная модель, казалось бы, очень красива. Оттого и боялись ее обнародовать. Но ведь все дело в том, что при таких начальных условиях происходит стремительное «вымывание» высоких потребностей и «весовая функция» из единичной фатально превращается в так называемый «колокол» — быстро убывающую функцию с максимумом в нуле...

Функционировать при таком «обнулении», то есть доминировании низших потребностей, можно. Развиваться — нельзя.

Неужели опыт Японии, интеллектуальных коммун и стилей, ставших базой для постиндустриального производства в США, так ничему и не учит?

«Можем ли мы достичь и социального, и экономического прогресса одновременно?» — задает вопрос один из ведущих обществоведов Запада А.Этциони, говоря о кризисе конца 70-х годов. И твердо отвечает: «В ближайший период — нет!» И мне хочется спросить наших экономистов, как собираются они решать эту проблему в стране, которая разорена несравнимо сильнее, чем Америка 70-х? Невозможное у них — каким образом станет возможным у нас? Мы и так уже живем не по средствам. Будущее десятилетие может быть для нашей страны или страшным, или суровым. Суля красивую жизнь, западные стандарты потребления — в какую яму толкают этот несчастный и, увы, бесконечно доверчивый народ? В чем завтра придется нам каяться перед своей страной и примет ли она в очередной раз это покаяние?

Перестройка дала мне, как творческому человеку, — все. Защита перестройки — для меня не социальный заказ, а жизненная необходимость. Но как бороться за перестройку — сегодня?

Еще год назад казалось, что главное — убедить делом, что ни в какие идеологические дискуссии включаться не надо. Увы, оказалось, что разрушать быстрее, чем строить. Поэтому молчать далее невозможно — следует говорить начистоту. Все как есть.

Перестройке угрожают две опасности.

Слева — те, кто уныло верит в железное здоровье системы. Справа — кто убежден, что вылечить ее нельзя. Слева, как ни парадоксально, — консервативная бюрократия. Справа — мафиозный тоталитаризм национальной криминальной буржуазии, уже рвущейся в политические бои. И справа, и слева — свое идеологическое обеспечение, причем у правых уровень идеологической квалификации на несколько порядков выше.

Талантливость, с которой благородная энергия антисталинизма оказалась превращенной в инструмент развинчивания всех гаек государственного механизма, вызывает тревогу и уважение разом. Уже и Степан Бандера — жертва сталинских репрессий!

Правда, правых в очередной раз подводит их биологический антидемократизм. Они, пожалуй, не учли (потому что искренне презирают) широкий слой средней научно-технической и гуманитарной интеллигенции, думающих рабочих, а таких немало, тех, кто не просто принял перестройку всерьез, а полон решимости проводить ее вопреки и правым, и левым. Может быть, этот слой еще до конца не ощутил всей опасности и оттого не сказал свое слово. Но, свидетельствую, вопросы уже раздаются.

Разве не видно:

— что национальные кризисы не есть оздоровление, а неизбежный социальный регресс, следствие потери консенсуса, общей идеи, развития. Если не «пролетарии всех стран...» и не репрессивный механизм, то — отъединение... Это естественно. Как говорят сейчас во многих республиках: «Капитализм мы эффективней построим без вас»;

— что кооперативы продемонстрировали свою экономическую неэффективность. Производительность труда в них вдвое ниже, чем в инвалидных артелях (выработка на одного работающего соответственно 700 и 1400 рублей в месяц). При этом 93 процента дохода направлены кооперативами Москвы в фонд заработной платы и только 7 процентов — в фонд развития. К сожалению, многие гораздо более «серьезные результаты» требуют слишком специального разговора;

— что в условиях мощной теневой структуры миграция ресурсов идет отнюдь не туда, куда этого требуют интересы развития. Неравенство прав госпредприятия и кооператива чревато развалом государственной промышленности;

— что частные накопления, достаточные для серьезных инициатив, в массе носят субкриминальный характер (до 20 процентов руководителей кооперативов попросту имеют криминальное прошлое);

– что именно теневой бизнес владеет по-настоящему мощным, вполне соразмерным государственному капиталу и что этот теневой бизнес давно находится в контакте с международным преступным миром. Уже одного этого достаточно, чтобы полностью заблокировать рынок. А кооперативы – выкупить на корню. Уж не ввести ли антитрестовское законодательство? (Вот один из примеров: в Москве остановлен рост общепита. По сути, это сигнал о том, что кооперативный общепит монополизирован теневым бизнесом. А чем такая монополизация лучше государственной?);

– что общественное мнение, расколовшееся, условно говоря, на «Память» и «Демократический союз», уже начинает разрываться на части наш «конвент» и что линии консолидации не могут миновать консенсусную социалистическую идею;

– что западноориентированные силы все более и более оперируют, скажем так, «супердемократической» компонентой западной культуры, производя – и не без успеха – соответствующий тип социального субъекта, а убедительной альтернативы не слышно, и отнюдь не потому лишь, что ее нет вовсе;

– и, наконец, что все это в совокупности с массой других обстоятельств, которые просто невозможно перечислить в рамках одной статьи, – все это миром не кончится. И дело не только в национальных окраинах. Вопрос шире и еще серьезней.

Отсутствие модели будущего и мощный, скажем так, «негативный потенциал», накопленный нашим обществом в предшествующий период, плюс неотвратимый – и это нужно сознавать – экономический кризис приводят к тому, что молодежь и интеллигенция прежде всего, а в общем-то самые широкие слои общества соскальзывают к состоянию, свойственному социуму, переживающему культурную агрессию. Это явление, обычно поражающее колониальные общества, характеризуется патологической зависимостью от метрополии в разных формах и сочетаниях. Это и «истовая тяга» приобщиться к культуре метрополии, и столь же истовое, если не истерическое, отстранение от всего, с этой культурой связанного. Как в том, так и в ином случае процессы носят ритуальный характер и описываются в терминах религиозных. Это либо причащение к новому богу, либо изгнание беса. И – в любом случае – неверие в состоятельность старого бога. Неявно присутствующее в националистических речениях и эксгибиционистски декларируемое в сообществах и группах противоположного толка. Дальнейшая траектория соскальзывания

легко просчитывается. Уже сейчас объединившиеся вокруг национальной идеи и объединившиеся вокруг идеи западной находятся в состоянии необъявленной войны.

Исторический опыт показывает, что тотальный нигилизм по отношению к ценностям, выстраданным кровью нескольких поколений, вне новой идеи чреват смутой. Основная, объединяющая, как ни парадоксально, обе стороны идея — истребление всего инакомыслящего. Финал подобной схватки очевиден. Либо опять возврат к репрессивным механизмам, а значит и полное разрушение перестройки, либо «самосъедание».

Поразительно, как на фоне этой чрезвычайной ситуации оказалась неэффективной идеологическая машина. Так называемые «кадры» менее всего способны отстаивать первородство. Отстоять не окриком, а в открытой политической дискуссии, обозначив прежде всего не утопические пути преодоления наметившейся «колониальности» и сразу же начав осуществлять соответствующие проекты.

Идея постиндустриального социализма, стратегия «прорыва» в области интеллектуального производства — это новое строительство на еще не освоенных социальных территориях. Не надо запугивать общество централизацией, сталинизмом как якобы неизбежным побочным продуктом такого рывка. Аналогия рассчитана на обывателя. Сегодняшняя стратегия постиндустриального прорыва никакого сходства с 30-ми иметь не может. Грабить некого и незачем. Современная технологическая база содержит слишком много — на два порядка больше, чем в 30-е годы, — элементов, а срок ее морального старения не 20 лет, а по некоторым позициям — 2–3 года. Иначе говоря, пересадить всю Америку на нашу почву нельзя, а если бы и можно было, то эта трансплантация раньше устареет, чем привьется.

Выход один. Ввозить в страну технологии и машины не тоннами и не заводами, а «под идею». В стране есть крупные идеи, опережающие уровень мирового развития, каждая из которых требует своей технологической цепочки, подобной отдельной нитке, выдернутой из ткани западной высокоразвитой экономики. В совокупности с опережающей идеей эта нитка может начать производить продукт, конкурентоспособный на мировом рынке. Так, нитка за ниткой, мы можем перетаскивать технологическую базу и выходить на мировой рынок. Процесс невероятно сложный, требующий терпения, политической целеустремленности, сочетания прагматики с энтузиазмом. Такое в истории нашей страны уже было. Для меня альтернативной

Сталину фигурой был и остается — подчеркиваю — не Бухарин, а Леонид Борисович Красин. И хотя модным стало сегодня заявление о том, что катастрофа 37-го имеет отправным пунктом ноябрь 17-го, я считаю необходимым обозначить другой рубеж.

XII съезд РКП(б) (апрель 1923 г.) Зиновьев: «...Мы попросим некоторых наших товарищей, которые слишком часто суются к нам со словом "не компетентны", чтобы они забыли это слово». И — они забыли.

История не должна повториться.

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ

Вооруженный компьютером человек, делающий прогнозы, столь же беззащитен, сколь и те, кому он предрекает несчастье, однако намного более уязвим, чем они.

Он может либо спасти себя и своих близких, либо... «Восстать», — скажет романтический поэт. «Искать заклятие против злых чар», — скажет мистик.

Для аналитика речь идет всего лишь о «рекомендациях». Кому? Сегодня — любому, кто захочет услышать и сможет понять. Неважно — сколько таких. Лишь бы были...

Рекомендуется остановиться, тщательно сориентироваться и лишь после этого начать двигаться дальше, либо скорректировав путь, либо вовсе другим путем, но к той же цели;

— выкинуть на свалку все карнавальные атрибуты, маниловские сны наяву по поводу скорого пришествия сладкой жизни и честно признать, что нам предстоят тяжелые испытания, десятилетие подвижнического труда; что на повестке дня аскетизм, жесткость, трудолюбие, трезвость — экономическая, политическая, гражданская; что нам придется расплачиваться за многое... Выдержим — будет достойная жизнь, нет — обречем детей на рабство и гибель;

— вернуть ту атмосферу взаимодоверия, без которой все разлетится в пух и прах, нормальным человеческим взглядом взглянуть на иных, чем ты, — иномыслящих, иноверующих, иноязычных и т.п., с которыми уже изготовились драться в «последнем и решительном». Не хотите? Не можете? Противно? Страшно?

А другое вас не пугает?

Работник ЧАЭС, видевший, как загорелся чернобыльский реактор, рассказывал:

«Стою я, значит, у окна и думаю — сейчас рванет. И знаете, в этой же комнате дети спят. И у меня мысль: разбудить, спрятать — и тогда есть шанс, что выживут... Или все оставить, как есть, чтоб если, чтоб так сразу, не мучаясь, значит, если рванет...»

Тогда — не рвануло. Нынче не может уже не рвануть — предвещает компьютер: «Манэ, тэкэл, фарэс...» — «исчислено, взвешено, разделено...»

Рекомендуется — от добывания (каждому — для себя) «косметических» улучшений уровня жизни перейти к созиданию нового качества жизни для нашей страны, к подвижническому труду всего народа для воплощения Идеи, рожденной в «монастырской» тишине, но обсужденной и принятой соборно, «на площади». Может, это (последнее — и основное!) пугает обывателя больше всего? Не первый раз в тысячелетней истории нашей страны мы, завидя бедствие, почему-то пускаемся в разгульный, бесшабашный пляс (кто пляшет, а кто только в ладоши хлопает) с тем, чтобы, когда бедствие уже свершится, вдруг из плясунов и зевак превратиться наконец в единый народ.

Почему так хочется гульнуть напоследок? А потом? «Суп с котом, плетью обуха не перешибешь, утро вечера мудренее, ломать — не строить, душа не болит...»

Так ли? Компьютер предрекает: «Знайте: этой зимой уже может не хватить топлива для того, чтобы согреть ваши дома в сорокаградусный мороз, столь частый у нас восточнее Урала, там, где почти все котельные работают на угле. Знайте: забастовки на транспорте — это анархия, голод, эпидемии. Столбцы экономической отчетности сулят апокалипсис вашим детям. Отбросьте суетные мотивы. Остановитесь, закройте глаза, послушайте тишину... Услышали? Теперь всмотритесь в окружающую вас черноту... Всмотрелись?... Увидели и услышали, что будет с теми, кто вами любим, через три года? Через год? Этой зимой? Теперь откройте глаза и сами себе скажите: "Мы у красной черты... Ни шагу вперед!"»

Ни шагу вперед — не исчислив, не взвесив, не разделив.

Рукописи не горят... И компьютеры тоже... Горят творцы рукописей и программ, говорящих не то, что хотят услышать, указывающих на то, чего не хотят видеть... Ныне и присно и во веки веков...

Да пройдут мимо нас призраки прошлого! Как сравнительно близкого, куда направлено сейчас «покаянье», так и очень далекого...

Пусть не увидят дети ужасов сталинизма, о которых так много сейчас говорят, но чур их и от того, о чем сегодня молчат: от кошмаров смутного времени, монгольского (или тевтонского) ига, междоусобицы русских князей... Пусть строят Будущее...

Но всмотритесь и вслушайтесь, вчитайтесь и вдумайтесь: где-то рядом, поблизости, пишется иной сценарий, строится иная ретроспектива – чудовищный поворот времени вспять, и дальше – часы без стрелок, остовы атомных электростанций, горящие города... Хаос. Привожу оценку из политологических центров, расположенных в Калифорнии: «По степени восприимчивости к мифологемам общественное сознание советских граждан близко иранскому или нигерийскому. В СССР мы сталкиваемся со всеми признаками распада традиционного общества... Вряд ли такой процесс будет протекать бескровно... Не исключена потеря целостности... В этом случае социальная детонация может привести к гибели 5–7 процентов населения».

С распадающимся традиционным обществом «там» работать умеют... Главное – никакого грубого вмешательства... Стоит только чуть-чуть подействовать в направлении собственных процессов – «туземцы» сами соскользнут (!) в нужном направлении. «Туземцы» – это, разумеется, «четвертый (!) мир». Итак, расчленение страны на части, война между слагающими СССР народами («ливанский сценарий»), этнопартийные диктатуры («нигерийская схема»; по-видимому, даже в Эстонии при таком раскладе парламентская демократия удержаться не сможет), десятки миллионов беженцев, распад инфраструктуры, голод и эпидемии – вот что грозит нашему обществу, если оно не опровергнет оценку западных политологов по части высокой «восприимчивости к мифологемам». А попросту – вопиющей политической безграмотности, амбициозности и доверчивости – необходимым слагающим политической истерии и массового психоза... Им этого хочется, нам этого не надо! Пока что, увы, наше общество своими действиями подтверждает их правоту... Накалена вся «Юго-Западная дуга», от Туркмении до Эстонии, волна забастовок нарастает в дышащей на ладан экономике...

А в Москве межрегиональная группа выдвигает вопрос о власти⁸. Ничего нового не предлагая, никакой новой идеи не привнося. Лишь накаляя добела все ту же потребительскую мифологию:

⁸ Межрегиональная депутатская группа – фракция, сформировавшаяся на I съезде народных депутатов вокруг демократических депутатов от Москвы: А.Д.Сахарова, Ю.Н.Афанасьева, Г.Х.Попова.

«Тех же шей, но погуще влей». Полным черпаком предлагают лить. Хоть через край — лишь бы побольше! Больше перца! Больше соли! Съедят! Один за другим к микрофону выходят: ...самые смелые! ...самые честные!! ...самые демократичные!!! ...самые умные!!!! самые-самые-самые!!!! И — такие интеллигентные, такие раскованные, такие эмоциональные, такие открытые, такие... неконсервативные! Так выгодно отличающиеся от косных, пошлых и тупых консерваторов-аппаратчиков. Ура!

Бабуся из притчи Анатоля Франса, молившаяся за тирана сиракузского, где ты, милая? В общественное сознание каленым железом вжигают миф о НЭПе. Даровали-де, мол, народу НЭП в 1922 году — и через пару лет все вздохнули свободно. И мы, мол, тоже, как введем, сразу заживем по-людски... Ну, не сразу, так через пару лет (а то и раньше!). Жилье, шмотки и главное — кол-ба-са! — все вам будет. Опять-таки, разумеется, всем! Прежде всего вам! Мы потерпим... У них же «там» («там» — все всегда идеально, это сегодня «всем» известно) рабочие больше капиталистов зарабатывают, вы же сами в газетах читали! (А мы писали!)

Впрочем, позволю себе одну развернутую цитату, живое свидетельство блаженной нэповской поры, самого, можно сказать, ее расцвета!

Передо мной еще недавно хранившаяся в спецхране меньшевистская газета «Социалистический вестник». По нынешним временам — нечто среднее между «Родником» и листовкой «Демократического союза». Датировано 26 июня 1926 года. Цитирую:

«Так как реальные заработки за последнее полугодие уже понизились благодаря дороговизне, то объективный смысл всей политики последнего времени состоит в следующем: вынужденные обстоятельствами уступки буржуазии, крохи политических прав, брошенные деревне, чтобы усмирить растущее недовольство, и понижение уровня жизни наемного труда всех видов и родов и в деревне, и в городе. Но злая шутка истории состоит в том, что коммунистическое правительство, вызывая своей "рабочей политикой" естественное недовольство пролетариата, в то же время не сможет своими уступками буржуазии и крестьянству купить их подлинные симпатии, сочувствие и поддержку. Ибо то, что оно дает одной рукой, оно другой отнимает!»

Начинаю подсчитывать. В 1922 году ввели НЭП. В 1926-м — такая вот констатация (вражьим голосом, «из-за бугра») — Дан

пишет, подчеркиваю, а не какой-нибудь там Дзержинский или Кржижановский! По нынешним временам – все равно как Леонтьев. Итак, $22+4=26$. $86+4$ – сколько будет?

Насчет все более крутых и густых реформ, а также «перца» и «соли» – тоже пробовали. Тот же «Социалистический вестник», за тот же 1926 год. Всего лишь четыремя днями позже. О чем пишут? О соскальзывании (!) большевистской диктатуры в сторону заурядного бонапартизма как естественном следствии НЭПа. Об оппозициях, левой и правой, о стачках... И вот, пожалуй, самое примечательное: «Каждый хозяйственный кризис», ставящий... внимание! – «ставящий на повестку дня расширение НЭПа...» Через три года дорасширились до коллективизации...

Семилетие НЭПа – практически белая еще страница нашей истории... «Народ, забывший свою историю, обречен на то, чтобы пережить ее вновь...» А на что, интересно, обречен народ, истории не имеющий? Сегодня понятно всем, что «Краткий курс истории ВКП (б)» – это не история, а чистейшей воды мифология. Согласен. Но, разбивая мифы, создаем ли мы этим историю? Очевидно, нет. Только меняем миф. Иногда не самым удачным образом. Не успели Тухачевского внести в пантеон как жертву сталинизма, как, глядишь, придется и выносить! Не говоря уж о Фрунзе или Якире! Свердлов на очереди, за ним – понятно, кто? Братцы, да ведь, только чтобы таблички сменить, придется всесоюзные субботники объявлять! Может, не будем суетиться, собирая «компромат» в старом энкавэдэшном духе, а займемся историей? Хотя бы как ею занимались французы после конвульсий всех своих революций... А мертвые – что ж, может быть, им-то лучшим памятником будет... ну, если не «построенный в боях социализм», то хотя бы спасенный гражданский мир на нашей взмокшей от крови земле. Чуть-чуть ведь только стало подсыхать – и снова?

«Мы знаем, что ныне лежит на весах и что совершается ныне. Час мужества пробил на наших часах, и мужество нас не покинет.»

Когда Ахматова писала эти слова, существовали «мы», и эти «мы» действительно «знали».

Сейчас же опасность не меньше, а «знания», увы, нет... Да и необходимое мужество, час для которого действительно пробил, тоже, увы, отсутствует. Я не о смелости говорю, о мужестве додумывать до конца. Говоря о деформациях социализма – экономи-

ческих, политических, правовых, — хватит ли мужества поставить вопрос о деформированности социопсихической? Предъявляя иск государству, осмелимся ли на такой непопулярный акт, как иск к отдельному индивиду и к обществу? А додумывая до конца, что скажем о демократии, кроме общих хвалебных слов?

В любом случае, если пошли на этот крайний (подчеркиваю!) шаг — демократию в отсутствие гражданского общества, — нужна крайняя интеллектуальная бдительность и ответственность за все посеянное в массовое сознание. От нас с вами зависит, как вчерашний «винтик» воспримет дарованную ему «кратию», то бишь силу. Как гражданин или как распоясавшийся хам? Ему ведь с пеленок известно, что коли «она» есть, то ума-то не надо. Сумеет ли он перешагнуть через это, сможет ли воспользоваться этой силой по существу или радостно передаст в чужие и, что греха таить, умелые руки? Будет ли демократия подлинной властью демоса в нашей стране или же властью над ним и с использованием его? Что уже неоднократно случалось в нашей (да и не только нашей) истории. Дадим ли мы построить новую мифологию и с ее помощью дергать за нитки новую марионетку, в очередной раз уверовавшую в то, что она свободна? И сознаем ли, в чьих руках окажутся эти нитки? Начав дергать (а уже начали), скоро ли выкинут демократию в мусорный ящик и перейдут к новым аутодафе, благословляемые ликующими толпами жаждущих крови сограждан? Можно будет даже провести референдум.

Из всех «орденов» признаю лишь один, вселенский, — интеллигенцию в абсолютном и высшем смысле этого слова. Вопрос — осознает ли она себя сегодня в этом качестве, в этой стране?.. Хотя бы несколько сотен людей? «Умертви себя для себя, но не для России» — великие слова Гоголя, навязчиво, иного слова не подберу, цитировавшиеся Блоком, — находят ли они сегодня отзвук хоть в чьей-то душе? Есть ли вы? Если есть, то знайте: рубикон перейден, и мы обязаны дать открытый интеллектуальный бой. Сколь ни мало шансов у нас на успех, но мы должны все-таки попытаться одержать решительную победу. Иначе, вытаскивая молодежь из болота идиотизма старого, мы тут же позволим (да и поможем!) ей соскользнуть в болото идиотизма нового, ничуть не менее (а может быть, и более) опасного, нежели прежний. Потому что в условиях так называемой «демократии» при фатальном отсутствии и политического опыта, и политической культуры уже возник и — что ни

день – становится все более прочным союз молодых неофитов с новыми держателями, конечно же, новых и, разумеется, неоспоримых (и не оспариваемых) истин, которые (то бишь истины), ясное дело, всесильны потому... что – ясное дело, что...

Я утверждаю, что под видом перестройки сегодня зачастую ведется даже не эрозия, а, иного слова не нахожу, метастазирование смыслов и целей, скрыто начатое в брежневскую эпоху. Что чуть ли не каждый второй из тех, кто с пулеметной скоростью оттарабанивает новый джентльменский набор перестроечных слов и хлестких определений, граждански стерилен. И что присосавшиеся к телу перестройки брежневские дельцы новой формации намного опаснее простоватых консерваторов, способных отстаивать свои, пусть не устраивающие нас, принципы, идя против нового ветра. Общество может негодовать на их архаичность, но грех лакейства, видит бог, намного опаснее. «И аз изблюю их из уст своих». Давно пора вспомнить нам эту старую истину. Равно как и страшный приговор чеховской героини: «Мой муж, быть может, честный, хороший человек, но ведь он лакей! Я не знаю, что он делает там, как служит, я знаю только, что он лакей». Лакей... Раба можно выдавливать из себя по каплям, а вот холуйство – это уж на всю жизнь.

Когда я, студент первого курса, написал записку, в которой возражал очень солидному человеку, лектору ЦК КПСС, что нельзя, не марая себя, называть серьезного писателя Солженицына «мразью», один из этих лакеев на партбюро, где ставился вопрос о моем пребывании в вузе, сказал: «Я предупреждал, что он что-нибудь выкинет...»

Когда на втором курсе я, комсорг студенческой практики, летом 1968 года сказал на политинформации, что ввод войск в Чехословакию является «серьезной политической ошибкой», он тут же подал на меня докладную... Учился я, слава богу, не на истфаке, а в Московском геологоразведочном... Кроя у себя в кабинете и меня, и этого холуя, а, может, заодно и висевший у него над головою портрет, секретарь парткома, тяжелобольной человек, рвал его докладную, предупреждая, что «если... (трах-тарарах) еще раз (трах-тарарах), где-нибудь... что-нибудь...». На третьем курсе этот лакей, восхищаясь моим спектаклем, шептал за спиной, что я «идеологически опасен». На четвертом – уговаривал меня вступить в партию «ради аспирантуры». На пятом – наконец попал «в точ-

ку», законспектировав прочитанную мною (опять в порядке политинформации) студентам первого курса лекцию по политологии, где я, выражая свое несогласие с Авторхановым, зачитывал страницы из его, естественно, нелегальной книги «Технология власти» — и... очередной «он» в ответ на всеобщее недоумение, почему я, имея только отличные оценки и несколько научных работ, не могу претендовать на очную аспирантуру, произнес: «Нам не коммунисты-геологи нужны, а геологи-коммунисты». Правда, потом, добрая душа, посоветовал не выступать больше при этом лакее.

Годы шли, я окончил Вахтанговское училище, моды менялись, но «он» оставался прежним — и по-прежнему невероятно чувствительным по части новых веяний. В конце брежневской эры, закрывая мой очередной спектакль, еще один попавшийся на моем пути «он» сказал, прикрыв перед этим дверь: «Я закрываю все не за то, что вы слишком «левый», а за то, что вы слишком «красный». Другой, более высокопоставленный «он», каждый раз, начиная со мной культурную беседу, говорил: «Мы — советский истеблишмент». И вот теперь, естественно, перестроился первым. А я, как всегда, опоздал. «Они» всегда будут перестраиваться мгновенно... из шеренги — в колонну, из колонны — в шеренгу, можно и в другую, более сложную конфигурацию, но по команде, в соответствии с последними и, как им кажется, точно уловленными «вкусами начальства» и модой. Не общепринятой — что было бы «слишком пошло», — а модой «их круга», их истеблишмента, ориентированного, в свою очередь, на вкусы круга «еще более престижного», чем «их круг». И еще более истеблишментного. И здесь мы переходим к самому главному.

Сегодня наш либеральный истеблишмент печется о «храме». Чьем? Того ли, кто сказал, что «не хлебом единым»?..

«Что такое ваш распределитель по сравнению с их супермаркетом?» — реплика, восторженно передававшаяся из уст в уста. Не в этом ли храме предлагают сегодня служить обедню? «Если вы думаете, что вы нам платите, то можете считать, что мы работаем». (По-видимому, имелось в виду — «на вас» работаем). Физики, сочинившие эту веселую присказку, придумали заодно и реактор РБМК, заметим, не для «них», а для нас... И для себя тоже.

Взрыв станции — не кара ли за этот кошунственный анекдот, ниспосланная язычникам, вставшим на путь поклонения новому

идолу — Колбасе? До Чернобыля эта оценка могла бы еще показаться чересчур патетичной. Но мы живем в новую, Послечернобыльскую, Эру — поймите! И сегодня, одобрительно хихикая над таким анекдотом, одновременно (вот что пугает больше всего!) рассуждать о Храме и ноосфере... Прости им, Бог, ибо не ведают... А ведь может и не простить!

Так в какой же Храм мы с вами ищем дорогу? Один наш драматург, человек, что называется, «тертый», привычный к запахам столичного закулисья, буквально со слезами на глазах рассказывал мне о том, что в последнее время многие из ведущих актеров и актрис столичных театров соглашаются на роли, только когда им показывают договоры с инофирмами. «Понимаешь, раньше они грызлись за выигрышные роли, а теперь...» Теперь им неважно, что играть, важно — где. И какой категории будет валюта...

«Камо грядеши?»

Кстати, царство жратвы христианами всегда воспринималось как царство того, другого...

«Зачем он вступил в Союз писателей? — "пытала" меня моя покойная мать лет двадцать назад по поводу одного нашего известного (ныне здравствующего на Западе и прямо-таки почитаемого здесь, "у нас") диссидента. — Ведь он литературовед, снс, он и так без куска хлеба не сидел, нормально зарабатывал, ездил за границу. Зачем же он так унижался? Ради чего? Ради лишней кормушки? Ведь там, в уставе, черным по белому написано "соцреализм", "партийность", он же этого на дух не переносил! Зачем же вступал? Ведь, пойми, он не писатель, для которого это — шанс прокормить семью! Он был о-бес-пе-чен, пойми! И на веревке его туда никто не тянул. Сам пришел, ДОБИВАЛСЯ! Зачем? Как не стыдно!»

Говорят, что про стыд нынче только старичье рассуждает, а на самом деле «нравственно то, что эффективно...». Ой ли? А как же знаменитое американское «йес», сказанное по телефону, после которого американский бизнесмен не расторгает даже невыгодную сделку? Для того, чтобы порядочность на рынке человеческих качеств (не путать с Черемушкинским или Центральным) имела высокую цену, должен быть сформирован (автоматически такое не происходит) спрос на этот «товар». Нравственность должна иметь высокую котировку на бирже качества! Возвращаясь же к нашей действительности — хотя бы слово «проходимец» не должно восприниматься как похвала, удачливый вор не должен оцениваться как социальный ли-

дер, образец для подражания, законодатель нравственной моды. Профессионален ли экономист, восхваляющий теневого дельца, выдвигающий его на роль нового мессии? Читал ли он о сфокусированной рациональности как непреложном условии любого экономического рывка, об отсрочке вознаграждения, структуре мотивации? Это же хлеб экономики 80-х годов! Почему наши апологеты Запада не используют изощренный западный инструментарий для анализа того, что происходит у нас? Откуда это экономическое плебейство? Разве не ясно, что эта готовность забывать лишнее, жертвовать наукой в угоду групповым интересам и политической конъюнктуре дискредитирует их не только в глазах своих соотечественников, но и в глазах их западных учителей, — прежде всего как профессионалов. Потому что подлинный профессионализм историка, экономиста, философа, физика, рабочего, публициста немыслим вне чести, вне готовности пойти на крест за свою профессиональную веру, вне способности не к покаянию, нет, к искуплению своих грехов своею кровью. Здесь сердцевина всего того, что мы называем честью... Готовность платить...

«Ты Сашу не трогай!» — кричал один наш известный писатель другому в начале шестидесятых по поводу принесенных ему для публикации воспоминаний о застрелившемся Фадееве. «Саша чище нас, он свое заплатил...» «Саша» действительно заплатил страшной ценой за свой грех, а его ближайший соратник, замаранный ничуть не менее, нежели сам «Саша», пересидел вдали от Москвы самое страшное, «возвращенческое» время, а потом вернулся в столичный град на белом коне в ореоле борца со сталинизмом. «Покаяние!»

Я не религиозен, но каждый находится хоть в какой-то степени под обаянием образа Распятого, и вряд ли есть люди, живущие хоть сколько-нибудь полной духовной жизнью, для которых вообще отсутствует обаяние этого образа... Так вот, не будучи религиозным человеком, я хотел бы верить, что в Царствие Божие, коли оно есть, войдет именно «Саша», заплативший страшную цену, а не его почивший в бозе соратник.

Кстати, о модном ныне христианстве. Здесь — глубокая разница с тем блаженным нигилистическим временем, которое так напугало Федора Михайловича Достоевского. Там, по крайней мере, ясно было, кто есть кто. Ныне же все обвешались иконами, зажгли лампадки, на видное место поставили Священное писание (желательно в зарубежном издании). Так вот, говорю я с одним из наших либеральных «дон кихотов», осуждающих революционеров

за жестокость и кровопролитие, и выясняется, что он учит «жить по Христу». Спрашиваю – включает ли он в это «жить по Христу» Голгофу? И получаю в ответ жесткое, хорошо продуманное – нет. Так один ли у нас с вами Храм и одна ли Дорога? Может, пути-то давно уже разошлись?..

Может, и христианство-то вам нужно только «до кучи», лишь бы «против большевиков»? И если антисталинизм вы превратили в орудие демонтажа «империи» (а заодно и Варшавского договора, Ялты, Потсдама и многого другого), если сброс Ленина (а он уже начался) нужен вам для того, чтобы добить идеологическую и политическую структуру, взять власть (об этом говорится впрямую), то кто на очереди? Почему бы не Он с его «не убий»? Модные нынче оккультизм, неоязычество, неошаманство (не путать с традиционными верованиями нехристианских народов!), популярность оккультной практики Третьего рейха в наше время очень симптоматичны. Кто же грядет? Неужели так-таки никому не понятно?

Телевизионная камера жадно выискивала очередной уголок дворца американского миллиардера. Крупным планом – безделушки, украшения, интерьеры, сервировка: «Ну, живут!»

Взволнованный, захлебывающийся голос советского комментатора повествовал о том, что коммерческий гений американца подсказал ему вложить вывезенный с Востока капитал в торговлю спиртным. Правда, в Америке в то время царил так называемый «сухой закон» и такая рекомендация «гения» была незаконной... (ну и что?!), делающей необходимыми связи с бутлегерами... (ну и что?!), с мафией!.. (ну и!)...

Ожерелья, сервировка, свечи, обои, картины, рамы, фраки, декольте, паркет, цветники и опять все та же пищевая проблема... В колбасном храме приняли причастие и оказались возведены в сан «борцов за демократию» уже не только «теневики», «цеховики», сумевшие в условиях застойного периода, оказывается, не только хапнуть пару сотен миллиардов, но и, судя по выступлениям наших либеральных публицистов, «сохранить в нашей стране дух энергии и предприимчивости», пусть даже и не вполне морально безупречными способами. Мило! Дальше – получил отпущение грехов уже и откровенный криминал. Ставка – на него. «Лучше Колумбия, чем ваши красные...»

Лучше – кому? «Они страну довели до ручки – пусть уходят!» Нет уж, давайте всерьез разбираться, кто именно ее до ручки до-

вел... И куда вы ее доведете... Где бросите... И кому передадите с рук на руки.

Разбираться будем с цифрами в руках, строго и беспощадно. Без ложной патетики, начистоту. На карту поставлена жизнь наших детей, да, кстати, и ваших тоже, потому что все за границу сразу не убегут, просто-таки не успеют, а радиация, эпидемии и погромы не разбирают своих и чужих. Творцы хаоса зачастую оказывались и его жертвами. Поэтому в правде, которую мы вам говорим и будем продолжать говорить, вы тоже заинтересованы.

ИНДУЛЬГЕНЦИЯ НА БЕСПОРЯДОК, ИЛИ ЧТО ТАКОЕ КРИМИНАЛЬНАЯ БУРЖУАЗИЯ

Литературная Россия. 1989. 22 декабря

«Не надо пугать коррупцией!» – восклицают одни. «Долой жупел теневой экономики!» – требуют другие. «Пугать», действительно, никого и ничем не надо. «Жупелы» – вещь безусловно вредная.

Но что полезно? Что необходимо? Очевидно, такое знание, которое позволило бы людям самим разобраться в политическом механизме. Точное знание.

«О, боже мой, кто будет нами править? О горе нам!» – вопиает народ в «Борисе Годунове».

Вопрос, как мы понимаем, настолько серьезный, что, адресуясь к широким слоям читающей публики, считаю необходимым дать подчеркнуто аналитический материал, вплоть до чисел и формул. Понимаю, что для тех, кто не имеет специального интереса к предлагаемому мною предмету, единственным стимулом к чтению может быть та степень обеспокоенности происходящим, на которой грань между беллетристикой и специальной литературой исчезает. Становится же мать родного ребенка весьма продвинутым дилетантом (а иногда и специалистом) в области медицины, необходимой ей для лечения любимого существа.

Таким тяжелобольным сегодня является наше общество. Лечить можно, лишь понимая суть, политическую подоплеку очень сложных процессов. В этой статье я остановлюсь на двух взаимосвязанных понятиях – «административно-командной системе» и «коррупции», стараясь вскрыть их политический смысл. Пока что в народе бытует чересчур упрощенное понимание этих явлений. Считается, например, что «ржавчина коррупции разъедает целостность нашего государства». Поверьте, это не так. Коррупция, увы, не разъедала, а, как ни парадоксально это звучит, укрепляла государство. И то, что его на самом деле разъедает, не есть коррупция.

Лидеры так называемых коррумпированных кланов, верховодившие в брежневскую эпоху, были в высшей степени заинтересованы в укреплении «Союза нерушимого», поскольку:

– во-первых, это позволяло «сжирать» централизованные госкапвложения (см. так называемое «хлопковое» дело);

– во-вторых, давало на откуп хозяйство в «вотчинах»;

– и, наконец, в-третьих, позволило выводить на рынок такой специфический «товар», как власть, обменивая его на жизненные блага по принципу, весьма близкому тому, который каждый из читающих эту статью более или менее прилежно зазубривал для того, чтобы «перескочить» экзамен по политэкономии. Помните:

ТОВАР – ДЕНЬГИ – ТОВАР-ШТРИХ

ДЕНЬГИ – ТОВАР – ДЕНЬГИ-ШТРИХ

То есть обмен товара на деньги с приобретением некоего большего товара (товар-штрих), покупка за деньги некоего товара с последующей продажей оного за большие деньги (деньги-штрих); подставьте в эти уравнения специфический товар-власть, и вы получите формулы коррупции:

ВЛАСТЬ – ДЕНЬГИ – ВЛАСТЬ-ШТРИХ

ДЕНЬГИ – ВЛАСТЬ – ДЕНЬГИ-ШТРИХ

То есть либо власть обменивается на деньги с тем, чтобы, используя эти деньги как инструмент, добиться некой большей власти (например, дав взятку, скопленную от продажи своих властных возможностей, связанных с пребыванием в некоем кресле, усесться в более высокое кресло и начать собирать большую мзду), либо на деньги покупается должность, дающая большие деньги.

В любом случае, чтобы торговать властью, надо ее иметь. Чтобы власть была в цене, она должна укрепляться. Она и укреплялась, и тот или иной брежневский «воевода» крепко держал бразды правления, ибо его «кормление» было тем более «сытным», чем крепче сжимала его рука указанные выше бразды.

Подрывать этот механизм? Рубить сук, на котором сидишь? Никогда коррупционер этого делать не будет. А попробует – так союз коррупционеров с ним живо расправится: «Не опрокидывай кормушку! Она – общая!»

«Так они и жили, жили не тужили...»

Приходил новый «воевода», естественно, «вырубал» клан своего предшественника. Ибо, как говорят в республиках, «клан кла-

ном вышибают». И начинал и дальше крепить «пролетарский интернационализм» и «союз территорий».

Развал структуры коррупции — гибель! Тогда что же и кто же ее разваливает?

Пытаясь всерьез проанализировать структуру сил, заинтересованных в деструкции, разрушении государства, мы столкнемся неизбежно с еще одним нуждающимся в уточнении понятием, а именно: «административно-командная система» (АКС). АКС и коррупция, коррупция и АКС. Одно без другого не обходится. Коррупция есть, как мы уже видели, процесс, основанный на том, что власть способна на рынке (развитая коррупция есть неотъемлемое свойство именно высокоразвитых рыночных отношений, а не «родимое пятно социализма») выступать в виде товара. Товар же предполагает, в свою очередь, наличие продавца и покупателя. Продавец — это все тот же проклятый бюрократ, держатель властных отношений, а покупатель — кто? Не может же процесс идти таким образом, чтобы один бюрократ покупал этот товар у другого? Если бы это было так, то пусть бы они там себе и коррумпились. Нет, в обмене власти на деньги и денег на власть должны участвовать (и давно уже реально участвуют) две пирамиды: властная (бюрократия) и денежная (криминальная — иной у нас нет и быть не может) буржуазия.

Последняя ничуть не менее иерархизирована, разветвлена, нежели первая.

И уж коль для бюрократического способа управления жизнью страны родилось название АКС (административно-командная система), то для вступающей в «диалог» с ней структуры придется употребить термин, адресующий к ее типологическому сходству с первой, ККС (криминально-командная система, попросту говоря — бандократия). Бюрократия продает, бандократия покупает... А мы? Предаем анафеме пресловутую АКС, даже не пытаюсь определить, что же это такое.

Удалось ли кому-нибудь изобрести систему управления без подачи команд? До тех пор, пока существует самое гибкое, самое сложное исполнительное устройство и самое совершенное и суперсовременное управляющее этим устройством звено, блок или система (все зависит от сложности управленческих задач — и только!), связь между этими структурами будет осуществляться путем подачи команд. Все дело в том, как подается команда, как она формируется и как, наконец, принимается и воспринимается исполнителем.

Представьте себе, что с «горы власти» катится вниз команда — «лыжник». Очевидно, что он тем быстрее будет катиться, чем короче и круче будет путь. Это и есть абсолютная вертикальность, или командность. Случай же полной некомандности — это когда наш «лыжник» начнет кататься вокруг «горки власти», бесконечно согласовывая, уточняя, собирая визы, узнавая мнение вышестоящих лиц — и ничего не решая, не поднимая и не спуская вниз документ, от принятия которого зависит либо судьба страны, либо жизнь и здоровье отдельного человека.

Эту систему принятия решений или, точнее, их непринятия, отказа от подачи необходимых команд с одновременным выплевыванием бездны псевдокоманд каждый из нас неоднократно ощущал на своей шкуре. Бичевать командность в этом случае — значит валить с больной головы на здоровую. Сопрягать командность с тем или иным общественно-политическим строем, скажем так, некорректно. Действительно, командная система необходима (при любом общественном строе) в случае, когда потери от проволочек больше, чем возможные приобретения от полученного путем длительного обдумывания чрезвычайно точного, необыкновенно «правильного» решения. В боксе, если тебе наносят удар, время выбора и осуществления «ответа» должно быть меньше, чем время нанесения удара. Не успел — отправляйся в нокаут.

Бюрократический тромбоз, «чиновная демократия», оказавшая роковое воздействие на ход либеральных преобразований... Важные государственные бумаги безнаказанно теряются, резолюции высших руководителей страны годами вращаются в бюрократической центрифуге... Севший на своем самолете на Красной площади мальчишка-немец — это что: следствие избытка командности, слишком высокой скорости принятия решений или дистрофия командного механизма? Думаю, что ответ абсолютно ясен. Белинский, помнится, писал о том, что России сегодня нужно строгое исполнение хотя бы тех законов, которые есть. Надеюсь, что этого человека трудно заподозрить в восторженном отношении к юридическим шедеврам царской бюрократической машины. Но еще страшнее — разрушение информационных тканей: последняя степень информосклеротических изменений, когда на крик ужаса: «Сделайте что-нибудь!» — вместо вразумительного ответа раздается безвольное урчание: «Бдраз-ту-ма-ва-те-бзатуу-у-у-у-...»

И все читают, судорожно пытаются распознать, разгадать, осмыслить бессмысленную абракадабру и боятся сами себе признаться, что это просто клинический маразм и что бормочущее существо пытается выговорить: «Да пойдите вы все на...»

Но и этого оно уже не в состоянии сделать. А значит... А значит, в стране установилось право сильного. Любой, самый маленький деспот, сумевший сколотить банду себе подобных, может безнаказанно воплощать самый бредовый из своих замыслов. Примеров этому – тьма.

Но сегодня – не времена Белинского, и даже среднего размера информационный «тромб» грозит общесоюзной катастрофой. А чем же тогда чреват информомаразм, бормотание паралитика в ответ на сигнал о том, что техносфера рушится?! Рушится!! Рушится!!! Разумно ли предавать анафеме командность и системность в условиях назревающего прогрессивного паралича? До игры ли в остроумные антиутопии, резонирующие со справедливым ощущением абсурдности наличествующего способа управления?

Временные затраты на исполнение действия слагаются из времени, отпущенного на согласование (t), и времени, отпущенного на исполнение команды (T). В этом случае коэффициент командности (k) определяют формулой: $k = T : (T + t)$.

Высший уровень командности $k = 1$, низший $k = 0$. А реальный? АКС... Передо мной несколько цифр, характеризующих сравнительный уровень командности:

в западных криминальных структурах – $k = 0,8$;

в западных корпорациях – $k = 0,5-0,3$;

в японских корпорациях – $k = 0,65-0,4$;

в крупнейших компаниях новых индустриальных стран – $k = 0,7-0,8$;

и, наконец, в ряде наших крупных министерств – $k = 0,03-0,035$.

Представьте: 30 раз обращает бюрократическая карусель абонента, прежде чем выдать решение (не говорю здесь о его качестве!). Стоит ли искать какой-то особый «механизм торможения» при таком показателе? Хотите краха перестройки? Посадите за ржавый руль большегрузной машины народного хозяйства парочку интеллигентов из числа тех, кто на все случаи жизни имеет свой либеральный рецепт, и дайте им волю подискутировать! Коэффициент понизится до 0,015 и – «хорош!».

Мы вяло «вползем» в чрезвычайное положение.

Теперь — от способа подачи к структуре команды. Общественное сознание наиболее тяжело переживает именно этот аспект. Мы ненавидим (вполне справедливо) АКС за бред администрирования, регламентирования, пресловутых советов: крестьянину — когда и что надо сеять, учителю — как именно учить детей. За ту самую антисистемность, при которой каждый из нас отчитывается больше, чем работает, а на работе все еще должен руководствоваться правилом про «шаг вправо, шаг влево». Но АКС ли мы ненавидим? Имеем ли право говорить о некоей вообще избыточности команд? Контроля? Есть зоны управления, формирования командно-контрольной матрицы, где омерзительна, унижительна, античеловечна воля к избыточности, детерминированности заданий и, что хуже всего, нерациональная тяга к предписанию технологии их реализации. УЖ КОЛИ ТЫ МНЕ ЗАДАЛ, ЧТО НАДО СДЕЛАТЬ, ТО ПОЗВОЛЬ УЖ МНЕ САМОМУ РЕШИТЬ, КАК ЭТО СДЕЛАТЬ! Казалось бы, очевидно! Но справедливо лишь для гибких исполняющих систем, то есть для ученого, учителя, крестьянина, токаря-инструментальщика 7-го разряда, — одним словом, «для лиц творческих профессий». В жестких же системах несоблюдение технологических предписаний чревато: мы знаем, например, к чему это привело на Чернобыльской АЭС. И каждый инженер понимает, что и сегодня соблюдение технологических предписаний — жесточайшее, с точнейшим выполнением допусков, ГОСТов и прочего — главное условие эффективности западных предприятий. Никакой переработки! Никакой сдельщины! Норма при стопроцентном качестве должна стоить сумасшедшие деньги, но уже при 90 процентах качества (или 80 процентах выполнения) пачка денег должна сократиться наполовину, а то и больше! «Нам не надо ваших инициатив», — говорят рабочим технологи на создаваемых сегодня совместных предприятиях. «Пожалуйста, — точно то, что предписано, и ничего больше, но то, что предписано, — качественно и в срок».

Итак, абсолютизировать «отсутствие вмешательства во внутренние дела» производителя столь же глупо, как и недооценивать значение этого фактора.

Где-то мы резко перебарщиваем, где-то «недобарщиваем», и везде, повторяю, мы не в состоянии, как следует поощрив или как следует наказав, добиться строгого соблюдения предписаний, за-

конов, инструкций, технологических требований – рабочих обязанностей, то есть команд. «Ну и че ты мне сделаешь, если я нарушу эти твои предписания?» Инфантилизм, отсутствие прививаемой с детства рабочей чести, исполнительской дисциплины, шабаш халтуры не менее страшны, чем оруэлловские кошмары АКС... Бога ради, через какую болезненную, жесткую школу придется пропускать завтра миллионы разучившихся исполнять команды людей? Что придется им пережить, чтобы вновь обрести эту способность? Как будет выглядеть отрезвление после дающего индульгенцию на недобросовестный труд политического карнавала? Диктатура – «вообще», свобода – тоже «вообще»?

Свобода от технологии? Свобода от ГОСТов и допусков? «Дефективная» (в плане качества выпускаемых нами продуктов) демократия? Если опять как следует посчитать, то в 45 процентах общей площади так называемой «зоны управления» мы (якобы!) контролируем в 10 раз больше позиций, чем надо, и в 85 процентах – не то (!), что надо. Не поощряем и не наказываем! Не в АКС опять-таки дело, а в том, чтобы работник экстра-класса (не в оборонке, а именно в любой отрасли) жил качественно лучше, чем бездельник. Включая менеджеров, руководителей предприятий. Известно, что для этого разрывы в заработной плате должны быть, как минимум, на порядок больше (то есть в 10 раз). И платить работнику (и менеджеру в том числе) надо не от прибыли, не от сделки, а от качества производимой продукции, точности выполняемого задания – в жестких зонах и эффективности – в гибких. Интересно, например, когда не так называемая «успеваемость» будет определять оплату педагога, а успехи учеников после (!) прохождения курса обучения? Как в западных вузах. Это бы проконтролировать! Пусть модельер свободно ищет модель одежды, на то он и модельер. (Качество можно контролировать, и не обязательно с помощью рыночного механизма.) Но пусть тот, кто пришивает пуговицу, пришивает ее так, как надо, и там, где надо, и именно того фасона, который предписал модельер. Пусть выполняет задание и технологические нормативы. Не выполняет – должен быть строго наказан, и рублем, и административно, но так, чтобы действительно было больно. И – в этом случае – никаких профсоюзов! Мы сегодня и поощряем, и наказывать разучились. Не научимся – не видать нам хороших вещей как своих ушей. Но, главное, нам надо жестко

пресечь при этом разгул воровства, когда любой крадущий бездельник живет лучше, чем самый блестящий специалист. Сумеет ли выполнить эти условия — будет социализм, и не «демократический», «развитой» или «реальный», а трудовой, когда «воздастся вам по трудам вашим».

АКС... Ох, как нужны нам будут завтра:

— те, кто в состоянии будет четко реализовать сложную технологическую команду-модель (рабочие!);

— и те, кто в состоянии будет разумно построить модель (технологи);

— и те, кто сможет в меру жестко и деликатно проконтролировать (управленцы);

— и те, кто сможет сам, без команд, и днем и ночью ломать голову над созданием нового (ученые);

— и, наконец, нормальные «командиры», те, кто сумеет определить разумную меру вмешательства в технологические прерогативы исполнителя — количество степеней свободы в задании, которое тот получил, время, отпущенное на выполнение задания, качество рабочей силы и т.п. Иными словами, построить инфраструктуру реализации модели. Найти способы подать «команды» нужным способом, найти критерии для правильной оценки исполнения.

Потому что не АКС нас сейчас пытается и мучает, а ИКС — иллюзорно-командная система, в которой нет ни одного из необходимых звеньев соотнесения идеального замысла с реальным его воплощением. Рабочим нужны не болтуны, а нормальные лидеры, слово — за ними. А иначе... Допустим, что некто застойный имел idiotские замыслы, а некто «перестроечный» — гениальные. Но толку-то, если ни гениальность, ни idiotизм не имеют механизмов реального воплощения в жизнь? Тогда, честное слово, становится попросту стыдно за свою инфантильную Родину, по-прежнему охотно «питающуюся баснями», как и во времена, когда Пушкин впервые определил эту ее трагическую готовность: «Легко пустой надежде предана, мгновенному внушению послушна, для истины глуха и равнодушна, а баснями питается она...» Не так давно пользовался популярностью почему-то казавшийся всем очень остроумным призыв: «Партия, дай порулить!»

Если бы не критический характер ситуации, если бы не желание отстроить «дорогу к переменам», являющуюся самым драгоценным приобретением последнего пятилетия, если бы не пасса-

жиры в «авто», за руль которого рвется новый «водитель», то самым верным для (с ног до головы заплеванного) старого водителя было бы выйти, остановив машину, отдать ключи и сказать: «На, попробуй порули на здоровье!»

Через пять минут машина была бы в кювете, а пассажиры (оставшиеся в живых!) чинили бы расправу над «блестящим лектором», так завлекательно повествовавшим им об устройстве авто зарубежных марок.

Но, увы, эксперимент такого рода в принципе невозможен, аморален (ориентирован на большую кровь), а значит, неосуществим. Да и «лектора» тоже жалко. Не так у нас их много, хороших лекторов, чтобы ими пробрасываться. Пусть читает «лекции», пусть критикует грубость и некультурность советских «водителей» и несовершенство наших «машин» — только бы не трогал баранку, только бы не рулил, только бы хватило у него ума позволить «грубым и некультурным шоферам» (конечно же, только благодаря его, лектора, умным советам и консультациям) в лишенном комфорта автобусе на ухабистой колее вывезти, не опрокинув и не завязнув в грязи.

Вот и все. И потому покамест из трехбуквенных аббревиатур АКС, ККС и т.п. предлагаю отбросить две последние буквы КС — то бишь «командная система», и, возвращаясь снова к «Коррупции», представить ее как процесс взаимодействия некоторой структуры «А» (администрация) со структурой «Б» (буржуазия — та, что криминальная, другой у нас нет и не может быть — уже неоднократно подчеркивалось).

Итак. «А» и «Б» сидели на трубе... «А» упало, «Б» пропало, а на трубе остается та самая пресловутая коррупция. А если от детской считалочки перейти к формулам, то коррупцию можно определить в терминах теории множеств (теперь их в средней школе проходят) (см. рис. 1):

$$K = A \cap B$$

Рис. 1

А для не любящих формул читателей нарисуем такую достаточно строгую схему (см. рис. 2):

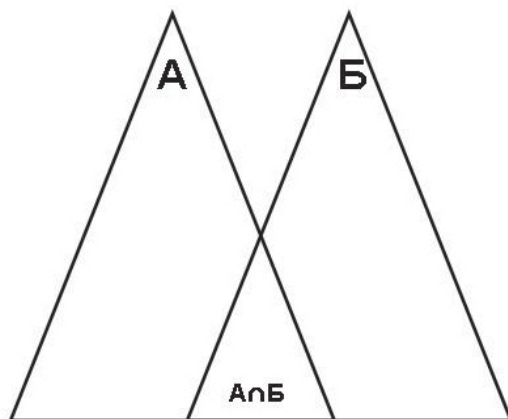

Рис.2

Итак, коррупция – это общая часть «втиснутых» друг в друга властных пирамид, их «пересечение» – структура, формируемая из «совместителей», тех, кто принадлежит одновременно буржуазно-криминальному и административному сообществу. Где есть две элиты – денежная и властная, почва для их диалога, там есть коррупция. Но размещение пирамид в пространстве власти может быть разным: достаточно «безобидным» (конечно, в плане политическом), например, как на рис. 3:

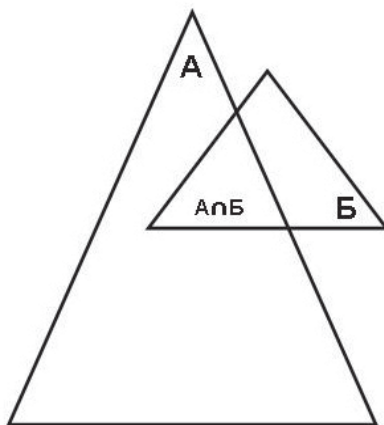

Рис.3. Компромисс «Б» и «А»

Более опасным – см. рис. 4:

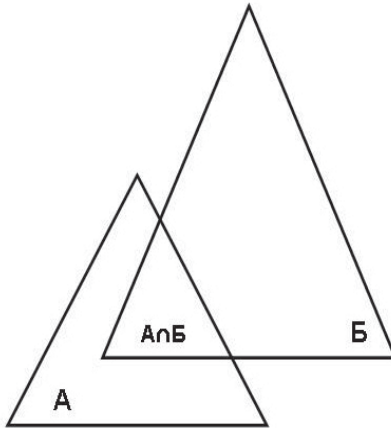

Рис.4. Конфронтация «Б» с «А»

И, наконец, возможна и такая страшная комбинация, как на рис. 5:

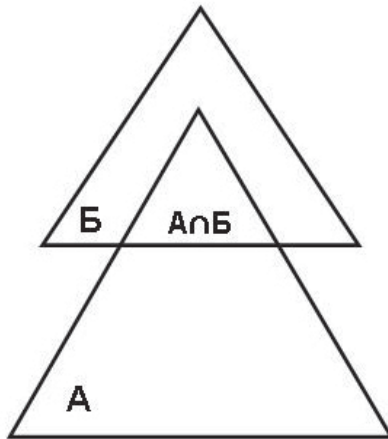

Рис.5. Доминирование «Б» над «А»

В любом случае обязательное условие – вершина треугольника «Б» не принадлежит треугольнику «А». По типу жизни, социальным ролям лидеры второй пирамиды не хотят и не могут принадлежать к первой – это социальная «аксиома». Повторяю, ли-

деры структуры «Б» не принадлежат «А», а значит, лидеры структуры «А» не могут лидировать в «Б». Я делаю это утверждение, исходя не из того, что «А»-шники — хорошие люди, я в принципе не хочу говорить здесь о людях. В такой игре «все люди — числа», элементы сложного механизма власти, и не более того.

Теоретически предположить, что верхушка «А» вошла в команду «Б», я могу, здесь нет ничего невозможного. Но чтобы верхушка «Б» начала «отсвечивать» в коридорах официальной власти, где у слишком большого количества людей возникает слишком большая тяга к тому, чтобы составить на тебя досье, и где, помимо всего прочего, надо что-то делать, кого-то принимать, куда-то выезжать, за что-то отвечать?.. Нет уж, увольте. Лидеры «Б» — выше этого. Да и качество жизни у них давно уже не определяется официальной «кормушкой». Всякие там «четвертые управления», лечебные диетические и прочее — это не для «белых людей». Потому их с такой легкостью и отдали на растерзание массе. Качество «настоящей жизни» давно уже измеряется для «Б» в совсем других величинах. И летают спецсамолеты «Б» со всех концов нашей Родины в столицу за долларовым питанием, висят на стенах картины из Эрмитажа, мягко подъезжают «мерседесы» к подъездам отнюдь не правительственных вилл, по отношению к коим «Горки-10» — унылая «скукота».

А если серьезно, то, конечно же, у «А» блага есть — и большие. В цифровом выражении совокупно качество жизни в серьезных эшелонах слоя «А» определяется в 1500 рублей в месяц (суммарный индекс на заработную плату, включая «блага» по пониженным ценам по-прежнему 1:2. На заработанный рубль — два льготных).

Далее, в слое АБ эта сумма примерно в 6–8 раз выше.

А чистое «Б» дает уже не зарплату, а доход, позволяющий поднять индекс еще примерно раз в 10. Вот почему «Б»-слой не боится «сдать» народу привилегии в виде «спецблаг». «Б»-слою они не нужны. Вот и спускают пар, натравливая заодно массы на «А»-шников. «На тебе, боже, что нам негоже!..»

Вот почему вы сто раз на дню услышите о коррупции и ни разу — о криминальной буржуазии. Первое дискредитирует «А», тогда как второе может «засветить» то, что, по крайней мере, до последнего времени предпочитало себя не засвечивать. Пока коррупция была силой, о ней не писали. О «сильных мира сего» молчат в тряпочку. Вывод — раз это начали столь сильно трепать, значит, это уже не та сила. И

еще вопрос. Ведь коррупция накрепко спаяна с административно-командной системой. Наличие двух структур в общественном сознании не зафиксировано. А значит?.. Ударяя по коррупции, тем самым добивают это самое «А». Во имя чего?..

Представим себе на минуту, что маленькая симпатичная мышка взяла да отгрызла от «А» (под видом борьбы с АБ, то есть с коррупцией) некую изрядную толику, вот эту (см. рис. 6):

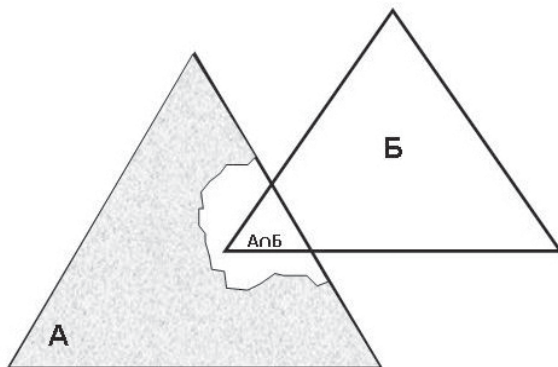

Рис. 6. Приход слоя «Б» к власти под лозунгом «борьбы» с коррупцией

Вопрос – что делает мышка? Ответ – объективно высвобождает вторую пирамиду. А субъективно?

Субъективно, я думаю, борется с коррупцией. В этом плане я не хочу верить ни дифирамбам, ни проклятиям в адрес Т.Х.Гдяна⁹. То же – по поводу членов Политбюро, и правых, и левых, – не знаю. И про радикальных наших лидеров – тоже не знаю... Простите, но – и знать не хочу!.. С меня достаточно того, что я вижу, куда ведет процесс. Это главное. Это объективно. И я хочу остаться при этом знании. Остальное – для «дошкольного и младшего школьного возраста», для любителя хватать за рукав коррупцио-

⁹ Т.Х.Гдян – следователь, глава следственной группы Генеральной Прокуратуры СССР по расследованию фактов коррупции в Узбекистане, созданной в апреле 1983 г. В марте 1989 г. избран народным депутатом СССР. В мае 1989 г. Прокуратура СССР возбудила уголовное дело по обвинению Т.Х.Гдяна в нарушениях законности при проведении расследований в Узбекистане. I съезд народных депутатов в июне 1989 г. решил создать Комиссию для проверки материалов, связанных с деятельностью следственной группы, возглавляемой Т.Х.Гдяном. В феврале 1990 г. Т.Х.Гдян был исключен из КПСС, а в апреле того же года – уволен из Прокуратуры СССР.

неров. Надеюсь, теперь уже понятно, что коррупция «в себе и для себя» меня попросту не волнует.

А волнует, как это ни прискорбно, действительно на этот раз обостряющаяся и действительно, увы, классовая борьба. Попытаюсь доказать, что это и впрямь так. 1985 год. Административная структура провозгласила: «А давайте-ка, братцы, вы будете лучше работать, а мы – вам больше платить... и свободы добавим... вы лишь только работайте, преодолевайте застой!» Обозначим этот сигнал на схеме в виде взаимодействия структуры «А» с народом (см. рис. 7).

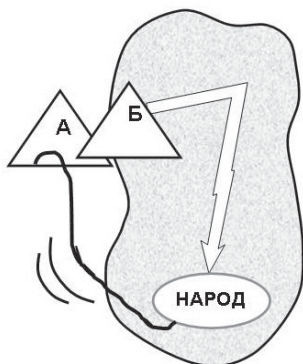

Рис. 7. «Радикально-демократические» или «национал-демократические» движения

С 1985 г. этот процесс начал набирать темп и представлять реальную угрозу интересам «Б». Действительно, укрепив подобного рода связь, и «А» могла бы получить решающее преимущество, укрепив власть, глядишь, и поумерились бы аппетиты «Б», чем черт не шутит... Шутить – он почему-то не захотел...

Двумя годами позже структура «Б», восстанавливая равновесие, обратилась к народу с другими лозунгами и призывами, воззвав к национальному чувству.

Оговорюсь: дело не в том, что эти чувства искусственно подогревались или вызывались. Они были. И деформации предшествующего периода тоже были. И коррупция тоже была, и еще какая! Но чей политический интерес направить все это в русло сепаратизма?

Только структуры «Б», которая у себя в регионе замыслила пресловутую «елочку» (см. рис. 8):

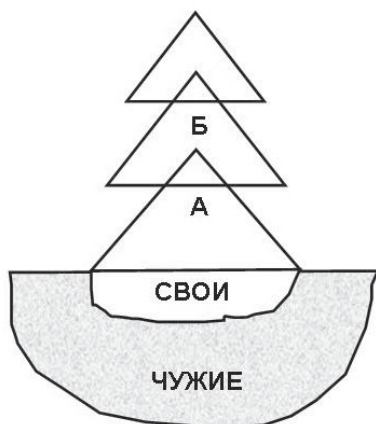

Рис. 8. Структурная конструкция «национал-демократического» сепаратизма

Сверху — некое иностранное сообщество, этнический патронаж.

Ниже — сама структура «Б».

Еще ниже — необходимая для управления администрация. И, разумеется, «подстиляет» все это масса, одержимая националистическим психозом и за счет этого эксплуатируемая.

В ней, конечно, тоже — структура этнического доминирования. Этническая эксплуатация вдобавок к классовой.

Такая «елочка» хорошо известна по странам Латинской Америки, Африки. Вся страна не может приобрести такой вид, поскольку нужна непомерно большая верхняя «шапочка». Именно поэтому, а также исходя из типа протекающих сейчас социальных процессов, я не считаю, что центральная власть имеет такую конфигурацию. Имела бы — мы моментом ввели бы частную собственность, колумбийский «сценарий» стал бы реальностью и процесс возглавила бы «железная рука» товарища... Предлагаю каждому самому постараться найти кандидата.

Но в регионах процесс пошел именно этим путем. Миллионы людей, воодушевляемых самыми благородными чувствами, многие тысячи бескорыстных служителей идеи национального спасения. А наверху — несколько десятков «командиров». Многоуровневый опосредованный процесс не требует того, чтобы миллионы людей знали — кто наверху.

В итоге образовались хорошо нам известные мощные политические структуры, которые в силу присущих им при рождении свойств обречены на радикализацию и социально-политическую мутацию. Еще раз подчеркну, что не считаю, что каждый из новых нацдемократов подкуплен мафией. Отнюдь! Это могут быть абсолютно честные, бескорыстные люди, со своими убеждениями, вмонтированные в многоуровневый процесс таким образом, что им представляется полная возможность бороться с коррупцией, верить в демократический социализм и – работать на дело приватизации... В чьих интересах?

Соскальзывание с общедемократических лозунгов в поддержку перестройки, красных флагов и портретов перестроечных лидеров – к национально-демократическим воззваниям, к объединению всех своих на идее национального возрождения; далее – к агрессии против «чужих», иноязычных, иноверцев; затем – к устойчивой антицентристской и в этническом плане «антигегемонистской» направленности; и, наконец, – сепаратизму. Это неизбежный удел любого такого движения, ибо цель – передача власти от бюрократии к бандократии... Цель – «елочка». Дальнейшую эскалацию тоже легко предугадать:

– «одна кровь, одна земля и (разумеется) один вождь» в каждом регионе;

– «железные» руки;

– этнический патронаж, очень скоро со все большим нажимом на народничество, почву, фундаментализм, то, что всегда составляло опору для «каудильо»;

– плата за переход в новое будет внесена за счет «инородцев» (на каждой территории они свои) и – попрошайничества, компрадорства, передачи своих клочков территории под чей-либо патронаж (по принципу «кто больше дает»).

Это типично колониальные модели («банановые республики»). Интеллигенция в них функционирует исключительно в виде послушного инструмента идеологического обеспечения «микробонапартов» (сусловщина¹⁰ в этом смысле раем покажется).

Неизбежными становятся военные конфликты между диктаторскими режимами, а в ряде регионов – отброс к типично феодальным структурам и формам.

Все процессы протекают под лозунгом частной собственности как мгновенного исцеления от «коммунистической чумы», с це-

¹⁰ М.А.Суслов – секретарь ЦК КПСС (1955–1982 гг.), ведавший вопросами идеологии, часто называемый «серым кардиналом» Кремля.

лью легитимизации бандократии. Структура «А» сброшена и (по закону маятника!) еще и уничтожена.

Но и это еще не все. Распад «империи» с образованием этнопатронажных структур неизбежно вызовет насильственное изгнание иноязычного населения. Миграционные потоки и выяснения отношений с позиции грубой силы, кровь, «крестьянские войны», отряды самообороны, разрыв коммуникаций, резкое возрастание катастроф в изношенной техноструктуре даже без чьей-либо злой воли — вот что такое «построение светлого капиталистического общества» в нашей стране путем введения частной собственности.

Могут сказать, что все это торговля страхом. Отвечу. Во-первых, ничуть не большая, чем торговля страхом путчей путем развернутых показов по телевизору апокалиптических сцен с кровавыми злодеяниями солдат. Вот уж где удавалось продать страх по самой высокой цене!

Во-вторых, поток экспериментальных фактов в пользу излагаемой мною модели множится: появление беженцев, националистические лозунги на наших городских площадях, все чаще и чаще перенос межэтнических конфликтов на субэтноты, и прежде всего на все пространство РСФСР, криминализация нашей действительности и политизация всех криминальных и криминогенных структур и потоков, очевидная тупиковость ряда конфликтов (кстати, предсказанная еще год назад!), слияние микроконфликтов в крупные очаги. Все это — на фоне неслучайных антироссийских и антиармейских настроений. Говорю об этом не из квасного или ура-военного патриотизма, а как аналитик, не могущий не видеть, что именно эти две силы объективно, что бы ни думали слагающие их человеко-единицы, просто не могут не стоять на позициях сохранения целостности страны и этим мешают осуществлению замыслов «Б».

Отсюда — по модели: «Если бы Бога не было, его надо было бы придумать». Если бы не было «Памяти» и тбилисских событий¹¹ — то...

¹¹ 9 апреля 1989 г. в Тбилиси силами десантников был разогнан несанкционированный митинг грузинской оппозиции, проходивший под лозунгами: «Независимость Грузии!», «Долой Российскую империю!». В результате столкновения десантников со сторонниками оппозиции, среди которых были бывшие воины-афганцы, спортсмены и просто физически крепкие мужчины, вооруженные металлическими прутьями и цепями, погибло 19 демонстрантов. Десантников обвинили в том, что они разрушали «безоружных людей» саперными лопатками. Комиссия Съезда народных депутатов СССР во главе с А.А.Собчаком, созданная для расследования тбилисских событий, пришла к выводу, что демонстрация была разогнана с нарушением закона.

В самом деле, вдумайтесь, расследование еще не закончено, а ведь опять — все знают, что и как там было, в Тбилиси. Имею основания полагать, что с той же точностью, как и насчет «коррупции».

Дальше. Теперь уже безусловна тенденция к экспорту буржуазной, то есть «замечательной», революции. Это только ту, социалистическую, «ужасную», экспортировать было ну никак нельзя, категорически и безусловно! А буржуазную — за милую душу, то бишь «за нашу и вашу свободу»! Очевидно, что наша «свобода» будет свободой принять этак миллионов десять сгоняемого с «оккупированных» территорий русскоязычного населения (кто не верит, пусть проверит, прочитав материалы «Лиги национальной независимости!»), резкий рост (в связи с этим) национального экстремизма в метрополии (тогда и «Память» уже покажется раем) и эдак 40–50 миллиардов расходов на социальную среду для этих 10 миллионов, прибывших в злосчастную метрополию.

Дальше? Очевиден тезис, что цель (отделение Прибалтийских республик, например) «оправдывает» любые средства, в том числе гражданскую войну на Украине или, еще лучше было бы, подальше, где-нибудь в Средней Азии. Не здесь ли та метаидея, во имя которой должен будет полыхать сначала армяно-азербайджанский, а затем — уже и русско-тюркский конфликт?.. Куда как удобно будет в этом случае отделяться — на «мирном Северо-Западе»...

Дальше? Я готов привести документы, говорящие об эстонских претензиях на патронирование народов «угро-финской группы» (а мы, бедные, все арендный подряд внедряем да плодovitость свиноматок уже без малого 30 лет как подсчитываем). А тут — большая игра.

Хотя нет, эта игра еще средняя... Большая — за пределами нашей державы. Предположим только (а почему бы и нет?)... Распад Варшавского блока, выпадение из него ГДР. Образование года эдак через три единой Германии, конечно же, более национально воодушевленной, нежели нынешняя ФРГ. Вливание в дело возрождения ГДР мощных инвестиций тех сил, которые вот уже 44 года ждут своего часа.

И — скорее всего — новая волна германских претензий к Восточной Европе. Ясно, таким образом, чьи интересы обеспечивает радикально настроенная часть национальной эмиграции.

И, наконец, объединенная Германия есть конец делу объединения Европы. Это тоже понятно. И есть кому и этого захотеть. И — заплатить.

Я хотел бы, чтобы этому анализу был противопоставлен другой. Но – тоже анализ!

Я не считаю описанный мною вариант фатальным и неизбежным. Как мне кажется, понимаю и борюсь за принятие мер, способных предотвратить такой нежелательный поворот событий. О послеиндустриальной модели для СССР я уже говорил вкратце и надеюсь, что сумею высказаться более подробно.

Ну а теперь, как же насчет коррупции? Подобно тому, как в борьбе со сталинизмом, я усматриваю три слоя:

– фактологический – когда подробно описываются злодеяния сталинизма;

– инструментальный – когда справедливое негодование народа превращается в инструмент демонтажа системы и реализации определенных глобальных целей;

– и, наконец, типологический – когда сегодняшние антисталинисты применяют весь арсенал сталинских методов шельмования, наклеивания ярлыков, создания дутых дел, манипулирования толпами, деления на «белых» и «черных», деинтеллектуализации, несовпадения целей, декларируемых и преследуемых, религиозный фанатизм по отношению к иноверцам.

То же – насчет коррупции. Гнусная шутка? Безусловно! Но я опять же призываю увидеть в этом явлении три слоя:

– фактологический – когда следователи собирают неопровержимый материал по поводу фактов коррупции. Тут – вопрос квалификации, добросовестности, смелости и всего комплекса свойств, слагающих честь и достоинство этой профессии;

– далее следует инструментальный слой – когда под лозунгом борьбы с коррупцией идет атака на властную систему и оголяется, освобождается структура денежная, та, интересам которой служит этот «страшный-страшный» коррупционер, нанятый новым буржуазным хищником;

– и, наконец, типологический слой предполагает только возможность (подчеркиваю!) таких процессов, как сращивание пирамиды политической с пирамидой юридической. Такое сращивание – это лоббизм. Хотим ли мы, чтобы он пышно расцвел в нашем обновленном парламенте?

ЗАКОН – ПОЛИТИКА – ЗАКОН-ШТРИХ? ПОЛИТИКА – ЗАКОН – ПОЛИТИКА-ШТРИХ?

И, дабы хоть как-то предотвратить эту невеселую перспективу, я предполагаю исключить саму идею, саму возможность использования политических инструментов в юриспруденции, а юридических – в политике.

Политик, имеющий свое четкое кредо (либерал), не должен играть на юридическом поле против другого политика противоположной ориентации (консерватора). В этой игре любое утверждение дискредитировано, любая истина сомнительна. Врач не оперирует ненавидимых и любимых им людей, юрист тоже в подобном случае должен отойти в сторону. А общество?

Здесь, возможно, главная причина, по которой я вызвался анализировать эту щекотливую тему.

Хватаясь за простые формулы, общество рискует оказаться обманутым. Предлагаемая ему альтернатива «капитализм – сталинизм» – политический трюк.

Ловушка.

«СЕКРЕТНАЯ» ПАПКА ЦК КПСС С НАДПИСЬЮ: «КУРГИНЯН»

Декабрь 1988 – октябрь 1990

ОТЧЕТ «БАКУ»

1988. 15 декабря

1. Фактическое состояние конфликта

1.1. 03.12.88 г. Место основной деятельности неформальных групп и «митинговой» стихии в г. Баку было, по существу, единственным – площадь им. В.И.Ленина¹².

Хотя можно с большой уверенностью говорить и о субуровнях этой деятельности – в первую очередь в ряде ведущих НИИ, Академии наук и вузах. Именно они были очагами критического отбора и идеологизации всего потока настроений и лозунгов, прокатившихся через площадь. За день через площадь «прокачивалось» до 30–40 тыс. людей; в особо острых ситуациях предшествующего периода – до 700 тыс. человек.

В республику к этому времени прибыло свыше 78 тыс. беженцев азербайджанской национальности из Армении. Беженцы были приняты в Нахичеванской АССР, г. Кировабаде, Кельбаджарском, Апшеронском, Зангеланском, Мир-Бежарском, Шамхорском, Ханларском, Таузском районах АзССР.

Решением СМ АзССР определены 40 районов республики для размещения беженцев. В период комендантского часа за нарушение режима задержано 417 человек, 63 автомобиля, арестован 31 человек; изъято 9 единиц огнестрельного и две единицы холодного оружия.

¹² 17 ноября 1988 г. на площади Ленина в Баку начался массовый митинг. Поводом стало сообщение агентства Азеринформ о том, что в местности Топхана в экологически чистой зоне кооператорами из Армении вырубается деревья ценных и редких пород для постройки санатория. В результате нарастающего психоза санаторий превратился в «промышленное предприятие», а Топхана – в чуть ли не самое священное для тюрков место. 5 декабря митинг были разогнан военными.

Попытки доставить в город неконтролируемые объемы пищевых продуктов незаконным путем в ряде случаев пресекаются. В то же время лица, постоянно живущие в палатках на площади им. В.И.Ленина, в избытке снабжаются всем необходимым. Беженцев в г. Баку не допускают, положение в основном контролируется.

На площади, значительно потерявшей свой авторитет среди масс, после ухода умеренных остаются лишь около 10 групп радикально настроенной молодежи и субкриминальных элементов. Начинается процесс брожения и выяснения отношений, «борьбы» за площадь среди этих групп. У рядовых граждан, у подавляющего большинства населения города растет скептическое отношение к радикальным группам и площади в целом как месту политической активности.

Снижению «митинговой активности» площади способствовали и вспыхнувшие между лидерами различных группировок распри и междоусобицы, что заметно дискредитировало их в глазах общественности. Движение на площадь и с нее полностью контролируется войсками и политически здоровой (большинство) частью воинов-интернационалистов.

Несмотря на отдельные акты хулиганства и насилия по отношению к армянскому населению (попытка поджогов, ограбление пяти квартир, три случая поджогов, попытки насильственного заселения, отдельные случаи избиения), население города в целом не поддерживает экстремистов и избегает межэтнических столкновений.

В актах насилия и хулиганства участвуют лица субкриминального и криминального характера.

Ночью с 03.12 на 04.12 на площади присутствовало не более 500 человек.

В ночь с 02.12 на 03.12 проведена воинская операция по поиску взрывоопасных предметов на площади. Оружие и взрывчатка не обнаружены.

1.2. В этих условиях в ночь с 04.12 на 05.12 начинается войсковая операция по очистке площади от митингующих элементов. Происходит резкая эскалация конфликта. Если сама очистка не повлекла за собой жертв, то в течение 05.12 в центр города устремляются потоки молодежи, субкриминальных и криминальных элементов, делаются активные попытки прорвать оцепление площади, вернуть ее как символ «политической свободы».

В результате этих попыток гибнут три человека — два армянской национальности и азербайджанец; 14 воинов получают травмы и ранения, то же происходит с 31 гражданским лицом.

По городу быстро распространяются слухи и легенды о массовых жертвах при очистке площади и в результате последующих событий. Звучат призывы к массовым расправам с армянами, к забастовкам, резко подсакивает уровень противоправных действий.

Здание ЦК КП Азербайджана и СМ АзССР блокируется толпами, обстановка накаляется, руководители республики и аппарата ЦК выходят к демонстрантам с попытками проинформировать о событиях и просьбой разойтись.

Между 17.00 и 18.00 05.12 толпы блокирующих здание и демонстрантов на основных магистралях города внезапно расходятся. В течение получаса в городе наступает спокойствие. Характер и скорость прекращения активности свидетельствуют о значительном уровне управления активностью митингующих масс. При визуальном наблюдении четко определены звенья управления и связи между локальными группами демонстрантов.

То же относится и к группам погромщиков, врывающихся на предприятия и в учреждения, организовывающих самостоятельные проверки документов на улицах с целью выявления армян, имитировавших стычки с армией и т.д.: каждая из них была отчетливо управляема. Обращает на себя внимание большая роль женщин как звеньев такого управления.

Следует отметить, что активную часть демонстрантов сопровождают случайные лица, любопытствующие и пассивная молодежь (не менее 15 процентов от общей массы участников).

Резко падает доверие к официальным источникам информации. С напряженным ожиданием население города отнеслось к выступлению по ТВ первого секретаря ЦК КП Азербайджана т. Везирова. Выступление в целом носило позитивный характер и в значительной степени способствовало успокоению масс.

Вместе с тем выступление не смогло блокировать развивающийся конфликт.

В самом выступлении содержался ряд тезисов, позволивших экстремистским силам попытаться дезавуировать выступление и снизить его воздействие на массы.

1.3. В последующие после 05.12 дни в городе укреплялось внешнее спокойствие. При отсутствии активности на улицах и площа-

дах процесс консолидации, исследованный группой, ушел в подвалы, многонаселенные дворы старого города.

Влияние субкриминальных и криминальных структур вышло из-под визуального контроля; наметившийся конфликт между лидерами радикальных групп, имевший место на площади, самоликвидировался. Существенно облегчился механизм влияния на радикальные структуры со стороны представителей «теневого» субкриминальной и криминальной экономики, националистических сил, скрывающихся под масками исламских вероучителей, а также радикалов-теоретиков из числа сепаратистски настроенной национальной интеллигенции.

С этого момента контроль над консолидацией всех антисил мог достигаться только агентурной работой, тогда как на площади сама необходимость гласных выступлений мешала включению в процесс многих из этих сил и одновременно позволяла применять активную оперативную разработку.

Началось осмысление всего процесса различными группами антисил. На повестку дня встал вопрос о выработке идеологии всего процесса конфронтации.

По данным аналитической группы, идеология объективно оказывается в русле идеи «тюркизма» в виде концепции объединения на принципах социально-культурной и традиционной общности без особого значения в этой идеологии религии и идей ортодоксального ислама.

В базисном плане идеология «тюркизма» подкрепляется идеей «вестернизации» экономики республики, ее отхода от центра.

Большую роль в качестве идеального образца, подкрепляющего доводы сторонников тюркизма как социально-культурной нации, для реализации своей национальной концепции развития, выбирающей западный экономический и политический инструментарий, играют Кувейт, Оман, ОАЭ. Подспудно зреет обида на центр, вычерпавший азербайджанскую нефть. Националистическими элементами создается псевдомодель сепаратного существования республики. Расчеты строятся на самообеспечении нефтью и реализации на международном рынке хлопка, части нефтепродуктов и ранних овощей и фруктов.

Азербайджанской «теневого» экономикой организуется широкое наступление для вытеснения с рынка Азербайджана товарно-материальной продукции армянской «теневого» экономики. Раз-

ворачивается борьба за сырье – туркменскую кожпродукцию. Ликвидируются связи армянского «теневое» капитала с производством пластмассовых предметов ширпотреба и бижутерии, ранее осуществлявшихся на азербайджанских производственных мощностях. Политизируется экономический конфликт между армянским и азербайджанским бизнесом на рынках Средней Азии.

Руководство среднего и низшего звена в партгосаппарате, назначенное предыдущими руководителями республики и включенное в коммуникации взаимоотношений с «теневой» экономикой, активизирует свою деятельность по дискредитации нового руководства республики.

Практические приемы этой деятельности варьируются от требований к подчиненным активней участвовать в беспорядках, провоцировать забастовки на своих производствах до распространения клеветы, порочащих слухов и обвинений в «русификации» высшего звена управления.

Активизируется работа с беженцами, распространяются тщательно составленные слухи и легенды, предпринимаются попытки к изданию нелегальной газеты.

Развитие антисил выходит за пределы Баку и имеет тенденцию к филиализации по республике.

По данным аналитической группы, в Баку побывали представители народных фронтов Эстонии, Литвы, представители отдельных политических направлений Грузии, Средней Азии, татары Поволжья и крымские татары. Следует отметить, что попытки этих представителей найти руководящее звено процесса не дали результата, так как, по мнению группы, единое политическое руководство антисил в Азербайджане еще не сложилось.

Вместе с тем выработанная в Прибалтике формула Народно-го фронта как объединения национальных сил, противостоящих давлению и произволу центра, резко ускорила процесс консолидации национального самосознания радикальной интеллигенции и студенчества.

Крайний же тюркизм и антирусизм радикального крыла в движении крымских татар легко смыкаются с основной идеологией блока националистических сил в Азербайджане, в свой черед радикализируя ее. Антирусизм растет, появляются лозунги обличения «русского империализма».

2. Структура антисил в конфликте

Общая характеристика процесса становления и развития антисил в Азербайджане складывалась в ходе проведенной группой аналитической работы по определению состава, содержания и интересов этих сил.

В этой работе существенную помощь группе оказали как работники ЦК КП Азербайджана (отдел науки и группа экспертов при отделе, отдел агитации и пропаганды), так и авторитетные представители АН АзССР, другие представители здоровых сил национальной интеллигенции.

Аналитическая проработка говорит о следующей расстановке сил.

2.1. Правые радикальные элементы

Представлены практически единственной группой, возглавляемой полуобразованным рабочим 26 лет, неким Паннаховым. За спиной этого лидера существовала группа теоретиков в составе философа, экономиста и юриста, направлявшая и корректировавшая деятельность Паннахова.

Для этой группы характерны сепаратистские требования и панисламские лозунги, призывы к активным антиармянским действиям.

Видимый социальный радиус ее влияния в Баку (многонациональном городе) ограничен криминальными и субкриминальными слоями. Вместе с тем выдвигаемые ею идеи могут найти достаточно широкую базу в населении так называемых «бакинских сел» (апшеронских сел Большого Баку) «персо-иранского» населения, социальное поведение которого несет в себе черты превращенных форм шариата.

В последние десятилетия произошла подпитка этого слоя проживающими в общежитиях и различных «самостроях» тюркоязычными выходцами из сельских районов.

Группа, символизируемая Паннаховым, требует «чистки» крови, запрещения смешанных браков и т.д.

Вызывает беспокойство присоединение к Паннахову незначительной части лиц из бывших военнослужащих в Афганистане. Этими лицами были разработаны правила уничтожения материальной части (танков, БТР, БМП) армии в условиях города.

Считаем необходимым подчеркнуть, что подавляющее большинство – около 1200 человек – бывших воинов-интернационалистов добровольно и в нужный момент включилось в действия

по предотвращению эскалации конфликта и являлось одной из наиболее эффективных сил по купированию конфликта и контролю за ситуацией.

2.2. Субкриминальные структуры, тяготеющие к правому радикализму

На протяжении предшествующих перестройке двух десятилетий в г.Баку распространялись отношения коррупции. Одним из постоянных источников обогащения бюрократии была торговля пропиской в г.Баку, поощрение появления районов стихийной застройки. Формировался субкриминальный поток мигрантов из районов в г.Баку.

Значительная часть мигрантов такого рода занимается в городе полукриминальной и криминальной деятельностью. В этой среде основными занятиями являются спекуляция, сбыт наркотиков, фарцовка, оптовые закупки товаров в Москве, Ленинграде и реализация их в сельских районах Азербайджана.

Социальная мощность этой группы оценивается не менее чем в 30 тыс. человек.

Представители этой субкриминальной структуры в призывах Паннахова видят практическую возможность разрешения жилищного кризиса за счет «сгона» армянской общины и других нацменьшинств из Баку.

Эта группа антисил политическими лозунгами интересуется в основном лишь в связи с реализацией своих локальных интересов.

Однако нельзя сбрасывать со счетов и той роли, которую играют в психологической мобилизации такого слоя превращенные структуры шариаата.

2.3. Криминальные структуры, тяготеющие к правому радикализму

Социальная мощность — не менее четырех тысяч человек. Эта группа представляет собой отбывших наказание за уголовные преступления, в основном по грабёжам и крупному мошенничеству.

Политические лозунги группы Паннахова позволяют этой асоциальной структуре активно готовиться к грабёжам и присвоению имущества армян, проживающих как в Баку, так и в других городах и районах республики.

2.4. Левые радикальные структуры

Наиболее многочисленная из явных, поверхностных групп в антисилах, в основном представлена студентами бакинского пединститута, мединститута, Института физической и неорганической

кой химии, Государственного университета, средних специальных учебных заведений г. Баку.

Первоначально выступала с позитивных позиций развития перестройки и гласности. В процессе развития «митинговой» демократии перешла на националистические, шовинистические позиции, антирусизм. В отличие от правых радикалов отвергает традиционализм, не опирается на исламизм. Требует, по существу, депортации армян и лиц других национальностей из Азербайджана.

В политической структуре лозунгов этого направления значительное место занимает НКАО (Карабах). Инструментарий воздействия на массы заключается в укреплении и внедрении ощущения поправленной национальной чести и достоинства. В этой структуре наиболее остро шла борьба между лидерами групп. Ротация лидеров происходила с повышенной скоростью. Группы отличаются неустойчивостью, легко рассыпаются и возникают вновь. Следует отметить, что идейное наставничество этих групп осуществлялось преподавателями вузов и средних специальных учебных заведений и низшим звеном научных работников системы Азербайджанской АН, которые выступали с провокационными, зажигательными речами.

Основа интересов этих групп заключается в вытеснении из сложившихся в республике властных отношений представителей интеллигенции предшествующего поколения, уже включенных в действующую структуру управления и распределения социальных и материальных благ.

В логике этого направления, корреспондирующего с классическими анархическими движениями, носители властных отношений являются персональными владельцами этих отношений. Дискредитация сложившихся иерархических структур должна, в представлении участников этого направления, предоставить место им, что позволяет определить этот слой как потенциальную необюрократию.

С одной стороны, все это направление исходит из желания сохранить действующую структуру власти в республике при радикальной замене кадров на выдвиженцев левого радикализма. С другой стороны, в этой среде наиболее популярны идеи сепаратизма и вестернизации.

2.5. Субкриминальная структура, тяготеющая к левому радикализму

К этой структуре относятся дельцы «теневой» экономики Азербайджана, занимающиеся производственной цеховой деятельно-

стью. Влияние на неустойчивую эмоциональную среду левого радикализма позволяет представителям «теневого» бизнеса «раскачивать», ослаблять государственную власть в республике, при этом оставаясь в тени. Поскольку студенческая и молодежная среда легко общается с подростковой средой, а последняя тяготеет к «культовым», «орденским» внешним элементам общественной жизни (которые легко вносятся в подростковую среду студентами – старшими братьями, при особом весе старшинства у тюркских народов), вся общественная структура – левый радикализм – студенчество – молодежь – подростки – получает заверченный социальный вид. А при материальном обеспечении со стороны «теневого» бизнеса представляет собой идеальную среду для провоцирования массовых противоправных действий. Цель субкриминальной структуры заключается прежде всего в ликвидации коррумпированной бюрократии, связанной с «теневым» бизнесом отношениями «оброка», и выдвижении новых наемных лидеров, открывающих для «теневого» бизнеса путь к непосредственному включению во властный механизм.

Социальная мощность этого направления оценивается аналитической группой в 2–2,5 тысячи человек; при оценке возможностей материальной собственности – до 10 миллиардов рублей.

2.6. Криминальные структуры, тяготеющие к левому радикализму

Представлены в основном уголовными элементами, отбывшими наказание или находящимися под следствием по хозяйственным преступлениям, по преступлениям, связанным с организацией и обеспечением цехового подпольного производства, а также по сопровождающим эту деятельность функциям защиты от правоохранительных органов и конкурентов, рэкету, связанному с экономической, цеховой, кооперативной деятельностью.

Социальная мощность этого направления – не менее 20–25 тысяч человек. Это готовая структура управления леворадикалистскими толпами молодежи, располагающая необходимым для этого опытом и жесткой внутренней дисциплиной, имеющая готовые звенья принуждения к деятельности.

Не исключено, что для проведения акций устрашения, демонстрирующих ее силу и влияние, обращается к тому же слою, что и правые радикалы.

2.7. Умеренные, национальная интеллигенция

Наиболее многочисленная группа в пределах «митинговой стихии». Социальная мощность – до 250 тысяч человек. В отдельные

периоды увеличивалась до 500—600 тысяч человек. Исключительно неоднородна. Политическая позиция близка программам перестройки и гласности. Политические симпатии тяготеют к программам народных фронтов Прибалтики.

В то же время, ввиду своей как социальной, так и национальной неоднородности, это политическое направление выработать общую политическую платформу не смогло и, по существу, отказалось от активной политической борьбы, заняв выжидательную позицию.

Основная часть умеренных состоит из высококвалифицированных рабочих и инженерно-технического персонала. Для этой группы характерны требования ускорения процессов оздоровления экономической, правовой и социальной жизни в республике. Присутствует достаточно высокий уровень доверия к новому руководству республики.

В то же время растет непонимание по поводу отсутствия решительности в замене кадров и развития ответственности за действия в предшествующем периоде.

Начинает формироваться мнение о слабости нового управления и силе структуры руководства периода застоя, оставшегося на местах у власти.

Среднее звено национальной интеллигенции, длительное время отстраненное от властных отношений в науке и социальной жизни, предпочитает программы народного фронта по типу Прибалтийских республик и тяготеет к переносу политической активности от «митинговой демократии» к парламентским методам борьбы со сложившейся структурой управления.

В этой среде популярны лозунги и цели сепаратизма и вестернизации экономики, но на «демократических» началах (ориентация на парламентскую демократию).

Эта часть интеллигенции широкой поддержки в массах не имеет, является, по существу, генератором теоретических концепций, переприспосабливаемых радикалами в своих целях.

На выжидательной позиции находятся и высокоавторитетные представители национальной как научной, так и творческой интеллигенции, замороженные внешней, межэтнической формой политического конфликта. В каждом из политических направлений они вычлняют допустимое для себя, не поддерживая общую политическую концепцию той или иной группы.

В результате авторитет этой части интеллигенции широко используется левыми радикалами.

Абсолютное большинство рабочих и служащих низшего и среднего звена свой выбор еще не сделали. Вливаясь время от времени в «митинговую» стихию, эта группа дезориентирована, полной ясности и понимания процесса не имеет, колеблется в действиях от поддержки курса нового руководства до подхватывания межэтнической формы конфликта.

2.8. Бюрократия, связь с «теневой» экономикой, кланы и их место в процессе

Начало периода застоя соответствовало в Закавказье бурному развитию подпольного артельного производства товаров народного потребления и оказания услуг населению. С середины 60-х годов учащаются случаи реализации сырья и материалов из госсектора в «теневое» артельное производство. Отдельные представители иерархических структур управления начинают торговать «гарантиями» неприкосновенности представителям «теневого» бизнеса. С расширением практики приписок, применяемой иерархическими структурами управления, растут объемы финансовых средств, выкачиваемых из госбюджета, объемы сырья и материалов под обеспечение приписываемым объемам готовой продукции, объемы оборудования и техники.

Кроме того, производственные мощности промышленности начинают работать в режиме неполной загрузки. В этих условиях складывается рынок предложения сырья и материалов, оборудования для «теневого» артельного производства. Растет скорость оборота «теневого» капитала. Ускоряются процессы концентрации денежных средств среди коррумпированной буржуазии и централизации артельного «теневого» производства, превращения его в цеховое «теневое» производство на более высокой технологической базе при практически гарантированном обеспечении сырьем и материалами.

Уже на этом этапе происходит как реализация оборудования «цеховикам», так и передача его в аренду. Финансовые ресурсы в руках коррумпированной бюрократии начинают выступать в виде источников кредитования и финансирования на правах участия в прибылях «теневого» бизнеса. Получает распространение практика передачи «цеховикам» в аренду неограниченных производственных мощностей государственной промышленности.

Высшее звено коррумпированной бюрократии переходит на принципы «оброка» «теневой» экономики и рентных отношений на вложенный капитал. Одной из наиболее распространенных форм участия этой части коррумпированной бюрократии является продажа «гарантий» неприкосновенности. В представлениях воротил «теневое» бизнеса это звено становится все более паразитирующим. Звенья управления, более близкие к непосредственным механизмам «теневой» экономики (руководители производственных звеньев, представители практического механизма снабжения и сбыта, представители власти на местах), начинают сращиваться с «теневым» бизнесом и входить в органическую структуру «теневой» экономики в качестве непосредственных участников и обслуживающих звеньев.

В этих условиях происходит расслоение коррумпированной бюрократии по функциям собственности. Высшее звено бюрократии торгует лишь функцией распоряжения, делегированной ей государством. Среднее — частично осуществляет функцию распоряжения и в основном функцию владения. Иначе говоря, продает не только право, но и практический механизм реализации этого права (сырье и материалы, оборудование, аренда производственных мощностей). Низшее звено лишь частично реализует функцию «владения», зато практически полностью реализует функцию «пользования» (организация производственного процесса, технология, трудовые отношения). Через это звено бюрократии, находящейся с «теневой» экономикой в отношениях «найма», осуществляется развращение рабочих и служащих, привлекаемых к «теневой» производственной деятельности, противопоставление их государству и культивирование антисоциалистического мировоззрения.

Учитывая, что эти процессы развивались в Закавказье в течение более чем 20 лет, можно сделать вывод о сложившейся структуре организованной хозяйственно-экономической преступности. В каждой из Закавказских республик эти структуры существуют, хотя и находятся на относительно разных этапах развития и обладают своей спецификой.

Эти структуры в рамках сращения «бюрократия среднего и низшего звена — теневой бизнес» социально-политически представляют собой отряды национальной буржуазии.

Анализируемые процессы показывают, что эти отряды национальной буржуазии как в Армении, так и в Азербайджане осознают свои классовые интересы и начинают развиваться в классы.

Для молодой национальной буржуазии всегда характерны в историческом процессе лозунги этнической разобщенности, сепаратизма, корпускулирования на контролируемых ими территориях.

Цели одни:

– конечная – развал государства, выделение территории республики в самостоятельное государство на концепции капиталистического развития;

– на промежуточных этапах решения этой задачи (возможно в конфедеративной форме) определение доминантных экономических прав по отношению к другим территориям и внутренним социальным слоям населения при наиболее жесткой реализации этих доминантных прав (ср.: сгон беженцев с земель).

Отсюда следует, что коррумпированная бюрократия неоднородна по своему составу. Высшее звено этой бюрократии тяготеет к центризму, идее общей государственности как единственному источнику своей власти. Уже этим эта группа компрометирует идеи перестройки, поскольку внешне стоит на позициях поддержки этих идей. Среднее и низшее звено, составляя вместе с воротилами «теневого» бизнеса базу развития национальной буржуазии, настроено радикально сепаратистски и поддерживает все сепаратистские группы и настроения в антисилах.

Для развращенных участием в «теневой» экономике рабочих и служащих образ «цеховика» закреплен как наиболее социально престижный, привлекательный. Отсюда вытекают политические «симпатии» этой части населения.

По оценкам аналитической группы, контролируемые или принадлежащие «теневой» экономике Азербайджана денежные средства и товарно-материальные ресурсы составляют не менее чем 10 миллиардов рублей. В Армении – не менее 16,5 миллиардов рублей.

Отсутствие резких, принципиальных мер по преследованию коррумпированной бюрократии во всех ее звеньях порождает у рядовых граждан убеждение в том, что представители национальной зарождающейся буржуазии неприкосновенны, а значит, всемогущи. Этим в значительной степени объясняется ускоренное размывание авторитета государственной власти и представителей этой власти как в Азербайджане, так и в Армении.

Реальное взаимодействие структур управления (в нашем случае на анализируемой территории в АзССР) осложняется еще и

тем, что, по данным проведенного социологического исследования в различных социальных слоях населения республики, среди носителей различных идеологий общественная оценка структуры власти на местах определяется как структура власти так называемого «нахичеванского клана».

Этот клан определяется общественным мнением как реальная властная структура в республике, вышедшая с одной территории — Нахичеванской АССР, — пришедшая к власти в застойный период и полностью включившаяся в структуру взаимоотношений с «теневой» экономикой.

Отсутствие правовых мер преследования представителей этого клана до недавнего времени воспринималось как главная характеристика слабости и центра, и высших руководителей республики.

2.9. Религия, ее место и роль

Официальный ислам на территории Азербайджана, хотя и имеет определенную социально-культурную базу, ограничен влиянием на наиболее пожилых представителей населения республики, проживающих в основном в сельской местности.

Этим в значительной степени объясняется слабый эффект обращений шейх-уль-ислама — духовного руководителя мусульман Закавказья — с призывом о прекращении межэтнических столкновений.

Вместе с тем, по данным аналитической группы, на территории Азербайджана действует около 1000–1300 неофициальных мулл, каждый из которых контролирует строго ограниченную территорию и социальную среду.

Отношения в этой структуре неофициальной религии (параллельный ислам) близки к структуре: тарикат как религиозная община; пир как мулла — духовный и правовой наставник, хозяин души и тела наставляемого; и верующий как мюрид пира.

Эта структура имеет светские места моления (в квартирах, в частных домах). Она глубоко законспирирована, политических требований или религиозных идеологием явно не формулирует, но активно участвует в направлении «митинговых» толп на власть в республике, как «образ врага».

В основном используются политические лозунги «попранного национального достоинства и национальной чести». Раздаются призывы к традиционным формам восстановления достоинства и чести, призывы смыть ее пролитой кровью «врага» — армян-иноверцев, новых представителей власти.

По мнению и информации от опрошенных, мулл (пиров) объединяет, руководит ими «черный имам» из-за рубежа. Несмотря на то что эта информация повторялась опрошенными с достаточно высокой частотой, аналитическая группа не обнаружила подтверждения ее в других источниках.

3. Динамика развития конфликта

3.1. Экономические противоречия «теневых» экономик, составляющих реальную базу конфликта

Исторический процесс развития артельного «теневого» производства как базы развития «теневой» экономики более интенсивно проходил в Армянской ССР, в силу традиционно более высокого уровня ремесленничества в этой республике и высокой активности населения.

К началу перестроечных процессов в СССР армянская «теневая» экономика как в самой республике, так и в НКАО, развивавшаяся интенсивно, столкнулась с интересами азербайджанской «теневой» экономики, накопившей в застойный период значительные ресурсы, требовавшие эффективного приложения. Поскольку традиционно обе стороны конкурировали в производстве практически аналогичной продукции (кожгалантерея, изделия из пластмасс, мелкие изделия из металла, автофурнитура, швейные и трикотажные изделия, обувь, сельхозтовары), борьба между ними была борьбой за рынки сырья и материалов, готовой продукции и наиболее дешевых трудовых ресурсов.

Развитие кооперативной деятельности в других регионах существенно сократило возможности «теневых» бизнесов обеих республик, возможности реализации готовой продукции, повысило конкурентную борьбу за сырье. Если борьба за кожсырье перекинулась в основном в Туркменскую ССР и РСФСР, то борьба за дешевую рабочую силу сконцентрировалась главным образом в НКАО и Азербайджане.

Поскольку НКАО являлась основным каналом влияния армянского «теневого» капитала на азербайджанский «теневой» бизнес, то область стала наиболее напряженным звеном внутренней борьбы.

3.2. Официализация и политизация конфликта через проблему НКАО

Для официализации конфликта экономических интересов двух мафий разрабатывается несколько «пакетов» легенд. В том числе:

- отставание социально-экономической структуры НКАО от социально-экономической структуры Азербайджанской ССР;
- притеснения со стороны соответствующих коррумпированных структур, обслуживающих интересы «теневого» экономики, подаются как этнические притеснения;
- создается блок «исторических документов», подтверждающих требования армянской мафии о включении НКАО в состав Армянской ССР;
- создается аналогичный блок о «захватах» этой территории армянами.

После распространения этих блоков информации по стране экономический конфликт оказывается уже оправданным этнически и формулируется как конфликт политический через требование реализации принципа самоопределения территории. С этого момента конфликт политизирован, его «теневая экономическая» сущность замаскирована.

3.3. Беженцы как главная составляющая перехода от политической формы конфликта в межэтническую форму

Политизированный конфликт привлекает к себе значительные массы населения НКАО обеих национальностей, и с этого момента он начинает приобретать характер межэтнических столкновений. Инспирированный поток азербайджанских беженцев из НКАО расширяет географию конфликта, переносит его в другие точки напряжения – города Сумгаит, Кировабад, Баку.

Наиболее слабой точкой оказался Сумгаит. События в этом городе позволили окончательно «спрятать» экономические интересы «теневого мира», драматизировать процесс и полностью перевести его на межэтнические «рельсы».

3.4. Этнизация конфликта

Одна сторона – Армения – использовала образ геноцида 1915 г. как прообраз сумгаитских событий. Другая – т.е. азербайджанская – усилила формирование ощущения нарушенного суверенитета, чувства уязвленного национального достоинства и поправленной национальной чести.

Если образ геноцида формировал в основном общественное мнение в целом по стране, то уязвленные национальные чувства позволили добиться выявления и консолидации антисил в Азербайджанской ССР. Этот процесс стал опорой для организации депортации армян из Азербайджанской ССР и азербайджанцев из Армении.

3.5. Структура потоков беженцев, их место в конфликте и интересах «теневых» экономик

Большинство лиц армянской национальности, проживающих на территории Азербайджанской ССР, концентрировалось в городах, причем традиционно расселялось по принципу компактного проживания. Их отъезд из Азербайджана оказался в большей степени под контролем правоохранительных органов, чем отъезд армян из сельских районов республики. В основном отъезд проводился организованно, с сохранением как денежных средств, так и имущества. По состоянию на 10.12.88 г. Азербайджан покинуло около 90 тыс. армян. Некоторые села выезжали полностью. Значительная часть выезжающих армян из Баку направилась в южные районы РСФСР. По существу, азербайджанский «теневой» бизнес ликвидировал конкурирующие армянские структуры на территории республики.

Поток азербайджанских беженцев из Армении по состоянию на 10.12.1988 г. оценивается количеством около 130 тысяч человек. Практически это сельское население из 17 районов Армении с традиционно смешанным населением. Организация выселения этих беженцев с их земель, изученная по социологическим обследованиям, позволяет выделить три качественных этапа насильственного выселения:

– этап формальной закупки имущества сгоняемых по монополярно низким ценам (корова – 30 рублей, баран – 8 рублей, 10 кур – 3 рубля, один гектар плодородной земли – 4 тысячи рублей). Доставка выезжающих к границе республики проводилась по цене 100 рублей за человеко-километр. На выезд одной семьи из пяти человек (среднестатистическая численность семьи азербайджанского беженца) на расстояние в 50 километров до границы республики необходимо было выплатить 25 тысяч рублей. Практически изымались все денежные средства, выплаченные за имущество.

В сгон с земель активно включились субкриминальные и криминальные структуры, обслуживающие армянскую «теневую» экономику. В короткие сроки во главе бандгрупп встали представители комитета «Карабах». К сгону были привлечены представители местной бюрократии, находящиеся на содержании «теневой» экономики. Процесс вступил во вторую фазу:

– изгоняемых вынуждали писать расписки на чистых листах бумаги, заверенных печатями поссоветов, нотариальных контор,

а в ряде случаев и райисполкомов о выплате денежной компенсации или обмене жилплощади.

Все опрошенные отмечают, что основной мерой воздействия было избиение, угрозы физической расправы, угроза оружием. На этом этапе опрошенные отмечают большое количество холодного оружия, топориков в руках членов бандгрупп. Наличие огнестрельного оружия отмечается редко. Практически все опрошенные отмечают присутствие в бандгруппах лиц в форме милиции.

Распространившаяся среди азербайджанского населения паника, полная безнаказанность бандгрупп привели к массовому бегству азербайджанцев в леса по направлению к границе Азербайджанской ССР. Процесс вступает в третью фазу:

– бандгруппы блокируют дороги и тропы, отбирают у беженцев деньги, ценности, уничтожают их личные и имущественные документы.

Опросы отмечают резкий рост количества огнестрельного оружия в бандгруппах. Присутствует: турецкие пятзарядные карабины, автоматы немецкого производства времен ВОВ, охотничье оружие, наганы, пистолеты. Акты насилия ужесточаются, избиениям часто подвергаются старики, что глубоко травмирует психику азербайджанцев. При выселении следует предупреждение: за разбитые окна или другой урон жилому дому, зарезанную скотину – смерть.

Аналитической группой определен объем присвоенного армянской субкриминальной и криминальной структурами «теневой» экономики имущества, денежных средств и ценностей изгнанных в сумме 3,1 млрд. руб.

Таким образом, армянский «теневой» капитал компенсировал свои потери в Азербайджанской ССР.

Одновременно конфликт из межэтнического (в основном на территории АзССР) перешел в разряд межнационального, вовлекая в зону своего действия население двух республик.

3.6. Перспективы дестабилизации положения в Азербайджанской ССР

Наличие на территории Азербайджанской ССР более чем 130 тысяч крестьян, согнанных с земли и лишенных имущества, с учетом их вынужденного расселения по 40 районам республики, создает качественную базу развития конфликта.

Подвергшиеся насилию, потерявшие веру в защиту со стороны государства, беженцы представляют собой исключительно нестабильную социальную среду, тяготеющую к самозащите. Исторические ана-

логи подобных насильственных выселений крестьян приводят к выводу о возможных вспышках конфликта в виде «крестьянской войны» и партизанских действий. Вероятность подобного развития событий усугубляется численностью и структурой восточной крестьянской семьи, а также особым значением кровнородственных связей.

3.7. Новый качественный переход конфликта из межэтнического в межнациональную форму

Переход конфликта на новый качественный уровень (межнациональный) приводит к поискам идеологом соответствующего качества. Для армянской стороны, уже консолидированной вокруг идеологии народа-мученика, отстаивающего право на жизнь и идею армянской государственности, такой задачи нет.

Для азербайджанской стороны такой идеологией является лишь идея тюркизма, консолидирующая азербайджанцев в нацию.

Анализ, проведенный группой, показывает, что антисилы в Азербайджанской ССР подошли к выработке общей идеологии. И хотя антисилы в Азербайджане не прошли еще процесс консолидации, предшествующей выработке общей политической идеологии, наличие в республике 130 тысяч беженцев, неизбежное распространение информации о методах гона с земель создают предпосылки для сплочения народа на базе этической, морально-нравственной оценки этих событий. По существу, вопрос в настоящее время сводится к определению той силы, которая встанет во главе этого процесса.

4. Социально-политические силы в Азербайджанской ССР, заинтересованные в прекращении конфликта

4.1. Силы, активно препятствующие расширению конфликта

Проведенный группой анализ показал, что коллективы крупных промышленных предприятий г.Баку не только не проявили забастовочной активности, но и контролировали порядок на своей и прилегающей территориях. Возросло доверие этих коллективов к своим руководителям. В то же время потенциальные возможности крупных пролетарских коллективов использованы не были. Отсутствовали «встречные» демонстрации в поддержку перестройки и правительства республики, не были созданы новые формы использования социально-политических возможностей этих групп населения.

Как уже отмечалось, исключительно активно повела себя подавляющая часть воинов-интернационалистов. По существу, бла-

годаря их инициативе не возникало локальных конфликтов при вводе войск в особый район – г.Баку. Воины-интернационалисты взяли на себя наиболее конфликтные формы контрольной работы – проверку документов, личный досмотр и досмотр вещей.

Несмотря на это, возможности этой авторитетной социальной группы не были максимально использованы.

Особое место в формировании общественного сознания на Востоке играют пожилые люди. При высоком уровне урбанизации населения это влияние идет на убыль, тем не менее ветераны ВОВ, представители республиканской науки и культуры располагают значительным авторитетом, который практически невозможно использовать в традиционных формах социально-политической работы.

4.2. Группы населения, пассивно сопротивляющиеся развитию конфликта

Следует отметить, что авторитет старейшин на селе значительно выше, чем в городах. Аксакалы в сельской местности занимают в настоящее время позицию пассивного нейтралитета. Исторически в Азербайджане в периоды нарастания конфликтных ситуаций стихийно возникали аксакальские советы, располагавшие исключительным влиянием на массы. В сложившихся условиях использование института аксакальства привело бы эту структуру из пассивной в активную форму деятельности. Включение же этой структуры в работу по обслуживанию кадров резко повысило бы как авторитет высшего республиканского звена управления, так и авторитет аксакальства.

В крупных городах Азербайджана (Баку, Сумгаит, Кировабад и др.) определенное место занимают межнациональные среды из семей, возникших в результате смешанных браков, и азербайджанцев разноязычной культуры. Эти среды далеко отстоят от традиционных форм национальных отношений и изначально представляют собой социальную структуру интернационального мировоззрения.

Следует учесть, что лица, входящие в эту структуру, ощущают определенный «комплекс неполноценности» в условиях бурного развития национальных и националистических воззрений, а значит, тяготеют к объединению на интернациональной основе. Лидерские функции для этой среды могли бы исполнять представители республиканской интеллигенции, сохранившие свой обще-

ственный авторитет в период застоя и стоящие на интернациональных позициях. (Интеллигенция второго, третьего поколения в Азербайджане русскоязычна, как правило, азербайджанского языка не знает, интернациональна.)

4.3. Резервные структуры населения, способные примкнуть к активным силам

Особое место в оперативной обстановке занимает молодежь 14–17 лет. Эта неустойчивая, но исключительно активная часть населения способна поддержать любое направление развития событий, избирая то, которое даст больше оснований для самоутверждения. Для этой части населения функции лидерства могли бы осуществлять здоровые силы воинов-интернационалистов. Влияние в данном случае было бы тем больше, чем больше учитывалось бы тяготение молодежи к атрибутике общественного движения. Если функции «командирства» могли бы осуществлять воины-интернационалисты, то функции «комиссарства» – ветераны ВОВ и партии.

Пассивную, выжидательную позицию занимает большая часть рабочих и служащих средних специализированных промышленных предприятий, не включенных в «сферу влияния» «теневого» экономики. Поскольку на этих предприятиях (электротехническое, электронное, приборостроительное производства) профессиональные качества и уровень культуры работающих выше, чем на предприятиях местной и бытовой промышленности, на транспорте (где «теневая» экономика держит ключевые позиции), эти группы населения политически здоровы, но не имеют внутренних возможностей для политической консолидации, так как их собственное руководство для них традиционно не является авторитетным.

В сельской местности здоровой, но пассивной силой является социально стабильная часть работающих, не имеющая парниковых хозяйств, избытка земли в личном пользовании и относящаяся, по существу, к малоимущим слоям сельского населения. Эта группа, не имея собственных источников обогащения, работает на принципах найма как в госсекторе, так и в личных сельских хозяйствах, контролируемых «теневым» бизнесом. Их политические симпатии на стороне усиления государственной власти, резких мер по отношению к «теневой» экономике, стабилизации политической жизни в республике. Общественный авторитет для них – аксакальство.

В анализе конкретных событий отмечается особое влияние женщин на массы. Это влияние имеет традиционные корни: женщина-

мать в восточной семье пользуется большим неявным авторитетом, и ее образ интенсивно эксплуатируется антисилами для создания острых, возбуждающих страсти толпы ситуаций. Опираясь на факты, свидетельствующие о фрагментарном включении женщин в пресечение конфликта (Агдам, Сумгаит), следует активно использовать этот традиционный фактор, во многом определяющий настроение и поведение толпы мужчин как видимого активного участника процесса.

4.4. Нетрадиционные формы воздействия на население

Оперативная обстановка показывает, что антисилами в ходе развития конфликта активно используются все формы и методы борьбы за сознание масс, включая инструменты психологической войны. К последним относятся: **адресность**, учет социальной и культурной стратификации населения при создании пакета информации, подаваемой данному слою, тщательная проработка формы стиля, образности языка, используемого для подачи этой информации с учетом особенности адресата.

Дрейф цели, подача на идеологический рынок только продуктов, потребность в которых уже сформирована населением к моменту подачи, с одновременным прощупыванием рынка, определением возможного нового шага.

Так называемая склейка, использование чужих, но притягательных для данного слоя вывесок для реализации под этими вывесками своей идеологической продукции.

Согласованная многоканальность, системное использование средств массовой информации, как советских, так и зарубежных, а также возникших в процессе демократизации общественных трибун, «митинговых зон», листовок и прокламаций, слухов и легенд.

Настойчиво декларируемая неангажированность, борьба за психологическое влияние на лидеров и структуры, обаятельные для каждого данного слоя населения.

Очевидно, что в новых условиях традиционная структура идеологической базы полемики неэффективна. Без создания социальной и идеологической базы нового типа, не декларирующей своих связей с партгосаппаратом и вместе с тем связанной с ним общим желанием преодолеть кризисную ситуацию, партийный и государственный аппарат в условиях демократизации существовать не может. Поэтому возникает настоятельная необходимость в создании структуры центров, способных вести психологическую войну в экстремальных условиях и являющихся для партгосаппарата как неза-

висимым источником анализа, подачи информации, параллельной официальной, так и способных к самостоятельным действиям, блокированию «теневой» информации и «теневой» идеологии.

Формы и методы организации подобного типа структур состоят в поиске и выдвижении конструктивно ориентированных лидеров, смелом наделении их широкими правами и полномочиями, в том числе и организационно-экономическими, передаче оперативной инициативы в их руки.

5. Место государственных сил в развивающемся процессе конфликта

5.1. Ведомственный подход к урегулированию конфликта

Оценка процесса конфликта как межэтнического явилась причиной исходных просчетов при организации механизмов его ликвидации. Вся работа по исчерпанию конфликта приобрела ведомственный характер, в рамках прав и обязанностей каждого отдельного ведомства. До настоящего времени не создан координационный центр с широкими полномочиями, позволяющими направлять ведомственные усилия в общее русло.

Такой подход укрепляет реакцию управленческого звена на происходящее как на цепь отдельных, самостоятельных событий, а не как на органический процесс. Это приводит к самоизоляции государственных сил, превращает государство в ответчика за каждое событие конфликтного процесса.

5.2. Утрата инициативы в противостоянии антисилам

Механизм ведомственной самоизоляции укрепляет инициативность антисил, позволяет им широко пользоваться терминологией и лозунгами перестройки. Отсутствие единого центра управления здоровыми силами порождает отсутствие единой оценки процесса и четко определенного отношения к нему. В результате в актив антисил попадают представители государственных и партийных организаций.

Поскольку многие ведомства, действующие в зоне конфликта, не имеют республиканского подчинения или подчинены республике частично, ЦК КП Азербайджана объективно не в состоянии играть роль такого координационного центра, так как не располагает соответствующими задачами правами.

В силу особого социально-политического положения в республике, ее население предъявляет жесткие требования и претензии к средствам массовой информации.

5.3. Общественная информация

Следует отметить, что традиционно неоперативная и низкачественная информация, как официальная республиканская, так и официальная союзная, привыкшая пользоваться политическими штампами вместо политических оценок, не способствовала купированию конфликтного процесса и расслоению антисил. Влияние периодической печати и ТВ на формирование общественного сознания в республике не может быть определено как позитивное, так как на не занятое этими средствами информации поле общественного сознания вышли слухи и легенды, обретая статус единственной «достоверной информации». «Достоверность» слухов и легенд подкреплялась неформальными источниками информации (распространялись тексты, видео- и фотоматериалы).

Положение усугублялось тем, что официальные источники информации (комендантские сообщения в печати) часто ссылаются на неполную информированность либо на отсутствие возможности получения информации.

По результатам опроса и изучения мнения населения, оценка объективности центральных органов информации крайне низка. Как содержание информационных сообщений по поводу событий, так и отсутствие таких сообщений расцениваются как результат влияния другой стороны конфликта.

К наиболее частым ошибкам в работе средств массовой информации опрошенные относят: замалчивание фактов и наиболее острых событий; необъективность освещения в прессе и на ТВ происходящего; неадекватность информации и событий, ею освещаемых; непонимание масштабов и значения конфликта как для населения обеих республик, так и для государства в целом.

Интонация самоуспокоения в официальной информации, резко контрастируя с реальными событиями, приводит к дальнейшему размыванию авторитета государства в целом как защитника закона и справедливости, гаранта гражданского мира.

Разрушение социумов как для армян, так и для азербайджанцев, вынужденных покинуть места традиционного проживания, ставит эти группы населения в положение объектов беззакония. Отсутствие быстрых и решительных мер правовой защиты их интересов, безнаказанность виновных в произволе приводят к деградации в их сознании и в сознании окружающих их социальных структур понятия государства.

В этих условиях, когда государство рассматривается уже как утратившее реальную власть и контроль над событиями, неизбежен перенос этой оценки и на все государственные структуры, в том числе и на армию.

Проведенные исследования показали, что присутствие армейских подразделений в особом районе Баку, при том что эти подразделения не имеют полномочий, соответствующих их государственной значимости, а лишь выполняют функцию пассивного устрашения, не только лишает эти силы должного авторитета, но и укрепляет антисилы, а также криминальные и субкриминальные элементы в сознании своей безнаказанности.

В оценке населения присутствие армии либо должно связываться с изменением правовых форм жизнедеятельности, повышением защищенности и правопорядка (через объявление особого или чрезвычайного положения и временного замещения гражданского права правом военного времени), либо полностью теряет смысл.

6. Прогноз, неотложные меры

6.1. Диалектика конфликтного процесса показывает, что, начавшись со столкновения интересов «теневой» экономики двух республик, он трансформировался в конфликт политический (проблема НКАО), затем межэтнический (беженцы из НКАО и Сумгаита), межнациональный (беженцы из обеих республик, события вокруг Топханы) и наконец подошел к фазе превращения в конфликт общегосударственный.

6.2. Мощность и скорость развития процесса не исключает возникновения очагов типа гражданской войны или партизанских действий во всей структуре Закавказских республик.

6.3. Следует особо учитывать возможное влияние на ускорение конфликтного процесса социально-психологической атмосферы, сложившейся в Армении вследствие стихийного бедствия¹³ и возможных действий «теневой» экономики республики в связи с этим (хищение материальных средств помощи, усиление террора в районах смешанного населения, формирование антигосударственных настроений).

¹³ Спитакское землетрясение, произошедшее 7 декабря 1988 г., охватило около 40% территории Армении (полностью разрушило города Спитак и Ленинакан). Погибли не менее 25 тыс. человек, 514 тыс. человек остались без крова.

Необходимо иметь в виду приближение годовщины событий в Сумгаите (февраль), мусульманского праздника Навруз-Байрам (март), годовщины геноцида 1915 г. (апрель)!

6.4. Необходимо создать единый центр по урегулированию конфликта с подчинением ему всех структур местной власти, средств информации, военных сил, с предоставлением права временной замены гражданского права на право военного времени как в отдельных районах, так и в обеих республиках в целом;

- начать решительные действия по правовому преследованию «теневых» экономических структур с широким освещением этих действий средствами массовой информации;

- произвести быструю и качественную чистку партийных и государственных структур в обеих республиках от руководителей, способствовавших развитию процесса конфликта; замену кадров переориентировать с национальной на интернациональную основу;

- создать комиссию по проблемам беженцев и защите их прав (важно успеть до посевных – март–апрель – работ);

- следует выделить время в передачах Центрального ТВ и радиовещания для специальных программ по проблемам конфликта;

- организовать серию публикаций в печати по сущности и масштабности процесса конфликта; цель – создать в общественном сознании и мнении прочную причинно-следственную связь существования конфликта (столкновение интересов «теневых» экономик – криминальные силы – разрушение интересов государства – сепаратизм);

- мобилизовать общественное мнение через серию конференций по конкретным проблемам процесса; цель – дезавуировать политическое, межэтническое, межнациональное содержание конфликта.

Особое значение имеет:

- разрыв коммуникаций; учитывая влияние «теневого» бизнеса на транспорт, движение транспортных средств должно осуществляться только по военным документам; это важно для обеих республик;

- расследование участия «теневого» бизнеса Армении в строительстве в зонах стихийного бедствия¹⁴; безусловная неотвратимость ответственности за низкое качество, хищения и т.д.;

¹⁴ Речь идет о строительстве в сейсмоопасных зонах.

– передача функций охраны общественного порядка на территориях проживания или работы здоровым силам населения республики; их привлечение и включение в исполнение государственной функции; мобилизация авторитетных неформальных структур (аксакалы и т.д.);

– призыв из запаса воинов-интернационалистов, формирование из них особых частей в замену регулярным армейским подразделениям; призыв должен быть осуществлен на принципах добровольности и сформулирован как «зов отчизны для защиты ее интересов»;

– осуществление особого контроля грузов, прибывших в Армянскую ССР в виде международной помощи (не исключена доставка оружия, взрывоопасных материалов); введение особого контроля за использованием медикаментов, зимних полевых средств жизнеобеспечения (палатки, спальные мешки, химгрелки, химреактивы очистки, компактные продукты питания); пресечение передачи этих средств бандгруппам.

7. Концепция конфликтного процесса, анализ его качественной структуры

Анализ исследуемого процесса свидетельствует о появлении новой социальной силы, претендующей на власть. Эта сила может и должна быть определена как отряды национальных буржуазий, опирающихся на развившуюся в застойный период «теневую» экономику. По существу, эти отряды переживают период первоначального накопления капитала и тяготеют к характерным для этого процесса криминальным способам борьбы с государством и между собой.

7.1. Возникновение и формирование денежных и материальных ресурсов «теневого» характера имеет специфические особенности в разных регионах СССР.

В республиках **Прибалтики** (Эстония, Литва) ресурсы такого рода сложились из стянутых в этот район классических ценностей (золото, драгоценные камни, изделия из них, портативные предметы роскоши) отступавшими фашистскими войсками. При ликвидации замкнутой в Прибалтике группировки захватчиков эти ценности в основном были присвоены местным населением и осели в функции сокровищ.

В настоящее время возникли предпосылки (для держателей этих ценностей) их коммерческого использования в качестве первоначального капитала. Условие – открытая граница с Западной Европой.

Для **Украины, Молдавии** более присущи высокие рентные поступления при быстром развитии личных коммерческих сельских подворий. По существу, в этих республиках присваивалась дифференциальная рента, не изымаемая государством. Удельный объем ресурсов «теневого» бизнеса невелик, но уже и здесь выступает как первоначальный капитал. Усиливается мелкобуржуазная активность общественного мышления.

Для **Крыма, Черноморского побережья Кавказа** процесс первоначального накопления капитала основывался, главным образом, на индустрии отдыха, транспорта, рентных поступлениях за климатические условия отдыха. Этот рынок стал вторым, после РСФСР, рынком потребления продукции «теневых» экономик.

Республики Закавказья обеспечили накопление ресурсов «теневых» экономик за счет продажи «властных отношений» и развития паразитирующей на государственном промышленном производстве «теневой» производящей мафии. Накопленные ресурсы выступают как достаточные первоначальные национальные капиталы. Условия реализации — правовая самостоятельность.

В республиках **Средней Азии и регионе Поволжья** источники накопления «теневых» средств аналогичны; соединяются аспекты Украины, Молдавии, Закавказья. Более высок уровень многолетнего паразитирования на госбюжете СССР и отраслевых ресурсах.

Процесс накопления «теневых» ресурсов происходит и в остальных регионах СССР.

7.2. Анализ развития процесса по регионам позволяет сделать вывод о сложившейся стратегии и тактике национальной буржуазии и наличии достаточно разработанного инструментария их действий.

Тактика. Скрытый социально-экономический конфликт трансформируется в политический конфликт. В свою очередь, политический конфликт переводится в межэтнический, затем через фазу межнационального конфликта — в общегосударственный.

Стратегия. Внутриэкономическое обособление территории — захват политических полномочий — конфедеративная форма государственного устройства — внешнеэкономическое обособление территории — самоопределение.

С учетом специфики культуры, этнической насыщенности региона, уровня развития антисил, потенциальной возможности внешнеэкономической и внешнеполитической самостоятельной деятельности тактика действий антисил изменяется от региона к региону.

Следует иметь в виду, что в ряде регионов консолидирующиеся антисилы имеют объективную возможность опереться на свои зарубежные этнические структуры. Такими возможностями располагают Эстония, Литва, Украина, Армения, Азербайджан. Далеко не утопично и предположение о существовании международных сил, предвидящих возможность дестабилизации государства и общества.

Закавказский конфликт в политической типологии крайне близок к израильско-арабскому конфликту и напоминает события на Кипре. Прослеживаемая интеграция антисил традиционно исламских регионов страны, в том числе Поволжья, под флагом туркизма способна привести к катастрофе.

7.3. Обращает на себя внимание быстрое изменение качества процесса и его «скачущий» характер по государству в целом, многообразии форм.

Анализ конкретных событий в Прибалтике позволяет определить инструментарий действий как тяготеющий к классическому парламентаризму, с переносом политического конфликта в общегосударственную форму, минуя этапы межэтнического и межнационального конфликта. Для Закавказья более характерен полный цикл развития процесса. Это отчасти объясняет, почему идея конфедеративного устройства государства вышла из прибалтийского региона. Поскольку процесс ориентирован на достижение общегосударственного конфликта, последний может быть реализован не только в форме политического кризиса, но и в форме прямых вооруженных столкновений.

Скорость и характер распространения процесса свидетельствуют о его «метастазной» природе: политическое требование самоопределения не нации, а территории рождается в НКАО. Спустя короткое время конституируется в масштабах Эстонской ССР, возвращается в Закавказье в форме межэтнического конфликта, усиливает антигосударственные настроения по дуге от Эстонии до Закавказья, включает Грузинскую ССР.

Действия антисил регионов взаимно этизируются, создается общественное мнение в определении «правоты» той или иной стороны, в том числе в регионах, не охваченных конфликтным процессом.

В этом процессе, опирающемся на уже обнародованный принцип «права территории на самоопределение», обнаруживаются две

тенденции. Одна — обособление территорий наций, входящих в многонациональное государство — СССР. Другая — дробление наций на составляющие их этносы и субэтносы, с соответствующим дроблением территорий наций.

7.4. События в Закавказье показали, что криминальный класс менее всего склонен к каким бы то ни было экономическим паллиативам. Ключевыми для него являются вопросы о собственности и о власти, вне решения которых он отвергает всякое экономическое сотрудничество. В тех районах, где начинает развиваться кооперативное движение, он незамедлительно берет этот вопрос под свой контроль, используя при этом как мощнейшие стартовые возможности, так и налаженную структуру «теневых» связей на рынках дефицита. В результате государственная монополия получает в качестве «соседа и партнера» монополию криминального бизнеса. Криминальная буржуазия, внедренная в структуру государственной монополии через слой коррумпированной бюрократии, все более и более превращает последнюю в служанку своих интересов.

Простой анализ структуры и зон влияния «теневой» экономики союзных республик позволяет ожидать возникновения цепи конфликтов в борьбе за государственные территории, рынки сырья, сбыта, рабочей силы. Совершенно ясно, что развернется острая борьба за доминантное экономическое положение между территориями, в том числе и с образованием противостоящих блоков.

Объективный результат такого процесса — деструкция, развал, разруха. Именно эти условия наиболее желательны для криминальной национальной буржуазии.

В политическом аспекте этому процессу более соответствует движение не в сторону развития демократии, а в сторону возникновения властных отношений иного типа — олигархии, диктатуры и т.д.

В процесс разрушения идеи общей государственности введены стихийные силы, даже на субэтническом уровне. Поскольку силы этого уровня находятся на разных этапах развития самосознания субэтноса как целого, цепь возможных конфликтных событий не может быть ограничена ближними временными рамками и в перспективе, на длительный срок, может стать константой.

Антисилы, включающиеся в развитие конфликтного процесса, исключительно деструктивны, легко мимикрируют под практиче-

ки любые идеологемы и лозунги, объединяют или стремятся к объединению любых антигосударственных сил. В этом процессе дестабилизация государства — лишь средство. Конечная цель — его ликвидация. Качественные аспекты процесса говорят о тактической цели создания множественности горячих точек и очагов напряженности и распыления по ним здоровых сил общества и государства.

8. Предложения

Действия криминальной буржуазии, возглавившей союз антисил, складываются в единую, целостную систему. Следовательно, им может и должна быть противопоставлена столь же целостная программа действий государства, включающая:

8.1. Решительное изменение правового статуса зон острого конфликта с временной заменой гражданского права на право военного времени.

Создание для этого временного полномочного органа, которому передаются все функции власти на территории острого конфликта, независимо от административно-территориального деления.

8.2. В режиме права военного времени расследование деятельности «теневой» экономики и наказание виновных, в том числе и лиц, способствовавших обострению конфликта.

8.3. Восстановление законности и гражданского мира на территории острого конфликта; определение размеров имущественного ущерба, нанесенного гражданам в ходе конфликта.

Имущественные претензии потерпевших должны быть рассмотрены и удовлетворены за счет возвращения отторгнутого или компенсированы из имущества и средств, конфискованных у представителей «теневой» экономики.

8.4. В зонах острого конфликта и регионах, имеющих тенденцию к дестабилизации, необходимо установить особый контроль за коммуникациями связи, транспортными артериями и транспортом.

Должна быть обеспечена возможность рассечения коммуникаций в любой точке и в любой момент времени.

8.5. В структуру идеологической работы должны быть введены нетрадиционные составляющие, имеющие общественный авторитет, — социальные группы, отдельные лица, типы действий и пр.

Целью идеологической работы должно быть освещение классового содержания развивающегося конфликта с подробным, широким анализом места, которое занимает в нем криминальная буржуазия.

Следует формировать в общественном сознании устойчивые представления о связи между деятельностью криминальной буржуазии и политической платформой сепаратизма.

8.6. Активная социальная политика по оздоровлению среды за счет изъятых из «теневой» экономики средств и ценностей с широким обсуждением направлений их использования.

8.7. Создание нетрадиционных, «неявных» механизмов идеологической работы для борьбы за общественное сознание: проведение общественных конференций по конкретной проблематике деструктивного процесса, публикация серий материалов по этим вопросам, выпуск социально ориентированных критических материалов «независимого» характера с распространением их нетрадиционными способами.

8.8. Широкое использование общественного авторитета социальных лидеров, стоящих вне аппарата государственного управления, для консолидации как общественного мнения, так и здоровых сил общества в защиту интересов государства.

Дезавуирование идеи конфедерации и «права территорий на самоопределение».

8.9. Следует рассмотреть возможность добровольного выхода из запаса воинов-интернационалистов и создания на их основе военных сил поддержания порядка и гражданского мира.

ОТЧЕТ «КАРАБАХ»

1989. 17 февраля

1. Эволюция процесса

1.1. Демократические преобразования в СССР, начатые «реформой сверху», резко политизируют ранее неактивные слои населения.

Реализация политической активности масс в этих условиях осуществляется только через общественные объединения «в поддержку перестройки» (**основная типология «народный фронт»**). На первом этапе альтернативные и экономические цели такого рода движениями не выдвигаются.

1.2. В дальнейшем возникает тенденция к противопоставлению интересов периферии как «народных» и интересов центра как «бю-

рократических», формируются требования политэкономической децентрализации. **Объектом демонтажа оказывается принцип общегосударственности.** Общедемократические движения начинают трансформироваться в национально-демократические. Это второй качественный этап развития процесса.

Идея хозрасчета территорий, теоретически привлекательная, а по существу не реализуемая без полной ликвидации детерминизма общегосударственных интересов и замены их интересами узкотерриториальными, укрепляет концептуальную основу радикализма, выступавшего изначально с идеей «вестернизации» общества на националистической основе.

С этого момента интенсивно вымывается демократическое содержание политического процесса, замещаясь националистическими, шовинистическими составляющими. Интенсивно используется методология создания «образа врага» с целью дальнейшего сплочения движений.

1.3. В политической борьбе начинают довольно широко применяться криминальные и субкриминальные средства, создаются специализированные «силы самообороны», т.е., по существу, **отряды боевиков** при политических движениях.

Этот период характеризуется «снятием» **гарантии гражданского мира** и на этой основе разрушением авторитета общегосударственной власти в массовом сознании как силы, обеспечивающей гражданские права личности.

2. Социально-психологическое содержание процесса

2.1. На первом этапе лидирующую роль в формировании идеологического и политического наполнения движения играет национальная, научная и творческая интеллигенция, однако движения в целом имеют массовый характер, они вертикальны.

2.2. Второй этап характеризуется резким прорывом к лидерству представителей или исполнителей воли «теневой» экономики. Усиливается различный, в том числе крайне правый, радикализм. Лидерские функции все больше захватывают представители антисоциалистически настроенной интеллигенции, дельцы «теневой» экономики и «совмещенные менеджеры», т.е. лица, представляющие как государственные, так и «теневые» структуры в одно и то же время.

Массовое движение включает в себя люмпенизированные слои населения, субкриминальные и криминальные группы. В концепции

движения начинают преобладать требования экономической автономии, монтируемые на этом этапе в общий поток лозунгов перестройки.

2.3. На третьем этапе лидерство в движении захватывают буржуазные радикалы, научно-творческая интеллигенция сохраняет лидерские функции в той мере, в какой обеспечивает идеологизацию движения на этой новой стадии его развития. В общественное сознание внедряется оценка движения как единственной реальной политической силы региона. Центру также внушается оценка движения как единственной реальной силы с массовой поддержкой населения. Контроль за массовым движением устанавливается как через механизмы формирования общественного мнения в регионе, так и через воздействие на субкриминальные и криминальные формирования.

3. Экономическое содержание процесса, механизмы вмешательства «теневой» экономики

3.1. На первом этапе движения доминировали надежды на скорый экономический эффект перестройки и восстановление социально-экономической справедливости. Само по себе это восстановление связывалось, главным образом, с масштабными действиями против мафии. Основные принципы социалистического производства в их исторически сложившемся виде еще не ставятся под сомнение. На втором этапе главным виновником экономических бед страны в общественном сознании постепенно становится не мафия, а централизованная система руководства страной, в том числе и экономикой. Это создает благоприятную почву для развития настроений хозяйственной автономии территорий. В общественном мнении периферии центр из гаранта и олицетворения всеобщего интереса превращается в главный тормоз ее экономического развития. На третьем этапе такое развитие все более отчетливо отождествляется с западной моделью, причем в тех ее вариантах, которые обеспечивают максимальную свободу от центра.

3.2. В то же время на территориях существует реальный «теневой» экономический механизм, зарекомендовавший себя как гибкий, легко перестраивающийся под нужды рынка, способный справиться с растущим дефицитом средств существования населения. Произошла этизация «теневого» бизнеса. Резко возрос политический авторитет лидеров «теневого» экономики.

3.3. Исключительно важное значение имеет факт, что «теневая» экономика неотторжима от экономики государственной и имеет ту же оперативную и производственную базу. Коррупцированная бюрократия относительно немногочисленна, так как большая ее часть, начав с коррупции и создав определенные накопления, вошла в «теневую» экономику и структуры как собственник капитала.

Система управления государственной промышленностью в определенной степени дублируется системой управления «теневой» экономики.

Возникает своеобразная «встроенная административно-командная система» управления, гораздо более гибкая и оперативная, нежели официальная (рис. 9).

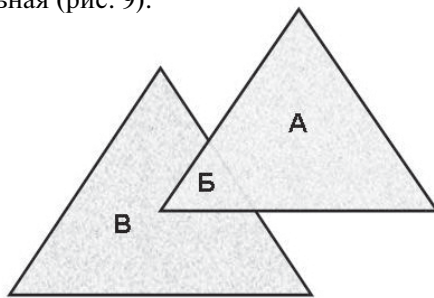

Рис. 9

Схема сращивания «криминального менеджмента» с официальной бюрократией:

А — криминальный менеджмент, «освобожденный» от риска; источник финансирования «теневой» экономики; Б — зона сращивания; представлена владельцами капитала, выполняющими определенные функции «сопровождения» «теневых» процессов управления; В — некоррупцированный аппарат управления

3.4. Формирование самостоятельных иерархических структур «криминального менеджмента» обеспечивает «хозяевам» новой формации высокую степень защищенности от вмешательства органов правопорядка в их дела. Традиционно сложившийся, внешний по отношению к этой среде механизм надзора оказывается не в состоянии отследить утечку финансовых средств сквозь бреши сегодняшнего хозяйственного механизма. «Криминальный менеджмент» идет на столкновения с экономическим правопорядком лишь в исключительных случаях. Но и тогда он, как правило, перекладывает «рисковые функции» на низшее, так называемое «черное звено».

В целом работа ячейки «теневого» менеджмента может быть представлена в виде следующей схемы (рис. 10).

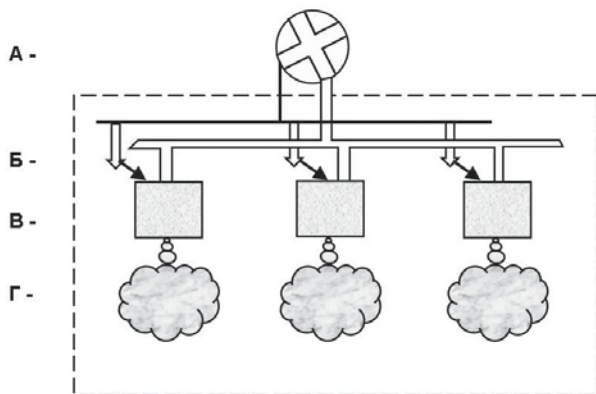

Рис. 10

Схема организации эксплуатации наемного труда
теневым менеджментом.

А – «хозяин»; Б – «контролер»; В – «надсмотрщики»; Г – «наемные
работники»

В рамках предложенной схемы очевидно обеспечивается неуязвимость позиции «хозяина» за счет сбрасывания всей «черной работы» на плечи «надсмотрщиков». В свою очередь «хозяин» заботится о «надсмотрщиках», гарантируя им как качество жизни, так и социальную защищенность на случай «аварии». Выбывающий «надсмотрщик» легко замещается наиболее инициативным из «наемных работников».

3.5. На следующем уровне оформившаяся и утвердившаяся ячейка такого типа «склеивается» с другими и образует «этаж», как это показано на рис. 11.

Подобные структуры симметрично отражают структуры государственного хозяйственного механизма. Помимо жесткой иерархичности им свойствен отраслевой механизм формирования – по типу продукции и сырья; например, «стройкомплекс», «агрокомплекс» и т.п.

Также высоко вероятны столкновения между отдельными «отраслевыми структурами», подчинение одной из них другой, либо, в ряде случаев, кооперация, которая не только не уменьшает, но, напротив, увеличивает вероятность столкновений. Подобные «вой-

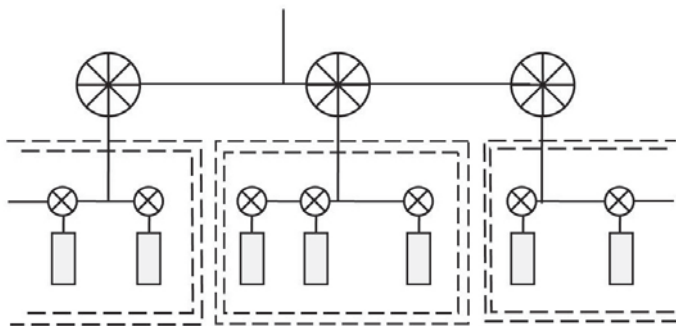

Рис.11

«Склеивание» ячеек и образование структур более высокого порядка

ны кланов», возникая в тех или иных регионах, могут усложнить течение межнациональных конфликтов, а во многих случаях – и катализировать их.

3.6. Некоррупцированные официальные структуры управления легко «выключаются» «криминальным менеджментом» посредством перехвата команды на нижних этажах власти и управления и организацией саботажа на исполнительском уровне (рис. 12).

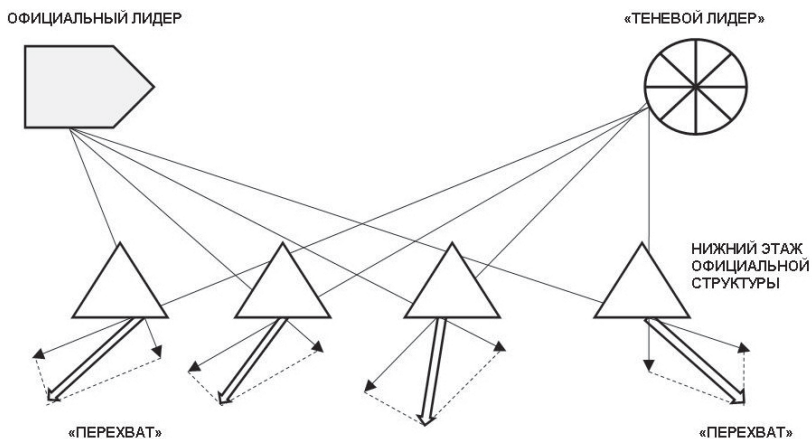

Рис.12

Схема «перехвата» команд в случае, когда официальные руководители не принадлежат к зоне «срачивания»

На микроуровне такие схемы реализуются в Казахстане, Армении, Азербайджане. Не исключено и их «тиражирование» на другие регионы страны. Высоко вероятна реализация такой же схемы и на микроуровне – НКАО.

Никакой импульс «криминального менеджмента» сам по себе не способен вызвать политического процесса. Масштаб явлений последнего времени оказался возможным лишь потому, что «перехват», близкий по схеме к описанному выше, был осуществлен одновременно в целом ряде территорий и «теневых» экономических блоков. Причем уровень информированности и взаимосвязи оказался значительно выше, чем у официальных управленческих структур.

4. Генезис кризиса вокруг НКАО

Настоящее исследование является органическим продолжением непрерывной аналитической работы, проводимой группой с 04.12.88 г., с выездами в районы активного политического процесса (Баку, Ереван, Степанакерт).

4.1. В отличие от ноября – декабря 1988 г. политическая ситуация в НКАО выглядит сейчас гораздо спокойней. Комендантский час имеет, скорее, символическое значение. Присутствие сил поддержания порядка не носит демонстративного характера. Отсутствуют или редки проявления массовой политической активности – митинги, шествия, забастовки.

Тем не менее широко распространяются слухи, листовки с призывами к забастовкам (например, по поводу годовщины так называемой «карабахской революции»). Сами забастовки носят скоротечный, неорганизованный, бессистемный характер, прекращаются на следующий день.

4.2. При отсутствии черт внешней активизации политического процесса группа констатирует развитие кризиса вглубь. Сам процесс приобретает скрытый, латентный характер, а движение в целом осваивает новый для себя качественный этап. В этом развитии процесса резко выделяются следующие качественные характеристики:

4.2.1. Сохранение психологической напряженности в отношениях между двумя этносами.

4.2.2. Взаимная ориентация на сохранение «образа врага»: азербайджанской стороне приписываются дикость, бескультурие, религиозный фанатизм, а армянской стороне – коварство, хитрость, политическое манипулирование центром.

4.2.3. Разрыв многосторонних и двусторонних коммуникаций — от транспортных и хозяйственных до межчеловеческих и даже семейных; иллюстрацией могут служить конфликты между ветеранами, ранее представлявшими монолитную группу, а также распадение смешанных браков, прекращение общения в детской среде.

4.2.4. Усиление деморализующей, углубляющей конфликт проблемы беженцев (в момент анализа каждый шестой житель Степанакерта и каждый десятый житель НКАО — беженец¹⁵); эта проблема в динамике создает качественно новую социально-психологическую среду конфликта.

4.2.5. Высокая насыщенность области оружием, проработка сторонами сценариев вооруженного конфликта.

4.3. Новым объектом развития конфликта являются курды, особенно в районах компактного проживания (Лачинский и Кельбаджарский районы НКАО, прилегающие районы Армянской ССР), за влияние на которых с целью вовлечения их в конфликт борются обе стороны.

4.4. Определенное сдерживающее воздействие на развитие конфликта оказало решение о введении в НКАО особой формы управления¹⁶. Однако большинство опрошенных рассматривают это решение как запоздалое и относятся к нему скептически, полагая, что возможности КОУ ограничены самим развитием процесса. На КОУ распространяется уже сложившееся недоверие к центру, причем обе стороны сомневаются как в силе, так и в справедливости Комитета. На него автоматически возлагается ответственность за бойкот рабочими-армянами рабочих-азербайджанцев на шелковом комбинате, неустроенность беженцев, а также все хозяйственно-бытовые и моральные тяготы, связанные с разрывом коммуникаций.

4.5. Группа пришла к выводу, что, несмотря на напряженную работу КОУ, время, отпущенное на завоевание доверия, крайне ограничено, и сейчас ключевая проблема в том, насколько быстро КОУ сможет восполнить возникший в НКАО дефицит государственной власти.

¹⁵ Основная часть беженцев — армяне из Сумгаита, Баку, Кировабада.

¹⁶ 12 января 1989 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ «о введении особой формы управления в НКАО Азербайджанской ССР». Был образован Комитет особого управления НКАО непосредственно союзного подчинения под председательством А.И.Вольского.

Тезис о социально-экономической отсталости НКАО скорее раздражает все стороны конфликта, нежели объясняет его. Одна сторона видит в этом подмену основного, то есть национального, содержания конфликта «удобным» объяснением, другая — считает себя безосновательно обвиненной, поскольку ее собственный уровень развития социальной сферы намного ниже.

Группа считает, что в этой ситуации необходимо более широкое и гласное распространение сведений о связи политических процессов нынешнего периода с социально-экономическими процессами последних двадцати лет.

4.6. Уникальность конфликта вокруг НКАО еще и в том, что здесь оказались соединенными отдельные черты и характеристики общего процесса, в разной степени проявляющие себя и находящие свое воплощение в аналогичных движениях различных регионов страны. Уровни, силы и типы участников конфликта, разобщенные или «разведенные» в других регионах, оказались в НКАО «слиты» в органически единый процесс.

4.6.1. Типичный для страны в целом массово-демократический комплекс настроений без русофобии и антисоветчины, с настроением на возвращение к «правильному социализму», представители которого восторженно приветствовали перестройку, объединен вокруг требования борьбы с коррупцией (для НКАО это требование неразрывно с протестом против предшествующего руководства). Этнический конфликт на первом этапе движения за воссоединение с Арменией не доминирует, а традиционная прорусская ориентация усиливает надежды на «справедливое вмешательство» центра. Этот период заканчивается событиями в Сумгаите 28–29 февраля 1988 г.

4.6.2. После событий в Сумгаите бурно развивается национальная компонента политического процесса, «вызревает» ориентация на приоритетное значение «своей» проблемы по отношению к общегосударственным интересам. Разрабатывается своя «модель» решения проблемы, причем решения вне контекста общих процессов, с акцентом на «исключительность». Начинают формироваться **русофобия и антисоциалистические настроения**. Движение трансформируется из общедемократического в национально-демократическое.

4.6.3. До Сумгаита социальная база для подобных тенденций была в НКАО более чем узкой, а национальная компонента, скорей, маргинальной. В Армении эта база была шире, но включала в

себя в основном национальную интеллигенцию, затронутую «политической педагогикой диссидентства» 70-х годов, а также родственную этому кругу часть армянской «советской диаспоры» и экстремистскую часть диаспоры зарубежной.

4.6.4. Особый интерес представляют связи национальной «теневой» экономики с подобно ориентированным социально-политическим блоком. Анализ, проведенный группой, приводит к выводу о том, что на этом этапе такие связи выражались в спонсировании или субсидировании политических движений.

Начавшийся процесс можно было купировать, усилив борьбу с коррупцией и «теневой» экономикой, с тем чтобы в конечном счете дезавуировать националистическую компоненту политического движения. Если бы это в свое время удалось, то движение осталось бы массово-демократическим.

4.7. С момента становления новой фазы национально-демократического движения политическое качество характеризуется:

4.7.1. Падением доверия к государству как гаранту гражданского мира и личной безопасности граждан.

4.7.2. Ростом психологической готовности к самообороне «любыми средствами».

4.7.3. Появлением крайне благоприятных условий для пропаганды радикального национализма.

4.7.4. Ростом политического влияния Еревана на процесс в НКАО соразмерно падению влияния центра.

4.7.5. Усилением идеологизации и этнизации национально-демократического движения.

4.7.6. Формированием тенденции перерастания межэтнического конфликта в конфликт геополитический, то есть в конфликт между христианами и тюрками.

4.7.7. Сближением карабахского движения с народными фронтами Прибалтики, учащением случаев «эмиссарских поездок» представителей последних в район конфликта.

В рамках органичного целого этот этап движения не мог бы получить всеобщего значения ввиду локальности процесса, его замкнутости относительно ограниченным регионом. Однако при общей тенденции ослабления роли целого и центра модель «этнизации» и параллельной политизации общедемократического движения становится **«наглядным пособием»** для достаточного количества нестабильных межэтнических соседств в СССР.

Подтверждением всеобщности такого вектора эволюции стало совещание представителей национально-демократических движений СССР (Рига, 24–25 сентября 1988 г.), где отчетливо прозвучала тема усиления «национальной компоненты» как важнейшего фактора перестройки.

4.8. На этом новом, начавшемся после событий в Сумгаите, этапе так и не востребованную центром роль политического лидера движения занимает лидер национальный. Им становятся комитеты «Крунк» и «Карабах», возникшие в точке соединения интересов трех основных сил, сложение которых образует национально-демократические движения и в других регионах страны. Это:

- широкие массы, надеющиеся на быстрое удовлетворение своих как национальных, так и социально-экономических интересов в рамках этих движений; в их сознании эти интересы уже имеют приоритетное значение перед общегосударственными;

- леворадикальная интеллигенция, связывающая с осуществлением собственной модели развития надежды на дальнейшую либерализацию социальной и демократизацию политической жизни;

- национальная буржуазия, дельцы «теневой экономики», ожидающие большей свободы и широты своей коммерческой, производственной и инвестиционной деятельности в рамках национальной хозяйственной модели.

Соотношение этих сил, степень их развития, уровень и характер их участия в процессе в разных регионах страны весьма различны, что создает многообразие вариантов внутри единой типологии национально-демократических движений.

Карабахское движение в отличие от Прибалтики, где уже у истоков народных фронтов были заметно выражены антисоветизм, русофобия и сепаратистские настроения, исходно ориентировалось на центр и советские ценности. Однако по мере того, как центр все более упускал возможность выступить в конфликте в качестве третьей стороны справедливого судьи, произошла переориентация на национальную интеллигенцию и национальную буржуазию как руководящую идеологическую, политическую и экономическую силу движения. Эта переориентация произошла под эгидой комитетов «Крунк» и «Карабах» при активном участии эмиссаров прибалтийских народных фронтов, а также некоторых московских неформальных политических объединений.

При этом четко обозначился общий вектор политических интересов леворадикальной интеллигенции и национальной буржуазии, делающий возможным их союз в рамках единого движения. Этот вектор – вестернизация, то есть экономическое и политическое развитие, ориентированное на Запад.

В практическом развитии движения эти две силы выглядят независимыми, «разведенными». Однако на деле стиль и политическое лицо движения определяет, как правило, лишь одна из этих сил. Другая – только «обслуживает» формирование образа.

В Прибалтике на первый план выступают интересы интеллигенции, что этизирует движение в глазах страны и мира. В Азербайджане, напротив, национальная буржуазия слишком грубо обнаружила свои клановые интересы, что привело к быстрой криминализации движения и дискредитации его в глазах советской и мировой общественности.

Специфика движения в Карабахе – в тонком, органичном сплетении в единую структуру авторитетов интеллигенции, чья роль духовного лидера, «цвета нации» исторически традиционна для Армении (в практике движения эта роль принадлежит комитету «Карабах») и дельцов «теневой экономики», новых предпринимателей (их интересы представляет Совет директоров – модификация комитета «Крунк»). В глазах масс в идеологии национально-демократических движений они олицетворяют «задавленную» бюрократией национальную созидательную энергию.

Характерно, что широкое общественное мнение рассматривает этих предпринимателей, в том числе и бывшего лидера «Крунк» А. Манучарова, как фигуры криминальные. В этом плане им охотно противопоставляют представителей коррумпированной бюрократии, которых общественность гораздо более склонна отождествлять с криминалом. В ходе трансформации общедемократического движения в национально-демократическое это позволило идеологам движения перенести роль реального строителя новых экономических отношений, удовлетворяющих всех, на «новых предпринимателей». Следует учесть, что эти «новые предприниматели» представляют собой мелкую и среднюю, то есть наиболее массовую, часть национальной буржуазии Карабаха.

В условиях типичной для региона круговой поруки и массового частичного участия в «теневой экономике» это звено располагает немалыми возможностями реального перехвата власти на уровне «пе-

рехвата команд». Вследствие этого авторитет неформальных структур власти растет, а воздействие новой идеологии на массы расширяется. Внутри этой идеологии формула «предприниматели против бюрократии» обретает новое значение и звучание. Эта формула получает широкий резонанс за пределами собственно зоны конфликта и позволяет сталкивать процесс политической перестройки в стране в русло буржуазно-демократических преобразований.

Следует отметить, что на этом этапе развития процесса, так же как и на декабрьских событиях в Азербайджане, которым посвящен предыдущий анализ группы, видно влияние «исторически» оправдавших себя сценариев.

Если в характеристике межэтнического конфликта рисунок процесса повторяет картину кризиса арабо-израильских этнических взаимоотношений, то «включение» национальной буржуазии в Карабахе по инструментарию воспроизводит «включение» итальянской мафии в борьбу против левого фронта политических сил после 1945 года под «оправданным» в период войны лозунгом «мафия против тоталитаризма».

Разница заключается лишь в том, что в Италии мафия выступала против усиления государства, а в Карабахе — за деструкцию государственности. И в том, и в другом случае это борьба против существующей структуры власти и управления за «свою» власть и «свое» управление.

В массовом сознании этизация этого лозунга оправдана отождествлением административно-командной системы со скелетом управления периода культа личности.

4.9. В подобной атмосфере карабахский вопрос быстро превратился в «оселок», на котором в общественном сознании страны испытывается не только «добрая воля» центра, но и вообще вся программа перестройки и гласности. И как результат, на фоне быстро развивающегося процесса, с одной стороны, и заторможенности реакций центра, — с другой, девальвируется авторитет как государства, так и партии.

После трагедии в Армении¹⁷ общественное мнение страны вновь было готово к тому, что центр вот-вот резко вмешается в конфликт. Негативный эмоциональный заряд масс, достигший критически высокого уровня, был готов к переключению на работу по дезавуирова-

¹⁷ Имеется в виду Спитакское землетрясение.

нию «теневых» дельцов. Прежде всего ждали мер, направленных против «теневой» структуры стройкомплекса республики, так как в общественном сознании именно он несет максимальную ответственность за масштабы разрушений и число жертв. Упустив время, центр принял этот негативный заряд на себя. В общественном сознании еще больше укрепился миф о безнаказанности дельцов, об их якобы теснейших связях с центром. Неуместный в этой обстановке арест морально авторитетных членов комитетов «Крунк» и «Карабах», равно как и некоторые обстоятельства этого ареста, создал атмосферу почти конфронтационную.

4.10. В таких условиях присутствие центра только в виде сил поддержания порядка устойчиво способствует созданию образа власти как функции исключительно репрессивной. Реальное же его бессилие в реализации даже этой функции, отсутствие гражданского мира дискредитируют центр в глазах масс как власть.

К моменту создания КОУ уже сформировалась **атмосфера ожидания** сильных политических инициатив от кого угодно, кроме центра и его институтов. Это определяет ограниченность возможностей КОУ по реальному управлению политическим процессом и в то же время резко стимулирует кристаллизацию неформальных структур власти и неформальных авторитетов.

5. Выводы и предложения

5.1. Карабахское движение переходит из латентной стадии в этап национального движения с уклоном в сторону радикализма.

5.2. В связи с этим следует ожидать роста политической активности. **Не исключены криминальные действия, в том числе и массового характера.**

5.3. В ближайшее время высоковероятно включение в конфликт курдской общины как в НКАО, так и в Армении. Прогноз ее политических симпатий затруднен.

5.4. Растущая коммуникационная изоляция замыкает область «на себя». В результате увеличивается вероятность столкновений, направленных на разрушение изоляции.

5.5. Проблема беженцев становится содержательной проблемой конфликта. Без решения этой проблемы политическое воздействие на движение невозможно ни для одной из сторон конфликта.

5.6. Политическую репутацию центра возможно восстановить лишь **вернув ему репутацию правозащитника обеих сторон.** Значе-

ние правовых гарантий и обеспечения их силой государственного механизма многократно возрастает.

5.7. Широкое расследование конкретных криминальных действий по последствиям землетрясения могло бы в определенной степени усилить позиции центра, хотя и не решило бы проблем эволюции самого движения.

5.8. Рекомендации группы, изложенные в записке по анализу декабрьских событий в Баку, в значительной мере могут быть использованы и на современном этапе.

5.9. Следует ожидать резкого роста различных форм гражданского неповиновения по всем регионам нестабильности в СССР. К ним относятся: забастовки, шествия, несанкционированные демонстрации, отказы от службы в армии; возможны отказы от налоговых обязательств граждан.

5.10. Высоковероятны акты эмоционального воздействия – самосожжения, голодовки, самоубийства в знак протеста и т.д.

5.11. Целый ряд из ныне существующих неформальных движений сделает попытку оформиться в виде альтернативных партий.

5.12. Развитие указанных выше новых проявлений не исключает параллельной радикализации движений.

ПО ПОВОДУ ТАК НАЗЫВАЕМОГО «СЕКРЕТНОГО ДОПОЛНЕНИЯ» К ПАКТУ МОЛОТОВ-РИББЕНТРОП

1989. 21 июня

ЭКСПЕРТНЫЕ оценки политологов из СССР, ГДР, ПНР, Франции позволяют построить модель событий при условии признания со стороны СССР наличия этого «секретного дополнения».

ПЕРВЫЙ ЭТАП ДЕСТРУКЦИИ

Замыкание «западной дуги» социально-психологической напряженности в пределах СССР. Обострение ситуации в Западной Украине и Западной Белоруссии. Еще большая активизация унитарского движения. Эскалация проблемы УБЛ (Украины – Белоруссии – Литвы – «литовский интерес»). Ответ на эскалацию «самостийных», антирусских движений и их распространение на всю территорию Украины и Белоруссии.

ВТОРОЙ ЭТАП ДЕСТРУКЦИИ

В условиях смысловой безвыходности и апатии резкое подхватывание широкими слоями польского населения лозунга «Великой Польши». Эскалация польских претензий к СССР, разыгрывание «Солидарностью» националистической «карты» в интересах «поднятия духа польского народа». Поддержка со стороны Ватикана. Возможный визит Бжезинского.

ТРЕТИЙ ЭТАП ДЕСТРУКЦИИ

В условиях «буферной зоны» социально-политического напряжения на территории СССР и «польского толчка» – расшатывание Варшавского блока по принципу «домино».

ЧЕТВЕРТЫЙ ЭТАП ДЕСТРУКЦИИ

Соединение двух немецких государств и предъявление объединенной Германией территориальных претензий к Восточной Европе.

ПЯТЫЙ ЭТАП ДЕСТРУКЦИИ

По мере нарастания экономического и политического кризиса в пределах СССР – «мягкая аннексия» территорий в Восточной Европе Германией и в западных регионах СССР Польшей.

Сходные модели описывались в ряде политических концепций. Сходные в смысловом плане сценарии существуют и для южных, и для восточных регионов СССР.

Подтверждением вышесказанного может служить обеспокоенность прежде всего со стороны определенных французских кругов возможным признанием «секретного дополнения». Достаточно прозрачная динамика событий в Польше. Высокая роль пронемецких элементов в неформальных движениях на севере Прибалтики.

О НЕКОТОРЫХ ПРЕГРАДАХ ПРИ ВВЕДЕНИИ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ В СССР И ПУТЯХ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

1990. 13 июня

Мы констатируем, что требования экономического развития СССР вступают в чрезвычайное по остроте и масштабам последствий противоречие с социально-политической реальностью. Форсирование данной ситуации с помощью силовых методов и

волевых решений может привести к катастрофическому исходу, который по аналогии можно назвать «иранской моделью» (имеется в виду крушение шахского режима), но в гораздо более сжатые сроки и с непрогнозируемыми последствиями.

Сущность противоречий

Идея перехода к рынку в политически радикальных формах была вброшена в массовое сознание оппозицией. Правительство оказалось в роли «догоняющего». Первые половинчатые шаги подверглись сокрушительной критике.

Сегодня, каковы бы ни были меры, естественно ухудшающие на первом этапе общую социальную обстановку, это будет подано как неумелость, половинчатость руководства. В политическом плане правительственная реформа — в новом ее варианте — украдена, растажирована и присвоена оппозицией, которая и будет снимать дивиденды. «Демаркационная линия» будет заведомо демагогически проведена между понятиями «бюрократический капитализм» (линия руководства) и «подлинно демократический капитализм» (линия оппозиции). Наполнение этих понятий может быть произвольным. Важна при этом политическая цель — сохранение базы для критики руководства и уклонение от ответственности.

В итоге руководство страны окажется «между двух огней». Справа его будут критиковать за «половинчатость, коррумпированность, нерешительность и неумелость», а слева — за «измену социализму и развал».

О том, что в этом случае окажется неминуемым политический кризис, говорят следующие факты и факторы.

1. По мере роста непопулярности самого понятия «перестройка», как показали исследования, происходит соответствующий и связанный с этим рост доли населения, мыслящей реализацию своих целей исключительно в формах насилия.

2. Наличествует реальное двоевластие в ряде регионов и территорий (Москва, Ленинград, Прибалтика и другие) с жестким противостоянием политических сил.

3. Обостряется фракционная борьба внутри КПСС при доминирующем стремлении к федералистскому устройству партии.

4. Идет усиленная компрометация (либо справа, либо слева, либо и справа и слева одновременно) всех без исключения действующих политических фигур верхнего эшелона.

5. Набирает силу процесс сбрасывания региональных лидеров, принадлежащих номенклатуре нынешнего руководства. Техника сбрасывания — перехват программ лидеров, радикализация программ, дискредитация лидеров.

Такая модель лишь отрабатывается в регионах для «разыгрывания» в центре.

Нарастающее количество фактов такого рода (Везиров, Арутюнян, Бразаускас¹⁸ и другие) приводит к новому качеству. В массовом сознании от сброса многих лидеров «горбачевской ориентации» — один шаг до сброса «самого Горбачева». Одновременно все это осознается партийными кадрами как свидетельство бесперспективности служения лидеру и руководству.

6. Рост колониального мышления. Анализ показал, что по всем без исключения территориям, являющимся держателями сырьевых ресурсов (прежде всего нефти), в сознании национальных меньшинств формируется образ «арабских эмиратов» как достижимого «благоденствия» без каких бы то ни было серьезных усилий. Не рынок, а патронаж и рента — вот новые экономические составляющие региональной установки, в которой превалирует логика «этноса-рантье».

7. Политизация производства и сопутствующий ей кризис мотивов к производительному труду. Анализ показал наличие серьезной тенденции к снижению трудовой отдачи (по типу «итальянской забастовки»). Перелома в этих условиях ожидать трудно. Шоковое воздействие, безусловно, вызовет социальный взрыв, который может быть использован политическими противниками.

8. Исполнительская беспомощность новых «демократических» органов управления. В ряде случаев не только выборы председателя Совета, но и выборы председателя собрания по выборам председателя Совета длятся несколько дней. Вновь обретенная страсть к политическому разглагольствованию, неспособность и нежелание действовать с необходимой быстротой, страх перед ответственностью и непопулярными решениями несовместимы с любой позитивной реформаторской деятельностью. В такой ситуации подмена реальной деятельности критикой неизбежна. Главным мотивом становится обеспечение собственной популярности при любых политических «поворотах».

¹⁸ Р.Х.Везиров — первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана; С.Г.Арутюнян — первый секретарь ЦК Компартии Армении; М.К.Бразаускас — первый секретарь ЦК Компартии Литвы.

Социальные «аппетиты» народа, раздраженные оппозицией, не получив удовлетворения, будут расти. Причем идея высокопроизводительного труда в процессе этого роста все более и более будет замещаться идеями радикальных политических действий, направляемых в привычное «русло», то есть против существующей власти.

Опыт регионов показывает, что такой процесс зачастую происходит против воли лидеров оппозиции, за счет податливости, психологической и политической зависимости от настроений масс.

9. Наличие мощных центробежных тенденций по отношению к СССР как целому. Фактор Литвы¹⁹. Пример прямого неповиновения, который воспринимается как действенный и результативный и нарушает любую целостную систему управляющих команд. Директивы по введению рынка будут деформироваться и торпедироваться так же, как и любые другие команды, исходящие из центра.

10. Возникшая адресность высшей исполнительной власти (президент), персональность ответственности за управление²⁰. Это определяет, в свою очередь, адресность критики. Массированные акции по дискредитации фигуры президента в средствах массовой информации показывают, кем хотят заплатить за «введение рынка».

11. Усложняющийся международный контекст. Политический процесс в СССР, в частности в Закавказье и Прибалтике, говорит о столкновении различных геополитических сил в региональных конфликтах на нашей территории. Соответственно с этим происходит размежевание политических сил внутри страны по их ориентации на разные и зачастую конфронтующие друг с другом геополитические структуры. СССР все в большей степени становится ареной борьбы, в которой президент оказывается противником тех, кто имеет иную, чем он, геополитическую ориентацию. Результатом этого является тенденция к усилению антипрезидентских сил за счет их международного спонсирования, как политического, так и экономического.

12. Продолжается накопление оружия как в регионах, так и в центре страны, включая склады оружия на территории Московской области.

¹⁹ Речь идет об объявлении Верховным Советом Литовской ССР 11 марта 1990 г. государственного суверенитета республики.

²⁰ 27 февраля 1990 г. Верховный Совет СССР принял решение о введении поста президента СССР. 15 марта 1990 г. III Съезд народных депутатов СССР избрал М. Горбачева президентом СССР.

13. Происходит дальнейшая радикализация молодежных групп и формирований, вплоть до установки на нелегальную деятельность. Продолжается политизация криминальных структур, а также криминализация боевых видов спорта. В условиях двоевластия такого рода формирования приобретают значение как группы силовой поддержки, их роль и возможности возрастают. Эксперты считают, что двоевластие становится питательной средой для такого рода структур насилия, альтернативных государственным.

14. Впервые широко продекларировано, внесено в мировое общественное мнение и советскую печать все, связанное с подготовкой покушения в США на Дж. Буша. Таким образом, показано наличие мощных террористических сил, способных к проведению террористических акций по уничтожению президента сверхдержавы.

15. Происходит непрерывное приближение к критическому уровню вероятности крупных технических катастроф. Возникают и учащаются ситуации локального бедствия, связанные с большей или меньшей потерей управляемости и технологической дисциплины в производственных процессах.

Эксперты сходятся на том, что в этой сфере достаточные резервы, необходимые для обеспечения безопасности в нестабильной ситуации проводимых преобразований, отсутствуют.

16. Крайне неблагоприятная динамика миграционных процессов формирует дополнительную неустойчивость и социальную нестабильность.

Нами было промоделировано сочетание вышеуказанных факторов с учетом их веса и взаимообусловленности в различных регионах, территориях и в целом по СССР. Моделирование проводилось исходя из предположения о форсировании реформы в условиях персональной ответственности руководства. В результате дается следующий прогноз на ближайшие несколько месяцев.

Прогнозируется

1. Образование на территории СССР, зачастую в одном и том же регионе, множества неподконтрольных центру властей.

2. Укрепление на этом фоне связи «теневых структур» как держателей альтернативного механизма насилия с новой официальной властью, т.е. огосударствление мафии.

3. Перехват руководства в формировании рынка и построение его по модели «черного» при сдвиге приоритетов в сторону тор-

говли «белым товаром» (проститутки, боевики, рабочая сила, научные кадры), наркотиками, оружием, проведение аморальных научно-технических проектов, подавление общественного мнения, реализация крайних форм эксплуатации человека и ресурсов и т.п.

4. Террор как механизм воспроизводства такой общественно-политической реальности на возможно более длительный срок с целью фиксации условий первоначального накопления капитала, закрепления международных контактов этого капитала (прежде всего — мафиозных), внедрения в массовое сознание крайней степени подавленности и полного безразличия к форме правления при условии обеспечения этой формой минимальных жизненных потребностей. Снятие демократических установок как составляющих качества жизни.

5. Резкий подъем забастовочного движения, социальные битвы, противодействия любым органам власти, возможно и не бескровные.

6. Рост ортодоксального сталинизма, неосталинизма, монархизма, фашизма, религиозного и политического фундаментализма во всех видах и проявлениях. Выход на арену «сильных личностей», регресс к родо-племенному управлению в превращенной форме (особенно в регионах традиционного распространения ислама, буддизма и языческих культов). Вождизм с определением приоритета того или иного вождя по имеющимся в его распоряжении потенциалам насилия.

7. Потеря культурного и интеллектуального потенциала.

Рекомендации

Ситуация оценивается нами как чрезвычайная, прежде всего, в плане политическом. Необходимым представляется крутой политический вираж, при котором дышащая в спину руководству оппозиция по инерции «проскочит» к ложной цели, а руководство, сохранив блок перестроечных целей, получит свое пространство для маневрирования. Только в этом случае удастся преодолеть главную политическую опасность — **опасность узурпации**, включающую перехват программ, дискредитацию авторов и захват власти.

Эксперты сходятся на том, что избежать узурпации можно лишь, во-первых, создав **не один, а несколько различных вариантов** форсированной модернизации общества и, во-вторых, закрепляя в общественном сознании оппозицию как держателя лишь одного из них, возможно не самого конструктивного.

В числе прочих внимание экспертов привлечен вариант, основанный на «теории прорыва». Его основные особенности состоят в следующем.

В плане экономики:

– замена этапности в построении рынка; приоритет отдается производителям, способным обеспечить вывод на мировой рынок отечественного высокотехнологического продукта. Разработана организационная структура, реальная номенклатура продукции и методы налаживания экономических связей;

– формирование концепции лидирующего продукта, переход от логики «догоняния» к логике локальных опережений – прорывов. Ориентация военно-промышленного комплекса в части конверсии на производство изделий, способных конкурировать на мировом рынке. Высокая степень свободы производителей в этой ситуации должна соответствовать высокому уровню их ответственности за результаты;

– высшие приоритеты должны быть предоставлены самой индустрии знаний;

– в системе управления экономикой серьезное внимание должно быть уделено образованию трансрегиональных корпораций в пределах СССР с широкими связями и принципиально иным, соответствующим современным требованиям качеством руководящего состава;

– в ключевом вопросе, связанном с собственностью, акцент необходимо переместить с понятия собственности как принадлежности и предмета наследования на собственность как функцию управления. Этот подход в сегодняшней мировой экономике является ведущим.

В плане идеологии:

– ключевым моментом является диалектика традиции и прогресса, концепции постиндустриального развития СССР;

– предъявление общественному сознанию новых исторических авторитетов, соответствующих целям нового периода;

– новый уровень качества дискуссий о социализме и марксизме, сдерживание идеологической деструкции на политически целесообразных рубежах;

– формирование кадрового корпуса КПСС и других структур, составляющих базу поддержки, таким образом, чтобы создались реальные основания для претензий партии на роль культурного

лидера, лидера культурного возрождения страны, где под культурой понимается технологическая, организационная, нравственная культура.

Предлагаемая модель представляется экспертам одним из реально осуществимых вариантов развития страны. Возможны, разумеется, и другие.

Принципиально важным именно в политическом плане представляется закрепление в общественном сознании того, что высшее руководство является держателем не одного (легко дискредитируемого и перехватываемого), а нескольких вариантов развития страны. Причем единство целей сочетается в этих случаях с разнообразием технологий их реализации.

Это позволяет, во-первых, создать преимущество руководства над оппозицией, во-вторых, обеспечить руководству полноту стратегического охвата и связанные с этим преимущества и, в-третьих, предоставить руководству возможности реального маневрирования в критических ситуациях.

НОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ УПРАВЛЕНИЯ СТРАНОЙ В УСЛОВИЯХ НАРАСТАЮЩИХ ДЕСТРУКТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

**(Концепция действий блока центристских сил,
возглавляемого президентом СССР)**

Президенту СССР М.С. Горбачеву. 1990. 1 октября

Введение

С 27 по 30 сентября 1990 года по поручению правительства СССР возглавляемая мною группа политологов, философов, криминологов, социологов, экономистов, специалистов по управлению сложными системами проводила ситуационный системный анализ политической ситуации с прогнозом ее развития и выработкой предложений по стабилизации. В результате нами, с использованием ранее имевшихся материалов, был сформулирован системный принцип решения проблемы стабилизации и развития

страны, по сути представляющий собой новую политическую стратегию, включающую весь комплекс факторов: от философско-политических до идеологических, экономических и организационно-управленческих. Сознвая серьезность сложившейся ситуации, мы в данном документе формулируем систему политических действий в предельно сжатой форме (тезисы). Однако распутать сложный клубок социально-политических противоречий можно, как мы считаем, лишь системно, комплексно, уйдя от суеты якобы конкретных мероприятий, лишенных политической цели и целостности. Этим обусловлен принцип построения нашего документа, логика изложения и, наконец, характер выработанных нами рекомендаций. Разворачивание концепции действий в программу может быть осуществлено за счет развития каждого из тезисов в программный блок в течение 10–16 дней силами той же системной группы, которая разработала данный концепт.

Часть первая

О новом подходе к формированию стратегии стабилизации и развития страны, основанном на системности при безусловном приоритете политических факторов над всеми другими

Тезис 1. Новое качество политического процесса, имеющее своим следствием новые полномочия президента страны, не сформулировано. Это в очередной раз дезориентирует и общество в целом, и все эшелоны государственной власти.

Пора открыто заявить, что на данном этапе речь идет не о борьбе за власть или идеологической догме, а о спасении **государства и общества**.

Тезис 2. Спасение – от чего? От какого врага? Этот принципиально важный вопрос пока не получил политического ответа. Пора дать развернутое, аргументированное обоснование, способное удовлетворить широкие общественные слои. Врагом является политизированная преступность (криминалитет), по сути построившая второе государство (теневое) и объявившая первому (официальному) государству войну не на жизнь, а на смерть. В этой войне включены все ее регистры. Можно говорить об информационной, политической, идеологической, психологической, социальной, национальной войне с государством.

Тезис 3. Ни в коем случае нельзя путать проблему второго государства с вопросами «теневой» экономики, коррупции, организованной преступности и т.п. На деле вопрос стоит о гораздо более серьезном и опасном явлении.

Тезис 4. Победа криминалитета в войне имеет для общества страшные последствия. По сути, речь идет об огосударствлении **мафии, превращающем СССР в худшую разновидность так называемых стран четвертого мира.** Поэтому война официального государства против государства «черного» — это народная война, война за общественное спасение.

Тезис 5. Стабилизировать и нормализовать ситуацию в таких условиях означает только одно: победить в этой войне политически, идеологически, психологически, экономически, социально, информационно. Никакая иная стабилизация и нормализация в принципе невозможны.

Тезис 6. Исходя из ключевого концептуального блока, сформулированного в первых четырех тезисах, мы делаем принципиальное, с нашей точки зрения, политическое утверждение: **об отсутствии сегодня в нашей стране готового (!) политического субъекта, субъекта власти, способного, возглавив в интересах общества войну официального государства против «государства черного», стать источником столь необходимой обществу нормализации и стабилизации.**

Таким субъектом, как показывают исследования, не являются (и объективно не могут являться!) ни президент СССР, ни высшие законодательные и исполнительные органы, ни партия, ни так называемые «репрессивные» органы и структуры.

Тезис 7. **Отсюда — главная политическая задача текущего момента — задача создания такого субъекта политической власти.** Только решив ее, можно обеспечить эффективность конкретных стабилизационных мер, иначе все они обречены на провал. Без немедленного формирования субъекта власти «меры» будут тем более бессмысленны по существу, чем более «чрезвычайными» они окажутся на бумаге!

Тезис 8. Коллективный полноценный субъект власти, необходимый стране, имеет, по мнению экспертов, следующую политическую формулу: (М.С.Горбачев одновременно как президент, наделенный чрезвычайными полномочиями, и Генеральный секретарь правящей партии) + (группа центристских лидеров, имеющих по сути и статусу социальную базу в промышленности, сель-

ском хозяйстве, армии, культуре, партии и т.д.) + (новая политическая стратегия, позволяющая активно самоопределиваться центристскому блоку в условиях радикализации как «левых», так и «правых» политических сил и течений, жестко противопоставляющих сегодня свою определенность аморфности и размытости нынешней центристской линии).

Тезис 9. Социологические опросы показывают, что в этих условиях линия Горбачева может получить поддержку минимум 70% населения, тогда как вне этого, как при повороте его «вправо», так и при повороте его «влево», он получит не более 25%. На отсутствие такой, желательной для них трехчленной формулы, реализующей политическую субъектность центризма, указывают более 90% лиц, прошедших через наше развернутое анкетирование. Они говорят о размытости позиции центристов как главном негативе, мешающем их поддержке «линии Горбачева».

Тезис 10. При крайней сложности сложившейся ситуации в целом эксперты выразили тем не менее наибольшую озабоченность тем, что в условиях нового качества политического процесса будет тиражироваться или имитироваться все та же старая логика бюрократических «мер и мероприятий», «латания дыр», «пожарных акций» и прочее. Та логика, при которой политическое руководство обречено реагировать на события, отдельные, уже свершившиеся факты вместо того, чтобы противодействовать (системно, комплексно, политически!) тенденциям и процессам. Противодействовать, формируя другие, необходимые руководству, тенденции и процессы, стимулируя их развитие и вынуждая политического противника действовать на том поле и в том жанре, который выгоден руководству страны.

Часть вторая

Об основных принципах формирования новой политической стратегии, сохраняющей преемственность с предшествующей, но позволяющей обеспечить новое качество, блокирующее угрозы и «слева» и «справа».

Тезис 1. Основной политической характеристикой новой стратегии центристского блока является возможность размежеваться с так называемыми «левыми» силами, по сути уже вставшими осоз-

нанно или неосознанно на путь обеспечения интересов «черного государства». Это может быть сделано в ходе широкой политической кампании, ставящей во главу угла вопрос о «двух перестройках». В концептуальном плане этот вопрос через перевод идейного конфликта на иной философско-политический уровень (теория модернизации) может быть сформулирован при необходимости вне понятий «социализм» и «капитализм», с введением нового политического языка (либерализация, консерватизм, неорационализм и т.д.). При этом, по сути, должна (руками самих центристов!) быть произведена «инвентаризация» перестроечных негативов и позитивов.

Тезис 2. Необходимо показать, что основные идеи Горбачева: демонтаж тоталитаризма (демократизация), информационная свобода (гласность), открытость миру (новое мышление), необходимость модернизации (перестройка) — по сути политически инвариантны, то есть сохраняются при двух перестройках. Это позволяет центристам сохранить политический капитал, противопоставить себя консерваторам, не желающим признать перестроечных позитивов, сохранить преемственность курса (а значит, и лидера).

Тезис 3. Вместе с тем необходимо, чтобы со стороны самих же центристов последовало заявление о том, что методы воздействия на общественное сознание, социальные технологии, экономические конструкции, организационно-управленческие решения были ошибочны, не принимали во внимание масштабы и структурированность второго «черного государства», зачастую использовались его представителями в интересах явно антигосударственных, антиобщественных, антинародных. В интересах «второй перестройки», «черного беспредела», огосударствления мафии.

Тезис 4. Крайне важно, чтобы у центристов хватило политического мужества и решительности для того, чтобы заявить, что речь идет не об отдельных ошибках, недоучетах, дефектных схемах, постановлениях и законах, а о навязанной под давлением второго государства неверной траектории, тупиковой ветви (!) перестроечного процесса. Обосновать это центристы должны сами, со всей жесткостью и определенностью. И чем жестче они это сделают, тем лучше будет для них. Философски, в плане прагматического обществоведения, речь должна идти об ошибочном навязывании либеральной формулы модернизации общества как единственно возможной. На деле — в 70-е и особенно 80-е годы — все

большее значение начинают приобретать **нелиберальные, невестернизаторские принципы модернизации**, как более эффективные, учитывающие историческую специфику, не связанные с коренной ломкой данного общества. **Политически** — речь должна идти об ошибочном определении этапности перехода от тоталитаризма к демократии. Либеральный сценарий предполагал переход через хаос и диктатуру, традиционалистский — позволял получить **временный буфер в виде корпоративного государственного устройства**, обеспечивающего мирное развитие гражданского общества.

Экономически — речь должна идти о месте и роли отношений собственности в общей структуре тех трансформаций, которые необходимо было осуществить для обеспечения необходимой народнохозяйственной динамики. О недопустимости экономических трансформаций, позволяющих под видом приватизации на деле осуществить **огосударствление мафии**.

Идеологически — надо говорить о недопустимости слома морального и культурного кодов, сформированных за многие десятилетия, о порочности методов культурного шока, применяемого для создания «новых» идеологических ориентиров, об идущем пересмотре итогов Второй мировой войны, о контркультурных тенденциях, насаждавшихся и насаждающихся в молодежной среде, и так далее.

Социально — о мифологизировании понятия «административно-командная система». Администрирование и командность являются на деле необходимым компонентом управления любым обществом, любым государством, любым типом экономики. Современные исследования показывают, что административно-командный метод является в любой сложно организованной системе аналогом высшей нервной деятельности, тогда как рыночный механизм (тоже необходимый!) есть аналог гуморальной (гормонно-эндокринной) системы регуляции жизнедеятельности. Одно вовсе не противоречит другому. Сам творец мифа об административно-командной системе, Г.Х.Попов, придя к власти в г. Москве, тут же стал разрабатывать диктаторски-административные схемы, отчетливо понимая, что критика АКС может быть путем к захвату власти, но отнюдь не способом удержания и упрочения оной.

Тезис 5. Неверная, тупиковая ветвь перестройки формировалась и навязывалась ее инициатору уже в самом начале пути отнюдь не для укрепления его позиций как политического лидера

страны. В задачу этого лидера входило, по плану данных сил, лишь начав процесс, довести его до «фазы кипения». В дальнейшем предполагалось сменить лидера, поставив у руля человека с диктаторскими замашками и без «коммунистических пятен на биографии». Спекулируя на (действительно крайне серьезной!) опасности «справа», от лидера при этом постоянно скрывали опасность «слева». Препятствуя всеми возможными способами осознанию того, что, во-первых, политически данная «ветвь» перестройки в своем финале неизбежно предполагает **антикоммунистическую диктатуру**. Во-вторых, что весь арсенал методов построения в качестве «образа врага» именно КПСС и никого более был применен в режиме психологической войны, именно с ориентацией на этот финал. В-третьих, что без «образа врага» нет и не может быть стабилизации там, где процесс дестабилизации пересек линию устойчивости страны, общества, государства. В-четвертых, что многие из преобразований, сулившие лидеру стабилизацию, на деле имели сознательно дестабилизационный эффект (стратегия роста напряженности в варианте Чили при Альенде, Ирана при Мосаддыке и других, выбравших тупиковый вариант модернизации, политических лидеров развивающихся стран). Таким образом, СССР как система стремительно перемещалась, сдвигалась и продолжает сдвигаться к такому критическому уровню дестабилизации, который **потребует диктатуры**. В-пятых, что лидером антикоммунистической диктатуры М.С.Горбачев быть не сможет **категорически**, да его на эту роль никто и не предлагает, с учетом прошлого. Таким образом, по отношению к политическому лидеру стратегия навязывания (иногда с помощью прямого обмана) тупиковой ветви модернизации объяснима лишь в логике **прямого политического предательства**.

Тезис 6. Последовательный системный анализ, опирающийся на базу данных в тысячи единиц информации, совокупный факторный анализ, обмен информацией с политологами из других стран, имеющими отчетливо прогорбачевскую ориентацию (без дешевого апологетизма), материалы правоохранительных органов (данные с мест, не доходящие до центрального аппарата) свидетельствуют о том, что не менее 80% пути, ведущего к установлению антикоммунистической диктатуры, уже пройдено. Последний срыв, связанный с непрогнозируемым поведением М.С.Горбаче-

ва в связи с так называемой программой «500 дней»²¹, вызвал вначале шок, затем ряд стратегических совещаний, выработку новой тактики и, наконец (начиная с действий республиканской партии на Украине), новую волну наступательных акций. В атаку на Горбачева на новом этапе будут «брошены» новые волны национал-сепаратизма, блоки деструктивных (через голову центра) действий со стороны местных и республиканских властей с возложением ответственности за их неудачу на центр и КПСС, экономическая блокада крупных городов со стороны мафии, интенсивная агитация в армии и органах правопорядка, оказание давления на их лидеров, политические забастовки, разрыв коммуникаций, создание новых мощных общественных организаций, имеющих целью проведение кампании гражданского неповиновения, митинги и демонстрации, криминогенные взрывы, акции по насильственному устранению неугодных лидеров, акции по вооруженному захвату власти одновременно во многих пунктах (по модели Баку), а также информационная, психологическая и управленческая война, кампания по полной дискредитации лидера страны в глазах мирового общественного мнения.

Тезис 7. Одновременно с этим, фактически при высокой степени взаимообусловленности, нарастает и будет нарастать опасность активных действий со стороны так называемых «правых», консервативных сил, применяющих стратегию безмолвного выжидания и (до времени) пассивного удержания контроля над репрессивным потенциалом, вплоть до момента, когда последует неизбежное обращение к этому потенциалу и передача ему реальной исполнительной власти. После этого, и не раньше, лидерам перестройки счет за их деятельность будет выставлен по всем статьям и в полной мере, позитивное содержание перестройки разрушено, а страна возвращена к состоянию, обладающему одновременно чертами 1905, 1917, 1937 и 1982 годов. Нетрудно показать, что такой разворот процесса вполне устраивает тех, кто сто-

²¹ Программа «500 дней» была предложена Г.Явлинским, доработана С.Шаталиным. Утверждена Верховным Советом РСФСР 11 сентября 1990 г. Первый этап программы (100 дней) предусматривал приватизацию жилья, земли, мелких предприятий, акционирование крупных предприятий. На базе Госбанка СССР создавалась Резервная система. Второй этап (100—250-е дни) — либерализация цен. Третий этап (250—400-е дни) — стабилизация рынка. Четвертый этап (400—500-е дни) — начало экономического подъема.

ит за спиной так называемых «левых», демократических сил, так как — в другом варианте — решает те же геостратегические задачи.

Тезис 8. Играя до последнего времени роль посредника между «правыми» и «левыми», М.С.Горбачев в новой ситуации теряет тех и других, становится (вместе с другими центристами) объектом одновременной атаки и справа и слева, со всеми вытекающими отсюда последствиями. **Тактика баланса сил, таким образом, уже не может и далее подменять инициативную политическую стратегию центристов и Горбачева.**

Тезис 9. Таким образом, на повестку дня становится прежде всего самоопределение Горбачева М.С. и блока центристских лидеров как имеющих свое лицо, а также принципиально иная, нежели у «правых» и «левых», стратегия политического, общественного развития. Альтернативы ускоренному формированию и конструированию нового коллективного субъекта политической мысли и действия уже нет. И М.С.Горбачев, и все центристы вне такого крутого, стратегического политического маневра оказываются в губительной ситуации.

Тезис 10. События 21 сентября²² показали, что М.С.Горбачев обладает способностью к маневрированию в ошеломляющем его политических противников темпе. До сих пор наличествовавшая неопределенность позиции центристов позволяет им «пересесть на новую лошадь», чего не могут сделать так называемые «левые», определившие свое место и роль с избыточной жесткостью. Таким образом, при всей критичности ситуации шанс на ее исправление, безусловно, имеется.

Часть третья

Укрупненный сценарий политического действия в новых условиях

Первое. Кампания по показу обществу политизированной преступности как врага, замыслившего антиконституционный переворот.

²² 21 сентября 1990 г. на заседании Верховного Совета СССР Горбачев неожиданно предложил объединить экономические программы Явлинского—Шаталина и Абалкина—Рыжкова, то есть фактически отказался от программы Явлинского «500 дней», которую до этого активно поддерживал.

Второе. Жесткое обозначение позитивного содержания перестройки как нуждающегося в защите. Сюда входит защита конструктивного предпринимательства, информационной свободы, открытости миру, необходимости модернизировать общество, обновить социализм, обеспечить новый тип управления страной, соответствующий новой мировой динамике, и пр. Государственный протекционизм как новая политическая практика.

Третье. «Инвентаризация» политики перестройки, обозначение ее тупиков, выдвижение идеи двух вариантов модернизации как «горбачевской новой волны», критика тупиковой ветви модернизации (так называемой либерализации). Показ стратегии «левых» как попытки «переродить» перестройку. Организационные меры по преодолению «левого уклона». Новый (как минимум на 80–90 процентов) состав Президентского совета, объединяющий именно конструктивных организационных лидеров (лидеры промышленности, сельского хозяйства, партии, науки, культуры, армии, правоохранительных органов, женщин, молодежи – всего не более 20 человек), а не представителей социальных слоев.

Четвертое. Выдвижение на первый план политики форсированного сдвига параметров производственно-промышленного контура СССР, с обоснованием необходимости укрепления в этой (и только в этой!) связи всех административных структур, управляющих народнохозяйственной стратегией (Госплан СССР).

Пятое. Борьба с правым уклоном, как стремящимся вернуть страну к эпохе застоя. Показ связи «правых» с «левыми» через коррупцию. «Перетряска» высшего эшелона РКП²³.

Шестое. Объявление чрезвычайного (или военного) положения теперь уже под жестким политическим контролем центристского блока. При этом, поскольку врагом является политизированная преступность, нет «преступной войны партии и президента против своего народа», а есть – всего лишь! – серия «панамских» акций против криминала на территории СССР. Из-под удара оказываются выведены здоровые политические силы, что на деле (!), а не на словах означает блокирование возможностей возврата к сталинизму.

²³ Имеется в виду Компартия РСФСР, созданная в июне 1990 г. Считалась оплотом «консервативных сил» внутри КПСС.

Седьмое. Главная задача чрезвычайного положения в СССР – нормализация жизни граждан, создание гарантий для реальных прав личности, человека и гражданина, формирование нормального федеративного устройства СССР по формуле – Союз народов + федерация территорий, обеспечение неделимости территории как основного конституционного условия, обеспечение победы тех политических сил, которые поддержат федеративный принцип, принятие, уже в новой политической реальности, Конституции СССР (с сохранением названия!) как федеральной (без права наций на самоопределение вплоть до отделения) страны, с районированием ее по государственной логике, а не в логике огосударствления этносов, с единым гражданством СССР и пр. Можно предложить несколько сценариев осуществления таких преобразований, в том числе якобы «левый», выключающий претензии со стороны РСФСР.

Восьмое. В отсутствие пугающих своей академической объемом программ, принятие, буквально на нескольких страницах, ряда основных задач чрезвычайной президентской формы правления:

1. Нормализация жизни.
2. Укрепление федерального правового государства.
3. Защита позитивных завоеваний перестройки (информация, предпринимательство, новое мышление). Создание гарантий невозврата к застою и сталинизму.
4. Ускоренная модернизация промышленно-производственного комплекса (пятилетний план, необходимость жестких административных мер. Структурная перестройка в экстремальных условиях).
5. Подавление политико-мафиозного сговора и экономической мафии, действующей против своего народа.
6. Обеспечение стратегических приоритетов в рамках «модели будущего».
7. Защита социалистического Отечества изнутри и извне.
8. Согласование интересов всех слоев населения в рамках, необходимых для интенсивного развития при минимуме **социальных издержек**. Обеспечение социально-психологических условий, минимизирующих социальный дискомфорт при выявлении этих издержек.

Схема управления страной, отвечающая именно решению этих задач, то есть не организационная только, а организационно-функциональная, прилагается.

Рис. 13
 Схема управления в чрезвычайном режиме

Прилагается также поясняющий концепцию материал.

СИТУАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ В СССР, ДЕЙСТВУЮЩИХ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

I. Анализ сложившейся политической ситуации не оставляет никаких сомнений в том, что та логика преобразований, которая осуществлялась в последние годы в СССР, зашла в тупик. Ее дальнейшая реализация способна поставить страну на грань национальной катастрофы. Об этом свидетельствует уже начавшаяся в стране синхронизация кризисов, дающая себя знать в совокупности следующих факторов:

- рост дефицита по всем видам продснабжения и товаров народного потребления;
- нарастание социально-политической напряженности и радикализация политических конфликтов, начинающих приобретать антагонистический характер;
- активизация организованной преступности и «теневой» экономики, их политизация и активное включение в борьбу за власть;
- отсутствие необходимых мер по подготовке к зимнему теплоотопительному сезону, грозящее острым физиологическим дискомфортом для жителей крупных городов;
- непрерывное ухудшение санитарно-гигиенической ситуации, повышение вероятности эпидемий как в традиционно взрывоопасных регионах (Средняя Азия), так и в крупнейших городах;
- резкое обострение жилищного кризиса;
- падение всех видов производства, разрыв договорных обязательств, связанный с остановкой уже в настоящее время сотен заводов;
- стремительное ухудшение положения социально неимущих слоев при столь же стремительном (и экономически необоснованно резком) повышении уровня жизни меньшинства, очевидно паразитирующего сегодня на ухудшении положения трудящегося населения и выступающего в связи с этим с лозунгом: «Чем хуже – тем лучше»; наконец, в связи с падением трудовой дисциплины и ростом апатии, что вызвано все более явным отходом от принципа оплаты по труду, аварийная ситуация, сложившаяся на ряде объектов, требующих особо четкого рабочего ритма, высокой про-

изводительной дисциплины, что ставит на повестку дня вопрос о безопасности населения в общенациональном и международном аспектах.

II. Причиной такого неблагоприятного течения событий, грозящего срывом перестроечного процесса, является **паралич власти и полный развал структуры органов управления на всех уровнях — сверху донизу**. Это делает схоластическими обсуждение тех или иных концепций преобразования нашего общества, поскольку для реализации этих концепций нужна, во-первых, власть, способная жестко формулировать конструктивные цели и добиваться их реализации, и, во-вторых, исполнительская структура, достаточно эффективная и отлаженная, для того чтобы реализовать поставленные перед нею задачи. Сегодня отсутствует и то, и другое. При этом крайне важно, что вакуум власти и управления уже начинает заполняться открыто криминальными элементами. Именно эти силы, обвиняя во всех бедствиях партократию и бюрократию, навязывают стране стратегию тотального дефицита всего жизненно необходимого. Именно они видят в раскручивании напряженности путь к осуществлению первоначального накопления капитала, путь к установлению своей диктатуры. Террор против коммунистов, а в их лице и прочих хозяйственных руководителей всех уровней есть необходимое для этих сил средство захвата власти и установления антикоммунистической диктатуры. Поэтому никакой диалог со стороны руководства государства и партии с этими силами здесь невозможен, никакой компромисс неосуществим. Возможна только борьба по принципу «или—или».

III. Мы имеем, по сути, две полярные точки зрения на оценку сложившегося положения, которые определяют генеральную линию политических сил, готовых сегодня развернуть активную борьбу за власть, используя тупиковость сложившейся ситуации.

Первая. Это тотальное отрицание перестройки, оценка ее определенными политическими силами как преступной ошибки, результата национальной измены и, наконец, в крайнем варианте — прямого сговора руководства страны со спецслужбами Запада. Эта правая оценка сложившейся политической ситуации предполагает дальнейшее неучастие в процессе социально-экономических преобразований, доведение ситуации до действительно катастрофической. Военный переворот является способом разрешения этой катастрофы. Репрессии по отношению к субъектам перестро-

ечного процесса, как к изменникам Родины, отмена всех решений, принятых после апреля 1985 года, как незаконных, мощные силовые акции по подавлению национальных движений и возврат к моделям государственно-экономического устройства, гораздо более жестким и административным, нежели это имело место в начале 80-х годов, — все это составляющие механизма разрешения кризиса со стороны правых сил. Мы сталкиваемся с эклектикой крайних форм национализма и монархизма, прикрытых консервативно-коммунистическими лозунгами, а по сути — брежневского распределительного механизма и сталинских репрессий.

Не говоря о моральной неприемлемости, такая модель является экономически и социально неэффективной, не дающей возможности осуществить преобразования базиса, необходимые для неколониального развития страны. Таким образом, под крики о великодержавии и бряцание оружием страна окажется ввергнута в колониальную пропасть, окончательно утерчет моральный код, необходимый для эффективного развития. Государство станет предельно управляемым со стороны проклинаемого правыми Запада, превратится в угрозу цивилизации и всему человечеству.

Вторая. Иной тип отношений к происходящему демонстрирует блок так называемых левых сил, готовых к эскалации тех негативных процессов, которые породили тупиковые, предкатастрофические состояния. Вопреки очевидности, эти силы настаивают на стремительной радикализации экономических преобразований. Социальной базой этих преобразований становится теперь уже с полной откровенностью вся криминальная и субкриминальная структура, имеющая свои механизмы насилия, свой иерархический командный механизм управления, свое информационное и идеологическое обеспечение. Тактикой политической борьбы за реализацию этих целей является так называемое «народное восстание», агитация в армии, реализация стратегии напряженности через тотальный дефицит, разрыв инфраструктуры, формирование образа врага в лице коммунистов и существующей сегодня власти как просоциалистической и, в конечном счете, установление этнократических политических диктатур, по сути фашистских, управляемых извне по моделям, отработанным в Африке и Латинской Америке. Характерно, что, придя на волне демократических лозунгов и призывов, так называемый «левый блок» (о патологичности сложившейся политической ситуации говорит сама

перевернутость понятий и терминов, используемых в нашей стране по отношению к понятийному аппарату, используемому в мировой политической практике, где этот блок характеризуется как ультраправый) теперь отбросил все демократические интенции и открыто требует своей диктатуры. О подготовке этим блоком государственного переворота в течение ближайших месяцев свидетельствуют следующие обстоятельства:

1. Прямые призывы к свержению всех уровней союзной власти (Съезд народных депутатов СССР, Верховный Совет СССР, Совет министров СССР, президент СССР). Эти призывы открыто публиковались в течение последних месяцев в центральной печати, подписывались лицами и организациями, имеющими серьезный политический вес. Их идеологическим обоснованием были заняты журналисты, ученые, политологи, социологи, телевизионные обозреватели, народные депутаты СССР и РСФСР.

2. Блок политических документов, в том числе меморандум «Программа-90», который обсуждался всеми основными фракциями блока левых сил, хотя публично каждый из них отрицает свое участие в этом документе, относя его, естественно, к проискам КГБ. Такая практика «пробного шара», вбрасываемого в общественное сознание, применяется левыми силами не первый раз.

3. Заявления и лозунги на митингах и демонстрациях августа 1990 г., когда призывы к свержению власти адресовались возбужденным массам со стороны имеющих известность и политический вес лиц, входящих в состав высших законодательных органов страны.

4. Очевидная управляемость процесса создания тотального дефицита, прежде всего в области продовольствия, товаров повседневного спроса, в перспективе — теплоснабжения. Оперативные материалы работников правоохранительных органов свидетельствуют о возможности существования системы экономической блокады крупных городов, уничтожения товарной массы и продуктов питания.

5. Действия «демократического руководства» крупнейших городов СССР, прежде всего Москвы и Ленинграда, знающих о катастрофичности сложившейся ситуации и открыто пренебрегающих самыми элементарными действиями по ее нормализации.

6. Все усиливающаяся «левая» агитация в войсках и органах внутренних дел.

7. Повсеместный сброс памятников Ленина и других лидеров Октябрьской революции, призывы к политическим акциям, приуроченным к 7 ноября и имеющим целью публичное осквернение сакральных политических символов.

8. Мобилизация потенциала криминального насилия, перевод в регионах незаконных вооруженных формирований в режим «готовности номер один».

9. Высокая степень корреляции управляемого дефицита с очевидно абсурдными и экономически неэффективными международными соглашениями со стороны Верховного Совета и правительства РСФСР (закупка 34 млрд. сигарет фирмы «Филипп Моррис» при возможности получения аналогичного объема сигарет в счет погашения внешнего долга стран ближневосточного региона).

10. Серия политических совещаний основных групп и сил левого блока, имеющих своей кульминацией «Гражданский форум», приуроченный к концу октября 1990 г., который даст новое качество политическому процессу, образовав альтернативные структуры управления страной.

На фоне вышеуказанных факторов особенно тревожной становится та тенденция к ускоренному, ультимативному внедрению явно экономически и политически недоброкачественной программы «500 дней» (в ее различных модификациях), рассматриваемой нашей экспертной группой, прежде всего, в качестве ключевого блока стратегии напряженности, позволяющей привести в действие механизм переворота и установления диктатуры. Вне зависимости от субъективных намерений авторов программы, возможно верящих в ее практическую реализацию, эксперты сочли необходимым констатировать, что в политическом смысле данная программа представляет собой по сути **программу дестабилизации и разрушения государства**. Эксперты выделяют следующие основные моменты, позволяющие сделать подобное утверждение:

1. Программа является калькой с типовых программ развития слаборазвитых стран, тиражируемых Международным валютным фондом (МВФ); при этом коррекции на специфику СССР фактически не производится.

2. Тезис о конверсии «теневой» экономики, популистски привлекательный в сложившейся на сегодня политико-криминальной ситуации, означает отнюдь не отмывание «черного капитала» и его

превращение в «белый», высокопроизводительный, ориентированный на интересы страны и потребителя, а, напротив, фактическую передачу управления различными регионами страны «черным структурам», преступным националистическим кланам и общесоюзной мафии. При этом слабая ориентированность авторов программы в практических аспектах функционирования организованной преступности и «теневой» экономики в СССР приводит к тому, что фактическая реализация данной программы заденет одновременно с интересами народов СССР, государства, общества еще и интересы различных типов тех самых криминальных структур, на спасительную роль которых уповают авторы программы. Не исключено при этом, что обострение противоречий различных элементов преступной среды в нашей стране послужит мощным катализатором гражданской войны и смуты, которая превратит СССР в серьезную угрозу мировой цивилизации.

В любом случае высочайший уровень монопольности, характерный для криминальной экономической структуры, будет означать перевод страны в режим тотального дефицита, где распределительными отношениями будут веждать не бюрократы-чиновники (часть из которых всегда коррумпирована, но не имеет опыта фактически уголовной деятельности), а непосредственно сами «крестные отцы» мафиозных структур, «воры в законе» и другие авторитеты преступной среды, где начисто отсутствуют какие-либо принципы так называемого «гражданского общества», о котором мечтают авторы программы. Одновременно пресловутый рынок в масштабе всей страны окажется «черным рынком» с преобладающей торговлей так называемым «белым товаром» (ученые, менеджеры, спортсмены), классически преступными формами бизнеса (наркотики, валюта, антиквариат), бизнесом против человечества (трансплантируемые органы и донорская кровь, женщины и дети). В результате преступных сделок страна превратится в экологическую свалку, будет осуществлен спланированный вывоз стратегических ресурсов, а также сброс сюда устаревших технологий и ненужных на Западе товаров.

3. Особым индикатором качества и ориентации программы является тип валютного диалога, предлагаемый для СССР. Элементарные расчеты показывают, что страна в данный момент окончательно превращается в своего рода «валютный изолятор». Валюта практически не входит в страну, что является показателем степе-

ни ее деградации как члена международного сообщества (как результат предлагаемого программой разрешения всем инопфирмам закупки любой продукции в любом объеме на рублевую массу с одновременным закрытием всех валютных магазинов внутри страны). Вместо этого идет обмен товарами по неэквивалентному курсу. Эксперты назвали такой тип обмена «туземным», поскольку он адресует к эпохе обмена стеклянных бус на алмазы, золото и другие сверхценные ресурсы.

Опоздавшая реакция на действия блока левых сил по всем направлениям, включая экономику, дала тем не менее в руки руководства СССР новую возможность нормализации положения. Однако эта возможность не используется сейчас в полной мере, поскольку не решена главная политическая задача — самоопределение центристского блока, осознание им себя как политической силы, являющейся объектом планируемого политического и физического уничтожения как справа, так и слева. Вызванная этим сознанием политическая консолидация, отброс конъюнктурных соображений, прекращение позиционной, выжидательной тактики, основанной на попытке выступить в роли арбитра, могли бы стать тем конструктивным началом, которое послужило бы, в свою очередь, отправной точкой для создания самостоятельной, жестко-наступательной стратегии блока центристских сил, являющейся, по существу, залогом действительности президентской власти с ее новыми полномочиями.

Эксперты считают категорически необходимым подчеркнуть, что в сложившихся деструктивных условиях сами по себе президентские полномочия абсолютно бессмысленны, бесперспективны, поскольку они не имеют под собой политической стратегии и реального блока центристских сил, являющегося гарантом наличия у этой стратегии социальной базы. Без этого неперемного условия президентские полномочия в месячный срок обратятся в оружие против самого Горбачева, который будет обвинен справа в нерешительности, беспомощности, неспособности наводить порядок, а слева — в узурпации власти, приверженности безнадежно устаревшим догмам и ориентирам, синдроме «генсекства» и опять же в нерешительности, отсутствии самостоятельной точки зрения. Никакой защитный механизм невозможен в случае, если отсутствует политическая стратегия и социальная база, обеспечивающая ее выполнение. Ни КГБ, ни МВД, ни армия в сложившихся условиях не смогут противостоять ситуации, учитывая, что

потенциал политического радикализма в сочетании с организованной преступностью составит не менее 2 миллионов человек, криминальная и субкриминальная база — до 10 миллионов человек, а открытый потенциал гражданского неповиновения может достигать 40—50 миллионов человек. На неэффективность включения защитных механизмов от деструкции только на силовом уровне указывают процессы в республиках (Карабах, Фергана, Ош²⁴), где никаких задач этим способом решить не удалось.

Эксперты выражают озабоченность тем, что без выработки инициативной стратегической линии центристского блока президентские полномочия и даже введение чрезвычайного положения в стране не создадут ситуацию стабилизации, а сформируют лишь особый режим «гниения государства»; социальную анемию, которая разовьется до крайней степени: так называемую «итальянскую забастовку» граждан страны против своего руководства. Вся страна будет жить в этом случае по огромной гипертрофированной модели «Литвы-90» (ожидание чрезвычайного положения, медленное опускание в трясину экономического, социального и политического разложения).

Социологические исследования показывают, что с каждым месяцем ненависть и негодование широчайших слоев населения начинают вызывать следующие черты сегодняшнего центристского блока (пока еще даже не блока, а аморфной группы вокруг президента):

1. Отсутствие своего лица (экономического, политического, социального) — на это указали до 93 процентов опрошенных.
2. Нерешительность, тактика полумер — 98 процентов.
3. Вялая оценка текущего момента и политической ситуации в терминах «пред-пред-предстадии» при историческом характере перемен, их неслыханности, эпохальности, которую опрашиваемые оценивают как «мощный замах» при отсутствии удара, как мощную заявку при отсутствии содержания (практически все опрашиваемые);
4. Безразличие к реальным бедствиям народа, небрежность в отношении судеб огромных человеческих масс под аккомпанемент

²⁴ В мае—июне 1989 г. в Ферганской области Узбекской ССР произошли погромы мекхетинских турок. В июне 1990 г. в городе Оше Киргизской ССР в результате нападения киргизов на местных узбеков, только по данным следственной группы Прокуратуры СССР, погибло около 1200 человек («ошская резня»).

тезисов «о слезе ребенка», священности отдельной человеческой личности, гуманном демократическом социализме и т.п.

Считая центристскую линию объективно единственной возможностью спасти от катастрофы, эксперты еще раз предупреждают руководство страны, что **сохранение невинности, вялости, непроартикулированности** политических позиций центра, отсутствие понимания при жесточайшей необходимости формировать социальную базу центра в кратчайшие сроки, подмена конкретной политической деятельности упованием на народное одобрение, согласие, общенародную поддержку, волеизъявление масс и т.п. — смерти подобно.

5. Отсутствие реального экономического содержания действия, неспособность дать ответ на вопросы, которые более всего тревожат общество, отсутствие реального политического мужества и способности признать ошибки (опросы показывают, что первый политический лидер, который открыто покается перед народом, получит политическую фору в широких слоях населения). И наконец, неспособность определить свою политическую стратегию и развернуть ее в совокупности конкретных мер, реализационных схем, связанных в одно целое со стратегической линией, а не представляющих собой эклектическую мешанину, способную вызвать только раздражение, — вот причины, неизбежно приводящие к гибели центристской линии, борьбе левых и правых сил — т.е. политической катастрофе.

Предлагая в настоящем варианте концепции ряд конкретных организационных схем по налаживанию системы общественного порядка, экономического устройства, идеологического и информационного обеспечения, эксперты считают тем не менее необходимым указать вначале главные стратегические тезисы, вне которых эти меры будут малоэффективны.

ТЕЗИС 1. Перестройка в том виде, в каком она проводилась, завершена.

ТЕЗИС 2. Она при всех ее издержках имеет четко выраженное позитивное содержание, которое является собственностью народа.

ТЕЗИС 3. Эта собственность — заслуга «архитекторов» перестройки, их политический капитал, на защите которого они категорически должны настаивать, давая отпор попыткам тотальной ее дискредитации.

ТЕЗИС 4. Отстаивание позитивного содержания перестройки невозможно без четкого выявления ее негативного содержания, без объяснения народу (населению страны), почему оказался сорванным процесс обновления общества. Такое объяснение может быть дано с позиции современного обществоведения, отчего-то до сих пор не применяющегося на практике в СССР, но используемого всеми другими странами, правительствами, международными организациями.

Современное прагматическое обществоведение говорит о том, что модернизация общества, разновидностью которой является перестройка, может идти по нескольким основным схемам (типология). Осознание объективной необходимости модернизации общества есть заслуга лидеров перестройки. Выбор ими неверной типологии модернизации является их серьезной политической ошибкой, приведшей к серьезным негативным последствиям.

ТЕЗИС 5. Отсюда основные политические задачи центристского блока. Первое — сохранить волю к модернизации общества, давая с этих позиций отпор правым силам. Второе — изменить типологию модернизации, за счет этого нанести сокрушительный удар по блоку левых сил, превратив свое «бесформие» предшествующего периода из политического негатива в политический позитив, поскольку **левые определились раньше и этим определением жестко вписаны в неверную типологию.**

Не осуществив такого маневра, центр будет разгромлен слева за счет обвинения в непоследовательности, с которой он осуществляет модернизацию той же, что и левые, типологии.

ТЕЗИС 6. Крайне важно понять, что до тех пор, пока центр и левые размещаются в одной типологии модернизации, центр неизбежно оказывается правее левых и, значит, будет представлять собой «политический труп», так как в сложившейся ситуации каждый, кто становится справа, оказывается политическим смертником.

Президента страны, размещающего себя в том же политическом пространстве, что и левые, неизбежно ожидает судьба Рыжкова и Лигачева, поскольку дальше влево в этом пространстве он смещаться не сможет.

ТЕЗИС 7. Замена типологии модернизации возможна, коль скоро мы перестанем из всех траекторий современной цивилизации видеть только одну — индустриальную, в ее либеральной и

неоконсервативной разновидности, стремящуюся отождествить себя с демократией и прогрессом. На деле цивилизационные изменения, начавшиеся с середины 70-х годов, свидетельствуют о растущем значении неотрадициональности, как другой траектории прогрессивных цивилизационных изменений. На этот путь встают сегодня все новые и новые страны, получая при этом феноменальные результаты в кратчайшие сроки (Япония, Китай, Южная Корея).

ТЕЗИС 8. Не противопоставляя эти два типа прогрессивных цивилизационных изменений друг другу, эксперты полагают необходимым указать на полную бесперспективность либеральной модели модернизации глубоко по сути традиционного общества, сложившегося в нашей стране, где даже индустриализация происходила в пределах схем, свойственных аграрному типу государства. Политическому либеральному модернизму в нашей стране сопротивляется тип культуры, национально-исторические традиции, сложившаяся технология хозяйства, конфигурация и особенности производственного контура, государственное, общественное и политическое устройство, модель мира, тип бедности и еще десятки и сотни параметров, совокупное изменение которых если и возможно, то действительно лишь на протяжении столетий.

Попытка переломить все это волевым путем привела к хорошо известному и хорошо разработанному в ряде стран типологическому варианту модернизации, плоды чего мы пожинаем сейчас в полной мере.

Либеральная атака на традиционное общество вызвала ускоренный рост патологий (в т.ч. и «онкологических») — коррупцию, миграцию ресурсов в полюса деструкции, социальный регресс (особенно в молодежной среде) и другие патологии, включая развал управленческих структур и хозяйственной дисциплины.

ТЕЗИС 9. Началом такого процесса распада послужил проводящийся в стране в форме культурного шока идеологический штурм, который уже к середине 1988 г. начал задевать консенсус непоправимо и привел к пересмотру итогов Второй мировой войны, что губительно сказалось на историческом сознании населения СССР, для которого данное событие являлось цементирующим их государственное «я».

Неумение строить компенсаторные механизмы в так называемой «антисталинской кампании», которая к середине восьмиде-

сятых уже не имела прямого отношения к Сталину, породило рост социального отчаяния, маргинализацию молодежи, кризис исторической самоидентификации с переносом ее в область самоидентификации национальной.

К концу 1988 г. мы имеем все основания говорить о сломе морального кода, серьезных деструктивных сдвигах в сознании широких слоев населения, девальвации всех традиционных ценностей, составляющих основы трудовой дисциплины, социалистического ритуального труда, комплекса высоких мотиваций к труду, нравственных императивов, и уже к началу 1989 г. стало возможным говорить о социальной инверсии, где установка на созидание оказалась круто заменена установкой на добывание.

Тревогу по указанным поводам высказывали крупнейшие западные экономисты и социологи, обществоведы и философы, наконец, конструктивно ориентированные бизнесмены, неоднократно обращавшиеся с вопросом — что же вы делаете?

Только фетишизация экономического механизма, оторванного от системного обществоведения, только деградация самого этого обществоведения в СССР, вызванная замшелостью идеологических штампов, только вульгарно-материалистическая и псевдомарксистская установка советских ученых на то, что бытие якобы определяет сознание, только доминирование узких специалистов над системщиками, выход технократов за пределы компетенции — от экономики до здравоохранения и образования — могут объяснить, на первый взгляд абсурдную, логику действий, характеризующую цепь экономических преобразований 1980–1989 гг.

ТЕЗИС 10. Политическое содержание этих преобразований состояло в утопических надеждах советских политиков на то, что им удастся в кратчайшие сроки сформировать «советского капиталиста», новый класс с высоким предпринимательским статусом и через его наличие осуществить либеральную модернизацию общества.

При этом политики либеральной ориентации сознательно шли на издержки, связанные с построением нового класса за счет разрушения хозяйства в логике накопления первоначального капитала.

Не желая додумывать до конца и принадлежа по типу ментальности к брежневско-сусловской ветви идеологов, где желанное всегда доминировало над реальностью, эти политики сознательно дезинформировали руководство страны в части того, что по-

добная логика первоначального накопления не может быть завершена без диктатуры, что диктатура эта в сложившейся политической ситуации уже возможна лишь как диктатура антикоммунистическая и что эта диктатура потребует неизбежности уничтожения существующих политических лидеров и прежде всего руководства страны.

Они не додумывали или сознательно дезинформировали руководство и в плане того, что в становлении подобного капитала участвует обособленный рынок (а значит, сепаратизм в крайних формах его проявления); что упование на взаимовыгодное сотрудничество в пределах рынка СССР игнорирует ориентацию этих субъектов на рынок международный, в условиях чего Азербайджан всегда, при всех издержках населения будет ориентирован на Турцию, Грузия – на Италию, Прибалтика – на Скандинавию и Германию, Украина – на Германию и австро-венгерский блок, Молдавия – на Румынию, а условия и специфика российской криминальной структуры сделают ее объектом двойной колонизации, где ориентированные на международный рынок республики начнут колонизацию самой России с ее этническим и региональным патронированием. А значит, в перспективе – и разделением на доминионы.

Итак, мы можем констатировать определенную траекторию, при которой вначале произошел выбор неверной философской парадигмы организации, затем под эту философско-политическую парадигму оказалась сконструирована идеологическая схема пропаганды международных контактов, далее под эту идеологическую схему оказалась определена социальная база, а под нее встроен экономический механизм, абсурдный с точки зрения ориентации общества на благополучие, но логичный с точки зрения накопления первоначального капитала. Под этот механизм оказалась встроена правоохранительная политическая практика, а главное – практика управления. Последняя вначале демонстрировала партию именно как часть административно-хозяйственной системы (управленческой структуры), пусть не в лучшем виде, но все же интегрировавшей народное хозяйство и, как было сказано лидером теперешнего российского парламента на XXVII съезде КПСС, «не позволившей растащить его по национальным квартирам».

Неизбежные при этом сбои народнохозяйственного механизма трактовались как механизм торможения, как недостаточно последовательно проводимые радикальные реформы. Причем на но-

вом этапе радикализации началась дезинтеграция и тех частичных комплексов, на которые народное хозяйство распалось после первого этапа дезинтеграции.

Наконец, на третьем этапе радикализации управления атаке начал подвергаться «атом» народного хозяйства Советского Союза — государственные предприятия, колхозы, совхозы, как основные базовые структуры производственно-хозяйственной деятельности.

Никакого созидательного механизма, который бы компенсировал деструкцию, не было и нет!

Таким образом, необходима разработка мер по стабилизации в ситуации, когда дестабилизирующим началом является вся логика либеральных преобразований, напоминающих действия кареты «скорой помощи», которая, по образному выражению А.Т.Твардовского, «сама режет, сама давит, сама помощь подает».

ТЕЗИС 11. Действительные стабилизация, нормализация и сохранение государства возможны лишь при следующих основных условиях:

1. Фиксация необходимости модернизации страны как объективной необходимости, вызванной новыми глобальными мировыми процессами. С этих позиций формирование идеологии перестройки есть позитивное содержание деятельности руководства страны в период с 1986 по 1990 г.

2. Признание политически ошибочной и философски не обоснованной технологии осуществления идеологии перестройки. Показ разрыва между идеологией и технологией.

3. С помощью ряда концептуальных разработок, широко обсужденных в печати и средствах массовой информации при очевидном участии (безусловно, не в форме явной кампании) в этом руководства страны, должны быть осуществлены новый концептуальный выброс, заявки на самые серьезные коррективы в траектории модернизации.

4. Должна быть развернута идеологическая кампания с участием высшего руководства страны, в которой последовательно, логически чередуясь, будет проведена параллельная атака на левый и правый уклоны, как одинаково деструктивные и антигосударственные.

5. В плане политическом должен быть отчетливо сформулирован и сформирован образ врага, в качестве которого выступают криминальные силы, а не политические партии и движения, популярные в народе и способные вызвать мощный социальный

взрыв в случае их деструктивного задействования. **ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОТИВНИК – КРИМИНАЛЬНАЯ СРЕДА.** Вот единственная спасительная формула, позволяющая осуществить стабилизацию, не начиная войну против своего народа. Организационное обеспечение этой меры (бессмысленное, если оно будет оторвано от политики) изложено группой экспертов в приложении 2 («Обеспечение национальной безопасности в условиях преодоления деструктивных процессов»).

6. В плане экономическом необходимо показать логику развития экономики СССР не как сплошной абсурд, а как сложный противоречивый процесс, обладавший своими позитивами и негативными тенденциями.

В соответствии с этим на вооружение для стабилизации должна быть принята форма управления, учитывающая лучшие образцы управления народным хозяйством СССР в периоды, требовавшие чрезвычайных решений, когда стремительно и в кратчайшие сроки удавалось осуществить крупнейшие мероприятия в условиях деструкции общества (см. приложение 3).

7. Необходимо обеспечить жесткие меры в новом исполнительном механизме, позволяющие нормализовать финансовое состояние, бюджет, запустить хотя бы самые необходимые программы развития. Жестких административных мер требует также вся инфраструктура: связи, транспортных коммуникаций, энергоснабжения и т.д.

Наведение порядка в этой сфере означало бы восстановление утраченного авторитета государства, что в сознании населения означает: государство — это и есть инфраструктурный порядок («поезда, ходящие по расписанию»).

8. Необходима пропаганда лучших образцов западной цивилизованной культуры взамен масс-культуры, заполонившей все средства массовой информации.

9. Необходима разработка и осуществление модели и технологии опережающего развития, с тем чтобы на этой основе, помимо позитивных задач, еще и фокусировать энергию молодежи, которая в противном случае будет вытеснена в радикальную (экстремистскую) политическую деятельность.

10. Необходимо приступить уже на ближайшую пятилетку к программе по форсированному обновлению основных фондов страны. Расчеты показывают, что в закритическом состоянии на-

ходится не меньше половины основных фондов, что грозит техническим параличом.

11. Необходимо в кратчайшие сроки провести земельную реформу с безвозмездной передачей земли желающей части крестьянского населения, выдачей им кредитов Госбанка под заклад земли в ипотеку. Тем самым руководство страны оказывается левее сегодняшних левых, предлагающих продажу земли. Оно получает социальную базу, опору в лице крестьянства, сохраняет рычаги государственного регулирования через банк, а значит, возможность влиять на цены, обеспечивая тем самым пресловутый союз рабочих и крестьян, который сегодня существует менее чем когда-либо.

12. Преобразование СССР в государство нормального федеративного типа, без права на самоопределение вплоть до отделения. Формула государства – союз народов + федерация территорий.

13. Стратифицированная оплата по труду с коэффициентом стратификации от 40 до 150.

14. Жесткий государственный протекционизм, импортзамещение, экспорториентация, внешнеэкономическое сотрудничество, направленное на повышение доли высокотехнологического продукта в советском экспорте.

15. Контроль и упорядочение ремиграционных и миграционных потоков в интересах развития страны.

Основа концептуального эскиза программы руководства страной, в том числе и по преодолению деструкции, выдвинутая нами, характеризуется комплексностью, т.е. стремлением ввести антидеструктивные мероприятия по всем направлениям – от философии, идеологии и политики до организационно-административных схем и чрезвычайных полномочий структур государственной безопасности. Мы настаиваем на том, что любая система действий может быть в сложившейся на сегодняшний день чрезвычайной обстановке эффективна лишь при ее целостности и опоре на жестко определенную политическую стратегию.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПРЕОДОЛЕНИЯ ДЕСТРУКТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

Приведенные в ситуационном анализе соображения о нарастании деструктивных процессов, естественно, ведут к необходимости создания принципиально новой системы обеспечения национальной безопасности страны. Данная система предполагает прежде всего структурные и функциональные изменения в иерархии органов правопорядка и обеспечения жизненно важных, стратегических направлений реализации концепции национальной безопасности СССР.

Предлагаемая схема изменений выглядит следующим образом:

- при президенте СССР создается Совет национальной безопасности, который включает в себя руководителей структурных подразделений правоохранительных органов и жизненно важных направлений функционирования (транспорт, энергетика, связь);
- под прямым подчинением президенту СССР создается **Комитет по борьбе с организованной преступностью и «теневой» экономикой.**

Главными направлениями его работы становятся вопросы, связанные с обеспечением внутренней и внешней экономической безопасности страны. Комитет комплектуется из ныне действующих сотрудников БХСС, подразделений по борьбе с организованной преступностью МВД и КГБ СССР, комитетов народного контроля. Комитет в обязательном порядке должен иметь свой следственный аппарат, основу которого составят следователи органов прокуратуры, специализирующиеся на расследовании экономических и государственных преступлений, а также следственных аппаратов МВД и КГБ СССР. В состав комитета также входит экспертная служба по вопросам внешней и внутренней экономической безопасности с самыми широкими контрольными полномочиями. Основной задачей экспертной службы станет оценка внешнеэкономических сделок и крупных народнохозяйственных проектов с позиций национальной безопасности и защиты от организованной преступности.

В результате создания предлагаемого комитета будет устранено дублирование функций ныне существующих структур в МВД, КГБ и Прокуратуре СССР. Кроме того, мировой опыт организации спецслужб по борьбе с мафией говорит о необходимости выделять их структурно из традиционных полицейских аппаратов, чтобы не «топить» эти подразделения в текучке борьбы с общеуголовной преступностью, а концентрировать их силы на ликвидации мощных преступных структур, имеющих коррумпированные связи и политических покровителей. Данный комитет по своему статусу мог бы быть похож на ФБР, эффективно действующее в США.

Прямое подчинение данного комитета президенту и выведение его из подчинения местным органам и различным ведомствам обеспечат необходимую социальную эффективность его деятельности;

- из органов прокуратуры, как уже было отмечено, изымается функция ведения предварительного следствия, остается только прокурорский надзор за соблюдением законности, в том числе и по внешнеэкономическим сделкам;

- в органах КГБ остаются функции внешней разведки, защиты конституционного строя, охраны государственных границ;

- в органах МВД создается единая криминальная служба (по борьбе с общеуголовной преступностью), муниципальная служба, подчиненная местным Советам (по охране общественного порядка и профилактике правонарушений), система исправительно-трудовых учреждений;

- при президенте СССР создается Национальная гвардия на профессиональной основе с дислокацией своих частей во всех союзных республиках. Формируется на контрактной основе за счет уволенных в запас воинов Советской Армии и граждан в возрасте 21–40 лет;

- социально-правовой статус всех органов правопорядка закрепляется прямыми указами президента СССР;

- в течение двух ближайших месяцев проводится коррекция уголовного и уголовно-процессуального законодательства, суть которой в издании президентских указов, реализующих имеющиеся законопроекты по вопросам борьбы с организованной преступностью, «теневой» экономикой, терроризмом, экономическими диверсиями и саботажем.

ГЕНЕЗИС СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ЭКОНОМИКИ В СССР

Генезис современного состояния экономики может быть прослежен с момента реализации результатов реформы 1965 года. Сложившаяся в 30-х годах система управления, как известно, характеризовалась следующими основными признаками: 1) детальное планирование из центра производства продукции и фондовое распределение материальных ресурсов с прикреплением потребителей к поставщикам; 2) иерархическая административная подчиненность многоуровневой структуры управления; 3) формальный хозрасчет; 4) затратное ценообразование, выполняющее по преимуществу учетные функции; 5) адресное планирование фондов оплаты труда и объемных финансовых показателей; 6) оценка деятельности предприятий по выполнению плановых заказов (в объеме, ассортименте, номенклатуре и т.д.). Эта система интенсивно, часто вне исторического контекста, подвергается критике. Но у этой системы были неоспоримые достоинства: ее целостность, внутренняя согласованность всех звеньев, приспособленность к ней хозяйственников, что придавало ей устойчивость и сопротивляемость попыткам модификации. Атака реформы 1965 г. на эту систему вызвала в стратегическом плане ряд негативных последствий, создав объективно условия для сегодняшнего полного отрицания вмешательства государства в экономические процессы. Разумеется, с учетом современного состояния экономики страны, управляющих структур и политического фона спорность такого отрицания очевидна. В период реформы 1965 г. в экономику страны были брошены зерна, со всходами которых мы имеем дело сегодня.

Реформа 1965 г. предусматривала ряд такого рода мероприятий:

– внедрение прямых связей между поставщиками и потребителями; это не получило развития из-за монополии производителей, которая в наших условиях (как и на Западе) оказывается тем сильнее, чем слабее государственное вмешательство; отказ от фондового распределения (следовательно, от монополизма) в стране затруднен спецификой самой структуры производства – высоким уровнем его концентрации и узкой предметной специализацией предприятий. В результате при переходе на прямые связи в катас-

трофическом положении оказываются потребители: во время реформы 1965 г. потребители сами стали просить защиты у центральных планово-хозяйственных органов;

– реформа цен 1967 г. привела к смене модели цены, создав предпосылки для укрепления хозрасчета и платы за производственные фонды, но монополии поставщика эти цены не устранили;

– с этой задачей не справился и введенный тогда же новый основной плановый и оценочный показатель: объем реализации продукции не в меньшей степени, чем валовая продукция, заинтересован в росте материалоемкости производства;

– реформой предприятиям была предоставлена возможность самостоятельно набирать часть заказов, но предприятия оказались абсолютно не готовы к анализу рынка: часть их обратилась за опекой к центру, а другая часть стала осуществлять выгодные для себя ассортиментные сдвиги, что быстро привело к росту более дорогой продукции. Начался спонтанный процесс роста прибыли сверхвысокими темпами, обгоняющими темпы роста производства, тотчас в экономике страны начались процессы разбалансирования стоимостных и материально-вещественных хозяйственных потоков;

– это разбалансирование было усугублено политикой усиления экономических стимулов за счет фондов материального поощрения, образуемых из, как сказано, растущих прибылей. Но товарное покрытие дополнительных доходов обеспечено не было. Надежда на то, что товарная масса достаточно увеличится за счет этих стимулов, не оправдалась, поскольку гонка за прибылью вымывала как раз пользующиеся спросом потребительские товары (с умеренными и низкими ценами). Круг замкнулся. Для предотвращения роста несбалансированности товарного рынка следовало: или увеличить долю фонда потребления в национальном доходе, или замедлить денежные выплаты из ФМП. Однако фактически доля фонда потребления даже сократилась с 73,7 процента в 1965 г. до 70,5 процента в 1970 г., а денежные выплаты населению выросли на 20 процентов! Лобовой примитивный подход к взаимодействию между экономическими стимулами и материально-финансовой сбалансированностью опасен. Без необходимой сбалансированности не действуют экономические стимулы, а чрезмерное усиление стимулов порождает несбалансированность. И наоборот: причина и следствие здесь способны меняться местами;

— в 70-х годах названная несбалансированность стала возрастать с еще большей интенсивностью, теперь уже практически без прироста производства, в отличие от 60-х годов. Теперь в число стимулирующих несбалансированность причин вошла кредитная политика. Оценочный показатель — реализация — создал проблему своевременности платежей. Эту проблему пытались решить путем развития платежных кредитов, что на практике свелось к автоматической выдаче ссуд. Рост кредитных вложений в 1965—1985 гг. постоянно опережал рост валового продукта, причем наиболее быстрым темпом росли долгосрочные ссуды. На финансовую несбалансированность дополнительно усиливающее влияние оказала реформа строительства (1970 года) — подрядные организации не авансировались заказчиками, а могли реализовывать товарную продукцию. Внушительная потребность подрядных организаций в оборотных средствах стала покрываться за счет кредитов.

В результате реформы 1965 г. система управления, созданная в 30-х годах, утратила свою целостность, из-под контроля вышли стихийные экономические силы, равнодействующая которых оказалась направленной на подрыв фундамента нормального функционирования экономики — на сбалансированность стоимостных и натуральных потоков. Сила процесса нарастала, и в конце концов несбалансированность превратилась в инфляцию.

Правомерно утверждать, что административно-хозяйственная система в своем целостном состоянии на определенных этапах экономики работает вполне удовлетворительно. Нарушение этой целостности ведет к нарушениям хозяйственных связей, по сути дела, к развалу экономики: позитивные, но краткосрочные результаты реформы 1965 г. в середине 1970-х годов сменились спадом и воспроизводством хозяйственной типологии, оторванной от основных тенденций мировой технической цивилизации.

Современное хаотичное состояние экономики не может быть преодолено рынком. Рынок должен быть подготовлен переходным периодом, не имеющим аналогов в истории страны. Инструментом такой подготовки может служить только модернизированная административно-хозяйственная система управления.

Типологически экономика страны существенно отклоняется от мировой траектории, причем практически в любой системе координат, в «худшую» сторону. Производственный контур отражает автаркичность хозяйства СССР, закрытость для восприятия «де-

монстрационного эффекта»; в обороте материальных потоков циклически замкнута промежуточная продукция добывающих и базовых отраслей промышленности с чрезвычайно низким выходом товаров конечного потребления. Технологический уклад характеризуется физически и морально устаревшими процессами и оборудованием, низким организационным уровнем, техническим противоречием между поточным типом производства сырьевых материалов и цеховой организацией их переработки в изделия. Структура занятости населения соответствует пройденному развитыми государствами этапу индустриального развития. В отечественной структуре занятости относительно велика доля занятых первичной деятельностью (сельским хозяйством, добычей ископаемых ресурсов, лесозаготовкой и т.п.) и вторичной (перерабатывающая, в основном тяжелая промышленность) при недопустимо малой доле занятых третичной деятельностью (сфера услуг, информация). Отражением этой типологии хозяйства, слабо ориентированной на приятие достижений НТП и развитие социально направленных отраслей, служит высокое душевое потребление энергии при неадекватном уровне производительности труда и душевого ВВП. Отставание в этой части от развитых государств требует существенного «облегчения» всего производственного контура — иначе говоря, коренной структурной перестройки экономики в целом. Решение такой задачи в короткий срок затруднительно и при прямом государственном вмешательстве, а рынку в условиях дефицита потребуются, по-видимому, не 500, а 5000 дней, чтобы приблизить типологию отечественной экономики к сложившейся в группе высокоиндустриальных государств.

ПОСТПЕРЕСТРОЙКА

**Концептуальная модель развития нашего общества,
политических партий и общественных организаций**

1990 год

*Кургинян С.Е., Аутеншилюс Б.Р., Гончаров П.С.,
Сундиев И.Ю., Овчинский В.С.*

От составителей

Есть два типа соавторства.

Первый предполагает совместное написание книги.

Второй – написание книги одним автором и включение других в число соавторов в дань уважения к их советам, консультациям, замечаниям и т.д.

В случае книги «Постперестройка» речь, безусловно, идет о втором типе соавторства. Книга «Постперестройка» НАПИСАНА С.Е.Кургиняном. Причем буквально за считанные недели.

Это никоим образом и ни в какой мере не умаляет роли соавторов!!

Если бы книга носила научный характер, то данное обстоятельство можно было бы вообще не оговаривать. Однако книга носит другой характер – сугубо и заостренно политический.

В какой-то момент соавторство оказалось весьма и весьма опасным. Настолько, что один из соавторов – Ю.Громыко – выступил с весьма патетическим развернутым опровержением своего участия. Да, другие эксперты этого не сделали. Но, может быть, для кого-то из них факт сопричастности и по сию пору является в чем-то тягостным. Наше уточнение касательно того, к какому именно типу соавторства относится их участие в данной книге, всего лишь освобождает кого-то от своего рода «политической кармы».

Для тех же, кто относится к соавторству иначе, данная констатация никак не является, повторяем, умалением их вклада в напи-

сание книги. А всего лишь признанием некоего безусловного факта. Пусть каждый из соавторов трактует теперь меру и тип своего участия в книге — индивидуально. Так, как это представляется правильным ему и только ему. Данная ремарка избавляет каждого из трактующих от любых этических издержек.

ВВЕДЕНИЕ

Предлагая свой взгляд на возможные пути развития нашего общества, находящегося в преддверии новой его стадии, которую мы называем «постперестройкой», мы хотели бы указать на главные причины, побудившие нас к написанию этой книги.

Первое. Мы считали и считаем высшим достижением перестроечного процесса пробуждение воли к изменениям, к новой, очищенной от лживого, самому себе не верящего догматизма, правде о нас и нашем обществе.

Эта информационная свобода оказалась, однако, в плену «анти»-стереотипов, порожденных самой перестройкой. И в этом плане пора вспомнить старую пословицу: «Упаси бог меня от моих друзей, а от врагов я сам уберегусь». Настало время, когда во имя информационной свободы мы должны сказать «нет» многим перестроечным формулам и клише, спасая перестройку от нее же самой и от ее «друзей», жертвуя ее идолами во имя свободы исследования, во имя той самой правды, которая рискует оказаться очередным знаком, очередным клише, коль скоро мы не займемся исследованием и критикой самого перестроечного процесса. Сегодня вместо такого анализа все еще слышим одинаково непродуктивные восхваления и анафемы. По сути, в видоизмененном виде продолжает действовать принцип: «кто не с нами, тот против нас». Дальше так продолжаться не может.

Второе. Мы считаем необходимым положить конец этой порочной, с нашей точки зрения, практике. Там, где тенденция подменяет научный анализ, где пристрастия могут победить волю к истине, там политики постоянно попадают в плен очередных лозунгов и деклараций, в очередной раз отдающих магическими заклинаниями, как бы освобождающими их от интеллектуальной ответственности. Это прямой путь к митинговой демократии, где эмоции господствуют над разумом. Такое бывало уже неоднократно в нашей истории и не должно повториться.

Любой политик, говорящий всерьез о программе преодоления кризиса, сегодня, с нашей точки зрения, просто обязан дать в этой программе, во-первых, ситуационный анализ, во-вторых, постановку целей, по его мнению желательных для общества и исходящих из существующей расстановки сил (неважно, какими будут эти цели – социалистическими или капиталистическими, лишь бы они были внятно «проартикулированы») и, наконец, в-третьих, указать средства, следуя которым можно поставленные цели реально осуществить, обозначить этапы, описать «социальные технологии», четко сказать о неизбежных издержках, их масштабе, а также о том, кому придется взять на себя эти издержки.

С нашей точки зрения, любая политическая платформа, партия, общественное движение должны оцениваться, исходя из наличия в их программе этих трех стратегически важных «блоков», и только после этого уже подвергаться критике, в соответствии с теми требованиями, которые это движение само себе предъявляет, а вовсе не теми, что к нему «прилагаем» мы. Но если такие три «блока» отсутствуют, то мы вправе констатировать, что речь идет не о политической программе, а об очередной политической мифологии, и в этом случае для нас неважно, какова эта мифология, является она «консервативной» или же «прогрессивной». Для нас мифология в принципе неприемлема, поскольку либо не может изменить политическую реальность, либо изменяет ее совсем не в том направлении, которое провозглашает, и под крики о спасении толкает общество к гибели (процесс, прекрасно описанный А.А.Зиновьевым). И что если, поверяя политические призывы и лозунги этим критерием, мы неожиданно убедимся, что наша политическая стихия, такая «бурная» и многогранная, вся (или почти вся!) мифологизирована? Что тогда?!

Третье. Мы различаем два вида плюрализма: плюрализм форм, скрывающий отсутствие содержания, и собственно содержательный плюрализм. И во имя торжества подлинного плюрализма считаем необходимым критиковать плюрализм мнимый. Наша основная цель – не подменяя науку политикой, попытаться помочь политическим движениям, еще только становящимся на ноги в нашей стране, обрести свое подлинное лицо и одновременно оказать противодействие попыткам подменить лица мертвыми масками, а серьезное и во многом трагическое как для участников, так и для зрителей политическое действо – «ярмаркой тщеславия».

Нам бы очень хотелось хоть немного помочь политикам всех направлений *увидеть себя со стороны*. Мы надеемся, что, предложив один из возможных прогнозов развития общества, вызовем тем самым желание спорить *на том же языке*, по тем же правилам – иначе говоря, желание говорить *всерьез о серьезном*.

Мы были бы счастливы, если бы это произошло, и считали бы тогда свою основную цель достигнутой.

1. НОВЫЙ ЭТАП МИРОВОГО ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Эпоха господства индустрии на исходе. Впереди новая, информационная эра. Неравномерность развития при этом не убывает, а нарастает, хотя и переходит в новое качество. В новых условиях уровень развития государств и народов определяется научно-технической «емкостью» их производительных сил. Уменьшение роли природного фактора, увеличение значения уровня квалификации работающего в широком понимании этого слова – вот основная тенденция научно-технической эволюции.

Лидер – это тот, кто производит *новые технологии*.

Отстающий вынужден производить вещи.

Аутсайдер поставляет материал для производства и, что, возможно, важнее всего, берет на себя издержки этого производства. А поскольку в преддверии всемирного ресурсного, демографического и экологического кризисов вопрос об издержках приобретает крайне острую форму, мы имеем право говорить о нарастающей тенденции к технологической эксплуатации, осуществляемой странами-лидерами по отношению к странам-аутсайдерам. Чем больше аутсайдер отстанет от лидера, тем больше он будет бесправен и тем выше вероятность того, что эксплуатация сможет превратиться в технологический геноцид. Размещение радиоактивных захоронений, высокотоксичных производств, варварская эксплуатация ресурсов – вот приметы такого превращения.

Его социальный аспект – торговля индустриальными рабами, вынужденными отдавать за бесценное самое дорогое, что есть у человека, – его здоровье и здоровье его потомства. А в качестве нового культурного «наркотика» такие рабы должны получать эрза-

цы массовой культуры и морали, внедряемые в их сознание достигшими колоссальных мощностей средствами массовой информации.

Социально контролируемое общество, психоконтролируемое общество, евгеника, информационная и технологическая диктатура – вот тот способ решения цивилизационных проблем, который становится естественным и органичным, коль скоро действует принцип «выживает сильнейший». Тезис о «единстве мира», о том, что сегодня уже нельзя повредить другому, не повредив себе, справедлив лишь относительно проблемы выравнивания состояния экосферы, но отнюдь не в плане выравнивания других сторон бытия тех или иных частей человеческого сообщества, например типов потребления, образования, культуры, участия в управлении и т. д.

Как бы ни выглядел недостающий продукт в XXI столетии, он – пока господствует принцип доминирования – никогда не будет делиться поровну. Как быть, если в XXI веке «дефицитной» станет сама жизнь?

Анализируя тип конфликтов, уровень конкурентной борьбы, частоту столкновений, природу «малых войн» в различных регионах земного шара, растущую борьбу за стратегически значимые ресурсы и основные тенденции к монопольному контролю за этими ресурсами за счет применения военных и политических средств, поединок за право на «лидирующую валюту», уровень мировой финансовой нестабильности и десятки других факторов, характеризующих качественно и количественно геополитическое равновесие, мы считаем возможным и необходимым констатировать, что человечество стоит на пороге третьей мировой войны – технотронной. Технотронный ультиматум, технотронная капитуляция, технотронный концлагерь – вот ключевые понятия этого нового типа порабощения слабых сильными.

Поскольку сфера технотронного развития охватила все человеческое сообщество, постольку в технотронной войне нельзя сохранить нейтралитет. Наша страна неизбежно помимо воли будет вовлечена в эту новую, жестокую схватку. Вопрос может состоять лишь в том, будет ли она в ней участвовать как субъект, отстаивающий свои интересы и имеющий свои цели, или она окажется объектом реализации чужих целей и интересов, противоречащих ее собственным.

2. ЗАДАЧА НАШЕГО ОБЩЕСТВА НА ДАННОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В контексте нового этапа общественно-исторического развития наша основная и, по сути, единственная задача — *преодолеть в исторически кратчайший срок отставание производительных сил нашего общества от производительных сил наиболее развитых государств Востока и Запада — стран-лидеров.*

Не признав критерием общественного развития, точкой отсчета, альфой и омегой нашего бытия решение этой фундаментальной проблемы, мы рискуем, потеряв уже окончательно все ориентиры, заблудиться в хаосе случайных преобразований производственных и социальных отношений.

Вопрос о новом качестве производительных сил можно вытеснить из общественного сознания, замещать его сотнями так называемых «актуальных проблем», подменять утверждениями о «самоценности» тех или иных преобразований общественных институтов. Но, вышвырнув этот вопрос в окно, мы должны быть готовы к тому, что он, в превращенной форме, войдет в дверь нашего дома, пройдет сквозь стены, внезапно вылезет из-под стола почтенного президиума. Рано или поздно обществу все равно придется набраться мужества для того, чтобы ответить на него в полной мере.

Ответить — это значит принять вызов технотронной цивилизации. Не раствориться в ней, не подчиниться ее диктату, не кормиться объедками с ее стола, а именно принять вызов. Способны ли мы на это?

Сегодня мы поверяем уровнем жизни стран-лидеров нашу экономику, культуру, образование, здравоохранение, защиту окружающей среды и всюду видим катастрофическое отставание. Мы так долго, так громко кричали о победах в освоении космического пространства, о могуществе оборонного комплекса, о стройках века, мы так сильно сами себе надоели этими громкими реляциями, что сегодня повсюду ищем фальшь, ложь, «лукавые цифры».

Это право народа, которому слишком долго и чересчур назойливо вдалбливали победные реляции. Это — насущная необходимость для общества, лишенного информационной свободы. Но чем сложнее наше положение, тем напряженнее должен быть труд,

для того чтобы «избыть беду». А вместо этого мы наблюдаем симптомы «трудового паралича», апатии. Страна должна выбирать между прорывом, форсированным развитием и распадом, деградацией, хаосом. Сегодня, как никогда, каждый месяц, потраченный на разглагольствования, обернется завтра необходимостью все более радикальных фрустрирующих общество мер.

Сегодня уже нет ни сил, ни времени для того, чтобы выяснять отношения, раздавать щедрые посулы, «идти навстречу требованиям», которые в принципе выполнены быть сегодня не могут.

Перед страной, по сути, стоит всего лишь один жизненно важный вопрос: слабые сегодня — хотим ли мы стать сильными завтра?! И если да, то какую цену мы готовы за это заплатить?

Японцы говорят о себе: «Вторая половина 80-х годов и 90-е годы станут временем великого испытания творческих сил народа. Вся нация должна будет работать как одно одержимое существо, чтобы встретить этот великий вызов».

Почему в Стране восходящего солнца заимствуют дух наших, ныне нами же отвергаемых традиций?!

Не потому ли, что в конце XX века уже бессмысленно говорить об экономике в отрыве от социальной психологии, от этики, от теории мотиваций? В преддверии информационной эры неправомерно отделять высокие мотивы от «принципа материальной заинтересованности». Открывая в нашей стране «азбуку хозрасчета», мы в силу нигилизма, являющегося одной из слабых и страшных черт нашей культуры, рискуем забыть о той части нашего опыта, которая активно изучалась на Западе, о таких составляющих высокопроизводительного труда, как азарт, самовыявление, реализация крупных, масштабных, значимых для данной личности и коллектива задач, солидарность на почве единства цели и — в конечном итоге — о суперрентабельности одухотворенного трудового усилия. Они научились у нас этому, а мы стремимся это забыть! Почему? Желая приобщиться к экономической культуре стран-лидеров и отречься от всего своего прежнего опыта, не разбираясь, не расчлняя, по сути, даже не анализируя, мы тем самым нарушаем логику развития, единую для всей нашей цивилизации. Ту логику, согласно которой только учет культурно-исторической специфики своей страны, только опора на присущие именно ей как историческому субъекту формы и ценности, являющиеся спонтанным выражением именно ее подлинных потребностей и

мотивов, и позволяют безболезненно осуществлять форсированное развитие. Говоря все время об уровне жизни, мы забываем, что сегодня «там» все больше говорят о ее «качестве».

Отрицая понятие жертвы, отказываясь от груза великой миссии, говоря о приоритете отдельной личности перед государством, какое качество жизни готовим мы этой личности? Каким оно будет — это «счастье» жителя слабой страны, жителя державы, на глазах теряющей свою роль, свое право влиять на ход мирового процесса?!

Призывая учиться у стран-лидеров, мы почему-то хотим учиться всему, кроме главного — умения уважать себя, свою страну, свой народ, свое общество и свою историю.

Это отсутствие самоуважения, эти конвульсивные перепады от истеричной кичливости к кликушескому самобичеванию — самое страшное заболевание общества, своего рода коллективный психоз, не излечив который мы не сможем решить стоящих перед страной проблем.

Столетиями длится эта трагедия духа, мятущегося между комплексом неполноценности и манией величия, эта беда, избыток которую стремились Пушкин и Гоголь, Тютчев и Достоевский.

Освободив нас из-под власти тоталитарного государства, освободила ли нас перестройка *от нас самих*?!

Вдумаемся! Мог ли представитель западной цивилизации в самых сложных условиях, при любом масштабе кризиса дать самому себе определение, по уровню самоуничужения сопоставимое с термином «гомо советикус»? Определив тем самым самих же себя как низшую (неразумную?!) расу? Как особый (неполноценный, видимо?!) вид? Как представителей недокультуры, «унтерменшей»? И кто, как не «гомо советикус» (если следовать логике этого отрицаемого нами понятия), мог призвать к тому, чтобы «взять все лучшее у капитализма и забыть, что мы строили коммунизм»?

Какая неистребимая убежденность в способности нашего гения, в отличие от «них», взять лучшее, а худшее походя, между прочим отбросить! И какая готовность забыть, стереть из памяти «все то, что прежде знал, что так любил, чему так жарко верил»?! Неужели одно это не вызывает чувства глубокой обеспокоенности происходящим?! А ведь подобных примеров великое множество.

Не менее тревожна подтверждаемая многочисленными исследованиями эрозия трудовой деятельности. Это не просто падение трудовой дисциплины, что само по себе не может не вызывать бес-

покойства, это – мотивационная катастрофа, сознательная переориентация с созидания на добывание, потеря активности, «овнутренней» дисциплины, своего трудового «Я», умения одержимо работать. Но ведь каждый, кто сталкивался с западной цивилизацией не на уровне круизов и супермаркетов, понимает, какой ценой дается «то» изобилие, какая супермобилизация присутствует в слоях, которые обеспечивают высшую производительность «той» экономики.

И если мы хотим учиться творчески у лидеров научно-технического прогресса, то опыт их конкурентной борьбы последнего десятилетия убедительно показывает, что рывок, суперскорость развития уже не могут быть обеспечены только щедрыми материальными вознаграждениями. Что «там» умеют сегодня опереться на предельную активизацию высшего творческого начала каждой личности и общества в целом, на пробуждение воли к жизни, на осознание высшей целесообразности, на сверхинстинкт, подсказывающий человеку, что лишь движение на пределе возможностей может обеспечить ощущение полноты бытия, только оно спасет от деградации, духовного и физического вырождения и не позволит вдруг оказаться «захороненным заживо». На этом сегодня настаивают отнюдь не советские коммунисты, а западные неоконсерваторы, авторы моделей перестройки Америки, Японии, Западной Европы. А раз так, то в сложившейся ситуации жизненным интересам нашего общества отвечают, как это ни парадоксально, ныне им отторгаемые типы социального поведения, такие как супертрудолюбие, сфокусированная рациональность, вера в труд как высшую ценность, самодисциплина, способность к отсрочке вознаграждения с внутренней ориентацией на будущее, воля к преодолению пределов своих возможностей, рассматриваемая как высшая цель жизни, свой шанс оставить, по словам У.Фолкнера, «хоть крошечный шрам на лице великого Ничто». На этом типе ценностной ориентации базируется любой проект форсированного развития любого общества: будь то индустриальная революция XVIII века, реформы Рейгана в США, реставрация Мэйдзи в Японии, революция Петра Великого в России или грандиозный план Красина–Кржижановского, известный под искаженным названием «сталинская индустриализация». Сейчас мы на пороге нового сверхусилия. Это та истина, хотя и прискорбная, но абсолютно неопровержимая, от которой не удастся спрятаться в вату кон-

формных призывов и деклараций, когда под аккомпанемент рассуждений о «Покаянии» у нас на деле в слоях, претендующих на социальное лидерство, господствуют выставляемая напоказ роскошь, дешевое купечество, плохо скрываемое презрение к созидательному труду, то есть социальные тенденции, одинаково признанные во всем мире симптомами деградации и вырождения.

В бродиле криков о тотальной капитуляции всей системы ценностей, на которой держалось наше общество, растворилось даже то исконное презрение к вору, которое казалось неискоренимым. Все чаще слышны призывы видеть в жулике, «теневики» спасителя нашей страны. Мы вынуждены констатировать, что общество впадает в очередной коллективный психоз, стремясь заполнить создаваемый им же самим вакуум частнособственнической утопией.

В условиях глубокого кризиса и предшествующей ему более чем четвертьвековой стагнации такая утопия несомненно играет на руку реальным интересам определенных сил внутри страны и за рубежом. Необходим подробный анализ характерных черт этих сил, а также того, насколько далеко простираются их политические претензии.

3. РАССТАНОВКА ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ ВНУТРИ НАШЕГО ОБЩЕСТВА. СОВЕТСКАЯ КРИМИНАЛЬНАЯ БУРЖУАЗИЯ – ВЕДУЩАЯ СИЛА ДЕСТРУКЦИИ И РЕГРЕССА

Криминальный мир переживает «новый ренессанс» в планетарном масштабе. События в Колумбии, серия политических убийств последней четверти XX столетия, вышедшая на поверхность деятельность политического монстра П-2 – это лишь поверхностные симптомы глубинного и мощного политического процесса.

В нашей стране, как нигде в мире, отсутствует сегодня понимание взаимосвязи этого процесса с фашизмом, принесшим человечеству неисчислимые бедствия и сегодня более чем когда-либо готовым снова поднять голову.

На Западе исследования такого рода посвящены сотни монографий, отчетов, докладов, различного рода аналитических мате-

риалов. И лишь советская общественность пребывает в блаженном неведении по части того, каков сегодня экономический потенциал всемирного криминалитета и не является ли он одной из ключевых надправительственных структур, готовых к предоставлению услуг по управлению миром в XXI столетии. Лишь в нашей стране отсутствует понимание того, что криминалитет есть нечто принципиально отличное от воровской шайки, что криминальная экспансия охватывает все сферы бытия нашей цивилизации, что всемирная, международная преступность всерьез политизирована, имеет свои модели решения противоречий нашей цивилизации, выступает «спонсором» определенных направлений научных исследований, касающихся новых моделей управления человеком и человечеством, что борьба США с наркомафией в Латинской Америке отнюдь не проходной эпизод в жизни этой сверхдержавы, а предельно напряженная схватка с неопределенным исходом. Схватка за жизнь между носителями либерально-универсалистской мировоззренческой ориентации и держателями совсем иной, альтернативной политической установки.

Мы утверждаем, что на данном этапе развития цивилизации нигде во всем мире криминалитет не представляет такой серьезной опасности, не является столь мрачной и зловещей силой, как в нашей стране.

Мы считаем необходимым, насколько это возможно при тезисном изложении, обосновать это утверждение, поскольку, с нашей точки зрения, варианты политического решения накопившихся проблем коренным образом зависят от того, какой вес мы придадим этому политико-криминальному фактору. Любой реформаторский замысел, не учитывающий этот фактор, утопичен, любая гуманистическая модель, не вводящая его в число исходных параметров, способна обернуться огромным злом, непоправимой бедой.

Анализ так называемого предкапиталистического периода развития цивилизации, анализ структуры первоначального накопления капитала позволяет утверждать, что хаос, бедствие, катастрофическое обнищание большей части населения приводят к стремительной концентрации средств в руках тех, кто обеспечивает распределение «ресурсов жизни», таких как безопасность, минимум продуктов питания, медикаменты, транспорт, жилье. Рост потребности в предметах первой (витальной) необходимости в

сочетании с сокращением объема их производства ведет к монополю высокоим ценам на все необходимое для того, чтобы сохранить жизнь. «Черный рынок» порождает «черный» криминальный капитал, несовместимый с демократией, опирающийся на организованную преступность со своими законами («черным кодексом»), своей государственностью (пиратские королевства). И одновременно с развитием структур белого капитализма в XIX и особенно в XX веке шло бурное развитие черного капитала, неоднократно, а в ряде случаев и безуспешно претендовавшего на передачу ему всей полноты государственной власти. Этот механизм хорошо известен, подробно исследован, и лишь существующим в нашей стране информационным вакуумом объясняется то, что при всем обилии скандальных разоблачений, при огромном накале антикоррупционных настроений общество остается в неведении по поводу механизма функционирования «черной» экономики.

Достаточно детально изучены, прежде всего в Италии и ряде стран Латинской Америки, связи между тоталитарным чиновничеством и организованной преступностью. Существует особая категория специалистов – «виолентологи» (специалисты по насилию), которые, исследуя взаимоотношения чиновничества и преступности, показали, что роль «первой скрипки» в этом союзе играют представители чистого криминалитета, тогда как тоталитарная бюрократия чаще всего выступает в роли так называемой «группы прикрытия».

Ничего принципиально нового советский тоталитаризм не принес в этот «черный процесс» – кроме масштаба.

Ни одна страна не претерпела в XX веке столько бедствий, сколько наша, и нигде в мире соответственно не было столь длительного периода, благоприятного для образования «черного» криминального капитала. Гражданская война и НЭП, коллективизация и Вторая мировая война создали предпосылки для формирования внутри нашего общества нового класса – криминальной буржуазии. Это не пережиток старого общества, как пытались заявить теоретики «сталинского закала». Это отходы самой революции, социального регресса, пережитого в ходе нее нашим обществом, отходы колоссального катаклизма, по сути, малого апокалипсиса, это своего рода родовая травма нового общественного строя.

К сожалению, сверхпопулярные романы 30-х годов, создававшие образ подпольного миллионера-одиночки, равно как и сен-

сационные разоблачения последних лет, до сих пор блокируют в общественном сознании восприятие подпольных бизнесменов именно как класса, давно связанного взаимными и международными обязательствами, наследственным капиталом, единством социальных, политических и экономических интересов, иерархией и региональным разделением труда. Образ «цеховика», компенсирующего своей предприимчивостью абсурдность советской экономики и покрываемого советским партийным боссом, — вот предел информированности рядового гражданина нашей страны, достигнутый в ходе перестроечного периода. За чертой обсуждения по-прежнему остаются вопросы о финансовом теневом капитале, о его контроле над цеховым производством, о региональных и межрегиональных группах «теневиков», их связях и противоречиях, об истории накопления сокровищ в каждом из регионов СССР, о теневой «религии», идеологии, политике, о теневых мозговых центрах, о региональных ведомствах (министерствах), захватываемых теневым капиталом что называется «на корню» и превращаемых в штабы и «теневые совмины» — одним словом, о наличии, по сути дела, второй властной системы, «государства в государстве», способного предъявить стране новую тоталитарную модель. Вторая власть предполагает, по сути, все тот же тоталитаризм с другим знаком. А значит, аплодисменты демократии, вызванные сбросом красного флага с флагштока нашего корабля, в кратчайшие сроки сменятся криком ужаса, поскольку взамен красному флагу окажется поднятым «Черный Роджер».

В работе тезисного характера мы не можем и не должны давать развернутой аргументации в пользу предложенной нами модели. Это — отдельная тема, волнующая нас постольку, поскольку она может иметь ключевое значение для судьбы перестройки.

Мы уже информировали общество в целом ряде публикаций о том, как конкретно происходит процесс оформления криминалитета в новый класс — криминальную буржуазию — в ряде регионов страны и каким образом обеспечиваются интересы этого нового класса.

Мы говорили и о том, что переплетение феодальной бюрократии (частный случай — партократии) с криминальной буржуазией носит противоречивый характер, что новому классу уже надоело быть на побегушках у старых хозяев и что взятки отнюдь не исчерпывают многообразия преступных манипуляций в общегосударственном масштабе. Мы говорили о том, что по объективным

производственно-хозяйственным, финансовым, политическим обстоятельствам, равно как и по соображениям безопасности, верхушка криминальной буржуазии в СССР не может, не хочет и не должна входить в высшие бюрократические эшелоны, и более того — заинтересована в том, чтобы, натравив на бюрократию, как на хозяина мафии, народные массы, на деле пустить наше демократическое движение по ложному следу.

Мы утверждали и утверждаем, что в диалоге «черных вилл» с «красными кабинетами» роль хозяев уже не первый год играют владельцы «черных вилл», предпочитающие зачастую даже не выходить на гребень кооперативного движения. Коррумпированная бюрократия лишь исполняет приказы, а в тех случаях, когда, не подчиняясь, держится за феодальную власть (разумеется, опять же в сугубо корыстных интересах), отстраняется с использованием весьма демократических и благородных мотивировок, после чего место сброшенного занимает отнюдь не более честный, а более послушный, покладистый, гибкий и управляемый бюрократ.

Мы обращали и обращаем внимание и на то, что «сброшенный» в ряде случаев уже сумел войти в пай с теми, кто его «опрокинул» «во имя торжества демократии и утверждения национальных интересов», и что раз так, то следует отличать «пертурбацию» (даже сопровождаемую радикальными заявлениями и сменами вывесок) от «революции».

Мы считаем своим долгом заявить о том, что, по нашим расчетам, на 1 января 1990 года, как минимум, 20 процентов бюрократии еще довольствовались кастовыми привилегиями и не входили в прямой альянс с теневыми структурами. Мы не пытаемся идеализировать эту часть общества. Мы хорошо знаем всю меру дефектности ее менталитета и воли. Мы просто пытаемся дать объективную расстановку групповых и классовых сил.

Мы констатируем, что регресс в нашем обществе дошел до той степени, что объективно в конце XX века мы можем вновь пользоваться, казалось бы, бесконечно устаревшим классовым языком, применять методологию, по сути, адресующую к концу XIX — началу XX века. Каково общество — такова и методология. Еще несколько лет социального регресса — и можно будет говорить о луддитах, латифундизме и о крестьянской войне.

И, наконец, в преддверии важнейших (на первый взгляд кажущихся достаточно безусловными) изменений, которые должны про-

изойти в ближайшее время, мы считаем необходимым сделать свой взнос в копилку общественных раздумий, альтернативных моделей и, главное, самой методологии анализа нашей действительности.

Политический процесс набирает скорость, противоречия нарастают лавинообразно. В этих условиях невозможно и далее описывать происходящее в координатах «правые — левые — центр». Вся практика серьезного анализа расстановки политических сил в современном обществе противоречит такому весьма поверхностному описанию.

Предлагая в анализе противоречий исходить из наличия нового, специфического класса — криминальной буржуазии, мы тем самым стремимся указать на недостаточность право- и левоцентристской моделей для описания процессов, происходящих в нашем обществе, и хотим обратить пристальное внимание на крайне противоречивую природу так называемого «радикального либерализма». В силу специфического устройства нашего общества «радикальный либерализм» при неблагоприятном стечении обстоятельств способен привести к новой разновидности тоталитаризма (по сути своей ультраправого).

Говоря о специфическом устройстве, мы прежде всего имеем в виду место и роль криминальной буржуазии на всех этапах развития нашего общества, а также диалектику либерализма и криминальной деструкции.

Первый этап развития криминальной буржуазии фактически завершается концом НЭПа, имевшего свои психологические, экономические, культурно-социальные барьеры и ограничения.

Об этом, в частности, предупреждал такой деятель коммунистического движения, как Л.Б.Красин, говоривший о необходимости согласовывать либерализацию с жестким государственным программированием ключевых областей развития нашего общества. Сегодня такой курс был бы назван неоконсервативным. Ответ неоконсерваторам, который был дан «либералом» Г.Е.Зиновьевым, и сегодня звучит более чем актуально. Имея в виду Красина, Зиновьев заявил: «Мы попросим некоторых наших товарищей, которые слишком часто суются к нам со словом "не компетентны", чтобы они забыли это слово». Таким образом, Зиновьев перечеркнул сформулированную «технократом» Красиным программу форсированной модернизации страны. Отсрочка в выполнении программы Красина, но сути, привела к тому, что та же за-

дача стала решаться Сталиным, но уже в патологизированном виде. Таким образом, Зиновьев, отказавшись от предложений Красина, подписал себе же смертный приговор. Мы получили тоталитаризм не как антитезу НЭПу, а как его логическое (точнее диалектическое) завершение. Коммунистическое правительство не смогло (да и не могло в принципе!) либерализовать военно-коммунистическую структуру. Оно лишь поставило общество на грань новой гражданской войны (на этот раз с уничтожением коммунистов). Восстановление крупной частной собственности (являющееся неизбежным итогом либерализации) уже тогда могло идти лишь через антикоммунистическую диктатуру и гражданскую войну с прямым возвратом порядков предшествующего периода. Такую реставрацию страна принять не могла прежде всего психологически. Сдавленная между двух зол, она предпочла ужас коллективизации. Характерно удивление Троцкого по поводу отсутствия крестьянских восстаний и мятежей в 1929 году.

НЭП впервые показал, что либерализация, взятая сама по себе, без жестких, централизованных программ развития по ключевым направлениям, в условиях наличия скрытого двоевластия, в условиях сосуществования двух структур, двух экономик, в условиях родовой травмы общества, непродуктивна и лишь способна вызвать новый всплеск тоталитаризма.

Второй период становления теневой экономики и второй власти, «второго государства», принадлежит периоду сталинского режима, имеет свое членение (коллективизация – война – послевоенное восстановление разрушенной экономики) и требует специального подробного рассмотрения. «Мафия и тоталитаризм» – это тема, хорошо изученная на Западе, но фактически не затронутая в нашей стране.

Крайне специфична при этом фигура Л.П.Берии, которая в содержательном плане фактически не исследована советскими историками, равно как и социально-классовая природа конфликта «Берия–Жуков».

Есть основание полагать, что переход от колоритных фарсов к серьезному научному анализу привел бы к правде, столь серьезной и зловещей, что она оказалась бы значимой не только в плане разоблачения злодеяний сталинского режима.

Здесь же, анализируя теневую экономику того периода, мы лишь констатируем, что до тех пор, пока скудности производства соответствовала такая же скудность потребления, пока невозможно было не

только выбрать наиболее подходящее, но и просто купить необходимое (а одновременно не было средств для покупки), «черный» капитал прежде всего фигурировал в общественном сознании именно как «черный», то есть нравственно и социально отвергаемый, отторгаемый, третируемый, отлученный от ценностей социума; далее — он осуществлял свою деятельность на уровне глубокой конспирации, стремился минимизировать свою инфраструктуру; и, наконец, он локализовывал коммуникации с управленческой элитой, предельно дистанцировал себя от нее прежде всего из соображений безопасности, рассматривал держателя властных отношений, вошедшего в контакт с представителями «черного» капитала, как *закрытую ключевую фигуру*. Проще всего было бы сказать, что «черный» капитал находился в этот период в полуэмбриональном состоянии. Однако это неверно. Масштаб операций «черного» бизнеса нарастал постоянно. Вряд ли можно говорить и о подмораживающем воздействии тоталитаризма. Пожалуй, наиболее точно этот период можно определить как закрытый, компактный, капсульный. «Черный мир» развивается, но он отгорожен от общества практически непроницаемым барьером, он купирован. Социальный иммунитет по отношению к этому «заболеванию» крайне высок.

Третий этап — это начавшаяся после XX съезда вторая (после НЭПа) попытка либерализации тоталитаризма. Она до сих пор описывается в рамках апологетики или огульного отрицания, а не как сложный противоречивый процесс.

«Оттепель» принесла с собой кризис тоталитарного мировосприятия. На первых порах этот кризис задел лишь периферию сознания. Ценностное ядро, смысловой стержень оставались нетронутыми. В этом смысле к началу 60-х годов сложилась особая ситуация, когда процесс социальной реконструкции мог скомпенсировать процесс разрушения старого социума и общество, оставаясь в состоянии стабильности, могло бы начать новую фазу эволюционного развития.

Однако этот исторический шанс, по времени совпавший с ориентацией нашей экономики на наукоемкость, победой в освоении космоса, созданием прообразов нынешних технополисов — советских академических центров, высоким качеством образования в ведущих вузах страны, освобождением крестьянства из-под гнета «специального» паспортного режима, был упущен. Вина за это лежит на всех слоях общества.

Сегодня, исследовав ошибки той эпохи, необходимо говорить

не только о силе «консервативного синдрома», остановившего процесс необходимых обществу перемен, но и о слабости носителей «воли к переменам», так называемых «шестидесятников», не сумевших отделить зерна от плевел, свои благие пожелания от реалий того общества, которое нуждалось в реформе, не сумевших согласовать интересы различных групп этого общества, поставить во главу угла ключевые общественные интересы, соблюсти трезвость и реализм. В конечном счете необходимо говорить о дефектах самой идеи либерализации как таковой применительно к нашей стране, нашему обществу. Две разные попытки либерализации – НЭП и хрущевская «оттепель», – потерпевшие сходные неудачи в разных исторических ситуациях, требуют критического анализа самой идеи либерализации в принципе. На первый взгляд ничто не отвечало (и не отвечает!) у нас требованиям эпохи больше, нежели либерализация с ее идеями смягчения всех форм общественного принуждения по отношению к личности, с ее духом антитоталитаризма, антиэтатизма, с ее провозглашением неотъемлемых прав и свобод личности как высшей ценности. Казалось бы, либерализация более чем естественна там, где речь идет о снятии политических судорог «военного коммунизма», сталинского тоталитаризма, брежневского застоя. И все же она раз за разом терпит в нашей стране сокрушительное поражение. Почему?

Мы считаем, что в нашей стране никогда не было (и чем дальше мы отстоим от 1917 года, тем в меньшей степени в принципе возможно существование) так называемого «гражданского общества».

Индустриализация фактически произошла у нас, не затрагивая традиционалистские устои, принципы традиционного действия, поведенческие схемы, закрепленные в культурной традиции.

К началу 60-х (как, впрочем, и к началу 90-х) годов мы оставались (и остаемся) своеобразной разновидностью традиционного общества.

Либерализовать традиционное общество «малой кровью» нельзя, можно лишь спровоцировать его этой либерализацией на консервативную судорогу.

Вот вывод, который проистекает из опыта попыток либерализации советского общества. А раз так, то каждый, кто всерьез ориентирован на политическое действие, сегодня, вне зависимости от конкретных политических убеждений, вынужден вначале дать ответ на ряд вопросов, логически проистекающих из типа принимаемого им решения, которое мы называем «сверх»- или «метapolитическим».

Итак, главное, *принял ли он решение участвовать в необходимой для*

*успеха либеральных реформ жесточайшей ломке всей традиционалистской структуры сознания, психики, культуры, находящихся в основе данного социума? Если решился — тогда неизбежно возникает первый вопрос: сознает ли он, что такое разрушение предполагает весьма и весьма жестокие и антигуманные средства (культурный и идеологический шок, социальный террор, глумление над «тотемами туземцев», нарушение их «табу», алкоголь «масс-культуры» и прочее). И что именно эти средства будут *необходимыми*, коль скоро он встал на путь ломки *именно фундаментальных* основополагающих структур традиционного общества?!*

Второй вопрос. Коль скоро он согласен на это, то сознает ли, что, встав на путь «великой ломки», действительно *необходимой* в качестве предпосылки успеха либеральных реформ, он обязан «поступиться» на неопределенное время (ради «светлого будущего») всеми либеральными принципами, стать адептом не только культурного и идеологического «террора», но и *политической диктатуры*, поскольку протест против такого насилия над фундаментальными структурами традиционалистского общества потребует насильственного подавления, насильственного «втягивания» в новый «либеральный рай».

Третий вопрос. Сознает ли он свою ответственность за то, что этими действиями резко повышает вероятность и масштаб «консервативной судороги»?!

Четвертый вопрос. Готов ли он нравственно и политически пережить эпоху гражданской войны — в конце XX века?!

Пятый вопрос. Разрушив традиционное общество, на время становления «гражданского» (а оно всерьез становится на ноги не сможет и не захочет, пока не будет сломано традиционное), он должен будет опереться на национальный фундаментализм, потому просто, что больше «опереться» будет уже *не на что*.

Шестой вопрос. Между ценностно-рациональным способом действия, сформированным (как высокая норма) данным типом общества и целерациональным действом, слагающим основу либерального общества, как показывает опыт последних лет, ему придется преодолеть полосу массового аффективного действия, причем не подавляя, а возглавляя эту аффективную массу, неизбежно встающую на данный путь, коль скоро всерьез начата ломка традиционалистских устоев?! Понимает ли он, к чему это приводит *на практике*?!

Седьмой вопрос. Основополагающими для либерализма являются антифашистские устремления. До сих пор либерализм лишь при-

равнивал коммунизм к фашизму, как два негатива. Однако в случае утвердительных ответов на шесть предыдущих вопросов ему придется признать, что неизбежно возникающий при «ломке» такого масштаба «фашистский капитализм» (мы используем здесь не ярлыки сторонников пресловутой Нины Андреевой, а строгий термин, введенный американцем, профессором Массачусетского технологического института, лауреатом Нобелевской премии в области экономики Полом Самуэльсоном) – «фашистский капитализм», повторяем, *является благом*.

Восьмой вопрос. Удастся ли перейти к либеральной модели от «фашистского капитализма» в сколь-нибудь обозримом будущем?

Девятый вопрос. Не приведет ли установление «фашистского капитализма» на шестой части земного шара, в непосредственной близости от Германии и Японии, к сворачиванию европейского либерализма, уже и так сдающего одну позицию за другой под напором других, альтернативных, философских и политических направлений?

Десятый вопрос. Осознается ли, что в поле новых цивилизационных тенденций традиционализм уже не воспринимается как преграда для развития? Наоборот, в лидирующих странах идет попытка восстановить целый ряд традиционалистских основ в культуре, идеологии, психологии, политике как *предпосылок* перехода к «третьей цивилизационной волне».

С невероятным трудом разрушив традиционализм у себя в стране сегодня якобы ради того, чтобы ускоренно развиваться и наверстывать упущенное, якобы ради вхождения в мировую цивилизацию, не окажемся ли мы в очередном, еще более глубоком «застое», не окажемся ли выброшенными из стремительно развивающейся цивилизации вместо того, чтобы войти в нее?! И неужели для нашего общества нет иного пути, кроме встраивания именно в «хвост» мировой цивилизации?

Неужели мы не можем двигаться, меняя трассу таким образом, чтобы «сойтись» в начале XXI века, осуществляя *позитивную* конвергенцию взамен *негативной*!?

Эти вопросы впервые встали перед каждым, кто выбрал путь политического действия в конце хрущевской либерализации. С ними мы вошли в общественную жизнь 70-х годов. И сегодня каждый из нас действует исходя из того, как именно он еще тогда на эти вопросы ответил. Но перестройка потребовала такого ответа от миллионов абсолютно неготовых к этому людей, и причем в весьма и весьма

сжатые сроки. А ведь множество весьма тонких, думающих, но достаточно далеко отстоявших ранее от политики людей как жили, так и живут по извечной нашей традиции, недодумывая до конца и руководствуясь некими довольно общими ориентирами.

Однако политический процесс развивается столь бурно и столь стремительно, что решать все это им рано или поздно придется. А поскольку в конечном счете от их решения зависит очень многое, то, анализируя происходящее, мы хотели бы, ничего не навязывая, создать ту базу, на которой возможно осмысление всего, что происходит сегодня, как единого *политического* процесса. Вне этого действительно *личностное* решение, действительно политическое действие попросту невозможны.

Возвращаясь к хрущевской «оттепели», мы хотим подчеркнуть, что вовсе не стремимся обелить консерваторов. Мы считали и считаем политическим самоубийством события 1968 года²⁵, когда эти якобы «охранители», полагаясь на принцип «есть сырье — ума не надо», нанесли сокрушительный удар по прогрессистам, а заодно и всем прочим инакомыслящим, по сути репрессировав все будущее страны, лишив ее информационной свободы и положив начало четвертому этапу становления криминальной буржуазии.

Пойдя на разрыв с интеллигенцией, уже являвшейся к этому моменту держателем ключевого ресурса — новых идей и технологий, — бюрократия, естественно, должна была адресоваться за поддержкой к массе, посулив ей некое (на деле весьма иллюзорное) повышение жизненного уровня. Попытки оздоровления экономики (так называемые «косыгинские реформы») практически мало что дали. И тогда началась эпоха торговли энергоресурсами в обмен на товары для «советских туземцев». Эта позорная эпоха заимствований, «копирования» (то есть технологического воровства), эпоха калифов на час, сумевших удержаться в течение четверти века, эпоха нарастающего маразма целиком и полностью чудовищным грузом ложится сейчас на плечи всего народа. Это шло на наших глазах, и мы за это ответственны.

Но вместе с тем мы отвергаем принцип коллективной вины, заявляем, что каждый, кто не участвовал в стихии «брежневского канкана», кто выращивал хлеб, учил детей, писал книги без унижительных славословий, производил необходимое людям — сло-

²⁵ Речь идет о «чехословацких событиях» — вводе войск стран Варшавского договора в Чехословакию в августе 1968 г.

вом, каждый нормальный человек, сохранивший нравственные критерии и чувство долга (а таких было большинство), не должен ощущать себя лично в чем-либо виновным.

Мы вправе говорить о коллективной ответственности в том только смысле, что расхлебывать заваренную четверть века назад кашу придется нам всем.

Потеряв интеллигенцию и большую часть молодежи, не имея возможности перевести страну на рельсы нового технотронного развития, осуществить эволюционный переход в новое качество, бюрократия решила вдобавок к товарным «подачкам», купленным на нефтедоллары, встать на путь вторичной индустриализации (химизация, мелиорация, стройки века, ликвидация неперспективных деревень), являющийся по сути экономическим преступлением. Не доверяя интеллигенции (к началу 70-х годов — уже и не без оснований), бюрократия стремилась инкорпорировать в свою касту узкую группу интеллектуалов-советников. Творчески бесплодная, не имеющая своей целью развитие страны, она душила и эту «группу», в интеллектуальном плане отнюдь не «лидирующую». В результате была создана программа развития, ставшая программой промышленной, сельскохозяйственной и культурной деградации. Лишенное мозга бюрократическое тело оплывало жиром и загнивало. Загнанная в подполье мысль патологизировалась и изощрялась в ненависти, доходящей до прямого признания позорного принципа «чем хуже — тем лучше». Подавление репрессивным аппаратом всяких серьезных попыток осмыслить сложившуюся ситуацию, жесточайшие идеологические табу, лежавшие не только на противоречащих официальной идеологии учениях (которые тем не менее можно было излагать под видом критики буржуазной идеологии), но и на самом марксизме, который, может быть, более всего пострадал в атмосфере давящего официоза (трагическая гибель Эвальда Ильенкова — лишь один из эпизодов этой до сих пор находящейся под спудом истории омертвления и выхолащивания марксизма), — все это привело к гангренозным изменениям. Партийно-бюрократическая структура все более вырождалась, теряла лицо, предавала интересы народа, становилась рассадником теневой идеологии и, главное, цинизма, приобретшего в середине 70-х годов характер повального бедствия. Бюрократия все больше склонялась на путь добывания жизненных благ уже не за счет продвижения по службе и связанных с этим льгот и привиле-

гий, а за счет прямой продажи своих властных возможностей.

Ее «армия» распадалась на банды и кланы, которые при общем сохранении тоталитарного духа представляли из себя сначала «шайки грабителей», а затем «банды ландскнехтов».

И в этот момент произошла экономическая катастрофа. Снижение цен на энергосырье (возможно, просчитанное и запланированное) резко сократило массу товаров, с помощью которых можно было «подкармливать» население. В нормальной ситуации следствием этого оказывается повышение цен, падение жизненного уровня. Но эта мера требовала решимости, жесткости, государственного мужества. Их не было. Произошло вместо повышения цен частичное огосударствление черного рынка, который стал компонентом регулирования денежной массы. Обыватель мог выбирать: либо выстаивая по многу часов в очередях, «выбивать» дефицитный товар, либо платить втридорога и покупать из-под полы. С момента снижения цен на сырье эта альтернатива уже стала элементом новой государственной политики.

Без этого уже просто нельзя было поддерживать товарно-денежный баланс страны. В скрытой форме криминалитет стал элементом системы регулирования в сфере обращения. Он получил новый статус.

Следствием этого стал криминогенный взрыв — невиданный по масштабам альянс бюрократии с криминалитетом, сопровождающийся потерей социального иммунитета по крайней мере в большей части «среднего слоя». Барьер между социумом и слоем подпольных дельцов стал проницаемым, отношение к ним стало меняться. Одновременно иной характер стали приобретать их коммуникации с держателями властных структур. И если ранее расстановка сил была такова, что, выступая в виде феодала, коррумпированная бюрократия была заинтересована в укреплении власти, поскольку это позволяло ей дороже продавать эту власть, стричь купоны, если ранее хотя бы для такого укрепления поддерживалось некое равновесие, баланс, при котором некоррумпированная часть бюрократии использовалась коррумпированной как противовес подпольному криминалитету, то теперь баланс начал смещаться. Чему, как это ни покажется странным, в огромной степени способствовали порожденные перестройкой «восстания масс». В условиях «двух государств», двух экономик ослабление государства, неизбежное вследствие такого рода восстаний, приводит к усилению бандократии, ее вклиниванию в разрыв меж-

ду гаснущим тоталитаризмом и примитивной демократией. Встав на путь либеральной революции и апеллируя к освободительным движениям народных масс, либерализм оказался опрокинут их напором. Можно было бы отнести все происшедшее на счет деформаций предшествующего периода. Они действительно существовали и существуют. Накопленный за их счет гнев народа действительно стал тем «горючим материалом», который сделал возможной серию национальных и социально-классовых пожаров по всей территории СССР. Но в то же время согласованность действий, то, как мастерски использовались все дефекты массовой психологии для разжигания горючих материалов повсюду, где представлялась любая возможность «чиркнуть спичкой», тенденция к превращению единичных вспышек в один общесоюзный пожар свидетельствуют об умелом регулировании и о том, что имеется некто, руководящий этой якобы свободно и непредсказуемо бурлящей народной стихией. Кто он?

Жупел теневой экономики быстро надоел обществу. Его больше не пугают сенсационные цифры, которыми пестрят наши газеты и журналы.

Пусть капитал теневой экономики составляет 100–150 миллиардов, как утверждает А.Бунич, пусть 200–240 миллиардов, как утверждает Т.Карягина, пусть 300–350, как указывает А.Ларьков, пусть даже 500, как угрожает Г.Макаров... «Они пугают, а нам не страшно».

В самом деле, поскольку в теневую экономику включено все, в том числе «сфера, имеющая положительную социальную направленность, — незарегистрированные виды индивидуальной трудовой деятельности, самостоятельные услуги по ведению подсобного хозяйства и строительству жилья, ремонту, обслуживанию автомобилей, бытовой техники, частному извозу, оказанию медицинской, педагогической и технической помощи нуждающимся», — то да здравствует теневая экономика!

Поскольку сюда же входят пусть преступные, но, увы, необходимые для «функционирования производства и связанные с отчуждением производителя от средств производства и результатов своего труда, монополией госсобственности, недостатками и просчетами в регулировании экономических отношений» действия, — то позор системе, порождающей этот теневой механизм! Системе, стимулирующей повторный счет общественного продукта, при-

писки, выпуск некачественной продукции, необоснованное завышение оптовых и розничных цен, неэквивалентный обмен сырьем и готовой продукцией и все прочие мерзости, казалось бы, исчезающие сразу же после того, как рухнет несправедливая система!

А за вычетом этого что остается от жупела теневой экономики? И остается ли что-нибудь?! «Кое-что» все-таки остается. По данным научно-исследовательского института МВД СССР (слава богу, теперь уже не засекреченным!), остается:

— только выявленных организованных преступлений около 1 миллиона в год. Но это мелочь, поскольку невыявленными (латентными) являются две трети совершенных преступлений, а в сфере взяточничества и хищений — *95–97 процентов*. Теперь каждый может «прикинуть» сам. То, что речь идет о десятках миллиардов именно преступного организованного капитала, не вызывает сомнений. Далее:

— «...идет непрерывный рост особо опасных форм корыстной и, что важнее всего, корыстно насильственной преступности. Сегодня речь идет более чем *о сотне тысяч (!)* крупных преступлений такого рода — только за 1989 год». И наконец:

— «непрерывно растет и уровень участия рецидивистов в такого рода преступлениях».

Что же касается особо волнующей нас организованной преступности, то ее рост идет опережающим темпом, а структурный анализ того же НИИ МВД СССР показывает: как массовидное социальное явление организованная преступность «выступает самостоятельным элементом теневой экономики, *воспроизводящим ее на профессиональном уровне (!)*».

Это неизмеримо серьезнее взятых с потолка миллиардов. В то же время, судя по отчету, «теневая экономика образует важный элемент организованной преступности, являясь одним из источников ее ресурсного обеспечения». Очевидно, что имеет место замкнутый цикл расширенного воспроизводства «криминалитета» (то есть действительно структурированной части теневой экономики). Мы можем записать его в виде «теневая экономика — организованная преступность — теневая экономика-штрих». Или «организованная преступность — теневая экономика — организованная преступность-штрих».

Таким образом, мы имеем все основания говорить о высасывании ресурсов (организованном и управляемом!) из нашей и без того дистрофичной экономики, об управляемом разрушении и без

того уже дышащего на ладан потребительского рынка. О том, сколько может «пропустить через себя» такой механизм, говорит масштаб компьютерных спекуляций только за 1989 год. По Москве он составил не менее миллиарда рублей чистой прибыли. Львиная часть этой суммы досталась отнюдь не «кустарям-одиночкам». И была оплачена (по демпинговым ценам) все тем же дефицитным сырьем (так называемый бартер).

Но, может быть, криминальный бизнес занят лишь экономикой и не проявляет никакого интереса к политике? Конечно же, не проявляет! До тех пор, пока она не сулит стопроцентной рентабельности! Исследования наших экспертов в Закавказье показали, что на горе беженцам криминальный капитал за счет скупки у них по сверхнизким ценам сельхозсырья и предоставления услуг по транспортировке за сверхвысокую плату получил миллиардные барыши. Есть основание предполагать сговор «враждующих» сторон и образования межнационального синдиката по стону беженцев с выплатой дивидендов пропорционально участию в грабежах.

А если политика помогает вытеснить удачливого конкурента? Неужели этим не воспользуются?! Анализ показывает, что этим пользовались и в сельскохозяйственных районах, и в крупных городах, и в удаленных от точки закавказского конфликта зонах (например, в Средней Азии).

Анализ показывает, что подспудно, в скрытой форме за политическими конфликтами часто проглядывает экономическая подоплека. Рынок кожи — при конфликте армянских и азербайджанских «цеховиков», борьба «хлопка и конопли» — в Средней Азии, «мандариново-чайная» война — в Грузинской ССР.

У скептически настроенного читателя может возникнуть вопрос: «А достаточно ли у нашего криминалитета сил для того, чтобы бороться с государственной структурой, включающей мощную правоохранительную систему и, наконец, Вооруженные Силы СССР?»

По открытым и теперь уже несекретным отчетам все того же НИИ МВД, речь идет о примерно десяти тысячах (!) преступных формирований с включением в них *до четверти миллиона человек!* И это только ядро преступной структуры.

Для сравнения — вся преступная структура наркобизнеса в Андах «всего лишь» в четыре раза больше. А авторы отчетов НИИ МВД СССР говорят о *минимальности* такой цифры.

К сожалению (а может быть, и к счастью?!), гласность еще не

дошла до того, чтобы мы могли назвать потенциал правоохранительных органов, но заверим читателя, что он «сравним» с потенциалом преступного мира. Но *не более этого!*

Что же касается вооруженных сил, то события последних двух лет показывают, как можно «сломать» этот механизм, «отключить» его политическими методами. В Фергане войска проклинали за невмешательство, в Тбилиси и в Баку — за вмешательство. На этой почве возник и укрепился так называемый «тбилисский синдром», выражающийся в том, что солдаты и офицеры, по их словам, «боятся выстрелить даже в ответ на выстрел». «Раньше, — поясняют они, — хотя бы инстинкт самосохранения срабатывал, а теперь... Сами не знаем, что с нами происходит...»

Теперь представим себе дальнейшую дестабилизацию, развал всех составляющих механизма борьбы с преступностью и переход ее бандформирований к прямому захвату власти. Маловероятно?!

А многое ли из произошедшего за последний год казалось высоковероятным не слишком информированному гражданину СССР?! Но не будем настаивать на своем прогнозе. Попросим только читателя рассмотреть его как одну из возможностей, как одну из гипотетических моделей развития событий.

И, наконец, последний из вопросов, который чаще всего задавали нам, когда удавалось обрисовать в деталях ситуацию с криминалитетом в нашей стране. Вопрос этот трогательно прост: «А куда же смотрит правительство?» Ответить на него хотелось бы контрвопросом: «А куда смотрят наши демократы?! В том числе народные депутаты РСФСР и СССР, знающие положение дел и тем не менее вращающие стрелку государственных курантов с такой конвульсивностью, что в любой момент может лопнуть пружина государственного механизма?» А куда смотрит наше «думающее большинство», зовущее к революции?! О чем оно думает?! Что творит?! Так что лучше уж не кивать на другого, а успокоиться (так как успокаиваются люди в момент серьезной опасности) и взглянуть правде в глаза. Криминалитет не «мнимая» величина, а реальная и серьезная опасность. Мы с вами на пороге большой беды.

Этнократизм с волнами погромов и репрессий, толпами беженцев, ограбленных и согнанных с земель, на которых жили их предки, антикоммунистическая истерия и искусственный дефицит, разгул насилия и призрак голода, анархия на производстве, катастрофы и

эпидемии... Вдумайтесь, кто входит в наш дом! Входит хищник, ничуть не менее жестокий, чем его собрат эпохи первоначального накопления. Из дебрей предкапиталистического прошлого, из эпохи пиратства и работорговли на нас глядят глаза новых властителей, ждущих своего часа. Новый претендент на гегемонию достаточно организован и терпелив для того, чтобы использовать чужую энергию в своих интересах. Ему удастся ловко манипулировать другими социальными силами. Скрыто помогая им получить политическую трибуну. Он знает, что в нужный момент эти «мавры» уйдут, а он останется хозяином положения. В сложившейся критической ситуации мы считаем необходимым вскрыть механизм этих манипуляций.

4. ИДЕОЛОГИЯ КРИМИНАЛЬНОЙ БУРЖУАЗИИ. АНТИКОММУНИЗМ

Стремясь отвлечь массы от подлинных причин политических бедствий последнего пятилетия, «радикалы» сегодня используют в качестве политической приманки антикоммунизм. Этот игрушечный, карманный, «мягкий» антикоммунизм сам по себе не заслуживал бы рассмотрения, если бы в спину ему не дышал антикоммунизм «твердый». По сценарию криминалитета актеры от антикоммунизма (зачастую с партийными билетами в кармане) должны только начать игру. Заканчивать ее будут другие. Всмотревшись в структуру политических сил каждого региона, мы обязательно встретим в качестве радикальной силы знакомые лица, имеющие самое близкое отношение к неофашистским организациям типа Всемирной антикоммунистической лиги (ВАКЛ) и тесными узами связанные с мировым преступным сообществом, а значит, и с «высокой преступностью» внутри нашей страны.

В совокупности эти силы и представляют интересы нового тоталитаризма, претендующего на власть после крушения либерализма. Здесь мы имеем право говорить о «третьей силе», имеющей свой надгосударственный геополитический интерес. Дело в том, что, питаясь до поры со стола американских хозяев, неофашистские лидеры имеют свои цели, свою автономную геополитическую ориентацию и рассматривают США как еще одного «ялтинского хищника». Махровый антисемитизм, ориентация на черный бизнес, культ фашистских лидеров (Розенберга, Бормана, Штрассера, Хаусхофера), изуверство, расизм – вот окончательные черты

того джинна, которого могут выпустить из бутылки наши «либеральные» антикоммунисты. Выпустив, они окажутся его жертвами или заложниками.

Уже сегодня наиболее информированные еврейские общества и организации крайне встревожены ходом процесса в Прибалтике, на Западной Украине и в Молдавии, хотя в начале процесса они приветствовали все, что было связано с радикальной «декоммунизацией».

Уже сегодня специалисты по политизированной международной преступности констатируют, что геополитические волны, вызванные процессом в СССР, достигают центров наркобизнеса в Гонконге и Андах, придают второе дыхание закрытым неофашистским центрам от Мексики до Тибета.

Социологические исследования, аналитические материалы, круглые столы, симпозиумы и конференции, проведенные нами за последние два года, позволяют утверждать, что установление диктатуры планируется не только консерваторами. Те же результаты дает анализ положения в области экономики. Ни один проект изменения экономического уклада не может быть осуществлен сегодня без ущемления интересов групп населения, достаточно многочисленных для того, чтобы в условиях демократии вообще, и уж тем более демократии митинговой, иметь возможность блокировать любое ущемляющее их интересы государственное решение. В том числе и передачу собственности в руки криминалитета. Только «черный» путч и «черная» диктатура способны решить ключевые проблемы «второй экономики».

И если суммировать все антикоммунистические лозунги и декларации, все «сценарии», обсуждавшиеся в последнее время радикально настроенными политологами, все программы решительно настроенной элиты, так называемых «неформальных движений», то становится очевидным, что антикоммунизм для такого путча — необходимое, решающее условие, своего рода запускающий механизм, что с помощью антикоммунизма криминалитет хочет решить следующие основные задачи.

Первое. Сплотить враждующие между собой силы, создать коалицию групп, действующих против «красной идеологии».

Второе. Окончательно деморализовать общество, поскольку антикоммунизм в нашей стране равносителен глубокой культурной травме. Здесь надо говорить не просто о смене идеологии. Ни одна страна не приносила столько жертв на алтарь какой бы то ни было идеи, сколько их было возложено здесь на «красный алтарь», и,

коль скоро теперь возникает соблазн отбросить тот идеал, ради воплощения которого терпело крестную муку не одно поколение, ту практически религиозную идею, во имя которой брат шел на брата, следует четко осознавать, какую цену придется заплатить за такое предательство. Этой ценой станет очередная «гибель богов», влекущая за собой тот комплекс последствий, который для данной страны равносителен концу истории. Это произойдет вне зависимости от тех эмоций, которые сегодня господствуют, вне зависимости от ориентации тех, кто рвется уничтожить «старых богов». Завтра, совершив убийство, они протрезвеют, и тогда окажется, что убито нечто не поддающееся словесным определениям, вообще находящееся вне сферы слов, но бесконечно важное для каждого из живущих в этой стране и принадлежащих этой культуре. И не в том ли действительная метачель тех, кто одобрительно похлопывает по плечу «либералов», разворачивающих антикоммунистическую истерию в стране, где в каждой семье есть либо мученики за эту идею, либо ее жертвы, а зачастую сразу и те, и другие?!

Третье. Антикоммунизм должен, далее, обеспечить индульгенцию новой власти, уже не отвечающей за все предшествующее. Он станет поводом для начала террора и обоснованием для установления жесткой диктатуры, заведомо «благой», поскольку воюет с «коммунистическим злом».

Война немислима без насилия. Альтернативный государственному и соразмерный масштабу войны механизм насилия — в руках у криминалитета. Начав войну, он сбрасывает демократов, возглавляет крестовый поход против коммунистов и легитимизирует себя в глазах экзальтированной «массы».

Четвертое. Антикоммунизм, как и любое другое «антидвижение», с расширением социальной базы неизбежно радикализируется. Призывы к Нюрнбергскому процессу над партией более чем наивны. Нюрнбергский процесс вели страны-победительницы, а не восставший народ. Опыт показывает, что в нашей стране в данных исторических условиях речь может идти только о самосудах, расправах, новых революционных тройках и трибуналах и при благоприятном исходе событий новым «мемориалом» по поводу «жертв репрессий начала 90-х годов XX века». Доколе?! Те, кто призывает сегодня к антикоммунизму на митингах и демонстрациях, могут быть одержимы праведным гневом, но те, кто организует, управляет, манипулирует, стремятся, используя благородное

негодование, повязать кровью широкие слои общества (вплоть до лозунга мобилизации на борьбу с коммунистическим злом). Примеры подобного типа «повязывания» есть. И не только в нашей истории.

Пятое. Антикоммунизмом – опять же, наравне с любым другим антидвижением – можно будет кормить вместо колбасы. И чем дальше будет голодать народ, тем выше будет накал антикоммунизма. И снова можно говорить об исторических аналогиях. Радость по поводу расправы со вчерашними «коммунистическими буржуями», мысль о том, что как ни плохо тебе живется, но «им», «тем» еще хуже, страх перед властью, с которой шутки плохи, словом, все худшее из того, что есть в народе, сотрет слабые неустойчивые рефлексы самоуважения и воли к независимости.

Трагедия нашего общества состоит в его неумении, а главное, нежелании логически мыслить, в его неумении проводить хотя бы исторические параллели – не на уровне лозунгов и пожеланий, а на уровне социальных технологий, применяемых для оболванивания народных масс.

Легко заражаясь благородным негодованием, впадая в экстатическое состояние, оно, естественно, теряет остатки столь необходимого ему сегодня рационализма, являющегося одним из великих достижений той самой, западной цивилизации.

Пусть даже коммунизм и является злом, но кто сказал, что тот, кто с ним борется, не несет с собой еще большее зло?! «Враг моего врага – совсем не обязательно друг мне». За неумение усвоить эту логическую аксиому придется, возможно, очень дорого заплатить.

5. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КРИМИНАЛЬНОЙ БУРЖУАЗИИ. РЫНОЧНЫЙ УТОПИЗМ, БЮРОКРАТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛИЗМ И ГОСУДАРСТВЛЕНИЕ МАФИИ

От копирования электронно-вычислительных машин, моделей одежды и культурных стереотипов наша страна переходит сегодня к тотальной социально-политической имитации, пытаясь устроить «все как у них» и в обмен на это получить «их» качество жизни.

Не полемизируя по поводу правомочности постановки подобной задачи, мы постараемся указать только на то, что средства, предлагаемые обществу, на самом деле не обеспечивают сколько-нибудь приемлемого ее решения.

Трансплантировать в нашу социальную ткань, не разрушая ее, десятки тысяч социальных, экономических и хозяйственных институтов, обеспечивающих эффективность современного рынка, невозможно. При «пересадке» уже второго или третьего элемента существующая экономика рухнет.

Мы не сумеем осуществить в том виде, в каком существуем сегодня, даже нормального контроля над доходами юридических и физических лиц, необходимого для адекватного налогообложения. Тем более утопично построение сколько-нибудь эквивалентного западному рынку с фондовой биржей, ценными бумагами, механизмом регулирования финансовой деятельности, эффективным антимонопольным законодательством и пр.

Добив существующую экономику, не добившись вожделенных западных инвестиций (необходимы минимум двести миллиардов долларов только на ближайшие три года на то, чтобы хотя бы не вызвать повального голода и эпидемий), мы в итоге обречем «черный рынок» в общенациональном масштабе, на котором начнется схватка не на жизнь, а на смерть между двумя силами, стремящимися не к тому, чтобы создать эффективную экономику, на уровне требований конца XX века, а к тому, чтобы попросту побольше урвать, скупить по дешевке или присвоить из того, что имеет ценность для дальнейшей перепродажи на Запад. Силами этими будут бюрократия, способная к выпуску «ценных бумаг» — постановлений с предоставлением льготных условий представителям своей касты, и криминальная буржуазия, обладающая большим финансовым и преступным могуществом. Учитывая карту антикоммунизма, мы имеем право ожидать победу криминалитета и полного поражения «коммунистической» бюрократии, скорее всего далеко не бескровного.

Таким образом, страна, вставшая на путь имитации, получит даже не бюрократический капитализм (меньшее из двух зол), а именно установление неограниченного господства криминальной буржуазии, или, пользуясь общепринятым международным термином, так называемое огосударствление мафии.

Тем, кто считает, что новый хозяин начнет интенсивно производить общественно необходимую продукцию, мы вынуждены

напомнить, что «вторая экономика» по сути ничем не отличается от первой, что она столь же монопольна, столь же экстенсивна, столь же ориентирована на получение прибыли. Мы приобретем всего лишь перекрашенные идеологические фасады, понижение уровня жизни и новых, еще более жестоких хозяев, теперь уже не сдерживаемых даже страхом потерять место в высокой страте. Миф о том, что *любая* экономика, построенная на частной собственности, эффективна, принадлежит к числу наиболее ярких химер перестроечного сознания. А как же страны «третьего» и, главное, «четвертого» мира? Эффективна ли их частнособственническая экономика? Анализируя их опыт, мы видим, что огосударствленные мафии предполагает:

Первое. Бедствие, разруху, острый дефицит всего жизненно необходимого, социальную прострацию населения.

Второе. Выкачку у населения всех финансовых сбережений, всех материальных ценностей за счет монопольно высоких цен на все, что обеспечивает выживание (в связи с этим особо пристального внимания заслуживает ситуация «сгона» 500 тысяч беженцев в Азербайджане, Армении с экспроприацией их имущества на сумму в несколько миллиардов рублей. Наши исследования показали, что именно в этом случае скупить можно все, обладающее ценностью, по минимально низкой, бросовой цене (или же экспроприировать, апеллируя к отстаиванию национальных интересов), а продать свои услуги по обеспечению выживания (медикаменты, транспорт, «защита») по цене *монопольно высокой*). Для любителей рыночной экономики подобный пример есть демонстрация возможной модели рынка в СССР в условиях огосударствления мафии. Достаточно 500 тысяч беженцев превратить в 20–25 миллионов беженцев. В условиях распада территории это вполне реально.

Третье. Интенсивное вовлечение максимально широких слоев населения в «черное производство», включающее наркотики, проституцию, продажу детей, вывоз органов и биологической ткани для трансплантации. Предоставление человеческого «материала» для аморальных, биологически и психологически вредных экспериментов над людьми, порнобизнес, убийства за плату и другие виды деятельности, обеспечивающие сверхприбыль при относительно низкоквалифицированном и нетрудоемком труде надсмотрщиков и контролеров (из числа лиц, имеющих опыт работы в концлагерях

как по ту, так и по эту сторону колючей проволоки). Это может быть объявлено сгущением красок лишь теми, кто совсем не знаком с экономикой «третьего» и «четвертого» миров и кто слишком оптимистично оценивает сегодняшнее положение нашего рынка. На самом деле он настолько «болен», что позволяет сделать самые пессимистические прогнозы, по отношению к которым любой фильм ужасов покажется легкой и сентиментальной комедией. Кстати, факты показывают, что криминалитет давно уже готовится к такому развороту событий. Криминализация молодежи, проводимая по единому плану (Казань, Набережные Челны и другие центры интенсивной криминализации), имеет далеко идущие цели. Нетрудно представить себе усиление этой тенденции в условиях огосударствления мафии, учитывая, что криминализованный слой в целом составляет не менее 15 процентов населения страны, сопоставляя нашу ситуацию с ситуацией в странах с классической криминально-государственной структурой (так называемая «колумбийская модель») и беря поправку на социальные последствия сброса ценностей и установок предшествующего периода.

Четвертое. Только насытив «черную экономику», криминалитет перейдет к наиболее трудоемким и примитивным формам эксплуатации наемного труда в строительстве («сицилийская модель») и в аграрном труде («латифундистский метод»). В последнем случае ставка будет сделана на трудоемкий труд в пределах рентабельной монокультуры. Узбеки, например, окончательно будут «охлоплены».

Пятое. Дальнейший переход на более высокие этажи «белой экономики» будет связан с борьбой населения, оформлением профсоюзного движения, формированием избыточных трудовых и финансовых ресурсов, не включаемых в преступный бизнес, и другими факторами, обеспечивающими постепенное выплывание из регрессивной ямы, в которую криминалитет неизбежно загонит общество. Эмиграция, неизбежный распад страны, террор и деградация «туземного населения» затруднят этот выход. В целом прогрессивный рыночный утопизм стимулирует в наших социальных условиях стремительный регресс к формам предкапиталистической эпохи (первоначальному накоплению), и уже после этого начнутся робкие попытки ощупью продвигаться в сторону капитализма начала XIX столетия. К 2010-му году мы доберемся, возможно, до восстания лионских ткачей.

Мы вновь убеждаемся, что декларация и реальное содержание социального проекта находятся в противоразии.

Декларируемая утопия сулит легкое вхождение в мировую цивилизацию (вначале вообще без издержек, по мере приближения утопии к моменту своего воплощения издержки растут, но у общества уже и не спрашивают, согласно ли оно их уплатить) в минимально короткие сроки (сначала — как только избавимся от плановости, затем — через недолгий переходный период, потом — вплоть до пришествия светлого будущего).

Реально проводимый социальный проект обеспечивает как раз обратное: скорейшее выпадение из мировой цивилизации фактически навсегда и «выдвижение» СССР вместе с Центральной Африкой и рядом других стран «третьего» мира на роль крайнего аутсайдера, подневольного раба технотронной цивилизации.

Обществу очень хочется, чтобы по мановению волшебной палочки все стало «как там, на Западе», разумеется, только в сфере потребления, а не в сфере труда и рационального программирования своей деятельности. Заявляя в ответ на аргументы, показывающие, что подобный переход невозможен, упрямое «если нельзя, но очень хочется, то можно», оно обрекает себя на страшное разочарование.

6. ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ КРИМИНАЛЬНОЙ БУРЖУАЗИИ. АНТИЦЕНТРИЗМ, НАЦИОНАЛ-ДЕМОКРАТИЗМ И ЭТНОКРАТИЗМ

Антикоммунизм связан с атакой на бюрократию как носителя «преступной» идеологии. Национал-демократизм атакует ее же, но по линии государственной, как носителя централистских, «имперских» тенденций. Вне национал-демократизма антикоммунизм не смог бы с такой активностью поднять на борьбу достаточно аполитичное население страны. Вне антикоммунизма национал-демократизм не сумел бы отсечь национальную бюрократию от руководства процессами в регионах к тому моменту, как встал вопрос о смене государственной власти. Таким образом, мы можем говорить о двух взаимосогласованных процессах, реализующих общую цель. И по-

добно тому как рыночный утопизм сулил золотые горы в обмен на отход от директивности управления отраслями, антицентризм обещал скачок жизненного уровня за счет отхода от директивности управления регионами. Как в первом, так и во втором случае при наличии чувства меры такие преобразования могли дать определенный, хотя и весьма ограниченный эффект.

Но представим себе пианиста, который, играя сложную классическую музыку, начал бы вдруг, вместо мягких прикосновений пальцами к фортепианным клавишам, что есть сил барабанить по ним кулаком, уверяя, что так громче, а значит, и лучше. Такого пианиста немедленно увезли бы в сумасшедший дом. В экономике ничего подобного не произошло, и тотальный регионализм, противоречащий всем мировым тенденциям экономического развития, заведомо пагубный, был провозглашен новым словом в развитии социалистической экономики.

Регионализация, однако, могла бы быть отнесена к разряду очередных бесплодных аппаратных экспериментов, на этот раз в духе демократизации, если бы в резонанс с ней не сработало национал-демократическое движение. Начатое национальной интеллигенцией, оно на первых порах опять же имело либеральный характер и всего лишь «раскачивало» процесс за счет энергии «собственных колебаний», неизбежных при снятии деформаций предшествующего периода. Однако вскоре эта энергия начала собираться и направляться в строго определенное русло, а собственные колебания (обреченные на затухание) приобрели характер «вынужденных» с быстро растущей амплитудой. Элита национальной интеллигенции была отодвинута как недостаточно радикальная и демократическая, и ее место заняла новая генерация лидеров из числа интеллигенции, не принадлежавшей к высшему слою и не скомпрометированной сотрудничеством со старой властью.

Радикализация лозунгов, требования национального суверенитета (пока расплывчатые), ставка на открытый национализм и радикальные методы решения межнациональных конфликтов начали принимать направленный характер, а растущий объем деятельности, уже немислимый без многочисленных профессионалов, серьезных затрат на средства массовой информации, потребовал экономической поддержки. Это катализировало диалог политических радикалов с экономическими спонсорами из числа радикально ориентированных представителей национальной крими-

нальной буржуазии. Отметим, что сходный процесс шел во всех национально-освободительных движениях мира с той лишь разницей, что в эти движения, как правило, включалась именно не криминальная буржуазия. В итоге процесс перешел на позиции «мягкой этнократичности», пока еще без жестких лозунгов о приоритете коренного населения и выселении инородцев, но с четким акцентом на идее национальной исключительности и экспансии в духе буржуазного национализма досоветского периода. Такой «мягкий» этнократизм, подобно «мягкому» антикоммунизму, был пригоден только для одной цели — открыть шлюзы для этнократизма «твердого», то есть все того же неофашизма, ведущего к власти сильную личность по известной логике: «Одна земля, один народ, один вождь». С точки зрения регионального криминалитета, такая формула несла в себе огромный потенциал, позволяя решить ряд важных политических, экономических и социальных задач.

Первое. Она обеспечивала приход сильной личности, этнопатрональную диктатуру, твердую власть, способную закрепить новый статус привилегированного сословия, обеспечить передачу и фиксацию крупной частной собственности в нужном направлении.

Второе. Она позволяла потеснить партийных феодалов (неспособных идти на острую конфронтацию с центром) и местную финансовую олигархию, остро нуждающуюся в хорошо отлаженных связях с центром.

Третье. Она обеспечивала приоритет «своих» над «чужими» по этническому принципу, а значит, камуфлировала эксплуатацию «своих» «своими» по классической схеме Третьего рейха, сделавшего «козлом отпущения» евреев. Здесь ими становились русские, азербайджанцы, евреи, гагаузы, неважно кто, лишь бы польстить амбициям «коренников». На этой основе построены все этнопатрональные системы. Поскольку классический вариант подобной организации общества — Нигерия, то мы назовем такой способ укрепления социальной базы «нигерийской моделью».

Четвертое. Она обеспечивала круговую поруку, позволяла развязать террор и насилие, блокировала механизм репрессий и контроля центра.

В целом с момента выхода на арену «твердого» антикоммунизма и этнократизма процессы пересеклись, вошли в резонанс и наружили окончательно и бесповоротно один, в подлинном смысле этого слова неофашистский, знаменатель.

Говоря о неофашизме, мы в данном случае употребляем этот термин в его действительном, прямом геополитическом значении, а не как некую аллегорю. К сожалению, это явление получило в СССР недостаточно широкое освещение. Такие классические компоненты новой фашистской глобалистики, как Срединная Европа (в противовес Европе по модели Тэтчер), «биогуанизм», адресующий к новым евгеническим теориям и противопоставляющий себя «техномарксизму», последовательный «антиимпериализм», «антиамериканизм» с поддержкой любых сил, борющихся против сговора «ялтинских хищников», сознательно сделанная ставка именно на преступный бизнес, и прежде всего наркоманию, определенный тип включенности в экологическое и пацифистское движения, культивирование определенных форм суб- и контркультуры, ориентированных впрямую на сатанизм, оккультно-мистический «ренессанс» и ориентация на сброс христианства (как религии слабых), — все это остается в нашем обществе без подробного описания, несмотря на рост публикаций на эту тему в Европе, Латинской Америке, Юго-Восточной Азии, где процесс исследуется и описывается самым тщательным образом. Рядовому советскому обывателю сегодня гораздо больше говорят о «мафии КПСС», чем о «мафии СС», зачастую радостно рифмуя эти два понятия. В результате весь цикл исследований, проведенных на Западе по поводу действительного содержания мафии СС как геополитической структуры, остается вне поля зрения советской общественности, хотя это могло бы многое прояснить в содержании происходящих геополитических изменений.

Горячо обсуждаемая сегодня идея выхода Ленинграда из состава СССР и его вхождения в так называемую «Балтию», намечаемые контуры этой новой государственной единицы, слишком похожие на тот «Остланд», который Гитлер планировал ввести в состав Третьего рейха, объявление национальными героями эсэсовцев (Литва, Латвия, Эстония), Бандеры и бандеровцев (Западная Украина), железногвардейцев (Молдавия), лидеров татарских военизированных формирований и белорусских националистов крайнего толка не могут не вызывать беспокойства.

Мы вовсе не хотим огульно зачислять в неофашисты всех национал-либералов и даже всех сепаратистов, поскольку спектр политических движений, сил, умонастроений весьма широк. Мы

просто констатируем рост именно этой компоненты. В последние несколько лет мы фиксируем мутацию национально-освободительных движений в сторону неофашизма (в религии, идеологии, типе символики, культуре, международной ориентации).

В плане социально-психологическом такая тенденция вполне закономерна, поскольку демонтаж коммунистической идеологии шел и продолжает идти с использованием техники культурного шока, с сохранением логики *тоталитарного сознания* при замене только субстрата, наполняющего эти тоталитарные формы, но без малейшей попытки разрушить сам тип тоталитарного мышления. В этих условиях любой борец с коммунизмом автоматически героизируется, а любая контрастная коммунистической тоталитарная идеология близка и желанна, поскольку соответствует структуре тоталитарного сознания.

В плане геополитическом чем более стремительно и катастрофически будет идти процесс «обрушения» СССР, тем больше шансов на опрокидывание геополитического баланса с выходом на арену неофашизма именно как «третьей силы», восстановлением альянсов «осей» и союзов конца 30-х годов и в Европе, и во всем мире. В этом смысле вся геополитическая концепция, базирующаяся на «линейной» конфронтации СССР – США, плане игры по «обрушению» одномерного противника, сама подвергается стремительному обрушению.

Анализ оценок, даваемых процессам в СССР «новыми правыми»²⁶ во Франции и Германии, говорит о том, что пробуждение правых и ультраправых сил в Европе связывается с «геополитическими волнами из СССР» и что ставка на рост влияния этих сил в Европе связана с технологией обрушения колосса на глиняных ногах, именно с технологией (темпом, последовательностью, степенью радикализации), а не с обрушением как таковым.

В этой сложной и крайне тяжелой для страны ситуации нас беспокоит та легкость, с которой из всего неофашистского спектра оказалась вычленена и в скандализированной форме предъявлена массовому сознанию «русско-фашистско-коммунистическая угроза». Инициатива шла из Прибалтики, где именно в это время

²⁶ «Новые правые» – политическое движение, появилось во Франции в 1969 г. и вскоре объединило сторонников «консервативных» ценностей во всей Европе. Новые правые провозгласили отказ от принципа эгалитаризма, находили много позитивного в «элитаризме» фашистских режимов, в качестве основных авторитетов выдвинули Ю.Эволю и Р.Генона.

происходила усиленная консолидация бывших ээсовских частей и формирований.

Инициатива оказалась подхваченной широким спектром общественных течений столь активно, что на сегодняшний день на вопрос о том, что такое неофашизм, носитель политизированной масс-культуры ответит: «"Память", "Память" и еще раз "Память"».

На деле «Память», выдвигаемая как образец русского фашизма, — это действительно русский вариант этнократизма в двух его комбинациях: «мягкой», либеральной и «твердой» или, как любит говорить сама «Память», — «крутой». В последнем случае имеет смысл говорить о русском неофашизме в его так называемой «харбинской» (названо по аналогии с русским фашизмом 20-х годов) разновидности.

Вероятность прихода к власти этой разновидности фашизма достаточна велика. И где-нибудь на территории от Смоленска до Симбирска «твердая» русская этнократия получит тем большую возможность реализовать шовинистический бред барона Унгерна, чем выше станет накал других националистических движений, чем больше будет масштаб сгона русскоязычного населения, чем более бедственным будет его положение, чем стремительнее станет ухудшаться экономическое положение России, чем более очевидной станет потеря ею статуса сверхдержавы.

Что касается «мягкой» русской этнократии, то она по своим методам неотличима от либеральной этнократии армянской, азербайджанской, литовской, узбекской и др.

Те же выкрики о том, что к гибели привели коммунисты, тот же (не больший и не меньший, чем в литовском или латвийском варианте) антисемитизм, камуфлируемый под антисионизм, те же «сны» о докоммунистическом величии. Практически то же самое происходит и в этнократизме еврейском. Поражает то, насколько Израиль, европейское комьюнити в целом, такие еврейские организации как Бнай Брит равнодушны к тому, что именно прячется за маской антикоммунизма в Прибалтике, на Украине, в Молдавии и т.д. Возникает вопрос, нет ли сговора по умолчанию между антикоммунистическим неонацизмом и крайними проявлениями еврейского этнократизма. Прошу не путать этнократическую аномалию с нормальными просвещенными вариантами утверждения своей национальной идентичности как евреями, так и другими народами мира. Происходящее у нас на глазах показывает, что для

«аномалии», для жестких еврейских этнократов, память о Холокосте не является препятствием в деле формирования антикоммунистического союза с другими этнократами, включая стопроцентных неонацистов.

Здесь другие ценности, другая вера, другие принципы в формировании союзов и блоков. Блокировать неофашизм, «твердый» этнократизм можно лишь сразу, вкуче, во всех его разновидностях, резко отделив от нормального патриотизма, лишив национальной ауры, — в принципе!

Но протягивая руку бывшим эсэсовцам из числа тех, что истребляли десятки, сотни тысяч евреев, как можно после этого лепетать о русском фашизме?!

В случае поддержки хорватских усташей, румынских железногвардейцев, соратников Лебеда и Стецько на Украине, логически неизбежна и поддержка «Памяти», в ее наиболее экстремистской и обнаженной форме.

Присутствуя на акциях, проводимых некоторыми радикально настроенными демократами, видишь, что обструкции со стороны их оппонентов из радикальной фракции так называемого «патриотического» лагеря, происходящие в ходе большинства таких скандализируемых встреч, — это тот перец, та острая приправа, без которой лишились бы большей части привлекательности демократические «шоу», и невольно задаешься вопросом о наличии единой «режиссуры» всех этих «массовых представлений».

Техника правого путча требует наличия «красных бригад», неких ультралевых сил, управляемых из того же центра, что и крайне правые элементы, и служащих одному, высшему криминальному ведомству.

Мы хотели бы остановить внимание общества на ряде событий, о которых сегодня почему-то предпочитают молчать в так называемом демократическом лагере; о возрождении общества друзей Дмитрия Касмовича и Джона Косяка в Белоруссии, Ярослава Стецько и Микола Лебеда на Украине, организации Данагаус Ванаги в Латвии, Народно-трудового союза и о других семенах махрового фашизма и антисемитизма, дающих сегодня обширные всходы во всех уголках нашей необъятной родины. Мы хотели бы напомнить об избиениях сербского и еврейского населения хорватскими усташами в 1941 году, настолько невообразимо свирепых, что этому ужасу пытались воспрепятствовать войска Муссолини; об истреблениях более милли-

она еврейского населения на Украине и ста тысяч человек только в городе Львове частями ОУН/б, прославляемыми сейчас в качестве «борцов с коммунизмом» и «патриотов», о коже, сдираемой заживо с еврейских детей железной гвардией в Румынии в печально известную осень 1940 года. Словом, о подвигах всех, кто сегодня называет себя борцами с коммунистическими режимами. И если протест против инцидента в ЦДЛ²⁷ станет в один ряд с протестом против вспышек расизма, неофашизма *во всех регионах*, то мы приветствуем такую активность. Но если и оуновцы, и усташи, и железногвардейцы, и латвийские ястребы активнейшим образом отмываются, а единственным темным пятном становится только лишь русский фашизм, то мы вправе поставить вопрос о сокрытии масштаба неофашистской угрозы под видом борьбы с нею. Кем и во имя чего?

Политическая честность и интересы подлинной демократии требуют прекратить деление этнократов на добрых литовцев и злых русских, цивилизованных грузин и диких азербайджанцев, благородных эстонцев и свирепых узбеков. Необходимо со всей определенностью заявить, что там, где речь идет об этнократизме, — «все хуже».

7. СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА ДЕЙСТВИЙ КРИМИНАЛЬНОЙ БУРЖУАЗИИ. МАНИПУЛИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫМ СОЗНАНИЕМ

Начиная с середины 70-х годов в трудах немецких, итальянских и французских политологов начинает исследоваться стратегия и тактика так называемой «революции справа», выдвигаемой на повестку дня теоретиками «новых правых». По сути, речь идет о техниках манипулирования общественным сознанием с поэтапной сменой лозунгов и политических лидеров таким образом, чтобы в конечном счете иметь возможность установить неофашистскую диктатуру. Исследования процессов в различных регионах

²⁷ 18 февраля 1990 г. члены общества «Память» во главе со К.Смирновым-Осташвили пришли в Центральный дом литераторов на собрание писательского клуба «Апрель» и устроили скандал и драку, развернув плакаты: «Сионисты, убирайтесь в Израиль!» В результате инцидента было возбуждено уголовное дело, Осташвили был обвинен и приговорен к двум годам в колонии строгого режима. За несколько дней до освобождения из колонии был найден повешенным.

СССР, их сопоставление, системный анализ позволяют утверждать, что эволюция политического процесса происходит в рамках подобных техник, манипуляций.

Цель этих техник в том, чтобы заставить народ как бы свободно, как бы в порядке собственного волеизъявления посадить себе на шею новых властителей. Борьба с этим можно, лишь вскрывая подоплеку, обнажая логику, отслеживая единый процесс там, где обыденное сознание видит лишь отдельные, никак не связанные друг с другом элементы.

В этом смысле мы считаем принципиально важным продемонстрировать единую схему продвижения к власти криминальной буржуазии с использованием «массы» в качестве силы, прокладывающей путь. Вне зависимости от того, идет ли речь о национальном, социальном или каком-либо другом «регистре» массового сознания, манипуляция строится по общей схеме, содержащей шесть основных этапов и следующих друг за другом с железной закономерностью, указывающей на их выстроенность в единую цепь.

Первый этап. Предъявление власти морально-этических претензий. Критика возглавляется лицами, известными народу, имеющими общественный авторитет и выступающими под лозунгом осуждения злых властителей. Здесь имеет смысл говорить о морализаторской фазе разогрева народной магмы. По положению в обществе критикующие принадлежат к фрондирующей элите, их цель — смена конкретных руководителей. Этап заканчивается решением этой задачи.

Второй этап. В массовое сознание вбрасывается новый блок требований, выходящих за компетенцию нового руководства. Придя на волне народного возмущения, новая власть обещает то, что на деле не в состоянии выполнить. Исходя из этого формулируется новый, *качественно иной* блок критики. Образ «злого властителя» заменяется образом «злой силы». В качестве оной может выступать аппарат, тип экономики, централизм или любой другой принцип построения существующего типа власти.

Формулируется альтернативная «злой силе» добрая, светлая идея (чаще всего утопичная). В этом смысле от фазы морализаторства процесс переходит на стадию идеологизации.

В качестве силы добра могут выступать демократия, регионализм, рынок или любой другой «расковысывающий» принцип. Носителями идеологии становятся лидеры новой волны, чаще всего из

слоев, не имевших ранее доступа к власти. Выдвигаются требования о передаче власти (пока частично) носителям новой идеологии, поначалу всего лишь вносящей некие коррективы в предшествующую. Создаются альтернативные структуры, поначалу как бы лишь помогающие основным. Идет спонсирование этих структур, а значит, неизбежное вклинивание в них нужных людей из числа работников «криминального ведомства», до поры выступающих в прислуживающей роли.

Критика, обнажающая несостоятельность существующего принципа управления и лиц, его представляющих, именно как носителей этого принципа, накаляется. Они перестают контролировать ситуацию и вынуждены идти на уступки. Возникает система двоевластия, неустойчивая, как и любая компромиссная система.

Третий этап. Система частично теряет управление, положение ухудшается, недовольство усиливается. В этой ситуации новые лидеры объясняют кризисность ситуации наличием системы «двух властей» и требуют предоставить им всю полноту власти. Идеология из стадии внесения корректив переходит в стадию отчетливой альтернативности идеологии предшествующего периода (социалистический рынок трансформируется в регулируемый рынок, конфедерация меняется на суверенитет, создание социализма с человеческим лицом превращается в создание предпосылок для вхождения в цивилизацию и т. д.). Прежняя власть сходит со сцены. Фаза идеологическая переходит в фазу парламентарно-политическую. Лидеры новой волны оказываются лицом к лицу с проблемой осуществления так называемых «непопулярных мер». Положение народа в очередной раз ухудшается.

Четвертый этап. Принятие непопулярных мер входит в противоречие с принципом народовластия. Недовольство масс нарастает. Страх потери популярности толкает новых лидеров на путь формирования «образа врага». Недовольство направляется в русло борьбы с врагами (национально-государственными, классово-экономическими, идеолого-политическими). Борьба предполагает насилие, перед которым парламентские лидеры пасуют. Для жесткой системы насилия выдвигаются новые лидеры из числа лиц, сильнее всего пострадавших в предшествующий период, а также «сильных личностей» криминального и субкриминального типов. Борьба морально возвышает эту криминальность и придает ей ро-

мантический оттенок. Из парламентской фазы процесс переходит в фазу народных восстаний, войн за освобождение, революции и тому подобного.

Пятый этап. Неизбежная вследствие этого разруха и вызванное ею разочарование, отчаяние, протрация населения.

Шестой этап. Твердая власть неофашистской хунты, выступающей под лозунгом наведения порядка и приветствуемой населением.

Таков в общих чертах план большой игры, где идет согласованное использование разнообразных политических, идеологических, экономических, государственно-правовых стереотипов, имеющих целью приход к власти. Это и только это является конечной целью, казалось бы, алогичной и противоречиво сложной, а на деле простой и неотвратимо логичной «игры в демократию».

Сегодня общественные умонастроения в огромной степени движутся в русле подражательного рефлекса, свойственного детям. Раз там у них, у взрослых, все хорошо, то давайте и мы у себя так сделаем. Эта воспроизводимая уже не первый раз логика игры в «дочки-матери» на самом деле и является основным фактором торможения в развитии нашего общества. Никто не ставит перед собой вопрос о социальных издержках такой имитационной игры и о реальных ее результатах.

Сегодня вопрос не в том, хорош ли коммунизм и плох ли капитализм, а в том, к каким результатам может привести либерализация там, где нет «гражданского общества». Разрушение традиционного общества отнюдь не означает построения общества гражданского. «На обломках красного самовластья» сегодня можно выстроить только концлагерь криминального капитализма, базирующегося на господстве «черной экономики», «твердого» антикоммунизма и жесткого этнократизма.

Последствием такого переустройства нашего общества явилось бы действительное превращение одной шестой части земного шара в «империю зла», «континент преступности», «язву на теле всего человечества».

Ни жителям страны, ни человечеству не станет при этом легче от того, что такое преобразование будет вдохновляться благородными, ультрадемократическими порывами и благородным подлинным негодованием широких масс по отношению к чаще всего подлинным источникам их социального страдания и бедствия.

Что же касается преимуществ (выставляемых напоказ) и недостатков (которых просто не может не быть, поскольку за все необходимо платить, ничто не дается даром) тех высокоразвитых стран «первого мира», с которыми нас все время сопоставляют (безусловно, не в нашу пользу), то мы считаем их обсуждение просто политически неактуальным.

Мы готовы заведомо признать, что «там» все устроено замечательно, что «там» последний нищий счастливее нашего богача. Но от того, что «там», у них все замечательно, «нам», что называется, ни жарко ни холодно. Да, мы потерпели поражение в конкурентной борьбе с Западом. Что теперь?! Предлагая обществу свою программу действий, мы постараемся осмыслить корни этого поражения. И определить наш, трагически сложный, но возможный путь к нормальной жизни в нормальном обществе. Этот путь не может быть путем капитуляции, отречения от самих себя.

Это только кажется самым легким, естественным выходом. На деле капитуляция, лишив нас того небольшого, что мы имеем, в очередной раз превратит нас в новых аргонавтов нового ада.

8. ФУНДАМЕНТАЛИСТСКИЙ БУНТ ПРОТИВ ИГА КРИМИНАЛЬНОЙ БУРЖУАЗИИ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ЖИЗНИ НАШЕГО ОБЩЕСТВА

Почувяв запах крови, уже наметив жертву и преследуя ее с упорством хищника, руководимого идущим из бездны доисторического прошлого инстинктом насилия, криминальный зверь уже ломится в нашу дверь, в то время как мы вместо того, чтобы защищаться, рассуждаем, какое это будет симпатичное и полезное домашнее, ручное животное *«после того, как мы ототрем ему дверь»*.

Но часть населения, почувяв неладное, в панике готова уже взбунтоваться. Растет ностальгия по предшествующему периоду, как сталинскому, так и брежневскому. Она и дальше будет расти по мере обнищания населения. Место демонизации прошлого все чаще будет занимать его романтизация, и товарищ Сталин, третируемый прогрессистами, все больше станет приобретать черты национального героя в среде политических фундаменталистов, предьявляющих в качестве альтернативы реальному капитализму

в СССР стратегию подмораживания, возврата к принципам жизни предшествующего периода.

Не сознавая неизбежности радикальных перемен в радикально меняющейся жизни, не ощущая прихода новой всемирно исторической эпохи, в которой их ностальгические призывы и лозунги равносильны бунтарству рабочих, разрушавших машины, или крестьян, восстававших против посадки картофеля, эти силы играют на руку своим политическим противникам, выставляя себя как единственную альтернативу бездумному прогрессизму, охваченному «капиталистическим энтузиазмом», а значит, дают им моральное право на террор, «дабы не допустить возврата к сталинизму».

И хотя фундаментализм нравственно все же выше чудовищной мимикрии вчерашних ревнителей социалистических идеалов и его стремление «не поступиться принципами», возможно, абсолютно искренно и в моральном плане заслуживает всяческого уважения, но в политическом плане *фундаментализм мертв*, и, даже воскреснув под давлением «исторической катастрофы», вызванной бездумной и бессмысленной ломкой традиций, он не сможет решить ключевых проблем страны, не сможет разрешить главных противоречий, объективно приведших к позору «застойного периода». Более того, фундаментализм апеллирует к той же логике потребительства, согласно которой при Брежнев-де «хоть что-то можно было купить», а при Сталине «был порядок».

Возникает естественный вопрос о том, чем такая логика отличается от логики потребительства, согласно которой качественную колбасу можно получить лишь в случае демонтажа коммунистической идеологии, экономики и государственности. Неужели только тем, что хотя такая колбаса вкуснее, но брежневская — реальнее и что «лучше синица в руках, чем журавль в небе»?

Заявляя набор наскоро реставрированных клише и штампов предшествующего периода, все чаще сворачивая с пути интернационализма, необходимого сегодня, как никогда ранее, фундаменталисты дискредитируют идею сопротивления капиталистической криминализации страны тем, что позволяют своим противникам в очередной раз заявить, что вот ведь: «либо — либо», а «третьего не дано».

Но мы убеждены в том, что в качестве шанса на выход из тупика нашей стране «дано» как раз только лишь нечто «третье», кар-

динально отличное и от прозападного популизма, и от политического фундаментализма, базирующееся на подлинной демократии, понимаемой нами как способность общества сформулировать заказ на управление собой в своих же собственных интересах; единстве традиций и прогресса, а не противопоставлении этих двух составляющих любого нормального общества. И, наконец, на гуманизме, понимаемом в высоком, вселенском плане, как утверждение особой значимости бытия человека во Вселенной, что для нас и составляет реальное содержание извращенного нашими обществоведами великого понятия — «коммунизм».

И мы готовы представить обществу нашу модель выхода из тупика, основанную на этих принципах.

9. ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЦЕЛОСТНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО И ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Одним из самых трагикомических явлений нашей сегодняшней действительности является тот факт, что ни одна из сил, декларирующих свою приверженность социалистическим идеалам, будь то многочисленные «платформы» внутри КПСС или же силы вне ее, не удосуживается определить возможности социализма (не говоря уже о коммунизме) применительно к требованиям новой исторической эпохи и хотя бы контурно обрисовать будущее этого строя, его постперестроечный потенциал.

Вместе с тем прямого заявления о капитуляции тоже не происходит, по-видимому, из опасения серьезности тех политических выводов, которые должны были бы последовать за подобным заявлением.

Но на фоне процессов в Восточной Европе, Прибалтике, Закавказье, Молдавии, на Украине, в Средней Азии, на фоне итогов выборов, отражающих состояние общественного сознания и фиксирующих полную победу «апологетически капиталистических сил» в двух столицах — Москве и Ленинграде, на фоне отсутствия целевых программ, конструктивных концептуальных разработок, говорящих о перспективах социализма в нашей стране, общество делает вывод. Молчание — знак согласия. Не признанная еще де-юре, капитуляция становится признанной де-факто. Идеологически травмированное, невротизированное и постоян-

но получающее новые порции свидетельств о том, как именно его околпачили, оставили в дураках, общество теряет инстинкт самосохранения, перестает всерьез думать о завтрашнем дне, впадает в состояние паники и коллективного психоза. Труд теряет окончательно всякую привлекательность. Политическая истерика парализует и без того близкую к развалу экономику. Люди хватаются за любую, самый недоброкачественный политический наркотик, лишь бы хоть временно заглушить боль, причиненную идеологической травмой. В этом смысле расхватываемые толпой по десять рублей ксерокопии «Протоколов сионских мудрецов», «трудов» Генри Форда и других печально известных сочинений подобного рода суть, в принципе и по большому счету, лишь следствие разрушительных операций наших радикал-либералов, создавших травму, но то ли не желающих отвечать за ее последствия, то ли просто неспособных выстроить причинно-следственную связь, осознать логику сближения крайностей, парадоксальных взаимопорождений.

Рассуждающим об идеологической «шокотерапии» следует помнить о неизбежных издержках такого весьма опасного способа лечения тоталитарного сознания в условиях экономического кризиса. Мы диагностируем опаснейший тип идеологического заболевания, возникший в результате «шокотерапии», — идеологический «синдром», поразивший, как это ни прискорбно, *большую часть общества*. Такой «синдром», возникший в результате осознания своего общества как заведомо третьесортного, проигравшего другому, более сильному, осознания, происходящего внезапно и с силой психологического шока, имеет название: «колониальный».

«Колониальный синдром» предполагает стремительную поляризацию общества на фундаменталистов и прогрессистов, он предполагает замену анализа и поиска выхода из тупика, с одной стороны, канонизацией своего прошлого, кичливым самовосхвалением, сопровождаемым демонизацией своих противников, с другой, — фетишизацией достижений тех полноценных, сильных и развитых государств и культивированием комплекса неполноценности. «Колониальный синдром» не обязательно возникает в колониях. Пример — коллективный невроз эпохи Веймарской республики, явившийся отправной точкой в становлении фашистского «психоза». Поскольку в неявной форме ряд ценностей и постулатов общественного сознания в доперестроечный период безусловно носил религиозный

характер, перестройка требовала такого же уважения к (даже если и ложным, но входящим в культуру) ценностям и установкам еще не «декоммунизированного» населения, какой всякая традиционная культура требует от представителя культуры иного типа (например, индустриальной), входящего на ее территорию.

Сегодня не времена Кортеса и Писарро, не эпоха колонизации североамериканских индейцев. Конец XX века имеет свои закономерности, и диалог культур требовал особой интонационной деликатности, взвешенности и сдержанности тона при полноте информационной свободы.

Социологические исследования показывают, что «декоммунизация» через средства массовой информации привела к депрессивным изменениям даже среди тех, кто уже в застойный период считал себя полностью «декоммунизированным». Для рядового же обывателя это обернулось подлинной мотивационной, смысловой катастрофой.

Теперь — и это надо признать — придется заняться лечением уже не только застойных, но и *перестроечных травм*.

Без этого пробуксовывание всей политики обновления нашего общества неизбежно.

Без этого невозможны ни экономические, ни социальные действия. И мы считаем необходимым сделать все для того, чтобы общество осознало первоочередной характер именно этой, а не других, кажущихся более актуальными задач и проблем. Альтернатива решению этой задачи — дальнейшее втягивание всех слоев общества в бесплодное противоборство прогрессизма и традиционализма, свойственное странам так называемого «четвертого» мира, где часть населения истощно молится идолам и ездит на поклонение колдунам и шаманам, а часть — неистово вращается в вихре якобы западной (на деле патологизированной и извращенной) поп-культуры для туземного населения. В этом случае Христос — «останавливается в Вильнюсе», а в Калуге или Рязани, Москве, Ленинграде, Ярославле, Новосибирске потеря будущего приводит к разрыву исторического времени, к дроблению целостности бытия на «патриотизм» и «космополитизм», что в социальном плане равносильно люмпенизации и маргинализации нашего «когнитариата», а в экзистенциальном — превращает его в «несчастнейшего». Какое творчество и какая полнота бытия возможны в этих условиях?

Не только обретение подлинного ориентира в хаосе ложных альтернатив, не только построение и реализация будущего — уже сегодня

ня, но и борьба за восстановление права быть в истории (пускай страдая и мучаясь) есть то условие, вне которого развитие общества невозможно. Восстановление социальной нормы немислимо без восстановления целостности исторического сознания, без диалога, пусть сколько угодно далекого от апологетики, но нормального, то есть обращенного в будущее, диалога традиции и прогресса.

Синтез традиции и прогресса, а не их противопоставление друг другу, единственно способен обеспечить условия для нового качества производительных сил. Именно на почве верно осознаваемых традиций возможен качественный скачок, снятие накопленных противоречий. При форсированной модернизации общества, как показывает исторический опыт, срывы, социальные катаклизмы, регресс происходили именно там, где изменения *переламывали* традиции предшествующего периода, а не *адаптировали* их к новой ситуации (ярчайший пример – Иран). Опыт Японии показывает, что прорыв, форсированная модернизация, качественный сдвиг в производительном потенциале страны происходит быстрее, эффективнее и безболезненнее в случае, когда традиционную структуру приспособляют для изменений, в ходе которых идет уже и преобразование самих традиций.

Отрыв традиций от прогресса, противопоставление этих двух компонент, попытка принести традиции в жертву прогрессу нигде и никогда не давала желаемых результатов. Вместо стремительного «взлета», освобожденного от балласта традиций общественного сознания, это всегда приводило к полной психологической зависимости от якобы вышвырнутого из «политической гондолы» балласта традиций. В условиях потери ориентира и слома традиций общество начинает напоминать кусающую себя за хвост змею, а затрачивая невероятное количество сил якобы на изгнание исторических «бесов», оно перестает замечать, что место «бесов» начинает занимать самим же обществом произведенное «ничто», исторический и экзистенциальный вакуум, куда естественно внедряются новые «бесы». Эксперимент по углублению исторического вакуума продолжается.

Задействованный на это «человеческий потенциал» отнят у будущего.

Не имея образа будущего и имея за спиной пустоту, общество попадает в ситуацию «безвременья», отчаяния, ощущения проклятости, в котором уже начинает действовать принцип «Спасайся кто может!»

Не падение производительного потенциала вызывает наибольшее беспокойство, а деградация его качества. Мы можем потерять треть производительного потенциала и обрести будущее, а можем, якобы сделав рывок, разрушить высшую инфраструктуру производительных сил и, потеряв качество, лишиться всяческой перспективы и покатиться вспять.

Выпадая из времени, мы рискуем обрести антибытие, провалиться в антимир со всеми вытекающими отсюда последствиями. Из какого идеологического сундука, отдающего нафталином начала 60-х годов, вытянут тезис о том, что существует два типа общества – современное индустриальное и устаревшее традиционное – и что третьего типа не может быть?!

Нечто подобное действительно утверждалось американцами в эру расцвета индустриальных концепций, когда Ростоу и Арон, Белл и Берли провозгласили на весь мир американские ценности в качестве общемировых, единственно обеспечивающих всеобщее благоденствие.

Но с того времени много воды утекло. И если бы не Рональд Рейган, провозгласивший эпоху возврата к традициям американского общества, – где была бы сегодня Америка и весь этот «индустриальный мир»?!

Как можно говорить о противостоянии традиционного и прогрессивного на фоне стремительного и равномерного развития Японии, которая продемонстрировала, что такое синтез традиционного и прогрессивного, которая, по сути, дала методологические ориентиры и заставила американский сверхиндустриализм уповать на военную силу, единственно способную удерживать в бутылке «японского джинна»?!

Нашему обществу необходимо самому себе ответить на вопрос, является ли его целью Великая реформа, аналогичная реставрации Мэйдзи в Японии, или новая революция? И когда при этом говорят о мирном характере революции и ссылаются на мирный февраль 1917 года, то мы считаем необходимым напомнить обществу о том, что «мирный» февраль обеспечил к апрелю разруху на транспорте и в промышленности, к июню – восстания в армии и погромы в сельских местностях, к сентябрю – тотальный развал, а поближе к зиме неизбежно – чью-нибудь диктатуру, неважно чью, лишь бы прекратить анархию и положить конец полному беспределу.

Сейчас мы движемся в этом же направлении. По своей воле или против нее? Слепо или сознательно? Но в любом случае необхо-

дим признаться, что мы снова с упорством, достойным лучшего применения, воспроизводим ту логику, которая однажды уже привела нас к исторической трагедии.

10. КОНЕЦ КОММУНИЗМА ИЛИ КОНЕЦ ИСТОРИИ?

Конец коммунизма, казалось бы, не вызывает сомнений. Обсуждается лишь то, как именно будет выглядеть послекоммунистическая эпоха. Общество старается верить, что она станет эрой всеобщего благоденствия.

В связи с этим мы считаем необходимым заявить свое особое мнение по этому самому принципиальному из всех философско-политических вопросов современности. Мы считаем, что основной для упований на светлое будущее в связи с концом коммунизма нет. Мы ожидаем в ближайшее десятилетие, коль скоро действительно оно станет концом коммунизма, срабатывания «принципа домино», приводящего к серии идеологических катаклизмов, сбрасывающих вслед за коммунизмом не только христианство, но и другие мировые религии (буддизм, ислам, иудаизм), мы предвидим опасность аннулирования их общего, как сказал бы Н. Бердяев, богочеловеческого, то есть гуманистического, стержня и в связи с этим возможность перехода от эры «красной» к эре «черной» — постгуманистической, постгероической, посттрагической и, в сущности, постисторической, поскольку главным станет вопрос о том, какая группа, какая элита, в какой форме и за счет чего сумеет воспользоваться плодами истории. Осознает ли общество взаимосвязь тотального обрушения «красной веры» (ибо, не являясь в строгом смысле этого слова религией, коммунизм содержит многие типологические черты нового вероучения, что, на наш взгляд, является не слабой, а сильной его стороной) и выплеска «черных» вероисповеданий (чернокнижия, магии, оккультизма, сатанизма, теорий космических рас). Этот выплеск уже начался... Он виден всем.

Для нас одно является столь же неизбежным следствием другого, сколь опрокидывание геополитического баланса является неизбежным следствием крушения СССР.

Коммунистический строй, как это хорошо показал А.А. Зиновьев, укоренен в бытии нашего общества. Он мощно оперт на его

культурно-исторические традиции, имеет свою логику развития и как органическая составляющая входит в структуру современной цивилизации. Это постепенно начинают осознавать социалисты, социал-демократы и другие компромиссные течения и силы, которые держались лишь тем, что препарировали, реформировали коммунистическую идеологию или участвовали в сокрушении оной. Теперь они в первую очередь на собственном опыте убедились, что крушение коммунизма — это отнюдь не изолированный процесс, что оно угрожает пошатнуть устои цивилизации, способной к саморазвитию лишь в той мере, в какой человечество осознает себя способным бросить вызов смерти, постоянно напоминая ему о тщете усилий, суетности надежд, бренности и жалкой ничтожности вспыхнувшего во Вселенной огонька жизни, бессильного что-либо изменить в царстве холода и мрака, подчиненном смерти как высшему властелину Вселенной.

В калейдоскопе фундаменталистских заклинаний по поводу духовности, как антитезы правам человека, и в прогрессистских анафемах духовности во имя прав человека, которые, мол, «превыше всего», общество дезориентировалось. Оно перестало осознавать духовность именно как главное из всех человеческих прав, ключевое фундаментальное Право — на жизнь как трагедию. Право — верить в преодоление, снятие этой трагедии. Право — на смысл и на историю. Право — на высшую историческую и космическую миссию, преодолевающую абсурдность человеческого удела. Право, — глядя в лицо смерти, воскликнуть вслед за Бетховеном: «Вся жизнь трагедия — ура!»

Кем становится человек, наделенный всеми остальными правами, но лишенный этого, главного?!

Либо животным, вяло пережевывающим жвачку земных благ и удовольствий и при этом настолько отупевшим, что в его сознание не проникает мысль о скорой смерти, которой подвержено как все, приносящее ему радость, так и он сам. Либо бесом, мстящим жизни за свою конечность и в сознании смертности источающим яд на все живущее, черпающим силы в унижении и подавлении себе подобных просто в отместку за скорое свое исчезновение, столь же абсурдное, как и рождение, столь же нелепое, как и сама жизнь.

Так чем же становятся все права человека вне основного права — на бессмертие?

Правом быть во времени, находясь в непрерывном страхе и отвращении перед непреодолимостью смерти, или правом не быть,

бежать от времени, прятаться от него, играя в игрушки потребительства, ища и не находя забвения в отупляющем комфорте, бесильным сделать человека счастливым в условиях, когда он не окончательно утерял дар разума, превращающийся в этом случае в проклятье и наказание?

Тот, кто помнит, как хоронили своих собратьев члены революционного братства, как пели песни над гробом, что и, главное, как говорили, как держали себя, тот знает, чем был коммунизм для тех, кто был действительно посвящен в тайны этой религии.

Да, это была религия, и весь блеск, все обаяние красного идеала было в его духовной силе, то есть способности противостоять смерти, бросить ей вызов, придать трагическую полноту жизни и трагическую осмысленность тому, что, прервавшись, она не прерывает нить общего дела, становится ступенью, ведущей в общечеловеческий храм.

Это вочеловечивание, а не одно только упование на материальное изобилие (когда-то, кому-то, зачем-то воздаваемое за счет крови и страдания ныне живущих) составляло стержень коммунистического учения.

Рассматривая коммунизм не только как теорию, но и как новую метафизику, ведущую к построению нового глобального вероучения, мы считаем необходимым отделить исторически переходящее содержание и тем более официально-бюрократическое извращение этой идеи от той онтологической, антропологической и экзистенциальной концепции, которая фактически скрывалась от советского человека, сдававшего экзамен по «научному коммунизму», но оставшегося в полном неведении относительно действительного смысла якобы изученной им идеи, не имевшей по своему духовному накалу равных себе в XX столетии, содержащей многие коренные, жизненно важные для цивилизации черты новой мировой религии со своими святыми и мучениками, апостолами и символом веры.

Мы считаем необходимым зафиксировать в сознании сохраняющих еще способность думать членов нашего общества, во-первых, подлинную логику возникновения такого рода новой религии; во-вторых, тот контекст, в котором она была воспринята нашей страной и нашим обществом; и, наконец, в-третьих, основные черты ныне признанного «еретичным» вероучения, против которого направляют сегодня энергию масс.

Говоря о становлении коммунизма, мы должны проследить эволюцию тех религий, которые вели шаг за шагом к возвеличиванию самого человека, должны назвать тех предтеч, которые в своих учениях все больше и больше стирали грань между Богом и Человеком, от Ра и Яхве вели к земному и одновременно божественному Христу. В силу «прокурорской логики», применяемой сегодня, чтобы изжить коммунистическую заразу именно «в корне», рано или поздно эти предтечи будут привлечены к ответственности за то, что произвели на свет коммунизм — как «чудовище XX века».

Дело никоим образом не может и не должно ограничиться тем «джентльменским набором» предтеч, которые десятилетиями вбивались в мозги советского обывателя. Отнюдь не только утописты, Гегель и Фейербах являются прародителями коммунистической доктрины, хотя ни религиозная суть учения Гегеля о триадичности, ни богостроительская антропология Фейербаха, ни подлинный объем учения Сен-Симона так и не стали достоянием общественного сознания в нашей стране. Мы относим к числу безусловных предтеч коммунизма Исаяю и Иисуса, Будду и Лао-Цзы, Конфуция и Сократа, Спинозу и лучших представителей эпохи Просвещения и, наконец, как это ни парадоксально, русских философов, высланных в 20-е годы коммунистическим правительством, но принадлежащих к коммунистической парадигме больше множества «правоверных» коммунистов. «Красная идеология» строилась на фундаменте таких проблемных, таких на самом деле в условиях экологического и ресурсного кризисов уже вовсе не очевидных для сегодняшнего западного сознания идеях, как всемирная Справедливость, Равенство, Братство, Свобода, Счастье, на тех идеях, которые Великая французская революция оказалась катастрофически неспособной осуществить. Вне коммунизма их будущее в XXI столетии проблематично, как никогда ранее.

В истошном крике о крушении человека, несущемся с Запада, вряд ли можно заподозрить «руку Москвы». О закате Европы, кризисе культуры, смерти человека в объятиях цивилизаций говорят люди далеко не коммунистических убеждений.

Древнейшая мечта о совершенстве человека ныне, как никогда, находится под угрозой, но только ли в «империи зла»? Первый мир, если верить его собственным заверениям, накопил свою экзистенциальную проблематику, губительную и для него самого, и для всего человеческого сообщества. Мы все вместе движемся в

пропасть, разница лишь в том, кто едет в общем вагоне, а кто — в спальном. Стоит ли пересаживаться за пять минут до конца света? Не лучше ли приложить все усилия для того, чтобы не наступил этот конец?

В процессе освобождения из-под власти природы человек, единственное существо, наделенное жадой личного бессмертия и, как ее непреложным дополнением, сознанием смертности и ужасом перед смертью, все в большей степени противостоит ей как сознающий субъект. Наличие разума, самосознания, являясь величайшим даром, одновременно становится и тягчайшим проклятием человека. Именно разум позволяет человеку осознать весь трагизм своего положения, всю неразрешимость «человеческой ситуации», основу которой образует противоборство материи и духа, Жизни и Смерти, природного и трансцендентного начала как в самом человеке, так и в окружающем его Мироздании. Человечество скорее покончит с собой, чем согласится волочить бремя этих страшных проблем, и, судя по все возрастающей неуправляемости технического прогресса, оно уже склоняется к такому самоубийству.

Одним из самых ярких показателей тупика является разорванность сознания, которое решает глобальную ситуацию все по той же логике «либо-либо». Либо «откат» к биологическому существованию, либо накат в сторону неуправляемого прогресса.

Самой страшной бедой для человека и человечества может стать его «откат», его бесплодная и патологизированная попытка вернуться к утраченному раю животной гармонии. Призывы к биологизации, к возврату языческих идеалов покорности органическим законам Жизни, к отказу от христианского максимализма и от идеи богочеловечества выводят на арену «белокурую бестию», сверхчеловека, руководимого инстинктом и волей. Они уже дали человечеству фашизм, и их потенциал вовсе не исчерпан этим зловещим подарком.

Неоязычество, оккультизм, черная магия и другие виды «черных религий» — вот надстройки, обеспечивающие самовоспроизводство «откатных» идей в XX столетии. Черная экономика — это «базис», сопряженный с этой идеологией. А выброшенность человека, атома, одномерного продукта индустриальной цивилизации из пространства религии и культуры, оскудение духа, лишаящее способности переносить трагичность своего земного удела, — это

социальная почва, плодоносящая в конце XX века столь обильно, сколь никогда ранее она еще не плодоносила в истории нашей цивилизации.

Сегодня мы в очередной раз можем оказаться отброшенными в «черную дыру истории», представляющую собой наложение суперсовременных технологий на неорабовладельческие формы устройства общества, когда в полном согласии с пророческими кошмарами Достоевского оболыщенная совесть и хлеб насущный будут приняты человечеством в качестве платы за умерщвление души, отказ от исторической и космической роли, за отречение от права на мысль, на разум и, в крайней психофизиологической разновидности такого мироустройства, просто права на мозг. Это могло бы показаться антиутопией, но разве не об этом говорит «Миф XX столетия», одно из ключевых писаний идеолога Третьего рейха Розенберга, достаточно посвященного в замыслы фашистской элиты, разве не в этом суть концепций новых теоретиков, проповедующих наличие нескольких рас (духовной, социальной и биологической)? Призывая учиться не смотреть, а видеть и предупреждая, что «чрево, которое вынашивало гада», еще способно плодоносить, Бертольд Брехт хорошо понимал, сколь эфемерна победа над фашизмом, имеющим столь глубокие корни в психике «одномерного человека».

Одновременно с откатной линией философской мысли в экзистенциальном опыте XX века можно проследить и накатную, с ликованием зовущую человечество вперед, на путь прогресса.

Идея потребительского общества, прогресса ради прогресса, превращение такого серьезного и трагического действия, как жизнь человека, в своеобразный антроподром, увлекательную скачку с препятствиями, неизбежно потребовала своего религиозного восполнения. Эта идея заместила религию различными формами светского идолопоклонства (идеями национального превосходства, политического престижа, материального преуспевания, жажды успеха, власти, удовольствий и т.п.).

Такая секуляризация жизни требует от отданного ей во власть сознания все более и более сильных и часто сменяющихся стимулов, наркотиков потребления, производство которых становится несовместимым с жизнью человека на Земле.

Идолы потребительства способны действовать лишь в случае, когда они непрерывно и ускоренно возрастают. А возрастая в необходимых для своего успешного воздействия количествах, они

раздавливают земной шар и поклоняющееся им человечество — таков сегодня приговор обществам, строящим себя в рамках светского идолопоклонства.

Кроме того, превращая при этом человека в товар, частичного человека, все более и более отчуждая его от своей подлинной человеческой сущности, доводя его до роли винтика общественной машины, делая жертвой социально-политических манипуляций и обмана, элита, сколь бы она ни изошрялась в различных формах гибкого управления, неизбежно наращивает потенциал бунта, губительный для нее самой и для оснований нашей цивилизации. Не исключен поэтому ни сговор прогрессивной элиты с идеологами «отката» и «черных дыр», ни попытка подавить бунт раз и навсегда средствами все той же науки. Смыкание и взаимопорождение разорванных крайностей, прослеживавшееся с конца прошлого века, ко времени завершения Первой мировой войны становится фактом. Человечество впервые вплотную придвинулось в тот момент к экзистенциальной, а следом за ней и к исторической, и политической, и социальной катастрофам. В этот предапокалиптический миг истории роль лидера, способного изменить траекторию исторического развития, берет на себя именно коммунизм как третья сила, как антитеза возврату в животное царство и бездумному прогрессизму, как научная теория и, если хотите, новая *гуманистическая религия*, способная продуктивно решить фундаментальные проблемы человеческого существования. Атеистический, причем воинственно атеистический, характер коммунистической доктрины ничего не менял при этом по сути.

Один из крупнейших философов XX века Эрих Фромм справедливо указывал, что «многие из тех, кто открыто проповедует веру в бога, в своих человеческих отношениях являются идолопоклонниками или людьми без веры, в то время как некоторые из наиболее воинственных "атеистов", посвящающих свою жизнь улучшению человечества, утверждению братства и любви, демонстрируют веру и глубокое религиозное отношение». В полной мере это относимо и к идеям «красного братства», «красного ордена», покорившего нашу страну отнюдь не свирепостью и коварством (кто не верит — пусть попробует сегодня лишь с помощью этого завоевать десятую часть того авторитета, той степени сплоченности народа и его готовности идти за новыми лидерами). Решающим была именно новая вера, новая (весьма определенным обра-

зом и на определенной основе воспринятая) метафизическая доктрина Общего Дела. Она задела глубочайшие струны народной души и помогла отстоять гуманизм во всемирном масштабе. Патриотизм в борьбе с Гитлером сыграл немаловажную роль, но решающим был именно коммунизм, его пассионарные возможности именно в качестве новой религии. Реабилитируя все уничтоженное в пылу идеологических битв сталинской эпохи, перестройка почему-то сделала исключение для богостроительства, крайне актуальной для своего времени идеи, находившей широкий отклик и в народе, и в партии, и в среде деятелей новой культуры. Суть идеи состояла в том, что, отказываясь от упования на благополучное решение на небесах трагически неразрешимых здесь, на земле, проблем человеческого бытия, прежде всего экзистенциальных, коммунизм провозгласил возможность их решения на земле *и во всем объеме*, включая проблему жизни и смерти. Читая «Котлован» Андрея Платонова и находящим в нем лишь свидетельства коммунистических зверств и нелепостей мы рекомендуем вспомнить о вере одного из героев романа, Жачева, в то, что коммунизм сумеет «воскресить назад сопревших людей» и что Ленин, с точки зрения Жачева, «в Москве целым лежит» потому, что «науку ждет – воскреснуть хочет». Мы предлагаем также задуматься над тем, что тот гигантский труд, те лишения, страдания и муки, та энергия, с помощью которой была индустриализирована наша страна, не могли быть извлечены из недр аграрного общества только террором, страхом, колючей проволокой, доносами и идиотским энтузиазмом и что «тайна сия – велика есть».

Коммунизм дал антропологическое обоснование сциентизму, философии научно-технического прогресса. Он заявил о возможности гуманизировать этот прогресс и направить его в русло Общего Дела. Это величайшая историческая задача, стержень пути, идя по которому человечество способно миновать Сциллу потребительской смерти от «ожирения» и Харибду «черной дыры истории». Выдающиеся научные открытия и технические достижения обеспечили людям власть над природой, облегчили их труд и быт. Этим можно и нужно гордиться, по мнению коммунистов. Но что можно сказать о главном, о самом Человеке? Приблизила ли нас наука к реализации идеи его совершенства? Создавая удивительные машины, человек не смог ни на йоту улучшить самого себя. Его внутренняя жизнь – это ад, где поступки не согласуются с желаниями,

стремления к счастью, истине, справедливости в корне извращены. К началу XX века острее, чем когда-либо, ощущалась необходимость превращенной метафизической формулы бытия, обеспечивающей восстановление духовных, творческих – одним словом, специфически человеческих высших ресурсов личности.

Традиционная религия определяла эти ресурсы как живую душу, дар божий, а деятельность по их восстановлению и развитию – как спасение души. Одним из основных средств к такому спасению она считала подвижнический труд. Это труд, превративший, например, болотистые земли древней Галлии в сегодняшнюю плодородную французскую почву с полями, пастбищами и виноградниками. Такой «духоборческий» труд и есть прообраз коммунистического труда. При всей его эффективности этот труд не может быть рассмотрен как категория чисто экономическая, да и что способна в конце XX века решить экономика, взятая сама по себе, в отрыве от резервных возможностей человека? Коммунисты попытались сделать ставку на «духоборческий» труд и в новых исторических условиях, при всех издержках сумели добиться неслыханных результатов на коротком отрезке исторического пути. Предстоит еще выяснить, почему при этом они проиграли экономический «марафон». Однако утверждать, что эта ставка была сугубо утопической, можно лишь из чисто конъюнктурных соображений. Кстати, на близкий к этому тип труда сделали ставку японцы и добились удивительных результатов. Самурай, приезжавший в Европу и учившийся там работать руками, делал это не для того, чтобы сделаться удачливым предпринимателем в западном смысле этого слова, а потому, что он хотел сделать сильной свою страну, свое общество.

Подвижниками науки двигало не стремление к меркантильным благам, а стремление возвысить человеческий дух. Лидеры такой науки убедительно показывали, что и в нищете и голоде способны испытывать высшее счастье человека – счастье творческой полноты бытия. Не только превращение науки в непосредственную производительную силу вызвало в XX веке небывалый рост ее общественного престижа. Ее духовный авторитет, ее герои и мученики сыграли не меньшую, а возможно, и большую роль. Это позволяло надеяться на создание нового типа религии – религии науки. От идеи богочеловечества стал возможен шаг к идее «человекобожества» (коммунизм), и на основе этого шага – возможность противостояния над-

вигавшемуся «человекозверству» (фашизму). Грандиозная битва между этими двумя мировыми метафизическими, метарелигиозными доктринами на первом этапе закончилась победой коммунистической метафизики. Кем надо быть для того, чтобы отрицать это? Неуждой? Провокатором? Или самоубийцей?

Сегодня мы — на пороге второго этапа глобальной схватки с «врагом человечества и человечности». Тезис о том, что место коммунизма занимает национализм, в этом смысле крайне примечателен. Траектория исторического развития в очередной раз поворачивается в сторону «черной дыры истории». Кто выступит ныне в роли спасителя? Неужто один только «Ротари-клуб»?

Высшая миссия той великой страны, которая пойдет на чрезвычайное духовное напряжение, неизбежное при нынешнем развороте событий, должна будет состоять в том, чтобы, прорвавшись в лидирующую зону, не возглавить движение в направлении «черной дыры», а *развернуть траекторию исторического развития*. В высшей памяти человечества навечно записано то, что первый раз такой подвиг осуществила наша страна. Приняв коммунистическую идеологию и переплавив ее в метафизику Общего Дела, она сумела развернуть траекторию исторического развития человечества ровно настолько, чтобы на пределе обогнуть «черную дыру» фашизма и дать человечеству возможность продолжить историю. Согласится ли она еще раз на этот чудовищный акт подвижничества, на этот надрыв, и хватит ли у нее духовных сил?

Но, как бы там ни было, уже совершенный ею подвиг, подвиг страны, народа и идеологии (именно в триединстве), дает коммунистической идее при условии, что она сумеет отбросить переходящее, «стереть случайные черты» и обнажить свою метафизическую сущность, право претендовать на роль духовной силы, в принципе способной останавливать «белокурую бестию». И что-то не видно на историческом горизонте других кандидатов, другой страны, другого народа, другой идеи, способной взять на себя эту миссию. Так разве не самоубийцей нужно быть для того, чтобы убивать это триединство, ничего не имея взамен? Сегодня сделано все возможное для отторжения коммунистической идеи в той единственной стране, которая в принципе готова была к еще одному героическому усилию для вящей славы гуманизма и справедливости. Завтра, если эта страна откажется, мир будет духовно разоружен и дряблые мышцы аморфной демократии не

смогут отразить напор новой олигархии, выступающей от имени инстинкта и воли. Альтернативы коммунистической метарелигии, духовно соизмеримой ей по мощи идеи, сегодня не существует. А значит, разоружаясь, человечество допускает ошибку, по своему масштабу вполне соизмеримую с распятием Христа, с той разницей, что уповать на *трансцендентальное* вмешательство в данном случае, пожалуй, и не приходится. Совершив грех, человечество примет кару от себя самого, и нет уверенности, что найдется сила во Вселенной, способная отомолить этот финальный грех. А если и есть она, то захочет ли совершить такую молитву?

11. ГРЕХИ КОММУНИЗМА ИЛИ ГРЕХИ КОММУНИСТОВ?

Говоря о великой роли «красной религии» в XX столетии, мы отдаем себе отчет в том, что отнюдь не каждый ее служитель, получавший деньги за отправление нового культа, был действительно предан «красным» идеям и идеалам. Коммунистическую религию постигла та же участь, которая постигала все огосударствленные мировые религии, создававшие свою церковь (партия коммунистов), свой синклит (высший эшелон коммунистической власти), своего первосвященника (генерального секретаря). Особо уязвимыми духовно становились религии, бравшие в руки государственную власть напрямую, то есть теократические структуры. Коммунизм в нашей стране, безусловно, подвержен всем духовным заболеваниям, поражающим теократию.

Но символы, мученики и сама Вера ответственны за это не больше, чем Христос за действия святой инквизиции.

Другой пример. Наука принесла человечеству в XX столетии неисчислимые бедствия. Так не пора ли истреблять ученых, громить академии наук, исходя из принципов персональной ответственности «за веру»?!

В самом деле, что же подвергается суду? Вера? Церковь? Священнослужители? Лишь определив это, мы сможем понять, какими будут и судьи, и суд.

И пока происходит смешение субъектов ответственности и видов этой ответственности (от собственно криминальной, в случае коррупции, до исторической и философско-политической), до тех

пор мы сможем говорить о процессе над коммунизмом лишь в логике печально известных «процессов ведьм». Поэтому мы требуем однозначного и строгого разделения трех главных, категориальных типов ответственности, возлагаемых на коммунизм.

Первое. Ответственность за действия отдельных лиц. Здесь вполне правомерна аналогия со свирепыми и развращенными римскими папами, особенно в эпоху разложения католицизма.

Никакого отношения их прегрешения к святости христианской церкви, и тем более христианской веры, не имеют. Страдающие в различных кругах дантовского ада римские «пастыри» лишь подтверждают для самого Данте величие христианской идеи и церкви, ее воплощающей.

Здесь можно лишь с прискорбием и смирением констатировать, что никакая великая и чистая идея не гарантирует своей чистотой и величием от проникновения в лагерь ее сторонников самых грязных и изощренных подонков и что механизм блокирования такого проникновения до сих пор еще не найден. И поскольку человечество пользуется идеями, оно должно ясно осознавать то правило, согласно которому *каждая великая идея имеет не только своих мучеников и героев, но и своих политиканов, проходимцев, бандитов, отпетых негодяев.*

С прискорбием приходится констатировать, что это — *правило, из которого нет исключений.* И когда начинают усиленно демонстрировать грехи служителей какой-либо идеи именно как репрезентацию греховности самой идеи, то речь может идти не о суде в том смысле, в котором это слово принято употреблять в мировой практике, а об особой разновидности судилища, на котором управляют умело разогретые эмоции, а не законы логики, здравый смысл. Подвергаемые такому несправедливому суду обвиняемые, естественно, будут защищаться согласно той же логике, сознавая, с кем имеют дело и какие последствия этот суд может иметь для каждого из них лично.

Второе. Ответственность за действия структуры. Любая «религия», транслируемая в общественное сознание, нуждается в социальных институтах, регулирующих ее воздействие на умы «верующих». В случае, если церковь теряет доверие верующих, кризис веры неизбежен и сама вера находится в самой серьезной опасности. Нечто подобное произошло с христианской церковью в эпоху, предшествующую Реформации, когда понадобились Кальвин и Лютер — с одной стороны, и деятели контрреформации, — с другой, для того, чтобы уберечь веру от поругания со стороны про-

фессиональных церковных функционеров, цинично отрицающих все, чему они учили своих прихожан. Наиболее странными симптомами деградации социального института «красной веры» — коммунистической партии — явилась коррумпированность как свойство именно структурное, а не персонально-личностное, глумление самих служителей по отношению к той вере, которой они служат как «профессионалы», но которую презирают, как «умные люди», и, наконец, обращение этих служителей в чужую веру, стремление исподволь подрубать тот сук, на котором они сидят.

Сегодня в жизни «красной религии» наступил критический момент, от которого зависит ее дальнейшее право на существование. Если в течение ближайших лет коммунистическая партия не осуществит духовного усилия, по силе равного тому, которое осуществила Реформация по отношению к христианству или движение ваххабитов по отношению к исламу, то идеологическая катастрофа неминуема. Кризис достиг невероятной силы. Придет ли очищение и какую форму оно будет носить, зависит от степени духовного здоровья нашего общества.

Со своей стороны мы считаем необходимым сделать все возможное для Реформации «красной церкви» и придания ее служителям сходства с теми, кто своим подвижничеством придал социальной доктрине статус новой мировой религии.

Третье. Ответственность идеи. Мы считаем, что сама идея в том виде, в каком она сегодня существует, содержит ряд дефектов, которые могут препятствовать ее вхождению в XXI век. Основная ошибка коммунистов — это их включенность в потребительскую игру, их изначальная ориентация на удовлетворение потребностей населения самым лучшим образом, даже лучшим, чем способно это сделать капиталистическое общество. Это принципиальное заблуждение. Накормить «там» могут безусловно лучше, чем «здесь». И любая страна, вставшая на путь коммунистов, не станет более богатой. А вот сумеет ли она стать более счастливой — это вопрос.

Сегодня актуально как никогда звучат слова Эриха Фромма: «Западные социал-демократы и их яростные оппоненты — коммунисты в Советском Союзе и за его пределами — превратили социализм в чисто экономическую теорию. Цель такого социализма — максимальное потребление и максимальное использование техники. Хрущев со своей теорией "гуляш-коммунизма" по своему простодушию однажды проговорился, что цель социализма — предо-

ставить всему населению такое же удовлетворение от потребления, какое капитализм предоставил лишь меньшинству. Социализм и коммунизм основывались на буржуазной теории материализма. Некоторые высказывания из ранних работ Маркса (в целом же эти работы расценивались как идеалистические заблуждения "молодого" Маркса) повторялись как ритуальные заклинания, так же как на Западе произносятся цитаты из Библии».

«Не хлебом единым жив человек», и, коль скоро он начинает довольствоваться хлебом, этим хлебом, сытостью своей измерять качество жизни, этим кичиться, этому поклоняться, жизнь останавливается, цивилизация развалится, как разваливались под грузом сытого отупения предшествующие цивилизации, люди начнут бессмысленно истреблять друг друга, просто чтобы избавиться от постылой скуки сытого, но бесконечно тоскливого существования. От предшествующих катастроф, постигавших другие цивилизации, эту катастрофу будет отличать только ее глобальный характер. «Закат Европы» чреват закатом жизни на всей планете. Коммунизм побеждал в обществах, сохранивших традиционный тип культуры, аграрное мировосприятие, где он противопоставлял сытому благополучию идеал трагический, где он выдвинул нового культурного героя и обновление культуры, вне которого немислимо и обновление цивилизации.

Мы заявляем, что возрождение коммунизма в историко-философском аспекте возможно лишь при соблюдении трех указанных ниже принципов.

Первое. В рамках «гносеологического паритета» – взаимоувязанное научно-теоретическое и религиозное обновление коммунистической идеи, ее открытость другим теориям и религиям.

Второе. Жесткая реформация коммунистической партийной структуры, замещение, причем не персональное, а структурное, партийных профессионалов, погрязших во всех грехах и пороках, людьми с принципиально иной духовной консистенцией; реализация и жесткий контроль за соблюдением партийными профессионалами системы ограничений. Применительно к требованиям своего времени это находило выражение в ленинском принципе партийного максимума. Однако ошибка Ленина заключалась в распространении одной и той же аскезы *на всех* членов партии. Мы же считаем, что это должно относиться лишь к профессионалам, людям, посвятившим себя именно партийной

деятельности. К ним должен предъявляться особый счет. К примеру, монах, дающий обет праведной жизни, не требует того же от каждого верующего, и в этом разграничении имеется глубокий смысл, та диалектика, которую не смог учесть создатель коммунистической партии. И наконец, в сложившихся условиях спасение коммунизма предполагает, что каждый остающийся в партии должен осознать принадлежность к оной как риск, возможность кары за «красную веру», возможность нового катакомбного периода, возможность преследований и гонений. Это – реальность.

Для идеи пагубно раздувание контингента псевдоверующих за счет лиц, не имеющих на деле необходимой ценностной ориентации. В момент, когда в компартии было всего лишь шестьсот тысяч человек, она была неизмеримо сильнее и духовно, и политически, чем в сегодняшнем студнеобразном состоянии.

Третье. Необходимо категорическое отлучение от партии всех, кто предал «красную веру». Необходим партийный суд и партийная кара тем, кто, выступая от имени партии, существуя на деньги партии, действовал вразрез с ее идеями, принципами, убеждениями, совершал преступления против Равенства, Братства и Справедливости.

Только решив эти три основные задачи, коммунисты и коммунизм вправе выступать на суде истории, суде человечества от лица идеи, пролитой крови, мученичества и героизма – не только как ответчик, но и как истец, предъявляя *свой счет*, – и в плане метафизическом, именно как «монах» – «мирянину», «рыцарь» – «торговцу», прошедший сражения и муки солдат – «мирному обывателю».

На этом метафизическом суде, там и только там, будет ясно, кто проклят, а кто спасен, кто – «в бозе», а кто «умер без погребения». Лишь выдержав это метафизическое испытание, идея сможет воскреснуть, а воскреснув, спасти Мир или же пасть вместе с ним в последней схватке, той, где, согласно пророчеству Эдды, боги будут сражаться вместе с людьми, а мертвые вместе с живыми.

12. КУЛЬТУРА И КОММУНИЗМ

Считается, что коммунизм совершил преступление перед культурой нашей страны, что он в принципе антикультурен и в связи с этим должен быть подвергнут культурному остракизму.

Мы заявляем, что подобное утверждение является одним из самых крупных идеологических курьезов XX столетия. Коммунизм

является следующим после христианства шагом в сторону возвышения космической роли человека, в сторону радикализации гуманизма. Коммунизм мы рассматриваем именно как неохристианскую религию, поскольку христианство, в ряду других религий, единственное осмеливается говорить о богочеловечестве, единственное разворачивает круг сансары в стрелу времени, направленную в сторону Страшного суда. Коммунизм, заявляя об оскудении братства, раздроблении жизни, заменяет божественно-человеческое – человекобожеским, он снимает «звезду пленительного счастья» с неба и переносит ее на нашу грешную землю, он ставит на место благодати – труд, но именно *благодатный труд*, труд собственно человеческий, *творческий*. Он уходит от знания чуда к чудесному знанию, от алхимии Преображения к метафизике Всеобщего Космического Проекта. Он противопоставляет науку, одухотворенную Общим Делом, слепоте и смертоносной силе Природы, он говорит о смерти как о неразвитости Природы и Мира и обещает борьбу с нею силами человека без трансцендентного, без сверхъестественного, без благодати, иных, чем трансценденция, сверхъестественность и благодать самого Человека. Одним словом, коммунизм, перенимая христианский дух, еще более возвышает Человека.

Коммунизм примиряет Ренессанс и Высокое Средневековье, две силы, самоубийственно борющиеся друг с другом на протяжении нескольких веков. По мнению Маркса, коммунизм – это и есть воскресение и жизнь, подлинное разрешение противоречий между человеком и природой, человеком и человеком, подлинное разрешение спора между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидуумом и родом. Он решение загадки истории, и он знает, что он есть это решение.

Мы понимаем, что эта цитата из «ранних произведений» классиков марксизма-ленинизма не входит в курсы выхолащенных «дайджестов», по которым советский человек проходил «свою», на деле предельно отчужденную от него философию и идеологию. В этом смысле нынешнее отлучение коммунизма от культуры есть наказание коммунистам за то, что, сделав вчерашнего раба «хозяйном жизни», они не бросили все усилия, всю волю на избавление этого социального раба от рабства культурного, более страшного, чем социальное.

Аристократизм коммунистической идеи, воспринятой дворянством нашей страны именно как «высший пилотаж духа», был чудовищно принижен и искажен теми, кого Мережковский назвал «грядущим хамом»: лавочниками и люмпенами от коммунизма, его санчо пансами, теряющими остатки связи со своим Дон Кихотом и вследствие этого постепенно обращающимися в свиней, презрительно хрюкающих по поводу «бескультурия» рыцаря Печального Образа, готовых подрывать корни могучего дуба, даже рискуя лишиться «желудей», необходимых для продолжения их «свинской жизни».

Да, коммунисты виновны перед культурой. Виновны прежде всего тем, что произвели на свет своих отпрысков, настолько диких, что у них хватает бескультурия на то, чтобы в самой холуйской форме «продать первородство».

Они виновны, далее, и в коммунистическом варварстве, в том, что их нашествие было равносильно разгрому ранними христианами культурных ценностей античного язычества. Однако мы настаиваем на том, что это было варварство оплодотворяющее, варварство омолаживающее, хотя это мало что меняет для жертв варварства. Но у истории свой счет, свои мерки, свои законы. (И где было бы сегодня христианство без нашествий готтов, разгромивших Римскую империю и тут же начавших ассимиляцию сначала религиозных ценностей Рима, а затем и его государственности, его культуры.) Это прекрасно осознавала интеллигенция «старой формации» уже в 20-е годы. Об этом писали Блок, Белый, Мейерхольд, Эренбург, Р.Роллан и многие другие писатели, философы, деятели культуры.

Виновны коммунисты и в том, что Бердяев назвал «культурной реакционностью». Это явилось одним из самых страшных заболеваний движения, которое привело к отсечению от коммунизма всех живительных для него «ересей» и поставило коммунизм на грань вырождения. Новые течения в культуре, науке, философии, весь религиозный модернизм — все отвергалось, преследовалось, истреблялось вначале начетчиками от коммунизма, а затем и его врагами, не допускавшими обновления этой ненавистной им идеи под видом борьбы за ее чистоту. Так это было: изгонялись философы и преследовались «модернисты», шло гонение на церковь и третиование крестьянской культуры. И наконец, пожирались свои «идеологические дети» для вящей славы окостеневших догматов

веры. Для нас в этом — неизбежность варварского периода развития новой религии, а никак не издержки и замыслы совратителей (Сталина, «сионистов», «врагов народа»).

При этом коммунистическая культура развивалась ничуть не менее интенсивно, чем культура христианская, постоянно находившаяся под спудом христианского догматизма. И от Платонова до Шолохова, от Заболоцкого до Брехта слишком много сотен имен, безусловно принадлежащих культуре XX столетия. В памяти человечества коммунизм неистребим именно как «культурная сила». А раз так, он будет рождать сторонников завтра, даже если их у него сегодня не будет вовсе, даже если их всех истребить.

И тогда у борцов с коммунизмом будет лишь один-единственный выход — жечь книги, без малого половину литературы XX века. И что тогда *остается им* от культуры? Кстати, этот способ борьбы с коммунизмом уже опробован в XX столетии. Метарелигия такого накала, как коммунизм, так возвышающая человека и человечество, не могла не дать своего культурного поля, потому что там, где есть новый гуманистический потенциал, где есть новый накал трагического, там есть и культура, даже если священники истребляют ее творцов, даже если творцы проклинают и священников, и религию. Для истории — это одна любовь, одна ненависть, одна вера и одна кровь.

Трагически обделенным (по вине коммунистов!) знаниями о коммунистической культуре дикарям мы хотим напомнить, что ранние, то есть в каком-то смысле религиозные, произведения Маркса все пристальнее изучаются в Йеле, Гарварде, Оксфорде, Принстоне, Беркли и Сорбонне. Стремясь туда, они должны знать, что их может ожидать там изучение того же Маркса и Гегеля гораздо более детальное и скрупулезное, нежели в поросших догматическим мхом псевдокоммунистических «обитателях», называемых «кафедрами общественных наук». Дикарь, осознающий свое незнание и готовый от него избавляться, достоин ввода в культуру. Дикарь, кичащийся своим невежеством, отлучен от нее, даже если он будет изучать все «модные» книги, посещать премьеры, стирать родимое пятно своего «плебейского прошлого». В культурном плане он все равно мертв. И рано или поздно коммунизм, им похороненный, воскреснет под подушкой его сына, жадно читающего запретные «Фило-софско-экономические рукописи».

Глядя на начетчиков от коммунизма, твердящих когда-то заученные, оторванные от культуры цитаты, глядя на ожиревших чинуш от коммунизма, неспособных выдать из себя даже пары слов в его защиту, мы заявляем, что коммунизм прежде всего необходимо спасти от так называемых «коммунистов» и от амбициозных варваров, выступающих от имени культуры, а на деле — ее разрушающих.

13. НАШ ВЫЗОВ

Мы заявили свою точку зрения по вопросу о судьбе коммунистической идеи в XXI столетии. Открыто, с предельной откровенностью и в меру своего понимания мы очертили перспективы коммунизма у нас в послеперестроечную эпоху и рассмотрели другой, альтернативный сценарий. Вчерашние вероотступники, преследуемые за свои убеждения ничуть не меньше, чем открытые противники коммунизма, мы выступаем в тот период, когда коммунизм становится небезопасно защищать, когда партийные билеты сжигают на площадях, а вчерашние партийные чинуши, члены ЦК той самой КПСС, которая «довела до ручки» не только страну, но и саму коммунистическую идею, говорят о своем антикоммунизме, причем с той же чванливой спесью, с какой говорили и о «верности идеям».

Мы ощущаем в этом шабаше опасность отнюдь не только для коммунизма, но и для культуры, для человечества. Мы опасаемся того крена, который образуется в системе гуманистических ценностей, коль скоро исчезает одна из слагающих духовную популяцию теологий. Мы знаем, кто и с какой целью претендует на ее место по закону противоположностей в стихии накаленных страстей, в обстановке катастрофического развала.

Мы заявляем о культурном бесплодии фашистского «претендента», поскольку человекозверство не может произвести на свет культуру. Фашизм, однажды победивший в стране с высочайшим культурным потенциалом, как мы знаем, не произвел буквально никаких новых культурных ценностей, в отличие от того самого коммунизма, с которым его хотят сегодня преступно отождествить.

Мы презираем это постыдное и, увы, неистребимое в плебсе (просим не путать плебс с народом!) стремление в каждой ситуации гуртом бить лежачего, бить вдсятером — одного, бить, не со-

блюдая при этом правил, бить любого, кто оказался «сбитым с ног», будь то коммунисты, монархисты, церковники или даже целые народы и нации, как малые, так и большие.

Выступая в поддержку коммунизма, мы предлагаем нашим оппонентам честный идейный поединок. Поединок, который должен проходить на том культурном уровне, на котором мы прорисовали сегодня место и роль коммунистической идеи в мировом, отнюдь не благополучном для гуманизма «раскладе» сил и тенденций. Заранее предвидим обвинения в идеализме, в неспособности предложить конкретную *экономическую* (новое «волшебное слово») программу. Поэтому заявляем, что в тяжелейших условиях мы видим выход в системной реформе: культурно-религиозной, философско-политической, структурно-организационной, духовно-практической и, конечно же, социально-экономической. Материя и дух, экономика и религия, технология и культура не должны быть противопоставляемы, но, наоборот, слиты воедино. Таким образом, в плане экономическом нам есть что сказать, есть что предьявить. Однако концентрация в первую очередь на экономике или только на ней пагубна, антиэкономична и даже психопатична.

Выделение одного аспекта деятельности, даже такого важного, как экономика, может иметь целью только деструкцию, сброс. Реформа же, проводимая всерьез, предполагает восстановление логики того, что было сделано в этой стране, этим строем, этим народом. И только лишь исходя из этой логики, становится возможным выдвижение новых, конечно же экономически обоснованных, программ развития страны, которая (отметим это, кстати!) пальцем не шевельнет для их реализации, если не будет включен верхний духовный регистр ее мотиваций.

Мы обязаны критиковать коммунизм, анализировать его ошибки и заблуждения, но лишь с тем, чтобы, используя его возможности и наработанный им потенциал, превратить его поражение в победу. Но перед этим следует во всеулышание признать поражение и вскрыть логику этого поражения.

В самом деле, почему, вследствие каких причин коммунизм терпит его сегодня от Берлина до Шанхая, от Норильска до Сантьяго-де-Куба? Почему не удалось коммунистам реализовать тот исторический шанс, который они получили, победив во Второй мировой войне и возглавив мировую систему государств? Почему, обладая огромной властью, они проиграли?

Антикоммунисты, констатирующие с ликованием это поражение, видят его причину в абсурдности самой идеи и строя. Ортодоксы от коммунизма, с другой стороны, отказываются признать поражение и в лучшем случае говорят о заговоре и заговорщиках. Центристы валят все грехи на Сталина и административно-командную систему. Таким образом, не происходит главного – серьезного обсуждения. А значит, невозможно даже наметить пути реформ, поскольку, в сущности, *реформ никто и не хочет*. Всем нужна революция – от Генерального секретаря ЦК КПСС до самого ярого антикоммуниста.

Исторический опыт отрицается. Рефлекс самосохранения отсутствует. Господствует Танатос, инстинкт смерти, когда в истошном крике: «Так жить нельзя!» – хоронится вопрос: «А как надо?» или, точнее: «А что сделать, чтоб можно было жить?» И наконец, что значит – «жить»?

Так постараемся извлечь урок, назвать причины поражения и определить перспективу нашей страны в XXI столетии.

14. КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ТРУД В XXI СТОЛЕТИИ

Мы уже говорили о том, что коммунизм сделал ставку именно на сознательный труд всех членов общества, всего человечества, на сознательное самоограничение людей и на труд как счастье, как благодать. В действительности это удел людей с сильно выявленной духовной конституцией, посвящающих себя труду творческому и религиозно осмысленному. Прототипом, своего рода аналогом, при всей рискованности такого сравнения, коммунистического (то есть духовно ориентированного коллективного) труда является труд общинно-религиозный, сочетающий, если говорить об экономическом результате, высокую производительность с крайне низкими издержками. Если вскрывать причины, приводящие к такому результату, этот труд сочетает сознательную аскезу монаха и одухотворенное высшей осмысленностью трудовое сверхусилие.

Такой труд, безусловно, сверхэффективен. Он одновременно свободен в высшем смысле этого слова и (изначально и принципиально) локален, адресован к части общества, а не ко всему обществу в целом. Но есть ряд существенных моментов, требующих

осознания, коль скоро мы хотим применить эту модель к современному обществу.

Первое. Отнюдь не в каждом человеке *вскрыт и полностью выявлен его духовный потенциал* (на существовании этого потенциала у каждого человека, на изначальном и принципиальном равенстве всех *мы настаиваем именно как коммунисты*).

Второе. Именно наличие «другой жизни», волчьей, биологической, приводило людей с духовной жаждой в монастырь. Они бежали туда от мерзостей греховной низменной жизни. И чем тяжелей была обстановка за стенами монастыря, тем крепче держались вместе те, кто бежал сюда от нее, тем эффективнее был их труд, если возвращаться к экономическим категориям.

Третье. Еще полстолетия назад, в эпоху становления коммунизма, такая форма труда не могла иметь решающего значения, поскольку в индустриальном обществе экономическая ставка неизбежно должна была делаться именно на сверхмассовость, поскольку на сотни миллиардов продукции приходилось сотни миллионов работающих.

Четвертое. Перспектива превратить коммунистические общины в очаги высокопроизводительного, общественно значимого труда появилась лишь в конце XX века, когда сотни миллиардов экономического эффекта могут быть получены сотнями тысяч людей, а в недалеком будущем — возможно, уже десятками тысяч. Таким образом, локальный труд выдвигает себя на роль всеобщего, давая коммунизму новые возможности реализации своего изначального замысла.

Пятое. Достаточно убедительные эксперименты по высокоэффективному локальному труду, основанному на общности, коллективном духовном стимуле и, главное, культуре сообщества (субкультуре), формирующей особое представление о качестве жизни не только и не столько в количественных категориях, существуют в реальности. Мы можем отнести сюда и наши скиты, духоборческие общины, казачьи поселения, примеры жизни и деятельности крупных северных поселений, коммуны 20-х годов. Мы можем отнести сюда же японские фирмы-семьи, израильские кибуцы и десятки других типов так называемой «третьей экономики».

Шестое. Параллельно с этим мы должны говорить о росте эффективности агрессивных сообществ, формируемых по типу стаи, где уничтожение коллективов-соперников, инстинкт группового

доминирования, другие регрессивные стимулы являются основой колоссального экономического эффекта.

Седьмое. В этой ситуации «первая экономика», классическая формула трудящегося индивидуума, который свободно реализует свой потенциал на свободном поле структур – субъектов экономической деятельности (корпорации, фирмы, кооперативы и пр.), является как бы вымирающим динозавром, то есть численно доминирующей, но одновременно уходящей в прошлое формой организации труда. Реальная конкуренция в XXI веке будет идти между «третьей» и «второй» («стайной») экономиками. Она, по сути, будет являться экономическим аналогом политической борьбы между коммунизмом и фашизмом.

Восьмое. В условиях глобального кризиса экономика начинает не только ориентироваться на максимум эффективности, но и все жестче минимизировать издержки. Исторически здесь могут быть лишь два выхода: либо замена количественных показателей жизни, стимулирующих труд, качественными и переход ко всеобщему коммунистическому труду, либо сохранение количественных стимулов для меньшинства (элиты) и тотальное подавление большинства человечества в более или менее изоциренных формах.

Исторически коммунистическая экономика получает свой шанс, свою перспективу, использовать которые мешает, как это ни странно, предшествующий опыт коммунизма именно в плане организации им трудового процесса, то есть в плане сугубо экономическом.

15. ИЗДЕРЖКИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА В XX СТОЛЕТИИ

Монах, принимая постриг, давал обет и становился на путь духоборческого, подвижнического труда, сознательно тем самым отделяя себя от мирян, имевших другие мотивы деятельности. Монах шел на это добровольно, изучив устав данного монастыря, пройдя в нем послушание и искус системой сложных испытаний, посвящений и ученичества.

Коммунисты заявили о своем намерении превратить страну в коммуну, то есть в коммунистический монастырь. Но жизнь внесла свои коррективы. Она показала, что вся страна не может жить одним большим монастырем по непостижимому для большинства граждан уставу, что все население не может и не хочет эффектив-

но трудиться при стимулах к труду, не воспринимаемых этим населением как таковые. А раз так, то вскоре произошла неизбежная и исторически необходимая на определенном этапе подмена монастыря казармой.

Отнюдь не монахами чувствовали себя люди 30-х годов, рядовые граждане СССР, которым не чуждо было ничто человеческое. Они чувствовали себя солдатами, причем не профессионалами, добровольно принявшими присягу и имеющими тягу к воинскому труду, а мобилизованными на некую войну, образ которой был для них достаточно ясен.

Но там, где есть образ войны, там есть и образ победы, конца войны, возможности жить по законам мирного времени. Уже к середине 20-х годов затаившая дух в ужасе перед страшной конфронтацией коммунистических лидеров, чувствующая, что над ней нависает призрак новой гражданской войны, воевавшая, по сути, без перерыва десять лет, страна согласилась на военный консенсус на одно десятилетие. Битвы на трудовом фронте, войны за индустриализацию, за спасение, за выживание страны и народа шли буквально по законам военного времени.

Такие нормы эффективны лишь до тех пор, пока есть страшная опасность, страшный враг, одним словом, пока общий для каждого человека инстинкт борьбы за выживание (всем миром, всей страной, всем обществом) способен сплотить большинство населения. Добившись такого сплочения, коммунисты дополнительно использовали высокие побуждения (идеологию) и низменные (страх наказания) мотивы и создали своеобразный климат аскетической эйфории, в котором люди всем миром боролись против порабощения страны, боролись и победили.

Давайте вдумаемся в ряд цифр!

с 1921 по 1922 год – война,

с 1929 по 1940 год – подготовка к новой войне,

с 1941 по 1945 год – новая война,

с 1945 по 1955 год – восстановление **без помощи других стран**, опять сражение за выживание и победа, значение которой не меньше, чем победа в войне.

Сколько же поколений в СССР **не знали мира**? Получается – чуть ли не три поколения. Ситуация – беспрецедентная.

На фоне такого особого режима, особого ритма жизни сложился особый стиль жизни – советский, особый тип личности – советс-

кий, особый тип культуры — советский, особая солидарность, особое отношение к тяготам жизни. Одним словом, особый мир. Он целостен, очень силен изнутри и поныне. Он стал традиционен и лег на традиционную почву.

«Дом» оказался крепок, и разрушить его можно будет лишь вместе с его обитателями. Что же касается того, можно ли было в нем жить или нельзя, то история уже дала ответ на это. Жили особой, возможно, странной для человека конца 80-х годов, но горькой и счастливой жизнью. Жили — страдали и побеждали, гибли, спасали и преодолевали «всем миром» очередную беду.

Теперь давайте сравним этот советский опыт с опытом других стран. Польши? Румынии? Венгрии? ГДР? Ясно: цемент, связавший между собой кирпичи нашего дома, в этих странах практически отсутствовал.

Вот и рухнула «декорация» даже быстрее, чем это могло бы померещиться кому-либо из врагов. И заговора искать не надо. Сама рухнула.

Другое дело, например, Китай, воевавший фактически не меньше, чем наша страна. Там ситуация возникла другая. И стены тоже пока не рушатся.

Преодолев послевоенную разруху, создав ядерный щит, страна какое-то время еще жила по принципу «только б не было войны», сохраняя стиль и ценности предшествующей эпохи. Коммунисты тоже худо-бедно, но как-то блюли себя в роли партии спасения, хотя в атмосфере хрущевской «оттепели» многовариантность уже становилась неминуемой и жизнь надо было менять очень круто.

Перед коммунистами фактически был выбор: формулировать новые цели в рамках стратегии военного времени, борьбы за выживание, еще раз воскрешая военный стиль, или менять сам принцип организации общества. Военный стиль меньше всего устраивал размякшее тогдашнее руководство, провозгласившее построение коммунизма в модели некоего изобилия.

Далее надо было объяснить, почему строить изобилие нужно все теми же методами жертв. Если людям было понятно, почему всем вместе надо было спастись от беды, то смысл битвы во имя изобилия в их понимании вообще отсутствовал.

Именно в этот момент и могла бы быть сделана ставка на локальный коммунистический труд в формах неомонастырских (под-

линно коммунистических), а не в формах милитаристских (вынужденных, превращенных).

Коммунисты в этот момент могли локализовать свое влияние, сконцентрировать власть на ключевых участках, там, где решались проблемы развития, и заменить тип власти, перейти к концептуальному приоритету и концентрации финансового потенциала, отказавшись от командного, милитаристского типа управления.

В форме налоговой системы они могли сохранить за собой большую часть государственной власти. Но на это они не пошли. И в результате оказались между двух стульев, превратив именно в этот момент, именно в условиях мягкого режима всю страну в концлагерь со своей криминальной иерархией, своими капо и «ворами в законе», своими фрайерами и шестерками. А в худшем положении оказывался тот, кто еще верил в коммунистический идеал.

Эти лидирующие в нравственном, а зачастую и в трудовом смысле слова группы населения быстрее других превращались в «доходяг», но чем больше они загонялись в угол, тем больше падала экономическая эффективность и без того достаточно малоэффективного строя.

Со временем партийная и государственная элита, все больше погружаясь во взаимные интриги и распри, предоставляла «концлагерю» возможность криминального самоуправления, то есть перекладывала труд по управлению на элиту, сформированную внутри самих зеков, а сама деградировала, опускалась, вырождалась. Криминально-коммунистическая система потенциально оказалась готовой к перерождению в криминально-капиталистическую или, если точнее, криминально-предкапиталистическую, неофашистскую.

Мы выделяем, таким образом, коммунизм духовный, военный и криминальный как три формулы бытия, три способа организовать жизнь, вести хозяйство, управлять обществом. Мы сознаем, что эти три вида коммунизма способны реально существовать именно как тенденции, одновременно сосуществующие в коммунистической реальности.

Мы видим также, что эти три тенденции реально сосуществуют в разных пропорциях, в разных регионах страны и в разных слоях населения. На большей части территории страны, в большей части трудового населения потенциал некриминального коммунизма оказался достаточно силен, поэтому попытка осуществить криминальный капиталистический переход скорее всего будет сорвана. Этот срыв

произойдет, по-видимому, не за счет прямого сопротивления населения, которое недостаточно вооружено сегодня идеологически, политически и интеллектуально в целом для того, чтобы бороться сознательно.

Он произойдет через неспособность элиты криминального коммунизма изменить социальные рефлексы населения, сменить тип культуры, перевести жизнь на новые рельсы, хоть как-то организовать и упорядочить ее в отсутствие «ключей проволоки».

Остановка жизни вызовет мощный взрыв социального недовольства, и в этот момент все будет зависеть от соотношения двух идей, двух моделей жизни, двух программ — фашистской и коммунистической — в сознании большинства населения. Победить иначе, чем в духовно-коммунистическом качестве, коммунизм не сможет и не должен. А то, насколько он в этом качестве способен занять лидирующее положение, будет зависеть от целостности и реалистичности плана действий, который новый коммунизм способен будет предложить нашему обществу.

16. ПЛАН ДЕЙСТВИЙ. ТЕЗИСЫ

Мы предлагаем стране *новую гуманистическую теологию*, способную объединить всех верующих и неверующих идеей разрешения загадки истории, снятия космического абсурда земного бытия, преодоления страха и подавленности, преследующей человека и человечество, абсурда, являющегося причиной войн, эксплуатации, жестокости и безумия. Мы заявляем о метафизической открытости небогостроительства всем гуманистическим религиям, новым религиозным веяниям (от учения Н.Ф.Федорова об Общем Деле до концепций Тейяра де Шардена, Вернадского, Леопольда Сеа (теология освобождения), философской антропологии, гуманистического психоанализа и других поисковых направлений, ориентированных на познание человека и мира).

Мы порываем с догматизмом и начетничеством, возвращаемся к своей духовной первооснове. Тем самым мы предлагаем стране роль духовного лидера в XXI веке, роль мирного обновителя человеческой цивилизации, зажатой между потребительством и человекозверством, вынужденной круто перестроить саму себя в XXI столетии.

Мы предлагаем стране *начать борьбу за лидирующее положение в сфере производства*, но не ради того, чтобы, захватив это положе-

ние, поработить остальное человечество и занять максимум места под технотронным солнцем, а ради того, чтобы повернуть еще раз траекторию исторического прогресса, обогнуть «черные дыры» технотронного диктата и потребительского вырождения, не допустить конца истории, а, напротив, начать ее всем миром, всем человечеством на основе Справедливости, Равенства и всечеловеческого Братства, без деления на «первый», «второй» и «третий» мир, одним общечеловеческим домом. Адресуясь к недавнему историческому прошлому, мы напоминаем человечеству о насущной необходимости воинствующего гуманизма, теологии борьбы со злом, с тем зверем, который притаился в праисторической ночи и готов к смертной схватке. Не производство ради производства, не производство ради спасения себя, не производство ради потребления, а производство как высшая духовная миссия в общечеловеческом космическом плане – вот наша формула развития страны.

Мы открыто предлагаем стране *пойти на неизбежные издержки, связанные с осуществлением технологического прорыва во имя духовного лидерства*. Но одновременно мы предлагаем отказаться от мнимого, весьма проблематичного изобилия, от которого вдобавок лишь меньшинство сумеет «урвать свой кусок».

Мы отрицаем возможность и целесообразность создания в нашей стране островов общества потребления и островов унижительной бедности. Мы напоминаем обществу о том, что одно является неизбежным следствием другого. Будучи реалистами, мы считаем возможным и необходимым обеспечить при этом разумное повышение уровня жизни лидирующей в плане потенциала трудовой деятельности группы населения и понижения этого уровня для трудовых аутсайдеров – паразитирующей и привыкшей к такому существованию социальной группы. Без такой социальной встряски невозможна эффективная экономика, но при этом мы категорически настаиваем на необходимости обеспечить достойное качество жизни всем без исключения членам общества. Мы против того, чтобы для социальной встряски применить безработицу и рынок рабочей силы, и предлагаем другую схему оздоровления и ускоренного развития нашего общества.

Стратегия ускоренного развития

Мы считаем ключом к ускоренному экономическому развитию возможность опереться на лидирующую группу населения во всех

сферах жизни и деятельности от науки, культуры, техники до производства, торговли, сельского хозяйства и сферы услуг, используя и духовные, и материальные стимулы. Расчеты показывают, что такая группа в нашей стране составляет около трех миллионов человек, то есть порядка одного процента всего населения. Поскольку качество трудовых ресурсов в лидирующей группе, по международным оценкам, не ниже, чем в США и Японии, а по ряду параметров даже несколько выше, мы можем рассчитывать на ту эффективность, тот уровень отдачи, который возможен в лидирующих структурах мира.

Расчеты показывают, что реальная годовая отдача от полумиллионного лидирующего коллектива, такого, например, как компания «Дженерал моторс», составляет величину порядка 25–30 миллиардов долларов.

Таким образом, мы вправе оценивать *потенциальную* эффективность нашей лидирующей группы в целом около 150–200 миллиардов долларов в год. Речь идет, таким образом, о том, что мы вправе лишь за счет разворачивания на полную мощь ударной группы населения производить дополнительно еще один национальный доход — ежегодно. Расчеты показывают, что те ресурсные инъекции, которые необходимы для превращения потенциальной энергии лидирующей группы в реальную, кинетическую, составляют менее пятидесяти миллиардов и могут быть осуществлены в течение полутора лет в режиме реализации централизованной государственной программы высшего приоритета. Необходимыми при этом прежде всего являются десять мер, обеспечивающих стратегию прорыва.

Это:

Первое. Выделение лидирующих предприятий и прорывных технологий.

Второе. Построение крупных и сверхкрупных государственных компаний по типу транснациональных корпораций в количестве не более пятидесяти и численностью от пятидесяти до пятисот тысяч работающих. Такие крупные и сверхкрупные предприятия представляют скелет любой современной экономики, вокруг которого формируется мускульная ткань средних и нервная ткань мелких предприятий.

Третье. Предоставление этим компаниям высшего кредитно-финансового, ресурсного, правового, налогового приоритета.

Четвертое. Предоставление руководителям компаний чрезвычайных прав, фактической бесконтрольности в плане оплаты труда работников, чрезвычайных полномочий по зачислению и увольнению работающих.

Пятое. Ориентация этих компаний только на внешний рынок в режиме экономической войны на международном рынке, с жесткими обязательствами и чрезвычайным режимом ответственности руководителей компаний перед президентом страны за результаты своей деятельности.

Шестое. Ориентация на кооперационное производство, закупка недостающих заводов и фабрик на территориях стран «первого» и «третьего» мира, наем рабочей силы за рубежом или направление ее за рубеж в контрактном режиме.

Седьмое. Обеспечение в режиме, соответствующем интересам страны, ремиграционного и миграционного процесса, формирование реальных адекватных представлений о жизни в том самом «первом» мире, который сейчас фигурирует в качестве «блаженной страны Эльдорадо». Сейчас этим заняты дипломаты, журналисты, туристы, то есть люди, по преимуществу изучающие условия потребления, а не производства.

Восьмое. Обязательное обеспечение условий для «полного цикла», предполагающего сведение воедино научно-культурных комплексов, экспертно-оценочных групп, финансистов и менеджеров нового типа, проектантов, конструкторов, разработчиков опытно-производственных систем самого лидирующего производства, маркетинга, сбыта продукции на международном рынке. Все, что в этом плане отсутствует в стране, должно закупаться за рубежом, от технологий и акций западных предприятий до специалистов необходимого профиля.

Девятое. Создание креатополисов, интеллектуально-творческих зон, которые с учетом опыта академических центров должны функционировать в режиме, затрудняющем возникновение застойных процессов (контрактная система, особые режимы согласования культурно-средовых и технократических факторов, особый режим в сфере образования, статус особых зон и т. д.).

Десятое. Новое качество образовательных систем, формирование конструктивных молодежных стилей и субкультур, высокая приоритетность новых методов развития творческих возможностей человека и коллектива, включение потенциала гуманистической психологии и психосоциологии на новом уровне в соответствии с лидирующими разработками в СССР и мировым опытом.

Мы считаем, что реализация этих десяти пунктов согласованно, в виде единой общегосударственной программы позволила бы в течение трех лет удвоить национальный доход страны без существенного понижения жизненного уровня населения. Мы убеждены, что реализация стратегии прорыва позволила бы остановить процесс духовной, экономической и социальной деградации страны и начать восстановительный период.

Мы готовы предъявить обществу расчеты, согласно которым вслед за первым периодом инъецирования, локального развития может начаться второй период, частично вовлекающий в точки прорыва уже десятки миллионов людей. Этот процесс потребует вполне ограниченного (до трех лет) времени для своей реализации. Мы готовы описать этот процесс с высокой степенью точности. И наконец, мы считаем, что вслед за локальным и частичным может идти уже и всеобщий процесс, поднимающий творческий и трудовой потенциал всего населения.

Таким образом, программа развития страны, которую мы предлагаем, отнюдь не является элитарной и способна к 2000 году дать новое качество деятельности, а значит, и жизни каждому конструктивно ориентированному члену нашего общества.

Мы не скрываем от общества, что такая программа основана на сверхнапряжении лидирующей группы, на ее действиях на пределе своих сил и возможностей. Но мы не навязываем этот режим всему обществу, считая это аморальным и социально неэффективным. Мы исходим из принципа локальности как новой черты экономики XXI столетия, мы учитываем ошибки и издержки коммунистической практики нашей страны и стремимся не повторять их на новом этапе развития нашего общества.

Мы понимаем, что в сложившейся ситуации общество не может спокойно ждать того, что именно случится с ним в результате деятельности лидирующей группы, что оно требует немедленных результатов, и поэтому дополнительно к ключевой программе развития страны мы готовы предъявить программу ее оздоровления или реконструкции.

Реконструкция и оздоровление промышленности страны

Мы готовы показать, что резервные возможности достаточно велики, но что их мобилизация потребует дополнительных усилий и жесткости. Основной проблемой страны, основной болезнью ее эко-

номики мы считаем колоссально изношенный машинный парк, наследие хрущевского и брежневского периодов, в совокупности с ничтожной восстановительной способностью нашего машиностроения. Так, за чертой износа находится сегодня: основных фондов — более чем на 400 миллиардов рублей, а производительность машиностроения (восстановительная способность), регенерационный потенциал экономики не превышает и 5 миллиардов рублей.

Таким образом, используя возможности нашего машиностроения, мы *80 лет* должны были бы восстанавливать наш промышленный потенциал при среднем времени обновления машинного парка развитой страны, равного десяти годам!

Нам не придется восстанавливать машинный парк только лишь потому, что при данных темпах восстановления и разрушения машин мы через три года будем иметь половину машинного парка, через пять лет — не более одной трети, а через пятнадцать — десять процентов, после чего наконец восстановительный и разрушительный процессы сравняются по своей мощности.

Мы предупреждаем рабочий класс страны, что в этих условиях, уже сегодня оборачивающихся для него травматизмом, профессиональными заболеваниями, техническими катастрофами, завтра, по причинам даже не рыночного, а чисто технологического характера, на улице окажутся десятки миллионов людей.

Мы предупреждаем сельское население страны, что если оно не хочет пахать на членах своего семейства или ковырять землю мотыгой, оно должно осознать критичность ситуации и уровень возможных последствий, а также то, что на одного работающего в развитых странах Запада техническая вооруженность фермерского хозяйства в сотни раз выше, чем в СССР, уже сегодня.

Мы предупреждаем интеллигенцию, что крах индустрии обернется для нее потерей инфраструктуры городской жизни и всеми тяготами, связанными с недопроизводством продуктов питания.

Кто же выиграет в этом случае? Только тот, кто будет контролировать ресурсы жизни. Совершенно очевидно, что к тому моменту, когда все это произойдет, ресурсы окажутся уже не в руках государства.

Учитывая сложившуюся ситуацию, мы видим выход в форсированной модернизации промышленности, прежде всего средств производства, связанных с выпуском техники, необходимой для удовлетворения нужд потребителя.

Мы считаем необходимым в срочном порядке принять чрезвычайные меры по мобилизации на эти цели всех омертвленных ресурсов (так называемых «неликвидов», сверхнормативных запасов и пр.). Мы считаем возможным создать экономический механизм, который извлечет из омертвленной части национального богатства несколько сотен миллиардов рублей (средняя оценка — 350–400 миллиардов). Мы считаем необходимым осуществление с этой целью следующих мероприятий:

Первое. Жесткая налоговая политика, наказывающая рублем любого держателя мертвых ресурсов, не вовлекаемых их держателями в процесс производства.

Второе. Специальный режим благоприятствования по отношению к тем, кто способен освободиться от «неликвидов», сверхнормативных запасов, снизить потребление всех видов сырья и энергии.

Третье. Создание специальных предприятий, которые в чрезвычайном государственном режиме проводят извлечение омертвленных ценностей и запасов с выводом их на внешний рынок.

Четвертое. Специальные административные санкции к тем, кто противодействует выполнению государственной программы.

Пятое. Централизация и жесточайшее программирование использования средств, полученных от продажи мертвой части нашего национального богатства.

Поскольку речь идет о преодолении бедствия, мы имеем право говорить именно о комплексе чрезвычайных мер, чрезвычайных законов, чрезвычайных полномочий во всем, что необходимо для решения этой задачи.

Реконструкция и оздоровление сельского хозяйства страны

Опыт показал, что условия работы на земле в большинстве случаев требуют иных прав, хозяйственных полномочий для тех, кто на этой земле трудится. Вместе с тем мы выступаем категорическими противниками продажи земли в частную собственность, поскольку этот процесс в конкретных исторических условиях неизбежно приведет к появлению латифундий. В связи с этим мы считаем необходимым:

Первое. Безвозмездную передачу земли в собственность тем, кто ее обрабатывает.

Второе. Ипотечное кредитование крестьянина, получившего землю, с выдачей закладной и контролем государственного регулирующего земельного банка за использованием земли в режиме, в

котором это происходит в странах максимально интенсивного земледелия (прежде всего в Голландии).

Третье. Специализацию сельского хозяйства в фермерском варианте через продажу и льготную выдачу банком лицензий под технологии и средства интенсивного земледелия.

Четвертое. Вплоть до начала сбрасывания цен на продукты питания установить натуральный налог через ипотечный банк с передачей городскому населению *всех продуктов питания по твердым ценам.*

Пятое. Обеспечить защиту и создание необходимых стимулирующих приоритетов по отношению к производителю, стремящемуся сохранить коллективную форму деятельности на земле (безусловно, только в случае ее высокой эффективности).

Мы считаем, что указанная совокупность мер сохранит и укрепит политический блок всего трудового населения, поскольку деревня получит необходимый уровень прав и защиту от латифундистской эксплуатации, а трудящийся город – низкие цены на продовольствие, являющиеся одним из достижений существующего строя.

Реконструкция и оздоровление методов управления

Мы отрицаем жесткую командную дисциплину во всем, что касается режимов бедствия, когда военный метод, связанный с четким выполнением команд и приказов, становится единственным возможным.

Мы считаем необходимым сделать все возможное для того, чтобы ситуации жесткого командования не стали необходимыми.

Мы убеждены, что гораздо более эффективной является четкая налоговая система с тремя основными налогами: на территорию, численность работающих и потребляемые ресурсы, а также протекционизм во всем, что связано с системой приоритетов определенной программы развития страны.

Налоги, контроль и тип кредитования регулярными государственными банками, система регулирования доходов, социальные льготы и поддержка населения – вот все необходимое, с нашей точки зрения, для того, чтобы дать импульс к развитию инициативы, сохранив общественный и государственный контроль.

Национально-государственное устройство

Мы – федералисты. Мы жестко стоим за целостность страны и считаем конфедеративное устройство, огосударствление этносов,

приоритет части над целым грубейшими нарушениями логики функционирования систем, игнорированием государственного опыта лидирующих стран мира.

Вместе с тем мы считаем, что правовой режим для территорий, входящих в состав страны, должен быть достаточно гибок и способствовать их развитию в рамках тех прав, которые предоставлены отдельным землям в ФРГ или отдельным штатам в США.

В условиях многонационального государства мы считаем необходимым введение единого гражданства страны во все документы советского гражданина и отнесения его национальной принадлежности к сфере культурного самоопределения личности.

Наша формула устройства страны: «Союз народов – федерация территорий». Мы – интернационалисты. Мы считаем нашу страну культурно-исторической коалицией, где развитие всех национальных культур является единственным путем к укреплению культурно-исторического целого, сформировавшегося на протяжении столетий. Мы за право наций определить свою государственность, но только раз и навсегда. Целостность государства не может быть вопросом, решаемым от случая к случаю. Родина – не рынок, отношения на котором можно регулировать в зависимости от конъюнктуры. Родина – это история, кровь и судьба.

17. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы сознательно ограничились тезисами в вопросе о программе развития и оздоровления нашего общества по следующим причинам.

Первое. Вопрос этот настолько серьезен, что переход к развернутой форме требует многотомного изложения.

Второе. Часть вопросов настолько амбивалентна, что мы не считаем необходимым давать развернутые трактовки, опасаясь того, что предлагаемые нами инструменты могут оказаться использованными в чуждых нам целях.

Третье. Мы живем в ситуации, когда разворот событий настолько многовариантен, что, после определения стратегии и методов решения вопросов, необходимо гибкое слежение за реальностью и адекватное реагирование, а не детальный и скрупулезный просчет.

Дело – расставит «точки над і».

Время – покажет.

ЛИТОВСКИЙ СИНДРОМ

Московская правда. 1991. 1 февраля; 20 февраля

Статья написана в соавторстве с В.С.Овчинским

От составителей

Представляя вниманию читателя статью, а точнее, развернутый аналитический доклад, «Литовский синдром», сделанный по горячим следам вильнюсских событий 1991 года, мы считаем необходимым предварить статью кратким комментарием, касающимся давно забытых реалий той эпохи. Весьма немаловажных как с исторической, так и с политической точки зрения.

Аналитический доклад «Литовский синдром» был сделан Центром Кургиняна по запросу МГК КПСС и первого секретаря МГК Юрия Прокофьева, правомерно обеспокоенного политическими последствиями вильнюсских событий.

Чем реальные отношения Кургиняна и Прокофьева отличаются от застарелого мифа, наскоро сооруженного тогдашними интересантами, прекрасно отдающими себе отчет в том, что, демонизируя эти отношения, они выполняют политический заказ? И мало обеспокоенными тем, что заказ придется выполнять нагромождая одну ложь на другую.

Прежде всего — о генезисе самого заказа. Те, кого в советской номенклатуре услужливо называли «Хозяин», любили (видимо, копируя Сталина) похвалить кого-либо, понимая, что окружение, услышав эту похвалу, воспримет ее соответствующим образом. То есть начнет оголтелую травлю предмета такой заведомо двусмысленной (или ничего не значащей) похвалы.

Генезис травли Кургиняна, начатой в 1991 году «Независимой газетой», именно таков. НГ напечатала тогда огромную, на сто процентов заказную и крайне недобросовестную подборку материалов под единым названием «Таинственный советник кремлевских вождей». Текст писали ангажированные (самое мягкое выражение) бывшие сотрудники Центра Кургиняна. Впоследствии один из них ка-

ялся за эту публикацию публично. В сущности, вся публикация состояла из документов, якобы созданных Центром Кургиняна, а на самом деле сфабрикованных этими бывшими сотрудниками.

Наиважнейшее место в том коллаже занимала фотография, на которой был запечатлен С.Е.Кургинян, обсуждающий в фойе Кремлевского дворца съездов с первым секретарем МГК КПСС Ю.А.Прокофьевым какую-то бумагу. Кургинян никогда не скрывал личных и политических симпатий к Ю.А.Прокофьеву, которого считал прогрессивным, подающим надежды коммунистическим лидером, способным возглавить КПСС. Не скрывал Кургинян и стратегического партнерства между своим Центром и МГК КПСС. В противном случае Кургинян не стал бы печатать в «Московской правде», официальном органе МГК КПСС, одну длинную статью за другой. Прокофьев и Кургинян познакомились тогда, когда Прокофьев, будучи всего лишь секретарем исполкома Моссовета, позитивно откликнулся на идею молодого театра «На досках» создать при театре творческий центр, тот самый, который впоследствии был назван ЭТЦ (Экспериментальный творческий центр).

Сама идея такого названия центра принадлежала Прокофьеву, который понимал, что центр нельзя назвать ни научным, ни культурным, поскольку он хочет заниматься и культурной, и научной деятельностью одновременно. А назвать его научно-культурным — значит вызвать глубокое отторжение всей московской бюрократии, органически не выносившей ломки ведомственных барьеров: «Есть Главк культуры, есть Главк науки — и любая организация должна относиться либо к одному, либо к другому». Потому-то центр и назвали не культурно-научным, а творческим. И экспериментальным — чтобы ведомства препон не чинили.

В процессе создания центра Кургинян и Прокофьев прониклись друг к другу взаимной симпатией, политической и человеческой, которая со временем переросла в стратегическое политическое партнерство. Прокофьев шел вверх по политической лестнице. Он стал сначала вторым, а потом и первым секретарем МГК КПСС. Центр Кургиняна, он же ЭТЦ, оказался востребован и Совмином, и ЦК, стал одним из основных центров политической экспертизы в стране. Газета «Московская правда», которая повторяем, была официальным органом МГК КПСС, возглавляемым Прокофьевым, печатала одну за другой развернутые статьи Кургиняна, в том числе и те, которые мы включаем в книгу «Актуальный архив».

Сейчас уже трудно понять, как можно было превратить факт нормального партнерства между Кургиняном и Прокофьевым в повод для истерической травли. Нельзя понять, почему крупная политическая структура, такая как МГК КПСС, не могла обратиться за экспертизой в крупный аналитический центр. И от кого, собственно говоря, она должна была получать экспертизу? От НЛО? От зарубежных аналитических центров?

Мы предлагаем вниманию читателей особо важный экспертный материал, который Кургинян и его соратники создали по результатам полевых наблюдений, то есть оказавшись в горячей точке именно в то время, когда она была не просто горячей, а накаленной добела.

Подобные материалы никогда не могут быть созданы «политическими туристами», наскоро собравшимися для того, чтобы в качестве заинтересованных индивидуалов посетить горячую точку. Каждый, кто понимает, что такое зона конфликта, режим в зоне конфликта, экспертиза в зоне конфликта, с большой иронией отнесется к утверждениям, что «политический туризм» может быть сколь-нибудь результативен.

К крупному, авторитетному экспертному центру с просьбой об экспертизе в горячей точке обратилась крупная политическая организация — московская, то есть ключевая структура правящей партии. Только это обращение позволило экспертам продуктивно работать в зоне чрезвычайного положения, получать информацию, присутствовать на месте событий и т.д.

В результате они создали материал, степень точности и объективности которого по прошествии лет очевидна. В 1991 году никто не приводил и пяти процентов информации, которая содержится в предлагаемом тексте. И никто эту информацию не осмысливал. Был реализован классический, но в ту эпоху очень трудно осуществимый подход интеллектуалов, дающих обществу — не власти, а именно обществу — объективную гражданскую независимую экспертизу. Насколько эта экспертиза и подтвердилась, и опередила свое время — судить читателю. Тем более, что многое из того, что в ней содержится, не потеряло актуальности и поныне.

ЧАСТЬ I

События в Вильнюсе²⁸ показали, что мы на пороге гражданской войны. Той самой, о которой так много говорилось в последнее время. И вот она стала реальностью. Той реальностью, с которой можно бороться только осознав ее неотвратимость. Но для этого нужны трезвость, беспощадный анализ и — вся правда о сути происходящего. А не слухи, мифы, легенды, обрывки правды, склеиваемые вперемежку с ложью и образующие пестрый коллаж.

Сегодня, как и 10 лет назад, общество «доверяет, а не проверяет». Верит, а не анализирует. И это, пожалуй, самое страшное. Наследие монополии КПСС состоит в том, что общество стремится передать в чьи-то руки право на абсолютную истину.

Раньше это право имела газета «Правда». Теперь, к примеру, программа «Взгляд». Так что изменилось? Только слова?

Цель нашей экспертизы — разрушение мифов. Наш доклад адресован рядовым гражданам нашей страны. Если они не научатся думать самостоятельно, если будут верить на слово даже самым честным, самым прогрессивно мыслящим, самым авторитетным для них источникам — нам не избежать катастрофы.

²⁸ Эксперты прибыли в Вильнюс в момент, когда вокруг парламента еще горели костры, в республике был траур по погибшим во время событий у телебашни 13 января 1991 г. По возвращении, 25 января, в МКК КПСС состоялась встреча городского партийного актива с двумя военными из Прибалтики, которые дали довольно поверхностную оценку произошедшего. Переполненный зал гудел, требовал к ответу бюро МКК и политбюро ЦК КПСС. Раздавались призывы создать комитет национального спасения и в Москве. С.Е.Кургиян и другие эксперты выступили и рассказали о своей версии событий. Кто-то из зала предложил проголосовать за то, чтобы стенограмма выступлений была опубликована в «Московской правде». Зал единогласно проголосовал «за». Так появилась первая часть «Литовского синдрома», которая сразу же была перепечатана во многих республиканских, областных газетах и в зарубежных изданиях.

Выход статьи вызвал крайне негативную реакцию в «демократической» печати. Экспертов обвинили в искусственном разжигании проблемы западных спецслужб и их роли в литовской трагедии. Ответом на это стала вторая часть статьи.

Самое удивительное, что американская сторона и не пыталась оспорить роль своих спецслужб. Так, например, бывший посол США в СССР Джек Мэтлок в интервью «Рабочей трибуне» (15.03.1991) на вопрос: «Не считаете ли вы безнравственным вмешательство США во внутренние дела Советского Союза, касающиеся Прибалтийских республик?» — ответил следующим образом: «...Мы никогда не признавали насильственного присоединения независимых Прибалтийских стран к Советскому Союзу, мы не можем считать, что отношения этих стран с Советским Союзом — вопрос только внутренней политики СССР».

Опыт последнего года показал, что жизнь намного сложнее тех черно-белых схем, которые нам рисовали. И на вопрос: «Кто хуже?» — диссиденты или партаппарат, левые или правые, центр или республики — можно ответить только одно: «Все хуже!»

«Левая, правая где сторона!

Улица, улица, ты, брат, пьяна!»

Ох, как всем нужно, чтобы улица протрезвела! Иначе...

«Ему грезилось в болезни, будто весь мир осужден в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язве, идущей из глубины Азии в Европу. Все должны были погибнуть, кроме некоторых, весьма немногих избранных. Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселяющиеся в тела людей. Но эти существа были духи, одаренные умом и волей. Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя такими умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные. Никогда не считали непоколебимее своих приговоров, своих научных выводов, своих нравственных убеждений и верований. Целые селения, целые города и народы заражались и сумасшествовали. Все были в тревоге и не понимали друг друга, всякий думал, что в нем одном и заключается истина, и мучился, глядя на других, бил себя в грудь, плакал и ломал себе руки. Не знали, кого и как судить, не могли согласиться, что считать злом, что добром. Не знали, кого обвинять, кого оправдывать. Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе. Собирались друг на друга целыми армиями, но армии, уже в походе, вдруг начинали сами терзать себя, ряды расстраивались, воины бросались друг на друга, кололись и резались, кусали и ели друг друга. В городах целый день били набат, созывали всех, но кто и для чего зовет, никто не знал того, а все были в тревоге. Оставили самые обыкновенные ремесла, потому что всякий предлагал свои мысли, свои поправки, и не могли согласиться; остановилось земледелие. Кое-где люди сбегались в кучи, соглашались вместе на что-нибудь, клялись не расставаться, но тотчас же начинали что-нибудь совершенно другое, чем сейчас же сами предполагали, начинали обвинять друг друга, дрались и резались».

Приведенный нами отрывок принадлежит перу Федора Михайловича Достоевского. Этот пророческий сон Раскольникова, увы, намного ближе к нашей реальности, нежели поражавшая умы полгода назад антиутопия Кабакова «Невозвращенец». Рядовые жи-

тели нашей страны, возьмите голову в руки. Не дайте себя обманывать! Ничего не берите на веру! Все – намного сложнее, нежели вы это представляете! И – страшнее! И – подлее! Так хотите ли вы знать правду о Вильнюсе?

Корпорация «Экспериментальный творческий центр» адресует свой доклад вам – и никому другому. Поскольку спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Итак, проведенный нами анализ позволяет высказать ряд положений.

ПЕРВОЕ. О СУЩЕСТВОВАНИИ ПРОЕКТА ВВЕДЕНИЯ ПРЯМОГО ПРЕЗИДЕНТСКОГО ПРАВЛЕНИЯ В ЛИТВЕ. Мы предполагаем, что он был (а серьезные основания для его разработки мы раскроем ниже). И если это так, то попытка скрыть наличие такого проекта не оправдана для всех, в том числе и для высшего политического руководства страны. Если этого не признать, то придется признать, что поведение военных преступно. Придется признать далее, что столь же преступно и поведение Коммунистической партии Литвы на платформе КПСС (КПЛ). Придется признать, что президент не способен контролировать действия своей армии, а Генсек – своей партии. А поскольку шила в мешке не утаишь и правда уже выходит наружу (см. «Комсомольскую правду» от 30 января²⁹), то вся эта пирамида лжи дискредитирует всех, кто в ней вольно или невольно участвует. То есть все государство. И если государственные лица почему-либо не хотят признать эту горькую правду, то мы берем это на себя. Считайте наше утверждение одной из гипотез, сделанной независимыми специалистами. Итак, мы считаем, что было намерение ввести прямое президентское правление в Литве во второй половине января 1991 года. Наиболее вероятный срок – 15 января.

ВТОРОЕ. О ТОМ, ЧТО СЦЕНАРИЙ ДЕЙСТВИЙ БЫЛ, В НАШЕМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ, ОДНОВАРИАНТЕН И ЛИШЕН ГИБКОСТИ. Что он содержал в себе ошибки как стратегические, так и оперативные, тактические. Самый главный стратегический вопрос: можно ли было ввести прямое президентское правление только в Литве, сохранив обычный режим на всей остальной территории?

²⁹ В статье в КП от 30 января 1991 г. «Прощайте, они уже на третьем этаже...» авторы доказывают, что в ночь на 13 января в Литве начался «государственный переворот, организованный "группой членов компартии" республики при содействии военных и молчаливом согласии центра». Цель переворота – «толкнуть центр на установление президентского правления».

Пытаясь осмыслить логику авторов такого сценария, встать на их точку зрения, мы с прискорбием вынуждены констатировать, что такая затея изначально обречена. Особый режим может возникнуть сегодня либо на всей территории страны, либо нигде.

От стратегии переходим на уровень оперативно-тактический. Как можно было, создавая Конгресс демократических сил Литвы как «независимую» организацию, одновременно включать в структуру Конгресса Коммунистическую партию Литвы, делать, далее, председателем Конгресса первого секретаря этой партии, заместителем председателя — первого секретаря Вильнюсского горкома и после этого пытаться сохранять за Конгрессом демократических сил Литвы статус «независимой» организации?

Далее, создавая Комитет национального спасения Литвы как дочернюю организацию Конгресса демократических сил, как можно было рассчитывать на то, что по этому следу любой скольконибудь грамотный человек не набредет на нашего «рулевого»?

Прежде всего, если уж создан комитет, да еще спасения, **то необходимо** назвать членов этого комитета. Иначе — их все равно назовут ваши противники и впишут в него кого захотят! Это же очевидно! Мы понимаем всю сложность и опасность этой ситуации в Литве и отдаем дань мужеству людей, остающихся сегодня в рядах КПЛ. И, естественно, не ставим знак равенства в мере ответственности за политические и организационные просчеты между руководством КПЛ и всей партией. Далее, в операцию оказались включенными так называемые дружинники. Это люди, шедшие на смертельный риск ради идеи. Посылая их на подобный риск, как можно было на следующий день после провала отречься от них, предать?! Отдать на расправу вместе с семьями? **Практический вопрос:** после этого, когда на штурм пойдут по гораздо более квалифицированно разработанным сценариям боевики «Саюдиса»³⁰, кто будет защищать все эти конгрессы, комитеты и партии? Отвечаем: никто!

Можно и дальше перечислять ошибки, но, экономя время и, как мы считаем, охарактеризовав ситуацию с той стороны, пора подводить итог и переходить к характеристике действий тех, кто, как мы уже сейчас увидим, был «еще хуже». Итог же в том, что

³⁰ «Саюдис» — общественно-политическое движение в Литве, выступавшее за отделение республики от СССР. В.Ландсбергис — лидер «Саюдиса», являвшийся одновременно в 1990–1992 гг. спикером республиканского парламента.

задуманная операция в духе 56-го года с оказанием братской помощи некоему комитету архаична по сути и абсолютно не отвечает духу и качеству политического процесса. А по своему выполнению свидетельствует... скажем так, об очень и очень многом... Ну а теперь о тех, кто противостоял «нашему центру».

ТРЕТЬЕ. О ТОМ, ИМЕЛИ ЛИ ПРЕЗИДЕНТ СССР И ВЫСШЕЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО СТРАНЫ ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ПРИМЕНЕНИЯ ЖЕСТКИХ МЕР. Мы считаем – имели, так как то, что готовилось в Литве боевиками «Саюдиса» с конца декабря (сразу же после наделения президента новыми полномочиями), поразительно напоминало печально известную директиву Совета национальной безопасности США №28/1 от 1948 года в части политического геноцида по отношению к коммунистам, проводимого, как там и рекомендовалось, «руками местного населения». Никакого отношения к политической борьбе в любом цивилизованном смысле планы литовских радикалов на конец 1990 года уже не имели, потому что (и надо называть вещи своими именами!) **политическую борьбу в Литве сколько-нибудь политическими способами «Саудис» и стоящие за ним силы проиграли позорно и в кратчайшие сроки, проявив все пороки наших так называемых демократических сил, т.е. некомпетентность, неспособность управлять в условиях демократии, разобщенность, интеллектуальную несостоятельность.** Изготовленность литовских радикалов к политическому террору (зафиксированная в ряде их документов, включая списки «устраняемых источников политической напряженности» – термин ЦРУ, в интеллигентной форме означающий прямое убийство политических оппонентов) – это тот «оскал демократии», с которым нам придется столкнуться в ближайшее время – отнюдь не в одной только Литве. Время Ландсбергиса скоро кончится. Время Прунскене³¹ оказалось, как видим, недолгим. Идет «ротация кадров». И идет не только в Литве. Повестка дня – «народно-освободительная армия» Раудониса, партия «Независимости», возглавляемая В.Чепайтисом, для которого не только Прун-

³¹ К.Прунскене – в 1989–1990 гг. заместитель Председателя Совета Министров Литвы, в 1990–1991 гг. премьер-министр Литвы. Выступала за независимость Литвы, но не являлась в отличие от В.Ландсбергиса радикальной литовской националистской. Подвергалась атаке как слева – со стороны просоветских сил в Литве, так и справа – со стороны литовских национал-радикалов. 8 января 1991 г. вынуждена была уйти в отставку в результате волнений, вызванных повышением цен.

сцене, но и Ландсбергис — это предатели. Наконец, откровенно террористические профашистские организации. Вот политическая Литва нынешних дней! Вот кому надо кончать с демократией, вот кому надо переходить к террору, диктатуре под руководством националистической административно-командной, большевистского образца (по структуре) и профашистской (по идеологии) партии, о чем впрямую говорил В.Чепайтис. Над Литвой действительно нависала фашистская тень. Только ли над ней? Там (и только ли там?) действительно могла возникнуть (с учетом огромных вооруженных сил с партбилетами в карманах, с одной стороны, и фашистских подразделений, — с другой) ... нет, не Советская Литва Бурокаявичюса и не независимая Литва Ландсбергиса... И не особая экономическая зона Прунсене... А просто огромная братская могила, в которую легли бы и литовцы, и русские, и коммунисты, и националисты, и пара миллионов «просто так, на всякий случай», как поется у Кима. Пара миллионов людей, стоящих совершенно вне политики; а с учетом Игналинской АЭС, террористических групп различных ориентаций, одинаково готовых на все, и модного нынче в Литве лозунга «Всю энергию АЭС — на борьбу с КПСС», могло произойти нечто такое, что затронуло бы самым капитальным образом... ну, скажем так, **только Северную Европу**. **Вопрос:** почему нельзя было напрямую обо всем этом сказать? И наводить порядок прямо, честно, от лица президента, сообщив об этом в ООН, дав внятную мотивировку и не задействуя здесь ни общественно-политическую организацию, которой все еще снится руководящая роль, ни дружинников, а только тех, кто получает за это зарплату и чей профессиональный и гражданский долг — обеспечить безопасность и прекратить недопустимый по всем международным нормам бедлам. Почему этого не было сделано, ведь этого ждали, ведь это бы поняли. Или мы таким способом оберегали авторитет президента? Но, простите, ничего худшего для авторитета Горбачева, нежели то, что случилось в Литве, быть не могло. Кто не верит — пусть взглянет на литовские баррикады, которые там простоят еще пару месяцев, как объект фото- и телесъемок на весь мир (разумеется, кроме нашего «независимого» советского телевидения, включая «Взгляд», «Пятое колесо», «600 секунд» и т.п.). Там президент фигурирует в основном как сатана, дьявол с клыками, горящий в аду грешник, Иуда. В сущности, весь смысл этого баррикадно-

го декорума и состоит, по большому счету, лишь в том, чтобы такие плакатики вывесить в максимальном количестве **на обозрение мира**. Это, что ли, поднятие авторитета? Или то, что Верховный Главнокомандующий не знает, что делают его Вооруженные Силы? Или то, что он при таком сценарии окажется вынужденным от них отмежеваться и тем самым вызовет законную ненависть этих сил и в перспективе — кровавый сброс и настоящую военную диктатуру? Или то, что его на этих баррикадах зовут... Впрочем, этот вопрос заслуживает отдельного рассмотрения.

Вывод. Основания для чрезвычайных мер в Литве были, а вот средства были применены либо вопиюще безграмотные, либо просто провокационные.

ЧЕТВЕРТОЕ И ОСНОВНОЕ. О ТОМ, ЧТО РАЗРАБОТАННЫЙ «ЦЕНТРОМ» ПЛАН ПРИМЕНЕНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ МЕР В ЛИТВЕ ОКАЗАЛСЯ В РУКАХ У ЛАНДСБЕРГИСА И ЕГО ОКРУЖЕНИЯ, ПО НАШИМ ДАННЫМ, НЕ ПОЗДНЕЕ 3 ЯНВАРЯ 1991 ГОДА. Немедленно в Литву были вызваны специалисты высшего класса из спецслужб ФРГ и США. Мы будем называть лишь два имени: Линас Коялис, работавший ранее в Совете национальной безопасности Рейгана, и Эйве, который координировал в Афганистане деятельность «зеленых беретов» (спецвойск США, специализировавшихся в том числе и на диверсиях, подрывных действиях и других сложных акциях, требующих «высокой» квалификации). Настоящий состав группы гораздо более обширен, и количество инструкторов, готовящих литовские структуры, как нам представляется, перевалило за сотню. Но «китов» вызвали на большую игру. Кстати, при этом под видом гуманитарной помощи ввозили самое современное вооружение — от стингеровских ракет до боевого оружия с повышенной летальностью, для которого титановые бронежилеты десантников — это, увы, вчерашний день. Подставляя людей под такое, пора переходить на керамические волокна, которые «держат» снайперские выстрелы и спецоружие «зеленых беретов». Итак, ЦРУ начало в Литве контригру.

Внимание! Мы имеем уже четыре этапа. Сначала — подготовка к запуску политического террора литовскими экстремистами, затем, скажем так, неадекватные ответы центра, спровоцированные этой подготовкой, затем — предательство там, где это предательство карается исключительно высшей мерой, и сдача секретных планов спецслужбам, ведущим борьбу на территории Литвы от-

нюдь не в интересах целостности СССР, и, наконец, контригра этих спецслужб, в которой Ландсбергис только политический тенор, поющий арию по чужим нотам, с чужим оркестром.

ПЯТОЕ. О КОНТРИГРЕ. 9 января был назначен митинг КПЛ о введении прямой президентской формы правления, тогда должно было, видимо, прозвучать и обращение Горбачева с призывом опомниться.

7 января было православное Рождество. На это Рождество выходных не предусмотрели, предложили брать за счет отпусков, хотя на Рождество католическое дали два выходных дня. Закладывали тем самым не только национальный, но и конфессиональный конфликт (вопрос о демократах из числа православных священнослужителей; они что, не могли встать на защиту интересов паствы?). Вообще вопрос о психологическом давлении на русское население в Литве совсем не так прост, как это излагается и «русскими патриотами», и «демократами западной ориентации». К примеру, авторов этой статьи в Литве встречали приветливо, хотя они говорили по-русски, и даже на вопрос, как найти дорогу в ЦК КПЛ, отвечали подробно и очень любезно. В ресторанах, гостиницах, торговых точках — никакого национального конфликта, никаких грубых форм оскорблений на национальной почве нет и в помине. Народ, кстати, вообще начинает задумываться, что к чему. И недалеко уже, ох как уж недалеко грозный час раскола литовского общества. Неизмеримо, отметим, более грозный, нежели вся танковая мощь СССР.

Что касается давления на некоренное население Литвы, то тут при подчеркнутой внешней корректности «новой власти» пора, как это ни прискорбно, ставить вопрос об организованной психологической войне весьма изощренными методами. Удивительно схожими с теми, которые рекомендуют специалисты по психологической войне из ЦРУ. Хотелось бы верить, что это случайное совпадение. Меняют, к примеру, таблички на двух языках (литовском и русском) на таблички на одном языке (литовском, конечно). И ни у кого это ярости не вызывает.

А вот когда на табличке с двумя языками замазывают черной краской русский текст — это совсем другое. Это прямое и преднамеренное оскорбление, осуществляемое должностными лицами с использованием денег и ресурсов, формируемых в том числе и из русскоязычных отчислений в бюджет Литвы. И такие зловещие черные пятна на табличке давят, бесят, вызывают желание отве-

тить чем-то такого же типа. Подобных «мелочей» так много, они настолько «системны», что поневоле ловишь себя на крамольной мысли о наличии «интеллектуального спонсора», организующего эти мелочи в психологическую войну. И пусть международная комиссия заодно рассмотрит и этот вопрос. И ответит — случайно ли не был дан выходной 7 января, то есть на православное Рождество? И — случайно ли за несколько дней до Рождества была резко поднята зарплата так называемым бюджетникам, то есть по преимуществу литовцам «белой кости» — интеллигентам, чиновникам и т.п.? И — случайно ли то, что лишь после того, как эту часть населения защитили, начинается ошеломительный подъем цен в 4–5 раз. И когда же? Именно 7 января, не раньше, не позже, и не много ли случайностей сразу? Рабочие заводов получают известие о том, что завтрак у них отныне стоит 3–4 рубля, обед — 4–5 рублей, а прибавок к зарплате либо не будет вообще, либо они будут когда-то, в далеком будущем. А ведь известно, что рабочий долго думает о том, взять ли ему обед за 1 руб. 20 коп. или за 1 руб. 35 коп. И раз так, то известно, чем было чревато такое повышение именно 7 января. Мы в такое совпадение случайностей поверить не можем. Мы фиксируем за этим нагромождением случайностей отлично выстроенную блестящими специалистами контригрой. Он добился своей цели, этот высококвалифицированный специалист-советолог из «Рэнд-корпорейшн» или «Лэнгли». Он вычислил все. И если ад существует, то этому парню придется там гореть до второго пришествия.

Итак, 7 января — шокотерапия, 8-го — бунт, именно бунт. К Верховному Совету Литвы пошли те заводы, которые никогда нельзя было поднять на политическую деятельность, пошел элемент, скажем прямо, почти деклассированный, который долго давили, которому плевали в лицо черными пятнами на табличках и прочими иезуитскими фокусами. И пошел он делать то, что он мог делать, то есть кричать «долой», «позор», «хлеба», а иногда и штучки похуже, особенно когда его провоцировали на это, а его провоцировали.

В толпе сновали люди, которые совали женщинам мегафоны и, скажем прямо, знали, кому совать, и оттуда неслась непристойная брань. И это все снималось телестудиями всего мира (как они там оказались и зачем?)... И здесь возникает принципиальный вопрос, который будет очень сильно определять нашу политическую жизнь на протяжении ближайшего полугодия, а именно: «Не одни ли и

те же структуры дают приказы и левым, и правым? 8 января 1991 года милиции у входа в Верховный Совет Литвы почему-то не было. А обычно – была. Толпа вошла во двор. Путь ей не преградили. «Там» – били стекла, срывали двери, врывались в здание. Спровоцированные на это, доведенные до отчаяния люди. Кому это было нужно? И зачем? Затем, чтобы потом, сбросив цены, снять неугодного? Прунскене (или Рыжкова?), Собчака (или Попова?). А нужно будет – и Горбачева, и Ельцина! Любого, кто не угоден. И не уместно ли будет здесь вспомнить о стратегии напряженности, разыгравшейся в Италии, которая в 70-е годы слишком уж быстро начала «розоветь» (как и Литва в результате бездарной деятельности Ландсбергиса)? Тогда была включена ЦРУ так называемая стратегия напряженности, были внедрены свои люди в радикальную часть красного движения. Созданы террористические организации – «красные бригады», и их стали использовать для провокаций, с тем чтобы сбить рейтинг левых социалистических сил, консолидировать правых, свергнуть центристов. (А если сильно будут сопротивляться, то и убить. Вспомним пример Альдо Моро!) Но вернемся к Литве: стекла били, двери снимали, кипятком поливали рабочих, цены меняли, Прунскене скидывали... Это все шелуха, а главное, на всю страну и весь мир объявили, цитируем: «Пьяные на свое православное Рождество, русские предприняли попытку сбросить законное правительство литовского народа».

Так, значит, готовили заранее дату и «отжимали» из нее все, что могли. И кто же подлее: задавленная, годами живущая в бараке женщина, с ее непристойной бранью, или рафинированный интеллект, все это вот так просчитавший?

Тогда же, 8 января, начался «телемарафон Ландсбергиса». Он кричал, вещал, проклинал, взывал, как талантливый актер, по заранее заготовленному сценарию. Он выступал неоднократно. М.С.Горбачев на Верховном Совете СССР говорил правду. В эфире тогда действительно творилось нечто чрезвычайное. Была надавлена до предела главная педаль – национальная. Был детально описан весь ужас советской оккупации, народ призвали к героическому самопожертвованию: «Тот не литовец, кто не прольет кровь». На место идей демократии, рационального экономического механизма, вхождения в мировую цивилизацию вдруг оказались вброшены идеи, близкие по духу к классическому национал-

социализму: «Одна земля, одна кровь, один фюрер!» За этим — пошли. Впрочем, не будем преувеличивать стихийный характер такого принятия. Движение из Каунаса в Вильнюс было стимулировано как денежно, так и наркотиками и алкогольными напитками. Принадлежа к каунасскому клану, Ландсбергис искал опоры на своей, так сказать, территории, призывая своих людей.

Включено было все — от республиканской «теневой» экономики до насилия и прямого обмана. По свидетельству очевидцев, литовских детей свозили к месту будущей катастрофы — из детских домов Варене, Тракая и Укмерга. Не желая, естественно, называться (и имея на это право, в отличие от членов Комитета национального спасения Литвы), рядовой литовец рассказал нам о том, что его дочь пошла на концерт, после которого ее и других молодых ребят стали зазывать на дискотеку, предлагая автобусы и суля призы. Дискотека, естественно, обещалась бесплатная. Их привезли в район будущего кровопролития (которое уже планировалось!), вбросили в толпу.

Склонимся перед человеческим горем. Перед невинными жертвами всех этих политических игр! И спросим себя, хотим ли мы, чтобы по всей стране наших парней и девушек под аккомпанемент красивых слов и призывов на дискотеки втягивали в автобусы, вдавливали в толпу и бросали под пули?

ШЕСТОЕ. О ТОМ, ГДЕ БЫЛО РУКОВОДСТВО КПЛ. Вместе с народом, пусть обманутым и спровоцированным, или метаясь между Москвой и Вильнюсом в спецсамолетах, или торча у ВЧ и ожидая высокой команды?

По нашим данным, 8 января руководства КПЛ с народом не было. Организовать стихийный бунт и превратить его в политическую акцию не хотели или, скорее, не могли. Почему? Да по той причине, что митинг КПЛ был **запланирован на 9.01**. Эти аппаратные рефлексы и составили ту входную информацию, которой прекрасно воспользовалось ЦРУ. И именно 9-го в 16 часов, в соответствии с уже устаревшим (!) на этот момент планом, люди вышли на площадь. И лозунги были написаны заранее, в них — никакой экономики, никакой реакции на цены. Лишь то, что было заложено изначально, по той самой схеме, с которой мы начали наш анализ, — прямая президентская форма правления. Но ведь она уже никого не могла волновать. Митинг был запланирован КПЛ на 16 часов, но в 15 часов рядом, на той же площади, начал свой митинг Ландсбергис. И когда стали го-

ворить заготовленные ораторы от КПЛ, их не было слышно, потому что группа скандирования, выставленная Ландсбергисом, заглушала их речи, а с крыши били в железные щиты люди, подставленные на крышу тем же Ландсбергисом.

СЕДЬМОЕ. О ТОМ, ЧТО СВОЙ ПЛАН ДЕЙСТВИЙ ПОДГОТОВКИ К ПРЕЗИДЕНТСКОМУ ПРАВЛЕНИЮ ИМЕЛИ, КАК МЫ СЧИТАЕМ, И АРМЕЙСКИЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ. 11 января 1991 года они во исполнение Указа президента СССР об охране союзной собственности взяли под охрану здания партийного издательства и ЦК ДОСААФ, в котором разместился Департамент охраны края³². По логике того же 11 января, под охрану должно было быть взято и телевидение. Но захват произведен не был, так как республиканские органы госбезопасности получили информацию, точнее дезинформацию, о том, что якобы «там» находится большой отряд вооруженных «доковцев» (на самом деле объект в тот день практически не охранялся). Это позволило Ландсбергису совершить маневр и действительно перебросить боевиков.

ВОСЬМОЕ. О ТОМ, КАК 11 ЯНВАРЯ КОНГРЕСС ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ СИЛ, КОТОРЫМ РУКОВОДИТ ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ КПЛ БУРОКЯВИЧЮС, НАПРАВИЛ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ РЕСПУБЛИКИ УЛЬТИМАТУМ ТРУДОВЫХ КОЛЛЕКТИВОВ И ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ СИЛ.

После истечения срока ультиматума, в котором содержалось требование ответить на обращение президента СССР согласием и немедленно ввести на территории республики действие Конституций Литовской ССР и СССР, было объявлено об образовании Комитета национального спасения Литвы (КНС), то есть создана параллельная структура власти.

Повторяем: с момента образования КНС его состав не обнародовался, это создавало ореол подпольной организации, неконституционной по своей природе. Повторяем: с самого начала было очевидно, что за КНС стоит КПЛ. Тем самым в любом случае конфронтация развивалась не по схеме «Верховный Совет – против народа», а по схеме «Верховный Совет – против коммунистов».

ДЕВЯТОЕ. О ТОМ, КАК В НОЧЬ НА 13 ЯНВАРЯ В ЗДАНИИ ВИЛЬНЮССКОГО ГОРКОМА КПЛ БЫЛИ ПРОВЕДЕНЫ В

³² Департамент охраны края (ДОК) – учрежденная властями Литвы во главе с В. Ландсбергисом спецслужба, призванная «охранять независимость» Литвы. Из ДОК выросла литовская армия.

НЕРВОЗНОЙ ОБСТАНОВКЕ ОРГМЕРОПРИЯТИЯ ПО ПОДГОТОВКЕ И ВВЕДЕНИЮ ПРЕЗИДЕНТСКОГО ПРАВЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ. По полученным нами данным, спешным порядком готовились рабочие дружины, была отключена связь. Когда в здании горкома собралось несколько десятков рабочих, им вручили заранее подготовленную петицию Комитета национального спасения. В ней содержались требования отставки Верховного Совета республики.

На подступах к Верховному Совету на рабочих с петицией действительно набросились боевики «Саюдиса» и «доковцы» и стали избивать.

ДЕСЯТОЕ. О ТОМ, ЧТО ТЕ ЖЕ ИЗБИТЫЕ РАБОЧИЕ ПО УКАЗАНИЮ РУКОВОДСТВА КНС БЫЛИ НАПРАВЛЕННЫ К ТЕЛЕВИДЕНИЮ И ОДНОВРЕМЕННО КНС ОБРАТИЛСЯ С ПРОСЬБОЙ ОБ ОКАЗАНИИ ПОМОЩИ К НАЧАЛЬНИКУ ВИЛЬНЮССКОГО ГАРНИЗОНА.

По имеющимся данным, подразделения гарнизона и сотрудники госбезопасности республики в захвате телевидения не участвовали. Поздно вечером им был дан отбой. В операции участвовала воздушно-десантная дивизия, находящаяся в подчинении КГБ СССР. Видеосъемка захвата со стороны армейских подразделений не велась, поэтому невозможно восстановить подлинную картину. Есть данные о том, что огонь вели боевики Ландсбергиса, причем не только по десантникам, но и по гражданскому населению, часть которого (как мы уже говорили) привезли либо обманным, либо насильственным путем. Очевидно, что возможность кровопролития была заранее смоделирована со стороны советников Ландсбергиса, так как уже в момент захвата телевидения с автономных радиостанций в эфир пошли заранее заготовленные пленки на различных языках о том, что «в Вильнюсе пролилась кровь и осуществлен военный переворот». Но придать подобным данным статус безусловной истины может только следствие, которое власти Литвы, непонятно, допустят ли, а если и допустят, то это произойдет уже после захоронения жертв трагедии. Так чего же боялись, почему изначально не допустили «чужих»? Если бы все было так, как они стремятся представить, — убеждены, созвали бы специалистов со всех концов страны вовремя, до похорон. Ведь они подтвердили бы «злодеяния войск».

ОДИННАЦАТОЕ. О ТОМ, ЧТО 11 ЯНВАРЯ СБЕЖАЛИ ИНФОРМИРОВАННЫЕ РАБОТНИКИ, КОТОРЫЕ, ВИДИМО, И ОСУЩЕСТВЛЯЛИ ПЕРЕДАЧУ ДОКУМЕНТОВ ЛАНДСБЕРГИСУ.

Центру тем самым дали понять, что план имевшейся операции известен Ландсбергису. Центр, как мы считаем,отреагировал на это, включив «стоп-кран». Вот почему так «странно» действовали войска. Осталось только объяснить, почему они все же действовали. Имелась (думаем, что провокационная!) информация о том, что телевидение готовится призвать к оружию литовский народ. Внушалось, что с этого «объекта» должен раздаться призыв к ночи «длинных ножей», к избиению политического противника. Ошибочно, думается, было придавать такое значение подобным внушениям. Вряд ли Ландсбергис пошел бы на это, и уж абсолютно, как мы думаем, исключено, что ему дали бы на это санкции его консультанты из ЦРУ. Начнись такое – и он потерял бы все, что «наработал» начиная с 7 января.

ДВЕНАДЦАТОЕ. О ТОМ, ЧТО В РЕЗУЛЬТАТЕ ПОЯВИЛИСЬ (ВМЕСТО ВОЙСК ОКРУГА) УЖЕ ДЕСАНТНЫЕ ВОЙСКА КГБ.

Десантникам, срочно брошенным с узколинейной задачей (взять «опасное» телевидение), без рекогносцировки и отработки, был отдан приказ – стрелять только «внутри объекта». Десантники выполнили приказ. Да, после того как был убит их командир, они мало походили на элегантных «бобби». Но думаем, что рано или поздно придется признать, что они тем не менее вели себя в этой чудовищной ситуации более чем достойно. Намного интеллигентнее (если вообще применимо такое слово), нежели, к примеру, «зеленые береты» в ничуть не менее суверенной Панаме. Есть данные о том, что стрельба шла со слишком большой высоты, судя по типу ранений. Есть данные, что стреляли из точек, где вообще никаких десантников не было. А что если эти данные подтвердятся³³? Что скажут тогда наши демократы, так поспешно все осудившие, так опрометчиво быстро поставившие точки над *i*? «Политика» – столь же грязна, как грязны сегодня тротуары Тверской. И этой «даме» можно адресовать слова, сказанные Пьером Безуховым его жене Элен: «Где вы – там разврат, зло!» Эйве, тренировавший «зеленые береты», – профессионал, а не голубь мира. Он «сделает» столько трупов, сколько надо. И там, где надо. Мы его, работающего на другое государство, его, равнодушного и к Ландсбергису, и к Горбачеву, и к русским, и к литовцам, которые для

³³ Отметим, что в 2000 г. бывший руководитель ДОК А.Буткявичус в интервью НГ признал, что 13 января 1991 г. стрельба по жителям Вильнюса велась не только со стороны площади, но и из телебашни, в которой находились его люди.

него и его коллег одинаково туземцы, дикари, варвары, не собираемся упрекать. В отличие от наших демократов, вроде бы представляющих наше общее государство.

И — именно в связи с этим — о «прозвищах», которыми награждают нашего президента, законного главу нашего вроде бы общего государства. Нет, речь не «о чести и достоинстве». И не об указах. Речь — о гораздо более серьезных вещах. М.С.Горбачева связывают в этих прозвищах с президентом Ирака. Это не мелочь. Это определенная, очень подлая геополитика. Если Литва — Кувейт, СССР — Ирак, Горбачев — Хусейн, то кто «коалиционные силы»? Тут можно и на уступки (территориальные прежде всего) восточноевропейским соседям пойти, и внушать всем, что в СССР — армия не армия, партия не партия, а все — сплошное беззаконие и терроризм, а Горбачев не контролирует ситуацию. Зачем? Чтобы разыграть Смутное время!

Напомним: это кончилось Мининым и Пожарским. И Царством Польским в составе Российской империи. Вопрос к подлинно демократическим силам в литовском обществе, вопрос к подлинным сторонникам независимого и дружественного России литовского государства: «Вы не ощущаете в этом «хусейновском шабаше» угрозы суверенитету Литвы, ничуть не меньшей, нежели в трагическом инциденте? Подумайте!»

И, наконец, основной вопрос к нашему обществу, тот вопрос, ради которого и написана эта статья:

Неужели господин Эйве прав и мы с вами — туземцы?

ЧАСТЬ II

*Только по опубликованным материалам,
имеющим свой официальный источник*

Вместо предисловия

В статье «Наши начинают и проигрывают ЦРУ», опубликованной в «Московских новостях» (№7 от 17.02.91 г.), мы были подвергнуты критике. Отвечать нет сил и времени. И не отвечать тоже нельзя, поскольку произведенный структурный анализ статьи Т.Ях-лаковой, где «разбирается» наша публикация «Литовский синдром» («Московская правда» от 1.02.91 г.), позволяет нам утверждать, что

мы имеем дело с типичным образцом средней псевдодемократической публицистики. А раз так, то есть предмет для анализа. Причем такого, который обществу нужен не меньше, а то и больше, чем правда о Литве. Вот мы и совмещаем две эти темы. Основные особенности обсуждаемого жанра, образцом которого является ответ на нашу статью, состоят, по нашему мнению, в следующем.

Первое. Полное отсутствие критики по существу. То есть нет разбора содержания нашей статьи и обсуждения затронутых в ней версий, гипотез и фактов. Это мы классифицируем термином – «антидискуссионность», под которым понимаем категорическое нежелание соблюдать главное правило дискуссии – анализ позиции оппонента, внедрение в логику его изложения. После чего только и должен следовать «разгром» заблуждающегося соперника.

Второе. «Анонимность». Наши фамилии достаточно известны. Мы публикуемся не первый раз, а один из нас – В.Овчинский – даже является не только автором, но и официальным экспертом «Московских новостей», о чем свидетельствует выданное ему удостоверение с печатью и подписью. Таким образом, речь идет об анонимности демонстрационной, являющейся, по всем мировым стандартам, символом... ну, мягко скажем, «антиаристократического», «антиэлитарного» направления в публицистике.

Третье. «Ассоциативная спайка или искусственный контекст». Мы предлагаем на выбор любой из этих терминов. Не будем настаивать на первом, поскольку он по международным нормам классифицируется как психологическая война. Если не автору публикации, то по крайней мере главному редактору газеты известно, что это противоречит канонам международного понимания термина «демократическая печать». Остановимся поэтому на понятии «искусственный контекст». Что это означает? Собираются в «одну кучу» все говорящие о ЦРУ. Депутат Блохин, «Гардиан», Полозков, Алкснис, Язов и авторы «Литовского синдрома». На основании этого делается вывод о том, что все они равны друг другу. Ибо все пишут об одном и том же! О ЦРУ! При этом сознательно не говорится о том, кто из указанных лиц «что именно говорит». Не что – а кто! А поскольку никому из «консерваторов и ретроградов» не запретишь разворачивать эту тему, то любой из авторов, желающих анализировать деятельность ЦРУ всерьез, уже тем самым лишается на это права. Возникает вопрос – не есть ли это вывод ЦРУ из зоны критики? И еще. Всем известно, что лидер

«Памяти» Д.Васильев постоянно выступает с критикой КПСС. С такой же критикой выступает и главный редактор «Московских новостей», и ряд крайне уважаемых авторов его газеты, в том числе, например, Е.Боннэр. Позволяет ли это утверждать тождественность Е.Боннэр Д.Васильеву? Мы заранее извиняемся перед Еленой Георгиевной, но считаем, что необходимо продемонстрировать всю абсурдность метода искусственного контекста и всех производных, которые неизбежно возникают, коль скоро этот метод начинает применяться последовательно. Обращаем внимание редактора «Московских новостей» на то, что тенденция к использованию подобного «пути к истине» в его газете нарастает. Мы — профессионалы и можем, разумеется, по заказу (как все работы, проводимые нами как экспертами корпорации) дать ему аналитический материал, показывающий темп этого нарастания и его масштабы. Можем даже выработать рекомендации (договорная цена — 25–50 тыс. рублей). Кстати, напоминаем, что главными любителями такого метода «спаек» были Сталин и Гитлер. Скажем, Сталин указывал на сходные «места» у Троцкого и Каутского и утверждал на основании этого, что Троцкий тождествен Каутскому. Примеров можно привести много. Егора Владимировича с удовольствием приглашаем на спектакль «Стенограмма» театра «На досках», где психотехнологии подобного рода разбираются всерьез. И где мы ставим вопрос о том, что есть психологический террор как предвестник физического.

Четвертое. Прямое доносительство — с обвинением в том, что мы разыгрываем антипартийную карту. Одновременно с антизападнической! Ну до чего же надо дойти, чтобы приравнять ЦРУ к Западу! Ведь половина западной (и американской) публицистики заполнена проклятиями по отношению к ЦРУ. И ничего, терпят. Только в СССР на этом почему-то лежит табу. Следует ли считать позицией «Московских новостей»: «Кто не с ЦРУ — тот против нас!»? Насчет антипартийности тоже забавно. Мы — члены КПСС и именно поэтому ошибки и просчеты нашей партии критикуем особенно жестко. Но из партии не выходим.

Что касается намека на «сумму» антизападнического и антипартийного, то предупреждаем, что время информационной блокады кончено. И что историю 70-х годов мы готовы рассматривать основательно — без черных дыр и белых пятен, поднимая множество тем и фигур, действующих в то время. Просто считаем, что есть более важные темы.

Пятое. Демонизация противника. Возникает якобы естественный, якобы органичный вопрос: откуда у экспертов имеется такая специфическая информация? На самом деле любой журналист знает, что такой вопрос является грубейшим нарушением профессиональной этики. Но раз уже доказано, что некие безымянные «эксперты» работают в струе Язова—Алкниса, то здесь все позволено. Это страшное заблуждение! Если Егор Владимирович Яковлев не верит в этом автору спектакля «Я!» по повести «Записки из подполья» Федора Михайловича Достоевского, то пусть спросит своего автора, эксперта и, безусловно, авторитетного для него человека — Юрия Карякина, к чему привело это самое «все позволено». Кем бы ни были эксперты, хоть агентами сатаны, но работать с ними следует, хотя бы по форме, как с любимыми дружественными тебе демократами — не ради экспертов, а ради себя. Чтобы себя не марать! Ибо кто ты — задающий такие вопросы? Ну, а если по существу, то откуда информация, например, у той же Елены Боннэр? Пусть предоставит, к примеру, главному редактору «Литературной России» свои источники. Смешно, не правда ли? К тому же и «левая демократическая печать» имеет свои источники повсюду: и в армии, и в КГБ, и в партийной элите. Так пусть расскажет, откуда у нее секретные документы партии? Специальная армейская и политическая информация? Откуда секретные данные у группы «Щит»? И если такая информация есть у них, то не означает ли это, что они все — агенты? КГБ? КПСС? Армии? И не слишком ли далеко мы с вами зайдем в подобных гипотезах? И, наконец, выводя из-под критики любимое ЦРУ и демонизируя КГБ, к чему мы приходим? Пусть сам читатель делает выводы. Хотелось бы верить в наиболее благоприятный для газеты «Московские новости» и ее журналиста вариант, а именно, что все это есть не более чем кризис жанра.

Кризис жанра:

— поскольку все настолько перегрызлись, настолько потеряли себя, оголтело оскорбляя противника, что даже любители «Московских новостей» и то в ответ на извергаемую с ее страниц площадную брань раздраженно морщатся;

— поскольку восклицания никого уже не устраивают сегодня, все ищут анализа, профессионализма (и мало думают об источниках);

— поскольку срыв перестроечного процесса налицо, идея демократии дискредитирована, и дискредитирована беспомощностью, несерьезностью, амбициозностью самих демократов;

— поскольку в 260 км от нашей границы идет большая война³⁴, а деятельность по дестабилизации нашей страны извне, причем с самых разных сторон (не только пресловутое ЦРУ), — это уже совершенно очевидная вещь, чтобы можно было не пожимать плечами по этому поводу;

— поскольку все большее число людей начинает задумываться о том, не пора ли вывести из сферы непристойных, постыдных, «демонических» слов термин «безопасность нашего государства». И обсуждать вопрос безопасности всерьез, на новом уровне, не возвращаясь при этом к идеям «холодной войны».

Вот в чем задача, которую мы решаем. Не возвращаться назад, отчаявшись в том типе движения вперед, который предлагают «Московские новости», «Огонек». Это уже перестроечное ретро, не более.

Ведь, взяв в руки тот же «Огонек», априорно знаешь, что там будет написано. Так зачем открывать? А значит... Значит, надо произвести, как говаривал один немецкий философ, «переоценку ценностей». Их инвентаризацию, сказали бы мы. Понять, где мы находимся, куда идем, как не допустить диктатуру, как не сорвать процесс жизненно важных реформ! И какими они должны быть — эти реформы?

Все это мы и обсуждаем в наших статьях. Для этого пишем. Поэтому нам верят. И дают необходимую информацию. Но не это главное. Главное в том, что если есть профессионализм, стремление и умение анализировать, то никакой специнформации и не нужно. Достаточно той, которая есть в открытой печати. Если располагать ею во всей полноте и иметь инструменты анализа. Ну хотя бы задействовать имеющиеся в тех же «Московских новостях» персональные компьютеры. А вот насчет их программного обеспечения — это, простите, наша деловая тайна. И лучше бы «Московским новостям» обратиться в этом плане за помощью, если не хотят потерять тиражи. А мы поможем, поскольку никакой ностальгии по предшествующему периоду не испытываем, демократию любим и готовы бороться за нее до конца. Только без тех перечисленных нами «пунктов», которые, если называть их своими именами, и есть те же тоталитарные замашки, но уже «левой» прессы. Выворачивать наизнанку застой, а то

³⁴ Имеется в виду военная операция «Буря в пустыне», проведенная НАТО в 1991 г. против Ирака, оккупировавшего Кувейт.

и нечто более страшное... Вот тут нам с «левыми» не по пути. А кое в чем — мы едины. Но надо не воевать, а объединяться. На поле необходимости, сохраняя волю к реформам, менять курс. На поле необходимости идти от эмоциональной публицистики к профессионализму и жесткости. На поле необходимости признать кризисом жанра погоню за легкой демопопулярностью. Признать и срочно изменить жанр.

Пройдем еще раз по основным позициям «Литовского синдрома», делая остановку на наиболее «скользких» местах. И факты, только факты, свидетельства.

1. Тайна повышения цен

Мы выдвинули предположение, что этот акт следует рассматривать как приводной ремень дестабилизации со стороны Ландсбергиса и его окружения. Неожиданностью для нас стало недавнее признание Казимиры Прунскене, которая после отставки в одном из своих интервью заявила: *«...руководство парламента знало о повышении цен. И сроки, и уровень как закупочных, так и розничных цен. Как и то, что есть договоренность об этом с Латвией и Эстонией. Планировали сделать это 5 января, но по просьбе представителей торговли отложили до 7-го, так как им переоценку удобней провести в выходные дни.*

Так что не может быть и речи о том, что руководство парламента об этом не знало. Вечером, накануне обсуждения на Верховном Совете уже произведенного повышения цен, В.Ландсбергис участвовал во встрече руководителей правых партий, и было видно, что он определился. Было принято решение на завтрашнем заседании поднять два вопроса: приостановить повышение цен и высказать недоверие правительству...

Хочу обратить внимание на один кажущийся парадоксальным момент. Для свержения правительства супернационалистически настроенные радикалы использовали толпу, организованную КПСС, «Единством» и другими организациями (смею утверждать, что «Единством». — Авт.), явно выступающими против независимости Литвы. Но это логично, так как и для тех, и для других первичная цель — власть, а лозунги — средство...

Нет сомнения в том, что заранее готовился удобный предлог для свержения правительства. Не настроение людей привело к нашей от-

ставке, а преднамеренные действия определенных деятелей. Логично, так как крайности часто сливаются...» («Господин народ». 1990. №1. С.7).

2. О судьбе самой К.Прунскене

Казимира Прунскене, которую литовцы называют «наша железная леди», «наша Маргарет Тэтчер», не может не вызывать симпатии как женщина и уважения как политик «новой волны». Но еще в начале апреля прошлого года стало ясно, что Прунскене обречена на поражение в политических играх и ее заслуги перед «Саюдисом» будут ей же поставлены в вину. Судьба «железной леди Литвы» была решена в газете «Республика», где 5 апреля 1990 года была опубликована карточка агента КГБ Литовской ССР Казимеры Прунскене под псевдонимом «Шатрия». Там же было опубликовано анонимное письмо следующего содержания:

«...Не секрет, что КГБ разваливает "Саюдис" и другие неформальные движения изнутри, внедряя своих агентов. При зарождении "Саюдиса" в него была послана Казимира Прунскене. На КГБ она работает уже с 1980 г. Ее подпольная кличка – "Шатрия" (псевдоним). В целях конспирации ей предоставлены самые большие полномочия, такие, как возможность на всех уровнях гласно ставить вопрос о независимости Литвы и сепаратизме ЛКП. Пока она в основном только "информирует". Главную свою работу начнет, когда будет заменено правительство, его состав. О других информаторах – позднее. Наши сведения 100-процентные, как и об архивах. Эта информация попасть обратно в КГБ не может, как вы понимаете, по известным причинам». Подпись: «Сотрудник КГБ».

В той же публикации было интервью с самой К.Прунскене. Приведем некоторые выдержки:

Корр. ...Сотрудники КГБ четко пользуются старыми методами. Так как же на самом деле: приходилось или нет с ними сталкиваться?

К.П. Моя совесть чиста. В каждом учреждении были свои кураторы, которые постоянно интересовались происходящим. Но я, общаясь с ними, никогда не опускалась до их уровня, не жаловалась на своих сотрудников, другими словами говоря, не продавала им своей совести за деньги. Никакой оплаты не было. Мое знакомство с ними связано только с поездками за границу.

Корр. А сейчас снова вернемся к обвинениям в ваш адрес: «агент КГБ», «Шатрия». Не бойтесь читателей «Республики»?

К.П. Как меня КГБ называет и кем считает – это его дело. Фантазии нет предела, могли и «Зорге» и «Трианоном» назвать...

Согласитесь, данное интервью – весьма сомнительная реклама для премьер-министра «независимой» Литвы. Поэтому у нас есть все основания считать, что Ландсбергис и его окружение искали случай, моделировали ситуацию, при которой можно быстро избавиться от К.Прунскене.

3. Стратегия внешнего давления

В ноябре 1988 г. «Лига свободы Литвы» (националистическая организация, до августа 1987 г. действовавшая в подполье) выпустила для своих активистов брошюру «По вопросу свободы Литвы. Надежда и перспективы», где довольно подробно описаны основные этапы оказания внешнего давления на СССР с целью отделить Литву с начала перестройки. Поскольку эти события неизвестны широкому читателю, позволим себе остановиться на них более детально.

«Основным препятствием полного создания федерации народов Европы, – говорится в брошюре, – является СССР, который оккупирует Восточную Европу и Прибалтику. Оккупационные гарнизоны СССР не позволяют Европе объединиться, поэтому основная цель внешней политики Западной Европы – мирными средствами освободить Восточную Европу, государства Прибалтики от советской оккупации, ликвидировать раздробленность Германии. С этой целью государства Западной Европы приняли весьма важные решения, касающиеся освобождения народов Прибалтики».

В 1985 г. Международный трибунал юристов в Гааге обсуждал вопрос о народах Прибалтики. Решение суда таково:

– осуждена оккупация Литвы, Латвии, Эстонии в 1940 г. и 1944–1945 гг.;

– дальнейшее пребывание оккупационных войск СССР есть затянувшееся нарушение норм международного права;

– согласно принципам международного права, действующим в демократических странах, СССР обязан, безусловно, уйти из Прибалтики. Имущество, принадлежащее Советам, оставляется в странах Прибалтики как компенсация за многолетнюю моральную и материальную обиду. Если бы Москва со своими ставлен-

никами подготовила бы референдум в Литве, Латвии, Эстонии — оставаться им в составе СССР или нет, — такой референдум был бы незаконным и бессмысленным актом;

— СССР обязан выселить из государств Прибалтики всех колонистов, переведенных с июня 1940 г. (из Литвы, по решению Гаагского трибунала, должно быть выселено около 400 тыс. русских колонистов). В 1987 г. в Европейском парламенте образовалась Прибалтийская Интергруппа во главе с генеральным секретарем Альгисом Климайтисом. Прибалтийская Интергруппа информирует Европарламент о положении в странах Прибалтики, помогает решать вопрос этих стран. В 1987 г. Европейский Совет дает рекомендации министерствам иностранных дел западноевропейских государств и, таким образом, координирует общую внешнюю политику стран Западной Европы.

Европейский Совет принял постановления, на которых основываются государства Западной Европы в своих отношениях с СССР:

- не признавать аннексию Прибалтийских государств;
- требовать, чтобы СССР прекратил оккупацию Прибалтики;
- требовать, чтобы СССР прекратил в Латвии, Литве и Эстонии национальный и религиозный геноцид, освободил политических заключенных.

«За» голосовали 120 представителей различных политических партий Европы, воздержались все представители коммунистов, против — 0. Напоминаем, что решения Евросовета утверждаются лишь в том случае, если нет голосов против. В нашем случае «против» не было. Таким образом, с 1987 г. государства Западной Европы твердо поддерживают «борьбу оккупированных народов Прибалтики за свободу и независимость».

Кроме того, с 1987 г. в сессиях Европарламента на правах совещательного голоса участвуют представители четырех литовских политических партий. Главный комитет освобождения Литвы (ВЛИК) из США переселился в Европу. Заметна активизация политической деятельности литовской эмиграции, выискиваются новые пути борьбы и поддержки литовского движения сопротивления. Усилиями политиков литовской эмиграции и других прибалтов правительство ФРГ собиралось в 1989 г. аннулировать и публично осудить пакт Риббентропа—Молотова. Того же будут ожидать и от Советского Союза (как мы теперь знаем, ожидания были оправданы. — *Авт.*)

Осенью 1987 г. конгресс США единогласно утвердил закон, который требует, чтобы любое правительство США всеми возможными мерами боролось за прекращение советской оккупации народов Прибалтики. В конгрессе США действует комиссия, в которой постоянно обсуждается положение в оккупированной Прибалтике и конкретная помощь борьбе этих народов. В июле 1988 г. республиканец Дж. Буш, будучи еще кандидатом в президенты, посетил посольство независимой Литовской Республики в Вашингтоне и подтвердил, что, «когда он станет президентом, США сделают все, чтобы Литва и другие государства Прибалтики были освобождены».

Как можно было убедиться, подготовка к внешнему давлению на Литву была проведена довольно основательно. А с 11 марта прошлого года, и в этом надо согласиться с М. Бурокаявичюсом, «Литва была превращена в полигон, на котором с помощью иностранных советников и зарубежных организаций отработывались и отработываются методики разрушения СССР». О том, что и как творилось на этом полигоне, наш следующий сюжет.

4. «Коктейль» от «зеленого берета»

Первая публикация в литовской прессе об Андрюсе Эйва (он же Эйве, он же Эйвайтис, он же Эйтавичюс Эндрюс) появилась под названием «Человек, которого не любит ЦРУ», в газете ЦК комсомола Литвы «Летувос Ритас» 7 марта 1990 г. (т.е. за несколько дней до известного «ночного» отделения Литвы³⁵). В ней рассказывалось о «госте» Литвы, бывшем капитане «зеленых беретов» А. Эйва, который воевал в Афганистане на стороне «партизан». В статье рассказывалось о том, что А. Эйва родился 26 октября 1948 г. в Бонне, в лагере беженцев. Он рос среди рассказов о движении литовского сопротивления... Его дед, генерал Казимерас Ладыга, в конце Первой мировой войны сражался против большевиков, в 1925–1926 гг. командовал главным штабом армии независимой Литвы. Еще в юности Эйва узнал, что у «зеленых беретов» есть спецчасти, в одной из них даже знают литовский язык. Чтобы попасть туда, поступил в американскую военную академию в Вест-Пойнте. Закончил курс в 1972 г. и на протяжении последних вось-

³⁵ Имеется в виду принятие 11 марта 1990 г. Верховным Советом Литвы акта об объявлении государственной независимости.

ми лет служил в разных частях, специально выбирая те, где лучше подготавливали бы к партизанской войне. Ознакомился с различными видами оружия, подходящими для партизанской войны. Командовал небольшой группой из 12 солдат, которая специализировалась на советском вооружении и тактике.

В конце 1979 г. началась война в Афганистане. Тогда он ушел из армии и отправился в Афганистан, чтобы «помочь партизанам освоить оружие противовоздушной обороны».

«...Он пишет в сенат резолюцию, которую представит сенатору Паулю Э.Тсонгасу, демократу от Массачусетса, и в которой призывает оказать эффективную помощь афганским повстанцам, призывает группы лобби финансировать его операцию. Резолюцию поддержали 99 сенаторов... Эта резолюция была "величайшим в Вашингтоне достижением по делу афганских партизан"». (Из статьи Лесли Х. Гелба «Из одной армии в другую», опубликованной в «Нью-Йорк таймс» 25 мая 1983 г.)

Вот такой «герой Рембо» в начале 1990 г. у себя дома в Вильнюсе (Эйва в 1989 г. женился на гражданке Литвы) собирал за «чашкой чая» бывших литовских «афганцев». Как потом оказалось, далеко не из добрых побуждений, а подбирая надежных помощников для ведения «партизанской войны» уже на территории Литвы.

Уже в последний наш приезд в Вильнюс на глаза попала газета «Форум» от 29 января 1991 г., в которой была опубликована статья «"Коктейль" в пять часов утра», где американец Эйва отвечает на вопросы корреспондента:

Корр. С какого времени вы снова в Литве?

Эйва. Во второй половине декабря приезжал сюда в отпуск. Правда, планировал встретиться с господином А.Буткявичусом (директор Департамента охраны края ВС Литвы. — *Авт.*).

Корр. Надеялись ли вы на такие события в Литве?..

Эйва. Эти события меня удивили, но вместе с тем и заинтересовали. О таких вещах я имею понятие, поэтому думаю, что мог бы быть полезным Литве...

...В субботу утром пришел домой, поспал, а затем двое суток провел в Верховном Совете. Ночь была страшной — ничего не было организовано должным образом, много страха, от телебашни запахло кровью... В пять часов утра в здании парламента было девять винтовок на 803 добровольца. Семь — малоэффективные охотничьи, 1 — времен Первой, 1 — Второй мировой войны. И еще ка-

кой-то заржавленный пистолет... Это было все, что имели против танков и бронемашин... Затем понемногу в здание начало прибывать (откуда? — *Авт.*) более серьезное оружие. Утром в воскресенье появились автоматы, карабины, увеличился запас гранат. Тогда начали готовить «Молотов-коктейль». Мне сегодня один офицер сказал: «Андрюс, ты много сделал, но самая большая заслуга — "коктейли"».

Корр. Даже в наше время это все еще серьезное оружие?

Эйва. Когда лучшего нет... Венгры такими «коктейлями» уничтожили две советские бронетанковые дивизии... «Бутылочки», как утверждают специалисты, эффективны против БТР, БМД, против БМП эффект меньше, против Т-72 еще меньше, но действуют.

Корр. Вы считаете, что именно люди, собравшиеся вокруг, защитили парламент?

Эйва. Не только это. В тот вечер планы не удались, так как силы зла не собрали всех компонентов—политических и других... Они были готовы в воскресенье утром, но испугались не только толпы, но и подготовленных нами «коктейлей». И серьезного оружия уже имели около 100! Многие из них (из тех, кто охранял парламент. — *Авт.*) позже вышли из здания и заняли хорошие позиции. Если бы сейчас был нанесен удар по парламенту, то внутри жертв было бы намного меньше, а отпор был бы несравненно сильнее...

5. Другие «советники»

В статье мы указали, что Эйва — далеко не единственный гражданин США, непосредственно «вклинившийся» и влиявший на процессы в Литве. Мы назвали их примерное число: 100 человек. Теперь мы думаем, что их было гораздо больше. Называли мы и еще одного конкретного человека — Линаса Коялиса. Интерес представляет уже сама биография этого человека, почерпнутая нами из литовской и зарубежной прессы. Родился в 1955 г. в США в семье литовских эмигрантов. Родители выехали в Германию из Литвы в 1944 г., вместе с немецкими войсками. В 1976 г. окончил с отличием Калифорнийский университет. В 1978 г. руководил Комитетом прибалтийцев. В 1982 г. Коялис работает в Пентагоне. С мая 1983 г. — помощник президента США Р. Рейгана по этническим меньшинствам и католическому населению. С ноября 1985 г. — специальный помощник Рейгана по связям с общественностью.

Возглавлял отдел Белого дома по вопросам политики и проблемам обороны США.

Чем Коялис занимался в Литве? В феврале 1990 г. оказывал руководству Верховного Совета Литвы методическую помощь в подготовке к выходу из СССР, организации военизированных отрядов «шаулистов», Департамента охраны края, служб безопасности, таможенного контроля на границах Литвы... Достаточно? Вновь посетил Литву в декабре 1990 г. по приглашению «Саюдиса». Чем занимался? Нетрудно догадаться.

Но есть еще и третья, не менее колоритная фигура – Уильям Хаф. Также гражданин США. Тоже относительно молодой – 1956 г. рождения. 31 марта 1990 г. в МИД СССР первому секретарю посольства США в Москве Дж.Шумейкеру было указано на неприемлемость деятельности граждан США У.Хафа и уже известного нам Л.Коялиса, которые функционировали в МИД Литовской ССР как помощники В.Ландсбергиса по вопросам «непризнания».

После демарша МИД СССР Хаф пояснил, что прибыл в Вильнюс 12 марта 1990 г. по визе как частное лицо по ходатайству МИД Литвы «для оказания деловых и юридических консультаций». Хаф принимает непосредственное участие в разработке проекта Конституции «независимой Литвы» и в подготовке документов для МИД Литвы, в которых обосновывается «законность» установления независимости. До Вильнюса У.Хаф длительное время находился в Польше и консультировал «Солидарность».

А теперь вопрос к «литовским патриотам». Можно ли достичь независимости от одной страны, попав в полную зависимость к другой? И еще. Куда исчезает национальная гордость и как происходит превращение в туземцев, которых обучают изготовлению бутылок с зажигательной смесью? И написанию собственной «независимой» Конституции? А может, на это В.Ландсбергис ответит народу? Может быть, он как президент «суверенного» государства объяснит своим гражданам, почему в литовских газетах публикуется универсальная инструкция ЦРУ для стран Восточной Европы и СССР по общественной обороне под названием «Выжить, не сгибаясь (прочти и передай)» («Согласие», №5, 29.01–04.02.1991)?

ПРЕДОТВРАТИТЬ КАТАСТРОФУ, ОБЕСПЕЧИТЬ РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА

Московская правда. 1991. 28 марта

Программная разработка подготовлена авторским коллективом в составе:

руководитель — кандидат физико-математических наук С.Кургинян; кандидат экономических наук Г.Аврех, кандидат химических наук Т.Айзатулин, П.Гончаров, кандидат экономических наук А.Гудков, доктор химических наук С.Кара-Мурза, кандидат юридических наук В.Овчинский.

Вступление. Возможные сценарии развития событий

Мы делим все возможные варианты развития событий в стране на «семь сценариев». **Первый и наихудший — это планетарная катастрофа.** Возможна ли она за счет распада Союза? Западные эксперты выражают по этому поводу крайнюю озабоченность. Рост экстремизма, насилие как способ решения политических проблем, создание множества террористических групп с «высокой квалификацией», способных осуществить захват особо опасных объектов, включая атомные электростанции, — налицо. Падение дисциплины, отсутствие контроля за технологией производства, отсутствие необходимых команд, с одной стороны. Масса нескоординированных команд, подаваемых с различных этажей власти дезориентированному исполнителю, вынужденному самостоятельно решать, какой из взаимоисключающих «приказов» он должен выполнять, — с другой. Политизация и раскол в армии, правоохранительных органах и других структурах, где это абсолютно недопустимо и где с точ-

ки зрения национальной безопасности должна действовать автоматически железная дисциплина и полное единоначалие, вполне очевидны.

Перспектива гражданской войны присутствует. Но ведь эта война будет идти не в безвоздушном пространстве! Она может вернуться в конце XX века в пространстве, начиненном «носителями планетарной опасности».

Теперь суммируем эти факторы и определим реальность такого сценария. Она достаточно велика. В мире нет сил, которые хотели бы такого разворота событий. Но уже не однажды в истории совершались события, которых никто не хотел. Ситуация легко может стать абсолютно неуправляемой.

Второй сценарий мы называем «пустая земля». Этот сценарий предполагает смерть народов, населяющих СССР, от голода, эпидемий, межнациональных конфликтов, среди масштабных технических катастроф, социальных взрывов и политических революций, террора новоявленных мини-диктаторов и т.п.

Таким образом, речь идет опять же о катастрофе, но о такой, которая не выйдет за границы СССР. Есть ли силы, заинтересованные в таком развороте событий? Таковые, безусловно, имеются. Это, во-первых, все те, кто станет гасить планетарный пожар, имея в виду, что лучше катастрофа в масштабе СССР, нежели катастрофа для всей цивилизации. Из двух зол большинство выберет меньшее. И в этом нельзя обвинять наших соседей. Но есть силы, для которых такой вариант может быть интересен сам по себе.

Это сторонники радикальных методов решения экологической проблемы за счет резкого сокращения населения планеты. Западные ученые, приближенные к ультраправым политикам Запада, и реже сами политики делали публичные заявления по этому поводу. Разумеется, речь идет не об официальных представителях западных государств. Но тот факт, что неомальтузианство становится все более популярным на Западе в весьма элитных кругах, имеющих способность влиять на политику в связи с перспективами глобальной экологической катастрофы, общеизвестен. Мы не исключаем сторонников таких теорий и в нашей стране.

Третий сценарий — «заповедник». СССР в этом случае превращается в отсталую, не имеющую перспектив страну с медленно угасающим народом, ставшим объектом экспериментов нового типа. Такой вариант развития обсуждается гораздо шире, нежели

второй. Здесь — гораздо больше сил, заинтересованных в таком развитии событий.

В конце концов, различные варианты подобных сценариев для Африки обсуждаются широко. А чем мы лучше? Ведь знаменитое высказывание о «Верхней Вольте с атомным оружием», с большим удовлетворением цитировавшееся в наших элитарных либеральных кругах, можно понять по-разному. В том числе и так, что проблема состоит в изъятии оружия, после чего СССР может развиваться по сценарию, уготованному для Верхней Волты. Здесь важно понять тот очевидный факт, который с упорством игнорируют наши «шестидесятники». А именно, что идея развития всех стран мира, доведения всех жителей цивилизации до уровня тех, кто пользуется сегодня статусом «первого мира», абсурдна. Никто не хочет и не может действовать таким способом. Ресурсы ограничены, и так называемые «лидеры» не могут позволить жителям стран «третьего и четвертого мира» развиваться до их уровня. Экологических, да и сырьевых, ресурсов не хватит на всех. Это уже очевидно. От идеи развития Запад давно уже перешел к идеям «пределов роста», т. е. к тому, как обеспечить для большинства человечества жесткие лимиты потребления. Так что третий сценарий имеет своих сторонников и в мире, и в наших «национальных» олигархиях, и среди международного преступного мира. Третий сценарий описывает «развитие» СССР по так называемой модели «четвертого мира». Она достаточно хорошо известна. Это модель существования в нашей цивилизации выпавших из истории неразвивающихся стран. Третий сценарий предполагает полный распад СССР.

Четвертый сценарий. Превращение СССР в отсталую страну, не лишенную перспектив контролируемого развития, — источник сырья и трудовых ресурсов, площадку для экологически вредных производств. Это модель развития СССР по пути так называемого «третьего мира». Она обязательно предполагает частичный распад страны и создание ряда небольших «продвинутых» государств, контролирующих большую часть территорий в интересах стран-лидеров. В Африке такую роль играют страны типа ЮАР. У нас уже сейчас есть претенденты среди республик-лидеров, имеющих «свои планы» относительно республик «второго сорта». В принципе они их даже и не слишком скрывают. Таким образом, заинтересованность в таком сценарии есть у многих. От транснацио-

нальных корпораций, оказывающих серьезное влияние на политику своих государств, до части бывших «субъектов Союза».

Блок из первых четырех сценариев предполагает очевидное ухудшение всех показателей уровня жизни для большей части народов СССР. Даже в четвертом сценарии речь идет о понижении уровня жизни в среднем не менее чем в 3 раза. Это не «агитация», а результат конкретных расчетов, признаваемых западными экспертами.

Пятый сценарий. Вхождение СССР во «второй мир». В число так называемых быстро развивающихся стран. Превращение СССР в развивающуюся страну нового типа, ориентированную на массовое ненаукоемкое производство.

Шестой сценарий. Выход СССР в число развитых стран «первого мира», использующих сырьевые, трудовые и экологические ресурсы земного шара.

Пятый и шестой сценарии в совокупности представляют второй блок. В их рамках уровень жизни населения вначале падает, но через несколько лет возрастает и приближается в начале следующего столетия к уровню жизни новых индустриальных стран. Таким образом, речь идет хотя и о тяжелых, но о приемлемых для значительной части населения СССР вариантах развития.

Разумеется, это не имеет ничего общего с теми популистскими заверениями, которые делаются сегодня. Речь идет об уровне жизни существенно ином, нежели тот, который демонстрируется сегодня в рекламных статьях и телевизионных передачах. Но это вопрос, который должно решать население. Возможно, что оно выберет такой сценарий развития, как пятый, и, скорее всего, оно не откажется от шестого. Вопрос лишь в том, действительно ли такие сценарии могут быть сегодня осуществлены. Они обсуждались всерьез на межгосударственном, надгосударственном и окологосударственном уровне в течение первых лет перестройки. Речь шла о замене модели «Восток — Запад» на модель «Север — Юг», где СССР на тех или иных условиях становится частью «Севера». Сюда же входили и интенсивные обсуждения вопроса о возможности включения нас в качестве части объединенной Европы, но это в прошлом. Начиная с 1990 г. ситуация резко меняется. Теперь никто уже не говорит о подобных сценариях развития событий, кроме разве что наших либеральных демократов.

Ниже, в разделе «седьмой сценарий», мы покажем, почему СССР не может рассчитывать сегодня на вхождение во второй или первый

мир. И приведем конкретные аргументы. Здесь же мы хотели лишь указать, что, рассматривая все варианты событий, которые в ближайшее время могут развиваться на территории СССР, мы исходим из того, что СССР как система может развиваться только в том случае, если ей будут указаны нормальные цели, перспективы развития, если эти цели и перспективы будут открыто и всенародно обсуждены, если возникнет ясность. Без этого мы будем и дальше продолжать смертоубийственное движение «на ощупь во мгле». Вот почему в основе нашей программы обсуждение реальных целей, тех, которые стоят по ту сторону идеологических ярлыков.

Часть I. Цели для СССР

1.1. От перестройки — к новому этапу жизни нашего общества

Уже не первое десятилетие СССР движется в пропасть. В доперестроечный период это скрывалось государственными структурами от народа. Результатом этой всеобъемлющей лжи было глубокое загнивание, разрушение социальной ткани, эрозия смыслов и ценностей. Суть перестройки состояла в том, чтобы сказать правду. Общество обязано было осознать реальное положение дел. Спасти страну мог только сам народ за счет мобилизации своих интеллектуальных, нравственных и духовных ресурсов. Но для этого требовалось восстановление самосознания народа. Ему предстояло тяжелое духовное испытание, предстояло, по сути, **самовоспроизвестись в рамках истории.**

Перестройка вскрыла реальную расстановку сил в обществе. Обнаружив масштабы эрозии, она одновременно позволила проявиться всем силам — от предельно радикальных до крайне консервативных, включая и потенциал, направленный на деструкцию. Другой возможности выхода из застоя не было и быть не могло. Однако, создав предпосылки для постановки новых реальных целей, перестройка одновременно включила и весь механизм системного кризиса. Реальная расстановка сил оказалась такой, что процессы стали неуправляемыми. Прозрение оказалось куплено ценой огромных издержек. Произошла поляризация сил.

Вместо того чтобы осуществить крутой разворот к новым целям, общество стало двигаться на ощупь во тьме, а СССР как система — распадаться на части. В этой ситуации вопрос формирова-

ния инициативных политических сил, способных заявить новые цели, не сбрасывая позитивов перестроечного периода, существеннейшим образом достроить, доопределить перестройку, является вопросом жизни и смерти. Инициативный политический центризм должен отбросить все идеологические ярлыки, служащие протаскиванию частных корыстных целей и реализации политических амбиций. Он обязан говорить в категориях реализма, искать реальные формы и способы движения общества в существующих реальных условиях. Его задача состоит в том, чтобы определить пути спасения общества, найти конкретные, стоящие по ту сторону политической демагогии и идеологических клише цели, средства и механизмы. При этом он не имеет права ограничивать себя решением проблемы стабилизации. **Нет и не может сегодня быть гуманного проекта стабилизации вне предъявления обществу идеи развития.**

Стоящие слева радикалы предлагают обществу проекты, суть которых, какими бы красивыми ни были слова, в «пропуски» общества через катастрофу, распаде страны и интеграции после этого ее осколков путем их поглощения другими системами. Ортодоксальные правые предлагают отбросить общество назад и продолжать после этого его движение к ложным целям. Движение, чреватое для страны медленным угасанием. Либералы говорят об интеграции СССР как целого в мировую цивилизацию, не указывая при этом места нашей страны в этой цивилизации. И правые, и левые отрицают перестройку как ценность. Либералы, напротив, абсолютизируют ее, стремятся затянуть это движение на ощупь во тьме, надеясь при этом на то, что удастся избежать катастрофы. Но она неминуемо надвигается.

В этих условиях спасти позитивный потенциал перестройки, сохранить ее от атак и справа, и слева возможно только за счет **новой политической доктрины**, преемственной по отношению к перестройке, но не тождественной ей. Такая доктрина возможна лишь в рамках инициативного политического центризма. Принимая цели перестройки, он резко критикует стратегию ее осуществления. Исторически он сознает ее необходимость и недостаточность, он видит в ней «за» и «против», оценивает ее как неизбежный и одновременно трагический процесс, сегодня уже заверченный.

Заявляя о преемственности по отношению к перестройке, инициативный центризм ставит новые цели и предлагает новые механизмы.

1.2. СССР как система

В основу программы мы положили целостный междисциплинарный подход. В свете его **независимость СССР** рассматривается как условие выживания и развития для большинства народов и наций, населяющих эту евро-азиатскую территорию. Сохранить независимость — значит сохранить СССР как систему, т. е. сохранить цели у СССР как единого исторического субъекта. Воля народов сохраниться как целое, проявленная им на референдуме, делает своевременной и необходимой постановку таких целей.

Опыт истории показывает, что отсутствие открыто предъявляемых целей, подмена их популистской демагогией означает на деле сокрытие подлинных целей, носящих настолько антигуманистический и антинародный характер, что их необходимо скрывать как можно более тщательно. Вот почему мы заявляем «Нет!» любой демагогии и требуем обсуждения целей по существу, исходя из реальности, и построения программ, исходя, в свою очередь, из этих реальных целей, т. е. системно, концептуально.

Соккрытие целей возможно также и за счет отказа на словах от концептуальности как от принципа. В этом плане разговор о приверженности мировому опыту, живом творчестве масс может легко быть использован для того, чтобы как можно дольше не предъявлять обществу моделей его развития. На деле «живое творчество масс» может быть лишь необходимым моментом, связанным с переходным периодом, периодом становления концепций и выявления реальной расстановки общественно значимых сил.

При формировании целей мы считаем крайне важным исходить из генетических свойств «системного Я» советского общества. В этом отличие нашей программы не только от радикальных утопий демократов, но и от основных международных концепций развития СССР.

К сожалению, даже лучшие из международных программ исходят из гораздо большей близости нашего общества к западному, нежели это имеет место в реальности. Вот почему ряд западных рецептов, подхваченных с огромным энтузиазмом нашими демократическими силами, может дать самые непредсказуемые результаты.

Таким образом, наш принцип подхода к построению программ реформ состоит в опоре не только и даже не столько на зарубежный опыт, сколько на собственный культурно-исторический опыт нашей страны. Заимствовать при этом мировой опыт мы считаем

возможным лишь в той части, в какой он может быть реально нами освоен.

Принцип преемственности должен быть сохранен, накопленный потенциал — использован в полной мере.

Система не может быть объектом восхваления или поругания. Она — реальность. И ее потенциал следует изучать и использовать. Поскольку в предшествующий период общество было информировано лишь о недостатках, упущениях, отставаниях и преступлениях, у него сложился неадекватный образ самого себя и своих возможностей. Объективно это было неизбежно, поскольку выбить его из спячки застойного времени можно было только информационным шоком. Но издержки оказались во многом неоправданно велики, так как сама технология шока была неверной. В результате общество перешло из крайности в крайность, возникли новые ложные стереотипы, через которые в очередной раз необходимо прорываться.

В связи с этим мы ставим вопрос о прорывных направлениях, лидирующих предприятиях, высокоэффективных фрагментах, существующих во всем народнохозяйственном комплексе, опережающих научно-технических разработках, существующих наряду с действительно глубоким отставанием. Это необходимо для того, чтобы опделить ресурсы системы.

Мы по-новому ставим вопрос о государстве. В предшествующий период государство подавалось обществу в качестве врага. Это недопустимо. Государство — это основа выживания в сложно построенном обществе. Сильное государство — это основа любого развития. Только обладая глубоко расщепленным сознанием, можно одновременно говорить об опыте новых индустриальных стран и вести войну законов. Все вопросы стратегии могут быть решены только под воздействием государства. Бюрократическая анархия застоя, усиленная перестройкой, — это путь в никуда. Не может быть процветающих граждан в слабом, полуразрушенном государстве. **Сила государства отнюдь не в его свирепости, а в его способности проводить в жизнь реальный стратегический проект в интересах общества.**

В своей программе мы обсуждаем поэтому вопрос о новых функциях государства, соответствующих новым целям СССР как системы, а также о тех условиях, при которых государство становится эффективным «мотором» системы,двигающим ее к новым целям.

Во всем комплексе вопросов мы исходим из ориентации на становление в нашей стране инициативного политического центра-

ма. Это — не политизация, а условие для того, чтобы система не потеряла устойчивости. До сих пор общество существовало в политической формуле: радикальные левые, ортодоксальные правые и балансирующий, ищущий компромисса, играющий на противоречиях центр. Такая политическая линия далее невозможна. Инициативный центризм — это не умеренность, не компромисс, это своя программа, свое лицо, свой образ действия. Ни в экономике, ни в политике, ни в философии инициативный центризм не теряет себя. Он видит новый тип общества — между консервативным традиционализмом и радикальным индустриализмом, он видит новый тип экономики — между потребительским обществом и «уровниловкой», он видит новый тип политики — между популизмом и тоталитаризмом. И он готов предъявить обществу новые цели и активно действовать ради их реализации, ради их воплощения в жизнь.

Предлагаемая программа и есть для нас очередной шаг в политической консолидации всех сил, ориентированных на реальность и действие, на спасение страны и государства.

Вопрос о государственном устройстве Союза ССР, о типе государственного пространства, в котором может осуществляться прорыв в завтра, для нас очевиден. Это федерализм, отвечающий мировой практике и нашим традициям. Однако на сегодняшний день его основным условием является наличие у страны целей и перспектив. Никто из субъектов федерации, естественно, не согласится на совместную деградацию. Сначала — обоснованная программа развития, дающая четкие ориентиры, потом — надпартийный блок инициативных центристских сил как политический стержень подобной программы. И после этого — нормальное федеративное государство. Вот три этапа, необходимых для становления СССР как нового системного целого. В данной программе мы делаем шаг в сторону выполнения задач первого этапа. Вне этого рано обсуждать второй и тем более третий этапы. Вот почему мы здесь выносим за скобки проблему будущего устройства Союза.

1.3. Социально-психологические и культурно-исторические особенности СССР как системы

Левые радикалы выдвигают сегодня идею построения общества потребления в кратчайшие сроки. Без нравственной национально-исторической и научной оценки обществу подбрасывают ко-

рейский, японский, германский, бразильский, турецкий и другие сценарии различных «чудес». Но чудес — не бывает. Отказ от нравственно-народного и исторического самоопределения и выбора — это путь в никуда. Идет пустое жонглирование словами.

Впрямую ощутив сопротивление народа ломке традиционных устоев жизни, левые радикалы заявляют, что капитализм — это «реальный социализм». Одновременно правые начинают все более и более решительно говорить о «наведении порядка», «призывать к ответу», активизировать в обществе ностальгию по эпохе застоя.

Социалистический выбор фигурирует и в стратегии позиционного центризма, который провозглашает то «шведский», то «гуманный» социализм, то «социализм с человеческим лицом».

При этом никто не желает переходить от знаков к реальности, обсуждая реальные цели и исторический опыт страны. Всякий выход из тяжелого системного кризиса для любого общества любой страны, любого политического уклада одинаково связан с сильной духовной идеей, обеспечивающей формирование всего спектра стимулов, интересов и потребностей, идеей, покрывающей своей легитимностью социальные издержки при выходе из тупика. Эта идея и есть источник любого «чуда», она — мотор любой серьезной реформы. И в этом смысле история нашей страны знает много чудес, как до, так и после Петра Великого. Экономическая реформа в нашей стране всегда шла благодаря духовной энергии народа, направленной на подвижнический, нравственно осмысленный и за счет этого необычайно эффективный производительный труд. О том же свидетельствует и практика других народов, как европейских, так и народов новых индустриальных стран. Их ученые и политики прямо заявляют сегодня, что миф о наличии единых универсальных рецептов «чуда», миф о спасительности различного рода «планов Маршалла» рассчитан на оболванивание людей и на отказ от живого опыта истории этих народов.

Так о какой же идее можно говорить сегодня как о предпосылке прорыва для нашей страны?

Для того чтобы понять это, нужно внимательно взглянуться в историю, если, конечно, мы не хотим повторить ошибки, которые в свое время приводили к самым темным ее периодам. Красной нитью через историю проходит идея коллективизма, идея служения стране, обществу, миру. Идея жесткого разделения любых деяний на праведные и неправедные, идея презрения к стяжатель-

ству, несправедному богатству, идея коллективного спасения и коллективного выживания, идея приоритета качественных показателей жизни («благо») над количественными («сытость»). И только на этой основе — идея сверхнапряженного подвижнического труда. Все это родилось не вчера и не 73 года назад.

В основе продуктивного заимствования у Запада должно лежать соотнесение типов традиционных религий данного общества и типов экономических механизмов, наилучшим образом стыкующихся с ними, типов культур в широком смысле слова и типов экономик, типов гражданского потребления и производства, распределения и жизни.

Советский тип культуры — это особый сплав, который следует тщательно изучать, с тем чтобы добиться необходимых сдвигов в кратчайшие сроки. Разрушить этот тип культуры, этот способ думать и чувствовать и создать новый, западный, со своей спецификой, со своими «против» и «за», уже не удастся. И к построению реформы сегодня мы можем идти лишь исходя из того, что имеем. Либо в этой духовной органике страна сумеет найти себе путь, либо она погибнет. Если этот путь найдет движение под флагом социализма — он будет успешен в обеспечении прорыва. Если такую модель предложит другой политический проект — победит он.

Для нас в программе важно определить, имеет ли шансы такой (как бы он себя идеологически ни представлял) духовный проект на успех с точки зрения тенденций в развитии мировой цивилизации. При этом мы рассматриваем не вчерашний, а ее завтрашний день. А «завтра» мира связано с экоразвитием, с постиндустриализмом, а не с движением в сторону «общества потребления». Как это ни парадоксально, но шанс на успех духовных проектов сегодня гораздо выше, чем в 1917 г. Мы констатируем, что в сложившихся условиях «чудо» для СССР возможно при минимальных издержках именно на пути **прорыва в лидеры мирового развития, построения цивилизации нового типа.**

1.4. Нравственные ограничения

Есть нравственные ограничения, за пределами которых, с нашей точки зрения, начнется разрушение СССР как системы особого типа.

Первое. Абсолютно неприемлемой ценой за любые, даже самые прогрессивные, преобразования является для нашего народа

гражданская война. Все более откровенные призывы радикалов к использованию этого крайнего политического средства преступны. Надежды на то, что удастся переболеть гражданской войной низкой интенсивности, утопичны. Анализ и наших, и зарубежных специалистов показывает, что перенос вооруженного конфликта внутрь страны, раскол армии неминуемо приведут к невиданным в истории человечества разрушениям.

Второе. Необратимую цепную реакцию разрушительных явлений, во многом непредсказуемых, вызовет и **потеря политической, экономической и культурной независимости страны.** Либеральные демократы и у нас, и на Западе имеют по этому вопросу противоположное мнение, перенося на нашу почву реалии, например, современной Европы. Такой перенос если и правомерен, то по отношению к очень небольшой части СССР. Основная часть населяющих страну народов на равных правах принята в «европейский дом» не будет, а потерю независимости от богатых соседей не перенесет.

Третье. Мы утверждаем, что для подавляющего большинства населения неприемлемым условием является **безработица и нужда части общества как узаконенные и широкие социальные явления.** Не вдаваясь в философские оценки «уровнительной» психологии, которую многие считают архаичной и реакционной, мы не можем не признавать реальность: эта психология, вытравленная на Западе за столетия господства рыночной экономики «личного успеха», глубоко укоренена в сознании советского народа и рождена его тысячелетней историей, а вовсе не утопией марксизма. Даже если отбросить чувства солидарности и сострадания, холодный расчет показывает, что устойчивого общества при погружении трети населения в нищету создать в СССР не удастся: оно будет сметено взрывами социального мщения и новыми левыми радикальными движениями.

Четвертое. Наконец, на основании изучения международных тенденций и криминологического анализа нашего общества мы утверждаем, что ни в коем случае **нельзя допустить, чтобы средствами политической власти овладела организованная преступность.** Огосударствление мафии, предоставление ей возможности формировать социальный и экономический порядок станет трагедией не только нашего народа, но и всего человечества.

Из всего множества целей следует рассматривать с точки зрения инициативного централизма только те, которые учитывают пе-

речисленные выше ограничения. Известный тезис о том, что «нравственно то, что эффективно», мы отвергаем. В конечном счете, как показывает исторический опыт нашей страны, как раз эффективным оказывается лишь то, что нравственно.

Нравственность для нас есть один из важнейших ресурсов системы, без которого она развиваться не может.

1.5. Учет стартовых условий при определении целей для СССР

Существует целый ряд так называемых «стартовых» условий, которые во многом предопределяют осуществимость целей.

К их числу мы относим:

Первое. Территория страны, ее природно-климатические условия, минеральные и экологические ресурсы. Это диктует реально достижимый средний уровень потребления. **Доступа к иным источникам ресурсов, получаемых путем неэквивалентного обмена, у нас нет и не будет.** В то время как уровень потребления так называемых развитых стран обусловлен именно неэквивалентным обменом.

Второе. Трудовые ресурсы в широком смысле этого слова. Исследования показывают, что население страны с его традициями, привычками, ориентацией на социальную защищенность в огромном большинстве своем не сможет и не захочет «играть по правилам», которые приняло, например, население Тайваня или Южной Кореи. Кто-то называет это «развращенностью», кто-то «достижениями социализма» — суть не меняется. Интенсивное трудовое усилие в нашей социально-психологической реальности не может быть получено ни за счет страха быть выброшенным из общества, ни за счет высокого вознаграждения. Здесь эффективны иные «механизмы».

Третье. Культура, порожденная православием и исламом, включает возможность перехода к классической западной системе стимулов и мотиваций. Если социализм ставит ограничения с точки зрения способов трудовых мотиваций, свойственных азиатскому региону (отсутствуют страх перед голодом, рефлекс безусловного повиновения и т. п.), то культурный традиционализм ставит серьезные препятствия на пути применения классических западных методов (отсутствуют традиции социал-дарвинизма, нет в целом вкуса к риску и конкуренции, войне всех против всех, к идее выживания в одиночку).

В совокупности второе и третье условия уже делают невозможным перенесение методом копирования в нашу реальность как опыта развитых стран Запада, так и опыта новых индустриальных стран.

Четвертое. Специфическая структура системы народного хозяйства, которое отягощено огромным военно-промышленным комплексом, обладает изношенными основными фондами и надломленной инфраструктурой. С одной стороны, наша промышленность — это «ящерица» с «головой» в виде оборонного комплекса и «длинным хвостом», состоящим из предприятий, оснащенных оборудованием едва ли не начала этого века. С другой стороны, экономика в СССР является предельно жесткой системой. Где чуть ли не каждое предприятие — технологический монополист. И выключение его из системы разрушает ее по «принципу домино». А значит — нужна системная, целостная реформа всего промышленного «контура», проводимая государством по единому плану. Это — общемировая практика, но для СССР вопрос стоит особенно остро.

Пятое. Объективная траектория развития нашего государства в течение многих столетий. Генетическую память системы нельзя ни изменить, ни переломить волевыми решениями, а можно лишь учесть при постановке реальных целей.

Шестое. Устройство современного мира и тенденции его развития.

Седьмое. Нынешний системный кризис страны.

Анализ совокупности приведенных объективных условий позволяет говорить о характере целей, которые могут быть поставлены и реализованы в СССР на нынешнем этапе его развития. Причем эти цели должны с необходимостью задействовать весь позитивный потенциал, в том числе и тот, который оказался раскрыт в результате перестроечного процесса. Без постановки целей и жесткого проведения их в жизнь раскрытый перестройкой потенциал будет стремительно деградировать. Ведь в ходе перестройки оказались активизированными все силы общества, как созидательные, так и разрушительные. В этом и опасность, и конструктивные предпосылки к преодолению системного кризиса.

1.6. Седьмой сценарий

Мы сказали во вступлении о шести возможных сценариях развития событий в стране. Теперь настало время говорить о седьмом. Том, в котором заинтересованы все силы, ищущие альтернатив элитарному мировому порядку, все народы, обреченные

этим порядком на роль народов второго сорта. В котором заинтересованы представители «новой волны» из числа тех, кто в начале перестройки ждал развития идеи цивилизации нового типа.

Итак, седьмой сценарий — это **выход СССР в лидеры через нахождение своего пути к цивилизации нового типа**. Для того чтобы иметь такую возможность, СССР должен пойти на большие издержки. Прорыв, а речь в данном случае может идти только о нем, потребует чрезвычайных усилий народа. Вместе с тем мы вынуждены констатировать, что сегодня страна уже не имеет благоприятно умеренных перспектив, к которым можно бы было идти без значительных перегрузок.

Перестройка проводилась, видимо, исходя из того, что седьмой из рассматриваемых вариантов сопряжен с огромными трудностями для страны и что желательно искать другие, более щадящие варианты движения. Поэтому ориентация шла в целом на шестой или пятый сценарии.

В связи с этим ряд условий Запада по характеру протекания процессов в СССР и Восточной Европе был выполнен, что существенно повлияло на расстановку сил как в Европе, так и в целом мире и привело к новой международной ситуации, контуры которой сегодня во многом определились.

Речь идет о формирующемся сегодня на наших глазах новом «международном экономическом порядке». И чем яснее прочерчиваются контуры этого порядка, тем очевиднее, что сценарии, по рангу выше четвертого, для СССР в нем не предусмотрены. Приводя аргументы в пользу такого утверждения, прежде всего необходимо указать на оценки, даваемые западными экспертами, которые говорят о необходимости перестройки международных экономических отношений, о нарастании в связи с этим конкурентной борьбы трех центров — Европы, Японии и США. Одновременно, констатируя обострение противостояния промышленного и финансового капитала, а также различных финансовых группировок, эти эксперты не предполагают благополучных вариантов для СССР в условиях нарастания в нем процессов деструкции. В этом случае сброс всех конфликтов может происходить за счет нашей страны как источника получения сверхприбылей, как товара на международном рынке, как предмета купли-продажи.

Перестройка международных отношений в неблагоприятном для СССР контексте видна при анализе множества программ и

проектов. И это началось не сегодня. Эти тенденции не удалось переломить. Они фиксируются в пересмотрах сложившихся отношений в добыче, обработке, экспорте и импорте сырья, в программах по сельскому хозяйству США и стран ЕЭС и во множестве других подобного рода программ. Они фиксируются и в последовательности проводимых мер, обеспечивающих с помощью специальных финансовых механизмов поддержание искусственно заниженных цен на сырье. Об этом свидетельствует в том числе и сетка потребления развивающихся стран, которая сознательно регулируется. Это подтверждает и кривая роста задолженности развивающихся стран. В связи с той же проблемой следует обсуждать и весь комплекс вопросов, связанных с выдвиганием новой глобальной идеологии – так называемого информационного общества. Идеологии, предполагающей полный пересмотр экономических, торговых и политических отношений между развитыми и развивающимися странами в сторону увеличения количественного и качественного разрыва между ними. Нельзя не учесть и результатов ряда международных совещаний, где с учетом экологических факторов был сделан вывод о необходимости формирования мирового рынка сырья на основе реального задействования сырьевых ресурсов СССР и стран Восточной Европы. Необходимо принять к сведению и последние тенденции к изменению образа СССР и советского народа в средствах массовой информации Запада. Запад стал формировать новый, негативный, образ нашей страны. Эксперты связывают это с рядом совещаний на высшем уровне, на которых был изменен подход к проблемам финансовых инвестиций для СССР.

Оценке подлежат также тенденции к отказу от стратегии «свободной торговли», переход к режимам жестких протекционистских мер со стороны США, ЕЭС и Японии. При отсутствии со стороны СССР мер по защите своего внутреннего рынка резко возрастает вероятность смещения СССР в сторону наихудших сценариев включения страны в мировое разделение труда.

Вопрос о субъекте издержек, связанных с двусторонним разоружением, приобретает все большую остроту. Очевидна тенденция к сдвигу этих издержек в сторону СССР. Здесь же необходимо анализировать и множество других факторов, в том числе фактические результаты войны в Ираке.

Безусловно, сдвигание СССР на глухую историческую периферию в дальнейшем крайне неблагоприятно отзовется на тех, кто действует

сегодня в таком направлении. Оно чревато долговременной глобальной нестабильностью и постоянной, плохо контролируемой перегруппировкой сил. Следует помнить и обо всех случаях геополитических распадов с порожденными ими расистскими типами мировой гегемонии в Азии и крайними вариантами националистической идеи в Европе. Но все это не отменяет того факта, что СССР стоит сегодня перед необходимостью выбрать именно седьмой сценарий с учетом всей полноты новой геополитической ситуации. Такой выбор, кстати, отнюдь не означает возвращения к «доктрине холодной войны». И в стратегическом плане он отвечает долговременным интересам всех исторически ответственных мировых политических сил. Но главное, что он отвечает коренным интересам народов СССР.

События последнего года подтвердили, что приемлемых альтернатив седьмому сценарию для подавляющего большинства народов, входящих в состав СССР, не существует. Вот почему с особой остротой встает вопрос о возможных путях реализации седьмого сценария, о том, можно ли реализовать в его рамках реальную программу необходимых реформ.

Седьмой сценарий не противоречит системе нравственных ограничений, не подрывает гражданского мира, не требует безработицы в масштабах социального бедствия, не ставит вопроса о потере независимости страны, ориентируясь на тип личности, ставящей во главу угла интересы страны.

Он противостоит криминальному типу предпринимательства, отсекает от власти криминальные слои нашего общества.

Седьмой сценарий предполагает ставку на культурно-историческое своеобразие страны. Он позволяет задействовать духовный потенциал общества, включить его традиционные механизмы...

Этот сценарий не возвращает общество вспять, сохраняет позитивный потенциал перестройки.

Седьмой сценарий ориентируется на собственные ресурсы страны и ориентирует ее население на то, чтобы жить по своим ресурсам, а не за счет неэквивалентного обмена со странами «третьего мира».

Седьмой сценарий создает поле для сложившихся мотиваций, включает сильные мотивационные механизмы, ориентирует на созидание, а не на «добывание».

Этот сценарий делает ставку на государство как мотор системы и на лидирующую часть науки, промышленности, сельского хозяйства, культуры как социальную базу.

Седьмой сценарий, корректируя траекторию развития, не порывает с традициями страны, типом ее движения в пространстве истории.

И наконец, **седьмой сценарий** исходит из реальностей геополитики, где правят сила и интерес.

Все это в совокупности говорит о предлагаемом сценарии как о реальном. И позволяет ставить цели, исходя именно из него.

1.7. Окончательный выбор целей

Рассмотрев все возможные варианты развития событий, проанализировав пределы, в рамках которых СССР может развиваться некатастрофическим путем, проанализировав соотношение внутри- и внешнеполитических факторов, уровень устойчивости страны как системы, ее тип, потенциал, масштаб деструктивных процессов, мы приходим к выводу, что программа преодоления системного кризиса должна исходить из двух взаимосвязанных целей: выживание и развитие в рамках седьмого сценария, т. е. через прорыв в лидеры за счет нахождения пути к цивилизации нового типа.

Сегодня для такой системы, как СССР, этот крайний вариант уже стал более вероятен с точки зрения успешной реализации, нежели другие, умеренные.

Стабилизация как таковая без постановки целей развития неэффективна. Борьба с кризисом, носящим системный характер, можно лишь имея четкое понимание того, что будет после его преодоления. **Отрыв проблем стабилизации от проблем развития безнравственен и неэффективен.** Он, по сути, дестабилизирует ситуацию, несмотря на заверения о противоположных намерениях.

Кризис набрал сегодня те обороты, при которых стабилизация уже невозможна. Она может быть осуществлена лишь после катастрофы, на что и рассчитывают силы крайне правого и крайне левого толка.

Обсуждаемая нами модель отрицает стабилизацию через катастрофу и предлагает взамен этого стратегию прорыва для реализации седьмого сценария. Ее формула: движение в русле четко определенных целей с предельной скоростью, при которой система не успевает разрушиться, несмотря на то что она движется в предельно агрессивной среде. **Спасение системы происходит при этом за счет того, что осознание целей повышает ее устойчивость, а время движения сквозь агрессивную среду — минимально.**

Разработка пакета реформ приводится в данной программе с ориентацией на выживание, особый тип развития и стратегию прорыва, как три основных элемента.

Часть II. Пути реализации намеченных целей

2.1. Государство и экономика

Одним из наиболее распространенных мифов является миф о не управляемой государством экономике рынка. На деле такой экономики в мире сегодня не существует. Везде, и особенно в странах, осуществивших быстрый рывок, государство существенным образом воздействует на экономические процессы.

Создав на месте хозяйственно-государственного монстра казарменно-административной системы две автономные подсистемы – государство и экономику, перестройка должна была тем самым укрепить управление экономикой со стороны государства, а не разрушить его.

Однако автономной хозяйственно-экономической подсистемы создано не было, а отключив государство, экономику лишили даже той неэффективной управленческой инфраструктуры, которую она имела до перестройки, и тем самым, по сути, обрекли на деструкцию.

Сфокусировав все внимание на рынке и частной собственности и превратив эти инструменты управления хозяйством из средств в самоцель, в ходе перестройки упустили весь комплекс вопросов, связанных с новой системой управления хозяйственно-экономическим комплексом страны, утратили контроль над его функционированием и развитием, своими руками дестабилизировали экономику. **Сегодняшний кризис есть, по сути, кризис управления производством, а не кризис самого производства**, и преодолеть его можно, лишь решив проблему управления народным хозяйством во всей полноте, не возвращаясь при этом к казарменно-административной системе, в рамках которой государство будет лишено возможности решать проблемы стратегические, проблемы развития.

Для того чтобы наше общество не оказалось в тисках очередного застоя, не оказалось отброшено в тоталитаризм, необходимо в корне перестроить всю его управленческую инфраструктуру. Главный шаг – выделение в системе жизнеобеспечения и разви-

тия общества двух основных автономных подсистем: хозяйственно-экономической и государственной.

Вывосвобождение государства для развития (а вовсе не устранение его) предполагает создание целостного экономико-правового механизма хозяйственной деятельности, который включает в себя следующее.

Первое. Введение системы экономических, а не командных методов управления экономикой со стороны государства, представляемого органами госуправления в том виде, в каком они сегодня существуют в любой рыночной экономике. Эти органы, не вмешиваясь непосредственно в хозяйственную деятельность предприятий (что должно строго наказываться), одновременно имеют широкие права и возможности косвенного управления. Включая лицензирование, воздействие на предприятия через систему налогообложения и другие способы стимулирования, через частичное регулирование цен, через выгодный госзаказ и другие экономические рычаги.

Второе. Введение системы, обеспечивающей высокую трудовую дисциплину через контрактный метод найма, систему премирования, повышение правовой и материальной ответственности за нарушения трудовой и технологической дисциплины, чреватые катастрофическими последствиями.

Третье. Незамедлительное восстановление и укрепление единой системы банковского контроля, разорванной непродуманной реформой, а также выпадением из единой банковской сети системы коммерческих банков. При этом коммерческие банки целесообразно сохранить, но лишь включив их в единую сеть.

Четвертое. Столь же незамедлительное восстановление системы финансового регулирования, укрепление государственной налоговой инспекции и придание ей статуса общесоюзной.

Пятое. Введение свободных цен лишь в сфере бездефицитных товаров и предметов роскоши. Установление цен с единым базовым уровнем рентабельности.

Шестое. Не переходя вновь к государственной монополии внешней торговли, осуществить весь комплекс мер по созданию системы государственного протекционизма в этой жизненно важной сфере. Поставить совместные предприятия в условия, требующие от них создания высокоэффективного производства и инвестирования производственного процесса.

Седьмое. Восстановление общесоюзной регистрации государственных предприятий и поэтапная инвентаризация их основных фондов.

Восьмое. Жесткое разграничение в вопросе о собственности между союзными, республиканскими и муниципальными структурами. Создание дееспособных органов управления государственной собственностью взамен бездействующих сегодня комитетов и фондов.

2.2. Экономические реформы

При разработке стратегии развития мы вынуждены исходить из социально-экономической реальности. Объективной данностью является централизованная экономика.

Новая, ориентированная на человека экономика может «вырасти» лишь из существующего народнохозяйственного комплекса вместе с новыми социальными взаимоотношениями.

Политика достижения новых целей, имеющих иные предпочтения, требует от нас решения двух противоречивых задач. С одной стороны, надо изменить структуру и качество реальной экономической системы, а с другой, – необходимо обеспечить социальную защищенность народных масс.

Противоречие этих задач задается объективными законами общественного развития, которые обуславливают прямую зависимость между масштабом экономических преобразований и величиной их социальных издержек для населения.

В этих условиях социально опасно брать на вооружение лишь одномерный инструментарий преобразований – или план (командность), или рынок (стихия). Мировой опыт показывает, что эффективное управление развитием любого сложноорганизованного процесса требует существования и взаимного дополнения двух систем воздействия: на верхнем уровне, уровне «высшей нервной деятельности», – план, государственное управление через экономические механизмы, формирование общих для всех участников целей и мотиваций; на нижнем уровне, уровне «вегетативной нервной деятельности», – рынок, диверсификация собственности, конкуренция, изменение цен и доходов. При сопряжении этих взаимодополняющих и взаимопротиворечивых аспектов управления легче найти область равных для всех и каждого социальных издержек, жертв и затрат во время периода преобразований, а за-

тем и обретения столь же равных возможностей для социальной мобильности, экономической динамики, обеспечения прочной социальной защищенности в последующих фазах.

Ясно и другое, что при возврате к администрированию позитивных перемен добиться нельзя. В конечном счете социальные издержки сохранения унитарно-тоталитарной системы общественно-экономической жизни окажутся бесконечно больше издержек, необходимых для преобразований.

Нет необходимости еще раз провозглашать и доказывать разделение государственных и хозяйственных структур между собой. Однако такое разделение не может быть абсолютно полным. Только опираясь на мощь государства, через каналы специальных целевых и долгосрочных программ можно помочь быстрой концентрации достаточных капитальных, трудовых, научно-технических ресурсов в точках прорыва к новым социально-экономическим структурам. Без создания последних перестройка окажется периодом разрушения, а не созидания.

Реформа отношений собственности

Разгосударствление производственной и коммунальной собственности — это логический шаг продвижения к новой экономике и новому обществу. Неверно видеть в этом разделение людей между собой за счет резкого сокращения сферы государственного владения. Приватизация может сплотить людей через коллективные системы владения — так называемые «распоряжения», а может и, напротив, возвести между ними вместо старых новые перегородки — все зависит от формы проведения ее в жизнь.

Мы не можем пойти на приватизацию всей государственной собственности в форме распродажи имущества в руки частных лиц на свободном рынке. Советская экономика в течение многих десятилетий развивалась в основном как система крупных и сверхкрупных производств, тесно связанных между собой поставками сырья, энергии, комплектующих изделий и полуфабрикатов. Форма собственности в этих условиях не может быть изменена настолько резко, чтобы обрывать сложившиеся хозяйственные связи.

С другой стороны, обслуживание этих связей непосильно частному капиталу. Собственность на существующие промышленные гиганты может быть только **ассоциированной**.

Кроме того, приватизация должна проводиться для блага народа, а не в интересах тех 10 процентов населения, которые кон-

центрируют в своих руках не менее 38 процентов совокупных денежных доходов.

Отсюда вытекают как условия приватизации, так и приемлемый ее механизм. Государство выпускает символы собственности в виде «народных акций» суммарной стоимостью, равной реальной (остаточной) стоимости основных фондов. Эти акции распределяются на уравнительных принципах между всеми реальными участниками создания национального дохода, в том числе и за предшествующий период, т.е. пенсионерами. «Народная акция» свободно не отчуждается, не является объектом купли-продажи, т.е. не может быть фондовой ценной бумагой. Она определяет меру участия данного физического лица в общем объеме приватизируемой госсобственности. Такая акция может быть учтена в процессе приватизации коммунальной собственности местным Советом как символ стоимости при приобретении жилья и нежилых помещений с выплатой или доплатой в разнице цены. Акция может быть учтена при оформлении коллективной собственности по месту работы (для членов трудового коллектива) с соответствующим участием в распределении дохода предприятия. «Народные акции» следует наделить функцией средства платежа для приобретения средств производства в частную собственность. Эти акции могут быть залоговыми документами в кредитно-финансовых органах в обеспечении ссуды на производительные цели, а также использоваться в виде основания для оформления бессрочной аренды земли в целях сельскохозяйственного производства при сохранении залоговых свойств.

При формировании ассоциированной собственности трудовые коллективы, участники процесса приватизации, в случае их желания осуществляют полные права распоряжения, владения и пользования данным производственным (хозяйственным) объектом, оформляют доверенность на управление нормируемыми и сверхнормативными оборотными средствами приватизируемого предприятия, его амортизационным (по восстановительной стоимости) фондом срочным векселем. Он дается от лица трудового коллектива государству, и на него начисляется ссудный процент по специально разработанным ставкам. Коллектив данного предприятия имеет право привлекать для гашения векселя сбережения своих работников и фонды потребления коллектива, образующиеся в результате производственной деятельности, заемные

средства, полученные не из государственных источников. В итоге, если вексель погашен, все учтенные данным трудовым коллективом «народные акции» аннулируются и на совокупную сумму стоимости приватизированных производственных фондов выпускаются ценные бумаги (акции и др.), имеющие хождение в фондовых операциях.

Таким образом, возможна самая широкая диверсификация форм собственности в точном соответствии со специфическими условиями и в расчете на достижение максимальной экономической эффективности трудовой деятельности. Система залога «народных акций» в финансово-кредитных учреждениях позволит обеспечить ответственное инвестирование государственных и иных ресурсов на поддержку кооперативного, семейного, частного и рискованного (в областях творческой деятельности) предпринимательства.

Естественно, что при этом типе приватизации соответствующие изменения социального качества участников происходят постепенно, позволяя «вырастать» и новым общественно-экономическим отношениям.

Аграрная реформа

Принцип преемственности реформ предполагает, что переход на смешанные формы хозяйствования в аграрном комплексе не должен превратиться в кампанию насильственного разрушения высокодоходных колхозов и совхозов. Опыт такого демонтажа колхозов столкнулся с реальными трудностями, например, в республиках Прибалтики, где колхозная форма производства гораздо «моложе», чем в подавляющем большинстве иных районов страны.

Поддержка со стороны государства фермерства в ближайший период не означает вытеснения колхозов и совхозов, а организует здоровые отношения конкуренции и взаимной поддержки в аграрном комплексе. Вопрос стоит следующим образом: либо поддержка фермерства через механизм государственно-бюджетных дотаций, либо нерегулируемый рост цен на продовольствие.

Для данного типа аграрного производства требуется высочайший профессионализм труда земледельцев-фермеров, применение специальных систем землепользования, интенсификации производства, обеспечения соответствующими именно этому типу производства машинами и механизмами. На сегодняшний день в СССР мы не имеем ни общего высокого качества аграрного тру-

да, ни массовой системы подготовки профессиональных фермеров, ни соответствующей системы орудий и средств труда. Сохранение же архаичных систем землепользования ожидаемого эффекта не принесет.

Поставленные перед аграрной реформой цели могут быть достигнуты только в контексте долгосрочных государственных программ.

Прежде всего, это особая подготовка кадров фермеров как на уровне специального среднего, так и высшего сельскохозяйственного образования. В то же время необходимо создать системы инвестиционного ипотечного кредитования с учетом бессрочной аренды земли. Следует организовать при помощи государства льготные инвестиционные потоки ресурсов как в направлении новых субъектов сельскохозяйственного производства, так и в группу отраслей, обеспечивающих выпуск соответствующих средств труда. Причем инвестиции в машиностроительный комплекс должны быть опережающими.

Надо сказать и о том, что есть достаточно серьезные условия, устанавливающие рамки для выбора вариантов аграрной реформы.

Первое. Бессрочная аренда земли приемлема как форма владения и пользования ею только для сельскохозяйственного производства. Для производительной деятельности другого рода основным принципом является срочная аренда земли.

Второе. Все необрабатываемые сельхозугодья должны быть изъяты у нынешних распорядителей, переведены в статус государственных земель. Оформление актов бессрочной аренды не должно сопровождаться какими-либо условиями, кроме проверки профессиональной подготовки арендодержателей и последующего контроля за целевым использованием земель.

Третье. Установление предельных норм сельхозугодий на одного арендодержателя требует кадастровой переоценки земель и установления предельных льготных норм инвестиций. Сверх этих норм инвестиции осуществляются в коммерческом механизме.

Четвертое. Новому субъекту сельскохозяйственного производства предоставляются особые льготы в областях сельскохозяйственной деятельности, относящейся к высокорентабельным его видам:

- племенное животноводство;
- семенное растениеводство;
- производство экологически чистой сельхозпродукции;
- производство промышленного сырья аграрного происхождения.

Пятое. На каждой территории с усредненным кадастром устанавливаются головные сельскохозяйственные производства (совхозы, колхозы), осуществляющие оперативную помощь в становлении фермерского хозяйства в данном регионе в рамках государственной программы.

Шестое. Субъектом такой государственной программы и всех видов государственной поддержки является ассоциация фермеров данного региона.

Седьмое. Инвестирование и организация перерабатывающих первичную сельхозпродукцию промышленных комплексов, создание соответствующих мощностей хранения первичной продукции сельского хозяйства производится в рамках государственной программы для ассоциированного субъекта (региональных ассоциаций фермеров).

При государственной поддержке новых аграрных структур задачей общества является разработка и реализация специальных целевых программ создания и развития научно-производственных объединений кооперационного типа, с привлечением достижения мировой научно-технической мысли и иностранного инвестиционного капитала в форме холдинга. Это создаст систему технической, машиностроительной, информационной и инфраструктурной поддержки любых видов частного, семейного и вообще специализированного и высокотоварного производства. Только на этой базе можно эффективно строить новые формы аграрно-производственных отношений на земле.

Простая же декларация о введении частной собственности на землю с точки зрения коренных интересов народа никаких существенных сдвигов в выполнении продовольственной программы не внесет. Напротив, это приведет к отрицательным социальным явлениям, а именно — фактическому обезземеливанию масс сельского населения.

Понятно, что осуществление даже только этих программ поддержки развития фермерских хозяйств потребует мобилизации денежных и инвестиционных ресурсов страны. Однако задачи государственно-экономической стратегии еще более широки. Отсюда вытекает потребность и в более мощной системе аккумуляирования денежных и инвестиционных ресурсов в качестве одной из первостепенных задач.

Реформа финансов и цен

Предпосылкой разработки государственной программы стабилизации денежного обращения должно быть понимание того, что ценовая реформа апреля 1991 г. является лишь средством прибли-

женного регулирования разрыва между оптовыми и розничными ценами и более содержательных задач не решает.

Насущной необходимостью остается системная ценовая реформа по всей цепи формирования общественно необходимых затрат — от добычи первичных материалов до выпуска конечной продукции с учетом рентных платежей. Речь идет о сбалансированности всех цен в любой точке производственного процесса, отражающих динамику реальных затрат общества.

Такая ценовая реформа впереди. Следует также учитывать, что в условиях дефицита простое, несбалансированное изменение цен, лишенное соответствующей налоговой поддержки, захлебнется в ненасыщенном, негибком спросе потребителей.

Отсутствие жесткого контроля над движением денежных ресурсов в условиях стагфляции приводит к сокращению объемов долгосрочных кредитов, ориентированных на расширение и развитие производства, а удорожание ссудных ресурсов и сокращение сроков кредитования подхлестывает неконтролируемую инфляцию. Отсюда следует:

Первое. В первый год осуществления стабилизации денежного обращения можно достичь лишь блокирования процессов усиления стагфляции. В процессе погашения вексельных обязательств в программе народной приватизации связывается ежегодно не менее 80 миллиардов рублей налично-денежных средств. Около 120 миллиардов рублей не входят в налично-денежное обращение из распределения фондов потребления, учитываемых в погашении вексельных обязательств безналичным образом. В то же время для обслуживания оборота в общественном производстве будет привлекаться краткосрочный и среднесрочный кредит в безналичной форме общим объемом до 120 миллиардов рублей ежегодно.

Далее, расчетные операции при реоформлении собственности в коммунальном хозяйстве дополнительно свяжут до 17 миллиардов рублей в первый год процесса приватизации жилых и нежилых помещений. До 12 миллиардов рублей может быть получено во второй год. В последующем эти поступления удельно и абсолютно сократятся и станут незначительными.

Нерегулируемые цены на предметы роскоши и бездефицитные виды продукции могут связать налично-денежные ресурсы не более чем на 5–7 миллиардов рублей ежегодно в приросте общей суммы товарных цен рынка предложений.

Вместе с тем организация инвестиционного процесса, даже в режиме инфляционной эмиссии, обеспечит **новый рынок**: специализированные средства производства, малой механизации и периферии, диверсифицированное оборудование станочного парка. На втором этапе (во втором году) она даст незначительный рост дополнительных объемов общественного продукта в негосударственной сфере производства и взрывной его рост в третий год.

Расчетно, в течение трех лет обеспечивается возвратность всего инвестированного (на эти цели) объема государственных и иных средств с дополнительным связыванием не менее 30 процентов налично-денежных знаков в обращении.

Второе. Национальная валюта в СССР является замкнутой и не может в настоящее время опираться на механизмы прямой конвертации в обмене на открытые мировые валюты (СКВ). Вместе с тем следует учесть, что даже в нынешних внутрисоюзных расчетах оперируют разные счетные платежные средства под общим наименованием национальной валюты СССР — рубля.

Расчеты в конвертируемых платежных средствах в процессе образования фондов потребления производств первичного сырья на экспорт не должны допускаться. Данные ресурсы следует, как правило, использовать для обеспечения инвестиционной поддержки процессов перехода на производство сложной (готовой) продукции на экспорт и замещения импорта.

При реализации государственных финансово-ценовых программ существенно изменяются права, функции и место Госбанка СССР как национального эмиссионного банка, которому экономически подчинены все банки государства, вне зависимости от их принадлежности и форм собственности.

Не менее значимой и, по существу, равнозначной мерой является введение налоговой политики как протекционистской системы, с гибкими налоговыми взаимоотношениями как в режиме льгот, так и в режиме защитительных тарифов, обеспечивающих максимальные льготы по развитию импортзамещающих, экспорт-эффективных, наукоемких производств с широкой опорой на холдинговые взаимоотношения с иностранными инвесторами под государственные гарантии правительства СССР.

В рамках инвестиционной политики движения государственных кредитных ресурсов в национальной валюте предпочтитель-

ным правом будет пользоваться «медленная», или инфраструктурная, экономика. Перед инвестициями такого рода прежде всего ставится задача обеспечения качественного сдвига промышленного контура СССР в направлении входа в мировое разделение труда со своим национальным сложным готовым продуктом.

Третье. Реформа цен 1991 г. не устраняет причин неустойчивости потребительского рынка, и вероятность дальнейшего роста цен велика. В стране сложилась резкая дифференциация населения по уровню доходов, расходов и сбережений.

Неэластичность спроса у бедных и доминирование на рынке обеспеченных слоев населения приводят к тому, что совокупный спрос слабо эластичен по цене. В этих условиях при росте цен доход производителя увеличивается даже при сокращении продаж в натуре. Рост цен и падение производства будут продолжаться до тех пор, пока совокупный спрос не станет достаточно эластичным.

В такой ситуации регулирующее воздействие на цены может оказать налоговая политика перераспределения доходов с акцентом на их ограничение у обеспеченных слоев населения. Это увеличит число потребителей, спрос которых зависит от уровня цен. В конечном итоге возникает и стимул к росту производства товаров.

Четвертое. Выход из кризиса и обеспечение поступательного развития нашей экономики невозможны без оздоровления платежного баланса страны в плане сбалансированности внешнеэкономических связей. Вместе с тем следует добиться исключения ситуаций спекулятивных внешних воздействий на рубль. Это чрезвычайно важно при переходе к работе по законам рынка и в условиях приобретения нашей экономикой многомерных свойств. Ведь во внешнеэкономические связи вступает возрастающее число нетрадиционных хозяйственных субъектов, что требует особого внимания к проблеме соблюдения общих государственных интересов.

2.3. Реформа технико-экономической и научной базы

Промышленность

На длительном отрезке времени по различным, в том числе и геополитическим, причинам в народном хозяйстве страны воспроизводился и наращивался индустриальный тип производства. При этом до определенного момента удавалось увеличивать чисто ко-

личественные показатели результатов хозяйственной деятельности любой ценой. Идеологизированный постоянный количественный рост не давал возможности осуществить своевременно необходимые структурные перестройки ни в масштабах всего народного хозяйства, ни в его отдельных производственных единицах. В результате структура экономики оказалась в стадии столь глубокой деформации, что серьезно затруднен не только переход к экономическим методам управления, но и проведение мер стабилизационного характера. Если говорить о наложении рыночных отношений на сложившуюся структуру хозяйства, то такой эксперимент неизбежно приведет к полному развалу экономики на фоне имитации рынка.

Сегодня значительную часть трудовых и материальных ресурсов отвлекает инвестиционный комплекс, в том числе оборонная промышленность, которая, по сути дела, выведена за пределы единого народнохозяйственного комплекса и, следовательно, может управляться лишь чисто командными методами. Значительный инфляционный заряд содержит в себе гипертрофированное производство средств производства, утратившее инновационный потенциал еще на рубеже 60–70-х годов. Эта сфера слабо ориентирована на техническое обеспечение выпуска продукции конечного спроса. Народное хозяйство оснащено по преимуществу морально и физически устаревшим оборудованием. Отсутствие сбалансированности и низкое качество применяемой техники оказывают сильное давление на добывающий сектор экономики. В результате формируется и воспроизводится работающий сам на себя ресурсорасточительный тип хозяйствования. При низкой мотивации труда, среди причин которой недостаточный уровень развития социальной сферы, постоянно требуется приток новых рабочих рук и соответствующих материальных ресурсов в производство. Пределы такого типа развития очевидны.

Важнейшая роль в устранении диспропорций, безусловно, принадлежит хозяйственному механизму, воздействию экономических рычагов, включающих и реформы рыночного толка. Однако опыт стран, проводивших модернизацию и структурные сдвиги в экономике, показывает, что такого рода масштабные операции с необходимостью требуют **прямого государственного участия**. Оно может проявляться в форме различных сочетаний методов командно-директивного и косвенного экономического регулирования.

Это в повышенной мере актуально для экономического пространства нашей страны, неоднородного по уровню хозяйственного развития и социальной обеспеченности.

Следует подчеркнуть, что без структурной перестройки в наших реальных условиях переход даже к зачаточным формам рынка неизбежно ведет к абсолютной утрате какого-либо контроля за социально-экономическим процессом. Об этом свидетельствует весь опыт последних шести лет. Существенно важно, **что структурные сдвиги сколько-нибудь успешно могут быть осуществлены лишь при условии одновременно проводимой технологической модернизации.** В противном случае ни создание суперведомств, ни предоставление прав предприятиям с проблемой достижения сбалансированности не справятся. Только сменой управленческих форм без коренного улучшения качества ресурсов и преодоления диспропорций хозяйственная деформация не устраняется.

В целях проведения модернизации государство должно организовать контроль экспортной выручки от вывоза сырья, и прежде всего энергоресурсов. Валютные поступления необходимо приоритетно расходовать на удовлетворение основных жизненных потребностей граждан и на целевые программы модернизации. Использование валютных средств на приобретение товаров, которые в нашей конкретной ситуации могут быть отнесены к предметам роскоши, должно быть запрещено.

С целью ресурсного обеспечения начального этапа модернизации и структурной перестройки необходима инвентаризация предприятий, прежде всего инвестиционного комплекса, по двум направлениям:

- во-первых, для выявления предприятий – полюсов последующей диффузии наукоемкой продукции и технологии (особенно в оборонном комплексе);
- во-вторых, для выявления предприятий, подлежащих пере профилированию на выпуск непосредственно продукции конечного спроса или средств, обеспечивающих такой выпуск;
- в-третьих, для выявления возможностей создания импортзамещающих производств;
- в-четвертых, для выявления предприятий-монополистов в той или иной сфере производственной деятельности.

Все эти мероприятия в конечном итоге отвечают целям одновременно модернизации и социальной ориентации экономики.

В качестве ресурсного источника модернизации и структурной перестройки нашей экономики можно рассматривать и привлечение иностранных капиталовложений. В частности, используя зарубежные технологии переработки природного и нефтяного газа с последующим экспортом ценных компонентов, можно избежать превращения СССР в «сырьевой придаток» развитых стран, поскольку в этом случае будет осуществляться вывоз продукции более высокой степени обработки, чем, например, сырая нефть.

Модернизация автоматически меняет условия труда на предприятиях, добавляя широкий спектр мотиваций к принципу материальной заинтересованности.

Структурно-инвестиционная политика государства должна создать экономику, подготовленную к полноценному функционированию в условиях рыночных отношений. Для этого необходимо сократить сферы расходования инвестиций в неэффективных направлениях, резко повысить качество инвестиционного комплекса, расширить производственную и ресурсную базу социально ориентированных секторов экономики.

Применительно к новым задачам требуется отработать принципы государственного централизованного регулирования экономики. Это должен быть набор целевых комплексных программ, каждая из которых содержит целевые, функциональные, структурные и балансовые уровни. Основное внимание должно быть уделено ресурсному обеспечению для достижения поставленных целей. При управлении государственным сектором допустимы неэкономические методы регулирования, поскольку рыночная система в наших конкретных условиях структурно-инвестиционный маневр в приемлемые сроки не осуществит.

Конверсия

Проблема конверсии оборонной промышленности исключительно болезненно воспринимается общественным сознанием. Это связано с тем, что распадаются большие коллективы высококвалифицированных рабочих и инженеров, научных сотрудников, разрушаются уникальные производственные процессы, утрачивается технологический потенциал. Труд на оборонных заводах теряет традиционно высокий престиж. Данный процесс не обеспечен научно и пропагандистски, что порождает в разных слоях общества серьезную озабоченность и опасения за обороноспособность страны.

Следует констатировать, что в настоящее время сложилось два основных подхода к механизму конверсии оборонного комплекса

в СССР. Оба они не решают задачи развития экономики и общества в целом, а лишь способны усугубить ситуацию.

Первый путь представляет собой **консервативную, или экстенсивную, конверсию**, которая связана с принятием исключительно расточительных программ, не учитывающих глубину экономического и финансового кризиса в стране. Суть ее заключается в том, что многомиллиардные суммы, расходуемые на вооружение и военную технику, определяются введением новых цен на эту продукцию с учетом сокращения серийности ее выпуска, дотациями предприятиям, ставшим убыточными в связи с конверсией, расходами на консервацию производственных цехов. Такая конверсия лишь усугубит ситуацию в денежно-финансовой и инвестиционной сферах.

Второй путь, который предлагается рядом экономистов, можно назвать **радикальной, или шоковой, конверсией**. Он предполагает одномоментное закрытие половины и более предприятий, особенно тех, что выпускают материало- и энергоемкую продукцию. При этом не учитываются катастрофические последствия быстрого закрытия таких предприятий, связанные с оставлением без работы миллионов высококвалифицированных рабочих, инженеров и служащих, которые составляют профессиональное ядро оборонного комплекса. Шоковая конверсия не согласована также и с поддержанием обороноспособности страны, способна вывести на длительный период из строя целые структурные комплексы по производству военной техники.

В этих условиях необходим третий путь — интенсивная конверсия, которая может проводиться исходя из следующих условий:

при четком соотношении необходимой оборонной достаточности и целей репрофилирования предприятий оборонного комплекса;

при всесторонней инвентаризации всех предприятий оборонного комплекса с привлечением экспертных групп, ученых и специалистов народного хозяйства с целью определения предприятий и научно-производственных комплексов, способных производить конкурентоспособные продукты для их внедрения на внутренний и мировой рынок;

при создании политики жесткого протекционизма в отношении такого рода предприятий, перераспределении финансовых ресурсов и фондовых материалов для создания наиболее благоприятных условий предприятиям, способным вести равную конкурентную борьбу с зарубежными фирмами, концернами и корпорациями;

при обеспечении условий полной гарантии переквалификации, обучения, получения денежных компенсаций работниками предприятий оборонного комплекса, которые государство вынуждено будет закрыть как действительно неперспективные;

при постоянной координации этой работы с научными коллективами.

Наука

Прошедшая длинный исторический путь, советская наука сложилась в крупную по масштабам и очень специфическую по своей организации систему научной деятельности. Это самобытная, сильная, корнями своими уходящая в национальную культуру наука, при этом испытывающая на себе все болезни общества.

Если процесс пускается на самотек, то новые связи устанавливаются неконтролируемым способом. Для науки эта ситуация может оказаться фатальной, поскольку наука – хрупкое образование, которое не может уцелеть без финансовой и организационной поддержки стабильных государственных структур. Не может наука и «стихийно» перестраиваться. Если в стране не окажется сильного «субъекта перестройки», то сформированная в старой системе наука просто распадется и прекратит существование. Возникнет разрыв непрерывности, и останется лишь надежда на возникновение новых научных структур в новой устоявшейся экономической системе.

Слом старого хозяйственного механизма в стране без адекватной замены привел к тому, что были подорваны основы стабильного финансирования и обеспечения науки материально-техническими ресурсами. Началась негласная и не санкционированная политическими органами ликвидация научно-исследовательских институтов. Резко изменился социально-психологический климат в среде научных работников.

Все это породило качественно новое по своей мотивации и структуре явление – ориентацию на массовую эмиграцию ученых и научно-технических кадров. Это является и следствием, и важным индикатором кризиса научной системы.

В этих условиях необходима выработка и осуществление срочных мер по обеспечению жизнеспособности научного потенциала СССР (причем не позднее середины 1991 г.), а также, после определения масштабов этой системы, создание государственной программы реорганизации науки, с ее гарантированным выживанием.

Применительно к отраслевой науке возможны следующие срочные шаги: запретить ликвидацию всех НИИ и КБ решениями министерств и ведомств. Финансировать их существование в течение 1991 г.; создать гибкую структуру малых научных коллективов как при НИИ, так и вне централизованного управления; срочно сформировать инфраструктуру, позволяющую создавать рабочие места для тех научных сотрудников, которые при возможном сокращении сети НИИ попадут в новые исследовательские структуры.

В сложившейся ситуации в наиболее уязвимом положении оказалась фундаментальная наука. В настоящее время имеется достаточно большое число направлений в отечественной фундаментальной науке, где уровень не только не уступает, но и превышает зарубежный. Детальная инвентаризация отечественной науки в ее сравнении с мировой показала, что в любой из отраслей науки существуют лидирующие, прорывные научные разработки, своего рода «щупальца», запущенные далеко вперед за линию мирового научного фронта.

Даже в тех областях, в которых отставание в среднем оценивается как катастрофическое (на 40–50 лет), есть прорывы, работы и разработки, превышающие мировой уровень, где советские ученые пошли принципиально новым путем. Мировая научная общественность признает приоритетность такого рода разработок, их прорывной характер, их конкретную воплотимость в жизнь. Можно говорить о «второй науке», характеризующей совокупность опережающих советских разработок примерно в 150 отраслях. Ее потенциал, безусловно, достаточен для прорыва.

Область фундаментальной науки должна целиком базироваться на средствах государственного бюджета. **Необходима прочная материальная поддержка достигнутого уровня фундаментальных наук со стороны государства, поскольку здесь отставание преодолеть будет невозможно.**

Прикладные исследования должны войти органической частью в структуру хозяйственной деятельности. Их результаты будут востребованы новыми субъектами экономической инициативы. Необходимо выработать обоюдную заинтересованность предпринимателя и изобретателя. Создатель новой техники после внедрения должен иметь право на творческое вознаграждение в размере до 5 процентов от величины чистой прибыли на протяжении минимум 10 лет. Эти суммы, как и прибыль внедряющего новую технику

предприятия, облагаются пониженной льготной ставкой налога.

Финансовая политика по отношению к фундаментальной и прикладной науке, неформальным научным обществам, изобретателям и рационализаторам должна основываться на принципе, согласно которому творчество вообще не может быть оценено через понятие «богатства» — это особое качество личности. И, сколько бы такая личность ни получила от общества, справедливость любого вознаграждения соизмеряется только с тем, сколько эта личность дала обществу. **Необходима политика протекционизма по отношению к отечественной науке и предприятиям, реализующим новую отечественную технику.** Здесь уместны широчайшие налоговые льготы, особенно тем, кто разрабатывает и внедряет производство импортзамещающей продукции. Только таким образом можно постепенно превратить страну из экспортера сырья в полноправного конкурента на мировом рынке продуктов высокой степени обработки.

Следует предоставить самые широкие права изобретателям и творческим работникам реализовать свою часть дохода в производительных капиталовложениях, в первую очередь в области рискованной творческой деятельности (наукоемкое производство). Мировая практика выработала достойные образцы для подражания в этой сфере.

2.4. Социальные издержки и социальные результаты

Комплекс экономических реформ проводится не только для обеспечения хозяйственного роста в послекризисном периоде, но и для достижения социальных результатов. Пока же, до выхода из кризиса, экономическая политика государства должна быть направлена на минимизацию и равное распределение между группами населения социальных издержек спада производства и тягот общественного переустройства.

Высшая социальная цель общественно-политических и экономических преобразований состоит в разрешении фундаментального противоречия между ограниченными мотивами участника трудового процесса, вытекающими из отношений найма, и общественным характером средств и результатов производства. Другими словами, речь идет о преодолении отчуждения работника, которое присуще как административно-командной, так и либерально-рыночной модели экономики.

Разгосударствление собственности только потому и имеет смысл, с точки зрения общества, что оно разрешает названное противоречие путем наделения каждого работника равной долей имущественных прав на обеспечивающие его труд средства производства.

В условиях растущей дифференциации доходов единственно приемлемый метод разгосударствления собственности – «народная приватизация». Она блокирует взрывной рост имущественного неравенства трудящихся на начальных этапах выхода из кризиса, обеспечивает в определенной мере равные стартовые условия всем гражданам страны накануне экономического подъема. «Народная акция» по желанию трудящихся может быть использована для улучшения социальных условий жизни их семей. Владение «народной акцией» предполагает при реализации процесса управления предприятием принцип «один человек – один голос».

Исторически сложилось, что в нашей стране социальную защиту граждан осуществляло государство и в значительно меньшей степени трудовой коллектив. Это – крупное социальное завоевание народа. Наш опыт обеспечения социальных гарантий граждан со стороны государства воспринят и на Западе, где он был существенно развит. К настоящему времени там сложилась система тройного уровня социальной защищенности человека: на государственном уровне – пенсии, страхование по безработице, болезни, от несчастных случаев и стихийных бедствий; на фирменно-корпоративном уровне – пенсии, страхование жизни по болезни, обеспечение пожизненного участия в доходах с передачей имущественных прав по наследству; на семейно-личном уровне – широкий спектр услуг страховых компаний и пенсионных фондов и возможность вложения личных средств в доходное имущество. И теперь уже следует перенять часть этого опыта нашей системе социальной защиты, т. е. дополнить государственные гарантии коллективными и семейно-личными.

Ни в коем случае нельзя ослаблять государственные социальные гарантии до выхода из кризиса. Прежде всего со стороны государства, проводящего структурную перестройку хозяйства и модернизацию, требуется организация переподготовки высвобождающейся в ряде отраслей рабочей силы. На этапе экономического подъема должны быть задействованы в равной степени все три уровня социальной защиты. Причем «народная приватизация»

создает основу развития коллективного, группового и семейно-личного уровней социальных гарантий граждан.

«Народная приватизация» позволяет гражданам вкладывать средства в недвижимое имущество, цены на которое в условиях даже сильной инфляции будут расти быстрее, чем на товары текущего спроса. Тем самым создается новый механизм защиты сбережений трудящихся в неблагоприятных экономических обстоятельствах.

Модернизация производства объективно требует и содержит в себе предпосылки гуманизации социально-трудовых отношений. Повышение квалификации труда, бережное расходование человеческого капитала, патернализм, повышенное чувство личной ответственности за результаты труда, сближение уровня и образа жизни участников производства, коллективные методы работы и интересы – все это создает дополнительные, помимо роста доходов, мотивации для роста экономической эффективности. Таким образом, модернизация не представляет собой технократическую программу, а непосредственно влияет одновременно и на экономический, и на социальный результаты хозяйственной деятельности.

Структурно-инвестиционная политика государства должна обеспечить необходимыми ресурсами целевые программы: производственную, экологическую, охраны здоровья, жилищную, производства товаров длительного пользования.

Государство обеспечивает выравнивание социально-экономических условий и уровня жизни населения по территории страны путем индикативного планирования (через фискальные льготы, субсидии, льготные кредиты) и прямого участия (в форме направления ресурсов в зоны социальных бедствий).

Декларация о введении частной собственности на землю, с точки зрения коренных интересов народа, никаких существенных сдвигов в выполнение продовольственной программы не внесет. Напротив, эта декларация приведет к массовому обезземеливанию сельского населения, к отрицательным социальным последствиям. Произойдет резкое повышение цен на сельскохозяйственную продукцию и продовольствие в результате монополизации аграрного сектора в форме латифундий.

Возникновение фермерства и решение продовольственной проблемы в стране невозможно в обозримом будущем вне государственного протекционизма. Очевидно, нужна система подготовки кадров новых сельских хозяев. Это необходимо сделать рань-

ше, чем у будущих фермеров окажется достаточно средств для оплаты такой подготовки. Частный и коллективный капитал вряд ли способен решить эту проблему в сжатые сроки и полностью. Следовательно, нужна государственная целевая программа. Она будет иметь дополнительный социальный эффект в виде снижения негативных последствий структурной безработицы, освободившиеся рабочие руки можно будет быстрее и легче использовать для возрождения села.

Бессрочная аренда государственных земель как форма организации фермерских хозяйств, по сравнению с частным землевладением, имеет важное социальное преимущество. В этом случае нет рынка земли, спекуляции участками, которая повлечет за собой, как показывает мировой опыт, взвинчивание цен, в результате чего равный доступ граждан к земле будет затруднен. Спекуляция землей по взвинченным ценам обескровит фермерство и затормозит развитие сельскохозяйственного производства.

Возможная на переходном периоде резкая дифференциация доходов ослабляет стимулирующую роль экономических рычагов в росте товарной массы, ставит барьер позитивным изменениям структуры спроса, способствует возникновению очагов социальной напряженности, снижает уровень жизни населения. В связи с этим необходимое движение цен к равновесному уровню должно сочетаться с дифференцированной индексацией доходов. На переходном периоде любая политика государственных дотаций, если она не искажает структуру цен, не носит характер убивающей стимулы благотворительности, имеет, помимо социального, чисто прагматическое значение.

Конечно, в период кризиса и выхода из него только активная государственная политика способна если не облегчить в целом, то уравнять бремя социальных издержек. В сочетании с рыночной самоорганизацией эта политика способна сократить длительность кризисной фазы. Плоды же преобразований достаточно скоро окупят принесенные жертвы, появятся новые возможности роста социальной мобильности и дохода, экономика динамизируется, и социальная защищенность трудящихся будет обеспечиваться на трех уровнях, а не только в форме государственных гарантий. В условиях же возврата к администрированию такие перспективы полностью исчезают, уже принесенные жертвы потеряют всякий смысл.

2.5. Национальная и экономическая безопасность

К началу перестройки в обществе существовали высокоорганизованные антисоциальные силы: коррумпированная часть партийно-государственной бюрократии и мафиозные структуры. Именно они хлынули в образовавшийся при сломе административных структур вакуум, активно ломая эти структуры и обогащаясь в условиях хаоса. В руки преступников был дан огромный стартовый капитал в результате антиалкогольной кампании, которая не только породила огромный скачок дефицита в госбюджете, но и способствовала возникновению новых устойчивых мафиозных структур, быстрому наращиванию теневого капитала. Разрешение кооперативам и совместным предприятиям вести бесконтрольную внешнюю торговлю при неконвертируемом рубле, искусственно заниженных по сравнению с мировыми внутренними ценами и наличию больших теневых капиталов привело к спекуляции национальным достоянием.

Возникла реальная угроза экономической безопасности Союза ССР из-за возрастающих объемов контрабандных поставок импортных товаров; экспорта необработанного сырья; махинаций по перераспределению кооперативам и совместным предприятиям различной фондируемой продукции и сырья в ущерб государственным заказам; реализации им же повсеместно скопившегося на госпредприятиях неликвида для вывоза за рубеж; незаконного ввоза и вывоза капиталов без организации собственно совместных производств, что приводит к накоплению на счетах СП крупных сумм советских денег, которые обмениваются на иностранную валюту по курсу «черного» рынка.

Повысилась организованность преступлений в финансово-банковской системе путем денежных махинаций, подделки банковских чеков и кредитных карточек, незаконных операций по снятию и переводу денежных сумм.

Подобную ситуацию можно расценивать как разновидность финансовой войны против Союза ССР с использованием различных форм мошенничества, фиктивного банкротства, уклонения от налогообложения.

Ужесточился контроль организованной преступности над наркобизнесом, проституцией, вымогательством (рэкетом), игорным бизнесом.

Уже отмечаются факты организованной преступной торговли трансплантируемыми органами и донорской кровью, формируется «черный» рынок рабочей силы.

Катастрофический масштаб приобрели массовые преступления на объектах транспорта, которым способствуют вынужденные перебои работы транспорта, блокада дорог, массовые «бросания» поездов без охраны на перегонах, скопления неохраняемого подвижного состава с ценными грузами на приграничных станциях и в морских торговых портах.

В основе многих преступных действий лежит коррупция, суть которой составляют подкуп и продажа властных полномочий различным преступным сообществам, использование должностными лицами в корыстных целях служебного положения, подкуп и взяточничество, государственный рэкет. С помощью коррупционеров с иностранными фирмами заключаются невыгодные для страны контракты на поставку некачественной продукции, сбывается стратегическое сырье и материалы.

Создавшееся положение можно характеризовать как **срыв перестроечных процессов в сфере обеспечения правопорядка:**

во-первых, в ходе перестройки не удалось реализовать на деле лозунг о том, что «у нас не должно быть зон, свободных от критики». Ряд регионов не коснулся очистительный процесс борьбы с организованной преступностью и коррупцией. Процессы, вскрытые в Узбекистане, параллельно проходили во всех республиках, краях и областях с разной степенью интенсивности. Размах мафиозных структур был явно недооценен: ими оказались поражены все отрасли народного хозяйства и все элементы власти;

во-вторых, под лозунгом широко разрекламированной суверенизации была расшатана система правоохранительных органов, особенно МВД СССР;

в-третьих, ложно понятый принцип гуманизации правовой системы привел к тому, что на фоне действительно необходимых мер по реабилитации невинно пострадавших людей полным ходом идет кампания за реабилитацию активно действующих преступников. На фоне мер по укреплению законности развернулась кампания по компрометации и дискредитации честно выполнявших свой долг сотрудников милиции, госбезопасности и прокуроров. Это не могло не породить общую их апатию и неверие в справедливость;

в-четвертых, непрестанные реорганизации в МВД на протяжении всех лет перестройки, «мотание» огромной системы то в одну, то в другую сторону крайне негативно сказались на эффективности борьбы с преступностью.

В результате этих и ряда других факторов перестройка в сфере правопорядка обернулась разгулом преступности. Если не будет остановлен маховик реализации лозунга о конверсии «теневого» капитала и легализации «теневой» экономики, то на фоне грядущей безработицы, центробежных процессов, взрыва этнических, религиозных и политических конфликтов, тотального дефицита, на фоне дезинтеграции правоохранительной системы — эти факторы в совокупности вызовут такую волну преступности, которая сметет все усилия по борьбе с ней.

Механизм обеспечения национальной безопасности в период стабилизации предполагает разработку системы защиты экономической деятельности от криминализации, структур управления от коррупции, населения и общества в целом от разгула преступности.

Защита общества от организованной преступности

В организационном плане предусматривается поэтапное создание мощной президентской службы по борьбе с организованной преступностью. На первом этапе (в течение 1,5–2 ближайших лет) должны быть сформированы разветвленные, хорошо оснащенные структуры на региональном и межрегиональном уровнях, подчиненные соответствующим централизованным службам в МВД СССР, КГБ СССР и Прокуратуре СССР. На втором этапе эти структуры объединяются в единую централизованную службу по борьбе с организованной преступностью — комитет, находящийся в непосредственном подчинении президента СССР. При данной службе создаются бюро технического обеспечения безопасности и система экспертных советов на контрактной основе (по отраслям народного хозяйства, структурам экономической и правовой деятельности).

В плане правового регулирования разрабатывается Закон об основах борьбы с организованной преступностью в Союзе ССР (по аналогии с соответствующими законами в США, Японии, Италии и других странах). Одновременно следует привести в соответствие с нормами данного общесоюзного закона уголовное, гражданское, трудовое, финансовое и иное законодательство СССР.

Предусматривается укрепление Государственной налоговой инспекции СССР, наделение ее контролирующими функциями и властными полномочиями, правами расследования фактов сокрытия доходов и направления материалов о таких нарушениях в суд.

Разрабатывается комплексная программа обеспечения контроля за параметрами «теневой» экономики с выводом информации

в Госкомстат СССР путем формирования единой базы данных об этих явлениях.

Защита экономики от криминализации

Создается единый ревизионный орган при Кабинете министров СССР для осуществления проверок и ревизий по поручениям и постановлениям правоохранительных и финансовых органов.

Вводится система регулярных проверок соблюдения порядка кредитования банками кооперативов, совместных предприятий, акционерных обществ с целью осуществления контроля за целевым использованием кредитов и их возвратом.

Расширяется сеть скупочных и комиссионных магазинов по торговле товарами, ввезенными гражданами из-за границы, с обеспечением государственно-общественного контроля за их реализацией населению.

Открывается сеть государственных коммерческих магазинов, торгующих дефицитными изделиями.

Создается гибкая налоговая система (налог с продаж, налог с прибыли) в отношении коммерческих магазинов, открытых кооперативами, частными лицами.

Принимается Закон о банкротстве в СССР, в котором содержится механизм защиты общества от хищений путем банкротства.

Вводится электронная система слежения за арбитражной практикой применения законодательства о материальной ответственности государственных предприятий, организаций, кооперативов, совместных предприятий и других юридических лиц за вред, причиненный партнерам по хозяйственной деятельности в результате несоблюдения договорных обязательств.

Такая же система вводится по контролю за поступлением, транспортировкой, хранением и распределением грузов, поступающих в СССР из-за границы, с целью выявления и пресечения фактов их сокрытия, хищений, порчи и уничтожения.

Разрабатывается единая общегосударственная система учета размеров потерь грузов на всех стадиях транспортировки для определения конкретных участков их возникновения, а также разграничения персональной ответственности участников процесса перевозки.

Устанавливается перечень валютных ценностей, операции с которыми составляют монополию государства (драгоценные металлы, камни и минералы, за исключением ювелирных изделий, а также лома таких изделий).

Защита экономической безопасности СССР

Создается новый механизм функционирования сквозного валютно-таможенного контроля за внешнеторговыми сделками, основанного на информационном обмене и организационном взаимодействии Минфина СССР, Госбанка СССР, коммерческих банков, уполномоченных обслуживать расчеты по внешнеторговым сделкам и действующих на основании лицензий, выдаваемых Госбанком СССР, Главного управления государственного таможенного контроля при Кабинете министров СССР, Внешэкономбанка СССР.

Для проведения этой работы создается специальный орган валютно-таможенного контроля, оснащенный современной компьютерной техникой, позволяющей получать и обрабатывать информацию, поступающую от организаций экспортеров и импортеров, таможи и банка. В этом случае потребуются наличие совместимой компьютерной базы в таможенных органах и банке, возможно, и в организациях, представляющих отчетность, а также разработка единой базы данных. Создается служба таможенной экспертизы, которая включает в себя систему технического слежения за вывозом стратегического сырья и материалов, драгметаллов и ввозом высокотехнологических изделий из-за рубежа. Вводится порядок, при котором ввоз и вывоз продукции лицензируется только при наличии актов экспертизы такой службы.

Объявляется монополия государства на ввоз особо прибыльной импортной продукции (персональные компьютеры, бытовая электроника, автомобили, аудиовизуальная техника и т.п.).

Разрабатывается гибкая налоговая политика применительно к вывозу энергоносителей, металлов, стройматериалов, промышленного сырья, особо наукоемких технологий. В этих целях создается специальный орган при Кабинете министров СССР.

Вводится институт правовой и финансовой ответственности за сокрытие сведений по операциям через иностранные банки в ущерб экономической безопасности страны.

Создается сеть пунктов купли-продажи иностранной валюты в отделениях госбанков и коммерческих банков, которым такое право выдается Внешэкономбанком СССР.

Защита структур управления от коррупции

Стержневым моментом здесь является принятие основ законодательства Союза ССР и союзных республик о государственной

службе, где регламентируются вопросы недопущения для государственных служащих совместительства (кроме научной, изобретательской, педагогической и экспертной деятельности), получения подарков и принятия услуг от предприятий, учреждений и организаций, а также от граждан в связи с выполнением служебной деятельности, совершения действий, которые могут быть расценены как использование своей должности в личных целях, и других деяний, способствующих коррумпированию.

Одновременно готовится положение о финансовом контроле за имущественным состоянием лиц, занимающих ответственные государственные должности, предусматривающем декларирование ценного имущества, которым они располагали при вступлении в должность, и особый порядок совершения ими крупных имущественных сделок.

Защита общества от массовых преступных проявлений

Вносятся дополнения к Закону СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения» от 03.04.90 г., суть которых сводится к тому, чтобы создать правовые гарантии для реального предотвращения массовых беспорядков на стадии «угрожаемого» периода, когда беспорядки как таковые еще не начались, но к ним ведется интенсивная подготовка, распространяются слухи, на митингах ведется пропаганда межнациональной розни, совершаются террористические акты, диверсии и акты вредительства.

Дополняется Указ президента СССР от 25.07.90 г. «О запрещении создания вооруженных формирований, не предусмотренных законодательством СССР, и изъятии оружия в случае его незаконного хранения» — разделом о введении чрезвычайного положения в отдельных регионах при необходимости разоружения военизированных группировок.

Разрабатываются и принимаются законы СССР «О борьбе с терроризмом», «Об урегулировании вооруженных конфликтов между республиками», «О статусе беженцев», «Об ответственности за геноцид».

Восстанавливается система централизованного руководства оперативно-розыскными и следственными аппаратами в системе органов внутренних дел. При МВД СССР создаются «силы быстрого реагирования» для пресечения межнациональных конфликтов, актов массового противоправного экстремизма и терроризма.

2.6. Контуры экономики будущего

На пороге XXI века страна должна выйти из социально-экономического кризиса. Потенциал этого выхода либо будет сегодня растрачен, либо воссоздан для будущего экономического роста. В этом смысле может быть принят лозунг «Иного не дано».

Для того чтобы имеющийся потенциал развился, следует разнообразить социально-экономическую систему, сделать экономику многомерной, чтобы разные формы собственности конкурировали между собой и дополняли друг друга. Именно разнообразие экономического пространства обеспечит высокую вероятность возникновения полюсов роста, даст импульс структурной перестройке экономики и технологической модернизации.

Мнение, что только рынок способен взрыхлить почву для дальнейшего экономического роста, наивно. За прошедший период была создана инерционная и мощная индустриальная система, подкрепляемая самодостаточным для отдельных исторических эпох командно-административным механизмом управления. Осуществить серьезные структурные сдвиги и процесс модернизации в наших конкретных условиях способно только государство. Только оно в состоянии подготовить нашу экономику к эффективной многомерности, когда рыночные методы регулирования будут органично сочетаться с государственным управлением. Следует подчеркнуть, что без перестройки, начатой в 1985 г., создание многомерной экономики было бы невозможно. Не был бы возможен и переход к экономическим методам регулирования хозяйства.

В сегодняшней переходной ситуации вновь на повестке дня вопрос об управлении, о тех его формах, с которыми страна войдет в XXI век. Новый тип управления предусматривает отделение собственно государственного управления от хозяйственного. Применительно к экономике будущего это означает, что в ведение государственных структур попадают стратегические проблемы развития, главным образом на макроэкономическом уровне, тогда как хозяйственные структуры сосредоточиваются на текущих задачах процесса воспроизводства.

При таком типе управления неизбежны элементы «командности» со стороны государства, но в форме экономического регулирования.

Экономика будущего предполагает открытость миру, функционирует как многомерная, под государственным протекционизмом.

Возникает новое социальное структурирование. На каком-то этапе уже состоявшегося исторического развития нашего общества классовая характеристика принадлежности человека исчезла. У нас реально сформирована некая социальная общность. Теперь зарождается так называемый средний класс, обозначается резкая стратификация внутриклассовых групп.

Экономика будущего, в нашем представлении, не признает социальных различий, для нее все члены общества социально равны. Наше политическое и социально-экономическое пространство должно давать равные возможности, удобства и приемлемость для всех социальных групп и каждого из людей, составляющих эти группы. Преимущества такой социальной мобильности будут сохраняться и развиваться. В этом смысле осуществляется примат общечеловеческих ценностей, провозглашенный перестройкой.

Характерная черта экономики будущего состоит в том, что решающую роль в ней будет играть научно-техническая интеллигенция. Это объективный процесс, обусловленный в том числе спецификой труда в модернизированном хозяйстве.

Таким образом, экономика будущего представляется многомерной, с облегченным производственным контуром и модернизированной технологией, социально направленной, управляемой преимущественно экономическими методами, с развитой многофункциональной инфраструктурой, сбалансированной по финансовым и материальным потокам, обеспечивающей комплекс разумных потребностей каждого члена общества.

Страна располагает всеми возможностями, чтобы реализовать стратегию экономики «прорыва».

Заключение. Концепция прорыва и постиндустриальное общество

Сейчас еще нет возможности отчетливо представить себе образ того типа цивилизации, который может быть построен в результате прорыва. Его можно очерчивать в «негативных» утверждениях. Это не будет общество потребления, это не будет антиэкологичное (в широком смысле слова, включающее экологию культуры и человека) атомизированное общество, это не будет авторитарный и унитарный бюрократизированный режим и т.д.

Но где же возможность эволюции к такому обществу с того этапа, на котором речь идет о выживании этносов? И как можно говорить о

таком прорыве, когда значительная часть населения живет и мыслит в структурах традиционного, «медленного» общества и не проварена в котле рыночной экономики и индустриального образа жизни?

На наш взгляд, именно на нынешнем этапе развития человеческой цивилизации мы получили эту уникальную возможность. И заключается она в том, что в этот исторический момент существуют три диалектически отрицающих друг друга типа цивилизации: традиционное аграрное общество, индустриальная цивилизация и постиндустриальное общество. Какие возможности это сочетание открывает для СССР?

Безусловно, для осуществления прорыва необходимо завершение индустриализации страны и овладение новым этапом научно-технической революции. Это можно делать только в рамках смешанной экономики с сильным государственным участием и планированием, с концентрацией ресурсов и агрессивной инновационной политикой. Но эффективной эта система может быть только в том случае, если она будет ограничена сравнительно компактной «зоной прорыва». При попытке распространить воздействие плановых механизмов на все огромное по масштабам и сложности экономическое пространство система опять захлебнется. Основная масса производства и распределения должна быть переведена в режим самоорганизации. Еще недавно, по сути, единственным возможным механизмом такой самоорганизации был рынок. Его тотальное организующее влияние предлагается в качестве механизма и сейчас либеральными демократами. Между тем сейчас это уже не единственная альтернатива планирования. В мире в ряде разных культур возникли и испытаны системы постиндустриального общества, преодолевшие тоталитаризм рынка как организующего механизма. Эти системы могут быть приложены к тем регионам, где доминирует «дорыночное» общество.

Речь идет, таким образом, об использовании известного в технике «туннельного эффекта» в социальной сфере. Сейчас становится возможным овладение элементами постиндустриального общества и свойственных ему способов производства и распределения без перемальвания населения в рыночной экономике, «атомизации» людей и болезненной ломки их культурных устоев и мироощущения. То, что уставшее индустриальное общество создает в ответ на кризис рыночных отношений, может быть органично воспринято обществом традиционным. Это показала тра-

ектория развития Японии, а в последние годы – ряда стран Юго-Восточной Азии. Для этого есть все предпосылки, например, в сельских районах и малых городах России, Средней Азии, Казахстана, Северного Кавказа.

Результатом осуществления такого «туннельного эффекта» будет освоение населением указанных регионов созданных постиндустриализмом наукоемких, но **операционально простых** технологий. Это даст значительное увеличение продуктивности общественного и индивидуального труда без превращения его в труд индустриальный. Это будет производство нематериалоемких и неэнергоемких продуктов для удовлетворения личных потребностей и товарного обмена в селе и городе.

Часть населения через такие технологии будет втянута в мелкотоварное семейное производство с надомным трудом через симбиоз с промышленными предприятиями. Без крупных капиталовложений будет создана крупная и эластичная система рабочих мест и мобилизованы огромные дремлющие трудовые и интеллектуальные ресурсы, включая здоровое участие в семейном трудовом процессе подростков и стариков. Уже сейчас постиндустриальная наука создала огромный и быстро расширяющийся набор технологий, которые вполне могут быть освоены населением СССР, повысить качество его жизни и «разгосударствить» производство и потребление массивных частей общественного организма. Установив в дополнение к существующим сейчас консервативным коллективистским структурам традиционного общества «вторую опору» в виде структур постиндустриализма, мы резко облегчим и ускорим достраивание элементов развернутой индустриальной цивилизации в нише между этими опорами. Эта деятельность будет вполне поддаваться рациональному современному планированию в сочетании с рыночными механизмами регулирования. И та значительная часть населения, которая уже доросла до психологии и мироощущения индустриализма, избежит антагонистических столкновений с «косной» частью населения. Перед нами откроется путь к здоровой плюралистичной экосистеме общества.

ФИНАНСОВАЯ ВОЙНА

о двух сенсациях 1991 года

Наш современник. 1991. №5

*Статья написана в соавторстве с В.С.Овчинским
и Г.Л.Аврехом*

Видимо, 1991 г. суждено стать сенсационным. Об этом можно судить хотя бы по двум событиям, оказавшимся взаимосвязанными между собой. Первым из них является нашумевшее «дело о 140 миллиардах рублей», вторым — заявление премьер-министра В.Павлова о том, что против СССР ведется финансовая война³⁶.

Обстоятельства сложились таким образом, что авторы настоящей статьи оказались волею судьбы в эпицентре этих событий, вызвав на себя огонь нашей «демократической» прессы. «Независимая газета», например, объявила, что именно мы, — эксперты корпорации «Экспериментальный творческий центр», — навязали премьеру идею финансовой войны, а еженедельник «Мегаполис-экспресс» пошел еще дальше, заявив, что именно по нашему наущению КГБ планировало акцию по компрометации российского правительства на сделке в 140 миллиардов рублей.

Как же происходили события на самом деле?

140 миллиардов за 500 дней

Сложилось так, что в сентябре прошлого года нами по поручению руководства бывшего Совмина СССР был проведен экспресс-анализ программы «500 дней» с позиций возможных криминогенных последствий ее внедрения в жизнь. Давая негативный прогноз внедрения программы «500 дней», мы исходили в тот период только из гипотетических рассуждений и знания некоторых ме-

³⁶ 12 февраля 1991 г. премьер В.Павлов в газете «Труд» заявил о намерении западных банков спровоцировать в СССР гиперинфляцию. Одновременно в стране раскручивался скандал с попыткой правительства РСФСР конвертировать 140 млрд. рублей в доллары США. Сделку курировал тогдашний зампред Совмина РСФСР Г.Фильшин.

ханизмов функционирования организованной преступности и «теневой экономики». Но нам и в голову не могло прийти, что прогноз на 100 процентов совпадает с реальностью.

Ключевым моментом в экспертизе программы «500 дней» являлся криминологический анализ разделов, посвященных конвертируемости рубля и валютным операциям. Напомним, что в соответствии с программой:

- всю торговлю на территории СССР предполагается производить только за рубли;

- предусматривается преобразование всех валютных магазинов, кроме экстерриториальных (в аэропортах), в коммерческие, торгующие на рубли;

- по существу, все предприятия и граждане смогут использовать валюту на своих счетах только для внешнеторговых расчетов, например для закупки товаров за рубежом;

- инофирмам, однако, разрешается открывать рублевые счета и использовать рубли для закупки товаров с их последующей продажей вне СССР за валюту (по специальным лицензиям). Кроме того, инофирмы могут продавать вне СССР за валюту свою продукцию, произведенную на принадлежащих им в СССР предприятиях;

- принимается законодательство об иностранных инвестициях и отменяются ограничения на размеры иностранного участия в акционерном капитале, вплоть до создания 100-процентных иностранных предприятий, регистрируемых в качестве советского юридического лица.

Приведенная схема «конвертируемости рубля» вела, на наш взгляд, к валютному удушению страны, прежде всего – международной организованной преступностью.

Техника этой операции выглядит так:

западный делец «X», имея миллион долларов, приезжает в СССР. Здесь он ищет «Y» – компаньона для выгодной ему сделки. Найдя последнего среди новоиспеченных предпринимателей (а мы уже знаем, из какой среды будет этот компаньон), «X» передает ему этот миллион и получает взамен 20, 30 или 100 миллионов рублей (по черному курсу);

на полученную рублевую массу «X» по ценам внутреннего союзного рынка (заведомо ниже мировых!) закупает необходимый товар и реализует его за рубежом по ценам мирового рынка;

одновременно «Х» сумму в миллион долларов, полученную «У», снова вывозит за рубеж и кладет на счет «У» в зарубежном банке.

Этот многозвенный механизм может быть упрощен до однозвенного: «Х» и «У» образуют совместную акционерную компанию — «Х» не ввозит ни доллара, так как при полной реализации программы «500 дней» «У» доллары в СССР уже не нужны в связи с ликвидацией валютных магазинов. «У» просто закупает необходимый объем продукции и передает «Х», который накапливает валюту на его счете за рубежом.

В результате государство не получает ни цента, СССР окончательно выключается из мирового валютного потока и одновременно «открывается» Западу. Все валютные операции будут проводиться зарубежными банками.

Возвращаясь к технологии взаимодействия «Х» и «У», необходимо учесть, что «Х», для того чтобы «У» имел возможность закупать необходимую для него в СССР продукцию на рублевую массу, должен создавать эту рублевую массу. Каким путем? Путем выбрасывания неконкурентоспособного на Западе ширпотреба на внутренний рынок в СССР по крайне высоким ценам в рублях.

Одновременно это даст возможность «отрегулировать» нашу экономику, стимулируя ее развитие с точки зрения спроса западного покупателя. В первую очередь произойдет «удушение» производства товаров так называемой группы «Б». Развиваться будут добывающая промышленность, экологически вредные производства. Экологически чистая продукция сельского хозяйства, производимая в ряде регионов, целиком будет вывозиться из страны. При этом возможно кратковременное снятие социальной напряженности за счет ввоза «сюда» уже не пользующихся «там» спросом товаров (сигареты, вино, синтетика).

Валютная биржа отсутствует, Госбанк пустой, управление банками — из-за рубежа. Выброс товаров пойдет, а эмиссии долларов не будет, поскольку их не придется печатать для ввоза в СССР. Итог — резкое укрепление доллара, понижение его инфляционного индекса. И — полное валютное обнищание СССР.

Вот такой мрачный прогноз вытекал из криминологической экспертизы «500 дней» в сентябре прошлого года.

Теперь вернемся к сделке в 140 миллиардов рублей.

Послушаем действующих лиц.

Г. Фильшин: «Еще с осени прошлого года была начата работа с зарубежными фирмами, которым мы предложили поставлять товары

и продовольствие на наш рынок и продавать за рубли, одновременно разрешив им вырученные средства вкладывать в нашу же экономику. Таким образом, сразу убиваются два зайца: с одной стороны, удовлетворяется потребительский спрос, а с другой, — в промышленность, сельское хозяйство вливаются дополнительные финансовые ресурсы» (из интервью «Известиям» 25 января 1991 г.);

«... Мне был представлен список товаров, в том числе 700 тысяч тонн мяса, 300 тысяч тонн масла и т.д. Вот это и послужило основанием моей поддержки этой сделки. Ни о каких обменах рублей на доллары в этом обсуждении речь не шла» (из выступления на сессии Верховного Совета РСФСР по поводу сделки).

Представитель фирмы «Доув трейдинг интернэйшнл» К.Гиббинс: «Речь пока не шла о каких-то конкретных товарах или продуктах на всю эту сумму, хотя наша фирма и выразила готовность поставлять их... У нашего контракта главное достоинство именно в том, что ни рубли, ни доллары не будут пересекать границу. Доллары останутся в Швейцарии, а рубли — в России. Кредитный трансферт! Все великолепно!» (из интервью «Советской России» 26 января 1991 г.).

Из заключения экспертной комиссии Госбанка и Минфина СССР: «...Рубли, необходимые для расчетов с инопартнером, соучастники сделки рассчитывают получить от реализации в РСФСР потребительских товаров, закупаемых за границей на инвалюту. Реализационная стоимость этих товаров должна составить не менее 166 миллиардов рублей. По оценке экспертной комиссии, исходя из показателей доходности импорта на СКВ, стоимость потребительских товаров в розничных ценах составит всего около 30 миллиардов рублей. Таким образом, 136 миллиардов рублей могут быть получены только путем значительного — более чем в 5 раз — превышения цен на импортные товары. В ином случае для выполнения обязательств потребуются выделения бюджетных ассигнований, что в условиях дефицитности бюджета России неизбежно повлечет за собой дополнительную эмиссию денег и подтолкнет инфляцию;

...столь значительные суммы рублевых средств, сосредоточенные в руках иностранных инвесторов, дают им потенциальную возможность установить контроль над значительной частью российской промышленности;

...накопление иностранцами рублевых средств, полученных в результате обмена иностранной валюты по договорному курсу,

дает им значительно более выгодные условия при переходе СССР к рыночной экономике по сравнению с советскими и совместными предприятиями. Это в значительной степени снижает стимулы для иностранных инвесторов организовывать производство товаров в СССР, поскольку с меньшим риском и усилиями их можно будет получать в результате посреднических операций».

Из комментария специалиста – экономиста П.Гончарова: «...Ни при мобилизации свободных средств предприятий и организаций, ни в кредитных ресурсах банков такой объем средств практически невозможно собрать – 140 миллиардов рублей. Следовательно, речь идет о сделке, в которой с советской стороны предлагалось заемное или долговое обязательство в виде "сертификата" на 140 миллиардов рублей. Ни о каком "кредитном трансферте", абсолютно невразумительном для банковской практики как просвещенного Запада, так и рутинной отеческой речи нет и не может быть. В реальной банковской практике есть лишь одна форма движения документов. Эти документы – аккредитивы. Тогда по логике сделки с советской стороны должен был выставляться безотзывной аккредитив на сумму 140 миллиардов рублей.

Этот аккредитив для иностранного держателя был бы реальным платежным средством, несмотря на то что для советских участников он носил бы, по существу, фиктивный характер. Таким образом, реальный долг государства иностранному держателю в сумме 140 миллиардов рублей заключался бы в безнадежной претензии иноучастника к материальным ценностям в сумме цен, равной 140 миллиардам рублей.

...Эта сделка – гротеск, пародия на предпринимательство. Группа лиц присвоила себе право эмиссии платежных средств. Могла вдвое увеличить инфляционный показатель» («Экономика и жизнь». 1991. № 14).

Таким образом, наш прогноз, к сожалению, оказался близким к реальному развитию событий. Правда, мы предполагали, что могут возникнуть миллионные сделки, а возникли многомиллиардные.

Теперь о финансовой войне.

Битва дензнаков

Когда премьер-министр В.Павлов заявил о том, что против СССР готовилась финансовая диверсия, мы очень заинтересовались и насторожились. По многим причинам. Во-первых, мы уже

несколько лет исследовали такой феномен, как «финансовая война». Во-вторых, нами неплохо отработана методика аналитического сопровождения сенсаций, которая помогает быстро устанавливать, что это – блеф или нечто реальное? В-третьих, заявление премьеры было слишком серьезным, чтобы пройти мимо.

Итак... Премьер-министр В.Павлов употребил термин «финансовая война». Что это означает для советского гражданина, как он самоопределится к этому термину, как отнесется к заявлению премьеры?

Да очень просто! Если симпатии гражданина на стороне «консерваторов», то он переживет миг удовлетворения. Мол, так и есть: заговор «определенных сил», которые хотят погубить страну (ЦРУ или масоны, евреи или немцы – внутренние или внешние враги). А «демократ» возмутится: надо же, опять врагов ищут!

Дело премьеры – отвечать за свои слова. Его источники информации, надо полагать, неизмеримо шире и глубже тех, которыми располагают независимые исследователи. Поэтому наша задача – не опровергать или подтверждать. Мы хотим вооружить читателя некоторыми сведениями. Чтобы он мог самоопределиться со знанием проблемы.

Начать придется с трех ключевых вопросов. Первый. Что такое финансовая война с точки зрения мировой практики? Является ли это понятие политической реальностью или же это блеф?

Второй. Случались ли когда-либо в истории финансовые войны? Когда, с какими целями, какими средствами и ради чего?

Третий. Возможны ли такие акции сегодня и кто в состоянии вести на нашей территории такую игру? Каковы возможные сценарии?

Так что же такое финансовая война? Финансовая война – это составная часть войны экономической, которая, в свою очередь, является компонентом так называемой стратегии напряженности. Финансовые битвы могут вестись любыми силами, имеющими достаточные финансовые ресурсы, соответствующие структуры и связи. Сегодня, как показывает практика, таким набором средств располагают отнюдь не только конкурирующие с нами государства. Более того, сами по себе государства могут оказаться жертвами авантюры мощных финансовых группировок, имеющих свои клановые интересы. Не исключено, что групповые интересы могут и не совпадать с интересами своих «родных» стран. Только

люди, воспитанные в наивно марксистском духе, уверены в том, что между государством и «какими-то там» монополиями не может идти необъявленных войн. Именно нам, совгражданам, трудно поверить в такой факт: кто-то внутри страны вздумает противостоять государству. Жупел нашего тоталитарного государства мешает человеку понять суть расстановки сил в современном мире. А в нем все, между прочим, хрупко и неустойчиво. Ни о каком отдельном социальном компоненте нельзя говорить как о монополии, как о целостном субъекте. Все там пронизано противоречиями, столкновениями, «войной всех против всех». В этой-то «тотальной войне», как это ни странно, и рождается высокий уровень динамики иноземных обществ.

Трудами высоких интеллектуалов, подвижничеством великих государственных деятелей, страданием народов куплена та современная культура, благодаря которой перманентно удается удерживать в равновесии этот клубок противоречий, сшибку групп, систему взаимно отрицающих друг друга частей. Для нас эта система сегодня недостижима. У нас, увы, просто нет времени на то, чтобы такую культуру сформировать, согласовать, увязать и сопрячь. Мы как общественная система устроены гораздо, гораздо элементарнее, традиционнее, схематичнее.

И, пожалуй, наиболее трагично то, что ни они, ни мы не можем понять, как многое нас разделяет. Они описывают нас в своих терминах, пытаются нас уподобить то Испании позднего Франко, то пиночетовскому Чили, то Ирану, то Восточной Европе. Все тщетно! Метод аналогий не работает. В этом и сила, и слабость нашей великой страны.

Мы же, стремясь понять Запад, описываем его в нашей системе отсчета, в наших культурно-исторических традициях, на нашем политическом языке. Вот и выходят они у нас то белыми, то черными, то империалистами, то полубогами, то врагами, то друзьями.

А они? Они — по ту сторону от всего этого. Они реализуют только один интерес — свой собственный. И в этом их сила. Высочайший уровень культуры — этот закон диктует Западу свою логику действий и в политике, и в науке, и в культуре, и в межгосударственных отношениях.

Один из наших западных коллег с ужасом почти мистическим вопрошал нас: что такое война законов? Например, между СССР и РСФСР. Как такое вообще может быть? И как при наличии хотя бы

двух противоречащих друг другу законов можно не развалить экономику в считанные дни? Мы пытались объяснить ему, что в нашей стране никто и никогда по законам не жил, что законы здесь означают совсем не то, что в США или Швеции. Мы даже воспроизвели знаменитую фразу Белинского о том, что счастье и несчастье России в том, что ни один закон не проводится в ней последовательно.

Другой специалист просил объяснить, зачем, имея несоизмеримое экономическое превосходство, Центру нужно было вводить танки в Литву?

В этом их культура: никогда не использовать силу там, где можно обойтись другими средствами.

Великие западные державы воевали сравнительно редко, особенно США. Они тратили в войнах неизмеримо меньше человеческого ресурса и неизмеримо больше ресурса технического, благо он всегда в изобилии. Последний пример – Ирак. Но те же США никогда не прекращали экономические и финансовые войны. Вели непрерывно. Исходя из того, что «победа без войны» (название книги Р.Никсона) дешевле, выгоднее и полнее победы военной. Горе слабому – вот краеугольный камень той культуры, ее максима.

А наш нормальный обыватель думает: неужели добрый, вечно улыбающийся американец может хотеть кому-то вреда? Мы снова имеем дело с культурной, парадигмальной ошибкой. «Улыбающийся американец» никому не хочет вреда. И пользы – тоже никому не хочет. Американец вечно занят только одним: он ищет выгоды себе. Вот и все. И если финансовая война ему выгодна, то никакое правительство его не удержит. Да и не должно. Пусть следят и удерживают те, кому невыгодно, чтобы против них воевали.

Ввязавшись, «не зная брода», в открытую экономику, открывшись невесте кому и непонятно, на какой манер, не имея государственных инструментов, способных послужить защите интересов СССР в новых (беспрецедентных) условиях мировой хозяйственной деятельности, можем ли мы рассчитывать на то, что нас, извините, не разденут догола? Ведь все для этого есть. В СССР и банки не банки, и биржи не биржи! Так чего же мы хотим? Цены чудовищно деформированы, большинство наших «новых политиков» вопиюще безграмотны. Республики, области и районы воюют между собой. Чего же ждать в подобных условиях? И на кого пенять-то? Только на себя.

Финансовые войны, как свидетельствует история, ведутся непрерывно. Валютная интервенция (так назвал ее премьер-ми-

нистр) — лишь один тактический прием бескомпромиссных битв, которые ведут между собой денежные знаки.

Кое-что о типологии

Поясним хотя бы бегло типологию дензнаковых битв.

Известны финансовые войны как элементы войн обычных. Видимо, все что-то да слышали о финансовой афере фашистской Германии, предпринятой против Англии. Не будем вдаваться в подробности (кстати, чрезвычайно интересные). Напомним лишь некоторые нюансы. Фальшивые банкноты немецкого производства обнаруживались то в одной, то в другой стране вплоть до 60–70-х годов. Недаром шефами координационного центра фальшивомонетчиков были сам адмирал Канарис и сам Гиммлер. Небезынтересно, что ни один из соратников Гиммлера и Канариса, ответственных за аферу с фальшивыми деньгами, не пострадал.

Что касается нашей страны, то зарубежные аферы с фальшивыми советскими деньгами начались с середины 20-х годов. Полководцами этой необъявленной войны были фигуры не второстепенные. Эмануэль Нобель (племянник основателя гуманитарного фонда), генерал Макс Гофман, Шалва Карумидзе, Спиридон Кедиа, Георг Эмиль Белл. Банкиры, акционеры, генштабисты, политические деятели, разведчики и т.д. Это избранное общество объединяла цель, которую Гофман сформулировал так: «Эти объединенные державы (Франция, Англия и Германия. — *Авт.*) должны своей совместной военной интервенцией свергнуть Советское правительство и восстановить экономически Россию в интересах английских, французских и германских экономических сил. Ценным было бы участие, прежде всего экономическое и финансовое, Соединенных Штатов Америки. При этом были бы обеспечены и гарантированы особые экономические интересы Соединенных Штатов в русской экономической области».

В 1926 г. идея «свержения Советского правительства путем выпуска фальшивых денег» стала интенсивно реализовываться при помощи влиятельных политических сил Англии, Турции, Болгарии, Персии, Румынии, Польши, Финляндии и Чехословакии. Крупные суммы фальшивых советских денег уже в 1928 г. поступали из Парижа. Там «производство» организовали Мясоедов (бывший вице-губернатор Сувалок), Симанович (бывший личный секретарь Распутина) и белогвардейцы Эристов и Литвинов. В том

же году прусская криминальная полиция разоблачила фальшивомонетчиков. Правда, в результате действий «неизвестных» политических сил никто из них наказания не понес.

Есть и такой тип финансовых войн – мафиозный. На современном рынке только банки могут организовать международный оборот капитала. Например, сицилийские мафиози доходы, полученные от торговли героином, вкладывают не только в сицилийские банки, но и в ломбардские, швейцарские и американские. Мафиози организуют и собственные «финансовые общества», которые занимаются международной спекуляцией валютой. Они, в частности, завышают импортные цены и снижают экспортные цены на товары, наживаясь на таких операциях.

Итальянские мафиози проводят до изумления простые и эффективные операции с текущими счетами с помощью изъятий и вкладов денег одновременно в Италии и за границей. Для этого достаточно иметь в группе иностранца, который живет в Италии, но имеет свой текущий счет и за границей. Это называется повторным оборотом денег. Такой ход хорошо замечает следы доходов от таких деликатных дел, как получение выкупов за похищенных людей.

Уклонение от уплаты налогов – тоже разновидность финансовой войны. Те же итальянские мафиози открывают огромное количество фальшивых счетов на большие суммы. Этот путь великого обмана налоговых ведомств – солидная база масштабных мошеннических операций. Шумные скандалы по поводу неуплаченных налогов промышленниками, кинозвездами, политическими деятелями – повседневность любой капиталистической страны. Так же, кстати, как и разоблачения дельцов «теневой экономики».

А мы у себя дома наслышаны, что стоит ввести в СССР рынок – и отечественная «теневая экономика» исчезнет. И верим, наивные! Хотя, по оценкам зарубежных специалистов, удельный вес этой самой «теневой экономики» в современных капиталистических странах составляет минимум 15 процентов от объема производства (и это без «неучитываемого» наркобизнеса).

И, наконец, четвертый тип финансовых войн – экономическая диверсия. Эта разновидность легко демонстрируется примером Польши. В 70-х годах страну искусно втянули в поток экономических сделок. Да так, что после 5–6 лет «взаимных интересов» ее внешняя задолженность составила сначала 18 миллиардов долларов, а затем мгновенно подскочила в полтора раза!

Механизм экономической диверсии был простым. На первом этапе операции западные партнеры поставили в Польшу предприятия, заверив, что в виде оплаты будут брать произведенную на этих предприятиях продукцию. А на втором этапе... партнеры взяли да и отказались эту продукцию брать! Сбыт, таким образом, притормозили, а сумма польского валютного долга полезла вверх. Потому что в соответствии с первым этапом этой акции поставки с Запада и сырья, и оборудования, и запасных частей продолжались! Началось буквально ограбление. Но мало того. Западные бизнесмены резко повысили учетные ставки-проценты на уже выданные и выдаваемые кредиты. Теперь польский долг мог уже расти автоматически. Для полной гарантии успеха потребовались силы внутри страны, которые сумели бы резко сократить и без того скудный экспорт польской продукции на Запад. И по законам финансовой войны такие силы внутри Польши, разумеется, были найдены. Как говорится, всего и делов-то!

Но самое интересное в этом сценарии вот что. Когда силы «прогресса» свое дело сделали — и даже оказались у власти, — долги им за оказанные услуги Запад не простил. Тут могут быть возражения. Польша не сумела произвести конкурентоспособную западную продукцию — сама виновата. Главный же виновник краха польской экономики, естественно, социализм, который вообще не может предложить эффективной экономики, эффективного производства. Сколько этому строю, мол, ни помогай, все равно он недееспособен. Возражения можно было бы принять, если бы не одно обстоятельство, хорошо известное западным политологам, но полностью замалчиваемое у нас. Еще в 1972 г. спецслужбами Запада был разработан план финансовой войны против Польши под кодовым названием «Хилекс-5». У его истоков стояли такие известные политологи, как Збигнев Бжезинский и Ричард Пайпс, который, возглавив при Рейгане специальный отдел коммунистических стран при Госдепартаменте, заявил: «Сильный не должен бояться. Пусть устрашится тот, кто слаб». Вот вам и «голубь мира». К моменту прихода Рейгана в Белый дом были разработаны, как минимум, три сценария дестабилизации Польши. Ни Бжезинский, ни Пайпс этого не скрывали. А версия о том, что в 1981 г. Польша «сама» не справилась со своими трудностями, ими же и классифицировалась как «наживка для дурачков». Научное честолюбие не позволяло Бжезин-

скому и Пайпсу (особенно Пайпсу, прозванному за стремительную карьеру «советолога» «счастливчиком Риччи» и осуждаемому коллегами из Госдепартамента за самомнение и болтливость) скрывать свое авторство по части того, что происходило в Польше.

Удивительно все-таки, почему и у наших реформаторов, вопреки реалиям, такое непоколебимое убеждение в том, что «Запад нам поможет»? Ведь поклонники «их образа жизни» вроде бы должны знать и «их нравы».

Здесь не место для изложения полной типологии финансовых войн. Нам представлялось важным подтвердить, что такие войны существуют и ведутся непрерывно. Со времен Древней Финикии и до сих пор.

Театр военных действий

А теперь о самом главном. Что такое финансовая война на территории СССР? Возможна ли она, кто ее может вести и с какой эффективностью?

Потенциальная эффективность ее, сразу скажем, огромна! И страна наша идеальна с точки зрения тех, кто хотел бы «денежную» войну вести. Идеальна — это богата, сумбурна, наивна. А значит, абсолютно беспомощна. Разберемся и в этом поосновательнее. Спрашивается: кто может вести финвойну с СССР? Отвечаем: любой. Любой субъект, имеющий несколько миллионов долларов и способный создать хотя бы один банк на территории СССР (хотя бы и через советских подставных лиц). Стратегия известна. Но как это все-таки делается?

Создается стартовый капитал в несколько миллиардов долларов, причем на короткий срок. Потом организуется банк на территории СССР (желательно через подставных лиц). Далее — часть суммы обменивается на рубли по курсу «Х» рублей за доллар. (Сейчас этот «Х» на черном рынке равен примерно тридцати.) Затем эта часть вбрасывается на внутренний рынок денег СССР. В ответ возникает нелинейная, что очень важно, инфляция. Суть нелинейности в том, что товар обесценивается не в строгой пропорциональности к росту денежной массы, а в условиях финансовой неустойчивости и нарушения пропорций — гораздо быстрее. Таким образом, обмен доллара теперь уже будет идти по еще более высокому курсу (допустим, не 1 доллар за 30 рублей, а 1 доллар за 40 рублей). Но это еще не все.

Вторая часть стартового капитала (вспомните о ней) обменивается на рубли уже по самому новому курсу. Что же получилось? А то, что часть стартового капитала «как бы» выброшена «на ветер», потрачена «ни на что», но это лишь «как бы». Ибо «первые» деньги возвращены с лихвой, поскольку вторая часть капитала пошла на покупку рублей, значительно более выгодную. Потому что первая часть выполнила свою тактическую задачу — сбив курс рубля. Здесь все решает конкретика: степень неустойчивости рубля и объем стартового капитала. Ведь если капитал мал, то на сбив курса уходит большая часть его, что невыгодно.

Очень хотелось бы привести хотя бы элементарную математическую модель процесса. Однако статья не та форма, к сожалению... Но уверяем: спекулировать валютой — трудный вид бизнеса. Тут нужно иметь голову на плечах!

Продолжим. А если операцию на сбив прокрутить раз этак пять? Гиперинфляция обеспечена! Что при такой экономике, как наша, очень даже возможно. Ведь СССР — это страна чудес. Некоторые товары, в основном сырье, здесь идут по ценам гораздо ниже мирового уровня. Нефть, к примеру. Мировая цена нефти что-то около 100 долларов за тонну. А наша внутренняя — 60 рублей (тех самых деревянных, которые 1:30) за ту же тонну. То есть... 2 доллара! Так как же не разорить такую страну?! Качай сырье. Дестабилизируй рубль. Снова качай. Отличный бизнес!

Можно поступить еще более лихо. Не обязательно обменивать доллары на рубли. Есть и такой ход — ввоз дефицитных и престижных товаров: компьютеров, шмоток. Важно, чтобы цена на них была безумно завышена. Вывозить же сырье, на которое цены столь же безумно занижены. И бить, бить, бить этот и без того деревянный рубль. Дробить его в щепки. А уж потом благородно отправлять крохи своей сверхприбыли на «гуманитарную помощь».

Так и организуется сверхвыгода. А проще: именно так тихо «грохочет» финансовая война.

По нашим расчетам, при стартовых капиталах порядка 10 миллиардов долларов финансовая битва с СССР имеет рентабельность около 200 процентов годовых. При такой прибыли «спонсоры» быстро появятся. Скорее всего, как мы полагаем, это будут «частные спонсоры». И работать они станут не ради свержения общественного строя. Только из-за выгоды. Если же и строй рухнет —

очень хорошо. Поскольку новый с лихвой вернет «упущенное». Словом, возможностей тьма! И предложений, по-видимому, тоже. И желающие уже есть, судя по последним финансовым разоблачениям. К таким же выводам приходят и эксперты Внешэкономбанка СССР и МВД СССР. Они полагают, что в стране уже сложилась система неконтролируемых скрытых сделок по покупке валюты за рубли. Причем функционирует эта система в обход существующих правовых актов, в соответствии с которыми такие сделки можно проводить только на аукционах Внешэкономбанка СССР!

А вот подробностей о том, откуда будет нанесен удар – из Австрии, Швейцарии, Нидерландов, – мы не знаем. Знаем же другое: удар высоковероятен и будет наноситься, скорее всего, негосударственными структурами.

Жутко становится и по другим причинам – если никто не будет парировать такие удары. Или удары могут последовать с разных сторон и с разной силой. Тогда инициаторы финансовой войны с СССР получат такой «эффект», которого и сами-то не хотели бы. Потому что, если свою войну начнет вести Европа, свою – США, свою – частные корпорации, свою – наркобизнес и свою, так скажем, – исламский мир, то сумма этих войн даст такой резонанс, который и для Европы, и для США, и для прочих по последствиям сравним с мировой термоядерной катастрофой. Так что очень надо стать реалистами. Лучше поздно, чем никогда.

Кстати, вопрос к правительству: не пора ли создать в стране мощную централизованную систему валютно-таможенного контроля, которая отслеживала бы не только перемещение товаров через границу, но и соответствующую репатриацию валюты за эти товары на основе данных таможи? Сейчас такой системы нет. Но есть опыт, как у нас любят говорить, «цивилизованных стран». В частности, Франции 70-х годов. Там в связи с финансовыми проблемами было введено большое количество валютных ограничений. Ведь у Запада действительно есть чему поучиться! И созданию единых централизованных органов валютно-таможенного контроля, и разработке универсальных электронных систем слежения за валютными операциями. Которые, между прочим, могли бы прекрасно заменить огромный сектор Госкомстата. Дел действительно немало. Если только уже не поздно.

Водяной выйдет позже

Теперь мы надеемся, что читатель подготовлен к восприятию сенсационного, по сути дела, заявления премьера В.Павлова на совершенно сознательном уровне. Вот и давайте вместе оглянемся и проанализируем, что тут, за словами премьер-министра, — блеф, фантазии или некая реальность? Мы же хотели бы начать эту часть разговора с немудреной китайской притчи. Если хочешь, чтобы водяной вылез из болота, брось в болото камень побольше. Сначала полетят брызги. Оглушительно заквакают лягушки. И вновь воцарится тишина. А через некоторое время выйдет из воды сам водяной...

История интервью В.Павлова развивалась по этой притче. Сначала оглушительный шум Запада. Брызги политической грязи. И... затишь! Но через некоторое время Запад всерьез заговорил о финансовой войне. Запад заговорил — это похвально. А вот у нас эта тема по-прежнему «затабуирована». Стоит только коснуться проблемы государственной безопасности, сразу же возмущения-подозрения: возврат, мол, к эпохе «холодной войны». Но состоятельно ли такое противопоставление — безопасность страны и «холодная война»?

Мы отслеживаем «сенсацию премьера» с момента ее рождения до сегодня. И убедились: не должно быть табу на любую сколь угодно острую тему. Что же происходило вокруг «сенсации»?

Наша пресса немедленно откликнулась публикацией огромного количества негативных оценок этого интервью западными политиками и экономистами. Цитаты из западных источников буквально кричали о вымышленности обвинений и несостоятельности тезисов В.Павлова по поводу финансовой войны. Такое единообразие западного мнения нас удивило. Обычно западные общества не отличаются стандартным мышлением. Решили проверить, действительно ли вся западная пресса столь «монотонна» в данном случае. Сомнения подтвердились. На самом деле западная печать изобилует информационными сообщениями, дающими совсем иную оценку интервью Павлова, нежели те, которые цитируются нашими газетами. Мы и приведем цитаты из «другой серии».

Итак, американская газета «Джорнэл оф коммерс энд коммершл» от 15.02.91 г. Автор Майкл Лелевелд считает, что обвинения Павлова «имеют под собой определенные основания». И далее из этой же статьи:

«...Президент американской ассоциации экспортеров и импортеров Юджин Милош сказал в четверг, что два месяца назад ему

предложили участвовать в сделке компании "Доув трейдинг". Его заверили, что он сможет приобрести рубли по курсу 1 рубль за 6–7 центов... с предоставлением гарантийного письма относительно того, что он сможет использовать эти деньги на советском рынке. Эта сделка вполне соответствует обвинению Павлова, что западные банки приобретают рубли по низким ставкам, с тем чтобы купить за бесценок советские предприятия, когда начнется приватизация».

«...Распространились слухи, что советские бизнесмены привозят рубли в Западную Европу, обменивая их на доллары и немецкие марки по высокому курсу — 50:1. По словам авторитетного вашингтонского эксперта по международному банковскому делу Роджера Робинса, поступают сообщения, что представители Советов, занимающиеся торговлей медицинским оборудованием, переводят большое количество рублей в западноевропейские банковские центры... речь идет об огромных количествах. По словам Робинсона, вполне вероятно, несмотря на заявление об обратном, что некоторые банки отложили какое-то количество рублей для их использования в будущем и что спекуляция рублями возможна».

«...Вопрос о том, достаточно ли количество этой валюты, чтобы оправдать реакцию Павлова или страх перед заговором... Без сомнения, гораздо разумнее было бы попытаться понять причины его бурной реакции, чем просто называть его "глупцом"».

«...С точки зрения Советов, легко представить себе связь между сделкой России с рублями и политическими целями российских политических деятелей, которые борются против Горбачева. Что бы ни делал ваш противник — это всегда плохо».

«...Робинсон также считает возможным осуществление большего, нежели нам известно, числа сделок с рублями. Он ссылается на произведенные подсчеты относительно того, что до нынешней войны Саддам Хусейн потратил на Западе на приобретение военного снаряжения 50 миллиардов долларов, а известно лишь о 4–5 миллиардах. Если в данном случае имеют место аналогичные ошибки в подсчетах, то мы можем лишь гадать, действительно ли Павлову нечего бояться...» И такие точки зрения, оказывается, появляются в западной прессе. И мы можем почерпнуть из «тех» газет, безусловно, значимые факты. И прежде всего то, что сдвиг обменного курса происходит, что обменный курс неотвратно растет и что рост этот управляем. В частности, сдвиг курса с 16 к 50 — факт неизмеримо более важный для нашего общества, неже-

ли все дискуссии между «консерваторами» и «демократами», Центром и РСФСР, коммунистами и антикоммунистами. Ибо эта цифра — индикатор бедствия, которое коснется всех нас. Кроме, быть может, ничтожного меньшинства населения. (Еще раз напомним, не премьера защищаем мы от левой прессы, не Горбачева от Ельцина и не коммунистов от «демократов», а государство от неминуемой катастрофы.)

Кто же может быть «спонсором» государственного краха? Сила мафии в СССР подтверждена многочисленными исследованиями. Да и специалисты по преступности (не только советские) не допускают мысли, что такая сильная мафия не имеет международных связей. В том числе и ориентированных на мировой наркобизнес.

Прогнозируя мафиозный вариант финансовой войны, мы и предположить не могли, насколько наш теоретический прогноз очень скоро подтвердится политической практикой.

Полководцы и их армии

Опять обратимся к зарубежной прессе. Газета «Санди таймс» поместила статью Джона Дэвисона, посвященную «отмывке» наркодолларов в СССР. В ней есть очень интересные моменты:

«...Швейцарская полиция полагает, что скандал, разразившийся в Советском Союзе в связи с обменом 140 миллиардов рублей, связан с "отмывкой денег" для "Медельинского картеля" торговцев наркотиками. При этом ссылаются (швейцарские полицейские. — *Авт.*) на другую сделку, связанную с крупными суммами в рублях, которая была раскрыта в декабре и в которой прослеживалась явная связь с колумбийскими "наркобаронами", следствием которой явилась растущая очевидность того, что СССР превращается в один из центров деятельности торговцев наркотиками и тех, кто занимается "отмывкой денег"... Следствием этой сделки явились ошеломляющие утверждения, с которыми выступил на прошлой неделе советский премьер-министр Валентин Павлов о том, что западные банки предприняли попытку "экономического переворота". С контрутверждениями выступили сторонники президента Российской республики Бориса Ельцина, которые заявили, что разоблачение этой сделки было заговором, подготовленным КГБ...»

«...В Швейцарии, где должна была быть скреплена эта сделка, в высших полицейских кругах убеждены в том, что след в конечном счете приведет к картелям торговцев наркотиками. "Мы полагаем,

что эта сделка связана с деньгами, полученными за счет наркобизнеса, в том числе с деньгами "Медельинского картеля", и что это явилось частью обширной системы по "отмывке" грязных денег, которая в настоящее время действует в Советском Союзе", — заявил один швейцарский чиновник, в обязанности которого входит поддержание связей с американским Управлением по борьбе с распространением наркотиков».

«...Советский Союз является "диким западом" мира наркобизнеса. Местная полиция (милиция. — *Авт.*) слаба, она плохо оснащена и нередко коррумпирована, а местная мафия могущественна и располагает хорошими связями с коррумпированными элементами в КГБ и других органах».

«...Советский Союз можно считать раем для дельцов, занимающихся "отмывкой денег", поскольку никто там не отказался бы от "наркодолларов" или же от каких-либо иных долларов».

«...Один высокопоставленный сотрудник женевского отдела по борьбе с мошенничеством также заявил, что, по его убеждению, "наркодоллары" связаны также и с этой сделкой в рублях, равно как и с другими "грязными деньгами". Как сообщил этот сотрудник, в течение прошедших месяцев поступили запросы от целого ряда европейских стран, в том числе из Германии, Голландии и Бельгии, насчет других подозрительных операций, в которых также фигурируют рубли».

«...В декабре, после того как швейцарская полиция получила сигналы от Управления по борьбе с распространением наркотиков, она приняла меры по расследованию одной сделки, которую должны были заключить в Женеве и по поводу которой полагали, что она представляла собой операцию по "отмывке денег" для "Медельинского картеля". Подозреваемые в этом лица признались, что они вели переговоры об обмене крупной суммы валюты. При этом речь шла о 70 миллиардах рублей. Но после трехнедельного расследования судья, занимавшийся рассмотрением этого дела, распорядился об освобождении этих лиц. "Я просто не мог поверить, чтобы кто-либо, находящийся в здравом уме, стал бы обменивать "наркодоллары" на рубли, которые невозможно потратить. Поскольку это дело не смогло бы убедить присяжных, я был вынужден освободить этих людей", — заявил Жан-Пьер Тренблей, старший судья мирового суда. Однако события, происшедшие на прошлой неделе, заставили его вновь призадуматься. "Если какой-

либо полицейский пришлет мне доклад с новыми доказательствами, я смогу быстро вновь возбудить это дело", — добавил он».

«...Кремль также отдает себе отчет в том, что иностранные инвестиции могли бы быть использованы для обработки "грязных денег". Один правительственный эксперт заявил на прошлой неделе, что длительный период изоляции этой страны от Запада означает, что она не знает, как относиться к подобной деятельности. Он признал, что эта страна является привлекательным местом для "отмывания денег"..."»

Мы пошли на такое длинное цитирование, потому что данный сюжет выводит всю тему, затронутую В.Павловым, на качественно новый, в буквальном смысле этого слова, — геополитический уровень.

Допустим, что главным лицом, действующим на территории СССР, является «Медельинский картель». Предположение это, заметим, высказано не нами. Мы считаем, что этот картель — лишь одно из действующих лиц. Но весьма-весьма весомое. Предположим далее, что к власти в СССР в результате ведущейся сегодня острейшей политической борьбы придут силы, спонсируемые этим картелем. Такая гипотеза опять же выдвинута не нами, а теми, кто связал дело Фильшина с «Медельинским картелем». То есть с высшими чинами швейцарской полиции.

А теперь о том, что означает приход протеже «Медельинского картеля» к власти на одной шестой части земной суши, располагающей ядерным оружием. О том, что это означает не только для СССР, но и для США, Великобритании, Франции, Германии, Японии. Мы понимаем, что правительства названных стран располагают полной информацией о «Медельинском картеле». Но для советского человека, который сейчас и творит мировую историю, «Медельинский картель» значит не больше, чем «финансовая война». И мы обязаны кое-что рассказать.

Кто же главный водяной?

«Медельинский картель» — это одна из опорных структур международной наркомафии. Последняя включает в себя и американскую «коза ностру», и итальянскую, и кенийскую, и турецкую, и японскую («якудза»), и гонконгскую, и юго-восточный «Золотой треугольник». Сердцем наркоимперии, по мнению западных специалистов, являются швейцарские банки, в которых скапливаются отмываемые наркодоллары. Позвоночником этой структуры явля-

ется союз американской (Нью-Йорк) и сицилийской (Палермо) мафий. Периферийными метастазами – Колумбия и «Золотой треугольник», в которых наркомафия пытается создать свою государственность. Именно этот проект «огосударствления мафии» мы и обсуждали в нашей книге «Постперестройка» как один из возможных сценариев развития ситуации в СССР.

«Медельинский картель» в Колумбии поставляет в США 80 процентов кокаина на сумму от 50 до 100 миллиардов долларов ежегодно. Особенно интенсивно этот процесс стал развиваться с конца 1985 г., когда была изобретена недорогая и сильнодействующая разновидность кокаина, получившая название «крэг». Американская печать писала: «Наркоманы в США буквально обезумели от "крэга", но обезумели и торговцы этим зельем от огромных прибылей».

«Медельинский картель» «запускает» в США и Западную Европу не только наркотики, связанные с кокаином. Сотрудники Управления по борьбе с наркотиками США отмечают, что количество марихуаны, выращенной в Колумбии, «вообще не поддается исчислению».

В 1986 г. в США вышла книга Джеймса Миллса о «Медельинском картеле» и других наркосиндикатах. Она называлась «Подпольная империя, где преступления и правительства соединяются». По данным Миллса, «наркодоллары», «отмытые» в результате преступных операций «Медельинского картеля», оседают главным образом в крупнейших транснациональных банках: «Морган гэранти траст», «Чейз Манхэттен», «Суис бэнк корпорейшн», «Бэнкерс траст», а также в биржевых корпорациях «Мерил Линч» и «Е.Ф.Хаттон».

На связь банкиров и наркомафии указали также и результаты расследования специальной рабочей группы, созданной в США в 1982 г. под руководством Дж.Буша, в то время вице-президента. Эта группа вскрыла связь сорока банков США с наркодельцами «Медельинского картеля». Жаль, что начатые расследования тогда не привели к шумным разоблачениям. Был оштрафован только один крупный банк – «Бэнк оф Бостон». В тот же период в американской, колумбийской и итальянской прессе отмечалась связь «Медельинского картеля» с Центральным разведывательным управлением США, сотрудники которого использовали «наркодоллары» для закупки оружия для никарагуанских «контрас». В американской прессе уже в 1987 г. отмечалось, что руководители картеля передали 10 миллионов долларов по указанному адресу. Но те же исследователи говорят о связях картеля с ВАКЛ (Всемирной антикоммунисти-

ческой лигой), различными профашистскими режимами. Таким образом, картель отнюдь не игрушка в руках ЦРУ, а могущественное «государство». Со своей армией, идеологией, политикой. Безусловно, способное действовать и против США...

Наш анализ проблемы финансовой войны на этом не закончился.

Мы встретились с Дианой Миллер – генеральным директором совместного англо-советского предприятия «Динамика», которая после известного заявления В.Павлова дала интервью газете «Обсервер» и сказала о том, что ей известны факты финансовой войны против СССР.

Мы многое узнали от английской предпринимательницы.

Но прежде чем обо всем рассказать, предупреждаем читателя, что все приводимые в интерпретации англичанки факты и всю ответственность за них Диана Миллер берет на себя.

О чем поведал «факс»

4 и 9 декабря 1990 г. на «факс» СП «Динамика» (оно находится на Цветном бульваре) пришли конфиденциальные письма президента американской фирмы «Ля мэр интернейшионал» Даниеля Лукача для первого заместителя генерального директора Центра международного сотрудничества АН СССР «Ист-Вест» Григория Ивановича Макаренко («факс» арендован по просьбе «Ист-Вест»). Письма были весьма любопытные. В них говорилось об обмене 20 миллиардов советских рублей на американские доллары в соотношении 1:20 (т. е. по ценам «черного рынка»). Из писем, кроме того, следовало, что планируемая операция не последняя. Сделка должна была осуществляться через бельгийский банк в Брюсселе «Дженерал де Банк».

Д.Миллер, заподозрившая что-то «нечистое» в этих сделках, тут же начала частное расследование. Через своих деловых партнеров за рубежом она находит человека, который связан с названным бельгийским банком и занимается скупкой советских рублей. Этим человеком оказывается Рауль Роллинг, который в беседе по телефону с Д.Миллер заявил о готовности скупить любые миллиардные суммы советских рублей (особенно те, которые уже находятся за пределами СССР) по ценам, более высоким, чем курс «черного рынка» внутри Советского Союза. Р.Роллинг назвал три крупные американские корпорации, которые занимались скупкой рублей в огромных размерах: «Кока-Кола», «IBM», «ИТТ» («ИТТ», кста-

ти, известна своим финансовым «участием» в свержении президента Чили Сальвадора Альенде осенью 1973 г.).

Одновременно Д.Миллер выявляет по своим связям еще несколько контактов для аналогичных операций. Она знакомится с дельцом из Португалии М.А.Фостером. М.Фостер уверял, что у него есть опыт валютных сделок с рублями: переправлял их транзитом через Чехословакию и Югославию. С португальцем вел переговоры о якобы перепродаже рублей первый заместитель Д.Миллер Поль Акера (по ее просьбе – в порядке частного расследования). М.Фостер подтвердил П.Акера свою готовность купить миллиарды рублей.

Затем появляются еще три подобных дельца: канадец Клод Лапьер, американец Джон Кент – представитель компании «Дебикки» – и знакомый Д.Кента некий Ол Бартон, который предлагал Д.Миллер организовать скупку советских рублей в любых размерах, но просил при этом 15 процентов от «прибыли».

Такая вот «интересная» информация обрушилась на Д.Миллер в декабре 1990 года. Она пытается найти ответы на мучившие ее вопросы, обращается к различным специалистам в Москве. Тогда же, в декабре, англичанка впервые встречается с экономическим обозревателем «Известий» М.Бергером – для консультации. Рассказывает ему о своих впечатлениях и выводах. М.Бергер кое-что советует ей, кое-что объясняет, но почему-то не рассказывает о сомнениях чужестранки читателям своей газеты. Сейчас он даже не упоминает о декабрьских встречах с Д.Миллер. Любопытно – почему?..

Летят «утятницы», летят «гусятницы»

Интересно и другое. Почему, например, журналист не рассказал в своей статье («Известия», 28.02.91³⁷) историю СП «Динамика»? Ограничился лишь репликой Д.Миллер: «...СП приносит вашей стране больше урона, чем пользы...» И никаких пояснений. Просто фрагмент фразы, вырванный из общего контекста суждений и оценок английской предпринимательницы...

Ну что ж, мы перескажем то, что поведала Д.Миллер о своем опыте работы в англо-советском СП. Тем более что эта история имеет непосредственное отношение к теме «финансовая война».

³⁷ В статье «И на этом основаны подозрения?» М.Бергер приводит фрагмент своего интервью с Д.Миллер и резюмирует в конце, что аргументы о существовании «рублевого заговора» из уст «руководителя СП, работавшего до этого в Москве нештатным литературным редактором», представляются ему, «мягко говоря, абсурдными».

Будучи одним из учредителей СП «Динамика», Д.Миллер наивно полагала, что сможет организовать в СССР честный (не «грязный») совместный бизнес. «С пользой для себя и для страны – родины отца». В планах предусматривались поиск талантливых советских кибернетиков, инженеров-программистов, помощь в разработке новых систем ЭВМ, последующая продажа союзных технологий (как конкурентоспособного товара) на мировом рынке. Одновременно Диана рассчитывала включиться в программы компьютеризации промышленного производства, бизнеса и образования в Советском Союзе. Так что не бочки из-под пива и садовые лопаты, как это представил М.Бергер, входили в стратегические замыслы англичанки.

Но, увы, это были планы только одной стороны – Д.Миллер. Советских партнеров будоражило другое: «делать деньги» любыми способами. И ничего более! В 1988 г. наша героиня столкнулась со следующей ситуацией. Бывший в то время директором «Динамики» Н.Полуйко, его заместитель М.Бондаренко, пользуясь, по мнению англичанки, покровительством заместителя заведующего отделом Госкомиздата СССР А.Морозова (это ведомство являлось одним из учредителей «Динамики»), превратили СП в банальную перевалочную базу для весьма сомнительных операций по скупке и перепродаже за границей такой дефицитной теперь (да и тогда) алюминиевой и другой металлической посуды.

Д.Миллер показала нам соответствующие документы. Наверное, наши истрадавшие от нехватки всего женщины оценят «вклад» советских «предпринимателей» в «улучшение жизненного уровня населения». Только алюминиевой посуды, скупленной за бесценок (за «деревянные» рубли), за несколько месяцев было продано на валюту за границу 162 тонны. Это десятки тысяч утятниц, гусятниц, сковородок, подставок, казанов, рукомольников, кастрюль, котлов, умывальников и других изделий, перечисленных в документах. Основными поставщиками этой продукции для «Динамики» в 1988 г. являлись: Балашихинский литейно-механический завод, Московское межобластное оптовое предприятие по торговле бытовыми машинами, электротоварами и посудой, «Росхозторг», завод «Метхозизделий» № 6, Башкирское сортопрокатное ПО (г. Уфа).

Механизм тех сделок прост. В соответствии с договором №62 от 20 сентября 1988 г. «Динамика» закупала металлическую посу-

ду для республиканского объединения «Росаттракцион». А «Росаттракцион» в свою очередь сбывал эту посуду (а вернее, чистый алюминий) зарубежным партнерам через «свое» СП «Аспект» и некую фирму «Си-Эс-Джи Интернэйшнл ЛТД». Последнюю из названных организаций возглавлял некто С.Читьян. Он же фактически руководил и «Динамикой» в 1988 г. Не имея к ней прямого отношения, но используя протекцию уже названного А.Морозова из Госкомиздата.

Куда же направлялась алюминиевая посуда? Д.Миллер сказала: в Западную Германию.

«Железная леди» с Цветного бульвара

Узнав об этих сделках и о странных трансформациях учрежденного ею СП, Диана Миллер ставит вопрос о правомерности (и нравственности!) происходящего. Наивная! Ей отвечают, что «компьютеры (любые!) в СССР нужнее, чем сковородки». А компьютеры, как говорится, присутствовали: часть вырученной (от продажи «по дешевке» алюминиевой посуды) валюты тратилась на примитивные компьютеры, игорные автоматы, которые тут же перепродавались в Союзе, правда опять-таки по спекулятивным ценам. Знакомая картина по превращению товаров первой необходимости в валюту и в рубли. Но не для народа и не для государства. А для кого? Всем ясно, наверное, для кого.

Д.Миллер – человек действия. Она немедленно потребовала прекратить подобные сделки. Отказалась ставить свою подпись на подготовленные контракты, назначила финансовую ревизию. Стала наводить порядок в документации (в СП в то время не велось даже протоколов заседаний правления). Часть документов о злоупотреблениях она передала на Петровку, 38 и в ОБХСС Дзержинского РУВД. Поставила в известность о злоупотреблениях руководство Госкомпечати, консульское управление МИД СССР. Добилась увольнения с работы бухгалтера СП Титовой, провела перевыборы правления. Разогнала всю «честную компанию». Сама возглавила «Динамику».

Да, несколько иной образ складывается при личном знакомстве с Дианой Миллер, чем тот, который создал М.Бергер. Между прочим, действовала эта пожилая женщина при отчаянном сопротивлении наших отечественных «партнеров-бизнесменов». Они даже пытались объявить Д.Миллер «сумасшедшей». Посылали в

Англию сотрудника СП В.Семенова с задачей собрать на нее «компромат» в Лондоне. Увы, не собрал ничего. Дельцы оказались бесильны. «Железная леди» на Цветном бульваре выдержала все атаки. И победила – пока. Это, кстати, не единственная ее победа в СССР. Она, например, пресекла попытки Ленинградского филиала «Динамики» осуществить незаконные сделки по вывозу из СССР стратегического продукта – редкоземельного металла германия. А предложения были очень выгодные – от «специалиста» по таким сделкам кембриджского предпринимателя Джона Мидлмесса, весьма удачно вывозившего германий из Китая.

Некоторые выводы

Первое. Шила в мешке утаить не удалось. История с валютными операциями вышла-таки наружу. И придется, видимо, кому-то отвечать за все это. В том числе и кумирам наших радикалов. Радикализм, кстати сказать, тем и отличается от любых иных политических течений, что ему вовсе не требуются ни собственные программы, ни собственные идеи – он просто доводит до предела и на свой лад идейный багаж противников. Например, вместо известного клича «Пятилетку в три года!» оглашает «новый» – «Рынок в 500 дней!». Тех же, кто начинает сомневаться, радикалы попросту «выносят за скобки». Как? Да способов сколько угодно. И все они отработаны во времена, так сказать, предваряющие «наши самые последние». Техника дискредитации эпохи застоя и сталинизма прекрасно служит тем, кто нынче исповедует высокий демократизм.

Чего стоит одно лишь «дело АНТ»?! Помните? Сначала с его помощью дискредитировали Н.И.Рыжкова. А потом тот же АНТ провозгласили почти что спасителем страны. Только переименовав его для наивных в «Российский Дом». Вкус имени дающих мы, конечно же, не обсуждаем, но определенное недоумение испытываем... Так назывался отдел английской спецслужбы, занимавшийся Советским Союзом.

Второе. Еще яснее высветилась скрытая пружина ажиотажа вокруг высказывания премьер-министра В.Павлова о финансовой войне против СССР. Сами посудите. Некоторые члены российского правительства крутят махинации: миллиард туда – миллиард сюда. И вдруг глава союзного правительства угодил в «самое яблочко». Тогда родилась мысль, достойная лучших образцов «гешефтмахерства»: если Запад перестанет давать кредиты (России,

например), свалить провал внешнеэкономических связей с махинаторов на правительственное заявление В.Павлова. Правда, на этот раз не удалось перевернуть карту.

В справке депутатской комиссии ВС РСФСР от 15.02.91 г. о «контракте на продажу 140 миллиардов рублей» прямо сказано: «Его возможная реализация создала бы угрозу стабильности отношений с союзными республиками, дестабилизировала процесс денежного обращения в стране... Сосредоточение такого количества рублей в руках неустановленной фирмы могло породить возможность серьезных финансовых диверсий как против отдельных республик, так и против СССР... Подорвано доверие к правительству РСФСР у крупных западных банков и фирм... Возможны и осложнения с получением кредитов от западных партнеров». В названной справке виновники названы однозначно.

Третье. Мы далеки от того, чтобы видеть корень всех бед в сомнительных действиях только российского правительства. Это крупные операции, но круг исполнителей, видимо, гораздо шире российского масштаба. В частности, из беседы с Д.Миллер и представленных ею документов следует, что к этим аферам имела отношение некая дочерняя организация АН СССР. Как ни критикуй популярных экономистов из Академии наук, но то, что курс доллара на международном «черном рынке» они знают на «отлично», — это бесспорно.

Четвертое. Мы кратко охарактеризовали различные типы финансовой войны. Раскрытая Д.Миллер «динамика афер» расширяет наш кругозор об этой махрово цветущей у нас сфере «деятельности». Подтвердились предположения о выкачивании из страны стратегических ресурсов. Действительно, когда наши новообращенные Тит Титычи совершают сырьевые сделки с лукавыми «ганзейцами», нужен глаз да глаз. Дело в том, что западный мир (по мнению западных же экспертов) вошел в очередную «длинную волну» экономического цикла. В технике и технологии такому состоянию сопутствует «революция материалов»: резко расширяются их ассортимент и качество. Возникают потребности в «изысканном» сырье. А добыча и переработка онога связаны со значительными энергетическими затратами и экологическим ущербом. Что же тогда означает продажа за рубеж — прямо или через посредника — той же алюминиевой посуды? На первый взгляд пустяки. Но!.. В СССР при производстве алюминия используется приобретаемое за валюту импортное сырье. К тому же на

получение одной тонны алюминия расходуется 9 тонн условного топлива, в том числе более 17 тысяч киловатт-часов электроэнергии. Вот что такое на самом деле алюминиевая посуда — по затратам. А в США и в Германии около 30 процентов алюминия обеспечивается как раз за счет «вторичного» алюминия: то есть путем переплавки отслуживших срок алюминиевых изделий (плошек, ложек, поварешек в том числе). Экономят там энергию и финансы! А наш родной Тит Титыч знает, что цена алюминия на западных рынках (аж!) 1,5–2 тысячи долларов за тонну. Вот он и играет на разнице цен и валютных курсов.

Скажут: подумаешь, одно СП сбывло туда 162 тонны алюминия. Ну а если 100 или все СП займутся этим делом? К сожалению, многие СП этим как раз активно и занимаются. А сделка по продаже «за кордон» германия, к счастью, прерванная? Германия, без которого нет производства полупроводников (диодов, транзисторов, фотодиодов). О какой модернизации экономики можно говорить, сбывая за рубеж такого рода материалы?

Пятое. Все последние события (справка депутатской комиссии российского парламента, встреча с Дианой Миллер) утвердили нас в мысли: финансовая война ведется активно одновременно по нескольким направлениям. И необходима надежная система экономической безопасности СССР, включающая в себя:

- разработку нового механизма функционирования сквозного валютно-таможенного контроля за внешнеторговыми сделками. Для проведения этой работы необходимо создать специальный орган валютно-таможенного контроля, оснащенный современной компьютерной техникой, позволяющей получать и обрабатывать информацию, поступающую от организаций экспортеров и импортеров, таможни и банка;

- создание службы таможенной экспертизы, которая включала бы в себя систему технического слежения за вывозом стратегического сырья и материалов, драгметаллов и ввозом высоких технологий из-за рубежа. Необходимо ввести порядок, при котором ввоз и вывоз продукции лицензировались бы только при наличии актов экспертизы такой службы;

- объявление монополии государства на ввоз особо прибыльной импортной продукции;

- разработку гибкой налоговой политики на вывоз энергоносителей, металлов, стройматериалов, промышленного сырья, осо-

бо наукоемких технологий. В этих целях целесообразно создать специальный орган при Кабинете министров СССР;

– введение института правовой и финансовой ответственности за сокрытие сведений по операциям через иностранные банки в ущерб экономической безопасности страны.

Р.С. Когда статья была уже подготовлена, стали известны новые подробности о сделках российского руководства. Оказывается, по данным следователей Прокуратуры СССР, речь уже идет не о 140 миллиардах рублей, а о 500 миллиардах. Установлено также, что миллиарды рублей скупались фирмой «Ля мэр интернейшонал» не только у «Ист-Веста». Часть сделок санкционирована и правительством России. А что начнется, когда предприятиям будет разрешено открывать валютные счета в зарубежных банках, как то предусматривается «Программой стабилизации экономики и перехода к рыночным отношениям в РСФСР»?

КОЛЕЯ

Солидарность. 1991. №14-15

Хохма

Слыхали? Говорят, у нас теперь есть Санкт-Петербург Ленинградской области и это надолго, поскольку в области менять название не желают. Так вот и будем хохмить. Ей-же-ей.

Читали? Пишут, что президент Горбачев наградил космонавтов званием Героя Союза Советских Социалистических... Ну хохмит! Да нет, вы погодите, это не все! Они еще... орденом Октябрьской Революции... ну дадут! И Ленина, Ленина... Ухохочешься, честное слово! Ведь если им же верить, то социалистический эксперимент завершен. А Союз Советских Социалистических?.. А Герой Союза Советских Социалистических?.. Если из их логики исходить, то Октябрьская революция – это путч! Ленин – злодей. А орден Ленина – награда? А орден Октябрьской Революции? Комедия абсурда... Черный юмор. И вот так каждый день по всем необъятным просторам. Что мы имеем?

«Колбасы мне надо, колбасы; потом сыра, желательного многих сортов, потом мяса, молока и молочных продуктов с кисельными берегами! Как у "них" шмоток мне надо, как у "них"! И видак мне опять-таки нужен, и машина большая и длинная, и коттедж, и Ривьера, и красивая жизнь! Вы же все обещали!»

«Жора, выдай фраеру леденец, и пушай распишется за гуманитарную помощь».

Технология лжи

Уровень жизни при проведении радикальных рыночных реформ для России должен упасть по отношению к брежневскому «скудному изобилию» примерно в 10–15 раз. Не верите?.. Так он и сегодня уже составляет одну треть от уровня 1983 г. Количество безработных достигнет 50–70 миллионов. Не верите? Спросите у своих коллег-обывателей из Восточной Европы, которые уже «кушают чечевичную похлебку» пресловутого рынка. Эпидемия, го-

лод неизбежны. Они уже начались. Не верите?.. Высуньте нос из Москвы и поколесите по городам Центральной России.

Вам предстоит еще осознать, перед тем как начнется все это, как именно вас обманули. Так не обманывают людей. Так ведут себя только со скотом, которого отправляют на бойню.

В условиях перехода от той экономики, которую мы имели, к той экономике, которую «нам планируют там», ну ей-же-ей — дурацкая рифма, и, главное, при том способе перехода из пункта А в пункт Б, который вам предложили, ничего другого и быть не могло. Стадо и должно было быть остриженным и зарезанным под аккомпанемент сладко-сентиментальных мелодий о рыночном изобилии. И мне не интересны ни Шеварднадзе, ни Буш, ни Горбачев, ни Коль, ни Ельцин, ни Миттеран, ни КГБ, ни ЦРУ, ни ГКЧП, ни наши либеральные диссиденты. Я хочу только одного: сказать стаду, что оно — стадо, именно стадо, и ничто иное, как стадо. И сказать это на доступном ему языке, так, чтобы наступил, наконец, момент истины.

Что, разве не верили, что достаточно провести пару десятков законов, освободить частную инициативу, дать свободу производителю — и мы мигом заживем, как в раю? Верили! Так получайте сахар по 20 рублей за килограмм. Что, разве не под этими лозунгами выбирали себе депутатов? Под этими! Так и получайте стадо баранов, справедливо разогнанное после так называемого «переворота». И еще много подобных «террариумов единомышленников», которые один за другим будут отправлены на свалку истории. Получайте то, что вы заслужили. И не сетуйте ни на кого, кроме самих себя.

А разве не верили, после того как впервые из словесного карнавала начали проглядывать контуры экономических репрессий по отношению к большинству населения, контуры нового экономического ГУЛАГа, разве не верили в этот момент, что кто-то там чему-то «мешает», что «темные силы» в очередной раз «злобно гнетут» демократически настроенных депутатов? Верили!

Так получайте.

Замирающая промышленность, перебои в снабжении, холодное и презрительное молчание Запада в ответ на слезливые и слюнявые просьбы о помощи. Получайте все полной мерой. Ведь все это уже было в вашей истории. И было неоднократно.

Вы позволили себя запустить по очередному кругу, а позволивший совершить с собой такое надругательство, после того как по-

добное же надругательство совершалось по отношению к его отцу, деду и прадеду, должен получить по заслугам. Вчера его пугали силами мирового империализма — и он верил. Сегодня его пугают преступной КПСС — и он опять-таки верит. Вчера ему рассказывали о подрывной деятельности «троцкистско-зиновьевской клики» — и он верил. Сегодня ему поют песни «о механизме торможения» — и он опять-таки верит. Вчера ему объясняли все беды и неудачи «пережитками буржуазного прошлого» — и он верил. Сегодня ему орут про «совок», про «гомо советикус» — и он опять-таки верит. Оправданиям и «оправдателям».

Так чего же он заслуживает, как не того, чтобы его обобрали до нитки? Ведь, казалось бы, мог и сообразить, что подобные оправдания звучат не более убедительно, чем предшествующие разглагольствования о том, что коммунизм нам помешали построить неблагоприятные климатические условия. Но ведь он верил тогда и теперь снова верит. И, зная, что он доверчив до патологии, ему врут грубо, нагло, не стесняясь, даже не заботясь о каком-либо правдоподобии при нагромождении одного слоя лжи на другой. А ведь сколько, если вдуматься, наворочено уже всякой всячины!

Вначале — ложь о том, что Запад благоденствует потому, что там существует частная собственность. Будто в Колумбии ее нет. Или и там Владимир Ильич утвердил на престол колумбийскую наркомафию? А что, расскажут об этом — тоже поверят. Потом была ложь о райской жизни там, «за бугром», в самых богатых странах, собирающих сверхприбыли со всего остального, как они его называют, «третьего мира». Даже тут, где было чем похвастаться и о чем порассказать советскому человеку, предпочли элементарную наглую ложь, бесконечное количество раз прокручивая рекламные ролики, выпячивая лишь то, что бросается в глаза советскому туристу и дипломату, и выдавая это за правду о великой трагически сложной западной цивилизации. Потом... Потом — суперложь о легкости и безболезненности перехода от нашего советского безобразия к «ихнему» франко-германо-англо-американскому изобилию.

По описанию советских политиков и экономистов этот переход оказывался почему-то намного более простым, чем переезд советской семьи из Марьиной Рощи в новую квартиру в отдаленном районе. И в это тоже поверили. Казалось бы, народная мудрость гласила, что два переезда — это один пожар. Но это здорово-

мыслие почему-то немедленно отключалось, когда речь начинала идти о переезде 200-миллионного семейства народов из Мелитополя, Рязани и Тынды в Антверпен, Нант и Франкфурт-на-Майне. Судя по всему, с возможными остановками на неопределенный срок в Мозамбике или Гвинее-Бисау. Об издержках подобного переезда почему-то никто не подумал. Почему-то поверили в то, что это произойдет «по щучьему велению» и «на ковре-самолете». Почему?..

Потом была ложь о себе, своем прошлом и настоящем. И в нее тоже поверили. И тоже не в первый раз.

Потом... Одним словом, была выстроена всем миром «вавилонская башня», где ложь нагромождалась слоями и этажами, одна на другую, где она нашептывалась, выкрикивалась, скандировалась, наукообразно и поучительно разжевывалась и, разумеется, подавалась в качестве «правды». И это тоже не в первый раз.

Что же теперь?..

До боли стыдно повторять вещи, тем более что спасибо за это не скажет никто: ни власть, тшачаяся морочить голову своему народу, ни народ, сладострастно верящий всяческой лжи. И те, и другие не торопятся «просыпаться», но их разбудят. Холод, голод, инфляция, мятежи заставят открыть глаза на тот бесконечный ужас жизни, который начинается прямо сегодня, здесь и сейчас. Что же станет ясно проснувшемуся народу и «протрезвевшей» власти?

К сожалению, очень немного. Всего лишь несколько азбучных истин. Я говорил о них неоднократно и повторю еще раз.

Аз — оттого, что введется частная собственность, начнется переход к рыночной экономике, абсолютное большинство населения, с точки зрения уровня потребления, в ближайшие десятилетия лишь проиграет. Причем весьма и весьма существенно. Это не есть результат злой воли какого-либо правителя, это не есть результат чьего-либо противодействия. Это даже не есть результат воровства или некомпетентности. Все это, безусловно, присутствует, но лишь в качестве дополнительных «ингредиентов». Суть же в том, что сами по себе преобразования, затеянные — с согласия народа! — его вождями и лидерами, обладают фундаментальным свойством ухудшать жизнь народа и улучшать жизнь очень и очень немногих. Я не хочу обсуждать, нужны ли эти преобразования. По крайней мере, не хочу обсуждать это в данной статье. Я добиваюсь лишь того, чтобы была сказана правда о них и

стерты жирные румяна хотя бы с самой злонамеренной, самой дремучей и пошлой лжи. Но продолжим.

Буки — чем ниже стартовые условия, чем в большей степени исчерпан потенциал данного общества, чем в меньшей степени обладает оно слоем «подкожного жира», накопленного в предшествующий период, и чем быстрее оно стремится при этом осуществить переход в новое качество, тем туже придется ему «затягивать пояс». А там, где «толстый — сохнет, тощий — сдохнет». За шесть лет наше общество изрядно порастеряло свой «подкожный жирок», и сегодня в Советском Союзе, и особенно в России, ускоренный переход к рынку будет невероятно тяжелым. Уровень жизни десятков миллионов людей станет столь низким, столь запредельно низким, что социальные взрывы практически неизбежны. Причем такие взрывы, которые сметут любую власть, строящую свою политику на заигрывании с большинством населения. Иными словами, так называемую «демократическую власть», «власть демоса», то бишь толпы. Так что до ять нам добраться никак не удастся при осваивании рыночной азбуки демократическим способом.

Так стоит ли продолжать? Думаю, что все-таки стоит — для того, чтобы обозначить правду о рыночных реформах в СССР и России. Вот почему повторяю: я не хочу обсуждать здесь других вариантов развития общества, отличных от его радикального «урывания». Любые преобразования следует оценивать исходя из тех парадигм, в рамках которых они замысливаются. Но уж в этих рамках следует быть логичными до конца. И как минимум — жестко определять весь «алфавит» своей «азбуки».

Итак.

Веди — они обязаны будут признать насилие, причем жесткое насилие в качестве ключевого компонента реформ. Обязаны будут отказаться от демократических иллюзий и действовать абсолютно иными средствами, востребовав ресурсы насилия без колебаний. И... Дать себе отчет в том, что эти ресурсы сегодня, так сказать, «нонкондишн». Причем они разрушались сознательно в ходе всего последнего пятилетия, и особенно после августовского «квазипутча». Ну и что же теперь?..

Глаголь — механизмом, включающим ресурсы такого рода, является авторитарный режим. Готовы ли они на него после бесконечных проклятий по этому поводу?

Добро — до тех пор, пока производительная деятельность оплачивается на несколько порядков хуже, чем прямое и недвусмысленное воровство, казнокрадство, мздоимство, никаких реформ вообще нельзя проводить. Никакой эффективной экономики возникнуть не может, ни плановой ни рыночной — никакой. Война преступности должна быть объявлена тем скорее, чем скорее мы хотим приступить к осуществлению всех этих «рыночных благолепий». И не надо иллюзий. Речь идет о настоящей полномасштабной войне. Готовы ли они к этому? И на кого собираются в этой войне опереться?

Есть — они должны далее осознать, что хоть какая-то идея, хоть что-то, что может сойти за общенародный интерес, должно быть подключено. Я сознательно не указываю качество этой идеи: выживание, защита Отечества или нечто иное — дело не в этом. По крайней мере, здесь я это опять же рассматривать не хочу. Я лишь указываю на то, что без этого невозможно добиться от населения затягивания поясов на своей и без того чересчур изящной, скажем так, талии.

Так готовы ли они к соответствующему подключению и что именно собираются подключать? И сознают ли, сколь глубоко ими же самими подорвана столь необходимая им сегодня духовная почва? И стоит ли продолжать дальше изложение алфавита, когда ясно, что никто из сегодняшних лидеров политического процесса на этом, ими же самими вроде бы предложенном, языке говорить всерьез не способен. Для этого нужны другой мозг, другая воля, другая ценностная ориентация, другая политическая направленность, другой темперамент и т.д. и т.д.

Но ведь и ресурсы лжи, в конце концов, тоже не бесконечны. Так что же тогда? Что остается делать всем этим людям, получившим власть, сокрушившим, так сказать, «темные силы» и совершенно не готовым к тому, чтобы действовать в соответствии с тем, что ими продекларировано, во что они сами уже в какой-то степени поверили, став заложниками своих собственных слов.

Им остается одно — уповать на Чудо. Они и уповают... Вовсю...

Явление Явлинского народам СССР

«И снится чудный сон...», сон чудесный, спасительный и благотворный. И приходит в этом сне добрый «дядя» с огромным, набитым банкнотами кошельком. И «отстегнет» он в обмен на «коммунизм» миллиардов этак двести в твердой валюте. И можно

тогда и к рынку идти, и демократию сохранить, и предпринимателю все условия обеспечить, и ночующий на снегу спецназ, увенный из стран Восточной Европы, хоть как-нибудь обустроить. И малоимущих хоть сколько-нибудь поддержать.

Что-то это все напоминает ужасно знакомое. То ли по программе «Спокойной ночи, малыши», то ли по дешевым индийским фильмам, то ли по притче о манне небесной, то ли по химерам 20-х годов насчет пришествия мировой революции и помощи нашей стране со стороны мирового пролетариата высокоразвитых стран.

Смеяться по этому поводу как-то даже грешно. Слишком уж очевидно фиаско этих теперь уже (слава Богу, наконец-то!) действительно «кремлевских» мечтателей. И я, видит Бог, искренне желал бы сегодня выделить хоть какое-то положительное содержание во всех этих «Окнах возможностей», сегодня, увы, уже слишком сильно напоминающих канализационные люки.

Но как же защитить содержание идеи Явлинского—Элиссона? Или Явлинского—Сакса? Или Элиссона—Сакса—Явлинского, что, впрочем, неважно. Как неважно то, верит ли сам Явлинский, вполне современный экономист и политик, во все эти сказочки для детей. Если верит, да простят ему это в силу возраста и жизненного опыта. Если не верит... — что ж, в конце концов, все как в поговорке о петухе: он «прокукарекал», а там — «хоть и не рассветай». Предполагаю, что через какое-то время отсутствие «рассвета» будет объяснено «плохим кукареканьем петуха», а проще говоря, все будет свалено (и в очередной раз) на Явлинского. И вот против этого я категорически вступаю за всех троих вышеназванных интеллектуалов. И — прежде всего за Григория Явлинского.

Да, вступаю, поскольку в высшем эшелоне политической власти страны, в высшем эшелоне политической власти России есть люди и постарше Явлинского, и с другим жизненным опытом, и, да не обидится молодой и талантливый экономист, значительно умнее его. Они-то что, действительно считают, что «рассвет» возникает или не возникает по «вине петухов»? Они-то что, не знают, какова дистанция от замысла Джеффри Сакса или Грэма Элиссона, под чьи диктовки Явлинский сочинил «Уиндоу оф Опотьюнити», до принятия такого утопического проекта хотя бы только бюрократией Белого дома, того, который находится в Вашингтоне, а не в кольце баррикад на Краснопресненской набережной? Так вот, они прекрасно знают, что Дж.Сакс в том «боль-

шом» Белом доме авторитета не имел никогда. А Грэм Элиссон резко начал терять даже то небольшое, что имел, после того, как поставил свою подпись на заведомо утопическом документе. И при чем тут Явлинский?.. Ну написал он очередную «бумагу», а где глаза у тех, кто читает? И не надо ссылаться на Сакса и Элиссона, они тоже тут ни при чем. Хотели помочь — не получилось. Займутся другими делами.

Кстати, я не вижу ничего плохого, что Явлинский писал под диктовку этих людей. После этого, по крайней мере, в его проекте хотя бы количество самых очевидных глупостей резко уменьшилось. Ну и на том спасибо. Но что же, умудренные жизненным опытом, вполне компетентные люди из высших органов управления страной не знают, чем кончились интеллектуальные упражнения Дж.Сакса в Боливии или Польше? Не знают, что дров там наломано много, а результат — нулевой? Полноте, не поверю. Как не поверю и в то, что они не понимают, какие процессы вызовет методология Сакса в Советском Союзе. Как не поверю и в то, что они не понимают, что денег никто не даст, особенно в условиях нестабильности, хаоса и распада страны, хотя бы потому, что их — нет. Ни у США, ни у Германии, ни у других членов «семерки». За исключением Японии.

Но это особый, крайне деликатный вопрос — вопрос о японских геополитических и геостратегических интересах. И я никогда не поверю, что кто-либо из серьезных людей в высшем политическом руководстве способен питать иллюзии, что-де, мол, эти интересы сводятся к получению Курильских островов или любых других территорий, сколь бы велики они ни были. Если кто-то так думает, то это, мягко говоря, человек крайне наивный.

На самом же деле, японские интересы крайне глубокие. И никакого отношения к экономическим программам не имеющие, тем более рыночным, тем более по рецептам «гарвардской кухни».

С прискорбием приходится констатировать, что, блокировав все возможности для себя, мы уже этим передали инициативу в руки растущего геостратегического гиганта XXI века — Китайской Народной Республики. И это что, тоже невозможно было понять? И при чем здесь Григорий Явлинский?

Но главная позитивная, и я бы сказал — даже историческая, роль Явлинского в том, и только в том, что после его программы уже трудно будет вернуться к фундаментальной лжи о возможности

немедленного повышения жизненного уровня населения именно путем проведения рыночных реформ. Явлинский оказался честнее своих предшественников. Он признал, что издержки рыночных реформ будут огромны. Он признал, что эти издержки требуют компенсации в сотни миллиардов долларов. Он признал тем самым (пусть в скрытой форме), что если этой помощи нет, то придется грабить свое население на сотни миллиардов тех же долларов, то есть на несколько триллионов рублей. Он признал, его признали... Ну и слава Богу. Теперь сказки – в сторону. Западной помощи не было и не будет. Ну и что?.. Что же дальше?..

Имеется вакантное место на Голгофе, но желающих занять его нет

Это, увы, не шутка, а печальная реальность наших дней. Отвечать за игры интеллектуалов придется политикам, и, скажем прямо, отвечать головой. И уж это-то они понимают. Это в особенности касается России и ее традиций. В ней особо популярна была идея выдачи того или иного «боярина» на растерзание голодных народных масс. То же самое происходит на наших глазах. Истощенный вопль: «Боярина на копы!» – непрерывно звучит с экранов телевизоров и со страниц наших таких либеральных, таких прогрессивных печатных органов. При этом вопрос не в симпатиях или антипатиях, не в предпочтениях одного деятеля другому. Просто, для того чтобы рыночная «гондола» могла еще сколько-то времени продержаться в воздухе вместе с дырявым «аэростатом», надо выбрасывать балласт. Вот его и выбрасывают, и, между прочим, не первый год.

Мне вспоминается старый анекдот об армянине, который, умирая, завещал беречь евреев. Ибо как только их перережут, то примутся за армян. В буквальном смысле слова анекдот, возможно, утерять свою актуальность, а вот в переносном звучит актуально, как никогда. Беречь надо было КПСС, хранить ее как зеницу ока! И руководство – тоже беречь! Бережно, по одному выбрасывать под белые рученьки из корзины сначала боярина Павлова (в сентябре–октябре), затем боярина Лукьянова (в ноябре–декабре), затем весь боярский Верховный Совет. После этого в разгаре озлобления – бояр из КПСС, и то, вероятно, не сразу, а группками, растянув удовольствие. Братцы ж мои, ведь эдак можно было еще годик–другой протянуть!

А что же теперь? Кого теперь «выбрасывать из гондолы»? Да и сработает ли этот метод в новых условиях? Сам по себе он хорош, спору нет. Но имеет два недостатка.

Во-первых, он хорошо работает лишь при не слишком резких ухудшениях уровня жизни. А они, судя по всему, даже без реформ станут слишком резкими после ГКЧП.

И во-вторых, ни один из политиков высшего уровня не хочет быть вышвырнутым, и тем более «на копыя» народного гнева, не хочет занять «вакантное место» на той самой легендарной горе, а хочет предоставить это почетное право своему «другу, брату и со-товарищу». И верит, что тому эта роль окажется по плечу! А тот в свою очередь... И здесь возникает вопрос о технологии вышвыривания очередного политического вождя, о том, как заставить его проводить реформы, которые его же обрекают на смерть? Как заставить его копать себе могилу своими руками?

К вопросу о поцелуе, известному нам по евангельской притче

Ни один политик высшего уровня сам решений не принимает. Вместе с ним, и в значительной степени вместо него, решения принимает команда.

Первое лицо вбрасывает идею, дает ей жизнь, проводит первые мероприятия по ее проталкиванию. А дальше все зависит от команды, от тех исполнителей, которые могут погубить хорошую идею, спасти бредовую, заблокировать негодную или же отсечь здор-овые предложения. Для того чтобы команда работала эффективно, должны существовать три условия.

Первое. Бесконечная личная преданность команды своему лидеру, преданность проверенная, гарантированная неформальной близостью и, наконец, четким сознанием того, что именно с лидером, и ни с кем другим, связаны все блага для членов команды, а возможно, и жизнь, и безопасность их самих и членов их семей.

Второе. Идеинная близость. Лидер неоднократно меняет курс, лавирует в стремительном политическом потоке. И тем не менее остается его политическое «Я», его потаенная идейная ориентация, его «королевская идея», его стратегический план. До тех пор, пока команда в это верит, между ее членами и лидером существует идейная связь, в значительной степени подкрепляющая связь по принципу личной преданности.

Одна из крупных ошибок М.С.Горбачева состояла в том, что, подбирая свою команду в определенном идейном «обновительском» поле, он не сменил ее в тот момент, когда сам начал резко менять ориентацию (тут, правда, возникает естественный вопрос, начал ли).

Третье. Команда, естественно, должна иметь способность привлечь на свою сторону определенный интеллектуальный потенциал. Но упаси ее Бог от того, чтобы она этот интеллектуальный потенциал начала затягивать внутрь себя, создавая политическое блюдо наподобие шашлыка со взбитыми сливками. Интеллектуалы – люди изначально ненадежные. Обладая определенным потенциалом, они вдобавок еще и люди независимые, по преимуществу. Обладая своими идеями, они склонны видеть врага в любом носителе альтернативных идей. И, наконец, будучи эгоистами по натуре, они охотно превращают лидера в игрушку своих собственных интеллектуальных конструкций.

Здесь – еще одна ошибка М.С.Горбачева. Хотя... В конце концов, это опять же вопрос личного вкуса...

Точка опоры

Вкус Ельцина изначально определяет его крен в сторону личной преданности команды, как того фактора, который имеет решающее значение. Будучи, в отличие от Горбачева, неоднократно «бит», испытав всевозможные «превратности судьбы» и взойдя на высший этаж государственной власти, Ельцин хорошо понял, как легко все продается и покупается. И сделал выбор.

В этом смысле разговор о «свердловском клане» (как, кстати, и о «ставропольском клане»), а также о любых других типах патрональных отношений, фаворитства и даже семейственности в острой политической ситуации абсолютно бессмыслен. Естественно, что рядом оказываются люди, связанные неформальными отношениями. Естественно, что все «посторонние» держатся на дистанции. Естественно, что острые политические вопросы поручаются тем, в кого верят.

У кого из крупных политических деятелей Запада это было не так? Или не было «табачного кабинета» у Рейгана? Или не личная преданность решала судьбу членов команды Ф.-Д.Рузвельта, одного из величайших политических деятелей XX века? Или не предательство решило вопрос о жизни и смерти Ленина, де Голля, Дж.Кеннеди?

И тут на ум приходит одна незамысловатая схема, хорошо зарекомендовавшая себя в предшествующий период. Вкратце схема эта состоит в следующем.

План игры

Вариант первый. Удастся осуществить полную смену команды с заменой ее на людей, имеющих свои интересы, отличные от интересов президента России. Тогда не составляет особого труда передавать этой команде такие инструкции, которые способствовали бы осуществлению некоей стратегии, но коренным образом противоречили интересам данной политической фигуры. В результате – фигура «горит», а команда либо переходит к другому политическому лидеру, либо распускается с повышением статуса всех ее членов.

Вариант второй. Команда дискредитируется. Лидера обвиняют в том, что он связан с «плохими людьми», неспособными к осуществлению спасительных радикальных реформ, что ситуация ухудшается не потому, что это вызвано движением по определенной политической колее (рынок, приватизация и прочий набор экономических и политических штампов), а потому, что люди лидера косны, с коммунистическим прошлым и вообще «тормозят» проведение этих гениальных идей, которые способны привести все общество к процветанию. И, наконец, что в любом случае в этом стремительном ухудшении ситуации виновны не основные идеологи выбранного курса, не держатели потенциала стратегически важных идей, а не умеющий выбирать себе команду лидер и его ближайшее окружение.

В любом из этих двух вариантов удастся решить главную задачу – свалить ответственность «с больной головы на здоровую». И разве на протяжении последних пяти лет впервые осуществляется данный «фокус»? Отнюдь. Все это уже было. Отставки, обиды, обвинения, перекладывание вины. В результате мы имеем то, что имеем. И боюсь, что нового тура подобных «игр» страна уже просто не выдержит. Колея «накатывается» уже не один год. Куда она ведет, становится яснее с каждым днем. Как на нее выводят, как по ней толкают, – все приемы уже отработаны.

Выхода – два. Один – свернуть с колеи, причем незамедлительно. Другой – принять на себя тобою же пущенный бумеранг беспощадных слов: «Уйдите красиво!»

ЦЕЛИ И ЦЕННОСТИ

*Доклад, прочитанный на заседании клуба «Постперестройка»³⁸
14 ноября 1991 г.*

День. 1991. 24 ноября

Общечеловеческие ценности в контексте геополитики. Утопия устроительства

Сам термин «общечеловеческие ценности» приобрел в нашей стране право на существование в связи с провозглашаемой перестройкой. Он – визитная карточка этой эпохи. Он символизирует ее идеальное измерение, ее стремление найти выход из духовного тупика. Им в очередной раз обозначены мессианские устремления, идущие в мир с Евразийского материка духовности. И мы считаем такие намерения в принципе правильными. В них – замах, масштабность, планетарный замысел.

Но в них же и трагедия поверхностности, маниловщины, неспособности додумывать до конца – свойство интеллектуалов 60-х годов, причем отнюдь не только советских интеллектуалов. В советском варианте указанное свойство приобрело дополнительные дефекты.

Возникшая как антитеза идеям «классовой морали», «классовых интересов», новая идея немедленно превратилась в идеологию, отвечающую всем стандартам советского бюрократического сознания, а именно:

- псевдоэлитности;
- размытости (или, как говорил когда-то Л. Толстой о русском сознании, «неопределенности»);

³⁸Межрегиональный клуб «Постперестройка», созданный в 1991 г. при возглавляемом С. Кургуниным «Экспериментальном творческом центре», объединил представителей различных политических партий, общественных движений и независимых специалистов.

- эклектичности;
- директивности;
- уплощенности и одномерности;
- отрыву от реальности;
- и т.д. и т.п.

В итоге оценка «общечеловеческих интересов» (впрочем, как и так называемых «классовых») вновь оказалась в руках ничтожного меньшинства, превратилась в «окончательное суждение», в норму, обязательную для всех и как бы выражающую интересы всех, в принцип следования тем требованиям, которые от имени общества ставит его руководящая верхушка. Общество, в котором этот вельможный принцип стал новым культурным стереотипом, все больше теряло понятия добра и зла вместо того, чтобы их приобрести.

Экспликация общечеловеческих ценностей в рамках советского бюрократического сознания создала фантом, по своим свойствам тождественный экспликации в этом же типе сознания понятий о «классовой морали» и «коммунизме».

Само по себе вышеописанное не снимает вопроса об общечеловеческих ценностях как таковых. Мы просто обращаем внимание на то, что не следует путать изначальные формы идей с их бюрократическими трансформами — ни тогда, когда речь идет о коммунизме и классовых интересах, ни тогда, когда речь идет об общечеловеческих ценностях.

Главная наша цель — рассмотреть вопрос об общечеловеческих ценностях, предъявленных в рамках перестроечного проекта, вне его советско-бюрократических искажений (**за них мы уже заплатили и еще заплатим особо**). Говоря ранее о ценностях для постперестройки, мы не считали себя вправе ограничиваться критикой паллиативов. Мы и сегодня считаем тупиковым тот путь, которым пошли основные творцы данного проекта, совершив, с нашей точки зрения, целый ряд гносеологических ошибок. В том числе абсолютизовав понятие прогресс и положив в основу своей концепции пресловутый метафизический оптимизм — представление о том, что так называемая антропологическая катастрофа порождена не сущностью человека, но порчей этой сущности. Этот **инфантильный гуманизм**, по нашему мнению, чреват опасностью не только для СССР, но и для всего мирового сообщества. Он не имеет права на интеллектуальную гегемонию сейчас, в свете того, что происходит в центре Европы, и мы считаем своей задачей подвести черту под этой «утопией устроительства».

Дьявол и Господь Бог

Идея общечеловеческих ценностей исходит из отрицания трансцендентной борьбы за Душу человека как высшую ценность.

Предполагая, что общечеловеческие ценности открываются нам в историческом процессе, встраиваясь при этом в культуру, авторы Общечеловеческого Ценностного Проекта оказываются на перепутье между сциентистской методологией, философским рационализмом и интуитивистской аксиоматикой.

В итоге мы вновь приходим к идее духовных источников, постигаемых интуитивно и не всегда выразимых рационально.

Стоило ли делать изначальную заявку на новый Проект для того, чтобы выйти на кантовские императивы и «нравственный закон внутри нас»? Ведь известно, что суть подобного императива передается лишь с помощью так называемой «непрямой коммуникации», что он не дает выхода в реальность, постулируя лишь наличие у каждого человека изначальной способности совершать личные поступки, основанные на свободе выбора.

И как уже не раз в истории, мы задаемся вопросом об объеме, глубине и подлинном содержании понятия «общечеловеческие ценности», о том, «что це таке и с чем его йисты?» Вопрос, казалось бы, должен быть задан самим себе творцами Проекта, но они почему-то не торопятся отвечать.

Предлагая нам тотальный рационализм и требуя от нас «целерационального действия», они, коль скоро к ним пытаются применить те же мерки, вдруг становятся интуитивистами чистой воды.

Отказываясь от прямого ответа на вопрос о том, что есть «общечеловеческие ценности», они ссылаются на их неизречимость, на то, что попытка что-либо здесь объяснить поневоле окажется лишь экспликацией этих ценностей в рамках той конкретной культуры, в которую погружен их творец, и на поверку они будут всего лишь исповеданием его веры, значимой лишь для тех, кто это исповедание разделяет. В конечном счете, подобная трактовка неизбежно приведет к отказу от столь высоко ценимой ими позиции исследователя, свободно парящего в астральной сциенте и наблюдающего культурные миры со своего «высока», и переходу на позиции (всего лишь навсего!) Проповедника...

Какого же Бога? Того, с чьей помощью общечеловеческие ценности единственный раз в истории были явлены во плоти?

Но принятие этого утверждения всеми без исключения людьми, в том числе и теми, кто трактует данный закон по-другому и от лица иной трансценденции, не может происходить иначе, чем путем насилия (явного или скрытого) «Ad maiorem Dei gloriam».

Слова же о том, что нравственный закон один, как едина истина и един Бог, но что есть много путей выражения истины и проявления Бога, ничего не добавляют к беспомощности исследователя при разрешении вопроса о сути Бога и истины.

Ибо, кроме постоянства всех этих понятий, якобы всего лишь различными извилистыми путями ведущих к одной Магистральной, у человечества есть и нечто еще более постоянное, чем все эти постоянства. А именно — трудности (конечно же временные, какие же еще!), связанные с вопросом о том, что есть подлинное Добро, а что есть видимость, творимая Имитатором, что есть Бог, а что Дьявол, выдающий себя за Бога.

Высшая истина религий — напряженная борьба между Богом и Дьяволом, трагический и великий удел человека, который есть субъект и поле этой великой войны.

А значит, высший грех — смирение, ожирение, самодовольство, успокоение. То, которое осуществляет дедукцию общечеловеческих ценностей и вещает от их лица, более того — тщится измерять своими рукотворными мерками, сколь адекватно те или иные общечеловеческие ценности воплощены в тех или иных культурах.

Самодовольство, готовое уже чуть ли не строить шкалу (!) общечеловеческих ценностей, надменно говорит любым, кто сомневается в их наличии: «Это столь же непреложно, как результат умножения два на два». Оно при этом само не понимает, насколько разоблачающе близко подошло в этом утверждении к истине о себе и своих ценностях.

Что — внутри?

Ценности — это высшие принципы, на основе которых обеспечивается пресловутый консенсус, то бишь согласие, между людьми, народами, нациями и государствами, и, разумеется, общечеловеческое согласие, достижение которого и вправду составляет главную задачу человечества в XXI столетии.

Ценности творятся в недрах религий, которые оплодотворяют ими человеческую культуру. Религия есть, таким образом, Отец, а куль-

тура — Мать ценностей, и, если мы хотим проникнуть за оболочку словосочетания «общечеловеческие ценности» и понять, что внутри, мы должны отталкиваться от наличия общечеловеческих праценностных субстанций, тех субстанций, которые эти ценности порождают. Иначе говоря, мы должны признать наличие общечеловеческой **религии** и творимой ею общечеловеческой **культуры**.

Но ни то, ни другое в исторической практике в чистом виде **не существует**. А извлечение тех или иных экстрактов — занятие, как мы знаем, не слишком почтенное.

Тогда где же та субстанция, которая позволяет вести разговор об общечеловеческих ценностях? И есть ли вообще какая-то субстанция, за которой можно закрепить статус **общечеловеческой, универсальной**?

Она, безусловно, есть. Таковой субстанцией, растущей и крепнущей на протяжении двух последних веков, являются наука и техника — сложнейшие создания человечества, в неизмеримо большей степени, нежели культура и религия, носящие всемирный характер.

Таким образом, соблазн сотворения планетарных ценностей в том и состоит, чтобы абсолютизировать науку и технику в виде универсума, способного породить глобальный консенсус.

Техника при этом стремится заменить или подменить собой культуру, создавая взамен нее индустрию элитарных или массовых развлечений, а наука — религию, выдвигая на ее место психоанализ и порождаемый им комплекс психотехнологий, берущих на себя заботу о воздействии на Я и сверх-Я и об интеграции человека в социуме.

Культура и религия, таким образом, оказываются в роли отвергаемых, пародируемых Предков. По сути, мы наблюдаем глобальную мистерию поругания. Ту, которую психоанализ описывает, выдавая за объективность, и которая на деле является не чем иным, как описанием его — психоанализа — действий, целей и помыслов. Ибо убийство Отца (религии) и надругательство над Матерью (культурой) суть сублимация действий Пришедшего.

То, что рождается в результате, есть, по сути, **гомункулы религии и культуры**, ничего не способные создавать.

Оторванные от продуктивного диалога с религией и культурой, наука и техника обращаются в новых богов, на службу которым и ставится человечество.

Не техника и наука для человека и человечества, а человек и человечество для поклонения и служения технике и науке — вот та перевернутая реальность, которая порождена тотальным господством науки и техники в XX (да и не только в XX!) веке. Но и это еще не все.

Будучи оторванной от культуры и религии, как генерирующих творческую энергию субстанций, наука и техника становятся на путь экстенсивного развития, на котором количество инноваций подменяет собой их качество, а компилятивный, компьютерный интеллект все в большей степени подменяет собой интеллект креативный, немислимый вне связи с культурой и религией.

В итоге наука и техника на наших глазах превращаются в замкнутую самодостаточную систему, работающую уже и на саморазрушение, и, уж конечно, на разрушение и уничтожение ее «жалких рабов» — человека и человечества. Такова планетарная антиутопия, становление которой происходит на наших глазах. Мы живем в абсурдном мире и творим его под заклинания об общечеловеческих ценностях — псевдоценностях технотронной цивилизации, раздавливающей в своих тисках религию и культуру. Те субстанции, которые только и способны порождать ценности, необходимые для всяческого согласия.

Налицо очередной акт интеллектуальной шизофрении, конфликт между провозглашаемыми целями и действиями, творимыми якобы во имя осуществления этих целей, а на деле приводящими к их убийству.

Пытаясь спасти себя и своего бога — Науку, ученые требуют построения Храма общечеловеческих ценностей, но готовый строить его получает от них проект новой Вавилонской башни.

Так Илья Муромец, пытаясь спасти Святогора из гроба, бьет по гробу мечом, и каждый удар опоясывает гроб очередным железным обручем, губя того, кого герой тщетно пытается спасти.

Беда не в том, что предпринята попытка создать общечеловеческие ценности, а в том, что это — попытка с негодными средствами. Для того чтобы данные ценности могли быть построены, необходимо чтобы их творец оказался вне замкнутой системы ценностей, predeterminedенных его собственным бытием в культуре, религии, его собственной «почвой». И изначальным пороком методологии тех, кто пытается выступать сейчас от лица общечеловеческих ценностей, является то, что **пространством, в которое они**

считают необходимым выйти, для того чтобы осуществить нечеловечески трудный синтез, является пространство сциенты, технико-научный континуум, распадающийся на наших глазах — большая материальность, требующая своего собственного «врача-диагноста».

Возможно, что, критикуя данный Проект, мы не обладаем полной информацией по поводу его метацелей, но это объясняется не нашей неинформированностью, а **упорным нежеланием авторов Проекта предъявить свои метацели обществу.** В любом случае мы имеем право утверждать, что этот Проект либо эзотеричен (и тогда не может быть подвергнут анализу), либо строится на изначально противоречащих друг другу предпосылках. Являясь, повторим, по сути своей, попыткой с негодными средствами.

Преобразовать человечество на основе подобных ценностей невозможно. Антропологический кризис будет лишь усилен и доведен с их помощью до своего логического завершения. В итоге возможна либо риторика, либо очередной проект, основанный на насилии. Что не приведет даже к тому, весьма ущербному, на наш взгляд, результату, который мнится авторам нынешнего Проекта.

Все остальное — за чертой обсуждения, за чертой научной дискуссии.

Подмена понятий

С советской стороны в вопросе о ценностях мы наблюдаем в основном бессильную риторику, воспроизводящую в плане методологии имитационную схему, характерную для советской бюрократической элиты на протяжении многих десятилетий. О том, с чем связана особая приверженность этой схеме, мы будем подробно говорить во второй части доклада. Здесь же необходимо констатировать, что со стороны Запада мы наблюдаем очевидное намерение под видом общечеловеческих ценностей (создать которые в позитивном плане Запад, как мы показали, практически не способен) развернуть план, никакого отношения к решению коренных проблем человечества не имеющий. План, при котором одна из систем ценностей (противоречивая и неспособная к саморазвитию) окажется навязанной человечеству под видом очередной спасительной панацеи.

Причем речь пойдет, по всей видимости, отнюдь не об абстрактных философских понятиях.

Вот что пишет по этому поводу Френсис Фукуяма в своей всемирно известной статье под названием «Конец истории?»:

«...В двадцатом веке... либерализму пришлось бороться сначала с остатками абсолютизма, затем с большевизмом и фашизмом и, наконец, с новейшим марксизмом, грозившим втянуть нас в апокалипсис ядерной войны. Но этот век, вначале столь уверенный в триумфе западной либеральной демократии, возвращается теперь, под конец, к тому, с чего начал: не к предсказывавшемуся еще недавно "концу идеологии" или конвергенции капитализма и социализма, а к неоспоримой победе экономического и политического либерализма.

Триумф Запада, западной *идеи* очевиден прежде всего потому, что у либерализма не осталось никаких жизнеспособных альтернатив. В последнее десятилетие изменилась интеллектуальная атмосфера крупнейших коммунистических стран, в них начались важные реформы. Этот феномен выходит за рамки высокой политики, его можно наблюдать в широком распространении западной потребительской культуры, в самых разнообразных ее видах: это крестьянские рынки и цветные телевизоры — в нынешнем Китае вездесущие; открытые в прошлом году в Москве кооперативные рестораны и магазины одежды; переложенный на японский лад Бетховен в токийских лавках; рок-музыка, которой с равным удовольствием внимают в Праге, Рангуне и Тегеране.

То, чему мы, вероятно, свидетели, — не просто конец "холодной войны" или очередного периода послевоенной истории, но конец истории, как таковой, завершение идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления. Это не означает, что в дальнейшем никаких событий происходить не будет и страницы ежегодных обзоров "Форин Афферс" по международным отношениям будут пустовать, — ведь либерализм победил пока только в сфере идей, сознания; в реальном, материальном мире до победы еще далеко. Однако имеются серьезные основания считать, что именно этот, идеальный мир и определит *в конечном счете* мир материальный».

Указанная цитата представляет собой систему сознательных подтасовок. Мы намерены привести их в той последовательности, в которой они осуществлены Фукуямой.

Первое. Либерализм сам по себе не боролся с остатками абсолютизма, а использовал противоречия между носителями абсолютизма, с тем чтобы они могли в борьбе друг с другом уничтожить

себя и расчистить поле для либерализма. Если это было объективно предопределено конфликтами между носителями абсолютизма (Россией, с одной стороны, Австро-Венгрией и Германией, с другой), то речь шла о стихийном историческом катаклизме — Первой мировой войне, разрядившей (смертельным для этих стран образом) существовавшие противоречия. Но если на этом этапе происходила сознательная борьба либерализма с абсолютизмом (при том, что Россия была членом либеральной Антанты), то речь шла о преднамеренном виртуозном стравливании двух сверхдержав как о предпосылке победы либерализма над абсолютизмом. Иначе говоря — об исторической ответственности либерализма за развязывание Первой мировой войны и за все ее последствия.

Второе. К этим последствиям относятся победы большевизма в России и фашизма в Германии. Если либерализм развязал войну, то он ответствен и за возникновение этих двух «политических монстров», с которыми якобы вынужден был бороться. И если в России красный террор непосредственно перешел в тоталитарный режим, то в Германии фашизм стимулировался всеми средствами.

Так боролся либерализм — или порождал своих противников, стравливая затем их друг с другом?

Третье. Один из этих противников — немецкий фашизм — раздавил либеральные режимы Европы с легкостью, после которой как-то неприлично воспевать успехи либерализма в XX веке. Спасение пришло от большевиков. Это подтверждено всеми политиками Запада, уже видевшими себя вздернутыми на дыбу солдатами бесноватого фюрера и неспособными сразу после такого шока отрицать достоинства своих спасителей.

Четвертое. Что такое новейший марксизм, с которым боролись либералы? И чьими руками они с ним боролись? Если руками Сулова и его приспешников, уничтожавших прежде всего то новое и продуктивное, что рождалось в пределах марксизма, то либералы должны признаться, что давно находились в союзе с советскими псевдоортодоксами. Если же речь идет о том, что официальная доктрина 70–80-х годов была новейшим марксизмом, то это — грубая ложь.

Иначе говоря, что есть травля и уничтожение марксистов в СССР на протяжении 70–80-х годов? Либо это акции самих ортодоксов (и тогда никто из либералов просто не мог столкнуться с новейшим марксизмом, удушенным в зародыше), либо это акции

«пятой колонны» либералов в СССР. Но тогда борьба с марксизмом в СССР велась с помощью сомнительных методов.

Пятое. Достаточно ли цветных телевизоров в Китае, коммерческих лавок в голодной Москве, переключивания на японский лад Бетховена и любви к рок-музыке от Праги до Тегерана для того, чтобы говорить о торжестве либеральных ценностей? Не происходит ли при этом грубой подмены понятий, прежде всего таких, как «цивилизация» и «культура»?

Этот, еще Шпенглером рассмотренный, вопрос сегодня как никогда остро стоит перед человечеством.

Прежде всего, если с самых общих позиций, с позиций инопланетянина, подходить к термину «человеческая цивилизация», то речь идет о псевдопонятии, об эклектике, о смешении понятий «цивилизация» и «общий интерес». Группа экзистенциально важных интересов оформлена. Осознан факт, что выживание человечества зависит от его способности решить глобальные проблемы — созданные, кстати сказать, меньшинством человечества, которое теперь и решать бы их хотело за счет остальных.

Но общий страх, даже если тебя запугивают с использованием всего арсенала западных средств, еще не есть единство. Нет и не может быть единства, построенного на страхе, единства пугающих и запугиваемых народов.

Далее. Цивилизация и раньше была всеобщей. Культура же вырастала и вырастает из уникальности. Опыт последнего пятилетия с особой убедительностью показал, что даже в отсутствие разного рода «железных занавесов», невзирая на экономические связи, вопреки информационному сближению отдельных частей планеты (и вопреки безусловной притягательности для огромных масс населения американского и западноевропейского образов жизни) — идет борьба за свою идентичность, за свои специфические черты. Это, прежде всего, борьба между Востоком и Западом. Не только Россия и Украина, но даже страны, наиболее близкие к Центральной Европе, ведут борьбу за право быть самими собой.

И не надо упрощений, не надо подмены понятий. Западные джинсы и рестораны «Макдональдс» способны найти потребителя во всех регионах мира. Но это не меняет самобытности уклада, культурно-исторического своеобразия стран и народов. Этого не меняют и более глубокие заимствования. Даже способность русских дворян говорить по-французски, как на родном языке. Разве

это что-то изменило? А процессы в Восточной Германии? И не надо уповать на то, что новые условия жизни «все интегрируют». Почему же тогда не интегрированы Юг и Север Италии? Англия и Ирландия? Предстоит еще многое осмыслить, прежде чем ликовать по поводу либеральной победы.

Шестое. Самое трагикомичное – это читать об этой победе сегодня, когда в центре Европы, раздираемой межэтническими войнами, носят ожерелья из отрубленных пальцев младенцев, отсекают головы, выкалывают глаза, отрезают уши, производят обряды, адресующие к доисторической древности.

Крах коммунизма уже обернулся очевидным ренессансом фашистской идеологии и практики. И это только начало. Два года назад мы предсказывали такой разворот событий во всем мире, не только в СССР. Мы констатировали крах строительства Европы по модели Тэтчер, то есть крах идеальной идеи англосаксонского либерализма. Но даже мы не предполагали тогда, что все произойдет так быстро. И кто теперь смеет говорить о «торговле страхом», после всего, что произошло?

Седьмое. Очевиден политический смысл разговора о ценностях, и этот смысл впервые оговорен в работе Френсиса Фукуямы, которая интересна прежде всего своей амбивалентностью и многоуровневым характером сделанных в ней заявлений: Фукуяма вводит, вслед за общечеловеческими ценностями, понятие «общечеловеческое государство», ссылаясь при этом на своего учителя Кожева. Сама эта ссылка (кстати, абсолютно необязательная с прагматической точки зрения) крайне важна для понимания сути вбрасываемой Фукуямой концепции. Фукуяма приводит прямой перевод кожевского термина «universal homogenous state» – универсальное гомогенетическое государство, – указывающий на непосредственный переход от идеи общечеловеческих ценностей к «новому мировому порядку» (весьма, заметим, определенного типа). И тогда, наконец, окончательно вырисовывается логика построения этого нового порядка.

Вначале ход сверху вниз, от ценностей к государству.

Затем образование триады:

- общечеловеческие ценности (технотронные!);
- общечеловеческое государство (технотронное!);
- и, наконец... общечеловеческий человек (технотронный?).

Вопрос об общечеловеческом человеке – самый трудный. И пока всерьез не предъявленный обществу. Есть основания пред-

полагать, что речь может пойти о человеке-роботе. Того или иного типа. И – об элите, способной чинить роботов и управлять ими. Идея весьма далекая от демократии...

В итоге можно констатировать, что историческая ошибка в очередной раз сделана там, где технотронные химеры стали выдавать за общечеловеческие ценности, там, где забыли, что Бога нет без Дьявола, а Дьявола нет без Бога. Там, где в очередной раз поддались очередным иллюзиям о прогрессе и благостной природе трагически разорванного человеческого существа.

На самом деле либерализму пора готовиться к новой страшной войне. И искать союзников. Действительных союзников в честной игре. Шулерством сегодня уже никого не удивить. Эту западную «ценность» мир освоил и превзошел.

Союзников следует искать и в Советском Союзе. Но не по сходству слов, а по сути. Поскольку либерализм в СССР, советский либерализм, уже потерпел тотальное поражение. И нам сейчас необходимо предпринимать чрезвычайные усилия для того, чтобы его место не занял новый фашизм.

Социальный регресс

Процесс, «запущенный» в СССР советскими либералами, не имеет ничего общего с торжеством либеральной идеи. Это ясно сегодня любому здравомыслящему человеку. Мы неоднократно предупреждали, что эклектика, положенная в основу советской либеральной доктрины, породит социальный регресс.

Теперь этот регресс уже очевиден. На территории шестой части земного шара колесо истории оказалось повернутым вспять.

Мы наблюдаем смертельную борьбу мощных кланов и корпоративных систем, слагающих бывший СССР, и полное бессилие власти на всех ее уровнях.

СССР как государство отсутствует, СССР как система живет бурной жизнью, суть которой – война всех против всех. Управлять этим процессом, зная характер течений и ветров, используя могучую стихию так, чтобы достичь желаемой гавани и сохранить в целостности свой хрупкий корабль, невозможно. Этот либеральный идеал управления исчерпан.

В очередной раз нужно либо заклясть стихию, как это делал Промисперо в шекспировской «Буре», либо подчиниться ей, пойти в услужение Калибану.

Вот реальная альтернатива, стоящая перед страной. Но от того, каков окажется выбор, зависит будущее планеты. Советский либерализм — это шулер, выдающий себя за мага. Заклятий он не знал, а если и знал когда-то, то давно позабыл. Признаем это как свершившийся факт и ответим себе на вопрос, что же делать?

На наш взгляд, выбор прост — либо консерватизм в его наиболее разумных, современных, нравственно приемлемых и экономически эффективных модификациях, либо новый тоталитарный режим, новая диктатура. Продление либеральной агонии, сохранение движения в направлении, заданном либеральной доктриной, означает либо развал страны и действительный конец (отнюдь не только российской) истории, либо построение плацдармов для новых диктаторских режимов.

Болезнь советского либерализма, рожденного в недрах брежневского псевдокоммунистического режима, состоит в том, что каждый противник либерализма с коммунистической категоричностью объявляется сторонником тоталитаризма. Проблемы исторической и политической ответственности либералов за развал страны или за новую диктатуру перекалдываются ими с больной головы на здоровую с помощью такого, скажем прямо, не вполне доброкачественного приема. Всмотримся в происходящее.

Уже сейчас началось отгораживание от политической реальности с использованием инфантильной формулы «чур не я».

Вдумаемся: сколько «либеральных бонз» последуют примеру либерала Коротича³⁹, коль скоро ситуация в СССР и дальше будет стремительно ухудшаться? Но кто и как будет расхлебывать заваренную здесь «кашу» в тот момент, когда они станут писать мемуары?

Тем, кому это небезразлично, необходимо уже сегодня начать борьбу за осознание обществом реальной расстановки сил и позиций в вопросах философии, социальной теории, экономики и, главное, в реальной политике.

Реабилитировать консерватизм в сознании советского общества!

Кто сказал, что перестройка, начатая либералами, завершилась после августовского путча? Все как прежде: те же слова, те же идеи,

³⁹ В.А.Коротич — в 1986–1991 гг. редактор журнала «Огонек». В дни августовского путча эмигрировал в США.

тот же либеральный «туман». Мы вступаем в период агонии либеральных идей, проектов. Но сколь долго продлится эта агония, сколь мучительной она будет? Какой вред принесет нарождающемуся новому обществу?

Все это зависит от нашей способности противостоять буре и натиску наших идейно мертвых, но политически процветающих оппонентов. Никаких уверток и демагогии! Нам предстоит сражаться с открытым забралом. Уже сегодня пора перестать отказываться от своей принадлежности к лагерю консерваторов. Пора начать отстаивать консерватизм как ценность, как позитивный фактор в новой политической реальности.

Социально активное меньшинство постепенно начинает осознавать, что провозглашенное либералами «Иного не дано» означает по сути своей ЗАПРЕТ НА МЫШЛЕНИЕ. В сознании сотен тысяч людей формируется новая идейная установка, возникает стихийный консерватизм. Наш долг — помочь ему осознать самое себя.

В чем здесь основное препятствие? Почему сознание советских людей не воспринимает разницу между тоталитаризмом и консерватизмом?

Беда, на наш взгляд, состоит в том, что это сознание зашорено сегодня еще больше, нежели до 1985 года. Коммунисты от номенклатуры подменили политологию, изучение расстановки политических сил своими заучивными мантрами. Перекрасившись, они продолжают все ту же работу. И если раньше они клеймили позором «творцов буржуазных лжетеорий», то теперь они же безудержно восхваляют их... как «демократов», не понимая, что для тех, кого они клеймили вчера и восхваляют сегодня, такая путаница в высшей степени неприемлема. Их действительное кредо — неоконсерватизм.

В знаменитой песне Высоцкого герой, перед тем как сделаться антисемитом, все-таки решил узнать, «кто такие семиты».

В интеллектуальном плане этот герой неизмеримо выше многих наших сегодняшних демократов, которые проклинают консерватизм, не имея о нем ни малейшего понятия и не зная, кто такие консерваторы. Отдают ли они себе отчет в том, что Рональд Рейган и его команда, осуществлявшая «перестройку» в США, — это неоконсерваторы, что те, кто делал «перестройку» в Японии, в новых индустриальных странах, Китае, — тоже неоконсерваторы?

Естественно, исходившие из культурно-исторического своеобразия своих стран.

В этом – стержень неоконсервативной методологии. Может быть, именно поэтому она и не устраивает наших советских либералов и демократов, привыкших слепо копировать чужие рецепты. Проклиная консерватизм, читали ли они де Местра и Бональда, Шатобриана и Бенджамена Констана, Тэна, Ренана, Токвиля и Гобино?

Если читали, то должны понять, что эти люди не укладываются в альтернативу «либо – либо», что они не коммунисты, но и не «демократы», не либералы, а значит... А значит, с точки зрения наших демократов, они-то и есть зловещая «третья сила». По крайней мере предтеча ее... Вместе с Бердяевым? Вместе с Булгаковым и Соловьевым? Вместе с Константином Леонтьевым?

Отношение всех этих мыслителей к демократии общеизвестно. Но еще более общеизвестно их неприятие тоталитаризма и «красного радикализма». Соблазнительно, конечно, после этого обвинить их в фашизме, забавным образом соединяя эти обвинения с поощрением ээсовских структур в Прибалтике.

Но сегодня – все жиге аплодисменты в ответ на подобные обвинения и все чаще задается вопрос: «Кто такой Бисмарк – предтеча фашизма или же человек, сделавший все возможное, чтобы фашизм не состоялся в Германии?» Может быть, у фашизма в Германии совсем иные предтечи? Политические клоуны Веймарской республики, например? И кто такие проклинаемые демократами, ошельмованные ими государственные деятели царской России: Столыпин, Витте, Лорис-Меликов? Неужто и они тоже предтечи большевиков? А может быть, у большевиков совсем другие предтечи? Болтливые и бессильные либералы Временного правительства?

Думается, что пора бы все же нашим оппонентам ПЕРЕСТАТЬ ВАЛЯТЬ ДУРАКА. И встать хотя бы на один уровень с бессмертным героем Высоцкого...

Консерватизм и фашизм

Для консерватизма информационная свобода, свобода предпринимательства, свобода совести, личная свобода – императивны. Как императивно для консерватизма и то, что все эти свободы могут реализоваться лишь в условиях сильного государства, государства, способного отстаивать права граждан, а не нарушать их.

В крайнем варианте – подчеркиваем, именно в крайнем, – консерваторы говорят о национальном спасении, о спасении страны и народа при помощи сильного государства. А вовсе не о терроре, не о геноциде против своего же народа ради торжества чего-то такого, по отношению к чему «иного якобы не дано».

Лишь там, где свобода личности, совести, предпринимательства отсутствует, лишь там, где господствует информационный террор, лишь там, где сила права подменяется правом сильного, лишь там, где место культуры, укорененной в традициях народа и страны, занимает агитационно-репрессивная истерика масс, лишь там, где эмоции побеждают разум, а рациональность приравнена к контрреволюционности, – ЛИШЬ ТАМ ПРИХОДИТ К ВЛАСТИ ФАШИЗМ.

И разве приведенные нами условия уже не созданы в рамках так называемого демократического режима? Проверьте, все они налицо. Так не пора ли остановиться?

Сегодня еще не поздно осуществить политику нового курса в рамках советского постперестроечного неоконсерватизма. Завтра это уже не поможет. Завтра придут те, кому одинаково чужды и либералы, и консерваторы. Придут и будут действовать, воспроизводя историческое несчастье России. Круг замкнется: сначала – бес- сильный либерализм, потом – оголтелая диктатура.

Советский неоконсерватизм

Вводя это понятие в политическую практику нашей страны в качестве позитивного, мы не имеем в виду слепое копирование того типа партий и коалиций, которые под этим названием осуществляли и осуществляют реформы в западных странах. И мы отвергаем всякий знак равенства между неоконсерватизмом и неосталинизмом, неототалитаризмом, неофашизмом. Так что же мы имеем в виду?

Как уже говорилось в предшествующем докладе, мы имеем в виду политику, основанную на трех составных частях:

- построение независимой от государства экономики (либеральной!);
- ускоренная модернизация, в ее возможном варианте;
- традиционные ценности, с учетом ценностей последних 70 лет и с опорой на культурно-историческое своеобразие страны, ярко проявляемое ею уже не одно столетие.

Мы говорим и о трех возможных источниках, способных реализовать такой проект в нашей стране:

- государственный демократизм;
- младопатриотизм;
- «белый коммунизм».

Получаемая в итоге политическая матрица «3х3» и представляет собой неоконсервативный проект. То, насколько он реализуем, зависит от ответа на вопрос, что мы имеем в виду под ценностями, тем более традиционными, и уж тем более с учетом советского опыта. Ответы на все остальные вопросы напрямую зависят от того, способны ли мы ответить на вопрос о «ценностях для постперестройки».

Переоценка ценностей

Мы осознаем, что ответ на этот вопрос придется искать в рамках существующей реальности, исходя из нее и воздействуя на нее. Из той реальности,

- которая с каждого угла кричит нам о размере катастрофы, переживаемой обществом и страной;
- в которой на повестку дня уже встал вопрос о принятии всем обществом ценностей криминального мира;
- в которой именно худшие черты предшествующего периода воспроизводят себя свободно и безнаказанно;
- в которой ненависть уже проникла в культуру, а гуманизм терпит одно поражение за другим;
- в которой полным ходом идет дискредитация всех так называемых «старых религий», не знающих, в отличие от коммунизма, новых путей разрешения противоречий между природой и человеком;
- в которой Запад, куда обращены наши взоры, на деле мстит нам за то, что мы проиграли.

Но проиграли ли мы?

Вот вопрос, без ответа на который нельзя идти дальше.

Признаемся в том, что он мучает нас всех, вне зависимости от того, каковы наши политические убеждения, вне зависимости от того, сколь хорошо удалось нам приспособиться к новой реальности. Ибо если мы проиграли, то это реальность нового Ада и все мы – его «аргонавты».

Неоконсерватизм, прежде всего, отказывается признавать поражение. В этой деформированной до предела реальности он ищет сильные ее стороны. Он говорит: «Все нормально: поражение — это иллюзия, мы в начале пути, и мы победим».

Чья — победа и чье — поражение?

Поражение коммунистической идеи есть тот исходный пункт, та фундаментальная предпосылка, вне которой нет конца истории, нет победы либеральной модели и ее универсализации, нет, как результата этой победы, торжества «общечеловеческих ценностей» и «общечеловеческого государства». Поэтому вопрос о «поражении коммунизма» требует самого серьезного рассмотрения. До сих пор такого рассмотрения не было вообще.

Номенклатурщики, возвестившие о капитуляции, перекрасившиеся коммунисты, оставшиеся марксистами самого элементарного типа, стремились выводить все из экономики, из уровня потребления, из недостатков сверхцентрализованной советской системы. Такой «экономизм» и привел к тем результатам, которые мы имеем. В научном плане он — за чертой обсуждения. Мы просто отказываемся обсуждать подобный примитив и адресуемся к тем, кому надоела трескотня о рынке и административно-командной системе и кто понимает, что пора говорить всерьез о серьезном.

Мы согласны с профессором Фукуямой в том, что победой можно считать именно победу идеи. И — что именно идеальный мир определит в конечном счете мир материальный. И — что, в конце концов, сфера сознания неизбежно воплощается в материальном мире и даже творит этот мир. Мы отрицаем убогое перевертывание гегелевского идеализма в любой форме, вне зависимости от того, осуществляется ли оно так называемыми «марксистами» или школой материалистического детерминизма журнала «Уолл стрит джорнэл».

В конечном счете мы признаем, вслед за Френсисом Фукуямой, и то, что китайская реформа, равно как и так называемая реформа, якобы проводимая в последнее время в СССР, не есть закономерное следствие победы материального над идеальным, не есть признание того, что идеологические стимулы не смогли заменить материальных, вследствие чего и пришлось апеллировать

к низшим формам личной выгоды. И пора, наконец-то, и нашим лидерам, вслед за Фукуямой, признать, что СССР накануне реформ не находился в таком уж материальном кризисе, чтобы возможно было предсказать столь стремительный развал экономики и государства, проводимый под видом реформ.

Наконец, мы согласны и с тем, что ответ по поводу произошедшего в СССР следует искать не в сфере экономики и даже не в социальной сфере, а прежде всего и по преимуществу – в сознании советской элиты и ее лидеров.

Но именно этот процесс мы трактуем отнюдь не в пользу «конца истории».

ЧТО ПРЕДСТОИТ?⁴⁰

Гласность. 1991. 21 ноября

«Какая-то в державе нашей гниль», — можем мы повторить вслед за шекспировским героем. Но в отличие от него нам необходимо дать четкий ответ на вопрос: какая это именно гниль, что и почему сгнило и, главное, как учесть этот печальный урок, с тем чтобы не воспроизводить снова тот же дефект в рамках нового государственного строительства?

А то, что нам предстоит новый этап государственного строительства, то, что именно с этой целью следует сегодня анализировать происходящее в нашей стране, явствует из событий последнего времени. Распад СССР — свершившийся факт. Распад РСФСР начался и будет, по-видимому, происходить со скоростью, превышающей скорость распада СССР, причем с помощью тех же методов.

Старт этого распада был почти символическим: поездка в Нагорный Карабах, в ту точку, которая положила начало распаду СССР, лидера России. И очевидное для всех фиаско этого визита⁴¹. Вопрос не в том, почему ему не удалось решить проблему Нагорного Карабаха. В известном анекдоте 60-х годов на вопрос «ереванского радио»: «Может ли слон заработать грыжу?» — следовал

⁴⁰ Статья написана после победы так называемой «чеченской революции» 1991 г. Сепаратистский процесс в Чечне начался в ноябре 1990 г., когда первый Чеченский национальный съезд избрал Исполком Общенационального конгресса чеченского народа (ОКЧН) во главе с Д. Дудаевым, потребовавший выхода Чечни из состава РСФСР и СССР. 8 июня 1991 г. ОКЧН провозгласил независимую Чеченскую Республику Нохчи-чо. 27 октября того же года ее президентом был избран Дудаев. 8 ноября Б.Н. Ельцин издал Указ о введении в Чечне чрезвычайного положения. Прибывшие 9 ноября в Ханкалу военные российские самолеты были блокированы сепаратистами. Эпизод завершился выводом дислоцированных в Чечне российских войск и передачей большей части оружия дудаевцам.

⁴¹ Итогом визита Ельцина в сентябре 1991 г. в Нагорный Карабах стал рамочный мирный договор между Азербайджаном и Арменией. Однако уже в ноябре мир был нарушен, карабахский конфликт разгорелся с новой силой.

ответ: «Может, если будет поднимать сельское хозяйство». Перефразируя это, мы сегодня можем сказать, что тот, кто возьмется решать проблему Нагорного Карабаха, неизбежно заработает, как минимум, «политическую грыжу».

Разумеется, российский лидер, постоянно разрабатывающий в своей деятельности фольклорные мотивы, хотел бы предстать героем, способным на подвиг, который не по плечу никому другому. Но в политике решают сегодня не герои, а эксперты, конструирующие все: и концепцию действий, и концепцию образа политического лидера. И, сконструировав сказочную фигуру народного героя Ельцина, они должны понимать, что такое в пределах этой концепции его поражение в данном «подвиге». Это начало конца. Вот почему в любом случае, если они хотели сохранить Ельцина, они должны были иначе отнестись к его поездке в Нагорный Карабах.

Можем ли мы на этом основании утверждать, что уже решено: «мавр» сделал свое дело и должен уйти? Конечно, одного факта недостаточно. Но добавим к этому выступление Ельцина на съезде народных депутатов РСФСР. Безусловно, сильное, вселившее надежды во многих наивных людей, но внутренне настолько противоречивое, что для квалифицированного эксперта очевидна двойная игра готовивших его аппаратчиков, направленная на подрыв позиций российского лидера. В самом деле, ничего обещанного он не сделал и сделать не мог. Шаг с назначением самого себя на пост главы правительства красив, романтичен и абсолютно губителен для того, кто на него зачем-то решился. Программа борьбы с коррупцией ничем не подкреплена, никакими реальными механизмами. А в сочетании с шокотерапией представляет собой весьма взрывоопасную смесь, поскольку лишает социальной базы и в «третьем сословии» (очевидно, криминальном по преимуществу), и в народе одновременно. Отсутствие новой идеологии при заявке на новый курс — это губительный симптом. Его губительность уже продемонстрировал М.С.Горбачев весной 1991 года. И непонятно, зачем повторять роковой эксперимент и кто, в конце концов, этот странный (по меньшей мере!) экспериментатор.

И все же могли еще оставаться сомнения в том, каково объективное содержание политического процесса, идущего в России после августа 1991 года. Можно было рассчитывать на русское «авось» и на то, что народы России скреплены связями, намного более прочными, чем народы СССР. Можно было рассчитывать,

наконец, и на ту политическую фору, которую дали российским демократам и Ельцину пресловутые гэкачеписты, сорвав ново-ога-ревский процесс и выдвинув Россию на роль лидера.

Теперь же все очевидно. Точки над «i» расставили события в Чечне.

Сразу оговорюсь: я не был сторонником силового решения проблем, особенно в этом регионе. Вне новых идеологем, вне концепции Российского государства ставка на силу, как я уже писал, — это сильный жест слабого человека, т.е. худшее, что только может быть в политике.

Но оставим в стороне нравственную оценку происшедшего. По крайней мере, до того, как осуществим анализ проведенной акции в полном масштабе. Поставив ее при этом в один ряд со всеми остальными попытками ввести чрезвычайное положение, начиная с Тбилиси, затем в Вильнюсе, затем в Москве и теперь — в Чечне. Налицо — в очередной раз — странная противоречивость предпринимаемых мер. И данную противоречивость следует вскрыть. Ибо мы уже понимаем, что без этого можно оказаться в плену весьма элементарных и крайне далеких от сути дела иллюзий. Чего прежде всего хотелось бы избежать — «Не ради князя Владимира, не ради княгини Прасковьи, но заради земли свято-русской, заради жен, сирот, детей малых». По крайней мере, свою задачу продолжаю видеть в этом и только в этом.

Итак, что же произошло в Чечне? Дадим системный анализ, выделив основные факторы.

Первое. Акция осуществлена в условиях обнищания армии, на фоне экономических реформ, противоречащих материальным интересам тех, кто будет эту акцию проводить (между прочим, с риском для жизни). Любой князь знал, что, решившись опереться на войско, он должен дать ему высокий социальный приоритет, не только покупая тем самым его преданность, но и в неизмеримо большей степени подтверждая свою готовность на него опереться посредством реального действия. Это особенно важно в условиях, когда все бесконечно устали от обещаний, заверений, призывов и деклараций.

Предположим, что осуществляющий подобную акцию воин будет покалечен. Его семья в преддверии рыночной шокотерапии лишится кормильца. И что он получит? Гарантии семье? Но какие и от кого? Поддержку ему, увечному, со стороны государства?

Какого? Того, которое напрямую говорит всем своим гражданам: «Сами защищайтесь, кто как может, и горе слабому»? Моральное вознаграждение? Славу? Почет? Но и это ему никто не гарантирует, ибо общество осуждает насилие (пример – ГКЧП), армия в очередной раз поняла, что доблесть – это невыполнение приказа, и раз так, то, по сути, уже армией не является. Предприняты какие-либо действия, чтобы этот тбилиско-вильнюско-московский синдром хоть как-то преодолеть? Ничуть не бывало!

Второе. Напротив, осуществлены действия, **закрепляющие** этот синдром, и, что характерно, они осуществляются непосредственно перед очередной странной акцией. Я имею в виду арест Сергея Парфенова⁴². Рассмотрим этот арест в контексте чеченских событий. И тут, и там в «горячую точку» направляют ОМОН. Только в первом случае его направляет один президент, во втором – другой. И тут, и там речь идет об отделившихся республиках. Только в одном случае Прибалтика отделяется от СССР, в другом – Чечня отделяется от РСФСР.

Таким образом, мы имеем дело со схемой: субъект (омоновец) осуществляет действие (по борьбе против незаконного суверенитета) по приказу центра (СССР или РСФСР) и в результате... оказывается передан в руки властей отделившейся республики... Кем? Властью пославшего его на выполнение этих действий центра.

Рефлекс невыполнения, кары за выполнение, установка на предательство руководства – все это закреплено в сознании войск окончательно. Можно ли ожидать от них действия?

Третье. Акция очевидным образом не обеспечена всем, чем должна быть обеспечена заявленная силовая акция (в очередной раз мы отказываемся обсуждать ее правомерность, а говорим лишь о «технологии», о соответствии целей и средств).

Четвертое. Нет даже попытки оказать воздействие на общественное сознание, полностью отключены информационный регистр, информационные возможности власти. Особенно это очевидно, если вспомнить первую «послепутчевую неделю» и сравнить энергетику индустрии средств массовой информации.

⁴²С.Г. Парфенов – бывший заместитель командира рижского ОМОНа, с лета 1990 г. выполнявшего приказ центральной власти о борьбе с самопровозглашенной латвийской «независимостью». В августе 1991 г. рижский ОМОН взял, по приказу ГКЧП, здания Дома печати и МВД в Риге. В октябре 1991 г. Россия выдала Парфенова Латвии, где против него был открыт судебный процесс.

А ведь, казалось бы, на карту поставлено все!

Пятое. Нет никакой четкой политической формулировки, мотивирующей проведение этой акции. Что, собственно, такого произошло в Чечне и почему «табу» на обсуждение произошедшего накладывается именно в этом случае? Напомним, во что обходились кавказские войны в XIX веке, когда туда посылали не 600 омовцев без оружия и боеприпасов, а четверть миллиона отборных войск, немногим меньше, чем против Наполеона.

Шестое. В стратегическом плане все это обнажает главную болевую точку происходящего: полнейшее отсутствие в российском высшем руководстве какой-либо целостной концепции России. Это отсутствие концепции было характерно для союзного руководства в предшествующий период. Теперь то же самое можно сказать о руководстве России. Последствия очевидны.

Седьмое. В отсутствие концептуальной власти (концепции нет!), в отсутствие идеологем, социальной опоры («синдром Парфенова»), в отсутствие того, что называют ресурсом насилия, — чем является подобная акция не на словах, а на деле?

Ответ однозначен: тем же, чем являлись предшествующие акции, проводимые начиная с Тбилиси. Чем это может кончиться? Здесь два ответа. Первый, напрашивающийся после подобного анализа, — неизбежным распадом РСФСР в полном соответствии с геополитическими концепциями З.Бжезинского. А что указанный автор верен своим концепциям, показали его недавние выступления, где он в директивном тоне дает Ельцину указания немедленно превратить Россию в конфедерацию, а попросту — развалить ее. Но этот план кончится тем же, чем кончились химеры Бжезинского относительно моделей европейского процесса. Он кончится фиаско так называемой советологии.

Почему? Потому что следом за развалом России начнется процесс, скажем прямо, весьма жестокий и малоприятный, — процесс борьбы за воссоединение разорванного государства и разорванного народа. Такой процесс в политологии называют «ирредентизмом». И не думаю, что этот процесс будет в чьих-либо интересах — США ли, Японии или объединенной Европы. Если он отвечает чьим-то интересам, то только очень и очень темных сил. Но этот процесс неизбежен, коль скоро запущен механизм развала РСФСР.

Возможны ли другие исходы? Возможны, но еще более неприятные для мира. Например, распыление Евразии на 700—800 ма-

лых частей, варваризация евразийского пространства и неизбежное после этого опрокидывание демократических режимов в Европе. Ибо если варвары – на границе Европы, то внутри нее – новый Рим с соответствующим режимом при безусловном главенстве Германии как центра новой Священной Римской империи. Малоприятная перспектива. Я понимаю, что об этом не думают молодые и увлекающиеся интеллектуалы из окружения президента России. Но о чем думают более голодные люди, обладающие иной прогностической культурой? Это очень важный вопрос. Мы обращаем его к ним. А к себе – вопрос о путях строительства нового Российского государства, о том, что произойдет ПО ТУ СТОРОНУ КАТАСТРОФЫ. Ибо катастрофа – это еще не конец истории. Возможно, это ее начало. Каким оно будет, зависит от нас.

АНТИЭЛИТА

*Доклад, прочитанный на заседании клуба «Постперестройка»
28 ноября 1991 г.*

День. 1992. 10 января; 19 января

Часть I. Плюс химеризация всей страны

На протяжении многих десятилетий слово «элита» было в нашей стране одним из тех, почти ритуальных, проклятий, которыми награждались особенно злостные «противники» общественно-политического строя и государства. «Противники» – борьба с которыми велась неустанно. «Противники» – предававшиеся анафеме в культуре, науке, идеологии, с особым рвением отстранявшиеся от педагогической деятельности и, уж конечно, безжалостно изгонявшиеся из реальной политики. Считалось, что в советском обществе нет места элите. Считалось, что это – общество классовых интересов. Считалось, что им руководят представители крестьян и рабочих и что каждая кухарка может управлять государством. **Все это было наглой, бесстыдной ложью, за которой скрывались весьма малоприглядные реалии общественной жизни.**

Они состояли в том, что, лицемерно отрицая свое наличие в качестве элиты, наша верхушка общества, наша привилегированная страта тем самым пряталась от ответственности за осуществление разработанных ею программ и проектов развития общества. Она в неявном виде заявляла о своем **отчуждении** от исторического субъекта, но не переставала пользоваться благами, которые давала ей принадлежность к «советскому истеблишменту».

Элита ответственна и призвана к служению высоким целям и ценностям, к служению своему государству. Истеблишмент безответственен и служит только себе самому, своим интересам.

Итак, громогласно осуждая элиту и элитарность, советская псевдоэлитарная тварь шепотом говорила в кругу себе подобных: «Мы – советский истеблишмент, мы **этого** на дух не переносим».

«Этого»... В данное слово входили все цели и ценности, предлагаемые обычному советскому гражданину, «совку». Цели и ценности, производимые самой же этой псевдоэлитой. Презируя производимое ею, псевдоэлита, конечно же, не могла не презирать самое себя.

Живя долгое время в условиях такого самоотрицания, эта псевдоэлита должна была вырабатывать компенсаторные стереотипы. Она и выработала их, используя два классических механизма. Это, во-первых, **смещение**, то есть перенос ненависти и презрения с самой себя на общество и народ, и, во-вторых, **вытеснение**, то есть окружение себя непробиваемой броней цинизма, цинизма воинственного, выставляемого напоказ, предьявляемого чуть ли не как высшая ценность.

Вопрос сейчас в том, чтобы в очередной раз обсудить проблему привилегий и льгот. Равенство есть химера. Порожденная, кстати, вовсе не коммунизмом, а Просвещением и буржуазными революциями. Оно есть ложь, поскольку у провозгласивших его нет понимания того, в чем или в ком происходит такое уравнивание людей, которое не унижает в каждом из них его человеческое достоинство.

Ответ на этот вопрос не может быть дан провозгласившими «Свобода, равенство, братство», поскольку он находится по ту сторону ими же принятого материалистического детерминизма. А значит, это не только пустой, но и двусмысленный вопрос. Брошенный ныне на потребу массам, он имеет циничную цель, о чем мы уже говорили неоднократно. Манипулируя социальным недовольством, часть истеблишмента сумела уничтожить другую часть его же, сохранив и укрепив за счет этого свои льготы и привилегии. Теперь она уже готова говорить об элитарности со **знаком плюс**. Но извлекает из себя лишь циничное хрюканье.

Да, мы сегодня имеем, как никогда ранее, дело именно с истеблишментом, а не с элитой, истеблишментом, возможно, впервые в истории возведшим ненависть и цинизм в ранг государственной идеологии. То, что льготы нарастают, а привилегии закрепляются, само по себе не есть еще зло, с нашей точки зрения. **Если бы речь шла об элите!** Народ, переставший кормить свою элиту, будет кормить чужую. Вопрос в другом, и его пора, наконец, поставить со всей жесткостью и определенностью, сформулировав следующим образом: является ли кормимая народом со-

циальная группа, теперь уже радостно заявляющая о своей элитарности, хоть в какой-то мере элитой этого народа, этого государства и этой страны? **И дело здесь не в национальной проблеме, которую раздувают, с тем чтобы спрятать за нею основной вопрос:** может ли и, главное, хочет ли наша привилегированная страта служить **своему** обществу и **своему** государству? Это основной вопрос! И отвечать на него сегодня следует со всей определенностью, не прячась за риторику и не подменяя проблемы.

Мы видим, что не существует никакого соответствия между растущими льготами и привилегиями новой советской «привилегировки» и ответственностью, которую она берет на себя за исторический результат. **А это уже равносильно предательству.**

И вновь вопрос не в обличительстве, не в постановке моральных акцентов. Он глубже. Он в том, является ли полученный нами негативный исторический результат объективным в том смысле, что наличествуют неисправимые дефекты, так сказать, в «социальных генах» рассматриваемого исторического субъекта? То есть идет ли речь об объективно-объективном результате? Или же речь идет об объективно-субъективном результате, то есть о результате, являющемся следствием социокультурной перекодировки сознания нашей псевдоэлиты? Что, в свою очередь, безусловно, вызвано объективными дефектами общего «социального генотипа», но дефектами устранимыми, преодолимыми и, главное, **локализованными.**

В первом случае речь идет о поражении народа, о тотальной несостоятельности всех творимых им идей и мифологем, о его неспособности продуцировать эффективные механизмы управления самим же собой в своих собственных интересах. А значит — о конце истории не только данной страны и народа, но и целой генерации сотворенных ими на протяжении своей истории и имеющих принципиальное значение для судеб мира идей. Идей, сцепленных в одну, в этом случае — **изначально дефектную хромосому.**

Во втором случае речь идет о сложных, но вычленимых и исправимых дефектах, своими источниками имеющих указанное выше отчуждение нашей псевдоэлиты, обусловленное этим отчуждением самоотрицание и реализуемые на основе данного самоотрицания перерождение и социально-культурную перевербовку. (Просим не путать с агентами спецслужб!) В итоге следует ставить вопрос, как минимум (!), о совершенном псевдоэлитой **предательстве всего исторического субъекта.**

Мы не исключаем и более страшный процесс, когда у части, так сказать, особо продвинутой псевдоэлиты самоотрицание перешло не только в отрицание общества и страны, но и в абсолютное отрицание и породило в результате настоящую антиэлиту, элиту, предъявляющую себя самой себе и миру как элиту некоего Антимира. Не отсюда ли бесконечные легенды о «советском антимире» (может быть, элитарном?) и «антиобществе» (вчерашнем — или, может быть, будущем?)? Не являются ли они «проговоркой», «самоописанием», симптомом тяжелого исторического недуга? В этом случае становится намного более понятным то, почему, создавая эти мифы и легенды якобы об обществе, а на самом деле — о самих себе, их творцы после прихода к власти не избыывают, а **закрепляют и расширенно воспроизводят** рожденные в их воспаленном воображении мифологические конструкции, выдаваемые за исторические реалии.

Итак, от идеи самоотрицания и саморазрушения своего государства как якобы «империи Зла» (их империи!) — к практическому воплощению этой идеи в жизнь. И, наконец, к реализации в ходе указанного практического воплощения именно той самой проклятой химеры, с которой якобы хотели бороться, — вот путь советской антиэлиты. Есть все основания предположить, что в нашем случае она будет добиваться реализации этой химеры в виде тотального абсолюта и, так сказать, **в мировом масштабе**.

Это можно назвать «химеризацией всей страны». (А возможно, и химеризацией мирового масштаба.) Историческая ответственность за подобную химеризацию ложится именно на антиэлиту. Что хотя и не снимает со всего общества исторической ответственности за воспроизводство такой антиэлиты, но все же позволяет многое кардинально переосмыслить.

В самом деле, что, в конце-то концов, означает столь стремительное крушение огромного государства с сильной армией, жизнеспособной (что бы ни гласили сотворенные нашей антиэлитой химеры) экономикой, с достаточно современной и творчески продуктивной наукой, с культурой, безусловно живой, здоровой и постоянно привлекающей к себе внимание всего мира? И, наконец, с историей, в которой было достаточно много темных пятен (как, впрочем, и в истории любой другой страны), но которой можно и нужно гордиться?

Мы спрашиваем всех, кто не утерял способности видеть и понимать, как могло произойти крушение супердержавы в условиях мир-

ного существования, при относительном благополучии (что бы ни лгала нам либеральная публицистика) и без прямого вторжения иностранных государств на нашу территорию (что стало, в принципе, возможным только теперь, в условиях краха и деструкции)?

Мы отрицаем расхожие объяснения всего этого «заговором ЦРУ» и каких-либо других «злых сил», демонов и агентов мирового империализма и сионизма. Все это слишком элементарно, слишком пошло, слишком убого и потому лишь оскорбляет страну и народ, льясь невеждам.

Но мы отрицаем и демократическую мифологию, построенную на базе мифа об изначальной порочности так называемой административно-командной системы. Эти объяснения критики не выдерживают. Опровергать их сегодня, тратя на это время и силы, — значит «стрелять из пушек по воробьям», **принижая уровень научного обсуждения.** Верующие — пусть верят. Их разубедит жизнь. Мы же знаем, что тоталитарная система ничуть не менее эффективна, нежели любая другая. Мы знаем, что без командности не существует ни одна из систем управления. Мы знаем, что причины постигшего нас несчастья вообще **по ту сторону экономики.** И только убогий «манчестеризм», вульгарная материалистичность, свойственная вообще марксизму, но доведенная до химерических масштабов советскими его представителями в хрущевский и постхрущевский периоды, может видеть во всем последствия экономического несовершенства, последствия дефектов в системах, обеспечивающих производство и обращение товаров. Разумеется же, разговор должен идти **о другом.**

Вот почему рассмотрение административно-командного мифа (АКМ) мы будем производить именно с позиций антропологии, психоанализа, теории коммуникативных воздействий, где он являет собой сложную развернутую конструкцию, изучение которой имеет и практико-политический, и познавательный интерес. Ибо отражает главный интересующий нас предмет — сознание советской антиэлиты. И в той же мере, в какой научное содержание, экономическая схоластика, лежащие в основе указанного выше АКМа, исчезающие малы, — в той же мере, подчеркиваю, мифологический, антропологический, психологический объем этого мифа требует своего объективного раскрытия **хотя бы на седьмом году «перестройки».**

Анализируя этот миф как сложно выстроенный деструктор, мы увидим, что в основе его лежит мифический треугольник.

В вершине треугольника – тезис о том, что «за 70 лет нами выстроен антимир, мир абсурда, мир, в котором жить невозможно, унижительно и, в конечном счете, можно ли вообще говорить о какой-либо жизни?» (еще бы, без СКВ!). В качестве развития этого тезиса, был выдвинут в конечном счете лозунг «Так жить нельзя!», имеющий целый спектр психолингвистических значений и смыслов.

В основании того же треугольника мы имеем два равноценных и взаимоисключающих (что характерно для мифоконструкций) утверждения.

Утверждение первое состоит в том, что все строители антимира есть антилюди. **Утверждение второе** состоит в том, что все действия, осуществляемые в антимире, есть антидействия, но что все антидействия по отношению к антимиру есть действия.

Рассмотрим теперь, как «работает» эта триада в традиционном сознании. Вначале происходит адификация (от слова «Ад») государства и общества, что как бы и означает построение «Ада земного»...

Логика при этом типично марксистская: коль скоро не удалось построить Рай, то построенное есть Ад. **Третьего не дано!**

Весь спектр проблем пропускается через узкий схоластический фильтр. Методы анализа общества, отвечающие современным требованиям, **сознательно не применяются**. Принципы описания – притчевые, морализаторско-доктринерские, адресующие к **теологическому лубку**. Все это резонирует с подсознанием, в котором черно-белая реальность всегда вытесняла собой любые картины, основанные на сложности гамм и обилии цветовых и световых переходов.

Национальный архетип осознается с точностью, делающей честь. Потребность в эсхатологии, в борьбе Света и Тьмы, в изначальном протесте против греховности сущего, учтена и использована, как говорится, «на все сто». Столь же полно использована и податливость на лесть, свойственная нашему культурному стереотипу.

Предполагается, что каким-то странным образом в сознании читателя все-таки существует неискаженная система нравственных и смысловых координат, позволяющая читателю с помощью автора вырваться за пределы адосферы. Хотя если это возможно с помощью публицистических сентенций, то в чем же Ад? И где его главное свойство – непроницаемость, замкнутость, в силу кото-

рых его обитатели должны «оставить упования»? Ответ в том, что автор — «титан мысли», а читатель — «герой». Такой ответ спасает (причем весьма легкой ценой!) тот героический тип саморефлексий, который был столь привычен советскому человеку на протяжении всего предшествующего периода. Раньше он был «героем деяния», «построителем светлого мира», теперь он... «тоже герой!», «сознатель и осудитель». И — читатель с восторгом принимает рассуждения автора.

На деле же автор, как и любой продвинутый представитель советского истеблишмента, убежден, что читатель — это «совок», то есть идиот, автором презираемый. **И, надо прямо сказать, не без некоторых на то оснований!** «Совок» этот, по мнению автора, всю жизнь питался идеологической чушью и будет питаться ею до Второго Пришествия. Главное — лстить ему грубо (а то не поймет) и ни в коем случае не говорить с «совком» серьезно и по существу. Эти условия блистательно исполняются...

Читатель клюнул не столько на содержание, сколько на соблазнительную роль, предусмотренную для него автором **в первой части сценария**. Но за первой частью следует **вторая**. И там у читателя — новая роль. Эта роль состоит в том, чтобы разрушить «Ад» внутри себя, то есть осуществить тотальную деструкцию по отношению ко всему, что касается его прошлого.

Подобно святому Георгию, читатель должен поражать всех «змиев» коварного антимира. Коварство же антимира состоит в том, что «змий» все время демонстрирует читателю свои иллюзорные облики. Это и отец, погибший на войне, и дядя, скажем так, к примеру, руководивший военным заводом на Урале и работавший там до седьмого пота, и дед, прошедший мировую войну, затем воевавший в гражданскую, арестованный, выпущенный из тюрьмы, опять воевавший... Вроде бы все это знакомые, привычные и **очевидные образы**.

Но ведь мир «заколдован». Колдовство предполагает подмену. А значит, посвященный в тайны колдовства ученик тем-то и отличается от заурядного «совка», что способен видеть, как «змий» мимикрирует и принимает чужие облики, в том числе и облики близких ему людей. И, убивая «змия», топча его, обращенный в новую веру, даже если он видит, что топчет что-то дорогое его сердцу, все равно переступает через себя, сознавая, что (в очередной раз!) делает **великое дело**.

Сделать-то он это дело в очередной раз, разумеется, сделал, горячась и в угаре нового псевдознания. Но потом-то ведь каково?

Однако в том-то и логика трехчастной модели, что растоптавший, убивший, надругавшийся уже связан своим деянием, уже вошел в новую роль. Вернуться назад он не может. А значит, должен идти вперед. Куда же? **В третью часть хорошо продуманного сценария.**

В этой третьей части от символического действия, осуществленного в прошлом, «герой» должен перейти к действиям в окружающем его мире... то бишь антимире, где все антилюди («совки») осуществляют антидействия: строят, лечат, учат и т.п. Им-то кажется, что именно они и действуют. Но беда-то их в том, что они не читали нового «слова божьего», не восприняли АКМа и не поняли, что живут в антимире и рождены антипапой и антимамой, а окружены антиобществом. Но читатель-то понимает! Он – герой. Он – адепт АКМа. Он уже разрушил свой внутренний Ад.

Ну и, наконец, **прямой ход – в разрушение Ада внешнего.** Ад коварен, он мимикрирует под реальность, он выдает себя за жизнь и требует действия созидательного. Но это для дураков! Для «совков»! Адепту АКМа, герою деструкции, указан путь в другом направлении. В воровство (по отношению к антимиру это благое дело), в убийство (по отношению к антимиру это благое дело вдвойне), в ложь, предательство и измену (по отношению к антимиру это главные из всех благих дел!).

Таким образом, с точки зрения обрядово-ритуальной, точно приспособленной под традиционного человека традиционного общества, миф-деструктор выстроен виртуозно. Главное – в нем уничтожено всякое понятие о поступке, об ответственности, о долге, чести и совести. Всего этого нет и не может быть в антимире, не освободившись от которого, якобы, нельзя переходить к нормальному бытию.

Соблазн прост: сначала любой ценой высвободиться из Ада, а потом каким-то образом начать жить. Каким? Непонятно.

Но если и не удастся начать жить, никто за это тоже ответственности нести не будет, поскольку 70 лет ты жил в Аду и для новой жизни ты вроде бы непригоден. Но хоть разрушить сумел этот Ад. И на том спасибо. Ну а если не сумел – что поделаешь... Ад – штука сильная. Не удалось. Он победил. **Ну и все!**

Двигаясь в этих химерах, проклиная «совка» и ощущая себя «совком», член традиционного общества личностью не становится.

ся. Он окончательно превращается в маргинала, люмпена, в «сопка в квадрате», в разносчика социальной чумы. Пока таких разносчиков меньшинство, общество их почти что не замечает. Но если сконцентрировать этот материал поближе к центру размножения вируса (в социальном организме это информационный центр)... если отсечь оттуда любой другой материал... а все вместе объявить информационной свободой... тогда... Тогда мы будем иметь тот план информационной войны, который блистательно реализовала советская антиэлита. Войны против... **своего общества.**

Явление почти уникальное. И тем не менее все это происходило на наших глазах. Мы свидетели тех деяний. Взяв заказ на блокирование консервативных импульсов, идущих от пресловутой КПСС и мешающих-де, мол, проведению реформ (хотя разве кто-то мог и хотел реформировать антимир?), наша антиэлита на деле выполнила совсем другую работу. Она объявила войну всему обществу, осуществила по отношению к нему психологический и информационный террор. Сорвала тем самым проведение реформ, сделала неосуществимыми любые проекты модернизации данного общества. И поставила его перед альтернативой: покончить жизнь самоубийством, продолжая вращаться в круге мифов и ритуалов, или же начать жить, каким-то образом вырвавшись из порочного круга.

Такого рода состояния называются пограничными, экстремальными, и в них **«не предопределен исход протекающего процесса»**. Сколь невозможным (и в плане стратегическом даже вредным) представлялось и представляется нам **ограждение** общества от информационного вируса, внедренного в социальный организм где-то на переломе между 1986 и 1987 годами, столь же очевидна для нас возможность эффективных **действий** теперь. В условиях, когда социальная болезнь развилась, оформилась и когда, по сути, уже зарождаются предпосылки для оздоровления пусть больного, **но и осознающего болезнь** (как нечто отдельное от него!) социального организма. Борясь с манипуляциями с самого начала и понимая, что народу объявлена война, мы столь же ясно понимали и то, что при существовавшей расстановке сил и существовавшем уровне общественного сознания народ был обречен пройти дорогой манипуляций. Прийти к плачевному результату. Придя к нему, осознать сущность манипуляций и манипуляторов. Признать свою вину, поскольку он (и никто другой) позволил так грубо себя об-

мануть. И, наконец, найти силы строить новое государство и новое общество.

Часть II. История советской псевдоэлиты

Мы никоим образом не склонны утверждать, что именно процессы последних нескольких лет знаменуют собой новую эпоху борьбы нашей псевдоэлиты против своего государства и общества.

И мы (как уже было сказано!) категорически отказываемся обсуждать процесс в категориях заговора, вербовки агентов и прочих терминах детективного жанра.

То, что произошло со страной, имеет свою объективную логику.

Задачей серьезного научного исследования могло бы стать обсуждение всей истории России как истории смены элит, **каждая из которых** имела дефектную (в большей или меньшей степени) структуру, что раньше или позже оборачивалось для страны очередным историческим бедствием.

Можно и должно начать этот анализ изменами русских князей и татаро-монгольским нашествием. Но мы решаем здесь политические задачи и должны сконцентрироваться на том, что представляет собой та псевдоэлита, которая зародилась в ходе революций и войн XX столетия.

По поводу нее можно высказать сегодня ряд нетривиальных утверждений, имеющих, с нашей точки зрения, самое серьезное значение в плане понимания всего произошедшего со страной за последние 70 с лишним лет.

Утверждение первое. Партия коммунистов действительно создавалась как структура орденского типа. Но этот «орденский тип» имел внутренние дефекты. Вкратце — они сводились к тому, что орденская структура не могла существовать полноценно, не имея своего сакрального поля. Строя «орден» на материалистической доктрине, отсекая все высокие измерения, отключая от высших целей и ценностей, его тем самым изначально обрекали на деградацию. А значит, изначально вели к образованию духовно неполноценной орденской элиты — **псевдоэлиты**.

Утверждение второе. Мы вправе констатировать целый ряд попыток придания ордену всей полноты и целостности, необходимых для того, чтобы преодолеть дефектность и достроить его как полноценную (в плане историческом!) политико-духовную структуру. К чис-

лу наиболее известных попыток этого рода относится огульно отрицаемое, но всерьез так и не изученное «богостроительство», разгромленное Лениным.

Вне зависимости от того, **какой** была бы инъекцируемая богостроительством структура партии-ордена, она была бы, прежде всего, **полноценной**. **Здесь мы отказываемся обсуждать тип этой полноценности, тип того исторического развития, который был бы придан России в случае победы богостроительства, и другие весьма существенные вопросы**, предполагая вынести их на последующие обсуждения. Мы только настаиваем на том, что в случае победы богостроительства идея «орденства» стала бы завершенной, а те (и только те!) дефекты, которые породились недостроенностью орденского «генома» и тем самым программировали его неизбежную деградацию, были бы устранены.

Но этого не произошло.

Утверждение третье. Было бы более чем наивным видеть носителя орденской идеи только в Сталине. Более того, многие факты говорят о том, что Сталину теократичность представлялась вообще-то достаточно чуждой. Пользуясь орденской терминологией, он, в лучшем случае, мог претендовать на роль первосвященника, организатора и воплотителя орденской доктрины. Творец (креатор или демиург) ордена, разумеется, Ленин. Здесь можно и нужно говорить о тех шагах и технологиях власти, которые он изучал и использовал. И в первую очередь — о совершенно неизученном периоде поздних увлечений Ленина Гегелем и восточной философией, что, безусловно, было связано с новым пониманием сложившейся к концу его жизни политической ситуации.

Утверждение четвертое. Эта ситуация (необходимость форсированного развития, глубокая эрозия христианства, сброс дореволюционной элиты и острая потребность в новых кадрах, фиаско идеи мировой революции и прочее) требовала резкого укрепления власти, расшатанной НЭПом, на принципиально новой основе. Такой основой могла стать лишь партия, возглавившая государство, то есть только новая теократия, новое жречество. Есть основания утверждать, что подобный тип устройства общества противоречил многим (достаточно глубоким и сильным) культурным стереотипам, определявшим суть и содержание личности Ленина. Но в том-то и состояла природа этой личности, что историческая необходимость тем не менее доминировала над всем остальным.

В итоге совокупность внутриличностных конфликтов, связанных с трагической и, возможно, нравственно отвергаемой необходимостью включать теократические механизмы власти (в отсутствие полноценной доктрины!), а также с обострением внутрипартийных конфликтов, привели к уничтожению Ленина, и моральному, и физическому. Любителям легких объяснений мы могли бы ответить, что люди масштаба Ленина (вне зависимости от того, какой нравственной мерой мы измеряем деяния этих людей) не умирают от ран, сифилиса, перенапряжения сил и других бытовых деталей. Необходимо смещение духовного центра, осознание некой онтологической ловушки, гибели Дела и своей неспособности этому помешать. Только после этого начинают срабатывать нормальные биологические мотивы. До тех пор они просто блокированы.

Утверждение пятое. Пришедший к власти Сталин, тяготея к диктатуре и умело реализуя ее, не был способен формировать доктрину ордена. И, возможно, этого не хотел.

Полученное им наследство он использовал, прежде всего, как Аппарат, Организацию – и только. По необходимости сместив в процессе борьбы за власть и форсированной модернизации центр управления с государственных структур в сторону партийного аппарата, он **огосударствил партию**, превратил ее в передовой отряд государственной бюрократии. Отчасти нейтрализовав и заморозив орденские импульсы, исходившие из партийной среды, отчасти переключив их в другой регистр. Проблема партии оказалась, таким образом, отсрочена, но вовсе не решена. И в недрах сталинской системы уже происходил тот разворот, те биения и резонансные колебания, которые стали следствием развития процессов, запущенных в действие противоречием между теократической структурой власти и дефектностью духовного политического центра. Когда власть – теократическая по форме, **но не по существу!** – фактически исполняла роль **дегенеративного жречества**. Есть основания предполагать, что Сталин, в какой-то мере осознавая тупик, «метался как тигр в клетке».

Утверждение шестое. Индустриализация, война и послевоенное восстановление, проходившие в режиме реализации предельно фокусированного мобилизационного проекта, придавали дефектной системе некоторый иммунитет.

Однако уже в 1950 году вновь, как и в 1921–1922 годы, встал вопрос о системе власти, роли и месте партии, возможных целях и перспективах общества и государства.

В крайне закрытой форме этот вопрос тем не менее обсуждался в высших кругах партийно-государственного руководства. Был построен, по-видимому, ряд моделей реорганизации системы власти в стране, реорганизации всего общественно-политического устройства.

Смена фигур в период после Сталина и вплоть до победы Хрущева означала, судя по всему, не только «драку под ковром за власть», как любил говаривать Уинстон Черчилль, но и борьбу концепций власти и управления. С победой Хрущева стало ясно, что победил (под лозунгом либерализации и преодоления культа личности) **именно партийный клан, клан интеллектуально кастрированного и духовно нищего псевдожречества.**

Ситуация резко осложнялась тем, что сам партийно-жреческий клан был резко ослаблен в результате чисток постсталинского периода. И состоял в большинстве своем из людей, еще меньше, чем при Сталине, осознававших, что есть партия в той **реальной** (а не номинальной!) структуре власти, которая была построена к тому времени в СССР.

Этот клан был склонен (в отличие от тяготения предшественника к политике «железного занавеса») поиграть в западничество, притянуть к себе объективистскую науку, находившуюся перед тем у него «на задворках» и ненавидевшую его лютой ненавистью челяди... В общем, он созрел для того, чтобы быть разрушенным. Однако не сам по себе, а именно как некий стержень, на котором было смонтировано все устройство государства и общества.

Процесс подобной гибели не мог быть одномоментным: КПСС, укрепляемой в качестве организационного центра, но ослабляемой идеологически, интеллектуально и духовно, еще следовало пройти через целый ряд этапов, на каждом из которых заложенный в ее псевдоорденскую структуру дефект должен был работать с нарастающей мощностью.

Утверждение седьмое. Ключевым моментом, безусловно, следует считать программу построения коммунизма в СССР, принятую на XXII съезде. С этого момента стало ясно, что власть в стране перешла не к красному «ордену меченосцев» и не к красному «францисканству», а к ордену «колбасистов» (от слова «колбаса»), ордену НЯМ-НЯМ, намеренному строить далее общество по своему образу и подобию. Поставив целью потребление, XXII съезд подписал КПСС смертный приговор. Изумлению Запада не было предела, и далекий от коммунизма патриарх психоанализа Эрих

Фромм с изумлением констатировал «фанатичность советской коммунистической элиты», ее одержимость «волей к самоуничтожению», неизбежность того, что так называемый «гуляш-коммунизм» приведет к полной капитуляции коммунистического общества перед западным.

Это изумление Фромма было заглушено криками об опасности ревизионизма и догматизма, о борьбе со сталинизмом и еврокоммунизмом, что для мыслящего меньшинства советского общества уже в ту пору было не более чем дымовой завесой, позволяющей отсечь все жизнеспособные варианты идеологии.

Сам же творец преступного замысла, видимо, сознавая, что у него отчасти «рыльце в пушку», заглушая сомнения, истерически вещал о пришествии «кузькиной матери» и громил авангардистские выставки на потеху мировой общественности.

Разрыв между еще более ослабленной (при Хрущеве) идеей и резко усиленной (при нем же!) политической ролью КПСС был настолько силен, что острый политический кризис казался неминуемым уже тогда, в 60-х годах. Что, возможно, было бы не худшим выходом из ситуации, поскольку общество все еще сохраняло нравственный потенциал, а элита еще в какой-то мере вращалась в поле каких-то государственных интересов.

Утверждение восьмое. Вместо этого произошел очередной перенос центра тяжести с партийной на государственную структуру. Этот перенос, связанный с временным приходом к власти Косыгина и его команды, не мог кардинальным образом изменить ситуацию. В каком-то смысле все уже было предопределено. Деструктор работал такт за тактом, и новым мощным ударом по системе, ударом, спланированным внутри советской элиты и целенаправленно сориентированным на добывание государства и общества, был переход с программно-целевого метода на так называемую оптимизационную модель. На поверхности этого процесса было стремление к объективному, увлечение точными методами, свойственное той эпохе, стремление оптимизировать процессы, происходящие в уже начинающем деградировать народнохозяйственном комплексе. Безусловно, присутствовало также и раздражение на партийных идеологов, которые запутались в примитивной и низкопробной лжи и мешали работе честных хозяйственников. Было и понятное стремление деидеологизировать работу народнохозяйственного комплекса. Но все это было лишь благи-

ми намерениями, которыми вымощена дорога в ад, иллюзиями недостаточно компетентных, но честных и в целом, безусловно, прогрессивно ориентированных хозяйственных руководителей. Те же, кто использовал их наивность и некомпетентность, то есть представители действительной антиэлиты советского общества, уже созрели, чтобы сознательно, осмысленно – на основе определенных философских взглядов и в русле определенных концепций – стать **ДЕСТРУКТОРАМИ ТОГО, ЧТО ОДНОЗНАЧНО ОПРЕДЕЛЯЛОСЬ ИМИ КАК «ИМПЕРИЯ ЗЛА»**.

Они знали, что делали. И это в настоящий момент необходимо обозначить со всей ясностью, поскольку новая политическая ситуация уже позволяет предъявить им подобный нравственный счет. Тем более, что мы уверены: не сегодня-завтра они сами опишут (гораздо более подробно, чем мы), что, как и почему они делали. Нам важно здесь не обвинять, не сводить счеты. Еще недавно говорить об этом было нравственно недопустимо, так как это звучало бы доносом. И мы благодарны новой политической ситуации, которая дает нам возможность обсудить то, что происходило в стране. Эта правда о прошлом, в свою очередь, нас интересует не ради публицистического «обличительства», а с позиций научного анализа, ради понимания сути процессов, а значит, и выбора стратегии дальнейших действий.

Вот почему мы считаем необходимым заявить о том, что переход к так называемому «оптимизационному методу» фактически **моделировал застой** и все, что должно было произойти в недрах застоя. Дело в том, что оптимизация с помощью решения линейных задач не могла быть пригодной во всем, что касалось процессов развития общества. Линейные методы вообще не способны сколько-нибудь адекватно описать процессы развития. Поэтому кажущиеся усложнения, математичность, научность фактически лишь резко упрощали и разрушали модель. Превращение ее из нелинейной в линейную снимало вопрос о развитии общества, абсолютизируя некоторые аспекты его функционирования. В этом смысле страна фактически стала переходить к программному неразвитию, и, по крайней мере, с первой половины 70-х годов застой уже моделировался, неразвитие уже стало программной целью тех, кого мы можем считать переродившейся частью советской элиты.

Мы не вникаем здесь в детали, нас абсолютно не интересуют лица и имена, это вообще не наша специальность, и мы готовы

представить себе, что большинство представителей моделирующей антиэлиты вдохновлялось благими целями типа постепенного перехода от «империи Зла» к разумному устройству государства и общества. Для нас весь этот вопрос в целом представляет собой лишь фрагмент системного анализа эволюции советской элиты. А это, в свою очередь, волнует лишь в связи с необходимостью выбора целей и ценностей. Мы не останавливаемся поэтому на деталях, хотя и крайне важных для понимания процессов, происходивших и происходящих в советском обществе. Мы не говорим о расколе внутри советского военно-промышленного комплекса и советской науки, хотя эти процессы только сейчас выходят из латентной стадии и начинают оказывать влияние на большую политику. Мы не говорим и о расколах внутри армии и КГБ. Мы только настаиваем на том, что застой не есть имманентно присущая данной системе особенность, а есть особого рода дефектность, локализованная внутри антиэлиты и связанная с **сознательной постановкой неверных целей**. Это важно для того, чтобы в очередной раз убедиться, что болезнь общественного организма коренится не в каждой клетке его, а в определенных зонах и связана не с абсурдным устройством системы, как структурно-функционального целого, а, образно говоря, с ошибками в конструировании отдельных блоков. Ошибками, которые в принципе устранимы.

Мы утверждаем, таким образом, что тотального постыдного краха нет, а есть лишь проигранная игра. А где есть проигрыш — там может быть и победа.

Утверждение девятое. Начавшиеся после перехода к «оптимизационному методу» сбои, спады и лихорадка были замечены, однако реакция на это была крайне неадекватной. Суть ее была в очередном крене в сторону уже окончательно деградировавшего партийного руководства. Символом этого руководства, его беспомощности и бездарности стал престарелый Брежнев, над которым сегодня принято глумиться и который действительно в значительной степени доконал советское общество, советский народнохозяйственный комплекс и советское государство. Но сам по себе Брежнев ничего не значил, как ничего не значит любой слабый правитель. Вопрос состоял лишь в том, кто правит вместо него и каковы объективные результаты этого правления. Объективный результат — переход к ведомственному монополизму и лавинообразный рост коррумпированности и мафиизированности совет-

ского общества, с дальнейшим смещением его ценностей в сторону ценностей криминального мира, — был предопределен состоянием того партийного клана, который своими слабеющими руками пытался вырвать руль из рук клана хозяйственного. Это была борьба двух зол, двух работающих на деструкцию систем. **Вместе** они объективно и составляли единый **деструктор**, единый механизм деградации и разрушения.

Со стороны казалось, что общество, государство, аппарат управления не работают. Но для тех, кто пытался видеть и понимать происходящее, ясно было видно, что весь механизм работает блистательно, разрушая огромное общество и государство. Очередной фазой такого разрушения как раз и была мафиизация. И хотя этот процесс на самом деле крайне сложен и его истоки лежат еще в гражданской войне, тем не менее именно вторая половина правления Брежнева, время, когда его уже в полувменяемом состоянии привели под руки к номинальной власти, создала мафию как **Мегамашину**. Это было вызвано объективным процессом распада партийной элиты, изначально сакрально ущербной, окончательно десакрализованной в хрущевское время, отведенной в тень в первую половину брежневского периода (с тем чтобы обеспечить тотальное гниение) и в состоянии полной деградации в очередной раз представленной в качестве теократической, орденской власти — разумеется, в пародийном, фарсово-глумливом ключе. Орден, лишенный сакральности, неизбежно мафиизируется. И если такую структуру вдруг выпихивают на «орденские позиции», то это означает, что ее фактически побуждают стать мафией, инициируют ее мафиизацию, зная, что эта мафиизация вызовет разрушительные процессы.

Утверждение десятое. Попытка изменить направление процесса с помощью сильного лидера, Андропова, естественно, вызвала при такой мощи процесса лишь гибель лидера, имевшего вдобавок ко всему двойственную политическую ориентацию. Время Черненко — это время борьбы за право быть деструктором, за темпы и качество этой деструкции. Вся горбачевская эпоха лишь довершает процесс, подводит итог, выдергивает из общества стержневую структуру КПСС, на которую только в порядке утонченного глумления могло быть якобы возложено спасение государства и общества.

Теперь мы наблюдаем общество с выдернутым стержнем, бьющееся в конвульсиях. Напуганный «империей Зла» мир, радовавшийся ее деструкции, теперь с ностальгией вспоминает о парнях из КПСС, с которыми хоть о чем-то можно было договориться, кото-

рые хоть как-то выполняли свои обязательства и которыми хоть как-то можно было управлять. Мир еще не понял, что Танатос советской антиэлиты, овладевшая ею в результате перерождения «воля к смерти», есть стихия неуправляемая. Что даже вопреки намерениям отдельных носителей этот Танатос будет управлять антиэлитой, двигая ее в направлении глобальной деструкции и перевернутых ценностей.

Мир еще не оценил, что такое общество, в котором антиэлита начинает функционировать **не как его сознание, а как его подсознание**. А в том, что это так, мы можем убедиться по теперь уже действительно иррациональному, тотально идеологизированному, отшвыривающему реальность поведению представителей советской антиэлиты. Мир еще не понял и того, что такое мафиизация бывшего ордена, изначально травмированного в сакральном плане и безраздельно владевшего шестой частью земного шара на протяжении десятилетий. Мир еще поймет и ужаснется тому, что произошло. Что касается нас, то нам, коль скоро мы что-то поняли, необходимо делать выводы. К чему мы и переходим.

Часть III. Поражение — это иллюзия

Мы видим деструкцию. Мы понимаем, что она необратима. Но это понимают многие. Наша задача состоит в том, чтобы определить два следующих шага, чего пока никто не делает. Те два шага, которые необходимо наметить уже сейчас, коль скоро мы хотим спасти то, что можно спасти. Эти шаги состоят в следующем.

Первое. Необходимо определить режим действий в той полосе деструкции, где она примет характер общественной, государственной (и персональной, личностной) катастрофы. Еще полгода назад мы говорили о том, что катастрофу можно преодолеть. Теперь мы констатируем, что время упущено, и ставим принципиально новую задачу: научиться работать в условиях катастрофы, создавая предпосылки для последующего выхода из нее. Катастрофа неминуема. Однако общество в ней может погибнуть, а может выйти из нее трагически обновленным. Все зависит от того, что обществу предложат уже сегодня в качестве модели поведения в условиях катастрофы, какую новую модель прошлого, какую новую модель будущего дадут ему в постперестроечный период. И в какой степени это произойдет не сверху, а изнутри, с участием

общества. Человек может выжить и нравственно вырасти в условиях катастрофы, а может быть раздавлен ею окончательно и бесповоротно. Это зависит от того, насколько он способен отмотивировать свой человеческий потенциал, свою субъектность.

Сегодня мы располагаем всем необходимым для того, чтобы начать решать эту задачу. Важно не подменять ее никакой другой. Важно не поддаваться как на провокации, идущие извне (а таких провокаций с каждым днем будет все больше), так и на «соблазны», идущие изнутри. Важно самоограничиться и не позволить себе подменить действительно важное для твоего народа и твоей страны Дело суетливыми конвульсиями, дешевой погоней за химерической властью. Мы обращаемся ко всему конструктивному, что есть еще в нашем обществе, с призывом: сохранять аскетическое спокойствие, отбрасывать все суетное и иллюзорное, обуздывать истерику и нетерпение. **Элита лишь тогда имеет право называться этим именем, когда она занята не собой и не своими страстями, а тем, чему она служит – ВЫСОКИМИ ЦЕЛЯМИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ.** Элита не «правит бал», она не диктует цели – она служит обществу. Ее цель и ценности – это служение сути и сущности. Без этого она ничто, без этого она становится бичом для общества и народа. И мы много раз наблюдали это в истории.

Второе. Необходимо уже сейчас начать моделирование того нового процесса государственного строительства, который начнется по ту сторону катастрофы, коль скоро удастся оказаться на той стороне. Здесь важно честно признаться, честно ответить себе на вопрос, чего мы хотим. Поскольку тип работы с ценностями зависит от плана государственного строительства. А последний будет предопределен тем, как будет протекать катастрофическая фаза деструкции. Ясно одно: нам необходимо восстановить целостность исторического сознания еще до катастрофы и в ходе нее. Только это позволит избежать новых тоталитарных конвульсий.

Тоталитаризм начинается там, где выход из тотальной деструкции должен быть осуществлен в кратчайшие сроки и **в условиях разрыва непрерывности исторического сознания нации**, осуществляющей этот выход. Это наихудшая из всех возможностей, и ее хотелось бы любой ценой избежать.

Но ясно и другое. В результате катастрофы общество, в котором мы живем, будет отброшено далеко назад. У нас и так общество восточного типа, хотим мы этого или нет. А восточный тип

общества восстанавливает себя (и мы уже показали это в своей работе «Судьба коммунизма») лишь при наличии структур, отвечающих за коммуникации, за смыслы, цели и ценности, **как структур базовых, основных**. Важно, чтобы эти структуры были элитарными в подлинном смысле этого слова – в смысле их **служения** обществу и народу. Но не менее важно, чтобы эти структуры ликвидировали дефекты, заложенные в доктрину предшествующего тоталитарного ордена.

Ордена – выведшего страну из одной деструкции и ввергнувшего ее в другую.

Ордена – где творец доктрины лишь в конце жизни понял ее дефектность. Понял – и умер.

Ордена – где «первосвященник», занятый разворачиванием социального обрамления доктрины, «оформлял» пустоту, знал об этом, сознавал дефектность первоосновы и не мог ничего изменить.

Ордена – где каждый последующий шел по пути деструкции и мафиизации.

Ордена – чей трагический опыт должен быть осмыслен и преодолен. **Все происходившее с ним до сих пор покрыто мраком, и нам рано судить, не понимая, что мы судим и какой мерой меряем произошедшее с нами.**

Солдаты двух последних мировых войн, пережившие трагедию Мазурских болот и Соловьевской переправы, вспоминали, что самое страшное было услышать надсадный, рвущийся изнутри крик: «Измена!» И вдруг осознать, что твои начальники, твои вожди – предали. После того как подобное осознание приходит в народ, он сбрасывает элиту как целое, не разбираясь, кто прав, кто виноват. Он начинает творить страшные преступления, он совершает исторический грех, одновременно, этой страшной ценой, спасая себя от тотального истребления. Судить его за это может лишь Бог. Наша задача, чтобы до этого не дошло. **Чтобы связь народа и его элиты ни в коем случае не была разорвана.**

Что крепче всего в архетипе русского народного сознания? Крепче всего ненависть к князю, ползающему на брюхе перед татарским ханом, враждующему со своими и открывающему ворота чужим, ненависть к военачальнику, вступившему в сговор с врагом, ненависть к предателю, к полицаяу. Символ предательства, как самого страшного из всех грехов, – открываемые ночью воро-

та осажденного города. Если мы хотим, чтобы произошло воскресение страны и народа, мы должны осознать сами и дать ему осознать, сколько предательств совершено за последнее время.

Предательство отцов, предательство вышвыриваемых из могил предков, есть предательство онтологическое, бытийное.

Предательство союзников, которым Россия была верна всегда и во всех случаях – была верна безмерно, была чрезмерно верна, скажем мы, – сегодня стало тотальным. Тем самым идет добивание страны, превращение ее в страну-предательницу, в страну, презираемую всеми, в страну без союзников и без прошлого, в страну без будущего. Протест против такого предательства – будь то несчастный старик Хонеккер, сидевший при нацистах в Моабите и помещаемый туда снова, будь то омоновец, судимый за то, что он выполнял приказ, будь то вчерашний союзник, соблазненный тем, что вчера называлось суперидеей, а сегодня бредовым проектом, – должен быть заявлен однозначно. Должна быть восстановлена в своих правах попранная система ценностей, на основе которой отрицается предательство. Такие понятия, как честь, жертва, долг, – все это принадлежит человеческому и общечеловеческому, национальному и персональному, и никакое государственное строительство невозможно, пока это не будет восстановлено. Платой за предательство должна быть не месть, а возмездие. Это отвечает духу христианства, это отвечает принципам мировых религий. Предательство как антиценность и верность как ценность. Вот стержень нравственной системы координат, который должен быть восстановлен в любом случае, если мы хотим осуществлять полноценный проект строительства нового государства и нового общества.

Сейчас, в условиях реабилитации Власова, в условиях, когда в нашей печати (превентивно!) восхваляют якобы сдавших чужому государству ядерные коды «героев» (см. статью Дмитрия Ольшанского в газете «Россия» «Безопасность... в чемодане, а чудеса в решетке»), в условиях, когда предательство все более входит в моду, а верность долгу, чести, присяге выдается за идиотизм, мы прежде всего должны говорить об этом.

Прежде всего мы должны прямо сказать самую горькую правду: что предательство совершила не только антиэлита, но и народ, по крайней мере большая часть его, взиравшая на то, как на Красном знамени рядом со звездой рисовали фашистскую свастику. Это нужно для воскресения тех, кто способен воскреснуть. Народ, принимающий сегодня за религию отправления определенных обрядовых норм, народ, не понимающий, что **мертвые действительно существуют рядом с живыми**, народ, лишенный связи со своими мертвыми, **не подключен к тем высшим измерениям, где только и может быть сформировано понятие о целях и ценностях**. Он не может воскреснуть. Наше дело — восстановить разорванную связь между мертвыми и живыми. предавший должен понять, что он совершил предательство, а не предавший должен сказать себе: «Я не предал, не изменил — а значит, я не потерпел поражения, я не признаю его, и я готов к дальнейшей борьбе».

Этот процесс уже начинается, и он есть не что иное, как очеловечивание после того расчеловечивания, которое происходило под видом возврата к ценностям гуманизма. Главное — усилить этот процесс и придать ему нужное направление. Главное — не допустить того, чтобы возврат к долгу и чести был сопровождается преступлениями, которые обесценят этот возврат, лишат его высшего смысла. Красным был огонь, зажженный в начале XX века. В конце его подобный огонь будет смертоубийственным. Человечество этого не переживет. Его ресурсы и так на исходе. Новый огонь должен быть белым.

«СТРАННЫЙ КУРС»

День. 1992. 3 февраля

В недавнем прошлом я неоднократно пытался добиться публикации моих материалов в «демократической» прессе. Мне казалось естественным, что, заклеив меня, она должна будет предоставить мне «последнее слово». И я хотел воспользоваться этим словом, естественно, в политических целях, то есть не для оправданий, а для борьбы. А меня именно поэтому и не печатали. Ни в 1989, ни в 1990, ни в 1991 годах. Сегодня «клеймение» в демократической прессе — это примерно то же самое, что строгий выговор по партийной линии в 1989 году. То есть это огромный политический плюс. Кроме того, пусть хотя бы искаженные фрагменты моих идей дойдут до тех, кто еще читает по привычке «Известия» и «Независимую газету». До интеллигенции, преданной своими вождями трижды — как часть народа, как социальный слой и даже как «корпорация». Там, где зарплата все еще 350–400 рублей, т.е. 30–40 рублей в догайдаровских ценах, царят уныние и растерянность. И я хочу бороться с фашизмом, который завтра туда неизбежно придет.

Как бороться? За что? Отвечаю: за право на самостоятельность этих людей в осмыслении происходящего, за свободу их мысли, отданную ими своим кумирам, которые предали их. Я не хочу обвинять кумиров и говорить о том, как они красиво живут. Я обвиняю тех, кто предал свободу мысли, тех, кто обольстился красивой формой. И я считаю, что их сегодняшняя нищета — это еще малая кара за такой отказ от своего профессионального долга: мыслить, все поверяя сомнениями и доходя до сути. Но обвиняя этих людей, негодуя по их поводу, я тем не менее был и остаюсь с ними. И говорю им: поймите же главное. То, что вы сами виноваты во всем. Вы пошли за «вождями», доверившись им вслепую. Завтра могут смениться вожди. Но если этот принцип слепой веры останется, то новые вожди вас еще страшнее обманут. Все — в ваших руках. Вы должны начать думать. Я же предлагал и предлагаю

лишь методы, применять которые придется самим. Независимо от меня. Получая при этом результаты, сколь угодно далекие от тех, которые я получил. Это и есть свобода. Рабам нужны поводыри. Но время поводырей и рабов уже на исходе. Впереди – крах иллюзий, крах всяческой веры. По ту сторону этого краха – либо цинизм, либо огромный интеллектуальный труд. Надо, чтобы этот труд начался. Это и значит **спасти Россию**.

Я понимаю, что будет сделано все, чтобы помешать мне помочь вам решить эту задачу. Я могу оказаться и фашистом («Известия»), и сионистом («Отечество»), и масоном («Час пик»), и агентом мирового капитала, и германским шпионом, и опасным преступником, и... Но имидж опасно потерять тем, кто рвется к власти, претендуя на поводырство. Мне он не нужен. Я согласен быть хоть «чертом с рогами» – лишь бы и те, кто меня проклинаят, и те, кто читает эти проклятия, начали думать.

Я получаю массу писем, в которых требуют, чтобы я ответил на публичные обвинения. Чьи обвинения? Кто судьи? Вот ведь вопрос. Те, кто обвиняют, получили заказ. Те, кто заказывают, – за кадром. Время суровое, оно на исходе, и тратить надо его бережно. Вот почему **никакого прямого ответа не будет**. А будет еще один аналитический материал, посвященный исследованию нашего политического пространства. Того, что я по аналогии со «странной войной», которую вели против немцев в 1939–1940 годах французы и англичане, называю «пространством странных реформ». Давайте вместе думать о том, что сие означает. И с этой целью я предлагаю внимательнее вчитаться в доклад известного политолога Александра Янова, прочитанный им в Институте философии 23 января 1992 года и опубликованный в «Независимой газете» 30 января. Этот доклад заслуживает самого серьезного рассмотрения.

Ниже мы обсудим его детально, во взаимосвязи с другими событиями нашей политической жизни. Сейчас же – лишь уточним, почему, на наш взгляд, следует выставить этой публикации **самый высокий балл значимости**.

Есть такие идеи, модели, проекты и планы, публикация которых в средствах массовой информации равносильна их профанации. Давший **этому** публичное имя тем самым лишает **это**, так сказать, высокого статуса.

Вот почему **серьезные структуры**, претендующие на соучастие в реальном процессе, никогда не называют всеу «**имени Бога**».

До сих пор элита советского либерализма проявляла, скажем так, **адекватность** в столь серьезном вопросе. Теперь же, мягко говоря, **распустилась**. И началась, на мой взгляд, крайне несвоевременная конверсия теневой идеологии. «Московская трибуна» дает телерекламу своим заседаниям. Неужели претендуя на популярность «Поля чудес»? А.Янов спешит заявить о своем авторстве в весьма и весьма деликатных вопросах. Неужто претендуя на роль нового Игнатенко⁴³? «Независимая газета», забыв, что такое «управление по тенденциям», лепит все напрямую. Так, словно бы своей единственной целью ставит удвоение тиража. И что в итоге?

Идея трансформации «фонда Горбачева» в будущее международное правительство на территории бывшего СССР несвоеременно предъявляется широкой публике. Осуществление Михаилом Сергеевичем редкостного по политическому изяществу маневра с **временным** уходом от власти, так сказать, за три минуты до катастрофы, дезавуируется публично. Тщательно выверенная технология «политических итераций», являвшаяся достоянием узкого круга людей — предъявляется массам. Чего ради? Видимо, консультанты, советники, штабные разработчики больше не желают оставаться в тени. Они мечтают о славе поп-звезд. Такой феномен мы назовем «поп-политика».

И опишем его на примере того же Янова. Итак, вначале то, что находится как бы «за скобками». Это — наша реальность. Теперь уже для большинства очевидно, что стремительное сползание к катастрофе объясняется **странным курсом** наших реформаторов, фактически разрушающих и государство, и народное хозяйство, и общество с удивительным упорством, заслуживающим, мягко говоря, лучшего применения. Уже сегодня говорить о том, что все дело только в предшественниках, доведших страну «до ручки», смешно. Завтра такое «объяснение» будет звучать как пощечина бедствующей стране. Ну и что делать? Нетривиальный, прямо скажем, ответ на этот волнующий всех нас вопрос дает Александр Янов. Контент-анализ его доклада позволяет выделить в нем следующие основные темы.

Первая. Необходимость любой ценой удерживать «странный курс». Прямого объяснения — нет. Однако в более ранних рабо-

⁴³ В.Н.Игнатенко — в 1990 г. помощник президента СССР М.С.Горбачева, затем руководитель его пресс-службы.

тах, где автор своей стратегической задачей считал расчленение России, цель четко была обозначена. Правда, тогда эти работы не предназначались широкой публике. Может быть, автор считает, что теперь этот призыв найдет отклик в сердцах российского населения?

Вторая. Оценка издержек, связанных с сохранением «странного курса». Здесь много нового. Яновым признается то, что ситуация катастрофическая. Признается даже возможность голодных бунтов, уличных мятежей и локальных путчей. В скрытом виде тем самым признается и возможность серьезных технологических катастроф. Ибо локальный путч вряд ли станет «выбирать» место своего проведения из соображений технологической безопасности.

К примеру, еще во время событий января 1990 года в Баку была угроза того, что террористы «подожгут нефтеналивные». В этом случае море огня уничтожило бы весь город. А ведь нетрудно вроде бы представить себе и то, что могут осуществить террористы в ближайшем будущем в ходе какого-нибудь «локального» путча. Ведь теперь этот путч будут реализовывать отнюдь не «дряблые августовцы». Словом, та самая **смута в России на пороге XXI века**, которую мы прогнозировали еще два года назад, за пару месяцев до ее начала, «прозорливо предугадывается» нашими оппонентами. Равно как и (цитирую Янова!) «унизительная невероятная нужда». И тем не менее А.Янов с оптимизмом смотрит на перспективы бывшего СССР (опять цитирую) «по крайней мере до следующих выборов, т.е. до 1995 года». На чем же базируется такой оптимизм? На том, что, по мнению Янова, не найдется сил, способных **изменить курс**.

Итак, Янова радует, что «странный курс», ведущий к катастрофе, останется неизменным. Может быть, он не считает курс катастрофическим, в отличие от нас? Нет, заявляется напрямую о катастрофе, причем такой, при которой, как пишет автор, «померкнет даже легендарный октябрь 1917 года». Так, может быть, речь идет о спасении демократии? Свободы? Об отсутствии насилия и крови? Ошибаетесь! Это раньше так говорили. Теперь Янов задает иной тон. «Странный курс», оказывается, будет проводиться достаточно жестко, и он останется неизменным, даже если (цитирую!) «окрасятся кровью белые ризы демократии». Черт возьми, красиво звучит! Особенно в контексте фактического увеличения численности российских репрессивных структур по отношению

к, прямо скажем, немалой численности репрессивных структур бывшего СССР.

Так, значит, и при «странном курсе» репрессии будут! Из статьи Янова это вытекает со всей непреложностью. И до сих пор из авторитетных людей никто не заявлял этого с такой «определенностью». Но это будут «странные» репрессии. Не укрепляющие государство, а разваливающие его, не создающие базу для процветания (как при том же, столь яростно теперь прославляемом, Пиночете), а ведущие ко все большему обнищанию страны. При «странном курсе» мы будем иметь, одним словом, и смуту, и репрессии, и нищету одновременно. В одном пакете. Чудно...

Но, может быть, Янов лишь констатирует ход объективных процессов и его нельзя обвинять в пропаганде «странного курса»? Хотелось бы верить. Но поскольку речь идет об анализе, то, кроме веры, необходимы и факты. Итак, разберемся с **третьей** темой доклада Янова. А именно, с вопросом о причинах сохранения «странного курса». Янов называет три причины.

Первая. Отсутствие крупной государственной структуры того типа, который нужен для жесткой власти, только и способной предотвратить «странный курс». Еще раз подчеркнем – «жесткой», а не жестокой, строгой, а не свирепой.

Вторая. Контроль за средствами массовой информации и аппаратом насилия находится в руках сторонников «странного курса».

И, наконец, *третья.* Для изменения «странного курса» нужны сильные лидеры. А их нет. И Янов предлагает способы «изведения их на корню». Причем с удивительной откровенностью.

Он пишет: «Проблема нового государственного переворота (*как будто нет другой возможности изменить «странный курс» — С.К.*) упирается теперь не только в остроту кризиса, **как бы ужасен он ни был** (*подчеркнуто мною — С.К.*), но и в степень готовности оппозиции использовать его остроту для захвата власти». Власть, власть и еще раз власть! Любой ценой, при любых издержках. Народ бедствует — черт с ним! Главное, отнимет ли он у нас власть. Не отнимет — пусть бедствует. Терроризм, погромы, кровь, ужасы 17-го года — пусть их. Останется ли у нас власть? Если останется, прогноз оптимистичен.

Власть над кем, над чем и ради чего? Об этом — ни слова. И ясно почему. Потому что нет желания сохранить государство. То есть власть, о которой говорится, не есть демократическая, не есть чрез-

вычайная и не есть даже диктаторская или царская власть. **Это — власть гаулейтеров.** Стоит ли разоблачаться столь последовательно и донага?.. Но продолжим.

Потерять «гаулейтерство» можно, по мнению Янова, лишь в случае, когда у государственников появятся лидеры масштаба Ленина или Гитлера. Здесь что важно? Важно не упоминать никаких других имен. Ни Бисмарка, ни Столыпина, ни Рейгана, ни де Голля, ни того же Пиночета, ни Франко — только имена-жупелы. Если эти имена вынести «за скобки», то что же останется? Отвечаем: страх перед возможностью появления в стране сильного лидера, способного сплотить более трети избирателей страны и повести их за собой. Далее демонстрируется, как высокое благо, то, что таких лидеров среди государственников вроде бы и нет — ведь не Нина Андреева? Нет! И не Жириновский? Нет! И не Проханов? Нет! И не Невзоров? И не Алкснис? И не Якушев с Макашевым?.. Урра!

Поразительно! Отсутствие сильного лидера, государственника, способного спасти страну, а возможно, и мир (поскольку смута в России конца XX века — это преддверие мировой катастрофы), **вызывает ликование.** Более того, не исключая в принципе приход к власти вышеупомянутых лиц, Янов одновременно констатирует их неспособность спасти страну. И, что характерно, опять же, **как благо.** Иными словами, выведи указанные выше лица страну из кризиса — это было бы ужасно, ибо была бы потеряна власть. А вот захвати они власть, возглавь путч, как говорит Янов, и добей страну до конца... Что ж, это не так уж и плохо, ибо при этом власть не удержат, а значит, «обратно нам отдадут». Кому же — вам? Либералам? Демократам? Ельцинистам? Руцкистам? Хасбулатовцам? Скажите же, наконец! Ответ прозвучал! И, по сути, впервые. Он составляет **четвертую** тему доклада Янова, к которой мы сейчас переходим.

Вначале процитируем Янова: «В самую острую пору переходного периода и Германия, и Япония были оккупированы союзными войсками». Итак, введена тема оккупации. Но, разумеется, первый вброс этой темы в сознание происходит, так сказать, методом «от обратного». Янов объясняет, как хорошо, что оккупация не неизбежна, хотя и возможна. Но можно и без нее. Конечно, можно, скажем мы, издержек меньше, отвечать не надо ни за что, кормить население не надо, освободительная война не возникает в ответ на оккупацию. Достаточно создать кордон и управлять краевыми условиями развития... а точнее, деградации быв-

шего СССР. И все. Но кто эти условия проконтролирует? Не «закосив» в самый важный момент? И решившись на «мокрое дело»? Ответ — четкий и однозначный: международное правительство на территории бывшего СССР. Правительство — чего? Ведь не России? Не СНГ? И не СССР? Так чего?

Почитайте Янова и поймете, что не для того ломали СССР, чтобы на его месте получить сильную Россию с ядерными боеголовками. Дробить, дробить надо Евразию в клочья, создавать на ее месте мозаику доминионов и протекторатов, лишать ее хребта, не дать в ней возобладать никому из геополитических претендентов — ни русским, ни тюркам. А как это сделать? На это нам и отвечают — цитируем: «На Западе есть, условно говоря, ружье — гигантские ресурсы, как материальные, так и технологические и интеллектуальные, — которое должно быть включено в вашу реформу, чтобы она состоялась. Только у ружья этого нет курка. Курок от него в Москве. И откуда вы этого не поймете и курок этот не сконструируете, ружье просто не сможет выстрелить. Еще не вечер, однако... Есть еще время курок к нашему ружью сконструировать...». Что же это, черт подери, за курок, спросите вы? А вам, поскольку вы человек непонятливый, «шершавым языком плаката», черным по белому прямо в лоб... «Есть еще время курок к нашему ружью сконструировать, есть еще время (*внимание!* — С.К.) создать международный штаб переходного периода, способный определить формы и степень участия в нем мирового сообщества». Вот и все.

Тезис о международном правительстве на территории бывшего СССР заявлен прямо и безусловно. И, увы, с фактическим указанием на местонахождение этого «штаба» и его состав. Что крайне опрометчиво, чтобы не сказать больше. Но и это еще не все. Создать-то фонд можно, и придать ему статус международного штаба, и всех алчущих власти (о эта сладость поздней горькой любви!) в данный штаб привлечь — конечно же, из числа лиц, слишком долго бывших «там» и слишком «хорошо» «там» себя проявивших. Кстати, теперь понятно бешенство либеральной печати по поводу статьи Аллы Латыниной, что-де, мол, история России делается все же в России. Это же посягательство на власть тех, кто так долго и страстно ждал своего часа! Этого не прощают, как и вообще любого намека на появление конкурента. Но и это, в конце концов, частности. Главное — через кого будет действовать международный штаб. Он-то мозг, а где тело? Этому посвящена **пятая** тема доклада.

Телом, по мнению Янова, должна стать коллаборационистская партия демократов, которая будет набирать свой авторитет в отчаявшемся народе, подкармливая его через гуманитарную помощь и демонстрируя бессилие всех своих конкурентов. Вот что об этом говорится: «Необходимо строить независимую демократическую оппозицию». Насчет независимости — это прямо «не в бровь, а в глаз», учитывая тезис о международном правительстве. Иначе говоря, речь идет о независимости от своего народа и своего государства. И о предельной зависимости от других, внешних, сил. Но главное даже не это. Будет ли эта оппозиция оппозицией «странному курсу»? Или это будет псевдооппозиция? Так сказать, странная оппозиция? К сожалению, речь идет именно о странной оппозиции «странному курсу».

Цитируем Янова: «Вы словно бы исходите из того, что в принципе оппонировать демократическому правительству могут либо негодяи, либо дураки, а порядочные люди должны вокруг него как раз сплотиться...» Если речь идет о выводе страны из катастрофы, то все люди, имеющие целью жить в этой стране, безусловно, должны сплотиться. А вот если речь идет о другом... Судя по всему, речь действительно о другом. Цитируем Янова: «Главная функция оппозиции в том, чтобы, в отличие от правительства, заботиться о выигрыше войны, а не того или иного сражения...» Войны — против кого? Своей страны? Своего народа? И — за что? Таким образом, предлагается разыграть перед народом еще не один спектакль по сценарию октябрьского пленума⁴⁴. Вновь все расколется, но теперь уже на ельцинистов и каких-нибудь других «истов», которые начнут их осуждать, предлагая при этом свои лекарства, свой «хрен», который, как говорят в народе, «не слаще редьки». Надоест сегодняшний лидер, заменят другим.

Как же надо презирать народ, чтобы верить в эти замены «быка на индюка», Гайдара на Явлинского, Явлинского на Тарасова, Тарасова на Федорова и т.п. Потом — Ельцина на кого-нибудь еще? После статьи Янова можно в принципе представить себе, как будет разыгран и подобный гамбит. Но трудно представить себе, что даже такой доверчивый и такой терпеливый народ долго будет терпеть эти дворцовые представления. Как же обеспечить его терпе-

⁴⁴ В выступлении на пленуме ЦК КПСС в октябре 1987 г. Ельцин подверг критике члена Политбюро Е.К. Лигачева и потребовал проведения более решительных реформ. После этого Ельцин был временно отстранен от партийной работы, однако затем получил быстрое продвижение по партийной линии.

ние? И тут мы переходим к **шестой**, последней и главной теме доклада Янова.

Все формулируется коротко, жестко, определенно. Цитируем: «Я попытался бы серией продуманных ходов изолировать от масс, то есть маргинализировать, если можно так выразиться, антидемократическую оппозицию (в чем, как я хотел здесь показать, собственно, и заключается секрет успеха Германии и Японии). Честно говоря, я не вижу иного пути подготовиться к буре и тем более ее предотвратить». Все ясно. Имея в своих руках всю полноту информационной власти, спецведомства, административную власть, нужно подавить своевременно всех чужих, всех потенциальных лениных, а заодно и столыпинных, рейганов, деголлей, иже с ними, и оставить узкий круг — наедине с вождельной девой по имени власть. И все сводится к этой хохме из цэрэушного учебника для младшего комсостава: «раздел — подавление источников политической напряженности». Смешно!

Трудно было бы поверить в такую наивность, в такое непонимание реального расклада сил в стране. Но... Прямо в том же номере «Независимой газеты» некий Шушарин уже начинает выполнять задание по маргинализации, говоря о маргинальности вашего покорного слуги, якобы «вышедшего из котельной». Может быть, мне еще придется побывать в этой котельной и научиться данному ремеслу. Я не против. Кроме того, я в котельных встречал умнейших людей. И если они были маргиналами, я готов к подобной компании. Но до сих пор я представлял собой именно это «академишен», которое восхваляет Шушарин, т.е. худшие годы своей жизни провел в элитарном академическом институте. Скучища, между прочим, была неимоверная. И за то, что Горбачев меня избавил от этой академической тошноты и мне не пришлось следом за кандидатской защищать там еще и докторскую диссертацию, я весьма ему благодарен. А чтобы подчеркнуть гротескность всей этой «независимой» ситуации, добавлю, что статья Шушарина помещена не только в том же номере, но и на той же странице, что и статья Янова. Ну, Третьяков!

Мало того, «Московская трибуна» говорит о том же через несколько дней после доклада Янова. И этого мало — гулять так гулять! Проходит еще пара дней — и Отто Лацис⁴⁵ публикует комичнейшую статью обо мне. В чем комизм? В том, что любому читающему очевид-

⁴⁵ О.Р.Лацис — с 1991 г. политический обозреватель газеты «Известия»; в 1987–1991 гг. был первым заместителем главного редактора журнала «Коммунист».

но, что Лацис публикует эту статью, кривясь и давясь поручением очередного политбюро (то ли «Московской трибуны», то ли Международного штаба, то ли и того и другого высокого политического руководства). Неприятное поручение выполняется Лацисом с той особой «амбивалентностью», которая всегда отличала советских элитарных интеллигентов, исполняющих двусмысленный и им претящий заказ высоких партийных инстанций. Меня всегда развлекали подобные публикации. И я благодарен за доставленное мне удовольствие и Лацису, и газете «Известия». «Ребята», судя по всему, «ищут Ленина». Как говорится, у страха глаза велики. А раз они так велики — плохо дело. Хотите прогноз? В двух словах, без высокой науки.

Нас, конечно, «маргинализуют» по Янову. С применением «крови на белых ризах» или без применения, это уж как «масть ляжет». А вот что будет дальше? Дальше, естественно, начнется такая же разборка в более узком кругу. Потом — еще одна, в еще более узком кругу. До какого размера этот круг будет сужаться? Отвечу: до одного респектабельного пассажирского «Боинга», в салоне которого поклонники «странного курса» собираются улететь, сделав ручкой оставшимся. А поскольку в числе оставшихся случайно может оказаться и уважаемый мною член ЦК КПСС, зам. главного редактора журнала «Коммунист», опекавшийся, конечно же, не каким-то Ю.Прокофьевым, а (опять же уважаемым мною) товарищем А.Пельше, а на высокую должность назначенный (тоже уважаемым мною) товарищем Лигачевым, то я кое-что ему поясню. По поводу своей политической ориентации.

1. Гуманистический синтез корпоративизма и синдикализма — это отнюдь не фашизм. Это знаменитый «новый курс» американского либерала Франклина Делано Рузвельта. Не верите — спросите Арбатова.

2. То, что все — за государство, это, простите, для дураков. И вместо того чтобы меня осуждать, почитайте А.Янова и многих других. И честно скажите, готовы ли вы бороться за сильную, процветающую Россию? Со своим национальным правительством. Единую и неделимую на протектораты и доминионы.

3. Как профессионал — определитесь по отношению к «странному курсу».

4. Русский фашизм, в котором вы меня обвиняете, — это фикция. Я был во всех местах, где русские третировались с изощрен-

ной жестокостью, — и нигде, слышите вы, нигде я не видел ни разу попытки русских отмежеваться от инородцев, начать группироваться по национальному признаку. Нигде, кроме узкой прослойки советской антиэлиты и нарождающейся буржуазии, мне не встречалось ни национальной кичливости, ни ксенофобии, ни антисемитизма.

Но если «ваши», в том числе и в ЦК КПСС, так поощряли крутой национализм армян, грузин, азербайджанцев и, в первую очередь, прибалтов, то как вы планируете избежать роста русского национального самосознания? Ведь даже в модели Янова — при ее удачной реализации — ничего не сказано о том, как пойдет процесс **после** расчленения России.

Или вам неизвестно, что такое ирредентизм — борьба за воссоединение разорванного этноса? И неизвестно, в каких формах такая борьба происходит? Спросите у Старовойтовой!

Сегодня есть один судьбоносный вопрос: в каких формах произойдет становление русского национального самосознания. Вот действительно проблема величайшей, метаисторической важности. Но вы-то что в этой ситуации делаете? Объясняю. Итак.

5. То, что вы делаете, приведет к весьма печальному результату. Вы, наверное, плохо осознаете его. Но тогда всмотритесь пристальнее в то, что происходит в России. И задайтесь вопросом, почему во всем спектре ваших оппонентов выбраны оказались для дискредитации именно определенные лидеры. И почему именно газета «День» (а не неизмеримо более крутые издания) была основным объектом нападения «Московский трибуны», наравне с православной церковью? Может быть, ваших коллег пугает вовсе не русский фашизм? Может быть, они ему за его очевидную разрушительность готовы простить остальное? Может быть, они даже готовы спонсировать все патологическое, что связано с возможными формами становления русского национального самосознания? Может быть, их пугает совсем не фашизм, который ничего, кроме гибели, России предложить не способен? Может быть, их пугает государственность и почвенность? То есть то, что может примирить и спасти? Станный курс, правда ведь? Я не навязываю вам, да и никому другому, свои выводы. Я просто думаю вслух. Судя по всему, такая моя склонность к сдержанности в определениях вас не устраивает. Вы усматриваете в этом мое желание туманно излагать свои мысли. Что ж, наверное, в чем-то вы правы.

И я хочу продемонстрировать вам, что умею воспринимать критику и корректировать свою позицию. Поэтому, в знак уважения и искреннего желания избавиться от критикуемой вами «туманности» моего изложения,

6 и последнее. Сегодня все обвиняют друг друга в фашизме. И никто не говорит, что это такое. В своей книге «Постперестройка» мы определились по этому вопросу, дали определение фашизма на современном этапе. Кроме нас, этого никто до сих пор не сделал. А значит, всех устраивает возможность использовать это слово как жупел, как пространство для спекуляций. С этим пора кончать. Мы действительно в преддверии не только коричневой, но и просто черной чумы. Но почему? И кто виноват? И что делать?

Вы все время печатаете какую-то случайную бумажку из архива ЦК КПСС, адресованную Горбачеву. Вы бесстыдно выдергиваете из нее то одно, то другое предложение, трактуя это предложение далее по всем нормам высокой «цекистской» схоластики эпохи застоя. Но бумага-то я в ЦК КПСС писал очень и очень много. Все они наличествуют. И я намерен использовать их в своих последующих публикациях. Так вот, еще в 1988 году мы подали бумагу в ЦК КПСС, предупреждая о скором пришествии фашизма. Мы определили и срок: 3–4 года. И формы («черная чума»). И, главное, причины.

Вот они:

- эрозия исторического сознания;
- угроза люмпенизации населения в ходе уже тогда обозначившегося «курса странных реформ»;
- инверсия в массовом сознании по схеме «красное – черное»;
- ритуальное поругание отцов, доведенное, как мы писали, «до уровня библейского надругательства», как оккультная предпосылка фашизации населения, и прежде всего молодежи;
- криминализация общества, апология «криминалитета» в средствах массовой информации;
- дискредитация всего, связанного с Великой Отечественной войной, причем на уровне психологической войны против своего населения;
- «отмывание» эсэсовцев, полицаев, других фашистов, как борцов с коммунизмом, именно в демократической прессе;
- апология политического терроризма и экстремизма в той же демократической прессе;

– апелляция к голосу крови, к национализму в крайних его формах опять же в демократической прессе;

– и т.д.

Бумага оказалась под сукном. Теперь очевидно, что все указанные процессы были положены в основу «странного курса».

Таким образом, сторонники «странного курса» инициировали «черную чуму» в нашем обществе. И я утверждаю, что это происходило сознательно. Еще раз, я готов доказать это свое утверждение где угодно и когда угодно. И я обвиняю псевдодемократические, псевдолиберальные силы в том, что, выбирая «странный курс» и будучи предупрежденными о фашизации, как его неизбежном следствии, они не только не сделали выводов, а, наоборот, усилили все факторы, ведущие к фашизации, до предела.

Я не говорю, что Лацис, Янов или кто-либо другой, в том числе и читавшие нашу записку, – фашисты. Но то, что их идеология «странного курса» ведет к фашизму, это я готов утверждать. И это серьезно, очень серьезно.

«ВАШИ»⁴⁶

День. 1992. 8 марта

Вступление

В Москве пролилась кровь. И необходимо, чтобы те, кто ее пролил, ответили за это. В Москве случилась беда, и необходимо сочувствие, сострадание, скорбь по поводу этой беды.

Все это необходимо. **Но этого недостаточно.** Эта кровь должна быть последней. Но кому-то нужно, чтобы это было не так. Эта беда не должна перерасти в великое народное горе. Но кому-то хочется, чтобы за одной бедой пришла другая, а за ней еще и еще.

Вот почему мало говорить об ответственности и мало выражать сострадание. Необходимо еще и анализировать. Прямо сейчас, пока еще живо горе, пока еще не высохла кровь. Кому-то это покажется кощунственным. Но этот анализ необходим, чтобы предотвратить надвигающуюся на нас большую беду.

Профессиональный долг аналитика – считать. И я считаю. Ради того, чтобы не произошло самого худшего.

Часть I. «Гуманисты» у власти

23-го вечером и весь следующий день мы напряженно ждали. Это был момент испытания для тех, кто пришел к власти под лозунгами гуманизма и демократии. В тот день они проходили тест на подлинность своих убеждений. И блистательно этот тест провалили. Почти никто из «властных мира сего» не выразил своего сожаления сразу после событий. Это потом, через несколько дней, начались политические спектакли. А сразу – первая реакция –

⁴⁶ *Статья написана после разгона 23 февраля 1992 г. в Москве мирных демонстраций и митинга. Манифестанты, среди которых было много ветеранов, двигавшиеся от площади Белорусского вокзала по улице Горького возложить венки к Могиле Неизвестного солдата, были блокированы и избиты милицией и ОМОНОм.*

трусливое выжидание и – шепотом: «Наконец-то». Ну и все. Их гуманизм лопнул как мыльный пузырь.

Оказалось, что люди, вышедшие на площадь, для них – «унтерменши», «быдло», «рабы», люди «второго сорта», на которых не стоит тратить даже казенных, положенных по протоколу «7 гуманистических слов». И о каком гуманизме при этом они имеют право говорить? Когда нас называли «нашистами», «красно-коричневым быдлом», мы молчали, не отвечая оскорблением на оскорбление. Хотя было что отвечать. Но мы помнили, что у трибун, с которых нас оскорбляли, стояли наши братья, такие же, как мы, и, отвечая, мы можем задеть их чувства. И когда с трибун извергались проклятия в наш адрес, мы знали, что те, кто сегодня аплодирует этим проклятиям, завтра придут к нам и мы их примем, потому что для нас нет деления на «чистых» и «нечистых», на «унтер-» и «уберменшей». А есть народ, который обманут. Наш народ. И мы ждали, когда сама жизнь покажет обманутым людям, всему народу, всей нации, кто есть кто. Мы ждали, пока вожди снимут маску и продемонстрируют волчий оскал. Мы знали, что рано или поздно это произойдет. И все-таки думали, что у этих вождей хватит если не нравственности, то хотя бы ума, для того чтобы не делать это так грубо, с таким бесстыдством.

Что же, оказалось, что отсутствует и то, и другое. Ни совести, ни ума, а уж о чести и говорить не приходится.

Своими действиями 23 февраля и в последующие дни «вожди гуманизма и демократии» сами подписали свое отречение.

ОТРЕЧЕНИЕ ОТ ГУМАНИЗМА.

ОТРЕЧЕНИЕ ОТ ДЕМОКРАТИИ.

Тогда кто же они такие?.. И как их теперь называть?.. Сегодня, может быть, главная политическая проблема – ДАТЬ ЭТОМУ ИМЯ.

Часть II. «Вашизм»

Кровь пролита как бы невзначай, между прочим. Голоса теле-роботов по большей части столь же бодры и оптимистичны. Лживый оптимизм составляет, пожалуй, главную черту нашей сегодняшней «официозии». Это мы уже проходили. С этим боролись. И... «напоролись» на это же в новом, еще более омерзительном, качестве. Теперь нам «это» предлагают назвать демократией. Нет уж, увольте!

Это слово после 23 февраля не следует употреблять по отношению к «официозии» даже в кавычках. Да и сама она его скоро вычеркнет из своего словаря. Ей самой оно уже ни к чему.

«Наша власть – и шабаш!»

Это действительно ваша власть. И – дадим ей адекватное имя. Назовем это просто – «вашизм». От слова «ваши». Ведь если есть «наши», то и «ваши» просто не могут не быть. 23 февраля 1992 года – день рождения «вашизма». HAPPY BIRTHDAY TO YOU! HAPPY BIRTHDAY!

Часть III. Морфология новорожденного

«Вашизму» непременно нужны холуи. И они в нашем обществе есть. Это единственный бездефицитный «товар». Есть холуи старые, а есть и новые – «вашистского» типа. Холуй Холуевич Холуев глядит на нас с телеэкрана честными, ироничными, светскими глазками. И ведь учит жить, поросенок!

Ну, боссы старой формации – черт бы с ними! Они так жили всегда: вижу одно, думаю другое, говорю третье. Цинизм, возведенный в идеал политического поведения. Но «новые» люди – бог ты мой, как же быстро «стухли» эти «нонконформисты»! Как же мало им оказалось нужно для счастья! И до чего же они оказались неумны и пошлы, до чего откровенны! Нет: это вам не сыр рокфор. Запах гниения и мазама, за версту шибает тухлой селедкой... Что в итоге?

В итоге – ИДЕТ, ПРИЧЕМ С ПОДАЧИ САМИХ «ВАШИСТОВ», УСКОРЕННОЕ ФОРМИРОВАНИЕ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ ОБРАЗА ИХ ВЛАСТИ КАК ВЛАСТИ НЕПРАВЕДНОЙ.

Это страшный процесс. Очень страшный.

Конечно, можно заговаривать страх упоительным «рейтингом». И под это западное словечко, конечно, можно внушать себе, что-де, мол, «наша власть крепка, как прежде». А холуи будут звонить по телефонам, говорить, что они «из социологической службы», и спрашивать об отношении к вождям. Но народ не дурак. Он обладает долговременной памятью. И знает цену «вашистским» социологам в штатском.

А пробовали ли вы анализировать детские рисунки в «эпоху Гайдара»? Доминируют темы голода, боли, унижения, смерти. Такого не было никогда. Анализировали ли то, что происходит с рождаемостью? Депрессия, хуже, чем во время войны. Такого тоже никогда не

было. Бывали ли в очередях? Там про «вашу» власть говорят очень много... А молчание иногда говорит **еще больше**. Есть у вас методы, с помощью которых можно анализировать тишину? Вряд ли...

Да, это ваша власть. Она «вашистская» с 23 февраля 1992 года. И будет все более «вашистской» с каждым месяцем, с каждым днем, с каждым часом. Ваше время и ваша власть. **И вы знаете, что она не от Бога. И народ теперь это тоже знает.** Ну и что дальше?

Конечно, можно, лихо зашвырнув в лимузин канистру «Скотч виски», рвануть на митинг в защиту «демократии» и «прав человека». И, взойдя на трибуну, бросить через плечо своему менее удачливому в бизнесе коллеге: «Юрка, ужрись!» Но и это мы уже проходили. И про это, как вы помните, тоже певалось: пируйте, мол, гады,

В роскошном дворце,

Тревогу вином заливая.

Но грозные буквы давно на стене

Чертит уж рука роковая.

Конечно, и на эти «буквы» опять же можно по-разному реагировать. Валтазар, этот олигарх старой формации, тот хоть понял, кто и что ему пишет. А вот шекспировский Макбет, выскочка и парвеню, поступил как настоящий «вашист». Увидев призрак им убитого Банко, он задал изумительный, чисто «вашистский» вопрос: «Кто это сделал, лорды?» То есть: «Кто меня подставил? Кто интригует? Чьих это рук дело?» Подпольных обкомов? «Комитетчиков?» ГРУ? Каких-нибудь еще более высоких структур?..

И вроде бы общался господин Макбет с ведьмами и понял, что такое «тот свет». Но вот он рядом, и надо защищаться от потустороннего страха. Чем? Лживыми обвинениями?

Бога нет, истории нет, правды нет, народа нет, а есть лишь аппаратные игры. Все ясно и просто, и от этого страх пропадает. Ну-ка, «кто это сделал?» Ну-ка, «лорды, найти мерзавцев! И в бараний рог!..» Так заговаривают душевную боль. Это — когда есть душа. Тогда алкоголь, проклятья в адрес невидимых заговорщиков, метания из крайности в крайность. Страшная жизнь. И все же — жизнь. Страшный грех. И все же — грех живой души. И где грех — там может быть и прощение.

Но есть и другая манера, другой политический стиль, ваш стиль, в его самом блистательном выражении. Пустить кровь этим «скотам» и сразу же уехать туда, к своим (к вашим!), провести там недельку (у ваших!), глотнуть «кислорода» и вернуться назад — в ненавидимый

мир с «совками» и «совкодавами», мир, где в тебя еще кто-то верит, от тебя еще чего-то хотят и где надо казаться живым, энергичным. А внутри — адский хохот, и «кости лязгают о кости». Вот образ вашей несправедливой власти. Вот ваши портреты. Вы хотите знать правду о себе и о своем будущем — вот эта правда. Правда о несправедливой власти. Свершилось. И не надо хвататься за «липу» про «рейтинги» — не поможет. Во-первых, несправедливой власти всегда лгут ее холуи, а во-вторых... в России меряют не «рейтингами». Здесь либо беспредельное доверие, либо... презрение без берегов. В любом случае — страсть.

Так делайте выводы. И не ищите врагов вне себя. Лучше внимательно взгляните на себя в зеркало. Вот он, «вашизм», глядит на вас мутными ненавидящими глазами.

Можно, конечно, и на зеркало пенять, но зачем?.. «Волхвы не боятся могучих владык, и княжеский дар им не нужен». Знакомые с детства строки. И если есть еще хоть какой-то разум, то вдумайтесь в их подлинный смысл, вдумайтесь в то, что случилось.

В Москве пролилась кровь. Кто это сделал? Это сделали «ваши». «Вашисты». Кровь — не вода. Так сотворим же молитву.

Часть IV. Во что играют «вашисты»

Кто-то молится. Кто-то глушит боль души и чувство вины. Кто-то танцует на балу, притворяясь живым человеком. Кто-то верит в святость «правого дела»...

А кто-то **играет**. Кто-то составляет в очередной раз сложный рецепт политического коктейля. На ложку крови две ложки интриги, пять указов, три поездки к высокопоставленным западным боссам... Итого получится... Конечно же, ничего не получится, если те, кто руководит народными массами, поймет, во что играют «вашисты». Вот почему так важно разоблачать эти игры, предотвращая этим большую беду.

Итак, во что играют «вашисты».

В этом отношении крайне интересно то, как проходил митинг 23 февраля. Людей спровоцировали, причем спровоцировали умело. Их вели на кровь власти Москвы и те, кто стоял за широкой спиной Гавриила Попова. И я готов отвечать за свои слова. В самом деле, все было построено достаточно грамотно.

Был использован, во-первых, так называемый «механизм фильтрации» и, во-вторых, метод формирования минимальной критичес-

кой массы. И то, и другое — из учебников для спецслужб. Каким образом толпа может быть отфильтрована? Очень просто! Ставятся многочисленные заслоны, в которых происходит отбор наиболее активных. Прорываясь раз за разом и все с большим трудом, демонстранты оставляют вне себя весь умеренный элемент. Он не готов к тому, чтобы прорываться. Численность падает. Активность нарастает. Последний прорыв — у Маяковской и... Второй прием. Формирование минимальной критической массы. Как? Рассечением активного ядра пополам, на ту часть, которую отсекли, и ту часть, которая прорвалась. Потом психологическое сдавливание с двух сторон, своего рода клаустрофобия, вызванная искусственно, со знанием дела. Теперь у прорвавшихся просто нет выхода. Фактически они ощущают себя в ловушке. Кордоны и до, и после площади Маяковского, фильтрация и ловушка, психологическое давление и рассечение — и вот спровоцирован агрессивный фон.

Но масса еще не готова к бурной активности, ее и здесь надо еще спровоцировать. И тогда рождается новый Гаврош. Искреннего и смелого паренька делают жертвой, стаскивают у всех на глазах, избивают. Для чего? Какую опасность он представлял? Никакой! Он был нужен, чтобы вызвать агрессию и пролить кровь. Этого добивались и сумели добиться.

Так с чем же мы имеем дело? С чем, как не с сознательной провокацией? И как можно кого-то обвинять после этого в «гапоновщине», если сами блюстители порядка, естественно, кем-то и зачем-то проинструктированные, создали критическую ситуацию, грамотно промоделировав все ее компоненты и обрушив после этого репрессии на ни в чем не повинных людей?

И все же главный вопрос остается открытым — для чего?

На первый взгляд здесь много странного. Для любой власти, желающей опереться на народ, акция по модели 23 февраля — самоубийственна. Особенно, подчеркиваю, она самоубийственна для президента России. Он в любом случае теряет очень и очень много. Так, может быть, кому-то нужно, чтобы он терял политический авторитет как можно быстрее? Кому? Еще раз повторяю — прямым инициаторам этой бойни!

Органы внутренних дел России отказались от участия в этой акции. Роль опричнины решил взять на себя только московский ОМОН, который уже становится одиозным. А вся политическая ответственность была взята на себя мэром Москвы Гаврии-

лом Поповым. Зачем? Ему-то какой смысл брать на себя то, от чего не только любой политик, но и любой грамотный интриган обязательно будет открещиваться, что называется, «до упора». Есть такой аппаратный термин «подставиться». И известно, что «подставляться» никому неохота. Что же Попов, такой умный, такой тонкий политик, умеющий «подставлять» и «не подставляться», так странно себя ведет?

Странность этого поведения заслуживает пристального рассмотрения. В двух словах на этот вопрос не ответишь. И ищущим правды придется вместе с нами пройти долгий путь, снимая «странности» слой за слоем, как капустные листья, и добираясь до «кочерыжки».

Ну что ж. Как говорится, «игра стоит свеч». Наберемся терпения.

Часть V. «Вашисты» и политический календарь

Давайте попытаемся представить себе сегодняшний политический календарь. Главная дата в нем, конечно же, 6 апреля, съезд народных депутатов России. Многим хотелось бы, чтобы этот съезд был последним, чтобы он больше не собирался. И кое-кому нужно, чтобы он не собрался и в этот раз. Почему это нужно? А вот почему.

В конце марта пора подводить квартальный баланс. В апреле — начинать денежную реформу. Тогда же планируют поднятие цен на энергоресурсы, где-то в 20-х числах. Дальше — темпы спада промышленного производства, которые уже нельзя скрыть. Дальше — и очередные социальные проблемы, не имеющие решений, и очередной вывод войск.

В мае население ощутит ограниченность своих продовольственных запасов. В мае будет очевиден провал посевной. Конечно, останутся ссылки на озимые, но это для дураков (может, вообще только озимые и будем сеять, осуществив «аграрную революцию» на шестой части земного шара?). После мая счет будет идти буквально на дни.

Предположим в качестве рабочей гипотезы, что тогда же произойдет и давление на предприятия — обнуление счетов, аннулирование оборотных средств. И вся эта чушь будет «обосновываться» реформами Эрхарда (покойник в гробу бы перевернулся!). Тогда становится очевидным, что май — критический месяц, что никакого улучше-

ния нет и не будет. И единственный выход для «вашистов» — это чрезвычайное положение. Его они и добиваются. Но важно понять, что речь идет о странном, очень странном ЧП.

Часть VI. ЧП «по-вашистски»

ЧП сегодня ждут многие. Ждем и мы. Ждем порядка, закрепления незыблемости территории, создания сильной (Бог с ним, с общественным строем!) России, восстановления управляемости. Но для этого, как и 21 августа 1991 года, никто ничего не делал, не делает и делать не хочет. Для такого ЧП уже нет условий! И я объясню почему.

Когда-то Петру I пытались объяснить отсутствие императорского салюта в одном из портов «21 причинами». «Какая первая?» — спросил разгневанный Петр. «Нет пороха», — был ответ. «Хватит, дальше не надо», — сказал великий строитель Российской империи.

На вопрос о причинах, по которым нельзя вводить ЧП, мы можем тоже сказать: первое — нет идеологии ЧП, нет единого смыслового поля, нет достаточно крупных и эффективных оргструктур... Хватит? Если нет, можем продолжать дальше. Авторитет уже не тот. Возможности для ЧП были в августе после «путча». Экономике этим путем сегодня стабилизировать уже не удастся после гайдаровской вакханалии. Репрессивный аппарат совсем неадекватен задаче. Хватит?.. Если мало, то зададим элементарный вопрос: если вводить ЧП всерьез, то «какого рожна» нужны были эти идиотские кровавые трагифарсы, подобные 23 февраля? Любому серьезному специалисту очевидно, что подобная акция блокирует серьезное ЧП, а не создает для него благоприятный фон.

В самом деле, на что рассчитывают те, кто пролил кровь 23 февраля? Их расчет прост. Не пропустив народ к Могиле Неизвестного солдата, осуществив позорное избиение гражданского населения, они тем самым **бросают вызов авторитету политических активистов, собирающих митинги**. Это первое. И второе: они **одновременно бросают вызов той части митинговой стихии, для которой защитить народ — дело чести**. Никакая политическая сила, организующая митинги, не ходит «в белых перчатках». И вчерашним устроителям «демократических» митингов лучше, чем кому бы то ни было, известно, как сколачиваются толпы, какова подоплека и какова механика уличных действий, логика лидеров и активистов, стереотипы поведения.

А стереотип должен быть такой: сначала похороны и клятвы, потом подготовка к очередному крупному выходу на улицу (17 марта, то есть до съезда, до ценовой и денежной реформы, до того момента, когда ситуация станет критической). Демонстрацию запрещают. Но идти надо. И непременно среди активистов начнется обсуждение механизмов прорыва кордонов. И непременно будут готовиться группы прорыва. Второй раз улица уже не позволит, чтобы над нею так надругались. Ну и...

Если это произойдет, то какой из этого можно будет сделать политический и юридический вывод? Однозначный! Что власти, конкретно московские власти, преступно, раз за разом, шаг за шагом **провоцируют кровавые столкновения**, которые послужат поводом для введения чрезвычайного положения. **Но мы уже указывали, почему это чрезвычайное положение будет иметь нулевую практическую эффективность с точки зрения политической стабилизации!** Это пусть «вашисты» секретарям обкомов и обществоведам, специализировавшимся на научном коммунизме, рассказывают о том, что в условиях гиперинфляции нужна политическая стабилизация, что на данном этапе диктатура будет поддержана широкими слоями и т.д. Наивные марксисты, может быть, и клюнут на «вашистскую» провокацию. Но мы-то знаем, что так никакая диктатура не вводится, что так не строят новое общество, что так только разрушают все и вся. Так разносят «в клочья» общество, государство, народ и культуру. И мы знаем, что «вашисты» достаточно интеллектуально развиты, чтобы это понять и чтобы к этому вести сознательно, подставляя тех, кто за это ответит.

Им предложат ЧП, а произведут псевдоЧП, которое станет лишь прологом к развалу России и всеобщему бедствию. Ради чего?

Часть VII. «Вашизм» — это социальный регресс

Очень важно понять цели «вашистов». Сами они их никогда не предъявят. Но и на уровне голословных заявлений о том, что они сознательно ведут к деградации общества, к социальному регрессу, говорить сегодня уже нельзя. Нужны доказательства. И они есть. Я попытаюсь привести их в определенном порядке. Системно. Итак.

Первое. Экономическая модель, положенная в основу реформ, базируется на равновесии спроса и предложения. В соответствии

с этой моделью спрос с повышением цены падает, что как бы естественно, а предложение производителя становится избыточным, что как бы тоже естественно.

На самом деле все это — «липа». Спрос в реальности с повышением цены остается почти постоянным, а производство в нашей экономике с повышением цены падает гораздо быстрее, чем падает спрос. Равновесие — фикция. Реальный дефицит нарастает.

Я утверждаю, что об этом знали и на это сознательно шли. И это серьезное обвинение «вашистскому» курсу. Попробуйте его опровергнуть.

Второе. Либерализация без приватизации — это уступка торговой мафии. И это тоже серьезное обвинение. Докажите, что это не так.

Третье. Поскольку цена товаров растет, а доллар начинает продаваться вами по низкому рублевому курсу, то это не ликвидация ажиотажного курса доллара, а сознательное разбазаривание государственных валютных ресурсов. Попробуйте опровергнуть.

Четвертое. Поскольку спрос для большинства населения уже сегодня определяется фундаментальными потребностями личности, то его понижение — это обрушение личности, ломка ее фундаментальных констант, то есть сознательно осуществляемый социальный регресс. Никаким «равновесием» не оправданный. Вы сознательно загоняете общество в ловушку недопотребления и затягиваете у него на шею петлю голода.

Пятое. Мы тоже читаем прогнозы международных ведомств. И мы знаем, что кризис будет нарастать, по их мнению, вплоть до 1994 года. И что только к 2000 году, при самом благоприятном раскладе, может быть получен уровень 1988-го. В итоге мы уже безвозвратно отстанем от развитых стран. Может быть, в этом цель?

Шестое. «Аграрная политика» — это политика голода. Сегодня это всем очевидно.

Седьмое. Вывоз валютных ресурсов из страны идет ускоренными темпами, мы уже недосчитались нескольких миллиардов долларов. В страну они уже не вернутся.

Восьмое. То, что «шокотерапия» при государственной форме собственности — это бред, очевидно для всех. Очевидно и то, что вы попросту сокращаете потребление.

Девятое. Никакая рыночная экономика ничего уже не спасет. Слишком плохое положение дел. Кроме того, все ваши действия

говорят о том, что вы никакого рынка строить не собираетесь. Так что же вы делаете?

Десятое. Даже добыча нефти сокращается, причем стремительно. И настолько стремительно, что интерпретировать это можно только одним образом: вы искусственно вызываете валютный кризис.

Одиннадцатое. Любому грамотному специалисту ясно, что такое конвертировать рубль при неконвертируемости всех товаров, кроме сырья. И вот тут, по-видимому, кроется очень многое.

Мы могли бы продолжать и дальше. Но, видимо, хватит. Ясно, что случайным все это быть не может.

Часть VIII. Курс на «павианизацию» всей страны

Вы ведете страну курсом деградации. Вы обрушиваете национальную промышленность на всех ее этажах, кроме нижнего, сырьевого, который еще кое-как дышит. Но ведь мы не Гвинея. Три четверти населения находятся на этих этажах. И это все должно быть «павианизировано», опущено в «гетто». Образ того, что вы делаете, — это «Град обреченный» Стругацких. Задача вашей политики — выбросить из жизни почти все индустриальное население, ликвидировать элиту общества, понизить уровень жизни в 10–12 раз. Вот для чего вам нужно «ваше» ЧП, а вовсе не для укрепления государства и не для построения буржуазного общества. Не лгите! Все ясно.

Потому что только очень наивный человек может верить, что кто-нибудь из властных мира сего, особенно властных западного мира, намерен развивать бывший СССР, нынешнюю Россию и вводить оных в так называемый «Север», или группу высокоразвитых стран. Все, что происходит, противоречит этому. Можно было бы привести тысячи аргументов, но достаточно обратить внимание на то, что происходит с нашей научно-технической интеллигенцией, нашей наукой, техникой, высокими технологиями, лидирующими предприятиями, как меняется структура вывоза из страны сырья, какую долю в вывозе составляет продукция так называемой «хай технологичи». Все это идет под нож. А если бы кто-нибудь думал о развитии, то он бы наплевал даже на голодные толпы, но это бы накормил, это бы спас, на это бы сделал ставку в первую очередь. Все с вами ясно, господа, и по ту и по эту сторону рубежа. И нечего дурить голову. Куда идем — понятно. В сторону стран «третьего и четвертого мира», в сторону сырьевых придатков высокоразвитых стран, в сторону полу-

колоний. Но и этим сегодня наше общество не испугаешь. Подумаешь, и в колониях люди живут. И там, между прочим, американские шмотки и видаки, сами видели и даже покупали. А почему вы покупали, ребята, спросим мы. Да потому, что вам отстегивали в твердой валюте по старому курсу, когда рубль оплачивался на уровне доллара. И получали вы там, в этих странах, столько, сколько получает элита. А средний уровень-то никуда не денешь. На дне «третьего мира» средний уровень 300–350 долларов в год на душу населения. Во Вьетнаме – 500. Ну и дальше... В СССР в эпоху Леонида Ильича – в районе 3000. В Европе – до 15000. В Штатах – аж до 20 тысяч. Есть куда тянуться. Нищие мы по сравнению с ними. Что уж греха таить. Но что имели, то имели. И качество жизни определялось уже цветным телевизором, автомашиной советской марки, холодильником, городской квартирой, пусть и не ахти какой, но отдельной. Со всем этим придется проститься, если уровень соскользнет ниже 800 долларов и застрянет надолго где-нибудь в районе 650. Но застрянет ли он там? Или двинется вниз дальше? Вот здесь позволю себе одно фундаментальное соображение, имеющее прямое отношение к вышеназванному «Граду обреченному». Можно обойтись и без графиков в этом вопросе. Итак.

Представьте себе, что западный предприниматель начинает осваивать сырьевые ресурсы Гвинеи или любой другой слаборазвитой страны. Я буду описывать эту ситуацию образно, заранее извиняясь перед гвинейцами и используя термин «Гвинея» условно. Итак. Приезжает туда «дядя Сэм», а там туземцы бегают в набедренных повязках и стреляют из луков. Он им говорит: «Ребята, вы продолжайте так бегать, я вам в этом мешать не буду. И вообще занимайтесь сами собой. Кое-кого из ваших вождей я, конечно, подкуплю. Но и это не суть дела. Главное – другое. Каждого десятого, скажем, из вас я возьму к себе на рудник, и там он будет добывать сырьевые ресурсы. А я ему за это пепси-колу, западные штаны с красивой наклейкой, а каждому сотому из вас пинг-понг и немецкое пиво, а каждому тысячному – шампанское и лаун-теннис. Поди ж ты плохо?» В самом деле, скажем мы, может быть, «дядя Сэм» и насилует несчастных гвинейцев и навязывает им свой образ жизни, что, конечно, неверно. Но, в любом случае, обратите внимание, в каком-то смысле этого слова он их развивает, качество их жизни пусть для меньшинства, но увеличивает. Теперь вообразим себе то же самое в СССР. Приходит дядя – и что же? Никто не бегают с луком, никто не питается натурально бананами

и не пляшет у костра красивые ритуальные пляски. Все сидят у телевизоров и смотрят западные видеоклипы под прогрессивным надзором Попцова и Яковлева. И грезят, идиоты, американским образом жизни. Ясно, что в этих условиях никакого сырьевого контура не нарисуете и что вначале, перед тем как его рисовать, нужно, чтобы произошла «павианизация», или мощный социальный регресс. Чтобы они забегали. Ну не в джунглях, так на своих огородах. Забыли про телевизоры и всякую прочую чепуху. И оказались где-нибудь там в X или XI веке. Может быть, даже под присмотром сторонников натурального образа жизни и органики, почвы, фольклора. Тоже было бы вовсе не плохо. Но еще бы лучше — какой-нибудь жесткий феодальный режим. Вот тогда можно начать рисовать сырьевой контур, обращаясь здесь к своему гвинейскому опыту. Тогда дядя придет. А кто ему эти условия обеспечит? Разумеется, сторонники «странного курса». А как они это сделают? Вот ведь вопрос. Я об этом думаю, ставя себя на их место. Думаю и не нахожу «технологий». Даже самых наиподлейших. Как выбросить из жизни три четверти населения? Как понизить уровень в 10–12 раз? И как при этом заставить население принять всю эту мерзость? Как заставить людей забыть о том, что они люди, как разрушить цивилизацию? Сложно себе представить. И тут поневоле на ум приходит мысль о псевдоЧП.

Ваша задача, задача «вашего» псевдоЧП, — развалить Россию, обеспечить голод, разруху, гражданскую войну, сокращение и деградацию населения, вывезти оставшиеся ценности, развалить армию, убрать компетентных управляющих с производства, оставить сегодняшнего президента России тет-а-тет с яростью голодных народных масс и т.д. и т.п.

Теперь объясню, почему вам все это не удастся сделать. Вы пленники своего мифа — мифа о «шарикове» и «шариковщине». Народ совсем не таков, каким вы его себе представляете. Вы повторяете ошибки своих предшественников, воспроизводите их схемы и методы. И получите их результаты.

Вот и все.

Заключение

Необходимы терпение и выдержка, организованность и разум, высочайшая политическая культура, умение отвлечься от суеты, от мелкого честолюбия и властолюбия, особенно омерзительного

сейчас, когда страна зависла над пропастью. Всего этого пока нет. Но и времени тоже нет. Осознав масштабы грядущей беды, необходимо объединиться. Все бессмысленные разногласия должны быть отброшены. Все узкие партийные распри прекращены.

Есть только две идеологии – деградации и развития.

Есть только одна цель – борьба против деградации, против опускания народа в «гетто», против тления и смерти, за настоящую жизнь. Если на этом объединимся – то победим.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ

*Доклад, прочитанный на заседании клуба «Постперестройка»
13 марта 1992 г.*

Развитие общества или его деградация.

Строительство государства или его распад.

Жизнь народа или же его смерть

Мы начали свои исследования сразу после так называемого «августовского путча». И тогда же, в первом докладе, изложили свое понимание политического процесса.

Жизнь подтвердила правильность наших оценок. Накал политической борьбы, острота социальных конфликтов, уровень системного кризиса, бесперспективность курса, избранного российским руководством, близорукость западных политиков и экспертов теперь уже очевидны.

Народ вышел на улицы и тем самым поставил ребром вопрос о своих политических правах.

Ответ на этот вопрос был получен 23 февраля. И после этого раскол общества стал свершившимся фактом. Можно обсуждать лишь формы, в которых будет происходить политическое оформление такого раскола. И наш долг сделать все возможное для того, чтобы эти формы были минимально катастрофическими. Но в любом случае такой раскол — это общественная трагедия. Скрывать это бессмысленно. Для каждого из нас это еще и личная трагедия, поскольку, где бы ни прошла линия такого раскола, она все равно обернется горем для многих миллионов людей. Такова ситуация. И таковы могут быть, исходя из нее, темы наших исследований.

Наша основная тема, которой мы занимались все это время и которой будем продолжать уделять самое серьезное внимание, — это анализ химер, созданных советской антиэлитой. Эти химеры

проникли в общественное сознание. Сейчас общество начинает избывать их. И наш долг помочь обществу, ничего ему не навязывая при этом. Вот почему мы исповедуем в этом вопросе строгий аналитизм. Никого не надо пугать. Надо лишь анализировать, предлагать методы для анализа своим согражданам. В этом наш принцип, наше кредо. И мы намерены твердо его придерживаться. Ниже будет дан анализ реформ Гайдара, анализ тех объективных фактов и факторов, которые, будучи рассмотрены системно и комплексно, говорят о том, что данный курс действительно является «странным» — то есть антикурсом, проводимым антиэлитой.

Но мы не можем, тем более в итоговом докладе, концентрировать свое внимание на частностях. «Постперестройка» — это концептуальный клуб, это объединение концептуалистов. Перемывать кости отдельным представителям странного курса не есть задача этого клуба. Правительство Гайдара ругают сегодня слишком многие. И эта ругань для нас, как для концептуалистов, начинает приобретать уже двусмысленный характер.

В самом деле, в народе известен принцип под названием «убрать козу». Может быть, кому-то кажется, что, убрав Гайдара, как ту самую пресловутую козу, можно будет продолжать бесконечно морочить голову обществу. Так вот, наша задача именно в том и состоит, чтобы не допустить этого. Но и уклоняться от анализа сегодняшней нашей реальности мы тоже не можем. Так как же в этом случае нам следует анализировать нашу реальность? Здесь необходимо выделить несколько принципов.

Первое. Необходимо анализировать тот или иной курс, ту или иную политику, ту или иную политическую фигуру лишь системно, в совокупности с тем, что было до нее и что будет после. Вопрос не в Гайдаре. И не в Явлинском. Вопрос в том, какая за этим стоит концептуальная сила и что этой силе можно противопоставить опять-таки в первую очередь, — **КОНЦЕПТУАЛЬНО.**

Второе. Необходимо постоянно предьявлять метод, методологию, инструментарий. Именно это должно отличать и, хочется верить, отличает наш анализ от анализов других школ и направлений. Если мы предложим обществу методологию, позволяющую отдиравать ярлыки, разрушать химеры и добираться до сути, общество будет вооружено. Ему не страшен будет никакой очередной реформатор.

Третье. Необходимо за всеми масками, за всеми «эвфемизмами» политики видеть суть. Необходимо, чтобы все общество перешло от тех или иных политических развлечений к рассмотрению одного главного и единственного принципа, в соответствии с которым обществу и следует определяться. Ни в коем случае не следует увлекаться частностями. Ничего более опасного для сегодняшней политической деятельности нет и не может быть. И все наши усилия должны быть обращены на то, чтобы постоянно возвращать, возвращать и еще раз возвращать общество к сути. А она очевидна.

Главное противоречие, которое отделяет нас от наших политических противников, — это вопрос о судьбе России. Внутри этого вопроса есть одна идея, один принцип, который мы действительно готовы отстаивать любой ценой. Все остальное для нас не более чем рябь. И ВСТУПАТЬ В ДИСКУССИЮ ПО ЧАСТНЫМ ВОПРОСАМ МЫ СЧИТАЕМ НЕ ПРОСТО ВРЕДНЫМ, НО И ОПАСНЫМ. И МЫ ПРЕДОСТЕРЕГАЕМ ОБЩЕСТВО ОТ ЭТИХ ЧАСТНЫХ ДИСКУССИЙ.

Та идея, которую мы отстаиваем, — это идея развития.

Развития личности, общества, человечества.

Главное для нас — это перспективы развития нашего народа, нашего общества, нашего государства. Но мы не прячемся в изоляционизм.

Напротив, мы готовы рассматривать эти вопросы в глобальном и метаисторическом контексте. У нас есть что противопоставить «общечеловеческим ценностям» и «правам человека». И наша главная задача как раз и была в том, чтобы показать, что концептуальная монополия, идея развития находятся отнюдь не только в руках наших политических оппонентов. И только показав это, мы можем считать себя готовыми для настоящей политики. Россия по-прежнему держатель альтернативной идеи развития, альтернативного понимания сути и сущности человека. И раз так, Россия продолжает оставаться супердержавой, что бы по этому поводу ни заявляло военное ведомство США. Потому что сила народа — не в ракетах и танках и даже не в сверхтехнологиях. Сила народа — это сила его идеи. И если она есть, народу есть что отстаивать и на что уповать.

На первый взгляд может показаться странным, что кто-то способен посягнуть на суверенитет народа в том, что касается его понимания идеи развития. На первый взгляд может показаться стран-

ным, что эту идею нужно от кого-либо защищать. Но это только на первый взгляд. На самом деле у нас есть самые серьезные основания предполагать, что война, причем не на жизнь, а на смерть, будет идти по этому и лишь по этому вопросу, и если мы хотим отстоять свое общество и свой народ, то мы должны быть готовы к этой войне XXI века. Наряду с другими и по преимуществу.

У нас есть также самые серьезные основания уклоняться, по крайней мере на этом концептуальном клубе, от споров по частным, пусть даже и очень злободневным вопросам, но вопросам, рассматриваемым замкнуто, в отрыве от концептуального стержня. И эти основания мы намерены предъявить обществу в своем итоговом докладе. Они таковы.

Раскол общества означает приближение гражданской войны. Она становится неминуемой. Или почти неминуемой. Тот ничтожный шанс, который еще остался избежать ее, остановить катастрофу, мы должны использовать до конца. Что нужно для этого сделать? Ответ один — показать, что осуществляемый курс в основе своей, в своем стержне угрожает жизненным интересам всего народа, всех слоев населения.

Курс на деградацию одинаково опасен для всех — для национальной буржуазии, для рабочих и аграриев, для интеллигенции. Пока этот курс выступает под разными масками, ему удастся расслоить общество. Возникает то жупел красного реванша, реванша номенклатуры, то жупел фашистской опасности, то жупел бунта люмпенов против «солидных людей». Все это нужно, чтобы расколоть и по частям уничтожить. Сначала обездоленных, затем интеллигенцию, затем все индустриальное население, включая средний слой и большую часть предпринимательского сословия. И каждый из слоев будет ждать, пока уничтожат соседа, и бояться соседа больше, чем своего палача. На это рассчитывает антиэлита, и очень важно, чтобы она просчиталась. Что же можно противопоставить стратегии «отслаивания», стратегии уничтожения общества по частям? Отвечаем — стратегию интеграции общества на основе идеи развития. Этой и только этой идеи. Крайне опасно подменять ее множественностью псевдоидей. И смертельно опасно делать ставку на реставрацию и реакцию.

Далее, кроме раскола и гражданской войны, возможна еще более страшная вещь — это смута, война всех против всех. Уничтожение обществом самого себя, социальное обрушение. В этом смысле се-

годня опасна множественность псевдоидей. Еще раз: сегодня она опасна, как никогда ранее. Антиэлита строит свою стратегию на stravливании всех и вся. Чем больше будет групп, враждующих между собой по политическим убеждениям, тем ей лучше. Манипуляции, проводимые антиэлитой, основаны на технологии множественных псевдоидей, порождающих множественные псевдоконфликты, лишённые содержания, но безумно острые и болезненные именно в силу своей пустопорожности. Чем больше этих конфликтов, тем больше шансов на победу антиэлиты. Ее главная технология – это информационный, идеологический и концептуальный хаос, сознательно создаваемый, с тем чтобы породить войну всех против всех. Одновременно антиэлита осуществляет отчуждение общества от методологии, позволяющей хоть как-то в этом хаосе разобраться. Отсюда наша стратегия – стратегия противодействия антиэлите.

Ее ключевые моменты:

- примат методологии над всем остальным;
- вооружение методологией широкого идеологического актива населения из числа сторонников (подчеркиваем это!) самых разных партий, платформ и движений. Нам неважно, кто ты по партийной линии. Нам важно, умеешь ли ты видеть и понимать происходящее. Вот и все;
- вычленение одной стержневой идеи – идеи развития и одной антиидеи – идеи деградации. Применение методологии таким образом, чтобы под всеми масками и обличьями была различима сущность – принадлежность к той или иной идее, к тому или иному принципу. Размежевание должно происходить только на этой основе. Все остальное должно быть отброшено.

Дробя проблему на идеи, дробя идеи на идейки, дробя идейки на конкретные «рецептуры» и одновременно делая те или иные группы и группочки адептами тех или иных идей, идейки и «рецептур», антиэлита надеется бесконечно долго держать общество в патовом состоянии. Блокируя тем самым любой осмысленный конструктивный импульс, исходящий от общества и направленный на защиту его коренных интересов – интересов развития.

Отсутствие гражданского общества, предельная идеологизация жизни, превращение сухих, почти бухгалтерских слов и понятий в политические мантры, заряженные энергией кликушества и шаманства, дают проекту антиэлиты шансы на успех. Реализация ее плана означает самопоедание, глубокий социальный регресс.

Этого допустить нельзя. Сорвать же это можно, лишь вычленив действительно ключевые, действительно абсолютные метаидеи и отстаивая именно их, и только их, с тем чтобы возникла структура оппозиции.

Пока что структуры нет. По большому счету и интеллектуальная оппозиция еще только в начале пути. А наблюдаем мы лишь вращение в хаосе политической истерии странных и несовместимых друг с другом микрочастиц.

Еще раз: МЕТОДОЛОГИЯ ПЛЮС ИДЕЯ РАЗВИТИЯ – ВОТ ВСЕ, ЧТО НУЖНО ДЛЯ СПЛОЧЕНИЯ БОЛЬШИНСТВА ОБЩЕСТВА ПРОТИВ СТРАННОГО КУРСА.

Мы утверждаем, что ни один вмняемый политик и просто ни один порядочный человек не может работать сознательно на осуществление курса, в основе которого лежит идея деградации своего народа, своей страны и своего общества. А значит, главное – это доказать, что в основе сегодняшнего курса действительно лежит эта идея. Вот почему мы ведем аналитические разборы. Вот почему мы постоянно предъявляем свой метод, свою методологию системного анализа. Мы стремимся, чтобы ею овладели и чтобы на ее основе могло идти самостоятельное осмысление. Чего?

Мы отвечаем: судьбы своего народа и своего государства. Судьбы своих отцов и своих детей. И здесь для нас принципиально важно, чтобы общественное сознание было предельно сфокусировано лишь на одной идее – идее развития. Если предлагаемый курс ведет к развитию, то неважно, как он называется и что декларирует – капитализм, социализм или нечто третье. Но если курс ведет к обрушению общества, к социальному регрессу, к стремительной деградации, то этот курс преступен. И неважно, какими словами он прикрывает себя. Важно отодрать от него все эти красивые ярлыки.

Важно, чтобы перед обществом появился голый король. И все увидели, что его имя – Смерть. Увидели и ужаснулись.

Одно дело – кучковаться по идейному принципу, тусоваться в соответствии со своими программами и программками. И совсем другое – дать отпор странному курсу, сознавая, что речь идет именно о судьбе. Судьбе своего народа и своих близких.

Еще раз: РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА ИЛИ ЕГО ДЕГРАДАЦИЯ, СТРОИТЕЛЬСТВО ГОСУДАРСТВА ИЛИ ЕГО РАСПАД, ЖИЗНЬ НАРОДА ИЛИ ЕГО СМЕРТЬ – ВОТ ВСЕ НЕОБХОДИМЫЕ ОРИЕНТИРЫ.

ДЯТЛЕРИЗМ⁴⁷

День. 1992. 29 марта

17 марта собрался съезд народных депутатов СССР. Что он сделал? Восстановил СССР? Было бы наивно так думать. То, что он сделал, должно быть рассмотрено с иной позиции, если мы хотим хоть что-то понять.

Приехавшие, несмотря на угрозы ареста, депутаты спасли свою честь, и не только свою. Это еще не политика, но это нечто большее – то, с чего может начаться политика. Мы все помним последний съезд под председательством Горбачева. Помним презренное стадо баранов с дрожащими губами: «сейчас арестуют». Помним первый приступ грядущего дятлеризма (от слова «дятел»), а попросту – стукачества. И другое тоже помним. Помним Сажи Умалатову, спросившую тогда «дятлов»: «Есть ли у вас матери?» Помним Алксниса и Петрушенко. И не по глубине их речей, не по изяществу фраз, а по тому, что у них не дрожали губы. Помним многих других, тех, кто не превратился в дрожащую тварь или «дятла».

Тогда в том зале началось Сопrotивление. Сколько было этих, «недрожащих», тогда? Пара десятков. А сколько нужно для истины?

Семь месяцев спустя их приехало несколько сотен – вопреки угрозам и шельмованию, вопреки статье 64.

Так начинается Сопrotивление: в залах с потушенным светом, при свечах.

Оно начинается с того, что люди вспоминают о чести. Говорить о быдле сейчас удивительно глупо и не ко времени. Говорить о нем надо было намного раньше, когда сытое и сыто кормимое в буфетах съезда быдло покорно принимало решения, разрушительные для го-

⁴⁷ *Статья написана по итогам так называемого VI съезда народных депутатов СССР, проведенного 17 марта 1992 г. в подмосковном совхозе Вороново той частью депутатов съезда V созыва, которая не признала Беловежские соглашения. Съезд избрал Постоянный Президиум (ППСНД СССР) под председательством С.З.Умалатовой.*

сударства и общества. Тогда мы называли их «бандерлоги». Кто не читал «Маугли» — пусть заглянет в Киплинга и ознакомится с тем, как вел себя с бандерлогами некий удав. Правда, похоже?

Теперь приехавшие на съезд показали главное — что они не «бандерлоги», а люди. Политики они или нет — это решится позднее. И, как вам ни покажется странным, это не самый главный вопрос, потому что политиком может быть только человек. Тварь дрожащая политиком быть не может. Приехавшие создали **предпосылки** для своего становления в качестве реальных политиков. Осуществится ли это становление — полностью зависит от них. А 17 марта при свете свечей произошла политическая мистерия. Наивно спрашивать, каковы они, эти «новые старые». Умные или глупые? Прогрессивные или ретроградные? Шахматные гроссмейстеры или наивные новички? А в том-то и дело, что на ваш вопрос есть только один ответ. Какие? — спрашиваете вы. Мы отвечаем — ЖИВЫЕ.

Живые

Живые — это те, у кого есть душа. Ради спасения души приходится жертвовать многим. И народ уже начал осмысленно жертвовать — в Приднестровье, в Москве во время 23 февраля, не принимая присягу и ставя честь выше трехкомнатной квартиры в теплом Крыму. Начинается воскрешение из мертвых — мертвых духом, проклинавших себя и свою историю, мертвых духом, кричавших «Хотим, как у них!» Мертвых духом, аплодировавших, когда на красном флаге — их государственном флаге — подонки рядом со звездой рисовали свастику.

Идет мистерия, а вы лепечете: политика... Номенклатурный переворот... Красно-коричневые...

Проспитесь, родненькие, и протрите глаза. Это Сопrotивление. Это народ.

Невзоров

Невзоров угадал позицию первым, как художник, интуитивно понял ее и сказал о том, что он не политик и никогда не был им. И в эту секунду поступил как политик. И потому что сказал правду, а это политика. И потому, что слово «политика» втоптанно в грязь теми, кто, бия в грудь, называл себя демократами, и теми, кто пытался сыграть на низменных чувствах толпы, кто кричал, что ему нужны миллионы, и оказался этими миллионами отторгнут.

Невзоров понял и сказал главное, спокойно и без истерики. Мы — народ. Мы — граждане, и мы готовы.

Это называют красно-коричневой чумой? Ну что же. Посмотрим, кто называет.

Твари

Страну ведут путем деградации и вроде бы небезуспешно. Но это только на первый взгляд. Дело в том, что пусть страшной ценой, но все же страна приходит в себя. А вот те, кто ее разрушает, разрушаются сами, превращаясь в обычную заурядную тварь. «Тварь» — это даже не ругательство. Это строгий диагноз.

Каждый, кто делает ставку на деградацию своего общества и своего государства, пусть помнит о том, что раньше или позже он станет тварью, и знает, чем ему придется платить. Придется постоянно присутствовать на собственных похоронах. Придется вдыхать запах тлена и понимать, что это собственный запах. Придется, видя гроб и спрашивая, кого же хоронят, слышать в ответ свое имя. Хватаясь за перо с тем, чтобы доказать себе, что «я есть», что «я жив», что «я могу», ему придется ощущать свою импотенцию.

Странная штука — предатель, incapable даже предать, деградировавший деградатор. Странная, но тем не менее более чем реальная.

Вспомним 70-е годы и далее старт перестройки — мыслители, мученики, борцы.

Начало 90-х годов — могло еще казаться, что есть заявка на лидерство, на личности масштаба, соизмеримого с требованиями эпохи.

Год назад — уже понятно, что пьяницы, проходимцы и воры, но шикарные, черт возьми, крутые ребята.

Ну и что же сейчас?

Не только мученик и мыслитель, но и борец, и крупная политическая личность, и даже масштабный вор — все они уходят с их политической сцены. А кто грядет? «Старый новый» по кличке Дятел, знакомый нам по тем же 70-м годам. И нетрудно предсказать, что «дятлы» будут делать в сложившейся ситуации.

Стук-стук

На то он и дятел, чтобы стучать. И какой-нибудь «дятел» по кличке Ленья, получив от своих хозяев «разнарядку на дискредитацию объекта под №...», начнет ее старательно выполнять.

В разрядке несколько пунктов. Ну, к примеру, на меня такая разрядка будет выглядеть так.

1. Отсечь объект от патриотического движения, привязав его к чему-нибудь, особо неприемлемому для патриотов. К какому-нибудь лицу, например, четвертому или лучше пятому, с которым, мол, происходят какие-нибудь тайные встречи. Ну и... армянский вопрос тут тоже не будет лишним.

2. Отсечь объект от коммунистического движения. Приемы аналогичны. Кстати, интересно, решится ли М.Леонтьев когда-нибудь рассказать подробно о поручении, данном ему (и не ему одному) неким высоким лицом, которое рекомендовало представлять меня как черного мага, финансового махинатора и Григория Распутина. Я за него этого делать не собираюсь.

3. Отсечь объект от демократического движения. «Моральный» аспект – «записки в ЦК КПСС» и т.д. и т.п.

4. Дестабилизировать объект.

5. Предложить объекту сотрудничество.

6. Демонизировать объект, используя его «культурные» измерения.

7. Не допустить активного развертывания объектом своей политической программы (основанной на сплочении и идеологии развития). Для этого использовать свою структуру в пределах каждого из движений, с тем, чтобы она «развернула орудия» в сторону объекта и подавила его в кратчайшие сроки.

Такого типа разрядочка (если верить О.Калугину, например) есть на любого, кто представляет опасность для власти. Просто номер будет другой. А значит, сегодня – свой у Проханова, свой у Невзорова и т.д., как в свое время свой номер – у Ельцина, а свой – у Сахарова и т.д. Исполнение подобных разрядок, как мы знаем, например, из того же источника, возлагалось, возлагается и будет возлагаться и впредь на определенный тип «пишущей братии», именуемый «дятлы».

Эх, хотелось бы, ей-же-ей, столкнуться с настоящим противником, сильным, смелым и искренним, и сразаться с открытым забралом – жестко и на высоком идейном накале... Мечты, мечты!.. Сейчас, увы, время «дятлов». И охотиться приходится на них. Приходится, черт возьми. Не то оглохнем от стука!

Война с «дятлами»

Но «дятлам»-то ох как охота, чтобы на них шли войной! Они сразу же получают служебное повышение. А раз так, то я не то чтобы и воюю, а... Стучу на «дятла» его же начальнику! В открытой печати.

Уважаемый господин Я.!

При выполнении вашей разнарядки «дятлами» допущена целая серия грубых ошибок.

Во-первых, в один день оказалось произведено слишком «много стука из ничего». 17 марта 1992 года с испугу долбанули с ходу все «дятлы»

и в «Независимой газете» (см. пункт 6 разнарядки),

и в «Российской газете» (см. п.п. 1, 2, 3... ну, пожалуй, и пятый пункт тоже присутствует),

и в «Вечерней Москве» (см. пункт 4),

и в «Мегаполис-экспрессе» (см. пункт... то ли 7, то ли 6, то ли 3),

и в «Комсомольской правде»...

Бог ты мой!.. Перебор очевиден!

Наша рекомендация — не надо так страшно орать на «дятлов», а то они черт те что наделают, лишь бы вовремя отчитаться.

Во-вторых, в «Российской газете» от 17 марта 1992 года упомянутый выше «дятел» по кличке Леня, так сказать, лидер, прокололся на 244 процента и заслуживает самого серьезного наказания. Налицо неприкрытая халтура при выполнении ваших ответственных поручений. А именно.

Осуществляя мой откол от патриотов (за счет демонстрации моей «вероломности» по отношению к идее Союза), «дятел» Леня обязан был прочитать стенограммы моих выступлений в этой группе начиная с 1990 года. В каждой стенограмме я «союзникам»⁴⁸ открыто говорю, что Союз уже сохранить нельзя и поэтому им надо даже название изменить. И, что характерно, они меня слушают. О механизме такого прокола: в психологии это называется ложной проекцией, в театре — неспособностью войти в образ. А попросту — Леня судит обо всех по себе. Он-то ведь, естественно, в «Союзе» выступал бы за Союз, у Кургиняна — за Кургиняна, у Яковлева — за Яковлева и присосался бы ко всем маткам. И думает Леня, что другие такие же, и меряет всех своей меркой. И, естественно, допускает

⁴⁸ «Союзники» — члены депутатской группы «Союз» (1989–1991 гг.), выступавшей за сохранение СССР как федеративного государства.

сначала ПЕРВЫЙ ПРОКОЛ. А сразу за ним допускает и ВТОРОЙ, производя тем же способом отсечение меня от коммунистов, от «красных». Вновь та же ошибка. Уж сколько я этому движению всяких гадостей про него говорил: и про ленинскую национальную политику, и про его же политику в области государственного строительства, и про его же отношение к конфессиям! Ну и про марксизм мною тоже сказано множество нелицеприятных вещей. Почему я им это все говорю? И почему они злятся, но слушают? Потому что наша общая боль — государство. Наша общая цель — государственное строительство. И этого Леня не понимает.

ТРЕТИЙ ПРОКОЛ — по части демократов. Тут уж совсем смешно. Для одних я и раньше был чертом с рогами, другим это обилие публикаций кажется все более странным, третьи слишком хорошо знают, что такое дятлеризм, а четвертым совсем уже заморочили голову. Что же получается? Что я и Ельцину помогал, и Горбачеву, и Бушу, и летающим тарелкам? Что в общем-то я один все делал: всю перестройку, всю контрперестройку, ну и вообще, по-видимому, все на свете. В этом кроется некий абсурд, который начинают осознавать даже очень «упертые» демократы. Потом в конце концов становится интересно: надо бы прийти послушать, и есть куда... А там уже срабатывает эффект личного контакта.

И получается, что Леня собирает мне публику в чужих, недоступных мне напрямую печатных органах и за чужие деньги. Как в таких случаях говорят — «двойной дятел». И, наконец, ЧЕТВЕРТЫЙ, САМЫЙ ГЛАВНЫЙ ПРОКОЛ: предлагая мне контакт в скрытом виде, Леня допускает страшный промах, ибо вскрывает в самый необходимый для нас момент весьма важную тему, причем в центральной «Российской газете». И здесь необходимо принять эту подачу и полностью ее отыграть, **поскольку речь идет уже не о стратегии дискредитации Кургиняна или кого-нибудь другого из лидеров политической оппозиции. Речь идет о большой политике. Той, без которой победа на поле чести может не дать результатов в вопросе о реальных судьбах реальной страны.** И, публикуя мой документ 17 марта 1992 года, Леня не только демонстрирует свой дятлеризм, он еще и крупно подставляет вас, уважаемый господин Я., актуализируя вопрос о реальных перспективах строительства государственности на Евразийском континенте. Сегодня это самый главный вопрос, и **для вас крайне важно, чтобы он был закрыт.** Но Леня этого не понимает, ибо он «дятел».

Новое государственное строительство

В чем состоял мой план государственного строительства, изложенный в той аналитической записке, которую так своевременно процитировал Леня? Кстати, если бы этой цитаты не было, я не стал бы Лене отвечать, поскольку на каждый чих, как известно, не наздравствуешься. Но тут с подачи Лени фактически процитирована та самая конструктивная программа, в отсутствии которой обвиняются сторонники СССР. Так что же я предлагал в марте 1990 года и что предлагаю теперь?! Фактически то же самое, и Леня это фиксирует в своей крайне своевременной публикации. Итак, предлагается мною:

первое — тройственная уния между славянскими народами (Россия, Украина и Белоруссия). Еще раз — **уния**, а не какое-то странное содружество;

второе — федерация славян с тюрками. Опять-таки — **федерация**, то есть форма единства даже более сильная, чем та, которая была до 1985 года;

третье — конфедеративная достройка с присоединением к славяно-тюркскому союзу других субъектов, после того как ядро уже создано. Если другие субъекты хотят входить в ядро — милости просим, двери открыты, но тогда никакого права на отделение — забыть об этом отныне и навсегда;

четвертое — отделение с жестким выставлением претензий всем остальным субъектам прежнего Союза. Я уже неоднократно говорил, что это для них самое страшное, а танки в Литве и штурм телебашни — помощь Ландсбергису и его режиму.

Для не понимающих термины еще раз объясню, что **уния** — это унитарное государство, **федерация** — объединение без права на отделение, **конфедеративная достройка** — это большие полномочия одной из частей единого государства, но не право этой части входить и выходить, когда ей заблагорассудится, создавая государственный хаос. И не так уж глупо была устроена в этом смысле **Российская империя** с ее царствами, эмиратами, княжествами и т.п.

Итак, не реставрация, а создание гибкой, многомерной структуры. Вот в чем идея.

И Ельцин, и Горбачев добивались невозможного — создать одинаковые условия для всех, обеспечить один и тот же уровень интеграции, не создавать структурно-функциональной дифференциации. Это ошибочно, и мы уже объясняли им, почему, начиная с 1990 года.

У евразийских субъектов слишком велик **разброс интересов** и, главное, слишком сильно **различаются типы культур и степень культурно-исторической близости**.

Какое отношение к этому имеет пресловутое СНГ, которое вообще не является государством?

Мы предлагаем строительство великого государства в Евразии, единого и неделимого, еще более великого, чем его не лишенный величия предшественник.

А что же предлагаете вы? Может, «украдете» нашу идею? Что ж, попробуйте. Мы были бы рады. Мы ведь не портфели себе «нарабатываем». Но, если не можете, если можете лишь разрушать, не разблачайтесь с таким бесстыдством и уймите «дятлов», которые вас замарают **уже окончательно**. Это моя последняя «рекомендация» господину Я. Хватит.

17 марта 1992 года произошло следующее:

государственники вернули потерянную честь;

народ встал на путь борьбы с «вашизмом» и дятлеризмом;

делегитимировано и без того нелегитимное СНГ;

возвращено понятие «центр» в его позитивном смысле — как воля к единству народов и политиков, выражающих их интересы;

закреплено единство объединенной политической оппозиции;

открыты перспективы для нового государственного строительства.

Сторонники Союза требуют соблюдения законности в ключевом вопросе — о правопреемстве;

заострен до предела вопрос о концепции России, тот вопрос, которого избегают «вашисты», которого боятся они как огня.

Ключевое — вопрос об СНГ. Крайне важно было объявить эту конструкцию незаконной, фиктивной и теперь уже просто трагикомической. Эту задачу съезд решил, а митинг закрепил в сознании населения. Что теперь? Назад в Союз? Это ловушка. Реставраторство обречено. Но оно имеет реальные альтернативы. Возможен третий путь. Восстановив правовую основу, подорванную СНГ, мы будем строить новое великое государство.

СТУЧАТ «ДЯТЛЫ», И ПУСТЬ ЭТОТ СТУК СКОЛАЧИВАЕТ НАРОДНОЕ ЕДИНСТВО. ЕДИНСТВО СТРОЯЩИХ НОВОЕ ГОСУДАРСТВО И НОВУЮ ЖИЗНЬ. ПУСТЬ «ДЯТЛЫ» ПОМОГАЮТ НАМ ПОБЕДИТЬ.

У ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТЫ

Меморандум о возможном примирении конструктивных сил России

Советская Россия. 1992. 18 июня;

Хозяин. 1992. Июнь. № 25

Системный кризис на территории бывшего СССР стремительно набирает обороты. Ситуация уже не контролируется так называемой властью. Перманентные революции, парламентские кризисы, вооруженные восстания — все это свидетельствует о том, что мы на пороге крупных потрясений. Это в особенности касается того субъекта геополитического процесса, который мы называем Россией. Условность этого названия во многом определяется тем, что историческая Россия никоим образом не укладывается в границы бывшей РСФСР. И тем не менее мы будем говорить о России в этих границах, оговорив при этом условность такого понятия. Итак, о России.

Именно здесь зреет наиболее острый и крупномасштабный конфликт, который в ближайшее время уже не сможет найти своего разрешения без применения всех тех политических технологий, которые неоднократно ставили нашу Родину на грань небытия. Я имею в виду гражданскую войну, революцию, диктатуру. Всего этого можно было бы еще избежать, однако лимит исторического времени, отведенный для мирного разрешения назревших проблем, на исходе.

Сознавая, сколь малы сегодня шансы на разумное разрешение российских проблем и сколь накалены политические страсти, я тем не менее обращаюсь ко всем политическим силам, сохраняющим разум и не приемлющим насилие как метод решения политических проблем, с идеей пакта о примирении. Подобный пакт следовало подписать еще в начале этого года, однако его подписание было сорвано преступной политикой нынешней власти и так называемой демократической прессой, провозгласившей «охо-

ту на ведьм» и наградившей своих нормальных политических оппонентов позорной кличкой «красно-коричневые». Тем самым власть продемонстрировала нежелание мирным путем урегулировать политический конфликт. Теперь она пожинает плоды своего безумия.

Но поскольку вместе с нею эти плоды придется пожинать многострадающему народу России, я считаю необходимым сделать последний шаг к разумному политическому примирению. Оно возможно, на мой взгляд, на основе принятия основных условий гражданского мира и принципов реформирования нашего общества.

I. Все те политические силы, которые вели страну определенным курсом начиная с 1985 года, должны признать, что этот курс при всех его благих намерениях, обернулся для страны национальной катастрофой. Они не должны валить вину друг на друга, шараться из стороны в сторону, отмежевываясь от тех или других элементов этого курса, противопоставляя разные его этапы друг другу и затевая малопрстойные потасовки между собой. Они должны уйти все вместе, уйти, честно признав вину перед своими согражданами. Взамен на это им должна быть гарантирована личная неприкосновенность, свобода передвижения, отсутствие ущемления в гражданских и политических правах, преследований. Им может быть гарантировано даже (в случае, когда это не связано с абсолютно криминальной деятельностью) сохранение их экономического статуса и личного благополучия.

II. Помимо личных гарантий речь безусловно должна идти о гарантиях политических. Необходимо гарантировать не только сохранение существующих политических свобод, являющихся единственным завоеванием последних лет, завоеванием, которое теперь находится под угрозой. Необходимо обеспечить дальнейшее расширение политических свобод, проведение полномасштабной правозащитной реформы, обеспечение равных условий для прессы всех направлений, гарантированное право всех оппозиционных сил на доступ к средствам массовой информации, и прежде всего к радио и телевидению. Необходимо обеспечить дальнейшее развитие принципов демократии. Тем самым будет обеспечена реализация на практике тех декларировавшихся принципов, которым поверил народ и от которых сегодняшняя власть сама отказывается во имя сохранения своего статуса и связанных с ним корыстных интересов.

III. Субъектом национального примирения должно стать временное коалиционное правительство, включающее в себя представителей основных реально существующих и действительно влияющих на жизнь общества политических сил. А именно — демократов, не запятнавших свою честь сотрудничеством с антинародным курсом, передовых и прогрессивно мыслящих патриотов, коммунистов, ориентированных на развитие страны, а также преданных национальным интересам руководителей промышленности и сельского хозяйства, фермеров, предпринимателей, банкиров, лидеров профсоюзов, ученых.

IV. Основные, безусловные идеи, которые временное коалиционное правительство должно реализовать в своей деятельности, таковы.

1. *Опора на внутренние ресурсы страны.* Это диаметрально противоположно предшествующей ориентации на помощь Запада. Не следует бросаться из крайности в крайность и переходить от полной открытости к политике изоляционизма, но необходимо четко обозначить то безусловное обстоятельство, что попрошайничество, иждивенчество, паразитизм не есть путь к реальному экономическому сотрудничеству. Не деньги Запада должны обеспечивать политическую стабильность, а политическая стабильность должна стать предпосылкой равноправного сотрудничества России со всеми странами мира.

2. *Ликвидация черных дыр.* Необходимо объявить войну преступности и коррупции. Прекратить порочную практику отмывания теневой экономики, перестать уповать на вчерашних воров и преступников как на завтрашних хозяев капиталистического рая. Именно этот принцип был положен в основу курса и Горбачева, и Ельцина. На роль социального лидера и главного субъекта хозяйствования ими был выдвинут мафиозный слой, который как раз и привел страну на грань гибели! Под аккомпанемент красивых слов об антикоррупционных комитетах и борьбе с организованной преступностью проводилась и продолжает проводиться политика огосударствления мафии. Все реформы последнего семилетия, вся логика политических действий так называемых «реформаторов» и демократов как раз и привела к тому, что мафия подменила собой гражданское общество, а демократические движения стали выразителями ее интересов и институционализировали ее господство. Совершенно очевидно, что сегодняшний «властный субъект», как и его «предшественник», не может и не хочет бороться с мафиизацией общества. Что, опершись на мафию в своей политической деятельности, он стал в высшей степени зависим от оной, превратившейся при его попустительстве в силу,

грозящую уничтожением обществу и, в конечном счете, общечеловеческой катастрофой. Надо отчетливо осознать и недвусмысленно признать, что в условиях господства мафии никакие экономические реформы и никакие инвестиции Запада не спасут страну, ибо она превратится в «черную дыру», в некую прорву, поглощающую любые ресурсы с нулевой эффективностью для общества.

Необходимо признать чрезвычайность сложившейся ситуации, требующей особых мер, адекватных этой чрезвычайности. Именно сочетание политических гарантий и «драконовских», чрезвычайных законов, направленных на пресечение хищений, коррупции и воровства, — это предпосылка любого реформирования общества и экономики. Не вызывает сомнения, что такой подход встретит сочувствие и поддержку в народе. Но столь же очевидно, что его реализация требует ухода с политической сцены тех сил, которые своей деятельностью обеспечили огосударствление мафии.

3. Конструирование точек роста. Если мафиозные структуры работают на уничтожение национального богатства страны и без их радикального блокирования невозможно выживание нации, то путь к ее процветанию лежит через поддержку таких структур, которые способны наиболее быстро превращать ресурсы в необходимую обществу продукцию, обеспечивая тем самым выход из глубокого коллапса, в котором сегодня находится вся национальная экономика. Конструирование точек роста означает переход от монетаризма к структурализму, от якобы органического развития к социальному конструированию. Он означает столь же коренное изменение принципов политики, проводившихся до последнего времени. Это изменение требует нового политического субъекта. Заявляя о точках роста и их целенаправленном конструировании, мы тем самым круто меняем курс. Но это вовсе не означает возвращения к так называемой административной системе. Напротив, именно отсутствие такого конструирования вскоре приведет к тотальному администрированию, которое заменит тотальный хаос.

Нельзя этого допустить. Ибо это означало бы реакцию и реставрацию в худшем их виде. Противопоставить такому развитию событий необходимо не заклинания и не поиск врагов, а радикальное действие.

Необходимо не только провозгласить наличие ресурсов, но и указать способы их концентрации и эффективного использования, выявить главный субъект хозяйствования, способный предотвра-

тить хаос и падение национального производства и обеспечить его дальнейший рост и эффективное использование имеющихся ресурсов. Общеизвестно, что таким субъектом во всем мире являются крупные корпорации — основа экономической структуры любого современного хозяйства. Мощный госсектор и крупные частные корпорации в сочетании со средними и мелкими частными предприятиями — залог выполнения основного принципа любой экономической реформы. А именно, соблюдения «золотой середины» между стабильностью и инновациями. Структурализм в экономике не означает возврата к старому. Он обеспечивает действительное преобразование хозяйственных отношений в противовес разрушительным утопиям монетаристов.

4. Конструирование среднего класса и активной деловой среды на основе частной собственности. Только в комплексе с предшествующими мерами создание такой среды действительно возможно без обрушения всего народного хозяйства и катастрофического падения производства. Но и в этом случае подобное конструирование должно происходить на основе безвозмездной передачи части средств производства и земельного фонда в руки всего населения страны на равноправной основе.

Речь идет о безвозмездной передаче населению не менее трети общенационального богатства. Таким образом от разговоров о «стольпинской реформе» и создании национального предпринимательства следует перейти к делу. Всем, кто верит в свою способность заниматься бизнесом, всем, кто видит себя действительным предпринимателем, работающим на интересы общества, должны быть предоставлены равные стартовые возможности. Только это предотвратит гражданскую войну и бесконечные распри вокруг национального достояния.

Принцип таков. Создается фонд приватизированного имущества, составляющий треть национального богатства страны. Каждый гражданин страны имеет право на облигацию, составляющую его долю в этой трети национального богатства. Работающий в рыночном секторе имеет право выкупа в частную собственность имущества, эквивалентного стоимости его облигации. Работающий в государственном секторе получает право на акции в этом секторе, отвечающие стоимости его облигации, или же на приобретение адекватного его облигации частного имущества. Этим вопрос должен быть закрыт, и никакие переделы собственности уже не должны допускаться.

5. *Социальная справедливость.* Этот принцип необходимо сохранять в том виде, в каком он существовал в предшествующий период, то есть до 1985 года. Бесплатное образование, здравоохранение, социальное страхование, высокие субсидии в сферу рекреации людей, включая культуру, отдых. Бесплатное жилье. Эти принципы должны быть гарантированы каждому гражданину страны, что вовсе не означает их безальтернативности. Если частный собственник желает построить частную школу и в этой частной школе, на свои частные деньги, осуществлять образование по своей программе, отвечающей интересам обучаемых, то это его право, как и право обучаемых. Но каждому члену общества должны быть гарантированы равные возможности приобретения интеллектуального капитала, профессиональных знаний, развития творческих способностей, приобщения к высокой культуре, наличия нормальной среды жизни и отдыха. Вне сохранения этих прав, являющихся, как мы видим теперь, действительными завоеваниями нашего общества, социальный мир невозможен, как невозможно и развитие нашего общества.

б. *Конструирование политических институтов и механизмов переходного периода.* Внутри переходного периода выделяются три стадии. Первая – блокирование процессов нарастающего коллапса. Вторая – стадия социального конструирования. Третья – обеспечение роста. На каждой из этих стадий существует адекватная ее задачам система управления.

Даже на первой стадии никакие чрезвычайные положения не нужны. Все чрезвычайные меры могут и должны проводиться под контролем существующих законодательных органов, но в режиме чрезвычайных полномочий временного правительства.

На второй стадии должна произойти институализация политических интересов различных секторов строящейся многоукладной экономики. Сфера хозяйственных решений передается под контроль самих субъектов хозяйствования. Речь таким образом идет о прямой экономической демократии. Решение о производстве принимает сам производитель.

Наконец, на третьей стадии могут быть осуществлены политические реформы, адекватные уже построенному корпоративно-синдикалистскому обществу. Гражданский мир между национальным предпринимательством и трудящимися, согласование интересов крупнейших корпораций будут служить основой социальной стабильности. Классические западные институты вряд ли могут быть сформирова-

ны раньше начала XXI века, и трудно сегодня определить, насколько они будут соответствовать требованиям новой эпохи. Но в любом случае политические права и гарантии против тоталитаризма будут обеспечены лишь после того, как возникнет многоукладная экономика и начнется реальный экономический рост. Поэтому предлагаемые принципы и являются не на словах, а на деле реальной гарантией защиты демократии и прав граждан.

7. Традиция и прогресс. Сколь эффективно мы ни проводили бы реформы, сколь сильно мы ни защищали бы наши завоевания, мы все равно столкнемся с серьезными издержками на пути к национальному возрождению. Безболезненное преодоление этих издержек возможно лишь при апелляции к СМЫСЛАМ, ЦЕЛЯМ И ЦЕННОСТЯМ, лишь при создании такого духовного климата, который позволит апеллировать не только к количественным, но и к качественным показателям жизни. Без этого реформы в России будут обречены на провал. Необходимы возвращение народа в Историю, снятие разрывов в историческом времени, ликвидация садомазохизма, доминирующего сегодня при анализе нашего прошлого. Никакой апологетики и никаких обличительств! Разумный взвешенный историзм, соединяющий три периода в жизни нашего общества: тысячелетний российский опыт, 70 лет советской истории и последние годы. Союз трех сил, представляющих конструктивный субъект политической власти, как раз и должен обеспечить единство времени и пространства. А обращение к традиционной для российского общества духовности, к идеалам высокого служения, к духу нашей культуры и религии должно стать стержнем государственной политики отныне и навсегда. Вне этого нет и не будет ни реформ, ни России. Ошибкой предшествующих реформаторов во все периоды российской истории был отрыв традиций от прогресса. Если мы хотим действительных реформ, мы впервые за всю российскую историю должны предъявить содержательный синтез.

Мы можем и должны это сделать. Я призываю все силы, которым дорог гражданский мир и национальное возрождение, немедленно приступить к переговорам на основе данных принципов и условий. Еще несколько шагов в сторону взаимной конфронтации — и будет поздно. Еще несколько попыток правительства конвульсивно цепляться за уходящую власть — и никто уже не будет искать согласия и примирения, в том числе и автор этого меморандума.

ОТВЕТНОЕ ДЕЙСТВИЕ

Меморандум клуба «Постперестройка»

Наш современник. 1992. №7

События последнего времени еще раз показали, что власти нет. И что сегодняшние псевдоструктуры никаких серьезных проблем решать всерьез не намерены. Преобладают мелкие дрязги, заботы о сиюминутной конъюнктуре. Хаос нарастает. Положение стремительно ухудшается. Одновременно подлые, жалкие и суесловные разговоры о «помощи» иностранных войск в решении российских проблем — вот последний писк демократической моды. Дальше — тишина.

Но если бы речь шла лишь о бессилии и низости нашего нового истеблишмента. Не надо иллюзий! Неадекватностью поражен вовсе не он один. Ситуация в нашем обществе такова.

Первое. Нельзя сказать, что российский парламент полностью воспроизводит все дефекты союзной структуры, приведшие к ее самороспуску и гибели союзного государства. Но сходство есть. И это необходимо признать. Сходство состоит в том, что становление сознания и воли парламента происходит в неизмеримо более низком темпе, нежели разрушение российского исторического бытия. Мы наблюдаем все ту же «крепость задним умом» — медленное и неполное осмысление уже произошедшего. Это равносильно политической смерти. Для жизни нужно другое: опережающее реагирование на то, что неминуемо произойдет. Этого нет. Господствует логика полумер. Вот портрет нашей законодательной власти.

Второе. Исполнительная власть — это либо банальная бюрократия, привычно одержимая взяточничеством, либо исполнители злой воли, того самого плана деструкции, о котором мы будем говорить ниже, либо хотя и честные, но потерянные (в полном смысле этого слова!) управленцы-государственники, которые по тем или иным причинам **ни к кому не примкнули**. По отношению к этому сплаву разнородных элементов слово «власть» неупотребимо.

Третье. Предприниматели, по всей видимости, смирились с неминуемым поражением и готовы повторить судьбу Терещенко, Львова и Рябушинского. Властью они быть не могут и **не хотят** (!). Ничего комичнее так называемой «партии предпринимателей», еще одной разновидности ДДР, просто не может быть. **Обновленцы обречены на провал.**

Четвертое. Политики, лидеры оппозиции (патриотической и неокommунистической, консервативной и либеральной) как будто скованы параличом. Назревает самое худшее – раскол красных и белых патриотов и коммунистов. Противодействие этому расколу невысказано без того, чтобы политические шоры, идеологические штампы не были выброшены на свалку истории. **Возможно, это сегодня самая главная политическая задача.**

Пятое. Интеллигенция пребывает в позорной панике, в маниакально-депрессивных конвульсиях. Она уже просто смешна со своими ничтожными разглагольствованиями и раздутыми претензиями. То, что мы видим с экрана, читаем в газетах, слышим с трибун, по большей части может быть классифицировано лишь в терминах патополитологии и отнесено к категории «агонизирующего сознания».

Шестое. Пример Приднестровья продемонстрировал всей стране, что армия превратилась (по крайней мере **в большей части своей!**) в никчемное общество потребителей. Бабье в погонах занято лишь социальной защитой самих себя.

Седьмое. Повальное воровство охватило широкие слои общества. Как никогда ранее так называемый «мидл-класс» и даже самые низы общества одинаково побуждаются к воровству, то есть сознательно растлеваются. (Что не снимает с них ответственности за происходящее. Вопрос об участии и неучастии в бале воров каждому придется решать перед лицом своей совести.)

Таким образом, **налицо все симптомы распада и деградации общества.** Говорят, что ельцинские реформы хороши для 10 процентов населения. Но это в лучшем случае полуправда.

Действительная правда о нашей сегодняшней жизни такова. Общество вступило в последнюю стадию системного кризиса – стадию самопожирания. Агрессивные элементы системы, которые почему-то называются «социально активное меньшинство», запрограммированы на выживание за счет съедания самой среды своего обитания. Они действительно чувствуют себя хорошо, потому что есть пища. И они поглощают эту пищу с невероятной жадностью. Но вскоре выяснится, что съе-

денными оказались, образно говоря, печень, сердце, легкие, мозг нации. Среда рухнет мгновенно и неожиданно для большинства пожирателей. Это будет напоминать обрушение источенного червями старого здания. Вопль червей о том, как хорошо они живут, в недалеком будущем сменится воплем их ужаса и паническим бегством в иную среду обитания. Но убегут не все, не надо иллюзий. Убегут не 10 процентов населения, а несколько сотен наиболее продвинутых, жирных, прожорливых и знатных червей. Вот наш прогноз и наш диагноз происходящего.

Отсюда и наша идея **ответного действия**. Мы предлагаем свой меморандум. Он является итогом длительной совместной работы. Нам представляется возможным объединить на его базе то, что мы называем контрэлитой — людей, способных вовремя осознать масштаб происходящего и действовать на уровне исторических требований. Такое **собирание** контрэлиты необходимо начать немедленно. Сегодня поздно спорить об убеждениях. Идеологические пристрастия необходимо отбросить. Более того — необходимо переступить даже через так называемые «классовые» интересы. Задача номер один — совместными усилиями дать отпор тем силам, которые сознательно и безжалостно реализуют **программу** уничтожения государства и общества. Такие силы есть. И такая программа тоже есть. Это не пустые слова. Сознавая ответственность подобного заявления, мы беремса доказать свою правоту. Доказать ее людям разной идеологии и разного социального статуса.

1.

Когда заявляется о том, что «курс реформ», осуществлявшийся Горбачевым, завершен с его уходом, то это либо обывательская наивность, либо откровенная ложь. Никакой разницы между курсом Горбачева и курсом его преемников не существует. Меняются только слова и лица. Суть остается прежней.

Когда заявляется о том, что правительство Гайдара не имеет стратегии, то это опять же либо наивность, либо сознательное желание скрыть от общества действительное положение дел. Стратегия есть. План есть. Что касается Егора Гайдара, то он лишь один из заурядных исполнителей одного из заурядных фрагментов этого плана.

Когда заявляют, что курс Гайдара плох тем, что его автор недостаточно компетентен и что поэтому надо сменить политических игроков, сохраняя те же правила игры, то это означает очередное лукавство.

За счет ничего не значащих перетасовок теньевые лидеры хотели бы сохранять как можно дольше некий непредъявляемый обществу план игры – игры бесчестной, шулерской, антигуманной. Такой план есть. Специалисты называют его «Д-план», или же «План трех Д»: деградации, деструкции, дегенерации. Деградации – поскольку большинство населения обрекается этим планом на нищету и вырождение. Деструкции – поскольку государство Российское в ходе реализации этого плана должно быть ликвидировано. Дегенерации – ибо этот план предусматривает такое воздействие на общественное сознание, при котором разрушение его неизбежно, а значит, неизбежна социальная дегенерация.

Естественно, что подобный план скрывают от общества под завесой красивых слов и патетических жестов. Но этот номер уже не проходит с тем успехом, с каким он проходил даже полгода назад. Все чаще задаются вопросы, в самом ли деле нет концепции или же ее прячут от общества? Почему мы слышим лишь новые идеологические призывы? Почему не прекращается поиск «врагов»? Почему, взяв власть, ведут себя так, как будто находятся в оппозиции?

Ответ один: действительная стратегия, настоящие цели, конкретные меры по их реализации настолько противоречат коренным интересам большинства населения, что их нельзя открыто предъявить обществу.

«Д-план» направлен против всех народов России, против всех слоев ее общества. И если бы они могли, заглянув на год вперед, увидеть, какова их судьба – общая судьба, что ждет завтра и тех, кто сегодня еще наслаждается благами жизни, и тех, кто уже находится в преддверии голода и нищеты, они бы объединились.

Нации и народности, национальное предпринимательство и «управленцы», аграрии и ученые, большинство рабочего класса и рабочая аристократия – все являются заложниками и потенциальными жертвами этого плана. Им всем поочередно предназначена социальная смерть.

Политики с самой различной ориентацией должны наконец осознать главное – что их дурачат, считая (и не без некоторых оснований) людьми, мягко говоря, недалекими. Сегодня, когда в который раз они с радостью услышали красивые, но пустые слова, мы опять же – в который раз! – предупреждаем их, что все эти слова – блеф. А на деле – будут размыты и спрятаны под все то же «сукно»

все конструктивные инициативы, будут подавляться любые проявления воли к действительному государственному строительству, к спасению рушащейся экономики и деградирующего общества. Это происходило, это происходит и это будет происходить не в силу чьей-либо некомпетентности, а, напротив, в силу высокой, но деструктивной компетентности, в силу того, что никакие (!) проекты государственного строительства и никакие (!) проекты оздоровления экономики и социальной сферы попросту не нужны. Они несовместимы с «Д-планом», с планом деструкции.

И наоборот, для успеха «Д-плана» крайне желательно, чтобы все политики как можно больше грызлись друг с другом из-за ничего сегодня не значащих мелочей, чтобы их удалось сделать за счет этого управляемыми, покорными и «пластичными».

Наши противники уже сейчас уверены в том, что им это удастся. Они давно уже не считают российских политиков за людей, презирают их и не рассматривают как реальную силу. Пора доказать, что это не так, и, расставив точки над «i», **назвать вещи их настоящими именами.**

«Д-план» — не блеф, не жупел, с помощью которого мы хотим дискредитировать оппонентов. Это политическая реальность. Это — серьезно. Сегодня этот план уже не слишком прячется даже от советского общества. И его уже практически полностью перестали скрывать за пределами нашей страны. Тем больше у нас оснований описать его во всех ему свойственных качествах, развернуть его во всех измерениях.

В плане философском — «Д-план» базируется на двух основных идеях. Это **так называемые «общечеловеческие ценности»** в их сегодняшнем виде, означающие беспредельный диктат позитивистской науки, и **так называемые «права человека»**, отчуждающие на деле все действительно человеческие права и провозглашающие абсолютный суверенитет личности — весьма двусмысленную в религиозном и этическом плане идею.

Оба эти понятия достаточно абстрактны и размыты. Их трудно воспринять людям, занятым практической, хозяйственной, трудовой, предпринимательской и даже научной деятельностью. Поэтому данные идеи воспринимаются нами зачастую поверхностно, наивно. Мы отмахиваемся от них, как от пустых абстракций. Мы не сознаем, что за ними кроется. И — делаем при этом самую серьезную политическую ошибку.

На деле эти идеи, эти два принципа давно уже являются предметом острейшей политической дискуссии во всем мире. Эта дискуссия идет не только между Востоком и Западом, **ею пронизана вся мировая история**. И крайне важно понять, что вплоть до 1985 г. у этих идей не было никаких шансов на гегемонию.

Дело в том, что на этих идеях строится определенный геополитический проект — проект нового мирового порядка. Этот проект не может быть реализован вне этих двух идей, он мертв, если эти идеи не имеют статуса абсолютной истины. Приобретение ими такого статуса означает придание проекту нового мирового порядка безальтернативного характера. Это, в свою очередь, можно было осуществить лишь устранив с арены своего единственного (на государственном уровне) серьезного мировоззренческого конкурента — Россию. Именно в России в течение многих веков формировалась и продолжает формироваться иная версия планетарного развития, иная модель гуманизма, альтернативная той, которая базируется на «правах человека» и «общечеловеческих ценностях» в их сегодняшнем ультралиберальном западном понимании. И именно для России развертывание западного ультралиберального проекта на ее территории — это **САМОУБИЙСТВО!**

Осознавалась ли самоубийственность такого шага теми, кто его пытался и пытается осуществить? Мы говорим: безусловно, да. Осознавалась и осознается сегодня. И тем не менее этот шаг делается. Он крайне опасен, и важно понять, что речь идет не о пустых абстракциях, а о реальной судьбе России.

В 1917 г. разрабатываемая Россией модель гуманизма была трансформирована в коммунистическую.

В 1985 г. началась дискредитация коммунизма, перешедшая затем в иступленное, истерическое его шельмование. Вопрос сегодня не в качестве коммунистической идеи. Вопрос в другом: почему с такой силой эта идея была атакована? Сегодня двух мнений в этом вопросе не может быть. Сегодня всем уже очевидно, что атака на коммунизм нужна была лишь для того, чтобы **лишить Россию ее идентичности**, убрать ее в качестве тысячелетнего мировоззренческого конкурента.

Все только началось атакой на коммунизм. А кончится вторым, на этот раз весьма и весьма специфическим, «крещением Руси». В этом и состоит мировоззренческая задача «Д-плана», в этом сходство его со всеми планами подобного рода, начиная с планов Тевтонского ордена.

«Д-план» изначально базировался на том, чтобы подавить всякие попытки России восстановить свою идентичность, хоть на что-то опереться в своей истории. Его задача — разорвать историческое и социальное время, заблокировать процесс самовосстановления. Еще раз спросим — **ради чего?**

В плане геополитическом — восхваление универсального, безальтернативного проекта цивилизационного развития, основанного на «общечеловеческих ценностях» и «правах человека», оборачивается не только диктатом нового мирового порядка. Оно оборачивается экспансией проекта «Север—Юг», предполагающего развитие ряда стран, входящих в мировую элиту (так называемый «Север»), за счет бесконечной деградации всех остальных стран и народов (так называемый «Юг»).

От «общечеловеческих ценностей» и «прав человека» — к новому мировому порядку. От нового мирового порядка — к модели «Север—Юг». Не правда ли, далеко не безопасная «траектория»?

Каково же будет в модели «Север—Юг» место России? Почему никто не отвечает на этот вопрос? Должны ли мы говорить лишь о безнравственности этого проекта по отношению к большинству человечества и рассчитывать тем не менее на некий «гешефт»? Якобы получаемый Россией в обмен на согласие на «геополитическое» правительство и мировоззренческое самоубийство. Или же место России — в самом «низу» этого пресловутого «Юга», то есть фактически в небытии?

Мы утверждаем, что «Д-план» нацелен именно на второй вариант, связанный с умерщвлением России. И наше утверждение не голословно.

В самом деле, что означает вброшенная в первые годы так называемой перестройки и не теряющая поныне своей актуальности фундаментальная идея, согласно которой мы будем все разрушать «революционно», а строить не будем, предоставим все «живому творчеству масс». (Теперь это называют «дремлющими силами рынка» или «невидимой рукой». Суть от этого не меняется.)

Эта беспрецедентная идея, которую никто пока не опроверг, означала и означает запланированный социальный регресс всей евразийской макропопуляции и особенно этносов славяно-тюркской группы. Социальный регресс, моделируемый подобной оригинальной схемой проведения преобразований на территории Евразии и, прежде всего, на российской территории, предполагает

отбрасывание России и ее соседей на тысячелетие назад, создание на этой территории своего рода резерваций, социальное, а возможно, и физическое умерщвление ее ключевых этносов.

«Д-план» равносителен национальной измене и преступлению против человечества. Что, кстати говоря, не противоречит и объективной реальности, данной нам в ежедневных ощущениях надвигающейся Большой Беды.

Мы никоим образом не хотим замыкаться в высоких теоретических эмпиреях. Но мы не хотим позволить нашим противникам считать нас полными профанами и кретинами, не понимающими их «птичий язык». И потому — продолжаем.

В плане социальной теории. Идея безальтернативности так называемого «западного» проекта имеет далеко идущие цели. Она, подобно кличу тевтонских рыцарей, освящает силовое и экономическое давление, право навязывать свою модель всем остальным странам и объявлять невеждами и дикарями всех, кто отказывается этой модели следовать.

Но идеи — мало. Нужны конкретные «социальные технологии». И они тоже входят в «Д-план».

Для технологически грамотного разрушения иных, противоречащих «западным», культурно-исторических основ бытия стран, народов и наций, идущих своими путями, построена так называемая «теория модернизации». Мы утверждаем, что вся перестройка, осуществляемая в СССР, производится по калькам, снятым с этой модернизационной теории, составляющей социальную компоненту «Д-плана».

Так называемая модернизация может, как известно, быть нескольких типов.

Тип первый. Проводимая своей национальной элитой (пример — Эстония).

Тип второй. Проводимая частью своей национальной элиты, которая сможет свергнуть другую часть, отрицающую модернизацию. (Пример — Азербайджан после «сброса» Муталибова⁴⁹.)

Тип третий. Проводимая чужой элитой, за неимением своей, национальной, способной осуществить модернизацию, то есть прямая колонизация. Вот это уготовано России.

⁴⁹ Президент Азербайджана А.Н.Муталибов был вынужден подать в отставку 6 марта 1992 г. под давлением оппозиционной «Партии Народного фронта Азербайджана» (ПНФА).

Но и это еще не все. Ибо в третьем типе есть варианты.

Вариант 3-а — предусматривает введение иностранных войск (модернизирующей державы), но сохранение целостности страны.

В варианте 3-б — введение войск и расчленение страны с тем, чтобы (цитируем документы спецслужб) «лишить ее идентичности и тем самым воспрепятствовать ее сопротивлению акции по коренным преобразованиям жизни на данной территории».

Но и это не есть подлинная суть «Д-плана», ибо мы все чаще слышим вместо слова «модернизация» новый термин «трансформация». Что это значит?

Трансформация, или **четвертый тип** модернизации, уготованный для непокорных, — это социальная технология, ведущая не к тому или иному типу развития, а к социальной деградации населения. Деградации, при которой тем не менее осуществляется большая «совместимость» трансформируемой страны с западной моделью. И здесь речь идет, конечно, только о расчленении и «санитарных кордонах». Но и это еще не все.

Пятый тип — удушение. Считается и теоретически доказывается возможность и целесообразность подобной модели в случае, если нетрансформируемая и немодернизируемая страна оказывает чрезмерное сопротивление попыткам «благотетелей» изменить ее статус.

Тогда «во славу мирового порядка и общечеловеческих ценностей» ее можно и должно подвергнуть «гасящим воздействиям». То есть постепенному удушению. С тем, чтобы она не мешала движению человечества по магистрали мирового процесса, не мешала реализации универсальной модели и установлению нового мирового порядка.

Мы утверждаем, что вся эта теория трансформации известна авторам сегодняшних реформ, являющимся лишь очередными исполнителями очередного этапа «Д-плана». Эта теория разделяется ими, что следует как из применяемых ими моделей, так и в ряде случаев из их конкретных выступлений за рубежом.

В плане экономической теории — вдруг во всеуслышанье и высокими лицами заявляется, что программа Гайдара бездарна и разрушительна. В ответ другими, столь же высокими, лицами заявляется, что программа Явлинского, так называемые «500 дней», под знаком которых шло к власти российское руководство, — это преступный план. Аргументированно подтверждается участие в этом плане международных преступных организаций.

Еще недавно подобные заявления означали бы «подкоп» под основы перестроечного процесса, а их авторы зачислялись бы в ранг преступников и прислужников партаппарата. Чем объясняется такой «террариум» в стане вчерашних единомышленников?

Прежде всего — отсутствием конструктивных целей и созидательной идеи. А значит — полной беспринципностью.

Помимо этого налицо очередная попытка имитировать конфликт там, где на деле есть полное единство в главном, осложняемое, возможно, взаимной ненавистью, ревностью и даже борьбой экономических школ.

Мы заявляем, что перетасовка кадров, смена людей при сохранении идей и концепций — это лишь политическое маневрирование в ходе реализации все того же «Д-плана», плана деструкции. Конкуренция идет лишь за право быть лицом, реализующим этот «Д-план» на данном этапе. А попросту — за право на блага и власть, получаемые в обмен на «деструкторство». На деле мы видим те реальные шаги, с помощью которых борющиеся между собой «команды» деструкторов одинаково намерены разрушать экономику. Эти шаги таковы:

- создание искусственного дефицита под видом приведения в равновесие спроса и предложения. Иначе говоря, применение ложной монетарной модели в ситуации, когда эта модель заведомо не работает, а лишь «взрывает» и без того плачевное положение;

- разрушение государственной промышленности под видом приватизации с фактической блокировкой всех конструктивных переходных моделей;

- создание искусственного валютного кризиса;

- создание искусственного продовольственного кризиса;

- доведение населения до того уровня обнищания, когда неизбежно начнется необратимый социальный регресс;

- уничтожение **почти всего** индустриального потенциала страны за счет конвертации рубля в условиях, когда не принято никаких мер для конвертации **практически всех товаров, кроме сырья**;

- уничтожение **всего (!)** высокотехнологического потенциала страны с вывозом «мозгов» по демпинговым ценам. Разрушение науки, деградация общества, и, в первую очередь, интеллигенции, национального предпринимательства и так называемой «рабочей аристократии» города и деревни. Неслыханный по силе удар наносится по всем ресурсам общественного развития;

- разрушение обороноспособности страны;

- развал теперь уже российского государства по схемам, абсолютно идентичным тем, которые применялись в Ново-Огарево;
- искусственно вызванный демографический кризис.

Все эти действия с полной очевидностью можно считать последствиями так называемой «шокотерапии», само заявление о которой в условиях государственной монополии **вызывает глубокое недоумение** у экономистов, принадлежащих к разным школам и направлениям, весьма далеким от социалистического или коммунистического.

Налицо и очевидная нестыковка реформ, перемена этапов внутри даже заведомо деструктивной модели «шокотерапии», игнорирование плачевного опыта ряда стран Востока и Запада, прошедших через «шокотерапию», игнорирование всей специфики нашего общества, всей советской и российской реальности.

Мы заявляем: **ЭТО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ СЛУЧАЙНЫМ**. Мы заявляем, что здесь слишком много совпадений, говорящих о сознательной деструктивности и в конечном счете (как ни горько это признать) **о национальной измене**.

Вот почему мы не считаем нужным анализировать все остальные компоненты того, что называется сегодняшним курсом. Речь для нас идет, как мы уже говорили, лишь об этапе реализации смертельно опасного плана, который напрямую еще боятся предъявить не до конца парализованному обществу.

Вот почему мы считаем необходимым заявить о недоверии **всему курсу**, а не отдельным его представителям, и о необходимости коренного его изменения.

Мы категорически отвергаем при этом обвинение в реакционности, в стремлении взять идеологический реванш, вернуть страну в лоно коммунистического застоя, подвергнуть общество репрессиям и террору. Мы отвергаем также и обвинение в неспособности предложить обществу альтернативные варианты и концепции его развития. Эта якобы «неспособность выйти за пределы критики и предложить конструктивный вариант развития России» есть еще одна ложь наших так называемых «демократических» оппонентов, которые, владея фактической монополией на средства массовой информации, делают все возможное для того, чтобы задушить любую идею, противостоящую их «Д-плану».

Предлагая объединиться против «Д-плана», мы одновременно выдвигаем нашу программу, предлагаем альтернативы по всем основным направлениям.

Мы предлагаем основные принципы конструктивного реформирования. Принципы, исходящие из культурно-исторического своеобразия России, необходимости объединить в процессе ее реформ Восток и Запад, традиции и прогресс.

2.

Мы не можем допустить деградации нашего общества. Мы должны сделать все возможное, для того чтобы не допустить гражданской войны. И мы не приемлем реакцию, реставрацию старого строя.

Номенклатурно-коммунистическая Россия – кончилась. Вместе с ней кончилась и эпоха коммунистической ортодоксии. Прошлое – в прошлом. И все, что в нем было тленного и грешного, не может и не должно быть воскрешено. Вечное же, великое – то, что содержится в идее, которой Россия столь многим пожертвовала, – неистребимо и войдет в новую жизнь. Во всякую новую жизнь.

Россия не приняла бы «красную идею», если бы в ней не было величия и святости. Величие и святость непреходящи, но коммунистической номенклатуре как сословию, как классу не может и не должно быть возвращено прежнее социальное значение.

Никогда не вернется уже старая жизнь. Произошедший переворот – необратим. И это все должны понять и признать. Это исходная точка для любого действительного консенсуса. Какова же идея, способная сплотить, способная дать импульс действительному строительству новой жизни?

Мы утверждаем, что эта идея – РАЗВИТИЕ. Развитие России, развитие всего общества. И – государство, как гарант такого развития. В стране сегодня борются только две силы: та, которая отстаивает интересы развития, и та, которая сознательно ведет к деградации. Все остальное – от лукавого. И чем скорее мы это поймем, тем скорее объединимся и найдем выход из тупика.

Называя свой план «Планом Р», мы сознательно противопоставляем его «Д-плану» по всем направлениям.

В плане философском – мы отрицаем претензии либеральной теории, основанной на так называемых «правах человека» и «общечеловеческих ценностях», на статус суперидеи XXI века. Мы вскрываем подлинное содержание этих прав и этих ценностей, мы утверждаем, что «права человека», провозглашая абсолютный суверенитет личности, предполагают на деле такую модель самого че-

ловека, которая несовместима с высоким смыслом человеческой жизни. Иначе говоря, «права человека» на деле означают торжество концепции крайнего индивидуализма, последствия которого описаны Достоевским.

Русская философская мысль на протяжении столетий неустанно предостерегала человечество, говоря ему о разрушительности этой модели личности, построенной на крайнем индивидуализме. **Западная мысль тоже многое сделала для того, чтобы показать последствия крайнего индивидуализма.** Модель человека, предлагаемая в концепции «абсолютного суверенитета личности», — это модель кентавра, полуробота-полузверя. Что касается «общечеловеческих ценностей», то неоднократно было показано, что за этой концепцией скрывается крайний рационализм, что «ценности», предъявляемые сегодня как «общечеловеческие», на самом деле всего лишь фантомы позитивистской науки. Той самой, которая ответственна за все беды XX века. Ставить эти фантомы во главу угла — значит опять же вести мир в никуда, в глобальное разрушение или невиданный застой, построенный на внеэкономическом принуждении.

Россия противопоставляла, противопоставляет и будет противопоставлять двум указанным идеям не национализм, не провинциальную замкнутость, а другую идею, другой план построения глобальной цивилизации.

В этом смысле альтернативой «правам человека» и «общечеловеческим ценностям» служит следующее.

Во-первых, **идея личности**, способной вместить в себя свое историческое родовое начало без того, чтобы перестать быть личностью. Таким образом, речь идет не о возврате к традиционализму, автаркии, «почвенности», а о новом, постлиберальном этапе эволюции, немислимом вне идеи **персоналистской соборности**. Речь идет о наличии в российском обществе и в российских традициях всего необходимого для становления нового типа личности, что как раз и является одной из ключевых проблем XXI века. И мы имеем право говорить о мировой роли разоренной и обнищавшей России в решении этого вопроса.

Во-вторых, России есть что сказать по части **целей и ценностей**, поскольку столетиями не прекращался и не прекращается поныне высокий религиозный синтез, поиск мистического и исторического единства религий, поиск нового «Града», «Нового Иеру-

салима». Русская идея вселенскости глобальна, открыта миру и находится в постоянном интенсивном саморазвитии.

В этом поиске опять же нет ничего провинциального и ортодоксального. Он отвечает духу всех мировых исканий XX века, роль которых трудно переоценить с точки зрения возможных перспектив следующего столетия.

Вся практика российской истории говорит о том, что, вопреки стихийному анархизму, вопреки склонности к национальному нигилизму, вопреки самоедству, русский народ сохранил и продолжает развивать идеи **вселенскости и соборности**, придавая им новый смысл, крайне актуальный в условиях глобального системного кризиса либеральной цивилизации. Россия остается держателем новых идей и новых (гуманистических и демократических!) моделей развития человека и общества. Потенциал этих идей воистину неисчерпаем. Актуализация данного потенциала в конце XX века – вот основная надежда всего человечества, поскольку в противном случае можно ставить крест на перспективе дальнейшей содержательной эволюции.

Итак, в условиях общецивилизационного тупика, краха либеральных ценностей Россия по-прежнему претендует на лидерство во всем, что касается Нового гуманизма. Прикончить это, атакуя пресловутую «ком. идею», по меньшей мере наивный замысел, демонстрирующий нам наглядно, что такое амбициозный технократический кретинизм западных контрпропагандистских «мозговых штабов».

Вселенскость «русского космизма» и **соборность** персоналистско-интеграционного типа личности – вот наши новые вехи, новые ориентиры, способные выдержать конкуренцию с «правами человека» и «общечеловеческими ценностями» либерального Запада.

На их основе возможно восстановление потерянной идентичности, после чего только и может начаться восстановление всей общественной жизни, после чего только и может начаться продуктивное государственное строительство.

В плане социальной теории – отрицание крайнего индивидуализма и позитивистского рационализма предопределило открытия, сделанные в России, предопределило все социальные модели, воспринятые российским обществом.

Принято считать, что отсутствие протестантской этики в России, ее приверженность духу соборности и общинности не позволили со-

стояться российскому капитализму. С этой точки зрения оба эти явления рассматриваются как бедствие, помешавшее России оказаться в «раю» среди «избранных». Одновременно с этим признается, что подобный тип становления фундаментальных предпосылок собственно российского капитализма уже невозможен, ибо время упущено. Отсюда следует необходимость радикальных и жестких модернизаций, которые, конечно, являются злом и имеют ряд негативных последствий, но якобы безальтернативны, поскольку так нелепо и уродливо распорядилась российская история.

Мы категорически отрицаем подобный взгляд на Россию, который призван уничтожить ее идентичность на более широких временных интервалах, нежели исступленно критикуемые «коммунистические извращения». Цель при этом все та же, только средства другие.

На самом же деле, Россия изначально не желала идти путем Запада через протестантство, через религиозное реформаторство, поскольку этот путь представлялся ей губительным в главном — духовном — плане. Том плане, который для России был и остается приоритетным. Россия инстинктивно понимала (а российские интеллектуалы обосновывали теоретически) тот факт, что соотношение духовного и материального более сложно, нежели это представлялось позитивистской западной науке XIX и XX столетий. Антибуржуазное сопротивление в России шло на всех уровнях, снизу доверху, включая, как ни странно, саму буржуазию.

Не случайно, что именно в России родилась идея «духовного предпринимательства», которая резко опередила свое время, ибо только с конца 60-х годов XX века нечто сходное начинает появляться на Западе («этическая экономика», «психосоциальная экономика», «теологическая экономика» и т.д.).

Крайне характерно, что все эти виды западных экономических теорий вообще не развернуты в нашем общественном сознании, где до сих пор господствует одномерный подход к обществу, известный из пресловутой теории «базиса и надстройки». Именно это заблуждение Маркса, им самим в конце жизни осознанное, наиболее энергично навязывается сегодняшнему общественному сознанию, поскольку именно эта идея особенно деструктивна в условиях России. Аналогично этому из всего наследия проклинаемого сегодня Ленина извлечен и «увечковечен» лишь один обломок, один фрагмент — ленинская политика в области национальных отношений.

Разумеется, по той же причине – в силу ее очевидной деструктивности для России.

Идея духовного предпринимательства, выдвинутая российскими философами в начале XX века, совершила переворот в сфере социальной и экономической теории.

Современные исследования подтверждают, что соотношение между материальным и духовным опосредовано в обществе с помощью механизмов намного более сложных, нежели первичный и всеобъемлющий «базис» и рабски зависимая, полностью производная от него «надстройка». На деле можно говорить о двух равноценных сферах – сфере движения материальных ресурсов и сфере движения целей.

К первой сфере относятся механизмы обмена товарами, включая деньги, биржи, банки, всю рыночную инфраструктуру – весь ресурсный материальный аспект производства.

Ко второй сфере относятся все механизмы общения, в первую очередь механизмы договора, средства сравнения потребностей, язык, различные социальные, коммуникативные институты, такие, как религия, государство, наука, культура.

Если первая сфера имеет своим универсальным идентификатором рынок, то вторая сфера имеет в качестве такого же идентификатора план. Обе сферы можно считать равнозначными. А их сочетания, их сопряжения, их соподчиненность определяют тип общества, определяют социальную ткань, определяют «правила игры», установки, стереотипы действий, стимулы, эффективные в данном типе общества. Иначе говоря, **ВСЮ СОЦИАЛЬНУЮ ПРАКТИКУ ДАННОГО ОБЩЕСТВА.**

Таким образом, мы получаем фактически опровержение того, что поставлено нашими противниками во главу угла при создании теории модернизации. Мы отрицаем эту теорию и как не соответствующую всем научным данным, полученным начиная с середины XX века, и как инструмент агрессивной экспансионистской политики. Которая под видом спасения на деле нацелена на уничтожение нашей страны и нашей цивилизации.

Универсальная модель эволюции на базе «общечеловеческих ценностей», «прав человека», модель, ориентированная на первичность материальной сферы над сферой духовной, модель, ориентированная на абсолютность тех процессов, которые происходят в сфере обращения товаров, и на возможность превращения самого человека в товар, – не

просто безнравственна, она теоретически несостоятельна и ущербна. И, как бы она ни называлась, марксизмом или экономическим детерминизмом в духе «гарвардской школы», она способна лишь разрушать российскую действительность.

Опровергая универсализм, экономический детерминизм, мы делаем следующий шаг. Вначале вместо «общечеловеческих ценностей» и «прав человека» – вселенскость и соборность. Затем вместо подтягивания всех к одному универсалистскому ранжиру с помощью модернизации и трансформации – собственная модель российского постлиберального общества.

Традиционный для России принцип приоритета духовного над материальным должен быть сохранен. И лишь в условиях такого приоритета в России может быть реализована подлинная демократия, при которой народ будет способен сформулировать власти заказ на управление собой в своих же собственных интересах. Демократия, возвышающая народ, а не превращающая его в массу потребителей, покорно пережевывающих жвачку масс-культуры и являющихся объектом непрерывных манипуляций. Вперед, к подлинной демократии – это наш лозунг.

Иного России действительно не дано. В плане социальной теории это означает, что в России продолжает сохраняться приоритет сферы целепрограммирования, сферы коммуникаций и смыслообразования над сферой обращения материальных ресурсов. Когда Запад делает вид, что такого-де, мол, в принципе быть не может, когда наши «консультанты и наставники» вроде Дж.Сакса рекомендуют свои разрушительные рецепты, они тем самым игнорируют уже и реальное устройство современного западного общества, которое сегодня включает, кроме изошренно развитой сферы материального обращения, также и высокобюрократизированную, сверхрационализированную, технически и информационно оснащенную сферу общения, подкрепленную к тому же мощным государственным сектором экономики.

Они «забывают», что вот уже столетие развитие этого общества идет путем попеременной активизации ресурсной и смысловой сфер, рынка и плана. Все это они хотели бы «оставить» у себя, в своем обществе, перенося к нам лишь куцые фрагменты, не имеющие внутренних связей, которые способны только добить до конца общество, государство и экономику. И уж тем более они умалчивают о реальном опыте таких стран, как Япония.

Утверждая объективно необходимый России приоритет сферы целепрограммирования над сферой обращения материальных ресурсов — и оговорив при этом то очень значимое обстоятельство, что сфера обращения материальных ресурсов крайне важна, что деформация ее функционирования ведет к обрушению всего общества, включая его духовную сферу, — мы настаиваем на том, что принципы социальной организации нашего общества должны кардинально отличаться от тех принципов, которые заложены в основу англосаксонского либерального проекта. Проекта, который с невероятным трудом осуществлялся в течение столетий в США и на незначительной части европейского континента. И что всякое «обезьянничание» здесь чревато социальной и политической катастрофой.

Характерно, что наши противники тоже сознают пагубность крушения государственных форм организации социальности, экономики, культуры, идеологии, которые, являясь в нашем типе общества одновременно и формами социальной самоорганизации, рухнув, неизбежно похоронят под собой это общество.

Понимая, что здесь крушение государственности равносильно тотальному необратимому распаду общества, они тем не менее подталкивают его к этому всеми способами. Понимая, что гражданское общество еще не возникло, да и не может возникнуть за такие короткие периоды времени, понимая, что весь тип мышления, все ценностные и нравственные установки, вся коммуникационная сфера устроены иначе, чем у них, они торопят, подталкивают, ультимативно требуют. — Чего?..

Мы утверждаем — как можно более быстрого самоуничтожения.

Альтернативой «гражданскому обществу» у нас может являться только корпоративно-синдикалистское, сословно открытое общество.

Его характерная черта — это многоукладность, причем многоукладность тщательно сбалансированная. Сегодня мы не можем дать ни одному из укладов и ни одному из сословий тотального приоритета. Мы не можем также позволить этим укладам «свободную игру», основанную на «войне всех против всех». Мы не можем искусственно ликвидировать уже возникшие новые общественные уклады, и мы не можем, не подвергая общество смертельной опасности, бездумно и бессмысленно ликвидировать старые. Такая политика и была бы по сути своей возвратом к сталинизму в худших его выражениях, хотя

до поры до времени еще шла бы имитация некоей парламентской демократии. Государство обязано делегировать обществу отнятое у него право самоуправления. Но это право должно быть институционализировано в соответствии с реальным устройством нашего реального общества и необходимостью преобразовать незрелую, аморфную демократию в открытое сословное общество. Хозяйственные решения должны принимать те, кто осуществляет хозяйственную деятельность, — вот путь к реформам и стабильности. Это означает, что должна быть создана Хозяйственная палата, в которую пропорционально доле в промышленном производстве должны быть делегированы представители всех экономических укладов и сфер, всех суперкорпораций, реально слагающих наше общество. Их решения в вопросах хозяйствования должны являться высшим законом.

Хозяйственная палата должна быть наделена особыми полномочиями только (!) в сфере материального производства. Это будет первым и самым важным практическим шагом к организации всего высшего законодательного управления России по аналогичному, сословно-представительному, корпоративному принципу. Производство — производителю!

Одновременно с этим необходимо признать также насущность создания новой информационной сети, способной эффективно управлять информационными потоками, процессами целеполагания в обществе и параметрами его развития. Такая сеть, такая структура и отвечающая ей группа социальных институтов в нашем типе общества обязаны иметь самый высший приоритет.

Инфраструктура, отвечающая требованиям нового этапа развития человечества, а не комические 500 бирж, — вот что нужно России. Государственный разумный протекционизм, целевые проекты и программы для сферы высоких технологий — вот условие большой национальной реформы. Столь же необходимы субсидии для угасающих отраслей.

Форсированная анклавная модернизация немислима без рынка. Но и рынок без такой модернизации — это путь в никуда.

Столь же необходимо назрел вопрос о выделении в сословие всех лиц, работающих в системе национальной безопасности, включая армию и службы надзора, без чего эрозия этих структур в ближайшее время уже станет необратимой.

Далее — своего законодательного решения требует вопрос о создании купеческих и промышленных гильдий, о сознательном на-

делении лиц, развивающих производственный потенциал страны, высокими полномочиями, в соответствии с той практикой, которая осуществлялась в России начиная с эпохи реформ Петра Великого.

Такая социальная реорганизация, осуществляемая **на Чрезвычайном съезде Советов, который должен пройти не позднее ноября 1992 г. и на котором должны быть приняты соответствующие фундаментальные акты и законоположения**, только и способна спасти рассыпающиеся государство и общество. Никакое «чрезвычайное положение» ни к чему не приведет в рассыпающемся обществе. Это понятно любому здравомыслящему политику.

В организационном плане. Решения съезда — это лишь начало пути. Главное — это действия на основе реального примирения всех политических сил. Нам предстоит радикальное переустройство промышленности, достраивание инфраструктуры.

При осуществлении таких реформ форсированными темпами за счет внутренних ресурсов нам не избежать резкого социального расслоения. Но это расслоение может и должно быть организовано в соответствии с интересами всей нации, осознано и признано ею. Нам не избежать «драконовских мер» в борьбе с преступностью и коррупцией. Но тем важнее защитить инакомыслие, демократию, реальные права человека и гражданина.

Это немислимо без общенационального согласия. Честно признаться обществу в масштабе неизбежных издержек, прекратить взаимную дискредитацию, отстранить от управления творцов «Д-плана», создать союз конструктивных сил всех основных политических ориентаций и честно поделить издержки, связанные с реализацией программы Большой Реформы, — вот что такое путь к миру и демократии.

В теории управления обществом существует понятие «мобилизационная модель развития». Мы не будем здесь подробно расшифровывать это понятие, указав лишь, что в том состоянии, в каком Россия сегодня находится, у нее нет никаких альтернатив мобилизационной модели развития.

Мы, естественно, оговариваем и то, что мобилизационная модель развития не имеет никакого отношения ни к чрезвычайному, ни к военному положению. И что путь к ней лежит не через примитивное и грубое насилие (преступное и бессмысленное сегодня), а через стремительное социальное конструирование.

В сфере экономической теории и практики. Маниакальный экономический детерминизм, господствующий сегодня в общественном сознании, вынуждает нас подробно остановиться на экономической составляющей нашего плана развития.

В самом деле, любому экономисту понятно, что все определяется фундаментальными решениями, принимаемыми и выполняемыми (!) в сфере философско-политической и социально-организационной.

И тем не менее мы предлагаем нашу модель экономических реформ, подчеркивая ее коренные отличия от тех рецептов, которые предлагаются Дж.Саксом и его российскими «учениками». Контуры нашей экономической стратегии таковы.

Мировой опыт показывает, что выбранный российскими властями тип экономических реформ не дал ощутимых позитивных результатов даже в малых странах, не открыл перспектив к самостоятельному хозяйственному развитию. Только одна специфика экономики России — огромная доля промежуточного продукта — уже привела к разрушительным последствиям монетарных манипуляций.

Бесперспективной борьбе с инфляцией только в сфере обращения, имитируемой доморощенными «шокотерапевтами», мы противопоставляем меры, направленные против действительного источника инфляции — сжатия внутреннего рынка, сокращения производства и потребления. Мы против установления равновесия между спросом и предложением на уровне цен, приемлемых для 10% населения. Не может быть стабилизации в стране, 90% жителей которой — люмпены.

Не следует объяснять, кому выгодны спекулятивные цены. Если бы власти боролись с инфляцией, они не раскручивали бы спираль гиперинфляции по цепочке «цена — зарплата».

Программе расхищения государственной собственности под видом «большой» приватизации мы противопоставляем программу согласованного взаимодействия структурно-функциональных подсистем, слагающих любую зрелую национальную экономику, — мощного госсектора, крупных частных корпораций, а также средних и мелких частных предприятий. Мы — за контроль над ценами монополистов и ряда ключевых базовых отраслей. Мы — за свободный рынок товаров народного потребления. Но мы — за конкуренцию в области снижения издержек производства, а не в области наращивания цен. Кроме того, нет аргументов против стимулирующей производство роли низких цен, во всяком случае в монопольных секторах.

Искусственно созданный за счет стремительного обнищания народа слой коммерсантов позитивно работать в ближайшее время не способен. Коммерциализованный госсектор — единственный материальный шанс для выживания нашей страны. Мы не верим лукавым ссылкам на «болливийский», «чилийский» и прочие «варианты», ибо в условиях, близких к нашим, в Польше давно уже разразилась бы всеобщая стачка.

Мы отрицаем тезис монетаристов о непостижимости направлений структурных перестроек хозяйства. Нам эти направления известны, потому что, в отличие от бездомных экспертов МВФ, мы живем на своей Родине, ее хозяйство всегда было и, уверены, останется нашим. Поэтому вместо перекачки средств в криминально-коммерческий сектор мы предлагаем не тотальное разрушение экономики путем «обнуления» счетов, а разработку приоритетов для государственного и коммерческого инвестирования. Только в этом случае можно снизить инфляционную волну, питаемую производственной сферой, и на деле приступить, наконец, к социальной ориентации хозяйства.

Сознавая, что любой успех на пути к рынку не может быть достигнут только рыночными механизмами, мы выступаем за частичную монополию внешней торговли. Только таким образом удастся блокировать утечку валютной выручки от экспорта на заграничные счета, противостоять бесконтрольному вывозу народного достояния. Отказ от такого контроля на деле означает создание искусственного валютного кризиса. Мировой опыт показывает, что политика либерализации цен на продовольствие не вызывает роста его производства. Напротив, по традиции дикого капитализма, для поддержки высокого уровня цен часть продовольствия уничтожается. Дотации сельскому хозяйству, о которых с постоянным укором напоминают, в значительной мере погашаются за счет высоких цен «городской продукции», включающей средства механизации и химизации. «Соревнование» в подъеме цен между городом и деревней «кормит» только инфляцию, а не население страны. Поэтому проведение аграрных преобразований должно осуществляться под государственным патронажем: речь идет, по сути дела, о физическом выживании народа, что бы там ни значилось в рекомендациях МВФ.

Не отрицая важность аграрных реформ и будучи сторонниками современного частного землепользования (такого, например, как в Голландии), мы настаиваем на законе об обязательном сель-

скохозыяственном использовании разобобществляемых земель. Только такой закон и только вкупе с законами о защите национального предпринимательства, национальной промышленности, культуры, науки, образования обеспечит доверие народа к радикальному обновлению аграрного законодательства. Без этого все инновации будут (и должны быть!) отвергнуты, как противоречащие коренным интересам нации.

Развитие инвестиционной деятельности и удовлетворительное решение аграрных проблем позволит смягчить социальные издержки и заблокировать социальный регресс. Мы считаем, что сегодня группа социально не защищенного населения включает не только пенсионеров и инвалидов, но также работников здравоохранения, просвещения, науки и культуры. Необходимо срочно создать систему социальной защиты, перераспределив денежные потоки в ущерб паразитирующим на государственной товарной массе коммерческим структурам.

Основываясь на анализе особенностей российской экономики, мы поддерживаем предложения, направленные на интенсивное развитие внутрироссийского рынка, сочетаемое с восстановлением традиционных связей не только с государствами СНГ, но и бывшего СЭВ. Мы настороженно относимся к быстрой конвертации рубля, которая может потребовать девальвации и поддержания высокой ставки процента. Последнее препятствует целям активизации внутрироссийского рынка и защиты отечественных предпринимателей, имеющих дело с любой формой собственности. Нас не удастся обвинить в антирыночной идеологии. Напротив, мы обвиняем тех, кто делает бесполезную ставку только на иностранные инъекции, в пренебрежении к развитию отечественного рынка. Протекцию собственной экономике оказывали на разных этапах своей истории самые либеральные правительства, в том числе и путем недопущения конвертации валют. Если конвертация рубля состоится, то лучшая часть индустриального потенциала России может перейти в руки иностранных владельцев. Высокая ставка процента и колониальная стоимость труда создают для этого благоприятные условия. В начавшихся финансовых противоречиях между субъектами СНГ первоочередная мера по спасению рубля — не в его конвертации.

Развитие инвестиционной активности на внутрироссийском рынке в сочетании с программой структурной перестройки смягчат и проблему «утечки мозгов», в том числе из сектора оборон-

ной промышленности. Те, кто подрывает оборону страны и одновременно надеется на зарубежную помощь, делают грубую ошибку: если речь идет о мирохозяйственных связях, помогают только сильным, а слабым — подают милостыню.

Принятый тип экономических реформ на неоднородном пространстве России способствует возникновению региональных социально-экономических противоречий, легко переходящих в политическое противостояние. Эти реформы разделяют не только население, но и территорию. Помимо политических мер, разрушению страны противостоят внутрихозяйственные связи. Но чтобы это произошло нелиберальный тип монетаристских реформ должен уступить место структуралистским принципам реформирования.

Кстати, мы еще раз напоминаем нашим «рыночникам» главную аксиому функционирования производственной сферы. Она состоит в том, что производство имеет инновационный фронт, зрелую сердцевину и угасающий тыл. Инновационные «дети» и уходящие «старички» всегда поддерживаются на государственном уровне.

Тот, кто игнорирует этот закон, в скрытом виде содействует геноциду промышленного производства.

Программа МВФ в промышленности — это убийство «стариков» и «детей», слагающих в совокупности до 70% национального производства.

В области внешней политики. Мы должны с отвращением отвергнуть политику двусмысленностей, сателлитства, измены своим вчерашним союзникам. Мы должны вернуться к разумной великодержавности. Кто будет доверять стране-предательнице? Кто поверит обязательствам правительства, которое с такой легкостью топчет прежние обязательства? Россия открыта, но она открыта новому многополярному миру и ждет от него ответной открытости.

Наши условия.

Первое. Свобода рук при определении приоритетов российской политики по отношению ко всем высокоразвитым странам мира.

Второе. Выход **конкурентоспособной** продукции России **в сфере высоких технологий** на мировой рынок в объеме, отвечающем российским возможностям.

Третье. Соблюдение традиционных зон влияния в различных регионах земного шара с учетом новых геополитических реалий (как-то, например: наше экономическое содействие странам Восточной Европы без политических претензий к ним со стороны

России в обмен на право определять контуры балканской политики, отвечая за стабильность и мир в этом регионе).

Наши гарантии.

Первое. Сохранение демократии и стабильности в Евразии.

Второе. Сбалансированное развитие России за счет мобилизации ее внутренних ресурсов.

Третье. Экономическая и политическая стабилизация юга бывшего СССР.

Четвертое. Мирное разрешение территориальных проблем на территории бывшего СССР по кипрскому варианту (принцип «зеленой линии»).

Пятое. Полномасштабная правозащитная реформа.

В плане военной политики и национальной безопасности. Следует категорически отвергнуть те идеологические приоритеты, которые расставлялись в военной политике до 1985 г. Следует со всей определенностью заявить, что нет и не может быть возврата к эпохе идеологической конфронтации. Но столь же категорически следует отвергнуть и новый идеологизированный подход, господствующий сегодня. Мы утверждаем, что под видом деидеологизации идет стремительное нарастание новой, еще более губительной идеологической тенденции.

Она основана на простой смене знаков с «плюса» на «минус» и наоборот, при которой мы теперь выбираем себе «патронов», «друзей и союзников» все по тем же идеологическим соображениям. Это выглядит особенно трагикомично в условиях, когда наши новые «союзники» и «патроны» заявляют о том, что Россия остается для них «врагом №1», а союз с российскими демократами они поддерживают лишь в той мере, в какой так называемые демократы обеспечивают предельное ослабление «врага №1», т.е. России.

Одновременно, не приобретая новых друзей, мы рискуем приобрести новых врагов, достаточно сильных для того, чтобы деформировать все наши планы разумного построения общества и государства.

Что означает заявление о «перенацеливании ракет»⁵⁰, ошеломившее весь мир? Что означает оно в условиях, когда все наши города, все наши стратегические объекты по-прежнему находятся под прицелом?

⁵⁰ Имеется в виду заявление Ельцина от 25 января 1992 г. о том, что российские ядерные ракеты отныне «не нацелены на США».

И, наконец, куда перенацелены наши ракеты? С кем мы теперь собираемся воевать? С коммунистическим Китаем? С исламским фундаментализмом? Или с «летающими тарелками»?

Ответ на этот вопрос мы не получаем. Но мы видим стремительный развал Вооруженных Сил, отсутствие конструктивной стратегии строительства российской армии, мы видим потерю Черноморского флота, бедственное положение военнослужащих, торговлю оружием, криминализацию сферы военного снабжения, развал военно-промышленного контура, обеспечивающего самое элементарное поддержание военного механизма страны, развал системы ПВО. И в ответ на свои вопросы мы слышим лишь пустые, ничего не значащие слова, за которыми нет и не может быть никаких действий, поскольку речь идет о сознательном осуществлении все того же «плана Д» по отношению к армии. Мы считаем необходимым противопоставить этому другой план. Вот его основные положения.

Необходимо срочно предъявить те четыре главных фундаментальных принципа, без которых национальная безопасность является пустым словом. Эти принципы таковы.

1. Четкая формулировка целей безопасности государства.
2. Определение и расстановка приоритетов угроз.
3. Разработка собственной военной стратегии.
4. Разработка конкретных оперативно-тактических планов, доктрин и определение структуры российских войск.

Все это на сегодняшний день игнорируется. С нашей точки зрения, цели национальной безопасности следующие:

- сохранение свободного, суверенного государства, безопасности его граждан и структур;
- сдерживание любой агрессии, угрожающей безопасности государства, и осуществление гарантированного ответного удара в случае, если сдерживание потерпит неудачу;
- отслеживание любых угроз государственной безопасности и эффективные действия, направленные на то, чтобы не допустить их осуществления, не доводя дело, по возможности, до вооруженного конфликта;
- поддержание двусторонних и многосторонних договорных отношений, содействующих безопасности государства, его союзников и дружественных ему государств;
- предотвращение распространения военных ресурсов, технологий и вооружений в страны, могущие стать потенциальными

противниками или косвенным образом негативно воздействовать на безопасность государства;

– участие в международных органах, отвечающее интересам государства;

– наличие сильной, здоровой экономики, как главного условия благосостояния государства и его граждан, движение по пути становления продолжительно прочной и конкурентоспособной экономики;

– обеспечение российским предпринимателям доступа на внешние рынки, благоприятных условий для торговли, возможности доступа к ресурсам и свободы передвижения;

– обеспечение внушительного голоса в мировой политике. Аксиома международной политики состоит в том, что политический вес государства зависит напрямую от его военного потенциала. Политический вес необходим России не для пустого бряцания оружием и не для насаждения режимов определенного типа за пределами своей территории, а для защиты коренных интересов, в первую очередь экономических.

Вброшенный в общественное сознание тезис о том, что-де, мол, Россия – это «Верхняя Вольта с оружием», скрывал потаенную цель: вначале убрать оружие, а затем превратить Россию в «Верхнюю Вольту», то есть попросту уничтожить ее.

В ответ на это мы заявляем о необходимости укреплять систему национальной безопасности, сохраняя при этом предельную открытость миру, но в рамках своих национальных и государственных интересов. А это означает, что понятие «агрессия» не является устаревшим, вычеркнутым из политического словаря. Тем более, что доктрина столь любимого нашей нынешней «властью» военного ведомства США отнюдь не снимает с повестки дня возможность агрессии против России. Разумеется, лишь в случае нежелательного разворота событий на территории России, смены политической ориентации, возникновения авторитарного режима и т.п.

Возникает ответный вопрос: где гарантия, что не сегодня, но через три года или через пять лет в Соединенных Штатах Америки или любой другой стране, обладающей военной мощью, не возникнет режим или же политический курс, противоречащий национальным интересам России? Пусть это событие и не является высоко вероятным, но даже малая вероятность его предполагает разработку стратегии отпора агрессии. Кроме того, безопасность го-

сударства не сводится лишь к военной безопасности в чистом виде. Агрессия может осуществляться гораздо более тонкими методами, направленными на постанковку государства в положение Верхней Вольты, лишенной оружия. Такие цели безопасности России, как защита от экономического подчинения, осуществляемого внешнеэкономическими методами, от военного (в том числе и ядерного) терроризма, локальных военных угроз, реальное проведение собственной внешней политики, предполагают необходимость сильных Вооруженных Сил.

И наконец, биполярное противостояние «Восток–Запад» времен «холодной войны» сменилось нарастающей многополярностью мира, и количество угроз для России, содержащееся в этой многополярности, лишь увеличилось. Мир конфликтен, нарушен этно-конфессиональный и геостратегический баланс. А значит, вероятность военных конфликтов нарастает. И мы должны рассмотреть все потенциальные угрозы, все угрозы безопасности объективно.

Отбрасывая идеологические предпочтения и идеологические жупелы, анализируя с позиций защиты национально-государственных интересов сложившийся после распада СССР многополюсный мир, содержащий внутри себя колоссальную энергию геополитических и локальных конфликтов, мы утверждаем, что строительство российской армии должно идти с учетом существования следующих потенциальных угроз национальной безопасности (в порядке их вероятности).

1. Локальные угрозы.
2. США и НАТО (Европа).
3. КНР.
4. Азиатско-Тихоокеанский регион.

Даже самый беглый анализ подобных угроз позволяет высказать утверждение о необходимости строительства мощной российской армии и обозначить следующие **стратегические задачи военного строительства**:

- поддержание стратегического потенциала, основным предназначением которого является сдерживание располагающих ядерным оружием стран от начала ширококомасштабных боевых действий против России с использованием ядерного оружия;
- поддержание сил, способных обеспечить безопасность России в случае возникновения крупного европейского конфликта с участием стран НАТО или крупного вооруженного конфликта с Китаем;

– поддержание готовности противодействовать локальным угрозам на рубежах России по всем возможным направлениям (фактор бывшего СССР);

– наличие сил, способных выполнять функции «войск мира» по отношению к возможным и высоко вероятным в настоящих условиях конфликтам внутри России.

Исходя из вышесказанного, нам представляется несомненной необходимостью для России армии, как стратегической, так и оперативно-тактической, в объеме не менее двух третей от армии бывшего СССР и в качественном отношении резко превышающей уровень войск бывшего СССР.

Особое внимание следует, с нашей точки зрения, уделить структуре кадрового офицерского корпуса, научно-техническому потенциалу армии, ее моральной и психологической подготовленности. Необходимо обратиться к российскому и мировому опыту по социальной поддержке офицерского корпуса как за счет льгот непосредственно финансовых, так и за счет особых привилегий при наделении землей, а также при занятиях предпринимательством.

В связи с этим не лишним было бы вспомнить, что во многих странах, включая дореволюционную Россию, офицерский корпус, с его военными «кастовыми» традициями, нередко играл весьма большую и полезную роль при осуществлении радикальных экономических, и не только экономических, преобразований.

В плане государственного строительства. Мы считаем, что ворота к старому Союзу нет и не может быть. Мы констатируем одновременно полное фиаско так называемого СНГ, его несостоятельность и противозаконность. Вопрос о правопреемстве должен быть рассмотрен во всей его полноте. Бессмысленные, геополитически абсурдные уступки Россией части ее исторической территории в сложившейся ситуации категорически неприемлемы.

Вместе с тем мы предвидим новую, более гибкую и эффективную интеграцию евразийских территорий, ядром которой может быть только быстро развивающаяся Россия. Мы приветствуем все инициативы по вхождению в союз с Россией на федеративных и более плотных основаниях. Мы должны рассматривать конфедеративные союзы с точки зрения их соответствия интересам России и принимать решения, исходя из этих интересов. И, разумеется, мы не против дружественных отношений с другими государ-

ствами, в том числе и ранее входившими в СССР, коль скоро эти отношения лишены той двусмысленности, которая придана им так называемым СНГ.

САМА РОССИЯ – ЕДИНА И НЕДЕЛИМА.

НИКАКОГО «СОЮЗА ГОСУДАРСТВ» НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ НЕТ И НЕ МОЖЕТ БЫТЬ.

НАША ФОРМУЛА ДЛЯ РОССИИ – ЭТО «СОЮЗ НАРОДОВ– ФЕДЕРАЦИЯ ТЕРРИТОРИЙ».

НЕТ – ПОЛИТИКЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИЗМЕНЫ, ВЕДУЩЕЙ К РАЗВАЛУ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА!

ВЕЛИКОЙ И ОБНОВЛЕННОЙ РОССИИ – БЫТЬ!

РЕСПУБЛИКА РУСЬ: «КОЗЫРНАЯ КАРТА» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИГРЕ?

Круглый стол⁵¹

Москва. 1992. №11–12

С некоторых пор можно с разных сторон услышать разговоры о возможности (или даже крайней необходимости) создания Русской республики. Объяснение тому простое: русским худо, их этническое бытие под угрозой – вплоть до физического вымирания в десятках областей. Чтобы выжить, необходимо поднять защиту национальных интересов до высот государственных.

Каким же видится это государство? Русское освободительное движение (РОД), недавно заявившее о себе в Санкт-Петербурге, опубликовало карту «Республики Русь». Получилась узкая полоса, проходящая посредине Российской Федерации. Эта публикация и последующие телепередачи легли в основу разговора за «круглым столом», проведенным в редакции журнала «Москва». Представляем нашим читателям аргументы «за» и «против».

Участники «круглого стола»: И.В.БОГОМОЛОВ – Русское освободительное движение (РОД), председатель «Гуманистической партии России»; А.К.ГЛИВАКОВСКИЙ, политолог; В.Н.КРУПИН, писатель; С.Е.КУРГИНЯН, политолог; Н.Н.ЛЫСЕНКО, председатель «Национально-республиканской партии»; И.В.ОГУРЦОВ, правозащитник; В.Н.ОСИПОВ, председатель партии «Христианского возрождения»; Н.А.ПАВЛОВ, народный депутат.

В.В.БОГОМОЛОВ. Мы убеждены, что спасти русских от вымирания, физической и духовной деградации можно только в том случае, если будет создано национальное унитарное русское государство в составе России. Сегодня у русских нет государственнос-

⁵¹ Из материалов «круглого стола», проведенного журналом «Москва», мы публикуем две наиболее отчетливо выраженные полемизирующие позиции.

ти, и дальше терпеть такое положение невозможно. Вот почему мы добиваемся создания на территории компактного проживания русских в РСФСР русского государства. Нам кажется, что это самый бесконфликтный путь – создание Республики Русь на землях, которые не входят ни в одно национальное образование. И вот РОД действует именно в этом русле.

Считаю, нужно определиться в том, кто такие русские. Не без гордости могу сказать, что наше определение подхватили и демократы, и сейчас оно является почти что общепризнанным в разных формулировках. Русский – это тот, для которого культура русская и язык являются единственно родными. Иначе говоря, принимается не биологическое определение национальной принадлежности, а культурно-духовное. Словом, мы не считаем, что русскими рождаются.

С.Е.КУРГИНЯН. Общая оценка существующей ситуации – сломано государство, рассыпаны все идентификационные поля. Это более чем трагично. Демократы просто смешны со своей идеей реформ. Какие реформы в распадающейся на части стране? Сегодня – только одна задача: строить государство, собирать общество.

Задача – национально-государственное строительство. А это нечто несоизмеримое с экономическим реформаторством. Экономическое дикарство, рыночный фетишизм, магия реформаторства ничего общего не имеют с тем, что действительно необходимо для предотвращения катастрофы мирового масштаба. Сценарии реального разворота событий таковы.

Первый. На государственном уровне стремительно осуществить пересмотр территориального деления России, выделив примерно десять республик, соединенных в нерушимую федерацию без всякого права на отделение. Бред ленинской национальной политики должен быть наконец-то развеян.

Нам нужны Северо-Западная республика, Центрорусская республика, Южно-Русская республика, Поволжская республика, Урало-Сибирская республика, Западно-Сибирская республика, Центрорусская республика, Восточно-Сибирская республика и Дальневосточная республика в пределах Российской Федерации. И – точка. После этого – расстрел за сепаратизм и широчайшие льготы всем формам культурной, духовной, образовательной свободы. Если надо – поддержка местных элит, если надо – война

на уничтожение, но только так может быть построена нормальная территория. Незыблемая и неделимая. И — тем самым предотвращена общемировая катастрофа.

Увы, как строятся государства — известно. Но этот первый путь предполагает государственное мышление на высшем уровне. Силу, жесткость, решительность, терпение, коварство — словом, то, что составляет «модус государственности». Этого нет.

Тогда — *второй* сценарий.

Итак, наверху государственная воля отсутствует, но в обществе она есть. И необходимо сделать все возможное для ее фокусировки. Сшивать территории — экономически, политически, культурно, духовно. Вопреки разваливающему центру. Используя все — от создания трансрегиональных промышленных корпораций до земельных банков, политических организаций, культурных обществ, союзов городов и земель.

Сшивать — на уровне смыслов и на уровне голого интереса. Системно. Комплексно. Для этого нужна элита. Это слово было ругательным у нас в течение долгого времени. В результате мы получили антиэлиту. Но теперь какие-никакие условия для этого есть. Нет худа без добра. Омертвляющий центр все же рухнул, пошел экономический беспредел, но в нем нельзя уже так эффективно препятствовать становлению национальной государственно ориентированной элиты. Казалось бы, заняться этим без дураков, ведь на карту поставлено все, буквально все. Но предположим, что самоорганизации, адекватной решению такой задачи, в нашем обществе не возникнет. Что — дальше?

Третий сценарий. Неуправляемый распад территорий. Сразу же за этим распадом, развалом, дезинтеграцией начнется восстановительный процесс. Реинтеграция. Как уж это произойдет, через войну, интервенцию, национально-освободительное движение... Ясно, что без этого не обойдется.

Острый, страшный процесс, все надо сделать, чтобы его избежать... И все же... Самое страшное — это не русская ирредента. Самое страшное — смерть. Вялое гниение, постепенное угасание в резервации. Кому-то это угасание, безусловно, нужно. Но ведь русский народ еще жив. И голыми руками его не возьмешь. Рождаются патриотические движения, вот-вот будет найдена формула национального движения. Как этого не допустить? Технологии, как ни странно, известны. Надо засунуть несколько экстремистских русских

партий в плазму патриотического движения. Экстремистских — чтобы всех других можно было обвинять в национальной измене. Рвать рубаху на груди, кричать, что ты единственный последовательный, крутой патриот, а под это... Строить резервацию и сгонять туда русских для их спокойного, постепенного умерщвления. Типичный прием западных спецслужб. Особенно — английской. Она на этом очень поднаторела. В Индии, в арабском мире. У них в инструкциях даже термин такой существует — «идеологическое клонирование». То есть создание таких дефекто-структур.

Посмотрите на эту колбасу. И скажите мне честно, что она вам напоминает. Мне — концлагерь. Жить в этом нельзя. Можно лишь прозябать. Такая колбаса — в военном плане — режется на кусочки с легкостью необычайной. Сбить сюда 170 миллионов русских — технически невозможно. Инфраструктура не выдержит, рабочих мест нет. Ничего нет, понимаете? А беженцы? Ведь и Российская Федерация сможет их принять только с невероятным напряжением сил, по сути перейдя на особое положение. А эта якобы Русь? Да они там будут мерзнуть, голодать и умирать миллионами. Казалось бы, очевидная вещь. Ан нет! Пожалуйста — обсуждается всерьез, в том числе и по телевидению, которое русскую тему «ужас как любит». И что, не ясно, в чем дело?

И, наконец, существует еще и *четвертый* сценарий. Он состоит в дефектной сдаче власти неким «русским фашистам». Нас убеждают, что «русский фашизм» выдуман только для того, чтобы им пугать. Согласен, что выдуман. Согласен, что одна из целей — пугать. Но это не все. Есть и другие цели. Эти господа всегда стараются одним выстрелом убить побольше дичи. Так вот, дефектная сдача власти с пародией на гитлеровский фашизм, но с жестокой, кровавой пародией — чем не цель? К власти приходят те, кто удержать ее — однозначно — не смогут. Но наломают дров. И не на 3 дня, а на 4–5 месяцев. Потом — спасение мира от «фашистов», интервенция, восстание внутри страны, и тогда уже денацификация по-германски плюс разделение страны. Чем не вариант?

Так вот, для такого сценария необходимо «клонировать» 5–7 партий: так удобнее управлять процессом. Одна (к примеру!) будет специализироваться на чистоте крови. Ну и заодно, наверное, на еврейской тематике. Надо же продемонстрировать миру «злобный оскал фашизма». Да и внутри движения самозабвенно бабушек половить — еврейских, литовских, кавказских, татарских! Ломать не

строить — душа не болит! Охотников найти нетрудно. Ну и порекомендовать им орать во всю глотку. Как говорится, дело привычное.

Дальше — разрыв исторического времени. Этим грешат все без исключения. Иногда кажется, что человек, не сказав «проклятый советский период», вообще не может «самозавестись» и начать говорить на политические темы. Понятно — демократы. Они рушили напропалую. А нам — строить. И как прикажете строить, имея «черную дыру» в 74 года шириной? Через это не перепрыгнешь. 12 лет нацистов — полпоколения плюс интервенция, неостывший пепел жертв, расчленение страны, и что же? Произошло объединение, и вот уже нацисты — только что не герои... И то ли еще будет!

Потом — атака изнутри на православие. Оно и так подорвано. Все здание христианской культуры дышит на ладан. И тут — в противопоставление христианству — и язычество, и ведизм, и оккультные братства. И все бы нормально — я не ханжа, религиозный ренессанс неминуем, но не за счет прошлого, не за счет расширения исторической «черной дыры» до двух тысячелетий. Это или полный кретинизм, или очень умный, но очень подлый замысел.

Итак, достаточно попеременно и остервенело жать на расколнические педали — этническую, конфессиональную, идеологическую, политическую, а главное, территориальную — и при этом бить себя в грудь, кричать о России — и дело будет сделано.

«Разделяй и властвуй».

Я хотел бы, раз уж пришлось обсуждать всю эту галиматью, напомнить кое-что из прошлого.

Первое. Сегодня все говорят о масонстве, разрушившем Россию. Но никто не хочет сказать главного. Что этих масонств было два — космополитически-западническое и оголтело-русское. И разрушали они — совместно и слаженно. Помнить надо, что кукловод всегда водит куклу двумя руками.

Второе. Происходило и происходит искажение облика национальной идеи, то есть оскорбление России.

Третье. Происходит разрыв исторического времени, а значит, под крики о защите прошлого и разоблачения прошлых (всегда ведь — прошлых!) заблуждений идет уничтожение того самого культурно-исторического коллективного «Я», к которому все время адресуются уничтожители.

Четвертое. Происходит профанация очень серьезных и сугубо профессиональных проблем и их подмена «болтовней на завалин-

ке» о всеобщем жидо-масонском заговоре. Причем эффект этой болтовни — национальный паралич, комплекс неполноценности и отвлечение внимания от того, что существует, но что обсуждать можно и должно на уровне высокого профессионализма и с чисто вымытыми руками.

Пятое. Происходит дезинтеграция патриотического движения в момент, когда оно лишь ищет дорогу к подлинному единству, когда все еще преобладает эклектика, когда лишь в самых общих чертах намечена схема самого элементарного политического синтеза. Об идейном и духовном синтезе даже не говорю — еще рано!

Все это тревожит. Мне не хотелось бы придавать слишком большое значение тому, что называется РОДОМ, или русской партией, или национал-демократической партией и т.д. и т.п.

Верю в то, что там много искренних и даже неглупых людей. Что ж, неглупым полезно будет кое-что доосмыслить. Понимаю, что горячие, искренние люди могут не ведать, что они творят. Скорее всего — не ведают. Им, напротив, кажется, что все другие — враги.

Ну и я, конечно, один из главных. Лично меня это мало волнует. И не к такому привык. И ребят этих в общем-то жалко. Но я вижу глаза тех, кто моделирует процесс, и знаю, что эти парни ведают, что творят. За деньги. По чертежам. И это настолько мерзко, что приходится копаться в этой кухне, вскрывать, как говорится, второй план. Кого бы это ни злило. А что касается русской идеи, все мы ей служим. Десятки поколений моих предков служили России. Но — Великой России. А не «колбасе». Что касается русской нации, права ее и вправду ущемлены. Так и давайте все-рез сражаться за них, а не ущемлять эти права еще больше — в псевдорусском концлагере.

Право, что за любовь — разыгрывать черную мессу и выдавать при этом себя за служителей Бога? А ведь это у них — во всем. И в этом знаке, в этой эмблеме. Кажется людям, что знают имя Отца. Знают ли?.. Очень сомневаюсь. А играть в такое нельзя.

В.В.БОГОМОЛОВ. Странно, что мои оппоненты исходят из посылки: раз появится Республика Русь, то остальные субъекты Федерации отпадут. Но это далеко не очевидно и совершенно не вытекает из того, что в Федерации появляется русский субъект, которого сейчас нет. Вот пока русского субъекта нет, на наш взгляд, можно гнать русских из Татарии и откуда угодно, и некому заступиться. Это — раз. Во-вторых, могут спокойно выходить

из РСФСР и Якутия, и Карелия, потому что федеральное правительство не в состоянии их удержать. И не очень в этом плане беспокоится, как видим. Это — два. Но это, так сказать, вопросы технические.

А мы говорим — противоположное. Утверждение, что у русских суть имперская, — это утверждение варягов, которые очень давно пришли на Русь с идеей господства, русская идея — это идея всеединства и соборности. И она в корне отрицает всякую имперскость, хотя люди русские жили в империи. Да, была империя, но империя, которая никого не давила и не душила. О какой имперскости русских мы можем говорить? Откуда это идет — это другой вопрос. Нас тоталитаризм воспитал, воспитал это имперское ощущение, и оно сегодня цветет пышным цветом.

А коль скоро мы понимаем, что русский человек — это прежде всего не насильник, а человек соборный и русская идея — это идея всеединства и братства людей, то надо сильно задуматься насчет имперских амбиций.

Самое главное, против чего здесь не было высказано ни одного аргумента, — действительно вопрос о том, почему складывается такая ситуация. Казалось бы, все просто. Завтра Верховный Совет, на девяносто процентов космополитический, заявляет, что мы отменяем автономии, вводит туда танки — и вопрос решен. Объявляем всю Российскую Федерацию русской — зачем делить? Все просто. Зачем какие-то аргументы, когда есть танки, друзья! Давайте действовать силой.

Дальше идем. Говорят, что самосознание русских — это вопрос месяцев. Мне странно слышать, откуда взялись выводы. Когда я слышу, как русских чернят по телевидению и только ничтожная часть возмущается, а остальные покорно слушают всякую грязь в свой адрес, когда отдают Крым, а девяносто процентов населения не реагирует... что тут можно говорить о естественном восстановлении самосознания?

Самосознание должно воспитываться, потому что человек вообще продукт воспитания. Если человека не воспитывать, получается Маугли, не умеющий к тому же говорить. Поэтому идея русской государственности должна основываться только на одном: если не заниматься целенаправленно политикой возрождения русского — национального, политического и так далее, то нация исчезнет и никакого естественного процесса не будет. Сейчас идет процесс естественного упадка. Все становятся русскоязычными.

КАПКАН ДЛЯ РОССИИ, ИЛИ ИГРА В ДВЕ РУКИ

Наш современник. 1993. №2

Я не стал бы продолжать дискуссию с А.Прохановым⁵². Если бы не одно обстоятельство, значение которого со временем возрастает. Обстоятельство это – блистательный провал оппозиции на VII съезде народных депутатов России. Обстоятельство это – непрерывная свара внутри оппозиционных структур, фронтов и соборов. Обстоятельство это – угрюмое разочарование населения во всех политических структурах и силах, будь то левые, правые или умеренные. Все это в совокупности означает конец определенного этапа в политическом движении, сегодня именуемом себя оппозицией. Публикации «Если хотим жить» и «Если хотим победить», вышедшие в газете «День» в первом ее новогоднем номере, подводят черту под целой эпохой оппозиционного движения. И в силу этого требуют продолжения. Если мы хотим жить и победить, мы должны признать исчерпанность старой оппозиционной политической практики и провести перегруппировку сил. Раскол чудовищен, если речь идет о живом, набирающем силу движении. Но он животворен, если речь идет о движении загнивающим, переживающим глубочайший кризис. Кадрово-идеологическая чистка, или, как говорят китайцы, «чжэнфэн», может быть прихотью взбалмошного тирана, но может быть и выстраданным сознанием необходимости очистить рану от гноя, предотвратить гангрену и смерть.

Если мы переходим к новому этапу, хотим прорваться в него, хотим прервать череду неудач и конфузов, то мы должны прежде всего понять, чем вызваны неудачи, в чем их причина.

Причина эта для меня достаточно очевидна. У оппозиционного движения нет штаба, нет дисциплины, нет сосредоточенной политической воли. А без этого не может быть и никаких полити-

⁵² Дискуссия была начата в газете «День» от 1 января 1993 г. статьей С.Кургиняна «Если хотим жить».

ческих результатов. И не надо сваливать на неподготовленность масс. Массы дали оппозиции шанс уже 7 ноября 1991 года. Они приходили по ее зову всю зиму и весну 1992 года, когда оппозиция фактически господствовала на улицах столицы. Но если этим массам все время обещать радикальное политическое действие, а вместо этого устраивать лекции по политэкономии социализма, вечера стихов, панихиды по убиенной России, то проку не будет. Но ведь именно это мы и наблюдали в течение последнего года.

Я не хочу гнущать краски. Кое-что в этот момент было естественно. Например, политическая пестрота оппозиции, идеологическая эклектика, союз непримиримых врагов. Широкий фронт в период своего становления, своего детства не может избежать сумбурности, противоречивости, столкновения непримиримых позиций. Но зрелость предполагает снятие этой непримиримости, ее преодоление и создание новой политической целостности за счет идеологического синтеза. На это работали десятки людей, и в какой-то момент их совместные усилия привели к тому, что нормальная идеология государственности, именно не кабинетная, а рожденная на улицах и площадях и оформленная, осмысленная патриотической интеллигенцией (в чем, кстати, и состоит ее профессиональная обязанность по отношению к революционной массе), была, что называется, на подходе. Возникнув, она должна была обеспечить переход оппозиции в новое качество и ее победу, но этому помешали. Результат налицо. Моя реакция на фашистский соблазн в оппозиционной прессе (ничего общего не имеющий с академическим исследованием, а являющий собой упрощенную апологетику отдельных, отнюдь не лучших, сочинений европейских «новых правых», в совокупности с откровенной пропагандой опять же далеко не лучшей, мягко говоря, части наследия Третьего рейха) — это реакция на прерванный процесс становления национального самосознания. И подмену этого процесса кабинетными изысканиями.

Леность мысли

Я не стану преувеличивать роль злой воли, которая стоит за подобным прерыванием нормального идеологического процесса. Потому что никакая злая воля никого совратить не может в том случае, если внутри политического движения нет слабых, легко уязвимых мест. Но эти места есть. Не избавившись от этих слабо-

стей, нельзя бороться со злой волей, да и вообще нормально развиваться и жить, даже при условии, если эта злая воля исчезнет. Главной слабой точкой, ахиллесовой пятой оппозиционного движения, весьма традиционной для России и ее национально мыслящих сил, является лень политической мысли.

Сразу же оговорюсь, что эта констатация не имеет ничего общего с рассуждениями о том, будто русский народ ленив. Нет более трудолюбивого народа, своим подвижническим трудом уже неоднократно в истории опрокидывавшего замыслы своих недругов. И Великая Отечественная война выиграна, как и индустриализация, как и петровские преобразования, героическим трудом народа. Этим трудом создано все, что теперь распродается по дешевке, оптом и в розницу, под аккомпанемент разговоров о русской лени. Русские создали величайшую в мире культуру, они проявили и проявляют подлинную гениальность в вопросах научно-технического творчества. Это один из самых национально открытых народов мира. И все эти сентенции о русском фашизме гроша ломаного бы не стоили, если бы... если бы не лень именно политической мысли. Если бы не особая, «детская» доверчивость нашего народа, способного бессознательно для себя быть втянутым в совершенно чуждые ему идеологические игры.

Уязвимое место национального сознания — это политика. Здесь русский человек часто и легко проигрывает. И мы должны признать эту слабость, если хотим от нее избавиться. Нет, не русский народ я обвиняю в лени, а так называемую патриотическую интеллигенцию, которая по крупному счету ничем не отличается от своего демократического собрата. Я еще раз говорю: по крупному счету, потому что в нравственном отношении я не могу и не хочу здесь ставить знак тождества. Но политическое верхоглядство, страсть к заимствованию, неумное и мелкое честолюбие лидеров, приводящее к политической грызне между ними, обусловленная ленью мысли тяга к упрощенным решениям, не соответствующим масштабу проблем, неверие в кропотливый, каждодневный политический труд и вытекающая отсюда организационная бесплодность, отсутствие воли к самостоянию, к самостоятельной творческой активности в сфере идеологии — все это у них общее. И как ни горько, но я должен признать, что в большей части своей патриотическая интеллигенция еще менее способна к творческой активности в сфере идеологии и энергичному действию-

ванию в реальной политике, чем ее демократический противник. Страна переживает катастрофу беспрецедентную, и национальное сопротивление, силы национального возрождения должны предпринять действительно сверхчеловеческие усилия, чтобы не дать нации исчезнуть. Что же мы имеем вместо этого?

Первое. В коммунистическом лагере мы имеем упорное и ничем рационально не объяснимое цепляние за марксистско-ленинскую догматику. Я не намерен топтать марксизм-ленинизм и утверждать, что это сатанинская религия и разновидность фашизма. Но это безусловно устаревшая доктрина, продемонстрировавшая свою недостаточность для обеспечения нормального развития России.

Добавим к этому очевидную иномирность, иноцивилизационность той доктрины, которую называют марксизмом-ленинизмом (это словосочетание, как известно, принадлежит Троцкому). Да, марксизм описывает очень многое в западной цивилизации. Но когда это самописание Запада начинает претендовать на всеобщность, универсальность, то это еще и концептуальный империализм, столь же опасный, как и доктрина «нового мирового порядка», и столь же антирусский по своей сути. Что касается Ленина, то здесь речь идет вообще о политической теории, которая не может и не должна претендовать на вневременной, абсолютный, непреходящий характер. Вроде бы я говорю об очевидных вещах, но на чем базируется тогда такое цепляние за догмы, такое нежелание коммунистов, восстанавливающих сегодня компартию России, сделать хоть какие-то коррективы в идеологии, придав ей современный и национальный характер?

Казалось бы, можно сделать выводы хотя бы из трагедии «катастрофы». В самом деле, огромная держава с колоссальными возможностями и невероятным военным потенциалом, с достаточно культурным населением, имеющая на своем счету величайшие исторические свершения, огромные победы и достижения, рухнула в результате удара по ее идеологическому стержню. Мы проиграли не в экономике и не в гонке вооружений. Мы проиграли в идеологии и проиграли, будучи вооруженными именно этой доктриной и ее основными идеями, совершенно неорганичными для России и в принципе тупиковыми с точки зрения исторической перспективы.

Эти идеи:

— экономический детерминизм (бытие определяет сознание), называвший себя историческим материализмом;

— самоотчуждение от высших смыслов, целей и ценностей, называвшее себя диалектическим материализмом;

— теория права наций на самоопределение, обернувшаяся разрушительной для государства концепцией национально-территориального устройства страны;

— концепция универсализма, отрицающая право России на свой путь и презрительно именующая все прочие пути исторического движения азиатчиной, азиатским способом производства и прочее;

— и, наконец, идея мирового господства в форме до конца не изжитой идеи «мировой революции». Все в мировом масштабе, все для «мирового социалистического лагеря» — пусть это в последние десятилетия и заменялось все чаще «уравновешиванием», «геополитическим балансом» и «взаимным сдерживанием».

Я даже не говорю здесь об идее классовой борьбы, которую больше всего пинают демократы, поскольку в том обществе, какое они строят, такая идея станет безальтернативной. Но это плод их уникального реформаторства. Мы наконец-то воплотили у себя ту концепцию буржуазного общества, которую сами же создали и которая к нормальному бытию буржуазного мира особого отношения не имеет. Описывая капитализм как империю зла, мы, наконец, признав его неотвратимость, начали его строить именно как империю зла, и в этом смысле наши демократы, реформирующие сегодня страну, — марксисты-ленинцы худшего толка.

Пересмотр марксистско-ленинских догм, отказ от них в программе новой компартии — это насущная необходимость. Это вытекает из задач обеспечения здесь и сейчас всеобщего национального и конфессионального мира, из сегодняшних мировоззренческих реалий, из международной и внутривосточной ситуации. Это не вопрос вкуса! И не вопрос чьих-то амбиций!

Спрашиваю еще и еще раз: почему новая партия, воссоздаваемая на обломках КПСС, вновь провозглашает свою верность идеям Маркса и Ленина? Что думают об этом национально мыслящие лидеры коммунистов? Как относится к этому коммунистическая молодежь? Это вопросы, которые по непонятным мне причинам даже не поднимаются ни коммунистической, ни патриотической прессой. Политические последствия этой фигуры умолчания мы наблюдаем еженедельно на заседаниях право-левых альянсов, объединенных оппозиций, фронтов и соборов. Неумение верно ставить идеологические вопросы раскалывает движение на

уровне политических масс, а этот раскол неизмеримо опаснее размежевания лидеров на внятных идеологических основаниях. Ибо раскол снизу доверху (а он назревает!) действительно чреват гражданской войной.

Леность мысли, отсутствие прагматической устремленности к действительному взятию власти и идеологическая недееспособность – вот причины того, что нынешние коммунистические лидеры опять цепляются за старое. Поступая так, они совершают политическое самоубийство и влекут в тупик те государственные, патриотически ориентированные силы, которые пойдут на поводу их замшелого, бесперспективного догматизма. Да, догматизма, причем догматизма в худших традициях предшествующего периода, компенсирующего свою убогость маразмом всех, кто действительно болеет за будущее того современного, национально- (а не национал-!) коммунистического движения в России, вне которого нормальный политический синтез в стране невозможен, а значит ни мира, ни стабильности быть не может. Я был одним из первых, кто выступил против демонизации здоровых патриотически ориентированных государственных сил в коммунистическом движении России, против их расчеловечивания так называемыми «демократами», против позорной клички «красно-коричневые». Но сейчас скажу, что принятие старой и политически тупиковой концепции, основанной на марксистско-ленинской ортодоксии, погубит воссоздаваемую российскую компартию, превратит ее в одну из сил разрушения страны, блокируя возможность серьезного, гибкого и прочного политического согласия для обеспечения политической стабильности в обществе. И, повторяю, это обусловлено отсутствием творческого потенциала и подменой реальной политики всеми худшими рефлексам предшествующего периода: интриганством, местничеством, боярским олигархизмом, популистской истерикой. Да, популистской истерикой, ибо обещания восстановить СССР, даваемые коммунистическими идеологами, столь же реальны, как и обещания Ельцина построить в России Америку за 2 года. Это того же разлива демагогия, тот же тип безответственности.

Суля призрачный на сегодня Союз, коммунистические идеологи уваливают от реальной работы по строительству Российского государства, работы тяжелой, требующей конкретных политических навыков и приемов, конкретных знаний в десятках поли-

тических областей, не уместяющихся в прокрустово ложе марксистско-ленинской догмы. Ни по одному практическому вопросу нет, и в этих условиях не может быть, сколь-нибудь современных политических ответов у людей, занятых «ловлей журавля в небе».

Нет ответа ни на вопрос о Крыме, ни на вопрос о поволжских немцах, ни на вопрос о русском Казахстане, ни на вопрос о Донбассе, ни на вопрос о политике на Кавказе. В результате упущены и продолжают развиваться (хорошо, если без помощи коммунистических идеологов!) сепаратистские процессы в Сибири и на Дальнем Востоке, в Поволжье и на Урале. А обратите внимание на этот вакуум в сфере самых больных ответов на самые болезненные проблемы построения государства Российского, и вам заявят, что все решается очень просто: надо только восстановить Союз. Но объясните нам, как его восстановить? За счет чего? За счет дальнейшего ослабления российской государственности? За счет потери целостности даже ядра российских территорий? За счет дальнейшего развала России? Нет уж, простите, такой Союз нам не нужен. Путь к воссозданию великой России, настоящего правопреемника СССР, лежит через укрепление Российской Федерации как ядра российских территорий. Удастся нам сохранить это ядро, удастся укрепить властные структуры и создать нормальную вертикаль — будет восстановлена и Большая Россия, но на других основаниях, гораздо более здоровых и устойчивых, нежели те, которые вытекают из суверенитета наций, составляющего суть ленинской национальной политики, ошибочность которой не определена ни в одном из документов коммунистов.

Укрепив Российскую Федерацию и создав поле притяжения для русских территорий в пределах так называемых союзных республик, мы в течение двух—трех лет сможем вернуть себе на началах жесткой федерации, а то и унитарного ядра 6/7 бывшей территории. И это будет такое возвращение, при котором потерянные 8 лет окажутся потерянными не зря, мы действительно получим новое качество. Что касается оставшейся 1/7, то мы будем решать (!), на каких условиях, что и куда будет входить, а не кричать, как зазывалы, кому ни попадя: «Ой, пожалуйста, только войдите к нам, на любых основаниях!». Унитарное ядро в федеративной оболочке и сложные приставки (так называемые окраины, регионы-спутники и прочее) — вот модель великой России, которую мы обязаны восстановить еще в XX столетии.

Так не зовите демагогически к немедленному восстановлению прежнего — будто он не порушен! — Союза и не раздражайте усталое общество марксистско-ленинской догматикой, а стройте новую Россию и создайте новую преемственную государственную идеологию. Покажите нам хоть одно ваше внятное исследование, хоть одну национальную, изнутри нации взятую, а не списанную в классической манере застойных лет концепцию развития коммунистической идеологии. И если она есть, если она оригинальна и в силу этого национальна, если она государственна и ориентирована на строительство самобытной государственности, то я с восторгом приму ее и встану под знамена этой идеологии, и буду работать над ее воплощением в жизнь. Но, увы, такой идеологии вы пока не создали, а государственность продолжает оставаться слабым местом нашего движения. Я являюсь членом КПСС, поскольку эта организация незаконно распущена с целью облегчить незаконный роспуск СССР. Но я говорю здесь о незаконном роспуске СССР не для того, чтобы требовать его воссоздания на прежних или же еще намного более худших для России основаниях, а для того, чтобы вернуть процесс в исходную точку и грамотно поставить вопрос о правопреемстве. Я заявляю всем партийным бонзам, незаконно разрушившим СССР, что вопрос о правопреемстве остается открытым, но что решаться этот вопрос будет уже с учетом новых страшных реалий.

И, наконец, не лишним будет напомнить, что наша цель — иметь помимо издержек, теперь уже неизбежных, и какие-то приобретения по части государственного строительства, а не еще большие издержки, связанные с воссозданием рыхлого, вялого псевдогосударственного образования по горбачевской схеме.

И тут я подхожу к самому главному. В своей интеллектуальной ограниченности, в своей идеологической зашоренности ортодоксальные силы коммунистического толка становятся игрушками в руках тех самых западных управителей, от которых они так отреклись и чуть ли не агентом влияния которых они, по-видимому, считают автора этих строк. Это они — агенты, причем агенты худшего типа, даровые инструменты чужой политики, лишённые субъектности, способности к внятному целеполаганию, и в силу этого элементарно превращаемые в марионеток.

Леньность мысли, несостоятельность в сфере идеологии, приверженность старым политическим методам, копирование, заимство-

вание и в силу этого заданность, мертвая схема, отработанный трафарет, — вот враги всего патриотического движения. И если в предшествующей статье я говорил о патриотах, то здесь я обращаюсь ко всем, к «правым» и к «левым», к «белым» и к «красным». Если мы не одолеем этих врагов (я не о людях говорю, а о качествах), то мы погубим Россию, ибо станем орудиями чужих, ей враждебных сил. Толку ли, если даже и вопреки своей воле?!

«День» и доктрина Яковлева

Касясь заговора зловещих прозападных сил против русского патриотического движения, А.А.Проханов пишет: «Эта гнусная доктрина, рожденная в лаборатории А.Яковлева... должна связать в сознании общества трагедию минувшей войны, истребившей цвет нации, и сегодняшнюю русскую патриотику. Ибо фашизм для русского человека непреодолимо кровавая категория, отрицаемая на бессознательном уровне. В этом гениальность парапсихологической находки Яковлева. В этом мерзость идеологического удара демократов. Мы живем с топором в груди, всеми силами стараюсь выдать из себя это лезвие».

Полностью солидаризируюсь с мыслью Проханова и его оценкой фашизма, даваемой им в этом месте его статьи («непреодолимо» кровавая категория, отрицаемая на бессознательном уровне), я хочу знать конкретно, желательно с минимумом патетики, что противопоставляет патриотическое движение доктрине Яковлева. Или как именно, за счет чего, с помощью каких политических методов и приемов профессиональные идеологи патриотического движения собираются (воспользуюсь метафорическим языком А.Проханова) «выдавливаться лезвием топора», засаженного им в грудь их коварными оппонентами. Я хочу получить ответ на уровне технологий или, как любят говорить авторы «Дня», «тензорных уравнений», а не на уровне ничего не значащих слов или отождествления критики с подрывом движения (кто нас критикует, тот против нас, все, кто нас критикует, равны между собой и прочее).

Итак, о технологиях борьбы с действительно имеющей место быть попыткой многочисленных западных структур и сил, в том числе и окружения А.Н.Яковлева, отождествить все национальные русские движения с фашизмом. Тут открывается несколько вариантов.

Вариант первый, или модель А.Баркашова, одного из лидеров Русского собора. Принять обвинение в фашизме и «отмыть» фашизм,

тем самым стать его носителем со знаком плюс. Это внутренне логичная модель, и, давая интервью газете «Россия», А. Баркашов называет Гитлера великим человеком и даже оправдывает его презрение к славянам («этой расе ублюдков») тем, что принявшая коммунизм Россия заслуживает такой характеристики.

Что ж, это уже политическая позиция, политическое самоопределение. Я по этому поводу не впадаю в транс. Я фиксирую это самоопределение и требую от других политических лидеров политической оценки этого политического шага, а значит, ответного самоопределения, и самоопределяюсь сам. Мне такая позиция Баркашова решительно чужда.

А Проханов? А Зюганов? А Стерлигов? А ФНС⁵³? А весь Русский собор⁵⁴? Они как к этому относятся? В чем их политическая позиция? Какую оценку они дают этому факту? Вместо этого я слышу «лирико-эпическую сагу» о Яковлеве. Но при чем тут Яковлев? Кто, кому и куда ныне-то засаживает топор?

Я не ханжа, и мне достаточно было бы безразлично, кто кого там любит, если бы речь шла не о деле национально-государственного строительства. Люби ты Хаусхофера сколько хочешь и объясняйся в этой любви, люби ты Салазара или Франко, и никому до этого дела нет, и учишься вообще чему хочешь и у кого хочешь — это твое право. Но цель-то какова? Цель-то в чем? Если цель — осуществление национально-государственного строительства, то осуществить его можно, лишь соединив цепь времен, опираясь на весь потенциал российской истории и прежде всего на Вторую мировую войну и победу России в ней. Это событие непреходящее, абсолютной ценности. Это фундамент национально-государственного строительства. Это последняя надежда страны на то, что она сумеет все-таки встать с колен, последний по времени залог ее непобедимости. И бить по этой основе, опоре, фундаменту, исповедуясь в любви к Гитлеру, — это что значит, господа патриоты? Ведь это значит, что мы не спасли мир от фашистской чумы, а зря пролили море крови, воюя вовсе не с тем, с кем надо.

Что это по отношению к подвигу народа? Что это с точки зрения концентрации воли народа? Что это с точки зрения призна-

⁵³ *Фронт национального спасения (ФНС) — основанная в 1992 г. общероссийская общественная организация, объединявшая левые и правые патриотические партии и движения.*

⁵⁴ *Русский национальный собор (РНС) — общественно-политическое объединение (существовало с 1992 г.).*

ния великой исторической роли России, которая за два тысячелетия своей истории лишь несколько раз поднималась до таких высот, до каких поднялась она в те великие страшные годы? До высот, и не снившихся иным почтенным странам...

Совершив такой кульбит, как собирается «русский патриот» Баркашов связывать времена, объединять поколения? Что он будет противопоставлять умалению роли России, проводимому последовательным русофобом А.Н.Яковлевым? При таком-то отношении к советскому периоду российской истории?! И чем такое отношение отличается от отношения, сформулированного в книге «Ледокол», написанной нашим бежавшим из России ГРУшником, спецназовцем по фамилии Суворов. Этот «Ледокол» рекламируется «Московскими новостями»! А что, хотелось бы знать, думает спецназ о Суворове? Или появились уже и для всех наших разведчиков некие обстоятельства, при которых измена, сдача врагу могут быть оправданы? («Коммуняки!.. Не с тем воюют!») Не хочу, не могу в это поверить. Ибо воинский долг, воинская честь выше лиц и идеологии. Воин не предает! Воин служит Отечеству. Но тогда как объяснить тождество позиции Суворова с позицией Баркашова (профессионального же военного, тоже спецназовца, но вроде пока не перебежчика) по части изъяснения любви к Гитлеру? Как увязать с этим заявлением стремление Баркашова быть национальным идеологом и строить новую Россию? Разве не понятно, что с таким «багажом» Россию строить нельзя?

Но вот другая модель – модель Дугина. Не успели мы опомниться после марксистской догмы, делившей мир на красное и черное, и либеральной, делившей мир на красно-коричневое и белое, как нам преподносят третью, ничуть не менее, даже, может быть, более схоластическую модель – атлантизм–континентализм. России в этой модели нет. Куда там до таких мелочей! И многое, увы, Александр Андреевич перекладывает в своей статье «Если хотим победить» с чужой больной головы на здоровую. Ведь это не я – это Дугин дал очередную догму, это он подменил живой процесс абстракцией и схоластикой, это от него пошла попытка привнесения новозаемной идеологии в массы, очень марксистско-ленинская попытка в плане методологии. Ведь опять очередная догма не обсуждается. Опять игнорируются груды фактов, которые в нее не укладываются. Опять живой исторический процесс впихивается в прокрустово ложе немецких умозрительных схематизмов. Что-то, возможно, эти схематизмы и ухватывают, как

любые схематизмы. Но самое-то существенное остается за кадром. И это «закадровое» — не более не менее как живой исторический опыт тысячелетий.

Спору нет, есть много — в теории — причин для союза Германии и России. Но уже тысячу лет этого союза нет! Почему? Только козни злых сил? Полноте, так не объясняют историю. Спору нет, мусульманский фактор важно учесть. И, наблюдая течение закавказских конфликтов, я одним из первых предостерегал Россию от опрометчивых шагов, в результате которых она может поднять на себя весь исламский мир. Это категорически неприемлемо, особенно при сегодняшнем раскладе сил. И я продолжаю настаивать на этом. Вообще есть много вопросов, таких, которые не укладываются в элементарные схематизмы. Не может живая политика строиться на слишком далеких от жизни абстракциях. Фундаментализм — это «континент», а значит, это союзник? Но самая фундаменталистская страна исламского мира — это Саудовская Аравия, являющаяся главной опорой США в регионе после Израиля, и как прикажете это совместить? Идем дальше.

Начинаются реальные конфликты в Средней Азии. Есть очевидно прорусские силы и есть силы очевидно антирусские. Ну уж здесь-то «День» должен высказаться на все сто процентов. Он и высказался устами Гейдара Джемала. Высказался с откровенно антирусских позиций, согласно которым Россия должна поддерживать своих врагов, потому что они фундаменталисты, а значит, континенталисты, и наказывать своих друзей, потому что они противники фундаментализма, а значит, по-видимому, атлантисты. А что и как крутят в регионе саудовцы с благословения США — это за кадром. Исмаилиты... Это сложная тема со своими «за» и «против», но если уж так вы за нее агитируете, то хоть расскажите честно историю этого движения, скажите, где сейчас находятся его центры, как оно взаимоотношится с Лондоном (оплотом атлантизма) и так далее, и тому подобное. Опять ловушки для дураков, опять чьи-то чужие цели и интересы плюс расчет на безграмотность населения, наследство коммунистической ортодоксии и жажду утопий. И плюс еще авторитет Запада. Да, это решающий фактор у Дугина, вольно, весьма приукрашено излагающего труды западных теоретиков и делающего на этом свой идеологический бизнес. Где своя мысль, где проникновение в поле собственно русских традиций, стремление понять таинственное поле рус-

ского эгрегора, или, как говорят православные люди, Небесной России? Нет этого и в помине, и это даже обосновывается тем, что дух — на Востоке, а Россия — это всего лишь душа, то есть начало, подчиненное духу. А отсюда один лишь шаг до Гейдара Джемала, говорящего о том, что спасение России в принятии ислама, — опять заимствование, опять леность мысли, опять чужие доктрины. Запад или Восток — только бы не Россия! Россия — выразитель континента. Третий рейх — тоже выразитель континента. Империя Чингиз-хана — тоже выразитель континента. И прежде всего — континент!

Что это означает? А то, что в определенных условиях для Дугина лучше континент без России, чем Россия без континента. И в очередной раз Россию будут приносить в жертву утопии, интернационалу, теперь уж не красному, а черному, не верите — почитайте «Гиперборею», издаваемую в Москве неким Гансом Зиверсом, и поинтересуйтесь у Дугина, каково его отношение к этому журналу. Ну, что бы такое яркое процитировать, и покороче, и чтобы прямо в самую сердцевину? Пожалуй, стихи некоего Касаткина:

*Наш Черный Орден сохранен
И разрушенью неподвластен,
Он ночь за ночью, день за днем
Шлифует зубы волчьей пасти.*

Дальше можно бесконечно цитировать: «Мы отстояли наш Берлин от полчищ интернационала», «...мистический Берлин — суть алхимической тинктуры» и так далее. Осуществляя заимствование, что именно заимствует Дугин? Самую сердцевину именно германского национализма, оккультно-мистическое ядро, наследство тевтонских рыцарей, битых еще Александром Невским, — антирусское дело. Значит, опять, как и у Ракитова, главы аналитической службы Ельцина, в статье его о модернизации России путем пропускания ее через катастрофу, речь идет не о нашем «ядре», а о чужом. Не о наших, а о чужих социокультурных кодах. Но чьи коды — тот и хозяин. Таким образом, речь идет об очередной антирусской идеологической агрессии Запада, особенно опасной тем, что она облакает себя в патриотические ризы, маски. И эти маски срывать надо немедленно, пока не поздно.

Я написал об этом. А что отвечает А.А.Проханов? Цитирую:

«В журнале "Элементы"... исследуются феномены СС и "Ане-нербе", приводятся мысли Эволы, портреты некоторых деятелей

Третьего рейха не в той клишированной уныло пропагандистской манере, от которой у советских людей за четыре десятилетия оскомины, а в новой для нас академической форме, давно уже принятой в Европе и мире, где на всех книжных полках лежат "Майн кампф", монографии о Гитлере с его портретом, и эти издания рассматриваются не как рецидивы фашизма, а лишь как энциклопедические свидетельства крупнейших событий истекающего XX века». Боюсь, Александр Андреевич невнимательно прочитывает то, что излагается в изданиях, членом редколлегии которых он является. Если подпись под портретом Генриха Гимmlера: «Генрих Гимmlер, глава СС. Парадоксально, но именно в этой организации при Гитлере царил наибольшая интеллектуальная свобода и плюрализм» — можно считать академической, то я умолкаю. Если организация Ваффен-СС... и особенно научный сектор этой организации «Аненербе», «Наследие Предков», названы в журнале «Элементы»... «интеллектуальным базисом» и это предлагается нам считать беспристрастно «академической, энциклопедической (!) формой» исследования, то я умолкаю вдвойне. Ибо в том же, новогоднем, номере «Дня», на соседней со статьей А.Проханова странице, я писал об «изошренных садистских экспериментах», которые «ставили аненербисты, элита СС, над советскими военнопленными» в этом «интеллектуальном оазисе» Третьего рейха...

Добавлю лишь, что когда этими фактами, широко известными мировой общественности, циничнейшим образом пренебрег Д.Гранин, восславивший в своем романе «Зубр» аненербистский «институт Буха» и его «светоча» — перебежчика Тимофеева-Ресовского, все патриотические русские издания («Наш современник», «Москва», «Молодая гвардия», «Литературная Россия») гневно выступили против подобного кощунства. Помнятся даже имена писателей-публицистов, вступивших за истину, — В.Бондаренко, А.Казинцев, Д.Ильин, Т.Глушкова и многие, многие другие. Что же им теперь — каяться в своей «академической отсталости», поверив вдруг «Элементам», что в эсэсовском оазисе разрабатывались совершенно безобидные «ортодоксальные (!) консервативно-революционные проекты»? Или же — что нельзя Д.Гранину с приспешниками, то можно «постперестроечному» интеллектуалу А.Дугину, прививающему нам, после «уныло пропагандистской манеры, от которой у советских людей оскомины», «цивилизованный», высоколобый академизм?

Если так, то давайте будем сегодня уж до конца последовательными и чохом признаем, что и «Черный Орден» (Черный Интернационал), и ВАКЛ (Всемирная антикоммунистическая лига), и, например, «Серые волки» («Боз гурд» – международная террористическая организация тюркских неонацистов), «шлифующие зубы» на территории Азербайджана, и ОДЕССА (Всемирный союз эсэсовцев, чтящий, кстати, «первого немца года» – господина Горбачева), и другие организации подобного типа, хоть бы и армянская АСАЛА, исламские суфии или еврейская «Хагана», – это всего лишь академические институты, наподобие института философии или языкознания.

Но возьмите все же, хоть бы забавы ради, любую книгу по истории эсэсовского движения с 1945 года – из числа тех, которые лежат на полках тех самых европейских магазинов, – прочитайте, что там написано о неонацизме и его центрах. И тогда ответьте, прямо глядя в глаза: журнал «Элементы» – это не журнал неонацистского «Третьего Пути»? Это просто образовательное просветиздание, академическое по типу подачи информации? Я жду возмущенных откликов Дугина по поводу моих «гипербол» или «мнительности», по поводу моих «провокационных» или болезненных «подозрений».

Я обращаю внимание на фигуру эсэсовца, держащего в руках земной шар на 17-й странице первого номера «Элементы». Я интересуюсь, кстати, читал ли Проханов другой, недугинский, журнал с тем же названием – «Элементы», издаваемый во Франции? А ведь Дугин, открывая свой журнал, прямо рекламирует, на первой странице, это братское издание, давая фотографию с веером его обложек. Смею заверить, что это издание не скрывает своей неонацистской ориентации и не оставляют сомнений в том, что по отношению к нему «Элементы» Дугина – просто «дочерняя фирма». Нет, это вовсе не самостоятельный новый журнальчик (на добротной финской бумаге), подобно множеству возникающих ныне «проб» русской журналистики. Речь идет о целом международном журнально-пропагандистском синдикате, щупальца которого успешно достигли патриотической Москвы, дав нам вместе с дугинскими «Элементами» и дугинским же журналом «Милый ангел» также и «Гиперборею», главный редактор которой – якобы «сын» полковника СС, черного мистика, руководителя изуверской организации «Аненербе» Зиверса, казненного по приговору Нюрнбергского трибунала.

Но вернемся к отечественным, к русским «детям». Рекламируя в газете «День» дугинские «Элементы» (как и весьма специфические книги Дугина: «ЧИТАЙТЕ АЛЕКСАНДРА ДУГИНА!» – призывала газета, давая перечень этих идейно экзотических книг), знает ли редактор, знают ли члены редколлегии этой яркой газеты, ну хотя бы русские поэты, прозаики, входящие в редколлегию, что означает (символизирует) само название – «Элементы»? А ведь это элегантно-научное слово восходит к орденской – тевтонской, тамплиерской – алхимической традиции, вряд ли плодотворной для строительства российской государственности, вряд ли пригодной помочь в выборе правильного пути для России! И заодно я спрошу, как относятся эти известные поэты и прозаики, да и политики, числящиеся в редколлегии «Дня», к «элементскому» (или «элементарному»?) тезису: «СССР – наследник Третьего рейха»? Считают ли они, люди с высшим, видимо, образованием, что такой тезис приличен в академически-нейтральном журнале?

Я-то предполагаю, что большинство лиц, причастных к изданию нашей популярной газеты «духовной оппозиции», а в особенности природы художественные (как и сам А. Проханов), по своему простодушию, кругу творческих интересов вовсе не сосредоточены на эзотерической символике. И тем большим бедствием будет, если – не приведи Бог! – им, без вины виноватым, придется когда-нибудь всерьез отвечать за нечаянное соседство с «консервативным революционером» Дугиным. Отвечать уже не перед читателями, не перед русским патриотическим движением, а как раз перед злейшими врагами его, наточившими исполнителям-дугиным тот самый «топор», который Проханов близоруко считает моим оружием.

У меня много вопросов. И даже такой щепетильный (плод моего любопытства), как: почему промолчал на всю дугинщину и тириарщину, например, широко эрудированный И. Р. Шафаревич, вышедший из редколлегии «Дня» в середине лета прошлого года по совсем иным причинам, связанным, так сказать, с «призраком коммунизма» на страницах этой газеты, но оставшийся почетным автором ее? Почему промолчал он, читающий зарубежную прессу и немало знающий не только о хилиастических, но, наверное, и о прочих орденских учениях?

Это дело, конечно, личное... Но, похоже, выходит, что Дугин и его зарубежные соратники – кошмар только и именно моих ночей? Нет, сказать, что Дугин – «кошмар моих ночей», я не могу. Допус-

каю даже, что он действительно влюблен в новопривозные идеи, любит метафизической любовью кровавый свой идеал, искренне и полно предан этим идеям. Ну и Бог с ним. Если бы не одурачивание читателей гипнотическим воздействием «красивых», а главное — загадочных слов. Если бы не — хотя бы и косвенная — ответственность непричастных лиц за чужую «мистическую» любовь. И, наконец, если бы не А.Н.Яковлев и его окружение... Но тут я хочу прояснить свое отношение к демократам, которое некоторые понимают превратно, то попрекая меня в сотрудничестве с «оккупационным режимом», то иронизируя над моим отмежеванием от «демократических сил».

Либерально-демократическая доктрина провалилась. Час ее безоглядного торжества, естественно, оказался и часом ее смерти. Идеологический вакуум нарастает. Преступление Горбачева и Ельцина состоит, на мой взгляд, не в первоначальном их стремлении демократизировать наше общество, реформировать хозяйственную жизнь страны и расширить гражданские свободы, а в антиконституционном — и тем самым уже антидемократическом — разрушении государства, великой державы. Преступление их состоит в спекулятивном использовании демократических идеалов как инструмента (уголовного «инвентаря») для разрушения, взлома всех основ социальной, национальной жизни, государственности и культуры, сферы материальной и сферы духовной. Я готов обсуждать соотношение национального и демократического в государственном строительстве. Соотношение, а не заведомую приоритетность абстрактно-демократической системы ценностей. И я категорически отмежевываюсь от преступно антирусской политики этих демократов, от их гуляш-коммунистической подкладки, от их волюнтаризма и догматизма, от их безразличия к судьбе России, ее задачам и целям, от их откровенной антигосударственности. И я, конечно же, отмежевываюсь от их фашизаторства, от их инспирирования фашистских движений и настроений, о чем я уже неоднократно предупреждал на страницах газеты «День».

Технология Яковлева не так проста, как это выглядит у Проханова. Это не одноктная схема: «СССР + либерализм = развалу = США». Все гораздо сложнее. Я могу представить себе двухтактную схему. Например: «СССР + либерализм = развалу СССР + фашизм = развалу России», «СССР + либерализм + фашизм + господство США». Я могу представить и более сложные вещи: «СССР + либерализм = фашизация России». «Фашизация России +

интервенция (в условиях истощенности России под игмом бездарных фашистских режимов) = прямая диктатура США».

Я могу представить себе и более сложные кибернетические модели. Итак. Есть управляющий механизм – руководство государством США. Есть надгосударственный механизм. Есть, далее, исполняющие устройства, например, ЦРУ и какие-то другие структуры, отвечающие трансгосударственному уровню. Есть, далее, конкретные исполнители на местах, берущиеся разрушать СССР якобы во имя целей своих хозяев, но на самом деле имея в виду свои цели и обладая другими центрами управления.

Теперь... Повышается нестабильность. Бюрократический центр управления в Вашингтоне имеет свои цели. Но плохо транслирует их в условиях нестабильности, даже на уровне родных исполняющих структур типа ЦРУ. Там уже свои цели и идеология. Но и эти родные исполнительские структуры не контролируют по-настоящему дочерние структуры на местах, которые реинтегрируются и начинают получать команды из других центров. Такая модель фактически описывалась мною уже неоднократно. И, видит Бог, у меня есть для этого основания.

Представим себе, что в итоге этой бездарной игры «ялтинских хищников» – СССР и США (именно так называют эти две державы учителя Дугина) – ценой обрушения России будет куплено и обрушение США. Для Дугина это торжество континентализма. А для меня это гибель России. Значит, для него это стратегия со знаком «+», а для меня, очевидно, со знаком «-». А для Проханова? Для Алксниса? Для Бабурина? Для Зюганова? Черт возьми, это ведь не праздный вопрос!

Для меня, в конечном счете, все равно, кто разрушал СССР – армянские либералы или азербайджанский «Боз гурд», проамериканско-исламское общество «Бирлик»⁵⁵ или исламские фундаменталисты... А для моих коллег? Я заявляю со всей определенностью, что для меня центром координат являются интересы России и исходить я буду из них, из строительства и развития новой русской государственности и возрождения русской нации, понимаемой мною как полиэтничный сплав. Все другие интересы и цели хороши или плохи постольку, поскольку они отвечают или противоречат интересам России. Изучайте что угодно и как угодно. Я

⁵⁵ Имеется в виду узбекская «Бирлик» – националистическая общественная организация, позже запрещенная.

категорически против запретов на знание, я за его предельную полноту и открытость. Но изучайте — исходя из отечественных целей, исходя из умения их поставить и осуществить, и исходя из соединения высоких духовных смыслов и сиюминутной прагматики.

И здесь у меня снова вопрос. Почему из всего фашистского наследия берется его наиболее антирусская часть? Германский национал-социализм, его тевтонское, антирусское ядро, с восточнострическим социокультурным кодом, и капитан Кодряну, лидер румынских железногвардейцев — легионеров «Великой Румынии», посягавшей на русские земли... Как это соотносится с прагматикой, с нашим отстаиванием Приднестровья, например? Как апологетика ислама соотносится с русскими целями? В каких геополитических модификациях она соотносится, а в каких нет? Как мы относимся к идее немецкого управления немецкими регионами на нашей территории? Конечно же, это благо, согласно «Черному Ордену», но это возмутительная бестактность Германии, с точки зрения интересов российской государственности.

Так из чего будем исходить, когда вопрос будет поставлен ребром? Отвечаю: из целей российской государственности, из русских интересов в Евразии, или из модели срединной Евразии с русским ядром и в традиционно русском векторе «Камчатка—Адриатика» (а не по тириаровской оси «Дублин—Владивосток»). Это нормально как стратегическая перспектива. А сейчас мы строим Россию. И мы построим ее.

Что мешает? Почему в этом процессе так слабо участвуют патриотические лидеры? Им лень заниматься государственной работой в России. Лень осваивать те навыки, те знания, без которых эта государственная работа попросту невозможна. Вот они и болтают то об утопическом, «по шучьему веленью», восстановлении СССР, то об интересах континента в глобальном масштабе и о заговоре атлантистов. Что ж, предположим, я согласен на борьбу с атлантизмом, если бы речь шла действительно о борьбе, а не о странных, двусмысленных имитациях этой борьбы. Именно — имитациях. Откройте хотя бы наутро все тот же «континентальный» журнал, в котором вы являетесь членом редколлегии, №1, страница 54, и вы увидите там имя Мартина Бубера, как одного из главных идеологов Третьего Пути. Потом сходите в Ленинскую библиотеку, возьмите труды этого Мартина Бубера, к примеру, «Гог и Магог». Если не знаете языков, обратитесь к переводчику, пусть он переведет вам этот идеологический

текст, и тогда вы узнаете, что Мартин Бубер — сионист, тесно связанный с хасидизмом. То есть представитель того, что Дугиным проклинаемо (атлантизм, сионизм и т.д.). А вы вместо этого валите с больной головы на здоровую, делая тонкие намеки на мои «толстые» связи с Израилем.

Отстаивая интересы России, я вел, веду и буду вести диалог со всеми государственными и политическими партиями по конкретным проблемам, с четким пониманием целей собеседника (пониманием, основанным на объективной информации) и с ясно выраженным наличием своих целей — целей России. И это диалог прагматический, рациональный и многовекторный. Здесь и Китай, и Куба, и США, и Германия, и Армения, и Израиль, и Азербайджан, и Иран, и Греция — весь многополюсный мир.

А вот что такое апологетика Дугиным сиониста Мартина Бубера, «дружески спаянного» им с ээсовцами рейха, то есть как сочетается она с воплями о загубленных «врагами рода человеческого» героях русского сопротивления, а также «цветущих сословиях», загубленных в гражданскую войну и после нее все теми же еврейскими изуверами, я просто не понимаю. Одно из двух: либо вы принимаете версию о врагах рода человеческого — и тогда может ли быть Мартин Бубер героем вашего пантеона? — либо вы смотрите на весь исторический ряд сугубо интернационально. И тогда в чем криминальность моего интервью израильской прессе, самого факта такого интервью? Увы, мои мысли в этом интервью были перевернуты вплоть до названных мною имен. Это — всецело на совести интервьюера.

Я же в действительности обвиняю «День» не в израильской прессе, а в самом «Дне», и имею право получать ответ по существу моих обвинений. А они состоят в том, что вольно или невольно, через Дугина и других, ключевой орган патриотической печати оказался втянутым в *не свою* игру. Они в том, что либералы и фашисты — это два этапа антирусской игры все тех же сил антирусской направленности. И вы ответьте на эти обвинения, продиктованные предельной обеспокоенностью перспективами русского национального движения. Ответьте, а не прогнозируйте обструкцию со стороны неких русских националистов, предсказывая их обвинения по моему адресу «в либерально-демократических пристрастиях в самых неприглядных формах».

В мой адрес раздаются обвинения уже давно. Для кого-то я сионист, для кого-то агент армянской диаспоры. Больное общество, боль-

ное сознание, слишком много предательств за эти годы. Все это можно понять и простить, тем более что червь лидерства меня не грызет.

Но у меня есть тоже вопросы к этим националистам. Они зациклены на сионизме. И добро, если бы это была рациональная зацикленность, основанная на знании, кто есть кто и что есть что. Тогда они бы знали, что, по мнению лидеров сионизма, начиная с Герцеля и по сию пору, одной из опор сионизма является антисемитизм. И исходя из этого, произвели бы тогда ревизию своих героев (хотя нельзя не признать, что за антисемитизм сионисты все чаще выдают именно антисионизм). Но истинной логики-то нет, рационализм-то отсутствует! И речь тогда идет все о той же «завалинке», а не о политике. А действительное политическое поле освобождается для чужих игр, и это тревожит. Да, говоря абстрактно, вы, претендуя на руководство патриотическим движением, постепенно освобождаете, сдаете нашим врагам все идеологическое государственное пространство России.

Посмотрите, как начинаете вы работать по чужим схемам в несколько тактов. Такт первый — демократы оскверняют все связанное с войной, лишают народ Победы, девальвируют пролитую кровь. Такт второй — патриоты доводят в этом направлении истерику до конца. И хорошо бы, если бы речь шла о фигурах типа Дугина, но когда один из крупнейших писателей России второй половины XX века, участник войны В.Астафьев присоединяется все к той же черной мессе по поводу войны, как это может не тревожить в контексте необходимости национально-государственного строительства? Такт третий — вдруг оказывается, что целью новой патриотической России, России Дугина (и Проханова?), должна стать реализация идей Третьего рейха и его целей. Значит, мало того, что нас лишили Победы, мало того, что Победу превратили в поражение? Теперь нас еще заставляют выполнять те задачи, которые недовыполнил разгромленный нами рейх? Да уж, действительно сохранен «Черный Орден».

Если доктрина Яковлева — это то, о чем я говорю (а это именно то, о чем я говорю, ибо речь о кукловодах, умеющих считать ходы вперед), то именно дугинство есть один из компонентов яковлевской игры. Докажите мне, что я не прав, а не уверяйте, будто я обвиняю патриотов так же, как Яковлев. Да и дело уже не в том, кто и в чем обвиняет, дело в том, что патриоты сами о себе говорят, или в том, как они отмачиваются в случаях, когда молчание, игнорирование успешности

яковлевских провокаций недопустимо. Поскольку оно легко может быть понято самым невыгодным, несправедливым для движения в целом, дискредитирующим образом.

Да, не слишком задумывались наши патриотические лидеры над размахом и смыслом неофашизма в современном мире. Проблематично или же малоубедительно и их отмежевание от гитлеровского фашизма. Разве ж они изучают его в первоисточниках (лишенных новейшего камуфляжа со стороны иных европейских «правых», «континенталистов» и «третьепутейцев») и разве смогли указать в этой «классической» теории на хоть какое-то рациональное для России зерно? А вот тем силам, которые желают отмежеваться от едкого духа «анатомического театра», где «покоятся трупы идеологий XX века», тем, кто понимает, что в этой антирусской фашистской карусели никакого национально-государственного строительства в России не может быть, — этим силам, по сути, запрещают отмежевываться: мол, надо любой ценой быть вместе и общим фронтом бороться и с врагом, и с другом!

Быть самим собой

Россия — это самостоятельная цивилизация, культурно-исторический субъект, имеющий свои законы движения и свои цели в истории, и именно постижение этих законов и целей составляет суть деятельности элиты российского общества, коль скоро мы говорим об элите всерьез. Творит историю народ, но осмысливает, обобщает и прогнозирует именно элита. Я считал и считаю принадлежащими к этой элите и Александра Проханова, и Ксению Мяло. Мне особенно тяжело было читать написанное в «Дне» по поводу Ксении Мяло Шамилем Султановым, поскольку неприемлемость тона и слабость аргументов не соответствовали моему представлению о возможностях этого политического аналитика. Метод кухонных свар, юмористические отговорочки, грубые выражения в адрес женщины, блестящего публициста, разносный тон «нового члена Политбюро» произвели на меня тогда крайне тяжелое впечатление. Но еще более тягостно было полное нежелание Шамиля Султанова всерьез вести разговор о России.

Я убежден, что русская нация — это политэтнический сплав, и начинать «разборки» внутри русской нации, выяснять, кто там какой крови, призывать искать друг у друга иноплеменных бабушек и каяться в их наличии могут только провокаторы или кретины. Вы-

пячивание этнической «русскости» обернется трагедией для России.

В этом случае произойдет, вдобавок к разрушительным межэтническим конфликтам, еще и расщепление самого этнического ядра русской нации с делением на «вятичей», «пермяков», «туляков», «казаков», «сибиряков» и прочее, и прочее. Мы вернемся к эпохе дофеодальной, родоплеменной, к эпохе варварства и дикости, к эпохе тотемов и жертвоприношений. Это не так уж невероятно, кстати, в условиях, когда уже вовсю идет обрядовое (в Москве-реке!) расхристианивание России, когда волхвы, венеды, дети «русского волка» стали политическими реалиями. Усилиями наших демократов в стране запущен социальный регресс, и если Горбачев, говоря, что процесс пошел, имел в виду этот процесс, то ему еще придется отвечать за него перед всем человечеством, а не только перед народами СССР.

Если мы хотим остановить регресс, вернуть общество в состояние государственности и тем самым к культурным, коренным духовным традициям, то мы должны дать отпор всем, кто блокирует с разных сторон дело нормального, здорового национально-государственного строительства. Мы должны дать отпор преступным этнократическим тенденциям на нашей территории, зная о том, чем они грозят нации и государству. Мы должны дать отпор размыванию национального вопроса, его подмене «русскоязычностью» («русскоязычные» в России — что это? возможно ли это где-нибудь, кроме России? во Франции, например?), а то и полным игнорированием национального русского фактора под видом приверженности «общечеловеческим ценностям», «единым планетарным, глобальным интеграционным перспективам» и тому подобному.

Но что означает в этом свете вдруг заявленная тема неоевразийства? Не есть ли это очередной уход от насущного дела национально-государственного строительства России? Фактически, именно этот вопрос подняла Ксения Мяло в своих публикациях. Ответом на этот вопрос должны были стать не оскорбительные тирады, а предъявление Шамилем Султановым своей модели будущего России, решения ее насущных национально-государственных вопросов.

Но, как ни бряцал автор «тензорными уравнениями», как «интеллектуально» ни язвил он оппонента (заодно презируя и массового читателя газеты), я ни слова не нашел ни о месте русских в

Евразии Шамиля Султанова, ни о государственном устройстве будущей России. Но зато я прочитал о наманганской и ферганской элитах, которые будут «подписывать консенсус» вместе с рязанскими и тульскими элитами. Где здесь русские? Где здесь Россия? Как можно столь опрометчиво, мягко говоря, играть ключевыми вопросами нашего общего будущего? Как определяет себя национально сам Шамиль Султанов? Принадлежит ли он к русской нации, чему, повторяю, никоим образом не мешает его фамилия, как не мешала она сотням представителей русской элиты? Или же он определяет себя, например, в татарском векторе и говорит от лица татарской нации и вообще тюркских народов на данной территории? Тогда пусть скажет об этом прямо. Потому что мы были бы очень заинтересованы в диалоге национальных элит, конструктивно управляющих национальными факторами в нашем общем доме. Но для нас неприемлемо снятие русского фактора, «размывание» российской государственности и подмена всего этого любыми регионализациями, будь то регионализация Сахарова или Шамиля Султанова.

Это наша позиция. Мы самоопределились в ней в существующей сегодня трагической ситуации. И без точного указания места России и русских в Евразии мы рассуждать о евразийстве отказываемся. Перефразируя выражение канцлера Коля, я могу сказать, что русские в Евразии могут занимать либо достойное их место (место народа — держателя пространства, исторически ему здесь отведенное), либо никакое. Одно из двух.

То, что этот вопрос до сих пор не обсуждается патриотическими идеологами, а подменяется другими вопросами, уводится в сферу ребусов и криптограмм, вызывает глубокую обеспокоенность.

Субъектность России как цивилизации, как особого мира, как культурно-исторического партнера других цивилизаций — это вопрос номер один. И никакими другими «окольными» вопросами этот вопрос заменен быть не может. Истосковавшемуся по Советскому Союзу населению можно попытаться подsunуть некий эрзац СССР — назарбаевскую конфедерацию или шамиль-султановскую интеграцию региональных элит, сахаровские Соединенные Штаты Европы и Азии или тириаровскую Евразию от Дублина до Владивостока. Но у этих красивых игрушек самоубийственная для России и русских начинка, и наивным русским эти игрушки подсовывают так же, как начиненные динамитом куклы вьетнамским детям. И это де-

лают те же силы, те же геополитические субъекты, которые вполне умеют охранять свою самость и вести смысловые войны.

Я уже полемизировал в газете «Правда» с г-ном Ракизовым по поводу смены ядра. У того все было сказано прямо: у России «не то» культурное ядро, и его надо заменить на западное, протавив при этом Россию через катастрофу. Я буду бороться с любыми попытками сменить ядро, откуда бы они ни исходили и какое бы ядро ни предлагалось взамен. России не нужно ни англосаксонское ядро Ракизова, ни исламское ядро Гейдара Джемалея, ни тевтонское ядро из «Элементов», синтезируемых заново все той же «Ваффен-СС». Россия должна иметь то ядро, которое отведено ей Богом и исторической судьбой. Это русское ядро, ядро русской национальной культуры, может быть, наиболее всечеловеческой из всех культур мира, потому что в своей великой выраженности русская культура не боялась и не боится открытости, ибо при любых условиях она оставалась собой, своего лица и своей самости не теряя.

Связь времен

Самостояние (с разумной открытостью, при сохранении субъектности) – это одна из первых аксиом власти. Вопрос не в том, кто персонально осуществит эту власть, а в том, что вне этого самостояния власти нет и не может быть. Советники Ельцина подсовывают ему концепцию подмены русского ядра англосаксонским. Он принимает эту концепцию и немедленно превращается в политический труп. Чьи-то еще советники подсовывают кому-то еще концепцию (в патриотической упаковке), по сути своей предлагающую смену русского ядра на исламское или тевтонское. Этот «кто-то», приняв такую концепцию, становится немедленно политическим трупом. Как объяснить это людям, привыкшим, что власть – это только высокая должность, это стол и кабинет, это право распределять льготы и привилегии, это шикарные автомобили и заграничные поездки, блеск юпитеров и микрофоны интервьюеров? Как объяснить партхозактиву СССР, готовому отдаться в любые руки, лишь бы сохранить атрибутику, видимость власти, что такое действительная, концептуальная власть?

То, что люди, экспериментирующие с ядром национальной культуры, никогда не станут властью, для меня так же очевидно, как и то, что выпавший из окна человек будет падать вниз, а не взлетать в поднебесье. Ибо существует закон гравитации. И пока

что все, пытавшиеся нарушить его, кончали тем, что лишь подтверждали его непреложность. Если бы все бывшие коммунисты не просто зубрили наизусть слова о «познанной необходимости», а хоть в какой-то степени реально включали это понятие в сферу политики, делали это понятие частью своей политической культуры! Но они становятся дешевыми прагматиками или ничемными идеалистами, как только перемещаются из известной им и понимаемой ими сферы хозяйственной деятельности — где они могут быть классными специалистами, прекрасными организаторами, талантливыми создателями объектов материального производства — в сферу идеологических конструкций, сферу подлинной власти. В этой сфере, ими не понимаемой, но в вопросах политики, безусловно, первичной, в этой сфере, привычно называемой ими «надстройкой», господствуют свои законы, и закон самостояния — это первый из них.

Второй закон власти — это связь времен. Ибо легитимность власти определяется преемственностью поколений, исторической традицией, единством живых и мертвых. Берущий власть заявляет свою собственность на всю историю, во всей ее полноте. Он берет власть от лица истории, истории своего народа, своей цивилизации. Он говорит о своем праве на власть, как праве, исходящем из более глубокого понимания им истории и из более отчетливого предвидения будущего именно вследствие глубокого проникновения в национальные традиции. Разорвавший цепь времен лишается власти. Демократы разорвали ее, вырыв «черную яму» на месте 70-ти лет нашей истории. Но разве многие патриоты не заняты тем же самым? Что могут они противопоставить демократам в вопросе о советском периоде, как не еще большее углубление все той же «ямы»? Эти патриоты, подражая демократам, берут на себя ту же функцию разрушителей, топчут советский период с остервенением, которое демократам и не снилось, и после этого говорят о готовности взять власть. Извините, но это просто смешно.

Особенно поразительна (на фоне оскорблений в адрес «красных», продолжения восхваления предателей вроде Власова и принятия всего антикоммунистического со знаком «+») та «черная месса», которую патриоты — да, уже и они — разворачивают вокруг Второй мировой войны. Что значит сказать, что ты поклонник Гитлера? Это ведь не только бросить вызов всем антифашистским силам (а они не так слабы, как это кажется, например, Бар-

кашову), это ведь еще и нарушить закон связи времен. Какая же после этого власть?

В одной и той же газете «День» одни авторы обвиняют Горбачева и Ельцина в том, что они дети власовцев, а другие авторы Власова восхваляют чуть ли не как национального героя. Разберитесь вы хотя бы между собой! Иначе все это становится просто комичным. Одумайтесь и прекратите разрывание связи времен, даже если не знаете, как связать заново эти разорванные вами куски исторической и эгрегориальной, духовной нити, связующие ныне живущую часть нации между собой и с Небесной Россией, объединяющие с полем живых поле мертвых. Иначе не будет ни энергетики, необходимой для политического действия, ни логики в самих действиях, а лишь пустая претензия на власть. Все это очень серьезно, и разворачиваемая «черная месса» по поводу великой войны уже напоминает бунт против отцов. А чем такой бунт кончается — мы знаем из истории. Он кончается гибелью бунтующих и тех, кого они повели за собой. Вольно или невольно, но эти бунтующие играют страшную роль. Они хуже, чем агенты влияния.

Войны четвертого поколения

Передо мной журнал «Милитари ревью», в котором американские военные теоретики пишут прямо, что настало время войн четвертого поколения, войн, где прямое насилие составляет доли процента от общего ресурса войны и где акцент делается на информацию, идеологию, сложные типы организационного, культурного, психологического оружия. Да, речь идет именно об оружии.

Проханов, между тем, пишет, обвиняя меня: «Какие непатологические формы сопротивления нам предлагают? Письма в ЦК? Культурные программы в театре? Газетную публицистику? А может быть, здесь дело решит дубина?..»

Дубина, похоже, не всегда рентабельна...

СССР был разрушен с телеэкрана. Все ракетные площадки, все истребители, бомбардировщики и авианосцы остались на своих местах, а между тем страна парализована. Наши противники измеряют мощность идеологических ударов буквально в мега- и килотоннах, как мощность ядерных боеголовок. «Записка в ЦК» как концептуальное оружие может быть приравнена к двум атомным подводным лод-

кам. А фильм («Покаяние» Абуладзе) или спектакль («Собачье сердце» Яновской) могут быть приравнены к нескольким ракетам СС-18.

Так считают — и не просчитываются (!) наши враги. А мы? Все еще играем в бирюльки?

Вывод здесь может быть только один: без штабных разработок, то бишь «писем в ЦК», без культурных программ обойтись нельзя. Я попытался создать такую программу 7 ноября, противопоставив собранию антигосударственного истеблишмента в американском посольстве на разрушительном и банальном фильме о Сталине — спектакль «Батум» по М.Булгакову в театре Татьяны Дорониной. И я провел эту акцию при полном безразличии к ней со стороны оппозиционных сил и при паническом противодействии «самой патриотической актрисы», которая пришла в отчаяние при первом же угрожающем рычании из Белого дома. Я наблюдал эту слабость, и я понимаю, что при таких гражданских и интеллектуальных ресурсах вести культурную войну невозможно. Значит, нужны другие ресурсы, и мы будем искать их, потому что мы намерены продолжать войну до победного конца. Но это будет война четвертого поколения. Что же касается дубины, то это оружие о двух концах, и оно вполне может быть использовано нашими врагами для того, чтобы добить русский народ и установить компрадорскую диктатуру. В этом случае дубину вовремя сунут в руки и вовремя вынут из рук, а в промежутке позволят сделать с ее помощью ту часть грязной работы, которую не захотят исполнить своими руками. Вот и все про дубину и ее идеологов. Если бы не одно обстоятельство.

Я могу понять эту позицию, если бы она была до конца логична. Но нет ни логики, ни той целостности, которую создает правда чувства. В другом месте той же статьи Александр Андреевич пишет: «Мы наблюдаем технотронный интеллектуализм Кургиняна, вошедший в сочетание с некоторыми близкими нам националистическими движениями, которые, по словам наших противников, ближе остальных к фашизму — лучше прочих организованы, оснащены боевыми фракциями (*странный текст в открытой патриотической печати, не правда ли? — С.К.*), бескомпромиссны и чисты в исповедовании национальных идеалов».

Не знаю, о чем идет речь, о какой близости, к кому, что за намеки? Скажите прямо, и так уже все сказали, даже про «боевые фракции». Тогда уж назовите имя... Странная фраза, пожалуй,

самая странная и огорчительная во всей статье. Но главное: если моя идеология уже проникает в эту неведомую мне организацию, так, значит, я не ерундой занимаюсь, как это следует из предшествующего ернического фрагмента о культурных программах и письмах в ЦК, а соединяю некий вариант идеологии национально-государственного строительства с организованным политическим движением. Но это же и есть формула современной политической борьбы. Где же логика? А в том-то и дело, что она теряется, ускользает за обилием фраз и попыткой повесить на меня «сразу всех собак»...

А теперь перейдем от логики к эстетике. Может быть, все это обилие исходит из некоей сильной эмоции? Цитирую: «Просвещенный патриотизм предполагает еще и непросвещенный, то есть наш с вами голодный, холодный, уличный, баррикадный, митинговый, оппозиционный. Он, этот сытый, «просвещенный» — еще одна отвратительная маска, которую торопливо напяливают на себя демократы, под чьей демократической облупившейся личиной еще виден коммунистический подмалевок, а под ним в свою очередь — отвратительная природная рожа ренегата, предателя».

Если бы я был редактором, то при моих неизменно добрых, подчеркиваю, чувствах к Проханову я бы вычеркнул этот чрезмерно романтический пассаж. Но он есть, и приходится реагировать на это существенное высказывание. Тут, повторяю, уже не логика, а эстетика. Но и она имеет большое значение в политике.

Автор предлагает нам свой романтический автопортрет. Обычно этим грешат уже после взятия власти. До тех пор (а лучше бы — на все времена!) политикам рекомендуется в качестве лекарства от звездной болезни критический реализм.

Исходя из этого (и вовсе не желая в чем-либо кого-либо уличать) я осмеливаюсь обратить внимание автора на то, что в ресторане ЦДЛ пока еще кормят неплохо. И — относительно дешево.

Качество и количество пищевых продуктов на многочисленных презентациях, проводившихся патриотами, вряд ли ниже, чем на демократических мероприятиях того же типа.

И я не вижу в этом ничего особо предосудительного! Меня беспокоит лишь неадекватность самооценок, и мое «ханжество» прошу расценивать как реакцию на подобную, опасную для политика, неадекватность. Негоже нам, я подчеркиваю, нам всем, именующим себя патриотической элитой, рядиться в романтические лохмотья и

играть (да, именно играть!) в голодность, холодность, уличность.

Негоже, так позорно проиграв съезд, рекламировать свою «баррикадность». И, наконец, не стоит ли трезво поразмыслить над тем, почему, бесстрашно выходя на митинги и демонстрации год назад, оппозиция на этот раз спасовала? Романтические самоописания не должны мешать беспощадному разбору произошедшего. Если кто-то и вел себя «баррикадно» на VII съезде, то это Ельцин, при всех издержках все же рванувший на завод, пусть и сильно «прикормленный».

И все же — выход в массы. К рабочим!

Патриотическая оппозиция, не боявшаяся ранее острых конфликтов, на этот раз отказалась, да, именно отказалась, от предложенной ей бескорыстной, добровольной, активной поддержки заводов и фабрик Москвы.

И, говоря сегодня с рабочими, мне приходится слышать весьма нелестные отзывы по поводу поведения «непросвещенной, уличной» оппозиции на VII съезде народных депутатов России.

Говорится — о предательстве и предателях.

Говорится — о корыстолюбии, а это хуже всего. И о краснобайстве, и о беспомощности. Для политиков хуже всего, когда об этом говорят «низы движения». А «вожди» победно рапортуют им о падении оккупационного режима. И это — в момент, когда положение ухудшается с каждым днем! Между прочим, наиболее часто упоминаемой при социологических опросах представителей оппозиционного движения гипотезой, объясняющей срыв на VII съезде, является якобы имевшее место нежелание ряда патриотических лидеров, в условиях дефежа имущества КПСС, рисковать достигнутым и обострять ситуацию. Если такое мнение закрепится в «низовке» — движение рухнет.

Нужны срочные объяснения произошедшего. А не романтические тирады!

Бога ради, ешьте и пейте что хотите, но работайте эффективно, исходя из заявленных вами целей! Решайте поставленные вами задачи! Анализируйте причины своих поражений и ведите к победе.

И помните: народ не желает вам голодности и холодности. Но он не простит корыстолюбия, чванства, краснобайства, бездарности и — измены.

Я помню, как собирался Проханов в Кремль 22 августа 1991 года в ответ на звонок одного из членов ГКЧП. Тогда Александр Андреевич действовал очень просто и скромно. И потом, во время травли,

он тоже был удивительно прост, естествен, спокоен и нормален, как человек, действительно решившийся, сделавший выбор. Я ему этого никогда не забуду. И, памятуя те дни, всегда буду уважать его, что бы ни случилось в дальнейшем, как буду уважать Умалатову за поведение на последнем съезде народных депутатов СССР. Что же произошло потом, когда патриотическое движение стало набирать энергию, когда возникли полные залы и телекамеры, блицы, аплодисменты и сравнения с Александром Невским? Что-то не сработало в этот момент, какой-то внутренний ограничитель, «сторожок», и все полетело вверх тормашками!

Теперь бы надо опомниться, обрести вновь ту целостность и простоту, строгость и аскетическое достоинство, а не заглушать живое чувство боли от своей неправоты и сознания неслучайности моих обвинений пулеметными очередями чрезмерно пестрых, цветистых фраз и эпитетов.

Я верю, что плодотворная боль победит в Александре Андреевиче так не идущую к его уму и сердцу несамокритичность.

Жан Тириар

В конце концов можно ли цепляться за каждую строчку в газете? Можно ли выдвигать такие высокие уровни требований ко всему написанному? Нужно ли сейчас, когда речь идет о том, быть или не быть России, вязываться в диалоги о существовании фашизма? Может быть, я еще и подумал бы о этом, если бы не (покойный ныне) Жан Тириар с его недавним визитом в Россию.

Этот визит был распропагандирован всеми органами оппозиции. Статьи Тириара печатал не только «День», но и «Русский вестник», и «Советская Россия». Что же так объединило красных и белых, коммунистов и православных? На чем они наконец-то сошлись? Кто стал интегрирующим звеном? «День» рекламирует Тириара как крупнейшего идеолога европейского национализма. Кое-что к этому придется добавить. Прежде всего то, что Тириар был «красным» разведчиком. Далее то, что в качестве такового он был внедрен в фашистское движение. Далее, что фашистское движение оказалось для него настолько привлекательным, что он перешел в другой лагерь.

Речь идет, таким образом, о предательстве. В этом смысле — Тириар как бы предваряет Гордиевского, Пеньковского, Суворова и всех тех, кто нарушал свой абсолютный, императивный долг

службы государству, народу, Отечеству. Но в данном случае имеет место предательство, так сказать, из «сверхвысоких», «теоретических» соображений. Ведь Тириар и вербовался-то в разведку (кстати, имея в виду его несоветское гражданство, его идеологическую, а не национально-государственную ангажированность, речь, безусловно, идет о коминтерновской разведке) как борец за мировую идею. Потом другая (опять же – мировая!) идея оказалась для него более привлекательной. Он и перебежал, поскольку ни Россия, ни государство СССР для него никогда не были самоценными, а были лишь инструментами борьбы с неким «атлантизмом». Кстати, в этой борьбе можно и пожертвовать инструментами, а можно и сменить их. А что? Нормальная логика людей, мыслящих в мировых масштабах! Ничем здесь Тириар не отличается от Троцкого или от архитектора перестройки. Нет национального стержня, нет государственного императива, а есть мировой процесс.

Впрочем, и этот тезис можно уточнить, ибо Тириар – бельгиец, и это определяет для него многое. В том числе здесь и объяснение его приверженности Европе регионов. Маленькая Бельгия, сжатая между Францией и Германией и постоянно являющаяся картой в игре, крайне заинтересована в таком процессе, когда она уравнивается с другими регионами Европы за счет деструкции крупных государств и создания транснациональной геополитической структуры. Но в чем здесь интерес России? Она-то почему должна на это работать?

Перебежав к фашистам, Тириар становится эсэсовцем (что и предопределило его судьбу в послевоенное время, как «узника демократии»). Он становится высокопоставленным эсэсовцем, он становится другом Отто Скорцени, особо доверенного лица фюрера. Он входит в ядро эсэсовского интернационала, он посвящается в оккультные тайны «Черного Ордена». И вот этот посвященный, этот военный преступник в новом, послевоенном, мире снова делает ставку на СССР, разрабатывает концепции третьей мировой войны СССР против США, причем такие концепции, которые явственно показывают, что для этого мистика победа в тонком мире, то есть по ту сторону земной жизни, важнее самой жизни. И если подобная победа может быть куплена только ценой гибели всего человечества, то теперь и все человечество – всего лишь инструмент оккультно-мистических целей «Черного Орде-

на». Но геостратегические геростратовские концепции Тириара остаются в нашей прессе «за скобками», «за скобками» фактически остается его деятельность в ОАС, а тем более — его включенность в П-2, закрытую неофашистскую масонскую ложу, его связь с закрытыми ново-эсэсовскими структурами.

И вот я вижу эту фигуру на фотографии газеты «День», сидящую в паре с Е.Лигачевым, партийным боссом, чья роль в событиях минувшего семилетия достаточно неоднозначна, мягко сказать — неоднозначна. И вот они вместе — на страницах газеты «День»... Это что — наглядное пособие для демонстрации правоты А.Н.Яковлева по части русского фашизма? Это что — наглядная демонстрация того, что позорная кличка «красно-коричневый» является не преступлением ельцинского режима, расколовшим общество, а объективной диагностикой фашистской онкологии в патриотическом движении? И что это все значит по отношению к памяти фронтовиков, павших в борьбе за независимость России? И кому дано право втягивать в свои двусмысленные элитарные игры ничего не знающие об этих играх массы, трудовую патриотическую интеллигенцию, лгать им, называя нацистского преступника (как это делает «Советская Россия») «известным общественно-политическим деятелем Бельгии», и при этом идентифицировать себя с этими же тобой обманутыми массами, становясь в позу их защитника от просвещенного патриотизма, надевая на себя рубище патриотизма голодного, холодного, народного и так далее? Вы все-таки выберите одну из ролей: либо вы бабефы из сентантуанских предместий, либо — холеные бонзы из закрытых партструктур. Но путать все со всем, создавать странные политические коктейли и растворять в этих коктейлях смыслы, интересы и ценности русской нации — это смертный грех. Для атеиста Тириара, может быть, это не важно, а для лидеров России, апеллирующих к православию, такая всеядность неужели приемлема?

Но, может быть, это смертный грех во имя России, то есть, может быть, этот странный альянс спасет ее от гибели в тисках мондиализма? Если так, пожалуй, действительно можно бы и, перекрестясь перед образами, пойти на многое, о многом забыть, от многого отказаться.

Но давайте вчитаемся в тексты. Итак, «Советская Россия» от 29 сентября 1992 года. Статья Жана Тириара «Азбука геополитики». Здесь предлагается уже конкретная модель общеевропейского «но-

вого порядка» в противовес общемировому порядку мондиализма. Сразу же скажем, что это тоже модель мирового порядка – так сказать, ветвь мондиализма, ибо Европа Тириара – это Европа от Дублина до Владивостока. Видно, не без иронии статья названа «Азбука геополитики», ибо действительная азбука геополитики состоит в том, что данная ось Дублин–Владивосток – это ось, в которой России нет места. В геополитическом смысле это ось поглощения России Германией и некоей срединной Европой, фанатиком которой является Тириар. «Дублинско-Владивостокская» Европа Тириара отличается от Европы Тэтчер, как петля висельника отличается от ножа наемного убийцы. И там, и там Россию ожидает смерть. Таким образом, устами Тириара России на страницах патриотической прессы выносится смертный приговор, причем это делается «евразийцем» от мондиализма ласково, льстиво, с элементами заискивания и потому особо опасно, ибо, что греха таить, любят у нас лесть, легко попадают в капкан.

«Великое объединение высокоиндустриальной и технологически лидирующей Западной Европы с Сибирью, располагающей почти неисчерпаемыми сырьевыми ресурсами, позволило бы создать сверхмощную республиканскую империю, с которой никто не посмел бы поспорить или помериться силами». Эта цитата – из той же «Азбуки геополитики». Слово «Россия» вообще не фигурирует. Собственно, Россия – лишь помеха для соединения Западной Европы с тихоокеанским побережьем (наглость-то какова: о Восточной Европе вообще не говорится, куда уж там до России!...). Такое соединение Европы с Сибирью и нашим Дальним Востоком означает не просто колонизацию России, а ее уничтожение, сметание всего индустриального потенциала Восточной Европы и Урала, катастрофу почище гайдаровской и покорение России тевтонским орденom.

Если остатки государственности позволяют сегодня нам хоть как-то цепляться за какие-то ограничения на внутреннем рынке и спасать хотя бы толику национального потенциала, то уж по этой-то модели немцы расправятся безжалостно со всем, что представляет собой наш индустриальный потенциал, да и с населением тоже. Вы посмотрите, что они делают с ГДР, а это еще в условиях сколько-то демократического режима. А уж что будет при новом европейском порядке, да с русскими (как писал в свое время «День», пропагандируя другого бельгийского фашиста, – с этим «биологическим ресурсом Европы»)?

Дальше этот жестокий тезис в газете «Советская Россия» разбавляется унылыми рассуждениями о пользе централизма, о реформах сверху и тому подобном. Фундаменталистам льстят, чтобы они проглотили наживку: «сверхмощную республиканскую империю, объединяющую Сибирь и Западную Европу». И эта смертельная модель восторженно рекламируется. Ни возражений, ни дискуссии, ни редакционных комментариев – только апологетический анонс. Скажи такое Яковлев – и «Советская Россия» разорвала бы его на куски. Но то же самое говорит Тириар – и все в порядке! Вот это-то и доказывает, что у нас, русских, россиян, увы, нет субъектности, нет национально-государственного императива, а значит, можно играть со всеми во все и все проигрывать.

Зададимся еще одним вопросом: откуда возьмутся деньги для соединения Европы с Сибирью? Даже при уничтожении 2/3 российского населения такая затея стоит ничуть не меньше 500 млрд. долларов. У кого они есть? Может быть, предполагаются те деньги, которые Третий рейх вывез из России и разумно вложил во многие отрасли сверхприбыльного бизнеса, включая наркобизнес? И, оплачивая теперь ими соединение Западной Европы с Сибирью, неофашисты оказывают нам любезность в порядке реинвестиций?

Это ли не победно завершенная четвертая мировая война?

На протяжении беседы с Тириаром Егор Лигачев несколько раз отпихивает льстивые пасы по части германо-русских союзов. Однако Тириар упорен, его конек – новый военный блок, в котором Советский Союз и Германия выступают против англосаксонского империализма. Причем Тириар эту идею продолжения третьей мировой войны раскручивает постоянно. Вот уж, право, самое время нам сейчас ввязываться в термоядерную авантюру с оккультно-мистической подоплекой!

Лигачев запускает пробный шар: «Подлинное объединение Европы возможно лишь после того, как мы восстановим Советский Союз. Пусть он будет иначе называться (*Соединенные Штаты Европы и Азии – подходит? – С.К.*), но это будет единый политический и экономический союз». Заметим, о России ни слова. Ее место не указано, ее субъектность не оговорена. Но, в конце концов, здесь хотя бы можно говорить о какой-то логике, ибо в союзном пространстве Россия во многом сильнее других республик, и Лигачев может надеяться на то, что она возобладает. Тириар же жестко возражает Лигачеву: «Я считаю, что воссоединение Советского

Союза возможно лишь в процессе европейской интеграции. Мы должны создать единую европейскую империю – от Владивостока до Дублина».

Да, в цепкости, умении отстоять свою позицию и пропихнуть ее любой ценой Тириару не откажешь.

В поминальном слове о Жане Тириаре «Сумерки героев» (!) Дугин пишет: «Егор Лигачев и Геннадий Зюганов, Сергей Бабурин и Николай Павлов, Александр Проханов и Эдуард Володин, Гейдар Джемаль и Виктор Алкснис – каждый из них по-разному, но с одинаковым вниманием и интересом беседовал, слушал, спорил с Жаном Тириаром». Методология прозрачна. Пореспектабельнейшее окружение, поплотнее когорты – и в «венке» громких русских патристических имен торжествует антинациональная, антирусская идеология.

Атеизм Тириара весьма сомнителен. Если под атеизмом иметь в виду имперский фанатизм в духе Фридриха II Гогенштауфена, о чем пишет Дугин, то за этим фанатизмом стоит определенная оккультно-мистическая традиция, яростно антихристианская, но вовсе не атеистическая, а митраистская. Согласно которой Европа в лице Римской Империи зря приняла христианство, а должна была принять древний, индо-арийский митраизм. Митраистские обряды входили в нацистские мистерии, и Дугин хорошо об этом знает. И, зная, что он делает, втягивает эту мистику в божищу русского традиционализма.

Впрочем, он и концепцию Тириара понимает достаточно хорошо, сознает ее антирусскость, антироссийскость и идет на все ради ее пропаганды. Вчитаемся в журнал «Элементы», № 1, стр. 54:

«Остается добавить, что в рамках национал-социалистического режима существовал некий интеллектуальный оазис ... Мы имеем в виду организацию Ваффен-СС в ее интеллектуально-научном, а не военно-политическом аспекте (*как будто одно можно оторвать от другого в столь цельной организации!* – С.К.). Ваффен-СС, и особенно научный сектор этой организации "Аненербе", "Наследие Предков", разрабатывали консервативно-революционные проекты. В частности... СС стояла за единую Европу, разделенную на этнические регионы с нефеодалными центрами, и при этом этническим немцам никакой особой роли не отводилось. (*Тогда кому отводилась?* – С.К.) Сама эта организация была международной... Единственным государством, которое смогло отчасти реализовать

на практике определенные аспекты консервативной революции, было государство Израиль». Вот что пишет российский ученик авторитетного теоретика Третьего Пути, консервативной революции, той синтезирующей доктрины, которую насаждает у нас Дугин сотоварищи. Доктрины, освященной участием в зарубежных журналах, где она давно разрабатывается деятелями русской патриотической оппозиции, доктрины, соблазнительной в условиях краха коммунистической идеологии, столь свирепо добываемой уже и Прохановым в дискуссии со мной («черный сатанизм» и тому подобное).

Что на практике означает эта доктрина для России — я объяснил. Ведь это — единственно волнующий меня вопрос. Вопрос о России. Приезжай хоть не ученик Скорцени, а он сам и — допустим такую фантастику — принеси он пользу государству российскому, будем брать, учиться, анализировать, перенимать. Но тут-то речь идет о другом. О полном уничтожении нашего Отечества, о поглощении Германией России, загадочно «интегрирующейся» в «единый континент» под контролем все той же Европы.

Ведь вся эта тириаровская концепция «Европы регионов» полностью тождественна концепции Сахарова, Яковлева и других. «Цивилизованный мир» спорит лишь о том, кто поработит Россию, но ей самой, как государству, в этих концепциях места нет. Теперь я сопоставляю все это с концепцией интеграции региональных элит Шамиля Султанова, со странной статьей о развале России как оплота ельцинизма, подписанной И.Ш. (*что за странная любовь к псевдонимам? — С.К.*), со статьями самого Тириара в «Дне» и другой евразийской печати, с взвинченной реакцией на публикацию Ксении Мяло, — и вижу удивительное совпадение ряда позиций патриотических газет, а также журналов «Элементы» и «Гиперборей», со статьями в «Московском комсомольце» и «Московских новостях» (Минкин, Денис Драгунский и другие). Я, как аналитик, просто не могу не констатировать, что частотность и синхронность этих акций не могут быть случайными, и я хотел бы понять механизм этой неслучайности, я хотел бы знать, что кроется за нагнетанием определенных, связанных между собой тем в «демократических» и «патриотических» печатных органах. И не есть ли это на каком-то уровне просто «игра в две руки»? Причем игра сугубо против России. Это серьезный вопрос. Я вторично адресую его лидерам оппозиции. Они могут молчать — это их право,

но наше право услышать это их очередное молчание и сделать окончательные выводы из него.

А. Проханов все время намекает на соотнесенность моей позиции с Израилем. Но это еще ведь как относиться к Израилю. Я, например, считаю, что создание еврейского государства было весьма и весьма неглупым деянием Иосифа Сталина. И то, что ему удалось «пропихнуть» эту идею, говорит о его незаурядности как политического деятеля и лидера сверхдержавы.

Еврейская тема требует отдельного изложения, и я считаю, что концептуальное, холодное, аналитическое обсуждение всех ее аспектов назрело, и уклоняться от этого я не только не буду, но и постараюсь быть одним из первых, кто начнет обсуждение этой темы всерьез, беспристрастно, шире и глубже логики «мирового заговора», без балагурских рассуждений на завалинке про «них» и про «их» ужасные помыслы.

Есть феномен самоотчуждения, при котором иноэтнические составляющие русской нации — евреи, армяне и другие, — входя в русскую полиэтническую национальную элиту и пользуясь соответствующими правами и привилегиями, отчуждают себя при этом от нации и чуть ли не называют самих себя же «русскоязычными». Это отвратительное явление, категорически неприемлемое вообще и вдвойне неприемлемое в сегодняшней критической ситуации. Это явление ищет себе оправдание в тупом антисемитизме и этнократизме, которые способствуют тому, что части нации позволяют себе такое двусмысленное, недостойное поведение. Если вдобавок эти части нации управляются не самой национальной элитой и ее центрами, а с чужих пультов и подменяют свою задачу реализации национальных целей теми задачами, которые им с этих пультов диктуются, то речь идет о явлении категорически неприемлемом. Если это явление называется «сионизм», или «панисламизм», «фашизм» в модификации Ваффен-СС, или «пантюркизм», или «геополитическая модель армянского управления» — это все в любом случае для государственника есть однозначное и стопроцентное зло. Ибо что-то действует помимо России на ее территории, что-то ставит себя над русской нацией и начинает ее использовать в качестве своего инструмента.

Если евреи хотят иметь свое государство, то Россия только заинтересована в этом, хотя бы потому, что это позволяет ставить вопрос о самоотчуждении ребром. Если вы евреи и ощущаете себя

евреями, то у вас есть историческая родина, есть дом, есть государство и мы не будем препятствовать вашему желанию строить его. В этом государстве тоже будут разные элиты, там начнется своя политическая борьба. Ну и ради Бога: боритесь, воюйте, живите. Мы будем протестовать, если вы станете действовать по-фашистски, но этот наш протест будет ровно таким же, как и при любых других выявлениях фашистских тенденций в мире. Совсем другое дело, если свои фашистские замашки начнут выявлять силы, «пробующие волчьи зубы» на русском населении. Вот тут столкнутся государственные интересы, и эти государственные интересы мы будем защищать иначе, равно как и интересы своей нации, своего народа. Вот что такое для меня государство Израиль. Это очень небезыntenесный, мягко говоря, партнер для диалога в условиях, когда, повторяю, присутствуют и точно осознаются русские цели.

Проханов видит другой Израиль, «сочетающий религиозную антропологию и религиозную философию расы с ядерной технологией и новейшим военным строительством». Было бы о чем поспорить, было бы что сравнивать и обсуждать. Есть предмет для дискуссий. Но как сочетать такое определение Израиля, как «исчадие ада», даваемое Прохановым, со статьей в журнале, в который он входит в качестве члена редколлегии, где Израиль объявляется идеалом, наиболее реальным воплощением идей Третьего Пути и консервативной революции? (Еще раз повторяю: тем, кто не верит в это, рекомендую внимательно прочесть первый абзац в правой колонке 54-ой страницы журнала «Элементы». Там это сказано черным по белому.) И вот тут начинается уже политическая шизофрения, с которой и спорить-то нельзя, но которая рано или поздно приведет к трагическому или трагикомическому исходу. Еще раз повторяю, я хочу воспрепятствовать такому исходу и именно поэтому трачу время и силы на весь этот подробный анализ.

Израиль – «идеал Третьего Пути». Израиль – «исчадие ада». Третий Путь – путь спасения. Значит, спасение в аду?

Метафизический коктейль

Александр Проханов пишет: «Но неужели поверим, что дохристианские космогонии – мифы о нибелунгах, изумительная Старшая Эдда, пленительные элевсинские таинства, крито-микенская мистика, египетские культы Озириса – все это, помноженное на мощь танкового двигателя и ракетную технологию, и есть фа-

шизм?» Далее идет пассаж по поводу Израиля, который и есть фашизм со знаком «—», что вдруг находит обратное отражение в «Элементах», где, как мы видим, это же есть фашизм со знаком «+». Как говорит современная тусовка, «это круто». Но оставим эту «крутизну» в стороне.

Назвать элевсинские таинства «прелестными», «пленительными» можно только обладая странным вкусом к кастрациям без наркоза, человеческим жертвоприношениям и так далее. Умиляться по поводу культа Озириса можно лишь не до конца понимая, в какой близости ты при этом находишься к «кошмару ночей» патриотов, пресловутому «Труп истлел» («Мак бенаш») и к фигуре Хирама, строителя масонского Храма. Но, в отличие от патриотов, у меня нервы при этом не натягиваются как струны, а при фразе о «крито-микенской мистике» появляется даже жадное любопытство о мере посвященности Александра Андреевича в эту непроницаемую для профессиональных исследователей сферу эзотерики.

Но вот когда оказывается, что «в христианской традиции зло и дьявол неизбежно и неразрывно соединены с добром и Богом» и что «душа обращается то к дьяволу, совершая грех, то к Богу, в покаянии преодолевая свой срам», то мне становится, право слово, не по себе. Ибо никакого отношения к православию это не имеет. Это определенный, тупиковый тип медитации, куда «просвященный» желает завести «ученика», чтобы ученик запутался до предела, чтобы в его сознании все смешалось, «крыша поехала», «змея укусила себя за хвост» и образовалось то, что в подобных медитациях называют «бестолковая сила» или «псевдопричастность». Это искаженная система медитации, та, которая никогда не выведет из тупика. Это дело рук тех, кто знает, что братство и мастерство не для плебеев. Это игры селекционеров, которые не хотят, чтобы с ними встали вровень, не хотят, чтобы ученики поднимались, и заведомо все запутывают. Потом, по своему желанию, они кого-то из отчаявшихся людей, может быть, и выведут на новый этап... Зла!

Иди и смотри, иди в свет и ты выйдешь на свет, иди в мрак и если ты светел и в сердце твоём нет страха, то тоже выйдешь на свет. Но не мечись между адом и раем, не суетись, иначе запутаешься так, что никогда уже не выйдешь наружу.

Наблюдая эту путаницу сознания, я все яснее стал понимать, как именно будет побеждать в эклектике «черное». И на чем оно будет паразитировать. Оно будет паразитировать на жажде таин-

ства – в полной отключенности от действительной духовно-мистической традиции, от настоящих верований своего народа, от его духа и национального эгрегора.

Если можно сказать, что «эсхатология христианства, чающая Страшного Суда, где будет сожжена сгнившая, исчерпавшая себя Вселенная, и молитвенная энергия избранных праведников унесет их в иную Вселенную, в новый Иерусалим» – это православие, это христианство, то, значит, «все смешалось в доме Облонских». И уже нет разницы между тайной пресуществления, преображения и сжиганием, превращением мира в негрето – алхимическую первоматерию.

Алхимическая тинктура (ритуально сопровождаемая рецептура) черного мистического Берлина с православием сочетаться не может. Это грозит глубочайшим духовным кризисом. Эмпедокл сжег себя. И прохановская ссылка на него в связи с фразой о сжигании Вселенной кажется мне по меньшей мере странной. Цитирую: «Разве Эмпедокл в белоснежной тунике и с золотым венцом на челе, кинувшийся в огнедышащую Этну, – фашист?» Нет, разумеется, он сжигал себя, как и русские старообрядцы, он не запаливал мир и не грозил хлопнуть при своем уходе дверью так, что начнет качаться Вселенная.

А вот когда Нерон поджигает Рим, а сам наблюдает за этим «театрально-роскошным» зрелищем, – это уже «из другой оперы», это уже ближе к консервативной революции, к Третьему Пути, к фашизму, ибо это есть явная апелляция к злу. Марксизм же, кстати, что бы о нем ни говорили, маоизм, маркузианство хотя бы на словах апеллируют к свету. Право на насилие в этих учениях имеет пусть и ложную (особенно с учетом реальной практики), но предполагающую отдаленный («в конце туннеля») свет и тем самым сколько-то оправдательную мотивировку... Что касается насилия, то допущение его в принципе не компрометирует ни ислам, ни христианство, ни, например, революционную массу угнетенных тружеников, поднимающихся за свои жизненные права. Зло, социальная несправедливость, тирания могут и должны получать отпор, в том числе и силовой. Но – во имя защиты света, отстаиванья его. Фашизм же заведомо, без оговорок, апеллирует к тьме – вот что существенно. И для него насилие – это не греховная необходимость, а высшая форма утверждения своей сути и сущности. Ставя знак равенства между насилием как трагической неизбежностью и насилием как тотальным правом, как апо-

феозом человеческого самопроявления, можно нечаянно уравнивать маркиза де Сада и Ивана Ильина с его книгой «О противлении злу силой» — одним из моих любимых философских произведений.

Когда сорбонские студенты зачитывались уже не Сартром (при всей изрядной спорности его философии), а де Садом, имеющим отношение к Третьему Пути, то шли они всё же нисходящей лестницей, вниз. И тогда-то как раз и рождались «Баадер—Майнхоф»⁵⁶, а также философский нигилизм, немотивированный террор, а в перспективе — «красные» и «черные» бригады и пресловутая ложа П-2, к которой, как мы уже знаем, Тириар имел определенное отношение. Кстати спросить: как русское патриотическое движение, и в частности «Движение "День"», относится к ложе П-2? Это — не Третий Путь? Да или нет? Отсутствие подобных ответов тревожит даже больше, чем самоопределение в векторе «Черного Ордена».

О бунтарстве

Вновь цитирую: «...А может быть дело решит дубина, русское национальное восстание, наподобие Сербского, когда затрясется мироздание и закачается Эмпайр Стейтс Билдинг? И тогда мы назовем полуголодных русских женщин, выцарапывающих ногтями глаза у омовцев сквозь их стальные шлемы, проявлением фашистской патологии, или голодный бунт толпы, в которой уравнины рабочий и академик, идущие с обрезками труб громить парфюмерные магазины крупнейшего мафиози Москвы? Это и есть фашизм?» Здесь затронута еще одна очень важная тема, тема отношения русских национально-патриотических сил к бунтам и погромам. Традиционно на этом поле всегда играли их оппоненты. Те, кто считал себя консерваторами, патриотами, государственниками, в эту игру не играли, от этого отреклись, чурались этого при всех обстоятельствах. В крайних случаях, с болью и надрывом фиксировалась объективность происходящего, но при постоянном сознании греховности, трагизма, боли и ужаса. Вспомним Блока и его рассуждения о революции или М.Цветаеву, или Федотову — во всех случаях речь шла о трагическом серьезе в отношении к этой теме. Такой же трагический серьез был и у оппонентов. Русь звали к топору с надрывом и ужасались содеянному.

⁵⁶ Группа «Баадер—Майнхоф» — одно из названий действовавшей с 1968 г. в ФРГ леворадикальной террористической организации «Фракция Красной Армии» (RAF) (лидеры А.Баадер, У.Майнхоф и др.).

Провидческая фигура Федьки-каторжника как одного из начал революции была предсказана Достоевским в «Бесах». Можно пересматривать этот опыт русской культуры, но для этого нужно быть хотя бы на уровне своих предшественников или же выводить тему на еще более высокий уровень.

Разговор же о бунтах и погромах в несколько комическом, сниженном регистре — это типичная черта нашей современной демократической революционности с ее «бархатными» революциями, «революциями с лицом Ростроповича» и тому подобным. Карнавальное начало берется оттуда. И серьезность обречена, коль скоро с ней начинают играть в том современном стиле, который молодежь именует «стебом». Но и не ответить нельзя, тем более что в вопрос еще включены и сербы, для которых народный бунт — это неподходящее определение. Ибо вся элита Генштаба ЮНА, в отличие от нашего Генштаба, вся мощь ЮНА, в отличие от армии СССР, вся компартия Сербии, в отличие от компартии России, были вовремя подготовлены к агрессии Запада и выступили на уровне национальном и государственном, а не на уровне бунта. «Сербский бунт» — это снижающая категория. Не пристало нам сегодня в той ситуации, когда Сербия сражается, в том числе и с «консервативными революционерами» из Хорватии, говорить об их бунтарстве. Там сражается Армия. И если друзья Дугина из Германии войдут в Югославию, они получат отпор, как и в начале Второй мировой войны, они получат войну высокой интенсивности — на все сто процентов, а не на десять. Я знаю, что говорю, ибо сербскую и югославскую тему изучаю давно и не со слов консервативных революционеров.

Пример Сербии — это эталон, но это не бунт. Что же касается описанной картины русского бунта, то поскольку описание карнавальное, гротесковое, то и отвечать я должен на этом же языке. Карнавал так карнавал!

Голодные женщины, рабочие и академики с трубами — это что-то из Кабакова. Александру Андреевичу изменяет здесь вкус. Но особенно неуместно то, что они идут громить парфюмерный (судя по всему, долларовый) магазин. Это бессмысленная акция, которую я не способен себе вообразить. Голодные толпы громят булочные или колбасные магазины, мясные лавки, пирожковые, на худой конец рынки, потому что они рациональны, у них нет художественных фантазий Проханова и Кабакова, а есть живая человеческая страсть — накормить себя и детей, и я в этой страсти их более чем понимаю.

Громить же парфюмерные лавки, имея рядом винные магазины, не будут даже бичи, люмпены, уголовники, потому что никто не будет глушить «Кристиан Диор» стаканами, если рядом можно будет взять виски, водку, или коньяк, или даже портвейн.

Представить себе академика, который, имея свирепую молодую жену, тоскующую без «Кристиан Диор», пойдет громить парфюмерную лавку, я еще могу, ибо знаю, что есть академики, которых страх перед женами может подвигнуть на самые неожиданные поступки. Но что может подвигнуть на штурм парфюмерного магазина рабочего человека, я просто не могу себе представить. И волей-неволей, простите, но меня разбирает смех. Ибо идет соскальзывание в сторону комического, трагифарсового звучания. И все потому, что слишком много путаницы, слишком многое смешано в одну кучу. Православие и язычество, «Черный Орден» и крито-микенская мистика, преображение и сжигание, жизнь и смерть.

Проханов пишет: «Русская северная колыбельная, когда мать, качая ребенка, поет: «Бай-бай, хоть сейчас помирай», — не фашизм. И Аника-воин, идущий на безнадежную брань, прыгающий через подставленную смертью косу, не надеющийся на победу, — не фашист. Это нечто иное, связанное с «белым», с северным ощущением подвига, с высшим бескорыстием, наградой за которое не злато, не царский венец или жизнь, а лишь одно ощущение подвига, вызова, брошенного беспощадному бытию». Все это прекрасно и заслуживает восхищения. Но какое это имеет отношение к крику «Вива ла муэрте!» («Да здравствует смерть!»), которым испанские фалангисты приветствовали Мигеля де Унамуну, возразившего им и после этого помещенного под домашний арест на долгое время? — Никакого, потому что в этом северном мировоззрении таится безразличие к смерти, это шукшинский взгляд ей в глаза, это «дура», «тварь» — эпитеты, которыми награждает ее русский человек, это брезгливость, это постоянное нагнетание образа старухи, падали. И при чем тут влюбленность в смерть, ее превращение в высшее божество, воспевание Танатоса, декадентства, перерастающего в фашизм? При чем тут Аника-воин, опомнитесь! Речь идет совсем о другом. Там, где есть бесстрашие, там нет воли к смерти. Воля к смерти — это страх смерти, затем — всесилье смерти, затем — обожествление смерти, а затем — желание стать ею, чтобы спрятаться от нее, это некрофилия, тоже ведь достаточно известное явление в фашистских кругах.

Проханов пишет: «Мы и впредь будем посещать анатомический театр, где, замороженные, покоятся трупы идеологий XX века, станем их изучать и рассматривать...» Посещайте сколько угодно, но помните, что это не трупы! Повторяю — это не трупы, это другое, и, кроме того, посещаете вы этот анатомический театр в качестве кого? Врачей, которые учатся, любителей острых ощущений, актеров, вживающихся в роль мертвеца и так далее? Тут ведь много ролей, и играть с этими ролями небезопасно. Помните это.

А теперь — о моем увлечении Богдановым, за что я был обвинен автором статьи «Если хотим победить» едва ли не в пристрастии к сатанизму. Это мое «увлечение» для меня новость: если я когда-либо мельком упоминал о Богданове, то в связи с анализом попыток русских мыслителей оплодотворить коммунистическую идею, вывести ее из болота материализма и тем самым предотвратить те разрушительные последствия, которые эта идея неизбежно несла с собой, будучи возведенной в ранг русской государственной идеологии. Именно в таком контексте я анализировал борьбу с «богдановщиной», «клюевщиной», «ильенковщиной» и тому подобное.

Для продуктивного союза национальных сил в патриотическом и коммунистическом движениях крайне важно сегодня понять, что одно и то же губило все национальное, самобытное в пределах православия и коммунизма. Я призывал и призываю патриотов и коммунистов вдуматься в то общее, что угрожало и угрожает им под видом конфессиональной или партийной псевдоортодоксии. И предлагаю им осмыслить, например, феномен Саблера—Суслова⁵⁷. Это крайне важно для их объединения на базе русской идеи не формально, а по существу. И если бы не практическая важность этой задачи, я не стал бы тратить время и силы на опровержение голословных заявлений о моих мифических пристрастиях к «богдановщине».

Заключение

Сетую на эпоху «краткого курса истории ВКП(б)», Проханов пишет, что идеология — это коллективное дело, что каждый будет вносить в нее свой мазок, что я равный среди равных, что идеологи не рождаются в кабинетах. Как хотите, но это мне безумно напоминает «коллективный разум ЦК», «живое творчество масс» и тому подоб-

⁵⁷ В.К.Саблер — в 1911–1915 гг. обер-прокурор Синода, прославившийся своей охранительской, доводимой до абсурда деятельностью; М.А.Суслов — брежневский идеолог.

ное. Не надо путать историю с идеологией. Историю творит народ. А идеологию предлагает тот, кто способен осмыслить народное дело, обладая для этого специальными профессиональными качествами, любит народ, ощущает ответственность перед ним и не спихивает свой профессиональный крест на стопятидесятиmillionное население, занятое никак не менее насущным делом.

Я уже говорил о сытной еде, хорошем питье, светлых офисах, машинах и прочее. И если вы действительно элита, а не жлобы, то должны понимать, что это ваше вполне, извините, комфортное бытие чем-то должно быть оплачено, профессиональным риском, который есть и в работе Проханова, и в моей работе, и в работе наших других товарищей. Готовностью потерять все в любой момент ради идеи, ради целей, ради народа, ради страны. Постоянными ударами врагов и зачастую взвинченных друзей, обвиняющих, оскорбляющих, терзающих, — это тоже наше профессиональное дело, наша работа. Но главная наша работа — та, из-за которой у меня не такие руки, как у женщины на полях, собирающей картошку, или сталевара, льющего металл, — это интеллектуальный труд. Он рождает свои профзаболевания: инфаркты, инсульты; он сопряжен со своим риском, он изнашивает, изматывает, сжигает не хуже любой тяжелой физической работы. Это наш крест, и наша любовь, и наш долг.

Проханов сделал сильную газету. Невзоров — сильную телевизионную передачу. Я — театр и идеологический центр. И мы вместе будем трудиться и побеждать. Не надо уповать на дубину. Надо верить в труд, в подвижнический труд, в профессионализм, приобретаемый по крупицам, в постепенное выкарабкивание из той ямы, в которую нас швырнули подонки, надо прокладывать дороги, которыми пойдут другие. Надо верить, любить и понимать. Понимать, что ты делаешь. И в том случае, когда ты очевидно «пошел не туда», иметь мужество признать, переосмыслить, подняться над своими страстями и самолюбием и сделать выбор, переославив содеянное. Время выбора наступило.

ОППОЗИЦИОННЫЕ ПЕРСОНАЖИ В ПОИСКАХ АВТОРА

Анализ результатов референдума
25 апреля 1993 года

Россия XXI. 1993. №5

«Клиентельство»⁵⁸ или самостоятельная политика?
(от 7 ноября 1991 г. к 9 мая 1993 г.)

7 ноября 1991 г., вскоре после так называемой августовской победы так называемых «демократических сил», состоялась по тем временам грандиозная антиельцинская манифестация. Эта манифестация не организовывалась ни ЦК, ни горкомом, ни какими-то там мифическими партструктурами, якобы ушедшими в подполье. Она была в значительной степени стихийной и выявила некий потенциал неприятия... Неприятия чего? Демократии? Реформы?

Убежден, что дело было не в этом. Что в основе лежало неприятие лжи, неприятие некоей политической «инфернальщины». Квинтэссенцией этой «инфернальщины» были выступления двух президентов, двух недавних лидеров правящей партии, внезапно заявивших о своей (якобы давно лелеемой) ненависти к... коммунистической идеологии. В силу партийной ментальности два президента даже не заметили тогда всей политико-метафизической двусмысленности такого рода признаний со стороны столь высоких партийных «жрецов».

Манифестация 7 ноября 1991 г. была по сути духовной реакцией на подобный факт политического двойничества. Заявление газеты «День» о том, что она является органом «духовной оппозиции» при-

⁵⁸ «Клиентельство» (от лат. *clientela*) — тип поведения «клиентов», неполноправных членов общества (в основном вольноотпущенных рабов), зависящих от своих покровителей-«патронов».

шло тогда как нельзя кстати. Мы все приветствовали создание подобного органа, и лично я сыграл некую роль в том, что эта газета стала флагом оппозиции. Но заявка на духовное лидерство требует постоянного подтверждения. Это не может, не должно быть игрой, здесь неприемлемы маска, фальшь, театральщина.

Одной из первых моих статей в газете «День» была статья «Парад масок», в которой я еще задолго до августовских событий дал описание тому явлению, которое я называю «политической инфернальщиной». Сказать, что патент на это метафизическо-политическое свойство имеют только демократы — значило бы грешить против истины.

Начнем с того, что в основе подобного явления лежит игровой код, свойственный аппаратному истеблишменту, для которого нет народа и нет истории, а есть только игры, игры, игры без берегов. Начав перестройку, этот аппарат заигрался. После августовских событий он «ушел на дно», и в течение какого-то времени мы жили где-то рядом с историей. В те месяцы, когда лучшие качества русской культуры, русского типа духовности с его умением стоять и выступать, вопреки гонениям и угрозам, были заявлены и проявлены, слова «духовная оппозиция» звучали искренне и свежо. Как искренни и свежи были тогда первые оппозиционные демонстрации.

Они были тогда — одновременно — и свидетельством того, что еще недавняя пассивность улицы, на которую сетовал коммунистический официоз, означала не исчерпание народной веры, а была следствием все той же «политической инфернальщины» этого официоза, следствием коллективного предательства, совершенного тем псевдоправлящим и псевдоэлитарным субъектом, который гордо именовался «аппаратом КПСС».

7 ноября 1991 г. убедительно показало, что слом этого аппарата в ходе августовской «революции» был не концом, а началом движения протеста против метафизической и политической лжи, взятой на вооружение августовскими «победителями».

Перед политическими силами, готовыми к оппозиционной деятельности в условиях отсутствия прежних крайне двусмысленных аппаратно-истеблишментных «ценных указаний» («ц.у.»), встал вопрос о том, в какие формы должен быть отлит этот ресурс народного — в основном на тот этап, повторяю, не столько политического, сколько духовного — неприятия лжи. Вопрос этот не был сколь-нибудь удовлетворительно решен ни в 1991, ни в 1992, ни в 1993 г.

Ввязавшись в бой с демократами, их противники стали заимствовать все приемы августовских «победителей». Они стали столь же грубы, развязны. Они стали столь же неразборчивы в средствах. Постепенно и чувство государственности, наиболее мощный фактор их деятельности, стало уходить на второй план, уступая место политической конъюнктуре. Конечно, на войне как на войне, и чистоплюйство в борьбе с противником, использующим запрещенные приемы, вряд ли приемлемо. Но, научившись у демократов их приемам, духовная оппозиция стала в каком-то смысле двойником своих ненавидимых оппонентов.

Эффект двойничества вдруг зловещим образом повторился в политическом противоборстве власти и оппозиции. И если сегодня в ответ на заявление Ельцина о том, что он изгоняет всех, кто не поддерживает его курс, из структур исполнительной власти, мы вправе задать вопрос: «Скажите, в чем он, ваш курс?», — то этот же вопрос мы можем сегодня задать и оппозиционному двойнику президента. Политические деятели, действующие на оппозиционной сцене, очень скоро стали напоминать персонажей пьесы Пирранделло, бродящих в растерянности, не находя автора. Театр масок, предьявленный властью, отразился в оппозиционном зеркале, и все мы провалились куда-то между зеркалом и Зазеркальем. С этим надо было кончать. И анализируя еще и еще раз справедливость и правомочность своих упреков представителям оппозиции, я жалею лишь о том, что слишком поздно стал говорить с ними в режиме повышенной резкости, что слишком долго длилась комплиментарная пауза.

Да, на протяжении двух лет, и в особенности начиная с осени 1992 г., я неоднократно и поначалу в предельно корректных формах обращал внимание представителей оппозиции на некое несоответствие между искренностью и серьезностью народного движения — и помпезной театрализованностью патриотического сафона.

Мы имели и имеем как бы две оппозиции — народную и салонную. И этот разрыв становился с каждым месяцем все серьезнее. Народное движение перерастало своих лидеров, а лидеры, заигравшись, упорно не желали понять этого. Занимаясь не народом, а самими собой и своими противниками, они потеряли нравственную опору и оказались в «королевстве кривых зеркал». То же самое произошло перед этим и с лидерами демократического дви-

жения. Они тоже не смогли, не сумели, не захотели «слушать музыку революции». И оказались политическими бродягами, комедиантами, потерявшими своего режиссера и своего автора. А впрочем, и нечто большее...

Страшно было подумать, что твоих друзей и соратников может ждать та же судьба. И еще страшнее было предположить, что и ты завтра, проснувшись и посмотрев на себя в зеркало, поймешь, что на тебя смотрит в зеркале твой двойник и что тебя самого уже больше нет, а есть лишь маска, натянутая на инфернальную пустоту.

Надо было начать разговор по существу и на высокой ноте. И вместе с тем с предельной деликатностью, бережливостью, корректностью по отношению к людям, взявшим на себя большой груз политической ответственности. Этим людям верили, и вдвойне страшно было оскорбить эту веру. На оппозицию надеялись, и эту надежду нельзя было втоптать в грязь. Оппозицию любили, а любовь нельзя осмеивать. Над любовью нельзя глумиться.

Но над любовью, надеждой и верой была и вечно пребудет Правда. И нет оправдания тому, кто лжет или отмалчивается, даже если его правда посягает на веру, любовь и надежду.

Начав критиковать оппозицию, я натолкнулся на превратное, мягко говоря, толкование моей критики. Такое превратное толкование поначалу воспринималось мною просто как естественная негативная реакция людей, занятых политической практикой, на чрезмерную усложненность моих интеллектуальных «конструкций». Что ж, реальная политика имеет свои законы, и люди, занятые практической деятельностью, имеют все основания для того, чтобы избегать «умствований».

Но тогда речь должна идти о каком-то решении этими практиками каких-то организационных задач, о налаживании пропагандистских и информационных сетей, о строительстве сильных организационных структур. Ничего подобного не происходило и не происходит. А ведь дело тут не только в организационной умелости. И не только в недостатке средств, как на то указал недавно А.Казинцев. И не в том дело, что оппозиция наткнулась на «чудовищные механизмы» «зловещей власти». А в том, что Дух покинул ее и его место занял кто-то другой. В атмосфере двойничества, в атмосфере копирования удачливых победителей, в атмосфере принятия их правил игры могло быть лишь одно лекарство от постепенной обездуховленности. Этим лекарством мог стать только

подвижнический, аскетический труд, труд организационный, интеллектуальный, духовный. Всякая леность в этих условиях приводила к постепенному перерождению и вырождению оппозиционной верхушки, работавшей в тех же технологиях, что и ее противники.

Монах знает, как бороться со Злом и что такое искушение Злом. Политик должен понимать, что у него своя аскеза, своя молитва, свой пост и свое пострижение. Политик действует в миру, но это вовсе не означает, что он может забыть о Боге.

Политическое инферно зрело в оппозиции достаточно долго, но оно явилось в таких черных и очевидных формах, что поначалу мне казалось, что это просто дурной сон. И только постепенно, со временем, я понял, что все это не случайно, что все это имеет свои корни в прошлом лидеров оппозиции, в их салонно-театральных навыках, обретенных в писательско-артистическо-аппаратной богеме.

Поначалу (задолго до того, как нам предложили «Ваффен-СС» в виде идеала для подражания) меня тревожили лишь различные «мелочи». Например, то обстоятельство, что крайне низкий уровень организационной активности удивительным образом сочетался у оппозиционных вождей с тягой к схоластическим умозрительным построениям.

Идея «Континента и Океана» показалась мне поначалу некоей эстетизированной идеологической блажью, не более. И меня удручало лишь то, что оппозиционные вожди так увлеклись «Континентом и Океаном», что упустили полностью все нити, ведущие, например, в регионы. Для которых эти вожди постепенно превратились в политических гастролеров-эстрадников, а не в реальных руководителей реальных управляющих центров.

И было попросту как-то неловко, когда из одной «горячей точки» мне вдруг позвонили (подряд в один день) сразу несколько местных деятелей и, стараясь быть деликатными, стали упрашивать меня, чтобы я «помог» отъезду одного из патриотических «генералов». Я не понимал тогда еще всей опасности застоя в оппозиционном движении, постепенной его эстетизации и театрализации, постепенного ухода от трудовой организационной аскезы. Я не понимал, сколь тесно это сопряжено с угрозой перерождения. Я не понимал, в сколь высокой степени это все является предтечей политического инферно.

Начиная с середины 1992 г. политические фиаско оппозиционных лидеров и возглавляемого ими движения следовали одно за другим. Вопреки прогнозам и рекомендациям люди действовали на ощупь, не извлекая опыта из своих поражений. Возникло новое явление – политический аутизм, уход в себя, сотворение кумиров, фактически погружение в иллюзорную действительность, наполненную куклами и культиками.

Срабатывал эффект «кукушки и петуха». С.Куняев проводил аналогии между Невзоровым и Прохановым, с одной стороны, и... Александром Невским. Мол, у каждой эпохи – свои Александры. Новые Александры слушали и «бронзовели» не по дням, а по часам. Чем-то скверным стало отдавать от всего этого политического китча. Зрело что-то пагубное, зловещее. И вот грянул фашистский бум в оппозиционной печати, действующей под лозунгом «духовной оппозиции». О каком «духе» после этого можно было говорить? Лишь о том, который является носителем всех и всяческих двойничеств – систем двойников.

Все это потребовало от меня очередного самоопределения – и даже размежевания. Это размежевание нашло свое отражение в ряде моих публикаций 1993 г., в том числе в статьях «Если хотим жить» (газета «День» от 5 января 1993 г.) и «Капкан для России» («Наш современник», №2 за 1993 г.). И в той, и в другой статье фактически говорилось о необходимости (пока не поздно!) коренным образом пересмотреть оппозиционный курс, внося серьезные идеологические, организационные, кадровые и духовные, повторяю, прежде всего духовные, коррективы.

Подводя итог и выделяя самое существенное из сказанного мной в тех публикациях, можно сформулировать следующие тезисы.

Первое. Оппозиционное движение не хочет или не может выйти из стадии политических заимствований. Политические заимствования рождают специфический климат, приводят к загниванию, перерождению и, наконец, к прямому политическому инферно – то есть к фашизму.

Второе. Говоря о фашизме, я неоднократно подчеркивал, что имею в виду проникновение в патриотическое движение, в верхушку его, чуждой ему, по сути антипатриотической, антигосударственной и антинациональной идеологии, прикрывающейся фиговым листком борьбы с пресловутым «мондиализмом», а на деле

являющейся разновидностью все того же «мондиализма» в его наиболее зловещем (эсэсовском) варианте.

Третье. Ничего общего с огульным отождествлением национальных движений с фашизмом – отождествлением, проводимым А.Н.Яковлевым и его окружением – такая критика не имела и не имеет. Напротив, я (вначале с некими оговорками, а в дальнейшем все с большей откровенностью и некомплиментарностью) говорил о том, что именно позиция газеты «День» и ряда ее авторов, прежде всего А.Дугина, позволяет сделать вывод о принадлежности данной газеты к той же яковлевской игре, но только в модификации, которая во всей мировой политической практике именуется «пятой колонной».

Четвертое. При этом я и сейчас воздерживаюсь от прямых разбирательств роли тех или иных не слишком «злокачественных» деятелей оппозиции в ее развале и перерождении. Я говорю о персоналиях лишь в крайних случаях, причем с неохотой, и фиксирую внимание оппозиционной общественности лишь на крайних степенях политической патологии. Главное – интересы реального дела. Исходя из них (и только из них!), я констатировал (тогда в полувопросительной форме, а теперь уже с полной уверенностью в своей правоте и готовностью нести ответственность за все последствия своего заявления!), что загнивание и перерождение оппозиционной элиты начались, как минимум, в августе–сентябре 1992 г. И то, что это произошло, не случайно. Это совпадает (и вновь речь идет именно о содержательных совпадениях!) с выходом в свет ряда антинациональных фашистских изданий при соучастии и содействии центрального органа оппозиции – газеты «День».

Я определял и определяю (тогда со знаком вопроса, а теперь в сугубо утвердительной форме) свою позицию как позицию категорического неприятия этих странных идеологических игр, проводимых «Днем» и его антинациональными фашистскими теоретиками.

Я обратился также к различным лидерам оппозиционных сил с предложением определиться в, может быть, ключевом на сегодня, крайне существенном для оппозиции вопросе о преодолении загнивания и перерождения оппозиционного движения в результате экспансии антинациональной фашистской идеологии. Навятое публичное определение своей позиции по отношению к, казалось бы, столь очевидному политическому инферно решились лишь немногие из патриотических идеологов и не решился фак-

тически никто из оппозиционных политиков. Что ж, в подобном вопросе случайностей быть не может.

Признаюсь, что я действительно сделал за это время ряд «открытий» по части волевых, интеллектуальных и нравственных качеств множества представителей патриотического «салона». Зная историю этого патриотического «салона», уровень его верноподданности по отношению к М.С.Горбачеву как генсеку КПСС, предъявленный обществу в ряде встреч Горбачева с писателями и деятелями культуры периода 1987–1990 гг., зная функциональную роль этого «салона» в эпоху Суслова и Андропова, я не питал особых иллюзий по части его способности к политическому самоопределению. Однако статья А.Казинцева в третьем номере журнала «Наш современник» перекрывает в этом отношении все рекорды публицистики эпохи застоя, отдает политической смердяковщиной и, что самое главное, не оставляет никаких сомнений в том, что изрядная часть патриотического «салона» (а не только отдельные авторы «Дня»!) делает откровенную ставку на фашистскую идеологию в различных ее разновидностях.

Казинцев заявил об этом напрямую, да еще и со ссылкой на И.Ильина. Разумеется, каждый волен читать Ильина по-своему. Я, например, читаю и буду читать его сквозь призму сказанного самим И.Ильиным в его книге «О противлении злу силой». Руководствуясь сказанным в этой книге, я в случае пришествия фашизма буду не рассуждать о его сильных и слабых сторонах, а противиться. Да, именно противиться этому злу.

Что будет делать Казинцев, это, в конце концов, его сугубо личное дело. Но заявить, что фашизм фашизму рознь и тем самым в критический для движения момент начать вилять в этом политически острейшем и крайне важном вопросе, опускаясь до кухонных дрызг и бабьих шпилек, да еще, виляя, делать глумливые реверансы, в надежде угодить и «нашим», и «вашим»?..

Да, это уровень, достойный какого-нибудь Минкина и, кстати, доказывающий, что на почве смердяковщины двойники способны договориться. Но пусть подобное двойничество не пройдет незамеченным. Пусть знает Казинцев, что «слово не воробей», и пусть теперь попробуют наши салонные патриоты жеманно верещать по поводу гнусных обвинений их в фашизме со стороны «извращенцев-яковлевцев». Салонные патриоты сказали все про себя сами. Кто-то в форме текстов, а кто-то в форме

позорного молчаливого соучастия. И не только «День» (где хоть какая-то откровенность наличествует), но и (прежде всего!) его блюдущие внешнюю пристойность попутчики и «подначки» из числа так называемых «виляющих» патриотов — пусть знают все они, что политическое инферно не осталось незамеченным и неотмеченным.

В гуле народного негодования, в шуме площадей и улиц псевдопатриотическим бонзам уже мерещатся фигуры новых фюреров. И они, эти потасканно-слащавые бонзы, уже торопятся застолбить себе место в фалангах и заявить о своей верноподданности по отношению к будущим фашистским диктаторам.

Говоря о том, что просвещенный патриотизм — это «уступка ельцинизму», «мэтры» патриотического движения закрывают глаза на постепенное перебегание в стан ельцинистов именно наиболее радикальных и двусмысленных в своей радикальности представителей патриотического лагеря. Пусть поинтересуется Проханов судьбой ряда опекаемых им любителей свастики с момента, когда структуры вроде Русского собора стали указывать им на дверь. Пусть поинтересуется и судьбой Д.Васильева, ставшего вдруг одним из желанных авторов газеты «Московский комсомолец»⁵⁹. Пусть поинтересуется динамикой политического процесса внутри элиты российской компартии.

Психология политического «персонажа», занятого поиском «автора» и выискивающего очередных авторов где угодно, а зачастую одновременно в разных местах, — это рефлекс салонной среды, судорожно искавшей покровителей и покровительства в коридорах ЦК КПСС эпохи застоя. Это почти биологическая тяга «слабых» (грезящих о нищезанятости!) к чужим источникам политической воли, к чужим источникам как материальных, так и нематериальных ресурсов в политике. И одновременно непостижимое пренебрежение к главному Автору подлинно исторической драмы — к своему народу, чьим именем играют все, но чей потенциал никоим образом не стремятся задействовать, востребовать, раскрыть, реализовать.

Да, патриотическая «клиентела» по привычке ищет патронов, ищет «авторов» и ради этого заигрывает со всеми: с исламскими

⁵⁹ После осуждения лидером «Памяти» Д.Васильевым первомайской демонстрации 1993 г. как «коммунистической провокации против Бориса Ельцина», «Московский комсомолец» опубликовал интервью с ним на первой полосе. В интервью Васильев выразил однозначную поддержку Ельцину.

магнатами, экзальтированными немецкими интеллектуалами, с представителями «крутых» региональных криминальных элит, с игроками из спецслужб (которые сами давно уже потеряли ориентацию и заблудились в своих же «игровых» лабиринтах!). На худой конец сгодятся на роль патронов и боссы нынешнего правительства (вчера еще именовавшиеся «оккупантами»). Кто угодно и что угодно, лишь бы не свой народ.

Отсюда идеологическая недоброкачественность и всеядность. («Персонажу» нужен какой угодно «автор»!) Автор-эсэсовец («Континент») и Автор-завоеватель (Чингис-хан), Автор-предатель (Власов и власовцы), Автор-безумец (садист и маньяк фон Унгерн), Автор-сепаратист (дважды пошедший в услужение к немцам Краснов). Воистину «утопающие» хватаются за все «соломинки», а «мертвяк мертвяка видит издалека».

И ведь, что характерно, «тонут»-то при упорном избегании тех понятий, тех идеологических «плавсредств», которые только и способны поддержать тонущих.

Например, нет идеологемы страны – идеологемы, являющейся и «штурвалом», и «компасом» на любом, подчеркиваю, идеологическом «корабле», плывущем к ясно намеченной цели. Вместо нее мы имеем некий «континент». Но ведь совершенно ясно любому десятикласснику, что подмена идеологемы «страны» бесплодной химерой «континента» означает возвращение в нашем движении «клиентельных идеологем». Насыщение подобных идеологем политической энергетикой невозможно. Энергетический ресурс не удерживается в силу «дырявости» клиентельных идеологем, заложенных творцами колониальной идеологии.

Клиентельная логика и психология рождает... псевдочванливые, псевдонадутые, горделиво-... колониальные идеологемы. «Возьмите нас на прицеп, о великие силы "великого Континента"!»! – Да, они возьмут, но по-чингисхановски – мертвой хваткой, по-гитлеровски – в Освенцим. И, простите, чем это лучше латиноамериканизации по Гайдару? Те же песни, но в другой оркестровке. Тот же договор с тем же Пуделем.

Народ брошен и предан. Улице предложено отчаянно скандировать «Советский Союз!» и называть нынешнее государство «ельцинией». Тем самым народ пытаются уводить в сторону от решения самых больных его проблем, растворяя политические требования в ностальгической психоделии.

ГКЧП и другие

Впечатляет и то, что, казалось бы, окончательно исчерпавшая политический ресурс тема ГКЧП зачем-то гальванизируется. Это придает оппозиционному движению реакционно-реставрационно-... пенсионный характер. ГКЧП – это акция слабых. ГКЧП – это еще не получившая адекватного описания страница нашей истории. Завтра может оказаться, что эта акция имела весьма двусмысленных «режиссеров». И что тогда?

И, наконец, гекачеписты временно на свободе. Бороться можно и должно за то, чтобы эта свобода стала постоянной. Что дальше?

Дальше – разные по возрасту, политической позиции, уровню политической мотивации, жизненным планам люди, обладающие свободной волей и правом так или иначе распорядиться своей дальнейшей судьбой, поступят по-разному. Кстати, они по-разному вели себя в ходе событий 19–21 августа. Тайна поездки в Форос ряда лидеров ГКЧП рано или поздно будет раскрыта. Будут внимательно изучены и их заявления после провала ГКЧП. Например, сказать, что при всем моем почтении к А.И.Лукиянову я могу признать его речь на последнем съезде народных депутатов СССР документом политической борьбы... – Нет, увольте! Не поворачивается язык. А давать лживо-патетические оценки считаю недостойным ни себя, ни самого этого политического деятеля. И в общем-то для всех нас было бы наиболее целесообразным закрыть тему. Подвести черту. И думать о будущем.

Олег Шенин стал генеральным секретарем «Союза коммунистических партий» (СКП–КПСС). Давайте и будем оценивать его в этом качестве. Олег Бакланов, блестящий организатор производства и кристально чистый человек, сам определится в том, как будет выглядеть его дальнейшая деятельность. Анатолий Лукьянов всегда тяготел к умеренно социалистическим идеологемам. Если он захочет, он найдет себе место в этом ряду и в этом качестве будет продолжать свою политическую жизнь. А не захочет – будет писать мемуары (в которых, может быть, опровергнет свой статус «гроссмейстера Ордена Евразийцев», каким наделил его в газете «День» А.Дугин). То же самое касается всех остальных участников того события, которое вошло в историю под названием ГКЧП.

Борьба за полную юридическую реабилитацию участников этой акции, снятие идиотской 64-й статьи, преодоление ряда очевидно

беззаконных действий «победителей», достижение максимума исторической и политической правды — и все. На этом — точка.

Никакой патетики в этом вопросе быть не должно. Предоставим остальное историкам.

Вместо такой позиции мы наблюдаем слащавые поп-политические эффекты типа совместных съемок, напоминающих мне сусальную фотографию какого-нибудь эстрадного коллектива, например, ансамбля «На-На». В центре — Александр Проханов. Можно вешать на стену групповой портрет. И — забывать о политическом интересе.

Чего добиваются? О чем думают? Какие цели ставят перед собой? А главное — перед движением? Вот они, компоненты политического инферно.

Заигрывание с фашизмом, мифологизация ГКЧП (вместо четкости позиций и конструктивности политических требований в этом вопросе), пресловутое «евразийство», раскрывающее настежь южные и юго-восточные ворота российской крепости новым ханам, поверхностность, отсутствие воли к рациональным политическим действиям.

Руслан Хасбулатов сказал о том, что победили средства массовой информации, то бишь рязановы, киселевы и иже с ними. Черта с два могли бы они кого-нибудь победить, если бы не помощь оппозиционных актеров, идеально сыгравших роль в пьесе «Ужасный русский фашизм» по сценарию, написанному тем самым Автором, поиском которого они занимались с таким упорством.

Голосование на референдуме в целом и особенно по вопросу об экономическом курсе — это полное фиаско лидеров оппозиции, сыгравших под аккомпанемент дугинско-прохановского «оркестра», в декорациях Казинцева и Кожинова, под пантомимы баркашевской массовки пьесу Александра Николаевича Яковлева про «красно-коричневых». И неужели не стыдно тем, кто еще не до конца переродился, не встал на путь политического инферно? Ведь стыд — это мощное онтологическое чувство, способное пробудить к новой жизни.

Завтра, когда вернется История, все это будет названо в лучшем случае клоунадой. И в историческом смысле такая оценка будет справедливой, ибо скажем прямо и со всей откровенностью: революция перерастает своих вождей.

Политический процесс идет своим ходом, а политические вожди как бы при сем присутствуют. В одночасье рухнула вся лживая

пропагандистская машина салонной патриотической оппозиции, строившая свою работу на завываниях по поводу «временного оккупационного правительства», которому в порядке политического инферно время от времени полагалось пойти навстречу. Ну и что теперь? Продолжать кричать о «временном оккупационном»? Но политически ошибочно — и в тактическом, и в стратегическом плане — называть временным оккупационным правительством режим, поддержанный существенной группой населения в условиях наличия оппозиции, имеющей свои средства массовой информации и политические структуры. Другое дело, что данный режим компрадорский, что он действительно занят распродажей национального богатства, созданного не одним поколением. Но тогда давайте прямо признаем, что вплоть до исчерпания национального богатства (а это в России процесс небыстрый) данный режим будет иметь определенную базу социальной поддержки, ибо, попросту говоря, в распродажу включены очень и очень многие. Кто приватизирует порт Находка, а кто станок или кусок железной трубы. Но — «все при деле».

Исходя из этого, следует строить политическую борьбу с компрадорами, выявляя те социальные силы, которые не могут и не должны сочувствовать компрадорству.

Но кто докажет мне, что патриотический салон не является просто другим претендентом на ту же компрадорскую роль? Вначале компрадоры отжимают легко текущий сырьевой «сок» с помощью демократической фразеологии. А затем, когда сока станет меньше и надо будет прижать посильнее, придет черед националистической истерии или той же «Ваффен-СС». Метафизическое двойничество вначале, идеологическое двойничество потом и экономическое, так сказать, на закуску. Убежден, что это высоковероятный сценарий.

Что можно этому противопоставить? Что есть сегодня национальный курс? Мы уже предложили те ограничения, в рамках которых он может формироваться. Давайте искать, вглядываясь в нашу непростую реальность. Всему свое время. И все не так просто, как это кажется кликушествующим шаманам.

Сейчас много говорится о программах. Но ведь емкость требований реальных политических сил порой тем больше, чем меньше слов им нужно для предъявления своих целей. Например, национальная (не компрадорская!) буржуазия потребует от политиков трех, казалось бы, элементарных вещей.

Первое. Защита внутреннего рынка.

Второе. Полная проницаемость внутреннего экономического пространства.

Третье. Поддержка государством всех возможных способов завоевания внешнего рынка.

И все. Казалось бы, задача элементарна. Но попробуйте решить ее. Я не пытаюсь абсолютизировать роль национальной буржуазии, возможны и другие сценарии, другие действующие силы, но в общем-то требования, предъявляемые ими, будут во многом сходными.

Кстати, зачастую действительные участники политического процесса предпочитают молчать в ожидании конца той или иной фазы игры и готовясь к следующему ее этапу заблаговременно.

Время делает свое дело, и самые фантастические прогнозы по части катастрофичности происходящего превращаются в общепризнанные и почти банальные факты. И вместо топтания на месте (и без того истоптанном), вместо повторения (в тысяча первый раз) тезиса о катастрофе надо двигаться вперед в осмыслении происходящего.

Не пора ли, например, признать, что мы имеем дело с борьбой не только внешних, но и внутренних сил, с различными политическими и экономическими интересами. Эти силы, что называется, «играют по крупной», и катастрофа для них не более чем карта в этой крупной игре.

Катастрофа — это та среда, в которой существуют и с помощью которой реализуют свои интересы те или иные корпоративные группы. Изматывая страну, они одновременно изматывают еще и друг друга, и в действительности к осени 1993 г. будет окончательно решен вопрос о том, какие из этих групп и на каких основаниях войдут в стабилизационный картель. Но если и далее сырьевики, до сих пор «бегущие впереди паровоза», не умерят свои аппетиты и не признают фиаско изначальной идеи своего безраздельного господства и диктата своих условий лидерам промышленности т.н. группы «А», то острый политический конфликт неизбежен. Если же они проявят гибкость и осмотрительность, то первый крутой поворот в том пока еще сугубо «линейном» процессе, который «пошел» где-то в начале 1988 г. и завершается на наших глазах, пройдет, быть может, относительно гладко.

Я не знаю, что понимает президент Ельцин под преодолением кризиса. И понимает ли он вообще что-нибудь в тот момент, ког-

да произносит эти или другие кем-то написанные громкие заявления. Но к августу 1993 г. то, что президент Ельцин называет кризисом, действительно исчерпает ресурс саморазвития. И некоторые в каком-то смысле несколько более позитивные варианты развития, может быть, действительно замаячат на горизонте, вопреки усилиям Гайдара и его оставшихся у руля сподвижников, вроде председателя Госкомимущества Чубайса.

Лихорадка с конституционным процессом, судорожные попытки окончательно рассыпать страну под крики о ее собирании — это и есть определенный тип реакций на перспективу (непредопределенную и даже маловероятную, но все же реальную!) стабилизации в результате взаимного изматывания всех национальных корпоративных структур, пытающихся вот уже 5 лет достичь одностороннего преимущества в склоке между собой.

Попытки сброса Верховного Совета и съезда, конвульсивные кадровые чистки, непрекращающиеся атаки на Председателя Госбанка Герашенко, лихорадочные действия Чубайса по развалу крупных вертикальных концернов даже в сырьедобывающих (!) отраслях — это все из той же политической оперы. Равно, как и конституционная оргия.

Политический анализ показывает, что на деле никто (!) не хочет новой конституции и меньше всего ее хотят в демократическом лагере, потому что нормальная конституция противоречит их главной цели — окончательному уничтожению российской государственности. Прекрасно понимается ими и то, что при сегодняшнем федеративном договоре нормальной конституции в принципе быть не может. Понимается и то, что конституционный процесс ускорит развал государства. Осознается, что ресурсов для авторитарного режима попросту нет и что любая «путчевая» комбинация продлится буквально несколько часов. В чем же дело? Чего добиваются боящиеся «упустить» какую-то «победу» любители острых ощущений, призывающие к прямому президентскому правлению?

Они торопятся, понимая, что на игру им отпущено буквально несколько месяцев вплоть до формирования того самого (ущербного и корявого!) внутреннего рынка, о необходимости которого они же и кричали на каждом углу, рынка, под лозунгом которого они же и пришли к власти, рынка, которого они боятся пуше огня. Понимая, что при его становлении все они становятся никчемными и отрабо-

танними фигурами «маргинальной политики», они суетятся, кликушествуют. Инстинкт «политического выживания» толкает их на любые авантюры, сколь угодно бесплодные и губительные. И в этом при определенных условиях демократы могут получить поддержку тех, кого они сегодня именуют «правыми». Снова может заявить о себе политическое инферно с его законом двойничества.

Ибо в новой фазе не будет места и крикунам справа. Нельзя будет держаться на плаву лишь за счет политических заклинаний. Придется работать. И этот страх того, что новая реальность потребует других качеств, другого профессионализма, приводит к неадекватным действиям. Желание казаться и неумение быть порождает политику крикливого аутсайдерства как справа, так и слева. И, видит Бог, не за горами момент, когда начнется альянс враждующих двойников. И, видит Бог, найдутся силы, которые обеспечат этот альянс. Ибо были, есть и будут силы, заинтересованные в бесконечной эрозии государственности за счет бесконечной митинговой круговерти и самовоспроизводящейся инфернальщины как правого, так и левого толка, не дающей обществу вырваться из «королевства кривых зеркал». Но если Бог и народ едины, то эти силы не всевластны, а народная оппозиция преодолевает гипноз и патриотического, и демократического салона. Двойники же эти взаимоуничтожатся или, как говорят в науке, аннигилируют. Но это произойдет не скоро, а пока вращается карусель политического инферно.

Вчера оно вело свое карнавальное шествие под маской западной демократии, сегодня оно танцует танец смерти в обнимку с крайними шовинистами, а завтра... что ж, быть может, завтра Автор даст новые роли и идеологам тотальных революций вкупе с любителями «Ваффен-СС». Но и вчера, и сегодня, и завтра мне с этим Автором не по пути, и в его пьесе я играть не намерен.

Политические перспективы

Референдум – это полный крах оппозиционной пропагандистской машины, это крах салонной оппозиционной элиты, но это не крах оппозиционных низов. Даже в сегодняшнем своем виде низовая оппозиция выстояла. Только психически неадекватным людям могло казаться, что с ними весь народ, а против них лишь кучка изменников. На самом деле было изначально ясно, что в расколе общества референдум лишь углубит раскол. Что и произошло.

Да, дефектная пропагандистская политика не позволила оппозиции повести народ за собой. Оппозиция не сумела преодолеть навязанный ей «красно-коричневый» имидж. Ей помогли проиграть ее же идеологи и ее же вожди. Опросы в ряде регионов показывают, что рационально, исходя из действительного повышения своего личного благосостояния, за Ельцина голосует от 9 до 12% населения. Еще 30–35% голосует исходя из страха, который навешивают ей другие силы, действующие в политическом процессе. А еще десяток процентов — это люди, не приемлющие реставрации и реакции. Театрализованно-мстительный оскал, угрозы расправиться со своими противниками, гекачепистский реакционный романтизм, реставрационная идеология, отсутствие политической прагматики, организационно-идеологическое бесплодие, заигрывание с явно антирусскими силами (немецкий фашизм и, скажем так, чингисханство), литературная смердяковщина и просто тупость, завистливость, леность, чванливость — все это привело к потере 15–20% голосов на референдуме.

Добавим к этому двусмысленную позицию, занятую рядом оппозиционных организаций по отношению к четвертому вопросу референдума⁶⁰. Здесь были разыграны все худшие свойства оппозиционного движения — от политической корыстности («нас на следующих выборах обязательно выберут») и политического слабоумия (ибо никто на деле и не думал организовывать новые выборы в сколь-нибудь дееспособный парламент в случае, если этот провалился бы на референдуме, получив более 50% от списка против себя) до шовинизма («злой чечен ползет на берег») и организационной бездарности. Относительную победу (главным был четвертый вопрос, от ответа на который зависела возможность мягко заблокировать разрушительный псевдоавторитарный демарш радикалов) принес нам здравый смысл оппозиционной «низовки» (обкомы проголосовали за сохранение Советов и сумели убедить рядовых членов РКП, вопреки мнению центра). Победу принес абсолютно антишовинистический настрой коренных русских областей и русской глубинки, опровергшей все мифы по поводу неве-

⁶⁰ Четвертым вопросом так называемого референдума «да-да-нет-да» был вопрос о необходимости проведения досрочных выборов народных депутатов РФ. По установлению Конституционного Суда положительное решение по данному вопросу должно было быть принято большинством от **общего числа избирателей**. Положительно же высказались лишь 43,1% (67,2% - от числа проголосовавших).

роятного накала античеченских настроений. В глубинке вообще не заметили, что Хасбулатов чечен, это приводило в экстаз лишь салонные круги и часть лавочников и люмпенов — всего не более 1,5 млн. человек. Победу принесло активное включение в кампанию по референдуму сельского населения, имеющего крайний антиельцинский настрой и высокую политическую активность (ожидалось, что оно будет крайне пассивным).

Вспомним прогнозные цифры, дававшиеся различными консультантами и аналитическими структурами, исходя из советов которых ельцинисты и выстроили свою кампанию.

ВЦИОМ — за переизбрание депутатов будет дано 57% от списка.
«Вести» — 52% от списка.

«Итоги» (совместно с Japan TV) — 54%. Перечисление можно продолжить.

Считалось, что совместными усилиями тупоумной оппозиции и ее противников удастся опрокинуть съезд. Но оппозиция оказалась иной, по крайней мере, повторяю, на уровне своих рядовых членов.

О событиях 1 мая и 9 мая⁶¹. То, что во всем случившемся 1 мая всецело виноват Лужков и «его команда», показали события 9 мая. Можно по-разному относиться к происходившему на площади Гагарина. Но лично я считаю, что «разведка боем», предполагавшая введение «калмыцкого варианта»⁶², провалилась 1 мая, когда «разведчикам» показали, что Москва не Калмыкия, и окончательно обрушилась в День Победы. И по зловещему стечению обстоятельств в этот же День Победы над фашизмом вышел в «Дне» очередной фашистский манифест Дугина. Двойники — те, кто приказал бить народ в день 1 мая, и те, кто, проклиная их за это, в день 9 мая напечатал фашистский манифест с прямым призывом маршировать под фашистским флагом, — опять глядят друг другу в глаза. В прошлом туре политического инферно патриотический двойник заимствовал приемы и ухватки у своего демократическо-

⁶¹ 1 мая 1993 г. демонстрация, двигавшаяся по Ленинскому проспекту от Октябрьской площади к Воробьевым горам, была остановлена на площади Гагарина и избита милицией и ОМОНОм. Реакцией на это событие стала 300-тысячная демонстрация 9 мая 1993 г. Не встретив сопротивления стоявших в переулках милиции и ОМОНа, демонстранты мирно прошли по Тверской улице до Кремля.

⁶² Имеется в виду роспуск в начале мая 1993 г. новоизбранным президентом Республики Калмыкия К.Илюмжиновым Советов всех уровней и введение им прямого президентского правления.

го собрата. Теперь возможна и смена ролей. Чем черт не шутит? В самом деле, чем он только не шутит.

Но вот позволит ли шутить с собою шутки великий народ? Я уверен, что не позволит. 9 мая показало, что народ не потерпит, чтобы его били, и те, кто его бил, приговорили себя. Я имею в виду, разумеется, не обманутых исполнителей, а режиссеров и авторов. Их режим рухнет, как любой режим, позволивший себе подобное избиение.

О 9 мая можно говорить много, но ясно главное: оппозиция (вновь добавлю – на уровне рядовых ее членов!) приобретает новое качество.

9 мая среди манифестантов было много молодежи, много интеллигенции. Высокая энергетика огромной человеческой массы сочеталась с полным отсутствием истерии, кликушества и социальной ущербности (опять-таки, на уровне рядовых членов). Все это говорит об очень и очень многом.

Что касается 30-минутного митинга, то его сильная сторона была в одном – в том, что он был короткий. Других позитивных сдвигов я назвать не могу, разве что проявленные председателем Союза офицеров Тереховым здравый смысл и очевидное нежелание инициировать провокацию. В остальном митинг был резко слабее манифестации, и тезис о перерастании массами своих вождей, увы, был в очередной раз подтвержден.

Что ж, это урок массам, и, как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Кстати, ряд вождей, кричавших, что дело решит дубина, так и не вышел к массам после того, как началась та самая, ими лелеемая, драка. Кое-кто начал лебезить перед властью, кое-кто исчез (быть может, спрятался на огороде?), а кое-кто начал публично заявлять о своем неучастии.

От 7 ноября 1991 г. к 9 мая 1993 г. процесс разрыва между трибуной и массами нарастает. Вскоре этот разрыв может стать столь мощным, что политическая сцена рухнет в тартарары. Что ж, туда ей и дорога.

7 ноября 1991 г. оппозиция вдруг получила в Москве 25–50 тысяч сторонников, готовых выйти на улицу. Это была огромная сила. Ею не сумели распорядиться. Ее отлили в дефектные формы и включили в политический карнавал с двойниками и королевством кривых зеркал. Теперь же, после референдума, оппозиция получила десятки миллионов голосов людей, проголосовавших

(вопреки всему!) за недоверие Ельцину. Вместо того, чтобы устраивать разборки с обсуждением негативной роли чеченского фактора, вместо истерик, перебранок и рассуждений о тотальных революциях и пользе фашизма (и параллельно с этим публикаций безумных прогнозов о росте влияния Скокова и Хижи в правительстве Ельцина уже после (!) их снятия), следовало бы тем небезнадежным пока еще людям, которые не окончательно погрязли в лабиринтах политического инферно, всерьез подумать о том, в какие организационные и идеологические формы отлить этот бесценный дар, этот многомиллионный ресурс народной поддержки. Им следовало бы, ухватившись за руку помощи, протянутую оппозиции в трудный момент великим и свободолюбивым русским народом, начать подвижнический труд, вспомнив гоголевское «Умертви себя для себя, но не для России».

Если и на этот раз оппозиционные лидеры будут продолжать блуждание в поисках Автора и демонстрировать все худшие свойства патриотического «салона» вместо того, чтобы подвижнически трудиться ради победы, ради общего Дела, то этого им не простит история.

И – скажем прямо! – не только она.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ МАНИПУЛЯТОРЫ

Алеф-пресс. 1993. № 1

– Сергей Ервандович, сегодня самое время вернуться к прогнозу, сделанному Вами с полгода назад в интервью московскому «Радио Алеф». Вы предсказывали скорый подъем тогда еще не слишком заметных радикально-националистических настроений на крайних флангах российской оппозиции. То интервью было напечатано за рубежом и вызвало, кажется, неоднозначную реакцию в стане оппозиции. Проханов, например, в большой статье в «Дне» упрекал Вас чуть ли не в сознательном очернении всей российской оппозиции. Тем не менее правы оказались Вы. В последнее время мы не видим ни одного мало-мальски людного оппозиционного митинга, где не фигурировали бы в изобилии плакаты, гневно бичующие «международный сионизм» и его коварные замыслы. И я не в силах представить себе, что несущие эти транспаранты милые, несчастные, действительно обиженные нынешним правительством старушки в состоянии дать определение понятию «сионизм». Соседствующие с ними молодые ребята – вероятно, тоже. Значит, кто-то из-за их спин желает подать этими внешне бессмысленными лозунгами некий сигнал? Как вы считаете?

– Поскольку бабушки, как мы уже сказали, выведены из политического контекста, я хочу за них заступиться, просто сказать о том, что их тоже можно понять. Какая-то умелая рука все время подает в телеэкран такие картинки, после которых и бабушки начинают ходить в культпросветучреждения и учиться правильно писать слово «сионизм». Я считаю, что существует определенная моделирующая роль телевидения, которое безусловно создает из еврейского народа образ врага. В этом смысле я с полной ответственностью могут заявить, что это в значительной мере дело рук Полторанина, который является одним из главных идеологов этого управляемого введения вируса антисемитизма в страну. Таким же идеологом, с очень почтенным стажем, являлся и Егор Яковлев, у

которого к тому были определенные технологические навыки из предшествующего опыта. Он пребывал в знакомстве со структурами, которые хорошо умели все это делать. Я могу назвать еще ряд таких же «прогрессивных» политических деятелей, которые совершенно заведомо этим заняты. Раз уж мы заговорили на эту интересную тему, важно ответить на вопрос: кто моделирует образ неряшливого, истеричного, неграмотно говорящего по-русски, с несколько карикатурной внешностью субъекта, причем всегда с какими-то странными манерами?

Все время наблюдается попытка создать на ТВ такой очень специфический еврейский образ. Причем попытка сознательная. Большинство моих еврейских друзей абсолютно чисто, например, говорит по-русски. Многие из них являются горячими русскими патриотами, и хотя бы умеренное введение их в спектр лиц, выступающих в телевизионном эфире, в значительной мере снизило бы накал темы. Однако никого из этих моих друзей, в том числе достаточно известных, я не вижу на телеэкране, а вижу все время десяток людей этой национальности, которые выступают в качестве очень мощного раздражителя. Ибо они все время говорят какие-то странные вещи, очень странно эксплицируют свое отношение к России и вообще ведут себя недопустимо высокомерно в условиях национальной катастрофы. Здесь есть чья-то умелая режиссура, и, я думаю, где-то в пределах организации, которая называет себя «ФИЦ»⁶³, существует спецотдел, который занят разжиганием антисемитизма в стране.

— *И каковы же, по-Вашему, цели?*

— Целей очень много. Во-первых, никто не сказал, что в пределах так называемого «демократического движения» не существует людей с очень явно выраженной тягой к радикальным, так сказать, вариантам решения вопроса проживания малых народов на нашей территории. Я совершенно этого не исключаю.

Это ведь знаете как... В театре есть такая поговорка: «Против кого теперь мы будем дружить?» Дружба народов ведь тоже может осуществляться против кого-то, есть возможность выдвинуть на эту роль, например, кавказские народы или вот указанный вами ближневосточный этнос. И тем самым можно как бы решить массу проблем. Я хочу здесь обратить ваше внимание на то, что одно-

⁶³Имеется в виду созданный в 1992г. Федеральный информационный центр России (ФИЦ).
Руководитель — М.Н.Полторанин.

значная приверженность сегодняшних т.н. «демократических» лидеров к такому вроде бы полиэтнически-взвешенно-универсалистскому решению национальной проблемы в стране сильно преувеличивается нашими печатными изданиями и определенными кругами на Западе. Очень сильно преувеличивается. Вот, пожалуй, простой пример: достаточно было Дмитрию Васильеву стать человеком, поддерживающим Ельцина, и он сразу оказался желанным гостем газеты «Московский комсомолец». Или он и до этого был там желанным гостем? И тот визит лидера «Памяти» в «МК» был визитом дружбы или, так сказать, некой цирковой эксцентрики? У меня есть основания считать, что газета «МК» и еще ряд т.н. либеральных изданий не грешат взвешенностью в решении данного вопроса и завтра вполне могут оказаться в радикально ксенофобском, шовинистически-националистическом лагере. Эта мутация может произойти в любой момент.

Вы мне напомнили о том моем прогнозе, когда я говорил о вещах, которые никто не понимал. Вот сейчас я вам предсказываю, что пройдет два—три месяца, и Вы увидите лидеров оголтело, радикально, чудовищно шовинистических сил в окружении людей, не буду называть кого именно, которые у Вас плотно связаны с представлением о демократии, правах нацменьшинств, взвешенном решении национальной проблемы и т.д. И которые даже по своим национальным характеристикам никогда не должны были бы тяготеть к подобного рода решению проблем. И тем не менее тяготеют.

Вот еще один пример: мне попала статья, в которой какой-то человек из союза композиторов, что ли, с огромным выбросом энергии проклинает чеченца Хасбулатова. Именно *чеченца* Хасбулатова. Не кажется ли Вам, кстати, что чеченская карта в недавнем референдуме была разыграна совершенно бесстыдно? Не нужно быть человеком глубокой аналитической культуры, чтобы понять, что если сегодня разыграна чеченская карта, то эти деятели использовали низкопробный, грязный прием для своих жалких политических целей. Кто вам сказал, что эти люди завтра с таким же цинизмом, с таким же холуйством не используют другой прием, если это будет в их интересах?

После референдума запущена игра на национальном поле. Она запущена кем? Она запущена всей «биомассой», именующей себя сторонниками демократии, прогресса, свободы, именно они все

это включили. Понимаете, у них есть огромный внутренний резерв для движения в этом направлении, и они этот резерв еще на два процента не израсходовали. Надо будет — израсходуют на 10, на 20 процентов, потому что это люди, мягко говоря, лишённые каких-либо нравственных ограничителей. А раз так — можно ожидать чего угодно в любом направлении.

— *Раз уж мы вспомнили о референдуме, как бы вы прокомментировали сделанный непосредственно перед ним пресс-секретарем президента РФ прогноз о возможном изменении российской политики в еврейском вопросе в случае прихода к власти нынешней оппозиции?*

— Я рассматриваю это заявление как предельно безответственное. Не дерзну, конечно, давать советы, но у меня все же сложилось впечатление, что президенту следовало бы избавиться от этого пресс-секретаря. Потому что он полностью компрометирует президента одним таким высказыванием, в котором есть все: ложь, наглость и неверное понимание даже просто еврейской ментальности, которая, как ему кажется, должна позитивно отреагировать на такого типа шантаж.

— *Хотелось бы тем не менее услышать Вашу оценку не столько личности пресс-секретаря, сколько сути сделанного им прогноза.*

— Я очень сложно отношусь к сегодняшним оппозиционным лидерам... Не знаю, читали ли вы статью Казинцева в номере третьем журнала «Наш современник», в которой автор меня упрекает во всех смертных грехах, в тоне, отдающем застойной эпохой. Я очень многого не приемлю в том, что они делают. И я постепенно перехожу от линии такого как бы сдержанного протеста к линии жестких определений по отношению ко многим вещам, как неприемлемым. Но даже при этом я могу заверить вас, да и все население Израиля, все еврейское население нашей страны, что таких безумцев, которые прибегнут здесь к каким-нибудь подобным мерам, в патриотическом лагере просто нет. Но если они и есть, то это отдельные, сугубо неадекватные, маргинальные люди. Ни Проханов, которого пытаются в чем-то подобном уличать, ни Стерлигов, ни Анпилов, ни Зюганов тем более — никто из них не позволит себе никакой даже словесной, не то чтобы политико-юридической конструкции такого рода.

ТАДЖИКСКИЙ УЗЕЛ

Аналитическое исследование, выполненное группой сотрудников ЭТЦ под руководством С.Е.КУРГИНЯНА с выездом на место конфликта по поручению руководства ВС РФ в связи с обострением ситуации на таджикско-афганской границе⁶⁴

Советская Россия. 1993. 29 июля

О реальной военной ситуации на таджикско-афганской границе

Бои на 12-й заставе Московского погранотряда шли в понедельник 13 июля 1993 г. с 4 утра и до 8 часов вечера. В течение 16 часов 12-я застава отбивалась от превосходящих сил противника. И в течение всего этого времени она не получала существенных подкреплений.

Зная о том, что командир Московского отряда Василий Масюк — человек более чем решительный, мы имеем все основания предположить, что идея поддержки 12-й заставы частями 201-й дивизии и другими силами быстрого реагирования была блокирована на высшем уровне Министерства обороны России, которое, в свою очередь, вряд ли принимало решения самостоятельно.

Вопрос этот, однако, настолько серьезен, что употребление здесь слов «вряд ли» и «по-видимому» — неприемлемо. Необходимо парламентское расследование с таким уровнем полномочий, при котором все должностные лица будут давать прямые ответы

⁶⁴13 июля 1993 г. 12-я застава Московского погранотряда на таджикско-афганской границе подверглась нападению группировки моджахедов общей численностью до 250 человек и была взята в окружение. Находившиеся на заставе российские военнослужащие вели многочасовой бой. К концу дня, когда к заставе подошла помощь, в живых оставалось 18 пограничников. Погибли 22 пограничника и 3 военнослужащих 201-й российской дивизии.

на прямые вопросы и предъявлять все данные о всех переговорах, которые велись между русскими военными в Таджикистане и их начальниками в Москве.

Но такое расследование в сегодняшней политической ситуации невозможно. Мы узнаем правду с той же задержкой, с какой мы узнали ее применительно к событиям в Тбилиси. И если политическая ситуация не изменится, то виновные в искаженной подаче информации понесут ту же меру ответственности за свои действия, какую понес ленинградский мэр А.Собчак. То есть никакую.

Поэтому говорить необходимо только о безусловном. 16 часов шли бои. 16 часов российские солдаты и офицеры не получали существенных подкреплений. Ситуация в Таджикистане такова, что необходимы группы не просто быстрого, а мгновенного реагирования. Но даже при медленном реагировании перекинуть десяток боевых вертолетов из Душанбе на заставу можно в течение одного—двух часов.

Никакого международного скандала в этом случае не было бы. Ни о каких «шакалах» не пришлось бы вещать в телеэфире высоким российским военным. Парламентарии занялись бы оценкой работы комитетов и комиссий и более вдумчивым принятием бюджета. Гавриил Попов был бы лишен возможности проявить заботу о русских парнях и продемонстрировать свое знание афганских реалий. Министр безопасности Баранников мог бы заняться деятельностью высших чиновников исполнительной власти, создающих слишком уж одиозные (нет, не в плане коррупции — бог бы с ней, а в плане национальной измены!) предприятия вместе с представителями спецслужб Запада. Сам Запад был бы лишен приятной возможности по очереди приносить свои соболезнования то так называемым исламистам, то российским военным. А самое главное — погибшие люди были бы живы. По крайней мере, большая часть из них.

Преданные болтунами, оставленные на произвол судьбы Верховным главнокомандованием, превращенные в объект для политической риторики, переведенные чуть ли не на подножный корм, погруженные в стихию экономического беспредела («хочешь — воруй, а не хочешь — подыхай с голоду»), замордованные московскими комиссиями, склонными к поучительству даже больше, нежели в эпоху застоя, русские солдаты и офицеры в очередной

раз продемонстрировали, что на нижних уровнях, на уровнях рядового и младшего офицерского состава наша армия все еще остается лучшей армией мира.

При нормальном освещении событий история с 12-й заставой вошла бы в число эталонов исполнения воинского долга. Был бы объявлен общероссийский траур, и не сквозь зубы, между прочим, а на высшем уровне (несоизмеримом с теми почестями, которые оказывались за избивание мирных жителей) были бы награждены живые и похороненные мертвые. И Верховный главнокомандующий нашел бы время и сказал бы: «Простите, воины, за то, что в течение полусуток со мной не вышли на связь мои подчиненные, простите за то, что военная камарилья, которой я руковожу, бросила вас на произвол судьбы. Простите за то, что сам я, видимо, не тем занимался в течение этих часов, когда вы там, на южной границе, истекали кровью, тщетно умоляя о боевой поддержке, умоляя о непродажности».

Но такая нормальная ситуация, видимо, наступит не скоро, а пока, увы, господствует игровое начало, и трагедия заставы кощунственно превращается в политический балаган. Дело дошло до того, что чуть ли не Верховный Совет обвиняется в том, что не была оказана нормальная поддержка заставе.

В ситуации массовой истерии и поляризации сил даже этот тезис, рассчитанный на высшую степень «девственности» сегодняшнего политического сознания, может, видимо, дать определенный результат.

Но тогда пусть знают те, кто способен реагировать и принимать всерьез такую «клюкву», что заставы в Таджикистане укомплектованы на 25%, что, как говорят пограничники, «мы в Москву писали и говорили, что с военных училищ нам никого не присылают, что ребята убегают до пенсии, а новых нет, что у меня одна "восьмерка" дырявая (МИ-8) и один "горбатый" (МИ-24), а летать некому. 14 тонн квашеной капусты нам привезли. Вонь такая, что нос затыкай. А мы ели. Кому это нужно? Лучше на базаре семечками торговать. Эти генералы, которые приезжают, это же "смех на палочке". Вертолет нагревается до 70 градусов. Недокомплект. В техническом плане абсолютная некондиция. Мы летаем, мы терпим, а они нас страшат, эти генералы. На границе местное население нас поддерживает, помогает, кормит. Без них бы мы уже загнулись при таких-то начальничках в Москве. Местные все видят. Самый бо-

лезненный вопрос — людей сюда не дают. И техники мало. Пусть он не говорит про "шакалов", пусть он дело делает, и никакой "шакал" сюда не сунется. А эти нарушители, они переходят границу, мы их берем с потерями, везем в Душанбе, поим и кормим, а потом их назад отпускают. Что мы, не видим? У тех до фига "Стингеров", вооружены до зубов, кого только среди них нет — и сирийцы, и афганцы, и негры, и арабы. А у нас застава не укомплектована. На 15-ой заставе перешло их 180 человек, засели в горах, еле-еле их выбили. Говорят, какую-то их "шишку" убили. Теперь они мстят. Это же на десятилетия».

Мы отвечаем за достоверность воспроизведенных нами слов офицера-пограничника. Что касается воспроизведенных им фактов, то каждый из них нуждается в проверке. Но в любом случае этот текст заслуживает пристального внимания, ибо это говорит боевой офицер, исполнявший и исполняющий свой долг. У него рядом живут жена и дети. Он не уверен в их безопасности. Если завтра этот офицер, разуверившись во всем, перейдет в брокеры, что будет послезавтра со всеми нами, в том числе и с высокими генералами, и с политиками всех ориентаций, и с предпринимателями, этой новой «солью земли»? Но подумать об этом могут тоже лишь те, для кого существует понятие «завтра». А пока господствует временничество — «После нас — хоть потоп!», — и мужественные люди, достойно выполняющие свой долг на границе, превращены в игральные карты, которые тасуют и сдают на большом игорном столе грязные руки политических «картежников».

Спекуляции на крови

Все это уже было. Подобные игры ведутся не первый раз. И если что-то и способно удивить, так это то постоянство, с которым воспроизводятся одни и те же игровые комбинации, и поразительная наивность общества, включая большую часть политиков различной ориентации. По-прежнему эти политики реагируют на слова, на элементарные раздражители. И в который раз они готовы верить в то, что сказанные слова как-то соотносимы с решаемыми (исключительно их произнесением) задачами, а в «проспавших» Советский Союз, лебезящих перед американцами, включенных в крупные экономические игры, продемонстрировавших неоднократно свое безразличие к массовым

убийствам мирного населения (вспомним Приднестровье) генералах вдруг может неожиданно «проснуться» дух защитников Отечества и хранителей государственности.

На это можно было бы рассчитывать, если бы позади не было Карабаха и Баку, Ферганы и Тбилиси, Вильнюса и августовской пародии на введение чрезвычайного положения, получившей название «дело ГКЧП». В этом случае, наверное, и авторы этого доклада стали бы реагировать на случившееся иначе. Но слишком памятливы те события, те игры, те спекуляции на крови.

В далекий Душанбе, в таджикские селения, мечети, в таджикское МВД и КНБ, в таджикский парламент и таджикское правительство, к представителям различных политических сил, к очевидцам событий, к думающим аналитикам Таджикистана нас позвало глубочайшее беспокойство по поводу того, что там, в четырех часах лета от Москвы, решается не просто судьба того или иного режима в Таджикистане и даже не того или иного режима в Москве. Нам показалось, что там решается вопрос о судьбе всего континента, о всемирно-исторических реалиях XXI века, об историческом пути народов, связавших свою судьбу с двумя мировыми религиями – православием и исламом.

И мы не ошиблись. Масштаб игры, затеянной на территории Таджикистана, превзошел все наши ожидания, и мы попытаемся убедить всех мыслящих людей России, исламского мира и тех сил на Западе и Востоке, которые не чужды исторической ответственности, в своей правоте.

В качестве средства будет использована системная политическая аналитика. Нам придется развернуть перед читателем всю панораму таджикской трагедии. Нам придется вернуться к событиям многолетней давности. Нам придется адресоваться к различным реалиям жизни, от ее духовных аспектов до сферы самых черных, корыстных помыслов и деяний.

Мы просим читателя набраться терпения, ибо речь идет о слишком животрепещущих для всех нас реалиях политической жизни. Речь идет о том, что неминуемо будет касаться каждого из нас, здесь живущих и собирающихся жить здесь и далее. Речь идет о принятии решений на таком историческом перепутье, которое выпадает один раз в жизни нескольких поколений.

Суетливость и репортерство не могут быть подмогой в столь значимом деле, как не могут быть в нем подмогой искренние по-

буждения и благие намерения, коль скоро они не опираются на достоверное знание о предмете этих благих чувств и намерений.

Наберемся терпения. И постараемся разложить все «по полочкам».

Итак, перед нами окровавленный Таджикистан. В нем идет гражданская война. И не надо иллюзий, речь идет о войне большой интенсивности, о жесточайшей схватке, превосходящей все, что до сих пор происходило на нашей многострадальной земле, именовавшейся ранее СССР. Мы подчеркиваем: все, что ранее происходило, включая Приднестровье и Карабах.

Факты, говорящие о масштабах таджикской трагедии

Точных цифр нет. Их и не может быть. Слишком много так называемых «не заявленных» или «пропавших без вести». Но никто из опрошенных нами официальных лиц, оперировавших строго официальной информацией (а не слухами), не называл менее 100000 жертв гражданской войны в Таджикистане. Еще 100000 – это беженцы, сосредоточенные в ряде лагерей на территории Афганистана и в Горном Бадахшане.

Уничтожение застав, русских солдат – это событие вопиющее, но ведь признаем, что подобное происходит не в первый раз. Признаем и то, что русская армия участвовала в борьбе с так называемыми фундаменталистами уже после прихода к власти правительства Эмомали Рахмонова в ноябре 1992 г. Причем участие это происходило и с применением тяжелого оружия.

Еще раз процитируем офицеров-пограничников, с которыми мы беседовали: *«Это происходит не первый раз. Возьмем, к примеру, 15-ю заставу. В ее районе тоже шли бои между нами и "вовчиками" (так русские офицеры называют "исламистов", по-видимому, производя это название от термина "ваххабиты". Противников "вовчиков" они называют "юрчиками". Происхождение этого слова установить нам не удалось). Мы "вовчиков" там сильно задели. И они нам мстят, минируют заставы, "лепят" по танкам...»*

Кровь порождает кровь. Если идет война – а она идет – и если Россия воюет на одной из сторон – а она воюет, – то гибель людей закономерна, хотя и беспредельно трагична. Тут главное – определиться, исходя из интересов России, и, определившись, не метаться из стороны в сторону. С кем и за что воюем? Ниже будут

названы факты. Эти факты назывались официальными лицами. Они подтверждены официальными документами. Находясь в Таджикистане с официальным поручением, по командировке Верховного Совета России, мы доложим тем, кто нас послал, факты во всей их полноте и с указанием источников (в той мере, в какой носители информации санкционировали нам подобное обозначение). Но в открытой публикации называть источники аморально. Ибо, повторяем, идет война, одна из наиболее жестоких войн, которые знала эта земля за последнее столетие.

На следственных видеозаписях мы видели безобразно изуродованные трупы людей разного пола и возраста. Мы читали и слушали показания свидетелей, представленные по всей форме в таком виде, который исключает фальсификацию, о страшных пытках, которым так называемые фундаменталисты подвергали тысячи мирных граждан. В показаниях фигурируют вещи, от которых кровь стынет в жилах, и даже выдавшие виды следователи теряют самообладание. Фундаменталист, а точнее уголовник, именующий себя фундаменталистом, вскрыл живот беременной женщины и, извлекая плод на девятом месяце, выстрелил в этот плод из пистолета. Это следственный факт. Есть факты — также подтвержденные следствием — закапывания людей живьем, жарения их в банях при подаче избытка тепла, вызывающего смерть жертвы, распиливания живых людей, в том числе детей и женщин с помощью циркулярных пил, сдирания опять же с лиц разного пола и возраста кожи с последующим ритуальным умерщвлением жертв. И так до бесконечности. Никакой адекватной реакции весь этот ужас не вызвал ни в России, ни в мировом сообществе.

Естественно, кровь порождает кровь. И кулябцы («юрчики», как сказал бы тот офицер) воюют по тем же законам, что и их противники. Но попытки возложить на них ответственность за зверства, подобные вышеописанным, не выдерживают критики по целому ряду причин.

Во-первых, речь идет о знакомом почерке. В таких формах выявляет себя именно религиозно-политический террор с ритуально-мистической подоплекой. Кулябцы (и ниже это будет доказано) носителями подобного типа действия быть не способны в принципе, что отнюдь не означает их неспособности к убийству вообще.

После того, как был взят кулябцами совхоз «Туркменистан», один из оплотов ваххабитов, расположенный в Вахшском районе,

кулябцы сравнивали с землей дома исламских лидеров. Но в этом районе находилась печально знаменитая пыточная «баня» так называемых исламистов. Вой из этой «бани», крики пытаемых людей неслись на всю округу. И жители окрестных мест, неспособные лгать в силу своей дехканской неизворотливости и вдобавок не имеющие для этого никаких прагматических оснований, с чувством, не вызывающим сомнений в его подлинности, говорят о том, что жить под эти крики было невозможно, что эти крики не смолкали месяцами и что люди, слышавшие их, буквально сходили с ума. Кулябцы и поныне зачастую действуют исходя скорее из правил мести, нежели из строго юридических соображений. Но в этой мести нет изуверств, и объектами по преимуществу являются пролившие кровь преступники.

Во-вторых, кулябцы никогда не призывали никого к массовому пролитию крови. Тогда как так называемые исламисты этими призывами именно к вырезанию масс своих соотечественников, исходя из идеологических соображений, камуфлируемых под религиозные, известны на весь Таджикистан и далеко за его пределами. Документов, в которых зафиксированы такие призывы, можно привести сотни. Они подписаны соответствующими организациями и, прежде всего, ИПВТ⁶⁵. Они имеют свою предысторию.

Есть некая логика развития, так сказать, от и до. Ничего подобного в кулябском движении нет и в помине.

В-третьих, только ваххабиты (то есть «исламская оппозиция») осмелились применить к своим соотечественникам понятие «кафиры», то есть «религиозные предатели». Поскольку «кафиры» для ваххабитов хуже «неверных», поскольку по отношению к ним религиозно оправданы любые самые изуверские формы насилия (ибо именно изуверством в этом деле измеряется степень правоверности ваххабита и его «право на рай»), то субъект ответственности очевиден.

В-четвертых, хронология событий показывает, кто использовал насилие первым для свержения законной демократически избранной власти. Вся деятельность ваххабитов на политическом поприще в Таджикистане — это насилие и еще раз насилие. Возразить против этого утверждения крайне трудно будет даже тем

⁶⁵ ИПВТ — «Исламская партия возрождения Таджикистана», основанная 26 октября 1990 г. как таджикское отделение действовавшей на территории СССР «Исламской партии возрождения».

силам в России, которые давно специализируются на политической дезинформации и перекладывании вины за происходящее с большой головы на здоровую.

В-пятых, социологические опросы показывают, что смена умонастроений широких слоев населения в сторону агрессивного отторжения понятий «демократия» и «ислам» беспрецедентна. От восторга, стремления окунуться в ислам, приобщиться к его ценностям, отвергая коммунистическую догматику, — к агрессивному неприятию и гримасе брезгливости. Этот путь пройден менее чем за год, и для того, чтобы получить такой результат, так называемым «ислаμισтам» надо было сделать нечто из рук вон выходящее. Что ж, это они и сделали.

В-шестых, есть разница между следственными документами и болтовней. Пусть те, кто обвиняет кулябцев, предъявят доказательства по соответствующей форме. Их оппоненты готовы отвечать за свои слова. Готовы ли к этому обвинители?

И, наконец, что происходит сейчас? Кто создал «Совет Джихада», призвал к войне до победного конца (опять же против своего населения!), кто отвергает все сценарии национального примирения? Кто мешает вернуться беженцам, находящимся на Памире и в Афганистане? Кто создает террористические организации? Кто разрывает целостность Таджикистана? Кто препятствует получению беженцами продовольственной помощи от правительства Таджикистана? А ведь без этой помощи памирская группа беженцев обречена на голодную смерть.

Логика ваххабитов прозрачна и напоминает логику определенных сил в нашей стране: «70 лет Таджикистан жил "во зле", население испорчено и не имеет права на демократические процедуры самоопределения. Меньшинство обязано очистить большинство огнем и мечом и истребить "кафирство", проникшее в плоть и кровь нации. Необходима, как минимум, исламская Инквизиция». Именно с позиций подобной Инквизиции и разворачивается политическая кампания исламистов.

Убийства и пытки сопровождают каждый их шаг задолго до появления у них противников в далеком Кулябе. Еще спит Куляб и Гиссар, а исламисты уже приводят в действие свои механизмы. Еще пуста площадь Озоди, а крики пытаемых уже достигают ушей толпы, стоящей на площади Шохидон и подогревают бесконечные радения фанатиков.

Более того, уже в ходе подобных пыток и истязаний и, думается, будучи достаточно информированными людьми, не лишены воображения и способности к анализу происходящего, лидеры демократов из России, наши великие «гуманисты» Велехов, Попов, Собчак и К^о приветствовали деяния «антикоммунистических лидеров» трех замаравших себя организаций – «Растохеза», «Демпартии Таджикистана» и «Исламской партии возрождения Таджикистана», пресловутой ИПВТ.

Но не только Попов, Собчак и другие заинтересованы в сокрытии правды. Полной правды не говорит «День», для которого люди из ИПВТ – это единопартийцы с авторами и членами редколлегии «Дня». О Таджикистане было сказано и вскользь, и сквозь зубы. Здесь не было, к примеру, столь хорошо удающихся «Дню» фотомонтажей по части кровавых злодеяний. Лужковский ОМОН вызывает неизмеримо больше эмоций у авторов газеты. И это симптоматично.

Конечно, страшно и горько, когда 22 июня избивают мирных граждан Москвы, пришедших на патриотический митинг. Но ужас Таджикистана несравним ни с каким избиением. Этот ужас отражен в сотнях кадров, в километрах видеозаписей. Где же газетные развороты с фотомонтажами, демонстрирующими все кошмары произошедшего? Их нет. И это отсутствие красноречиво свидетельствует о том, что есть «свои» и «чужие».

Различные российские политические силы по различным причинам одинаково «скользят по поверхности» таджикских событий. Их совместный «заговор умолчания и ускользания» приводит к тому, что зловещая игра на крови, пролитой в Таджикистане, идет всюю под прикрытием и при фактическом содействии творцов сумбурно фрагментарных и политически ангажированных репортажей по поводу таджикских событий. Этому должен быть положен конец.

План игры

Пока что мы излагаем его в качестве рабочей гипотезы. И лишь в конце, разобрав все факторы и построив модель, мы вернемся к обсуждению достоверности этой гипотезы. Но обозначить ее надо в самом начале.

Мы уже обращали внимание на то, что реакция Грачева на Таджикистан странным образом превысила, к примеру, его же реакцию

на события в Приднестровье. Мог ли Грачев назвать «шакалами» молдавских боевиков и предложить превентивный удар на западе? Предположим, что эстонцы, стянувшие к русскоязычным регионам Эстонии подразделения так называемых «кайтцелитчиков», завтра начнут чинить нечто сходное с населением русских областей (той же Нарвы), будет ли столь же решительным Министерство обороны России? Где его решительность в связи с Севастополем, стопроцентно русским городом, военной базой чрезвычайной стратегической важности? Значит, там, на западе, «руки связаны», а здесь, в Азии, — «развязаны»! Кем? И ради чего?

Вопрос, как нам представляется, правомерный. С ним мы ехали в Таджикистан, стремясь развеять некие политические сомнения, но, увы, они лишь окрепли. Ибо мы получили достоверную информацию о том, что на уровне политических диалогов ни работники американского посольства в Таджикистане, ни представители миссии ООН не проявляют никаких поползновений к тому, чтобы хоть в какой-то степени сдерживать российско-«фундаменталистский» конфликт, а, напротив, прикрываясь фиговым листком общих слов, изпод полы науськивают обе стороны друг на друга. Сознывая всю ответственность такого заявления, мы готовы в случае официального разбирательства подтвердить его конкретными фактами.

Коль скоро это так, то гипотеза выглядит следующим образом.

Первое. Некие западные силы (назовем их для краткости «силой З») спровоцировали удар по пограничной заставе. У этих сил, как мы понимаем, тьма возможностей осуществить подобную провокацию, учитывая, что стоимость (как ни кощунственно это звучит) уничтожения одной погранзаставы не превышает 100 000 долларов, а это значит, что, имея миллион, этих застав можно уничтожить с десяток. Были бы деньги. А они, как мы знаем, есть. И немалые.

Второе. Те же силы по схеме: высокое официальное лицо, ответственное за иностранные дела «силы З», — столь же высокое официальное лицо, ответственное за иностранные дела России, — министр обороны России — вызывают взрывную реакцию российского генерала. Для этого, кстати, не нужно никакого злого умысла со стороны генерала, ему достаточно только дать информацию о потворстве «силы З» такому конфликту. Дальше все элементарно, на то и существуют военные, чтобы предлагать военное решение проблемы.

Другое дело, что военные или не ощущают масштаба того, что в политических кругах именуется словом «подстава», или же играют

«свою игру».

В чем природа «подставы» — очевидно. Информация о беспрепятственности легко может оказаться неадекватной, а сам Грачев — быть разыгран как аргумент в политической игре тех же лиц, которые пообещали ему «зеленый свет» на юге бывшего СССР. Завтра из «зеленого» этот «свет» станет сначала «желтым», а потом «красно-коричневым». «Красно-коричневый парламент» уже есть, не хватает «оголтелой военщины». На нее как раз и «тянет», образно говоря, заявление Грачева.

Смысл «своей игры», проводимой военными, тоже прозрачен. Ситуация в стране меняется, военным надо отрабатывать патриотический имидж. Пришло время. А знакомый по Афганистану объект представляется оптимальным для перевода политического процесса в новую фазу. А у новой фазы — свои законы.

Нелинейно возрастает роль армии в принятии политических решений. Рождается амбициозное стремление переиграть игроков. На уровне военного сознания такая возможность представляется высоковероятной, и трудно сказать, чего здесь больше — политической наивности, парадоксально уживающейся с высоким военным профессионализмом, или же элементарного группового эгоизма, доминирующего над государственным чувством.

И наконец. В журнале «Столица» в точности перед трагедией с пограничниками и вроде бы невпопад, не к годовщине ГКЧП, показаны «три богатыря» (Зорькин, Руцкой, Хасбулатов) и осуществлены все остальные предуготовления к обвинению «красно-коричневых» в подготовке «нового путча». Главным элементом «путча» для демократов является «выходка военщины». Разумеется, такая «выходка» должна быть подконтрольной, управляемой и не наносить серьезного ущерба интересам «силы З». Таджикистан годится вне всяких сомнений.

Третье. После того, как Грачевым сделано заявление, начинаются опровержения со стороны демократов (Попов и К^о). Эти заявления подготовлены заранее и дирижируются той же «силой З». Происходит расщепление политического субъекта, принимающего решения, его размывание. Ельцина нет, а есть «военщина и парламент» (плюс «красно-коричневые в Таджикистане»), готовящие «путч», и «борющиеся с путчистами демократы». Ответственность размыта, визитов — масса, дело стоит на месте, а точнее «вращается» по хорошо знакомому «кругу». Вдобавок демократы в очередной раз пытаются заработать себе

имидж защитников русских парней, что тоже не лишнее в случае выборов.

Что касается Ельцина, то он «рад бы был решать, но ему мешают». У него, как говорится в таких случаях, есть свой (демократический) «друг в Сити», с которым он должен согласовать принимаемое решение. Он-то рад, но как быть с его «другом в Сити»? Позиция, знакомая по событиям в Литве. Тогда такую же позицию занял его предшественник с соответствующим результатом. Интересующихся деталями просим перечитать статью «Литовский синдром» в «Московской правде» от 01.02 и 20.02.1991 г.

Четвертое. Теперь необходимо нагнетать ситуацию в Таджикистане. Это нетрудно. Взрывчатого материала в избытке. Денег тоже. Набег, перевороты (если не в самом Душанбе, то в регионах), очередные удары по заставам — все это подготовлено и может быть пущено в ход в любую минуту, даже в ту, когда пишутся эти строки. Что тогда?

Пятое. Рано или поздно подогретье воинственными заявлениями, преданные властью, ожесточенные и припертые к стенке военные подразделения российских войск нанесут удар возмездия. Боже, сколько будет крика! Вот тут-то появятся и фотомонтажи, и все остальное, конфликт сделают крайне непопулярным, но он будет течь, обостряя кризисный процесс к удовольствию всех властолюбцев.

Шестое. Через какое-то время, думается, что скоро, произойдет смена курса. Демократические силы света «победят» силы «красно-коричневой тьмы», и начнется беспорядочный вывод войск из Таджикистана под ликование солдатских матерей и «защиту демократами российских интересов». При определенных обстоятельствах это может совпасть с предвыборной кампанией.

К этому моменту таджикское правительство станет уже достаточно зависимым от России. Подобное уже имело место в Афганистане. Тогда предательство России обернулось падением прорусского режима Наджибуллы. Теперь можно ожидать того же, по той же схеме, с Рахмоновым. Затем в Таджикистан войдут те, кто узурпировал термин «исламисты». Начнется резня.

Седьмое. Через три–четыре месяца после этого произойдет взрыв в Узбекистане и Кыргызстане. Он неминуем в случае прихода этих сил. Думается, что здесь ситуацию не спасет даже талант Ислама Каримова. Процесс будет развиваться стремительно. Исламский пожар охватит южное подбрюшье России вплоть до ее границ и даже далее.

Восьмое. Произойдет еще одна смена власти в России. Придут

люди большой войны. На устах у них будут патриотические лозунги. На деле они будут полностью подконтрольны «силе З».

Девятое. Начнется крупнейший русско-исламский конфликт.

Десятое. Ослабление сторон и выигрыш «силы З», реализующей свою геополитическую цель, очевидны. Кто бы ни победил.

Подобного рода план – не фикция. Много говорилось и говорится о моделях «Ислам против коммунизма». Однако и в прошлые годы авторы подобных моделей не скрывали, что коммунизм для них лишь прикрытие и что главная цель – это разыгрывание крупномасштабной политической игры «Ислам против России» или даже «Православие против Ислама». Эта игра – на взаимное уничтожение двух сил. Воюя на юге, русские должны будут смириться с тем, что НАТОвские ракеты будут стоять у Смоленска и Новгорода. Воюя против русских, страны ислама должны будут забыть о противоречиях «Север–Юг» и окончательно примириться с ролью неокolonий.

Население этих двух мощных конфессиональных и суперэтнических сообществ будет подвергнуто серьезнейшим демографическим коррективам. Возникнет новый тип мировой цивилизации, который по замыслу его творцов станет всецело восточным.

На самом деле вряд ли на это стоит рассчитывать тем авантюристам, которые планируют подобные геополитические катаклизмы. Расчеты показывают, что на руинах русско-исламской бойни возникнет не цветок западной демократии, а ядовитое скопище мафиозно-фашистских режимов – и на Западе, и на Востоке. До этой пропасти осталась буквально пара шагов. Страшно представить себе, что на конфиденциальных встречах на высшем уровне, в том числе и на встречах, происходящих на нашей территории, идет зондаж такого типа сценариев.

В пользу такой гипотезы говорит многое, в том числе и та совокупность конфессиональных, экономических, социальных процессов, которую мы назвали ТАДЖИКСКИМ УЗЛОМ.

П.Грачев, вообразив себя, по-видимому, А.Македонским, решил не на деле, а на словах взять и разрубить этот запутанный узел. Нам же представляется целесообразным попытаться этот узел все-таки развязать, распутать. Что мы и делаем.

Социально-экономическая география Таджикистана

В последнее время много говорится о клановой структуре тад-

жикского общества. Но название кланов — это еще не анализ общественных противоречий. На самом деле первым уровнем социально-экономической стратификации Таджикистана является его деление на таджикский «Север» и таджикский «Юг». В самом деле, так называемый ходжентский клан или «Ленинабадская группа» — это элитный Север Таджикистана, причем Север не только географический, но и социально-экономический и даже социально-культурный.

На протяжении многих десятилетий, в сущности весь советский период истории, ходжентская группа управляла Таджикистаном. При этом интересы региона зачастую превалировали над интересами всей республики в целом. Налицо была и некая социальная надменность, обособленность, корпоративность ходжентцев, что не могло не раздражать остальные регионы страны. Ходжентцы были тесно связаны с Москвой и по своей сути являли собою имперский, изнеженно буржуазный клан со свойственными таким кланам имперской леностью, зависимостью от сил империи и прочими атрибутами, присущими бесконкурентной аристократии.

А между тем Юг жил своей жизнью, своими интересами и постепенно приобретал свою четко выраженную структуру. В этой структуре прежде всего выделялась ГБАО (Горно-Бадахшанская автономная область). Памирцы представляли собой своеобразную Сицилию на таджикский манер. Очень большая сплоченность, тяготение к родовым традиционалистским формам, конфессиональная специфика (вместо общетаджикского суннизма весьма специфическая модификация исламских верований — исмаилизм), сохранение древних форм организации социальной жизни, форм не только небуржуазных, но во многом и дофеодальных, в сочетании с высокой степенью миграции, в том числе и на столичный душанбинский уровень, — все это позволяет проводить сицилийскую аналогию.

Это подкрепляется теми прочными тенденциями к занятию наркотическим промыслом, которые составляют устойчивую характеристику криминалитета этого региона. Памирцы, прорываясь сквозь ленинабадские фильтры, не могли не испытывать острого недовольства замкнутостью и амбициозностью ходжентского клана. Они должны были искать союзников и нашли их в лице сопредельной по территории и относительно высокогорной гармской территориальной общины.

Гарм, специализируясь на мелкотоварных видах сельхозпродук-

ции, достаточно быстро и не без помощи памирской элиты оседлал торговлю, потребосязы и образовал как бы вторую, конфронтующую с ленинабадской, буржуазию. Она была, в отличие от ленинабадской, замкнута на внутренний рынок, оппозиционна к имперскому центру и к его идеологии и, наконец, достаточно обеспечена и консолидирована для того, чтобы сознательно строить свою политическую игру.

Памирцы были ее союзниками и не были в плане текущей политики ее конкурентами. Разделение труда и видов деятельности позволяло гармцам и памирцам найти общий язык.

Совершенно иначе обстояло дело с так называемым кулябским сообществом. Кулябцы – это аграрная община (феллахи Таджикистана), причем тип земледелия (связанный с освоением плодородных земель под высококачественные сорта хлопка, идущего на экспорт и в качестве одного из потребителей имеющего союзный ВПК) пересекал интересы кулябцев с интересами ленинабадцев. Ирригационные программы в Кулябе и Курган-Тюбе контролировались из центра. Хлопок был предметом особой заботы партии и правительства. И наконец, этот вид земледелия создавал технологические предпосылки для устойчивости мощной аграрной общины коллективистского типа.

Итак, феодальный Памир с современной мигрирующей в столицу памирской элитой, элитно-буржуазный, бюрократический Ходжент, ориентированный на империю, вынужденный вращаться на внутреннем рынке и в сфере торговли Гарм и, наконец, общинно-коллективистский Куляб с его ставкой на высокотехнологическое земледелие. В этих социально-экономических координатах происходящие процессы перестают быть бесконечной войной эквивалентных друг другу кланов и становятся переплетением осмысленных и разнонаправленных сил.

Добавим к этому Курган-Тюбе как южную плодородную территорию, осваивавшуюся в директивном порядке с использованием искусственной миграции из всех регионов страны. Такая территория не могла не стать местом конфликта, борьбы за столь дефицитную в горном Таджикистане плодородную землю. И не случайно события в Курган-Тюбе разворачивались трагически.

Естественным образом примыкал к ходжентскому клану его гиссарский собрат и союзник. Географическая близость и патронирование со стороны Ленинабада (Ходжента) делало гиссарскую

общину, расположенную примерно на полпути между Ленинабадом и Душанбе, естественным союзником ленинабадцев.

Можно, разумеется, заниматься и более детальным изучением процесса, вплоть до уровня родов и семей. Но для понимания сути таджикской трагедии приведенных нами данных по социально-экономической географии достаточно. И можно перейти к следующему аспекту проблемы.

Социокультурная динамика в Таджикистане

Много говорится о ваххабизме и ваххабитах. Но нигде не анализируется их роль в таджикском процессе. Не возникает вопроса о том, почему именно это достаточно далекое от таджикских традиций направление ислама так активно разыгрывалось в ходе таджикских событий. А ведь речь идет о далеко не случайных вещах.

Ваххабизм — это явление, ничего общего с Ираном не имеющее. Это чисто саудитский вариант консервативной исламской революции, опробованный в конце XVIII—начале XIX веков как религиозно-политический инструмент строительства государства в условиях, когда территория отпадает от имперского корня.

Ваххабизм моделировался в Таджикистане сознательно и именно с политическими целями. А саудовский вектор процесса говорит о том, что модельщики принадлежали все к тем же «силам З», о которых мы вели речь выше при разработке гипотетического сценария таджикских событий. Никто не собирался копировать сегодняшнюю Саудовскую Аравию. Копировался саудизм позапрошлого века. Он брался за аналогию и использовался только для политических целей. Аналогий, причем достаточно содержательных, было более чем достаточно.

Рассмотрим их вкратце.

Первое. Ваххабизм был орудием борьбы саудитов с Османской империей. Он стал орудием борьбы таджикских радикалов с «московской», «советской», «красной» империей. И там, и там ваххабизм паразитировал на слабости империи, на ее загнивании.

Второе. Ваххабизм был орудием борьбы автохтонной торговой буржуазии (исторически — буржуазии города Неджда) с имперской буржуазией, с диктатом хиджаских оптовиков. Так это было в прошлом. Сейчас по плану модельщиков ваххабизм должен был стать инструментом борьбы торговой корпорации Гарма с ленинабадской элитной проимперской группой буржуазно-бюрократических оптовиков.

Третье. Ваххабизм использовался против общинных тенденций держателей оазисных земель во имя создания «нового человека ислама», объединяющего в себе «рыночность» и подчиненность исламским авторитетам. Этот человек должен был стать материалом для строительства исламской государственности нового (буржуазного) типа. Недаром ваххабитов называют «пуританами ислама». Эта формула западного исследователя ваххабизма Буркхардта (XIX век) не так наивна, как это хотелось бы представить многим современным специалистам.

Да, речь идет именно об агрессивном неотрадиционализме ваххабитов, об использовании их религиозного фанатизма для построения исламских буржуазно-тоталитарных режимов. Иранский общинный традиционализм Хомейни и напор ваххабитского террора — это совершенно разные вещи (даже если отрешиться от разницы между иранским шиизмом и ваххабитским арабским суннизмом).

И здесь мы переходим к главному.

Четвертое. Ваххабизм использовался для разрушения не только общинных традиций, но и социального идеала, с ними связанного. Традиция (сунна) и новшество (бида) трактуются в исламе по-разному в пределах общей суннитской линии.

Существует принципиальное различие между ханифизмом, исповедующим терпимость к новшествам и к доисламским языческо-аграрным традициям (тому, что составляет ядро национального духа), и ханбализмом, проявляющим предельную агрессивность как к биде, то есть нововведениям, так и к языческим традициям, культу святых и т.п.

Если классический суннизм, развиваемый в XI веке великим арабским мыслителем Аль-Газали, часто называемым «Фомой Аквинским ортодоксального ислама», суннизм, основанный на суфизме в его просвещенных формах и идеях раннесредневекового мыслителя и богослова Аль-Ашари, тяготеет скорее к ханифизму, то агрессивный ханбализм есть явление более позднее, вторичное, адресованное к проповедям и пророчествам сирийского религиозного деятеля XIII–XIV веков Ибн-Таймийи. Между Аль-Газали и Ибн-Таймийей — несколько веков. И выступать с позиций ханбализма, говоря одновременно о чистоте ислама, крайне трудно.

Другое дело, что ханбализм позволяет развязать религиозный террор против инакомыслящих, террор, при котором любой, кто не подчиняется узкой секте, может быть назван «кафиром» и

подвергнут пыткам и казни. Причем кафир в определенных случаях считается даже большим врагом, чем иноверец. Прекрасная модель для геноцида на почве вероучения! Ханбализм ваххабитов – политический инструмент для борьбы с социалистической традицией в ее исламском варианте, равно как и с любыми другими национальными традициями. И это свойство ваххабитов было широко использовано ИПВТ в период ее господства. На этом держался режим, для которого 70 лет советского периода развития Таджикистана – это «черная дыра», «царство зла».

Убить народное, убить социалистическое в его таджикско-традиционалистском варианте – вот в чем была задача ваххабитов из ИПВТ. И они сделали все для ее выполнения.

Пятое. Объединяясь против оазисных общинных феллахов и хиджазской аристократии, недждские ваххабиты, последователи Мохаммеда ибн Абд аль-Ваххаба, готовы были объединиться с кочевниками как с элементом силового репрессивного механизма. В дальнейшем эти кочевники становились для торговой элиты лишь подножием, невежественными исполнителями ее блестящего замысла, роботами, запрограммированными на террор. Здесь напрашивается аналогия с использованием памирцев в ходе развертывания тоталитарного таджикского режима так называемых ваххабитов.

Шестое. Низовая торговая буржуазия, не обремененная особыми условностями по части строгости нравственных норм, сходясь с кочевниками и действуя против феллахов и оптовиков, легко брала на вооружение один из классических приемов, свойственных исламской традиции, – газу, ограбление неверных (кафиров). В ваххабитской модификации ислама газа принимала гипертрофированные формы, становилась идеологическим оправданием криминалитета. При этом газа использовалась именно в политических целях. Тривиальный грабеж как бы исключался и осуждался с особой истовостью. Газу ваххабитов – это первичное накопление капитала для исламского капитализма, лишенного имперских механизмов подобного накопления. Здесь «экспроприируется» свой народ, обвиняемый в кафирстве ради того, чтобы оправдать такую экспроприацию. Мы еще увидим, что это качество ваххабизма широко использовалось в таджикской кровавой практике.

Седьмое. Следует подчеркнуть также такие черты ваххабизма, как его предельно воинственную антишиитскую направленность, вплоть до нацеленности на войну с персами. Неорганичность такого процесса для персоязычного Таджикистана достаточно оче-

видна, и на деле сделано было все, чтобы через ваххабизм отсечь Таджикистан от Ирана, а не упрочить их связь. Это сразу говорит об авторстве подобного социокультурного сценария разворачивания псевдоисламского возрождения на территории Таджикистана.

Восьмое. Тесная связь ваххабизма с определенными суфийскими тарикатами и вытекающая из этой связи крайняя степень приверженности таухидным модификациям ислама не может не вызывать тревогу, ибо речь слишком уж явно идет о радикальных вариантах консервативной исламской революции, граничащих с оккультным фашизмом. Тех, кто сомневается в этом, мы адресуем к статьям одного из авторов газеты «День» Г.Джемалея, сопредседателя ИПВ, апологета таухидизма в крайних его вариантах.

Девятое. Особо жестокие убийства тех, кто совершил «грех нечестивости» (кафиров), то есть духовно-политический терроризм, апологетика «партизанской войны», весьма специфическая и во многом несовместимая с классическим шариатом диалектика целей и средств завершают тот набор качеств внедренного на территорию Таджикистана ваххабизма, который вместе с исмаилизмом памирцев (вот уж воистину единство несовместимых вещей!) предопределили трагедию таджикских событий.

Не указав на эти свойства, не обозначив их хотя бы на уровне конспективного названия, нельзя анализировать процессы в Таджикистане.

Подпольный ислам и борьба партийных элит

Один из руководителей «Исламской партии возрождения Таджикистана» Давлат Усмон заявил после победы ИПВТ в 1992 г.: «Мы шли к этой победе 17 лет». Таким образом, процесс создания ваххабитского движения и захвата им власти в Таджикистане был начат в 1975 г.

Дата не случайна, хотя само исламское подполье в СССР начало закладываться чуть позже, в 1978 г. Но за 3 года до этого в высоких правительственных аналитических центрах США, Великобритании и ряда исламских государств разрабатывалась совместная программа «Ислам против коммунизма». Эта программа предполагала совместное финансирование антикоммунистических организаций в исламской части Советского Союза. Она предполагала использование спецслужб для развертывания исламского подполья в нашей стране, причем ведущую роль в Средней Азии играли саудовцы и знаменитая английская «Интеллидженс сервис».

Позже интересы этих двух центров власти начали расходиться. Но пока все действуют вместе под генеральным управлением страны-лидера – США. Напомним, это происходит задолго до начала афганской войны. Еще не сказаны слова об «Империи зла», а, напротив, обсуждаются проблемы разоружения – «детанта». Но одновременно с этим возникает термин «южное подбрюшье России». (Это – об исламских республиках Средней Азии).

Программа «Ислам против коммунизма» была запущена в 1975 г. Уже в 1976 г. в Курган-Тюбе происходит вспышка исламского протеста, возглавляемая муллой Абдулло, который проводит вместе с будущими «демократами» антиправительственный митинг перед обкомом КП Таджикистана. По тем временам это было явлением неслыханным и далеко не случайным. Как сказано, «процесс пошел» или, точнее, его «повели», причем с высокой степенью профессионализма и организационной проработки.

Были проанализированы процессы в республиках Средней Азии и выявлены те составляющие этих процессов, которые в наибольшей степени способствовали дестабилизации в регионе. Было проанализировано также басмаческое движение и найдены точки, в которых память о нем была наиболее крепка. Началась работа по отбору исламских кадров и их подготовке.

К 1978 г. синхронно в ряде регионов возникла ИПВ (подпольная организация, именующая себя «Исламской партией возрождения»). Такого рода подпольные организации в стране с мощными спецслужбами и однопартийной системой, коей был в те годы СССР, не могли существовать без обеспечения групп прикрытия внутри партийных элит, без разыгрывания уже имевших место противоречий между кланами, группами, группировками. Только на партийной основе, только при содействии (реже неосознанном, чаще осознанном) высокопоставленных лиц из высшей партийной иерархии республики могло произойти то, что произошло.

Освоение Вахшской долины, война за хлопок – все это требовало обеспечения мощных миграционных потоков внутри Таджикистана. Процесс такого рода не мог проходить гладко. Столкновения различных региональных групп в борьбе за власть и ресурсы, конфликты между узбеками и памирцами, гармцами и кулябцами за дефицитную плодородную землю – несопоставимые по масштабам с сегодняшними, но достаточно значимые по тем меркам – имели место еще в 70-е годы. Тогдашний лидер Таджики-

стана Расулов, оболганный в горбачевскую эпоху и наделенный статусом мафиози, был человеком с колоссальной работоспособностью и крайней щепетильностью в том вопросе, который принято называть использованием служебных привилегий в личных целях. Это знает весь Таджикистан, об этом ходили легенды на уровне простых дехкан и партийных чиновников. И если тот же Рашидов⁶⁶ в Узбекистане, может быть, предвидя завтрашний день, пытался всеми правдами и неправдами вырвать для республики избыточные ресурсы, то Расулов не делал и этого.

Вообще республике с кадрами повезло. Мы употребляем это слово без тех привычных кавычек, с которыми оно употреблялось последние семь лет применительно к Средней Азии. Таджикистаном долгие годы руководили действительно достойные люди. И Протопопов, пользовавшийся высоким авторитетом русский лидер Таджикистана военного времени, и сменивший его Бободжан Гафуров, руководивший Таджикистаном с 1946 по 1956 г., крупнейший ученый-востоковед, оставивший по себе прекрасную память, и, наконец, Расулов, были, как это сейчас принято говорить, государственными менеджерами высшего класса с безупречными данными по части чистоты рук. Исключение из этого таджикского правила – предшественник Расулова Ульджабаев, «сгоревший» на хлопковом бизнесе. Придя на его место, Расулов сделал все возможное для наведения порядка в республике и стал примером для подражания.

Однако процесс гниения уже шел, и многое решалось в Москве. Нарастали и межрегиональные противоречия внутри Таджикистана. Глухое недовольство ходжентской группой и уже упомянутые нами микроконфликты требовали сбалансированной кадровой политики, проводимой все той же Москвой. На должность Председателя Верховного Совета Таджикистана, должность в ту эпоху скорее почетную, нежели политически значимую, какие-то московские силы выдвинули памирца Паллаева, чья роль в дальнейшем развороте событий оказалась весьма весомой.

Какие-то силы свели Паллаева с секретарем ЦК КП Таджикистана по идеологии Бобосадыковой. Этот альянс размеренно и синхронно заработал уже в эпоху Расулова. Началась «гармская эпопея». Паллаев и Бобосадыкова слаженно исполняли тот план,

⁶⁶ Ш.Р.Рашидов – с 1959 по 1983 г. первый секретарь ЦК КП УССР.

который в дальнейшем дал свои плоды на площади Шохидон. Из сферы внимания уже немолодого Расулова оказались выведены мало интересовавшие его, но крайне важные в дальнейшем области экономики и политики: торговля и поле проблем так называемой идеологии.

Постепенно и планомерно Паллаев проводил в торговлю «своих», по преимуществу гармцев, имевших к этому традиционную склонность и проявивших невиданную активность в этом вопросе в момент, когда они обрели наконец высокого покровителя. Выдавшие виды люди говорят о том, что по быстроте и согласованности этот процесс захвата торговых точек гармцами не знал себе равных. Разумеется, такой процесс мог происходить только в случае, если не имевший блистательных связей в Москве памирец Паллаев заключил политический союз с постоянно вращавшейся в московских сферах Бобосадыковой.

Свободные финансовые средства, даваемые торговлей, соединились с идеологией, мафиозные сети на местах — с умением лавировать в пространстве высших политических кабинетов. Шло застойное загнивание, и такая смесь была уже вполне взрывоопасной.

Бобосадыкова все больше демонстрировала свою всевластность, вмешиваясь в работу даже не подчиненных ей и достаточно автономных в то время «административных органов». Паллаев захватывал уже не только нижние, но и высшие этажи торговой «пирамиды», сумев поставить «своих» у руководства Потребсоюзом. Такое стало тревожить всех. В том числе и ходжентцев, чьи интересы для Бобосадыковой начали уходить на второй план. А на первый план все больше выдвигались интересы предпререстроенных московских элитных групп.

Кстати, внешне Бобосадыкова (как и ее соратник по Москве Суслов) проявляла крайнюю степень ортодоксии в вопросах, связанных с исламизацией региона. Но именно эта чрезмерность (осуществлялся контроль за тем, как хоронились родственники крупных партийных руководителей, и, если при этом были муллы, руководители наказывались по партийной линии) вызывала определенные опасения. Бобосадыкова как бы поставила своей целью дискредитировать коммунистическую идеологию в глазах все более и более исламизировавшегося населения.

Это могло бы быть признано просто глупостью, если бы не дальнейшая карьера Бобосадыковой, если бы не события 1990 г., если

бы не процессы в Гарме, на которые эта «карательница ислама» просто закрывала глаза.

А в Гарме рос ваххабизм. Деньги торговцев Гарма (контролируемые Паллаевым) шли не только на строительство новых мечетей (их количество за считанные годы возросло в 4 раза), но и на строительство политических структур, сначала подпольных, затем полуподпольных, в последние годы коммунистического режима уже фактически альтернативных. Именно в Гарме в наибольшей степени происходило планомерное вытеснение муллами (зачастую не назначенными Казиятом) партийного и советского руководства области с их позиций. Именно в Гарме шло планомерное наращивание ваххабитских тенденций, именно там активизировалась ИПВТ. Все это не могло происходить без прикрытия «наверху». И вскоре наличие такого прикрытия стало вполне очевидным.

4 апреля 1982 г. умер таджикский лидер Расулов. Первым секретарем ленинабадская группа сумела, в значительной степени используя противоречия в высшем руководстве Москвы, сделать очередного ходжентца Рахмона Набиевича Набиева. Это не входило в планы Паллаева и Бобосадыковой. Набиев не собирался в то время, будучи еще достаточно молодым и несломленным политиком, отдавать кому-то на откуп идеологические процессы в республике. Он не собирался также бороться по директивам из Москвы и без учета местной специфики с исламом как таковым. Наступали новые времена, и новые лидеры хорошо понимали двусмысленность слишком элементарного и чересчур линейного исполнения директив московского центра.

Вместе со вторым секретарем ЦК КПТ Ю.П.Беловым (просим не путать с нынешним лидером ленинградской РКП) Набиев попытался заблокировать описанный нами выше процесс становления псевдоисламской торговой мафии. В этом вопросе интересы ленинабадцев совпадали с общетаджикским и общесоюзным интересами. И не важно, что превалировало в политических действиях Набиева. Важно, кто и как сверг его в первый раз и что произошло вслед за этим свержением.

В 1985 г., вскоре после прихода к власти Горбачева, назначается специальная проверка ЦК КПСС, которой руководит Могильченко. Такая проверка обычно означает снятие высшего эшелона. Собирается закрытое бюро ЦК КПТ, на котором Паллаев и

Бобосадыкова открыто выступают против Набиева, обвиняя его в тяжелейших политических ошибках и недостойном коммуниста образе жизни (последнее мотивируется потреблением алкоголя в финской бане на праздновании 60-летия ГБАО).

Читатель помнит, наверное, что в то время мы еще «боролись с алкоголизмом». Разбирательство происходит в ЦК на уровне орготдела с участием КПК. Обычно такое равносильно политической смерти. Однако на этот раз Белов и Набиев возвращаются без наказаний. Им не объявлено было даже партийного выговора. Набиев по приезде действует единственным возможным после случившегося образом: он предлагает Бобосадыковой уйти в отставку. В ответ — звонок из Москвы с окриком «Не трогать!» Звонит все еще всемогущий Зимянин, секретарь ЦК КПСС. Набиев отказывается выполнить директиву Москвы и повторяет свое предложение Бобосадыковой. В ответ — звонок еще более всемогущего по тем временам Лигачева. И вновь отказ Набиева выполнить указание. И тогда — третий звонок. Железный голос второго секретаря ЦК КПСС одергивает таджикского «фрондера». Произносится сакраментальная фраза: «Это личное указание М.С.Горбачева». И Набиев уходит на пенсию.

Вместо него приходит Махкамов. Казалось бы, ходжентская группа сохраняет позиции. Но на деле ей нанесено тяжелое поражение. В обмен на сохранение за собой первого поста в государстве она вынуждена отдать памирцам и гармцам уж не только весь Потребсоюз целиком, «снизу доверху», но и Министерство внутренних дел. Произошло сосредоточение в одних руках торговых денег и так называемой «группы прикрытия». Пост министра внутренних дел получает ставленник памирской группы Навджуванов. Торговля теперь может действовать с развязанными руками. Она прикрыта милицией.

С этим переворотом совпадает еще более резкое становление параллельного ислама. Путь от митинга муллы Абдулло в 1976 г. до февральских событий 1990 г. — это путь от первых робких поползновений теневого политизированного ислама к его почти всеобъемлющему господству. И большая часть пути пройдена за счет поддержки определенной партийной группой, которой очевидно и недвусмысленно оказывала помощь Москва.

К этому же времени (1989 г.) приурочены амнистии уголовных и политических преступников, которые возвращаются в Таджикистан и оказываются «при деле». Здесь же, и пока на третьих ро-

лях, новоявленные демократы, кричащие о том, «как нас грабят русские». Зачастую на одной улице, а то и в одной махалле возникает несколько мечетей. Руководят ими, повторяем, люди, не утвержденные Казиятом. Всякая попытка посягнуть на их авторитет наказывается оплачиваемыми силовыми подразделениями, прообразами будущих «эскадронов смерти». МВД и КНБ парализованы. И этот паралич не случаен.

Пришедший вместо Белова П.Лучинский завершает разгром кадров при попустительстве Махкамова и... исчезает из республики незадолго до февральских событий. Кстати, именно Лучинский блокировал любые поползновения остановить антирусские настроения в республике. О мотивах деятельности Лучинского и о его кадровых назначениях можно было бы написать отдельную статью.

Поводом к событиям февраля 1990 г. является пущенный кем-то слух о том, что горисполком Душанбе выдает квартиры армянским беженцам. Расследование показало, что ни одной квартиры выдано не было, а речь шла всего лишь о 47 семьях, приехавших к своим родственникам и нигде не заявлявших о своих претензиях на жилье.

Так называемые исламские фундаменталисты, так называемая демократическая молодежь и преступный мир – вот три силы, организовавшие душанбинский мятеж. Управлял мятежом председатель Верховного Совета Паллаев, и это доказанный факт. Бобосадыкову предусмотрительно отправили на повышение в Москву в общество «Знание». В дальнейшем она сдает партбилет, становится демократкой и получает «теплое место» в ЮНЕСКО. Такое завершение карьеры, как говорится, расставляет точки над «i».

В ходе событий 12–13–14 февраля (ввод войск осуществлялся поздно вечером 13-го) все стало ясно. Созданный «Комитет 17-ти» должен был управлять республикой. Он выразил недоверие К.Махкамову и И.Хаеву⁶⁷ и... благословил кандидатуру Г.Паллаева.

Многие элементы многолетней таджикской игры в этот момент замкнулись. А ведь многое остается в тайне и по сию пору. Человечком, действительно проникшим в те дни в глубь интриги, был, безусловно, Махкамов. В феврале ему стало ясно слишком многое. Он стал «персоной нон грата», и его надо было убрать.

Это было сделано с помощью изящного хода. Против Махкамова выдвинули Набиева – надежный, обиженный, партийный, ходжентский, проверенный кандидат. Его кандидатуру поддерживали демо-

⁶⁷ И.Хаев – вице-президент Таджикской ССР.

краты, делая из него чуть ли не бога таджиков. Набиева поддержали, не понимая, что речь идет уже о сломленном человеке.

Первые шаги Набиева уже были шагами в пропасть. Именно он укреплял позиции демпартии, «Растохеза». И главное, именно он признал ИПВ. Контроль над газетами и электронными средствами массовой информации был утерян, были освобождены главари февральских событий, в том числе и люди, совершавшие в феврале тяжелые преступления. Набиев заискивал перед теми, кто хотел его уничтожить. Один из таких опекаемых им исламистов мулла Абдугафор как раз и издевался над Набиевым в тот момент, когда тот был захвачен так называемой оппозицией. Набиев шел к пропасти и вел к пропасти всю республику.

Хроника гражданской войны

Представители МВД, встретив нас, начали с самого наболевшего. «Поймите, – сказали они, – поймите и объясните другим: здесь идет гражданская война, настоящая крупномасштабная гражданская война, и надо исходить из этого. И принимать соответствующие решения».

Необходимо восстановить хронику событий. Детонатором безусловно послужили демократические акции в Москве после 21 августа 1991 г.

В сентябре 1991 г. таджикские союзники победивших демократов Москвы решили действовать. Власть ходжентского клана должна была быть скинута. Слишком сильно связанный с «красной» Москвой, этот клан должен был теперь, по замыслу его оппонентов, пасть под напором антикоммунистических сил. Но клан оказался устойчивым, и вместо того, чтобы «пасть ниц» после августа 1991 г., ходжентцы даже перешли в наступление.

В сентябре того же 1991 г. им удалось отправить в отставку спикера парламента К.Аслонова – выходца из гармского района. Кресло спикера со времен Паллаева (к тому времени благополучно пересевшего на более безопасные посты в международные организации), как уже указывалось, принадлежало даже в коммунистическую эпоху гармско-памирской группе. Потерять его теперь, после краха коммунистов в Москве, значило обесценить многолетнюю борьбу с коммунизмом.

В ответ на ходжентский выпад в сентябре того же 1991 г., еще до выборов президента (которые произошли в ноябре!), гармско-

памирская группа организовала свой первый мощный митинг на площади Озоди. Митинг проводился ИПВТ. «Демократическая партия» легитимировала деятельность ИПВТ в глазах Запада. Российское телевидение назвало этот митинг «митингом демократических сил Таджикистана». Был сброшен памятник Ленину. Произошло дальнейшее объединение гармско-памирской группы. Лидером объединенных сил на президентских выборах стал Давлат Худоназаров — режиссер, человек, близкий к кругам исмаилитского лидера Ага-Хана в Лондоне, политический деятель, опекаемый Яковлевым и Горбачевым, якобы обеспечивавший стабильность жаркой осенью 1992 г., а на деле дирижировавший политическим геноцидом в республике.

Давлата Худоназарова поддержала Москва. Вообще Москва заняла весьма «причудливую» позицию. Видимо, сброс памятника Ленину произвел столь глубокое впечатление на Велехова, Попова, Собчака и других, что все остальные компоненты политического процесса отошли для них на задний план.

К примеру, Шодмон Юсуф, ныне находящийся в Афганистане, бывший преподаватель марксизма-ленинизма и парторг Академии наук, руководитель кровавой организации «Наджоти Ватан» («армия национального спасения»), говоривший о том, что «русские — это наши заложники», взявший в качестве заложников целую русскую школу, террорист и убийца, нашел убежище в России после разгрома так называемых исламистов, получил поддержку не только Собчака, как мэра Санкт-Петербурга, но и более высоких официальных инстанций России, смотревших сквозь пальцы на его «шалости».

Но если этот человек — друг наших демократов, то могут ли они, защищая его, одновременно выступать теперь в роли защитников русских парней в Таджикистане? Позиция более чем двусмысленная.

Однако вернемся к событиям в Душанбе.

24 ноября 1991 г. состоялись выборы президента.

Сложение гармских и памирских сил дало их кандидату Давлату Худоназарову всего лишь 30% голосов избирателей. Не помогла и Москва. Рахмон Набиев получил 57%.

Мы уже указывали выше, что такая победа Набиева была результатом сложных политических переговоров и президенту пришлось оплачивать эту победу такими хотя и не кадровыми, но принципиально значимыми для завтрашнего дня политическими уступками,

которые и привели его к гибели. Говоря шахматным языком, из уступки качества в дебюте и размена фигур в миттельшпиле следовал неизбежный проигрыш. Но пока ходящие торжествовали. А памирцы и гармцы, как говорится, «посыпали голову пеплом».

В самом деле, президент был «чужой», да еще и «всенародно избранный», — что может быть хуже? Да вдобавок заветное кресло спикера тоже не было захвачено после сентябрьского митинга демократов Таджикистана на площади Озоди. Полный проигрыш!

Вдохновленные победой Набиева, ленинабадцы провели на пост руководителя Верховного Совета Сафарали Кенджаева, молодого политика центристской ориентации, лидера ягнобцев — малочисленной общины, проживающей все в той же Ленинабадской области, человека, не обремененного, в отличие от Набиева, многосторонними предвыборными обещаниями, данными в условиях, исключавших дальнейшее неисполнение.

Итак, Набиев вынужден был в какой-то мере попустительствовать ИПВТ, будучи обязанным ей и помня свое партийное прошлое. Кенджаев, видя, к чему идет дело, занял более жесткую позицию, принимая законы, не вызывавшие восторга у ИПВТ и ее сателлитов.

Однако последней каплей, переполнившей чашу, стала трансляция по телевидению 25 марта 1992 г. заседания Президиума Верховного Совета Таджикистана, на котором Председатель ВС С.Кенджаев обвинил министра внутренних дел, памирца Навджуванова, в злоупотреблении служебным положением.

На следующий день, 26 марта 1992 г., площадь Шохидон перед зданием правительства заполнила молодежь из памирской общины. Еще через день с криками «Истефо!» («Отставка!»), обращенными к спикеру парламента, к ним присоединилась исламская и демократическая партии.

К первоначальным лозунгам добавились проиранские, а также антиленинабадские («Нет потомкам кровавого Чингисхана в руководстве Таджикистана!»).

20 апреля открылась XIII сессия Верховного Совета. На ней было решено оставить Кенджаева спикером. Тогда в ночь с 21 на 22 апреля здание парламента было окружено вооруженными отрядами оппозиции. 22 апреля Кенджаев ушел в отставку, а членами Президиума Верховного Совета стали Казиколон республики (высшее должностное лицо ислама) А.Турадзонзода и некоторые другие деятели оппозиции. Турадзонзода, скрытый дирижер

шохидонских событий, уже не скрывал своего ликования. Он сказал в телеэфире на всю страну Искандарову, бывшему Председателю облисполкома ГБАО (наконец-то – памирцу!), занявшему место Кенджаева: «Не садись в это гнусное коммунистическое кресло. Оно изгажено твоими предшественниками. Мы сделаем тебе другое кресло». И на манер своих московских единомышленников он поднял два пальца вверх, демонстрируя этим «Victoria!» («Победа!»). Как ни странно, именно этот жест и эти слова взорвали Куляб. Слишком откровенно и цинично была явлена подоплека происходившего.

В ответ на решение об отставке Кенджаева в ночь на 23 апреля 1992 г. кулябцы прибыли в Душанбе. Они заняли площадь Озоди, на которой в сентябре 1991 г. митинговали их оппоненты, ту самую площадь, где произошло первое в истории Средней Азии свержение памятника Ленину. На двух площадях одной и той же улицы Рудаки, в пятистах метрах друг от друга, шли два митинга. Накал страстей нарастал, площади готовились к рукопашному бою. Должна была пролиться кровь, и она пролилась.

Первой жертвой стал главный редактор правительственной газеты «Садои Мардум» («Голос народа»), народный депутат М. Шералиев, убитый прямо во дворе Верховного Совета. И началось.

На следующей (XIV) сессии ВС Кенджаева восстанавливают. Это происходит 24 апреля 1992 г. В ответ оппозиция захватила телевидение и заблокировала все подъезды к городу. КНБ и МВД заявили о нейтралитете. На сторону оппозиции перешел советник президента по обороне, сдав оппозиции около двухсот стволов огнестрельного оружия и 4 бронетранспортера. В результате восстановленный в должности Кенджаев через неделю снова был смещен.

В газете «Голос Таджикистана» эта политическая борьба освещалась таким образом:

– «Закончила свою работу XIV сессия Верховного Совета республики Таджикистан 12 созыва»;

– «Освобожденный на XIII и восстановленный в должности на XIV сессии Председатель Верховного Совета С.Кенджаев решением Президиума Верховного Совета вновь отстранен от этой должности»;

– «Подписаны указы президента республики Таджикистан Р.Набиева «Об образовании Национального собрания (Маджлиса) республики Таджикистан», «О возложении обязанностей Пред-

седателя Верховного Совета республики на А.Искандарова», «Об организации контрольно-пропускных пунктов на международных трассах при подъезде к городу Душанбе»;

– «Закончился продлившийся 50 дней митинг на площади Шохидон. Правительство и оппозиция пришли к компромиссному соглашению. Дальнейшее спокойствие в Таджикистане зависит от честности действий обеих сторон».

Итак, 7 мая с площади Озоди ушла кулябская группа, ушла с трудом, с боями, окруженная противниками, прорываясь через их кольца и будучи фактически преданной руководством республики.

14 мая начали рассасываться группировки с площади Шохидон.

Но что имела в виду газета под «честностью действий», остается только гадать, ибо с окончанием весеннего противостояния в Душанбе политическая борьба переместилась в регионы. Вернувшись домой, кулябцы, видевшие, что происходило на Шохидоне, знавшие о пытках в подвалах, массовых убийствах во время митинга, приняли меры. Народное сопротивление началось.

Народное сопротивление

Да, мы должны говорить именно о народном сопротивлении и анализировать произошедшее с этих позиций. О такой модели произошедшего говорит очень и очень многое.

Прежде всего панический испуг партийных элит перед «исламистским переворотом». Сколько-то тысяч честных коммунистов оставались верны своему долгу, но элита струсила и начала «годить», выжидать. Никакой контригры она не вела даже в Ленинабаде, а уж тем более на юге республики. Игры кончились, ибо запахло кровью и порохом. И на арену событий вышел простой народ и его лидеры.

Уже на Озоди стало ясно, кто становится лидерами кулябцев. Один из них, мулла Хайдар Шарифзода, выступивший против Казиколона и обвинивший его в ваххабизме, чуждом народу и исламу Таджикистана, собрал людей на площади. Говоря о том, что Казиколон оскверняет традиционные обычаи таджикских суннитов, говоря о том, что коммунист может быть правоверным, выступая против идеи «кафирства», мулла Хайдар противопоставил свой ханифизм ханбализму Тураджонзоды.

Конфликт приобрел новые очертания: не ленинабадская но-

менклатура выступала против гармской торговли, а народный ислам — против насильственно внедряемой антинародной саудитской версии ваххабизма. Достаточно было донести это новое измерение конфликта до исламских народов, и их симпатии уже не были бы столь отчетливо закреплены за «правоверными ваххабистами», якобы борющимися с нечестивцами. Однако эта задача не была решена. Народный мулла Хайдар собрал народ, проклял Казии и передал политическую власть народным политикам, как это и полагается делать настоящему священнослужителю. Народным лидером стал Сангак Сафаров.

Эта фигура обсуждалась и обсуждается. Обычно делается упор на уголовном прошлом. При этом не оговаривается, что все это прошлое состояло из юношеской драки (разумеется, с применением холодного оружия с обеих сторон), после которой удачливый Сангак отправился за решетку. Там он несколько раз вел себя непримиримо по отношению к тюремному начальству, за что и заработал продление срока. Вернувшись уже в годах к себе на родину, Сангак женился, родил детей, работал буфетчиком. Никакого отношения к компартии он никогда не имел. Напротив, по всей логике он должен был ненавидеть ее и присоединиться к ее противникам. Но произошло обратное.

Повторяем, именно в тот момент, когда начались бегства даже из Ленинабада и когда большая часть душанбинской партийной элиты ползала на коленях перед наглюющей с каждым днем оппозицией, Сангак Сафаров начал яростно обличать сторонников ИПВТ, защищать русских и коммунистов, призывал дать отпор силам политического террора в республике.

Слушали Сангака и муллу Хайдара, а не партийных бонз. Им поверили и за ними пошли. На площади Озоди никто не поддержал Набиева с его двурушничеством, но все поддержали Кенджаева, столь же чужого в клановом смысле, как и Набиев. Поддержали, потому что верили в его честность и прямоту. Потому что он не двурушничал, не вилял, как подобает партийному аппаратчику.

Повторяем, настало время других людей, время народной борьбы, время войны. Уйдя по просьбе Набиева с площади Озоди, кулябцы начали борьбу у себя в регионе. Их пытались утратить террором — не вышло. На силу Куляб ответил силой. Очевидцы рассказывают, что, принесся домой труп молодого человека, сражавшегося в рядах кулябцев и погибшего во время очередных боев,

они боялись проклятий родственников, боялись, что их спросят, почему они живы, а он — нет. Вместо этого старик отец собрал оставшиеся ценные вещи, отдал их им и сказал: «Если не возьмете двух моих младших сыновей, я обижусь». Это не миф, а свидетельство военных, не склонных к патетическим преувеличениям.

Для Александры Луговской, писавшей объективистскую статью в газете «Известия», газете, занимавшей вообще достаточно провокаторскую позицию под видом объективизма, было непонятно, почему Куляб, южный и относительно небогатый город, выступил против ваххабитов из Гарма. Это не может понять вестернизированный, либерализованный антисоветски настроенный журналист из Москвы, ибо ему, этому журналисту, и в голову не приходит, что существует народный, общинный, дехканский социализм, который весьма далек от номенклатурной подделки, что существует традиция общины, традиция народного неизвращенного ислама, которая срослась с советским и социалистическим в глубинах народной жизни, в среде дехкан и рядовых священнослужителей. И эта народная традиция, проявившая себя в Кулябе, рано или поздно проявит себя в Воронеже, Тамбове, Рязани и Курске.

Это не идеологический лозунг и не следствие политических симпатий группы, исследовавшей процессы в Таджикистане. Это неизбежность социальных закономерностей, столь же жестких, как и законы Ньютона. Либо очередной тоталитарный террор, не сравнимый со всеми предшествующими и изводящий под корень традиции последних 70 лет и ту почву, на которую эти традиции опирались, либо восстановление этих традиций. Поскольку изведение под корень возможно лишь за счет уничтожения народа, то восстановление традиций (и советских, и предшествующих) в их правах неминуемо. И горе тому, кто пойдет против русских сангаков и хайдаршарифов из глубин России, поднявшихся на защиту смысла и чести своего народа, смысла и чести 70 лет народной жизни и народного творчества.

Другое дело — как именно произойдет восстановление непрерывности исторической и духовной вертикали. И будет ли этот процесс обращен в будущее. Традиционализм в его современных формах (неотрадиционализм) ничего общего с фундаментализмом не имеет и не может иметь (если под фундаментализмом понимать ваххабитский террор). Именно две эти силы столкнулись в Таджикистане, и, возможно, опыт Таджикистана имеет не региональное значение и не

локальный философский и политический смысл.

Хроника гражданской войны (продолжение)

Война нарастала. Это была горячая осень 1992 г. Бои в Курган-Тюбе и Кулябе завершились Хорогским перемирием, подписанным тремя силами: новой властью (так называемыми демократами), кулябцами и курган-тюбинцами, ленинабадцами и вновь создаваемым вторым фронтом в Гиссаре, возглавленным все тем же Кенджаевым.

28 июля 1992 г. Хорогское соглашение вступило в силу.

XV сессия ВС Таджикистана, назначенная на 10 августа, не могла начать работу из-за отсутствия части депутатов от Ленинабадской, Кулябской областей и Гиссарского района.

12 августа она все же начала работу и в тот же день утвердила постановление Президиума ВС об отставке бывшего Председателя Президиума С.Кенджаева. Большинством голосов был отменен закон «О президентской форме правления», президент тем самым лишился дополнительных полномочий.

На третий день работы сессии, 14 августа, в выступлении Ш.Юсупова, председателя «Демократической партии Таджикистана», было заявлено о необходимости отмены президентской власти в Таджикистане как таковой. Это было только прелюдией к свержению Набиева.

18 августа Набиев едет в Курган-Тюбе. После его приезда ситуация в регионе дестабилизирована. Вряд ли можно возлагать ответственность за эту дестабилизацию на Набиева, чье положение уже весьма шатко. Гораздо более вероятно, что его противники ведут планомерную «охоту» на президента, сознательно срывая Хорогские соглашения.

24 августа новая власть так называемых демократов зверски расправилась с народным депутатом, генеральным прокурором республики Нуруллою Хувайдуллоевым, отстаивавшим до последнего остатки закона и конституции.

31 августа сторонники оппозиции (все еще они называют себя «оппозицией»!) ворвались в президентский дворец и, не обнаружив там Набиева, взяли в заложники первого вице-премьера республики Джамшеда Каримова, вице-премьера Хабибулло Саидму-

родова, управляющего делами Кабинета Министров Рамазана Мирзоева, советника президента по военным вопросам Холбобо Шарипова. За президентом охотятся, как за зверем, берут заложников. Общественное мнение в России остается безразличным. Еще бы, ведь охотятся демократы!

4 сентября – Чрезвычайная сессия парламента. Правительство и Президиум парламента в совместной декларации выразили недоверие Набиеву, заявив, что тот отстранен от власти. Решение, конституционной силы не имеющее. Реакции – никакой.

7 сентября во второй половине дня Набиев отправился в аэропорт Душанбе, откуда он должен был вылететь в Ленинабад. Сопровождавшие его члены Верховного Совета внезапно, на полпути к аэропорту, повернули назад. В результате Р.Набиев прибыл в аэропорт один.

Группа боевиков, называемая «Штаб спасения отечества», созданная летом 1992 г. все тем же Ш.Юсуповым, приступила к захвату президента. Кстати, именно в этот «штаб» через полчаса после убийства генерального прокурора Таджикистана поступила информация о том, что «дело сделано». Новое «дело» делалось при соучастии российских военных, «сдавших» Р.Набиева по приказу из центра. Они услужливо пропустили боевиков, потребовавших, чтобы президент подписал заявление об отставке. Президент вынужден был это сделать.

Вначале сдав все ключевые посты, затем выдав отречение без подписи, он в дальнейшем как бы выбыл из игры, «засел в бункер» в буквальном и переносном смысле этого слова. Находясь в Каратаге, в 60 км от Душанбе, на подземном войсковом командном пункте, предназначенном на случай войны, он периодически выходил на связь по ВЧ, спрашивал последние новости и тут же клал трубку.

Поздно вечером 7 сентября Президиум Верховного Совета Таджикистана рассмотрел заявление президента Р.Набиева о его «добровольном уходе» с поста президента и принял его отставку. В соответствии с Конституцией обязанности президента оказались временно возложены на Председателя Верховного Совета Искандарова.

Последний 18 сентября 1992 г. подписал Указ о создании Национального министерства обороны.

В Москву направляется А.Абдуллоджанов, тот самый Абдуллоджанов, который теперь является премьер-министром при пре-

зиденте Рахмонове. Тогда он занимал тоже не малый пост – и.о. премьер-министра.

В ходе его встречи с Е.Гайдаром была достигнута договоренность о продаже нелегитимному режиму тяжелой броневой техники и вооружений. Поставка оформлялась за доллары. – Чьи?

10 октября 1992 г. во время Бишкекской встречи Набиев направил обращение к главам государств СНГ. «Я решил отозвать свое заявление об отставке, подписанное в условиях психологической и физической угрозы», – говорится в документе.

24 октября 1992 г. Кенджаев с боевыми отрядами врывается в Душанбе. Одновременно должны были начать действовать отряды в Кулябе и других районах республики. Однако произошло предательство.

Председатель облисполкома Куляба оказался тем звеном, на котором была разорвана единая система действий Юга и Севера против так называемых исламистов. С.Сафаров действовал по законам военного времени, уничтожая того, кто предал кулябцев и сорвал их наступление на Душанбе. Ответная пуля настигнет Сангака Сафарова уже после победы Народного фронта Куляба над исламистами. А пока – горы трупов на улицах Душанбе, Кенджаев с боями вырывается из ловушки.

В начале ноября 1992 г. начались карательные мероприятия, нацеленные на восстановление порядка и исполнение изданного 23 октября Указа и.о. президента Таджикистана Искандарова о введении на территории Душанбе чрезвычайного положения и комендантского часа.

5 ноября 1992 г. началось наступление кулябцев, которые захватили совхоз «Туркменистан» Вахшского района, один из крупнейших центров «исламистской» оппозиции, а также Колхозабадский район и начали замыкать кольцо вокруг Кумсангирского района.

12 ноября 1992 г. руководители вооруженных формирований Гиссарского, Регарского, Шахринауского районов республики образуют второй (северный) фронт. Душанбе – в кольце. Положение исламистов безвыходное. В этой ситуации единственный шанс для них – успеть сдаться ходжентам. Для этого осуществляется следующий политический ход. Указанные выше руководители второго (северного) Гиссарского фронта выдвигают высшему руководству Таджикистана пакет ультимативных требований, в числе которых – немедленный роспуск правительства так

называемого национального примирения, так называемого Госсовета и прочих антиконституционных структур, а также приостановление деятельности всех политических партий и движений, разоружение незаконных штабов и отрядов самообороны и пр.

Такой ультиматум – это требование по сути безоговорочной капитуляции. Но для исламистов важно сейчас другое – кто примет капитуляцию. Для них главное, чтобы это не были кулябцы.

На 16 ноября 1992 г. по указу Председателя ВС республики Искандарова назначается XVI сессия Верховного Совета Таджикистана. Эта сессия собирается не в Душанбе, а в Ходженте, куда исламисты ползут на коленях с просьбой о помиловании. И им есть за чем торопиться.

Ибо 18 ноября вооруженными формированиями кулябцев взяты под контроль горные перевалы в районе Нурека. Тогда же поздней ночью был убит один из непримиримых исламистов Джурабек Аминов, заместитель председателя КНБ. Фактически кулябцы уже контролируют большую часть республики.

19 ноября в Ходженте состоялась XVI сессия ВС Таджикистана. Избранный в начале ноября председателем Кулябского областного Совета Эмомали Рахмонов становится Председателем Верховного Совета Таджикистана. На той же сессии Таджикистан отказался от президентской формы правления и стал парламентской республикой.

20 ноября Верховный Совет Таджикистана принял обращение к странам СНГ с просьбой о введении на территорию республики миротворческих сил. В тот же день Р.Набиев выступил с заявлением о том, что в целях обеспечения стабилизации обстановки и прекращения братоубийственной войны он уходит в отставку. Премьер-министром был назначен все тот же А.Абдуллоджанов.

25 ноября на коротком заседании ВС был принят закон об освобождении от уголовной, дисциплинарной и административной ответственности лиц, совершивших проступки с 27 марта по 25 ноября 1992 г. в зонах вооруженных конфликтов.

10 декабря войсками гиссарцев во главе с бывшим спикером таджикостанского парламента С.Кенджаевым и кулябцев, возглавляемых С.Сафаровым, взята столица Таджикистана г.Душанбе.

23 февраля 1993 г. руководство Таджикистана объявило о создании собственной национальной армии на базе Народного фронта Таджикистана и других военизированных подразделений, поддерживающих конституционно избранное правительство. Началась последняя стадия войны – стадия подавления отдельных очагов сопротивления исламистов.

Кто у власти?

Новое правительство Рахмонова делает все возможное, чтобы вернуть беженцев домой, понимая, что без этого конфликт не может быть разрешен, а гражданская война будет вестись до последнего таджика. Но об этом мы расскажем отдельно, анализируя криминальную подоплеку произошедшего.

Завершая хронику гражданской войны, мы остановимся на одном ее событии. Уже после победы народного ополчения 30 марта 1993 г. были убиты: председатель Народного Фронта Таджикистана Сангак Сафаров и командир бригады специального назначения Министерства обороны Таджикистана Файзали Саидов. Кто убил их? И ради чего? Дело темное. И версия об убийстве этих людей их открытыми политическими противниками, теми, против кого они боролись с оружием в руках, лишь одна из возможных. Есть и другие.

Номенклатуре не нужны люди из народа после того, как начинается дележ властного «пирога».

Меньше всего мы хотим идеализировать сегодняшнее правительство Таджикистана. У него хватает проблем. И не хватает профессионализма. Его лидеры противоречивы. Многое из того, чем был недоволен простой народ Таджикистана, можно адресовать и новым вождям. Правовой режим на территории Таджикистана не абсолютен, а кровь зачастую по-прежнему порождает кровь, игнорируя при этом понятия о праве и судебном расследовании.

Вряд ли целесообразен и принцип однопартийности в республике. Скорее всего, эффективными могли бы быть и новые выборы, и более взвешенный принцип формирования руководства (команда нового Председателя Совета Министров Таджикистана А.Абдуллоджанова возрождает тему претензий к ходжентскому клану).

В свою очередь, команда Э.Рахмонова критикуется ее оппонентами за приверженность не просто кулябскому, а еще более узко-региональному принципу назначения кадров. Все это может завтра породить серьезные конфликты. Одни (кулябцы) сетуют на осторожность, проявленную их оппонентами во время войны, другие (ленинабадцы) отвечают критикой по части профессионализма и приверженности неправовым решениям. Трудностей много, и, может быть, с ними и не удастся справиться. Но мы надеемся на успех команды Рахмонова—Абдуллоджанова.

Ибо в реальности, говоря о сегодняшнем правительстве Таджикистана, мы можем указать лишь на то, что речь идет о нормальных людях со всеми их недостатками, с коммерческим или номенклатурным прошлым, местническими амбициями и прочем. Но альтернатива — садисты и фанатики, показавшие не на словах, а на деле, не в номенклатурных кабинетах, а в зинданах и пыточных залах, на что они способны и в чем их скрытая суть. Альтернатива — люди, сумевшие за считанные месяцы дискредитировать на корню два прекрасных слова: «демократия» и «ислам». Сейчас у народа эти слова вызывают негативную реакцию. Может, кому-то это и было нужно?

И наконец, альтернатива — это власть не просто коммерциализированных чиновников или очиновленных коммерсантов, а ее величества Мафии в наихудшем ее исполнении, власть черного криминалитета. Это последний из сюжетов, который мы хотели бы проанализировать в этой работе.

Подоплека таджикских событий

Когда мы пишем эти строки, на Памире, по-видимому, происходит переворот. Идут митинги. Поводом для боевиков-памирцев являются их претензии к казахским пограничникам: «Это не пограничники, это наемники. Они грубо ведут себя с местным населением». Что стоит за этим? И чья рука руководит столь знакомым процессом, напоминающим политические радения на площади Шохидон?

Косвенные улики говорят о том, что к этому причастен все тот же Худоназаров, но мы не хотим криминализации противников. В любом случае, митингующие требуют отставки состава Президиума облсполкома ГБАО и облсовета ГБАО, переизбрания руководства на основе выдвигаемых ими кандидатур и угрожают, если им в этом откажут, принять соответствующее решение. Они требуют также включения своих представителей в наблюдательные советы.

Сессия облсовета ГБАО состоялась. Депутаты предложили перенести ее на неделю, но под дулами автоматов их заставили начать сессию, включить вопросы в повестку дня и фактически санкционировать государственный переворот в Горном Бадахшане. Это должно произойти в пятницу 23 июля 1993 г. И скорее всего это произойдет.

Что за этим? Закрепление плацдарма оппозиции, создание новой наркоимперии, начало партизанской войны, суверенизация

Памира, подключение Памира к Пакистану, дробление Таджикистана на регионы, усиление гражданской войны? — Да, все это, по-видимому, угрожает многострадальной республике. Но есть еще одно, во многом решающее обстоятельство.

На Памире планируется вторичная экспроприация экспроприаторов и создание нового крупного централизованного «общака», из которого дальше будут финансироваться многочисленные политико-криминальные акции. Уходившие на Памир беженцы шли туда не пустыми. Они бежали вместе с награбленным добром. «Грабь кафиров», — сказали им, и они грабили. Затем, испугавшись мести, бежали на Памир и попали в ловушку. Они, как пчелы, собирали криминальную пыльцу для других, для пиров и лидеров наркотических кланов.

Оригинальный способ — заставить сначала 47 тысяч людей собрать с миллиона своих собратьев около сотни миллионов долларов, а затем «освободить их от этой ноши», загнав в ловушку. Вот зачем нужен памирский переворот.

Правительство Таджикистана будет посылать на Памир продукты, без которых эта территория вымрет. Эти продукты на участке дороги от границы Горного Бадахшана до Хорога (столицы области) будут сопровождаться памирской властью и... изыматься ею. Правительство будет обвиняться в том, что оно морит беженцев голодом. Но беженцам не дадут уйти с Памира, пока у них остается награбленное, да и вообще хоть какие-то ценности. Им предложат продовольствие по непомерным ценам. Им предложат пути вывоза, опять-таки по сумасшедшим расценкам. И их «обчистят», после чего заставят часть из них за гроши участвовать в криминальных акциях, а часть будет либо уничтожена, либо выброшена с Памира в озлобленном голодающем состоянии. И... озлобленно встречена населением, памятующим о бесчинствах памирцев.

И снова — выигрышная комбинация. Ибо вброшен будет политически взрывоопасный человеческий материал. И уже сформирован «Шуруи Джихаде» («Совет Джихада»), состоящий из афганских политических организаций, правительства Таджикистана в изгнании и других сил.

Исламская помощь бедствующему Памиру попадет в те же руки и пополнит все ту же кассу. Перспектива не из блестящих. К весне 1994 г. при таком раскладе неминуем новый виток гражданской войны.

И здесь мы возвращаемся к нашей сценарной гипотезе. Если после всего изложенного мы не сумели убедить политиков различных ориентаций, обеспокоенных судьбой России, судьбой ислама и судьбами мира, что ж, остается ждать развития событий и надеяться на собственную ошибку.

Рекомендации

Настоящие рекомендации мы будем давать лишь ответственному правительству России, которое докажет свою приверженность национальным интересам и способность действовать вдумчиво и профессионально, располагая при этом необходимыми возможностями и ресурсами. Даже в этом обзоре, достаточно детальном, мы не имели права сказать все. Ибо идет война. И штабные карты не публикуются в открытой печати. И, тем не менее, ряд рекомендаций сделать необходимо.

Первое. Необходимо провести ряд совещаний на высшем уровне с предъявлением доказательств того, что в Таджикистане ислам воюет с исламом, а не ислам с коммунистами. Такие совещания должны убедить исламских лидеров занять более взвешенную позицию по отношению к происходящему.

Второе. Необходимо этот же тезис широчайшим образом развернуть в средствах массовой информации Таджикистана, включая радио и телевидение.

Третье. Учитывая роль компартии Таджикистана, необходимо как можно шире обсуждать проблему исламского социализма.

Четвертое. Необходимо дать подробное описание действий так называемой исламской оппозиции, так называемой ИПВТ и доказать, что эти действия коренным образом противоречат исламу, что они носят антиисламский характер, что существуют и могут быть доказаны сотни нарушений шариата, недопустимых для правоверных даже в условиях джихада (который, кстати, никем не был объявлен). Необходимо поднять против преступников весь здравомыслящий исламский мир, а не приклеивать к ним ярлык «исламистов», оскорбляя само слово «ислам». Отдельные переговоры необходимы с рядом исламских государств и исламских лидеров. И эти переговоры должны начаться немедленно и быть переговорами на высшем уровне.

Пятое. Необходимо создать все условия для возвращения русскоязычного населения. Кстати, мы информируем обществен-

ность о том, что цифры количества русских беженцев резко преувеличены.

За 1991–1992 гг. выехало 109 тысяч человек. За первый квартал 1993 г. — еще 21 тысяча человек. Количество нарастает, но более 300000 русскоязычных еще остается в республике. Они должны получить все права, двойное гражданство, русский язык как государственный, отсутствие каких-либо притеснений при назначении на высшие государственные должности, право на русскую школу и русский ВУЗ и т.д. Это должно быть сделано немедленно без каких бы то ни было отлагательств.

Шестое. Российские войска в Таджикистане надо формировать на профессиональной основе и на основе осознанного, осмысленного добровольчества. Никаких призывников обязательного призыва, в который сейчас включено 16% населения, быть не должно. Кровь будет, и эта кровь вызовет в России социальный взрыв огромной силы.

Войска России в Таджикистане, коль скоро это государство признано зоной первоочередных, жизненно важных интересов России, должны включать: профессиональную группу быстрого реагирования, состоящую из высокооплачиваемых профессионалов, с зачетом одного года за три, льготами при повышении в звании, наделением земель по окончании службы и другими привилегиями, в данном случае более чем заслуженными. Эта группа должна быть оснащена по последнему слову отечественной и зарубежной техники, включая все средства по борьбе с террористическо-диверсионными подразделениями. Финансирование создания подобной группы должно быть предусмотрено отдельной строкой в бюджете России. Следует подумать о статусе данных войск, принятии соответствующих законодательных актов и типе подчиненности военачальникам.

Погранзаставы должны быть укомплектованы на добровольческой основе с участием казачьих лидеров. Здесь снова принцип «год за пять лет» и другие льготы и привилегии. Никаких патетических возгласов о «шакалах», но мгновенная переброска на любую «горячую заставу» спецподразделений и безжалостное уничтожение нападающей группы только в логике ответного удара. И на территории жизненно важных интересов.

Трудно? Безусловно. Но для наступления по всему фронту у душманов нет сил, а после того как два–три раза специалисты на уровне спецназа ГРУ «побеседуют» с теми, кто атакует заставы, многое встанет на свое место. И никто, никакое правительство

мира не сможет в данном случае сказать, что речь идет о действиях распоясавшейся военщины.

Седьмое. Необходимо бороться за понимание подлинного смысла таджикской трагедии и ее геополитического значения для нашей страны. Надеемся, что эта работа станет скромным вкладом в подобный тип борьбы за понимание обществом смысла его жертв, приносимых не на алтарь межклановых столкновений в Таджикистане, как пытается кое-кто представить то, что происходит на таджикской земле, а о жертвах воинов, приносимых ими на алтарь их Отечества – великой России.

Восьмое. Необходимо максимально интернационализировать армию, обеспечивающую стабильность в Таджикистане. Это дело не только России, но и всех стран СНГ, и прежде всего это дело среднеазиатских государств.

Девятое. Необходимо оказать максимальную помощь в строительстве таджикских вооруженных сил, причем вначале имеющиеся надо вообще распустить, затем при помощи профессионалов из МВД и войск СНГ провести тотальное разоружение боевых групп, затем добиться ношения формы всеми видами силовых структур и запретить десантный камуфляж для всех категорий силовиков, кроме узких специалистов. Сейчас в этом камуфляже торгуют на рынке семечками и грабят население бандформирования, выдающие себя за силы безопасности и стабильности.

Десятое. Без вмешательства во внутренние дела Таджикистана необходимо, тем не менее, предпринять все возможное (в плане оказания консультативных услуг и развертывания госпрограмм) с тем, чтобы политические структуры Таджикистана формировались на принципе консенсуса и обеспечивали политическую устойчивость.

Одиннадцатое. Необходимо провести соответствующие совещания с международными организациями, в том числе с Интерполом, в ходе которых выявится подлинное содержание сил, прикрывающих себя политическими лозунгами.

В соответствии с резолюциями ООН эти силы должны быть взяты под контроль, а оказание им помощи должно рассматриваться как международное преступление. Доказательство участия в этом преступлении официальных лиц, представляющих государства, входящие в ООН, должно приводить к соответствующим санкциям против этих государств.

Нельзя одной рукой бороться с Норьегой, а другой давать помощь наркобаронам, сражающимся с Россией и коммунизмом. Это тот цинизм, который вряд ли понравится общественности демократических стран. Скандалы, которые могут разразиться на этой почве, резко превысят те, которые привели к отставке лидеров США, допускавших неадекватные поступки с несравненно меньшей степенью нелегитимности.

Двенадцатое. Срочно должен быть восстановлен абсолютно правовой режим наказаний за содеянное в ходе террора против таджикского населения. В кратчайшие сроки должен быть заключен пакт о национальном примирении и проведена разумная, не-безграничная, но достаточно развернутая амнистия.

Тринадцатое. На фоне вышеизложенного в качестве последнего пункта можно предусмотреть и укрепление границы, и разумные действия по защите военнослужащих, вплоть до тех, которые рекомендует министр обороны. Но лишь – в качестве последнего пункта. И без всякого бряцания оружием.

Четырнадцатое. В заключение позволим себе крамольную мысль: рано или поздно народы бывшего юга СССР осознают неизбежность и эффективность не только экономического, но и политического союза с Россией, причем союза более устойчивого и динамичного, нежели тот, который мы гордо именовали СССР и который слишком уж просто удалось разрушить нашим противникам.

ЗАЛПЫ ПО ТАДЖИКИСТАНУ – ЗАЛПЫ ПО РОССИИ

Правда. 1993. 10 августа

– Сергей Ервандович, многих читателей не на шутку встревожил детальный анализ ситуации в Таджикистане и вокруг него, обнародованный недавно Вами в газете «Советская Россия». Невольно возникают аналогии и ассоциации, связанные с обстановкой в других регионах бывшего СССР, не исключая и Россию. Итак, если коротко: какова, по вашему мнению, глубинная подоплека гражданской войны, залившей кровью таджикскую землю?

– Начну с того, что еще в середине 70-х годов в правительственных аналитических центрах США, Великобритании и ряда исламских государств разрабатывалась совместная программа «Ислам против коммунизма», предполагавшая совместное финансирование антикоммунистических организаций в исламской части Советского Союза. Намечалось использование спецслужб для развертывания исламского подполья в нашей стране, причем ведущую роль в Средней Азии играли саудовцы и знаменитая английская «Интеллидженс сервис». А в 1976 году в Курган-Тюбе мулла Абдулло вместе с будущими «демократами» проводит антиправительственный митинг перед обкомом КП Таджикистана...

В это же время в ряде регионов синхронно возникает ИПВ (подпольная организация, именующая себя «Исламской партией возрождения»). Такого рода подпольные организации в стране с мощными спецслужбами и однопартийной системой, коей был в те годы СССР, не могли существовать без сознательного попустительства определенных групп внутри партийных и спецслужбистских элит, без разыгрывания уже имевших место противоречий между кланами, группами, группировками.

При этом авторы проекта «Ислам против коммунизма» и других подобных программ практически и не скрывали, что коммунизм для них – лишь прикрытие, и что главная цель – это разыг-

рывание крупномасштабной политической игры «Ислам против России» или даже «против православия». Эта игра рассчитана на взаимное уничтожение двух сил. Дескать, воюя на юге, русские должны будут смириться с тем, что НАТОвские ракеты будут стоять у Смоленска и Новгорода. А страны ислама, воюя против русских, волей-неволей должны будут забыть о противоречиях «Север—Юг» и окончательно примириться с ролью неокolonий.

Расчеты, однако, показывают, что на руинах русско-исламской бойни возникнет отнюдь не цветок западной демократии, а скорее ядовитое скопище мафиозно-фашистских режимов — и на Западе, и на Востоке. Страшно представить себе, что на конфиденциальных встречах на высшем уровне, в том числе и на встречах, происходящих на нашей территории, идет зондаж такого типа сценариев.

Что касается основных противостоящих сил в разгоравшейся гражданской войне, о них уже немало говорилось. Суть в том, что против насильственно внедряемой антинародной саудитской версии ваххабизма выступил народный ислам Таджикистана, а не ленинабадская номенклатура, как твердят наши радикал-демократы. Народный мулла Хайдар собрал народ, проклял Казиколону (высшее должностное лицо ислама) А.Тураджонзоду, дирижировавшего событиями на площади Шохидон, и передал власть народным политикам. На силу народ ответил силой, что наиболее ярко проявилось в Кулябе. События в Таджикистане неопровержимо показывают, что существует традиция общины, традиция народного неизвращенного ислама, которая срослась с советским и социалистическим в глубинах народной жизни, в среде дехкан и рядовых священнослужителей. Как можно видеть, вполне проявилась и готовность отстаивать эту традицию с оружием в руках.

Таджикский народ восстал против духовно-политического терроризма ваххабитов, во многом несовместимого с классическим шариатом. Ведь действия так называемой исламской оппозиции, в том числе ИПВТ, по существу противоречат исламу. Они неприемлемы для правоверных даже в условиях священной войны, джихада (который, кстати, не был объявлен)...

— Что ж, здесь все более или менее ясно. Ну а какое значение события в Таджикистане имеют для России? Ведь мы сегодня наблюдаем конфликты и в более близких «горячих точках»?

— Знаете, я с не меньшим вниманием слежу за событиями в Севастополе и считаю, что все конфликты взаимно увязаны. Если

Россия сдаст свои геополитические рубежи на Черном море, то после этого рассуждать о геополитических рубежах на Памире будет бессмысленно.

— *Вы говорите о фактической реализации программы «Ислам против России». Неужели пропасть между этими субъектами так глубока и непроходима?*

— Я не считаю ислам в целом противником России, так как очень ясно вижу различные направления в нем. Большая часть исламских группировок в мире — это наши братья. Здесь не должно быть какого-то оголтелого неприятия. Проблема же в том, что сегодня на территории России наиболее активно действуют именно антирусские исламские силы. Здесь не может не привлекать внимания тезис, используемый некоторыми представителями США, о том, что «Турция — это региональная сверхдержава, и Россия не может с ней сравняться».

И то, что описано нами в отчете Верховному Совету РФ по поводу ваххабитов именно как псевдофундаменталистов, тоже существенно, как существенны роль Саудовской Аравии и действия про-пакистанских сил, стимулирующих памирский исмаилизм.

Иран — это отдельный сюжет, очень непростой и противоречивый, так же, как и сюжет с Ираком, но эти сюжеты должны быть рассмотрены отдельно.

Кстати, арабский мир тоже не един. Здесь у России, если она проводит вдумчивую политику и эта политика проводится людьми компетентными, существует масса возможностей, чтобы погасить конфликт. Однако сейчас делается все возможное, чтобы его раздуть. Направление Козырева с официальным поручением на долгое время в зону таджикского конфликта как раз и подтверждает ту схему, о которой шла речь в материале «Таджикский узел», опубликованном в «Советской России» 29 июля. А именно: Козырев заложит там динамит, уедет, а через некоторое время этот динамит взорвется. Направление туда с высокими полномочиями министра иностранных дел человека, известного своей негативной позицией относительно ислама, полностью соответствует известной русской поговорке: «Пусти козла в огород»...

Мы предупреждаем российскую и мировую общественность, что события в этом регионе развиваются в направлении катастрофы. И вся ответственность за это будет лежать на Козыреве и тех людях, которые его туда послали. А упомянутая публикация — это

предвосхищение того, что там будет происходить. И если это предупреждение не будет учтено, в том числе и прежде всего президентом Б.Ельциным, то это значит, что он соучастник такого развития событий. И тогда причитания по поводу погибших на таджикско-афганской границе русских парней прозвучат лицемерием.

— И все-таки каким образом конфликт в Таджикистане может повлиять на судьбу среднеазиатских республик и России?

— Во всех республиках Средней Азии есть примерно те же самые противоречия, что и в Таджикистане. Всюду действуют такие же кланы, всюду существуют религиозно-этнические противоречия. Они могут сказаться и в Узбекистане, где Каримов пока удерживает политическое равновесие. При этом возможен розыгрыш карт таджикско-узбекских, таджикско-киргизских противоречий. Достаточно поддержать какие-то силы «оттуда», и эти регионы немедленно взорвутся на фоне общего ухудшения жизни и клановых противоречий. Рано или поздно этот пожар доберется до юга Казахстана и быстро прорвется на его территорию и далее.

Когда я говорю, что судьба России решается в Таджикистане, я имею в виду геополитические проблемы, связанные с тем, будет ли Россия «жандармом Евразии», возникнет ли на евроазиатских просторах крупномасштабный военный конфликт. Причем не исключается и возможность использования ядерного оружия. Ядерные материалы, кстати говоря, есть у Казахстана, да и в Ходжен-те, как мы знаем, производят не только сельхозпродукты.

— Какова, на Ваш взгляд, должна быть позиция России, чтобы сохранить добрососедские и взаимовыгодные отношения с Таджикистаном и другими среднеазиатскими республиками?

— Сегодня есть пути, которые позволят нам в течение какого-то времени балансировать на грани конфликта, обеспечивая его мягкое протекание. Правда, с большими издержками для себя. Но эти издержки оправданы тем, что в противном случае мы действительно можем оказаться в положении, когда придется воевать гораздо ближе к Москве. Достаточно, например, проследить за судьбой «Исламской партии возрождения», вспомнить, что она создавалась в Казани, оценить ее роль на Северном Кавказе и в Поволжье. Конфликт заденет даже те этнические группы населения, которые сейчас достаточно лояльны к московскому режиму. Это может стать началом конца всех нас, всех сил, отстаивающих ве-

ликую российскую государственность, независимо от того, как они относились к коммунизму, к капитализму и ко всем прочим «измам».

Поэтому я сторонник восстановления политического союза республик бывшего СССР. Конечно же, на условиях более устойчивых, нежели те, которые имели место до 1985 года.

– *Ну а теперь как Вы на этом мрачном фоне оцениваете возможность инспирирования гражданской войны непосредственно в России?*

– Внутри страны всегда имеются некоторые силы, по разным причинам заинтересованные в стимулировании и развитии гражданской войны. Что касается внешних сил, то, разумеется, силы, инспирирующие гражданскую войну в России, – это те, кто стремится к обескровливанию России. Но мне думается, что таджикский опыт нам надо учесть не только в отношении конфликта с исламом. Крайне важно понять, что в Таджикистане имеет место общезначимый для всего бывшего СССР тип противостояния между псевдофундаментализмом, который в России условно можно сравнить с неким «радикально белым» движением, и советским неотрадиционализмом. Обычно фундаментализм и традиционализм отождествляют, а вот здесь борются именно эти две силы. Это факт общеполитической значимости, ибо именно эти силы будут бороться при существующем раскладе фактически на всей территории бывшего Союза.

При этом так называемые демократы, подключаясь в большей или меньшей степени к этой борьбе, не могут иметь в ней самостоятельного значения, так как они очень быстро теряют свою потенциальную базу. Для того, чтобы «подцепить» к своему движению достаточно мощные слои населения, готовые проливать свою кровь, они обязательно должны перейти от чисто демократических лозунгов к лозунгам псевдонациональным, радикально белым. Они должны обеспечить как бы союз трех сил: религиозное псевдофундаменталистское (с фанатичным антикоммунизмом и неприятием советского периода) националистическое буржуазное движение (у них это называется ИПВТ – «Исламская партия возрождения Таджикистана»); националистическое движение нерелигиозного типа, апеллирующее к чистоте крови (там это движение – «Растохез») и, наконец, националистическо-демократическое движение, ориентированное на западные ценности (это – «Демократическая партия Таджикистана»).

Пропорция примерно такова: 90% грубой, грязной работы делает именно религиозное движение, около 7–8% этой работы приходится на долю националистического движения и не более 1–2% – на долю «демократов», которые должны как бы отмыть всю эту резню перед Западом, представив «лейбл», приемлемый для западного общественного мнения и общественного мнения России.

Такая расстановка сил имеет классический характер. Примерно по этой модели будет строиться, так сказать, псевдофундаменталистский блок и в России. В различных ее регионах с разными оттенками. Там может играть роль и региональный сепаратизм.

В этом смысле в России сегодня идет первая фаза подготовки к гражданской войне. Пока еще не раскол до конца ФНС, пока еще белые и псевдорелигиозные экстремистские организации не выведены из-под этого общепатриотического флага и не получили дополнительной свободы. Но этот альянс готовится, и одна из фаз его подготовки – это «Партия 25 апреля», то есть всех, сказавших на референдуме «да, да, нет, да». В этой партии по логике ее существования должны оказаться и Д.Васильев, и многие другие организации антикоммунистическо-патриотического толка, которые на референдум выходили в поддержку Б.Ельцина.

Как видим, перегруппировка сил уже началась. Ее этапы в России – это сначала апрельские события, потом раскол ФНС, затем создание новых политических союзов и группировок на фоне ухудшения уровня жизни народа. Что дальше? Дальше – перенесение конфликта в парламент, а из парламента – перенос на национально-религиозную почву с последующим обострением и накаливанием до температуры открытого конфликта...

Общество расколото. А это одно из условий, создающих угрозу гражданской войны. Режим Б.Ельцина всячески усиливает этот раскол. Все время шельмуются политические противники, продолжается использование лозунга «Долой красно-коричневых!», политического синтеза не происходит. Это значит, что ельцинское руководство заинтересовано в гражданской войне, ибо, сознательно ведя линию на раскол общества, оно тем самым подстегивает конфликт. Радикальная часть президентского окружения работает на это, и президент оказался в данном случае по крайней мере заложником, а возможно, и соучастником. Я этого не знаю и не берусь судить.

И, кто знает, не станут ли своего рода российским Ходжентом Москва и Петербург-Ленинград? А какой-нибудь регион Нижнего

Новгорода или Урала займет позицию Гарма, а центральные и южные районы России, так называемый «красный пояс» Москвы – Курск, Липецк и т.д., – могут оказаться в ситуации Куляба... Разумеется, все эти аналогии условны, но тем не менее я надеюсь, что они разбудят политическую мысль, и разумными людьми, способными к самостоятельному политическому анализу, могут быть восприняты как предупреждение о реальной и весьма грозной опасности.

ЗАЯВЛЕНИЕ С.КУРГИНЯНА ДЛЯ ПРЕССЫ⁶⁸

Россия XXI. 1993. №8; Русский собор. 1993. №9

Сегодня, 30 сентября 1993 г. в 17 часов, тремя неизвестными лицами в пятнистой униформе, вооруженными автоматами, из Дома Советов под угрозой физического уничтожения был выведен за цепление аналитик Сергей Кургинян.

Причины и основания для данной акции сообщены не были.

Таким образом, из Дома Советов был удален один из немногих, способных реально анализировать и оценивать ситуацию и предлагать Верховному Совету и съезду народных депутатов разумные решения.

В данный момент, в 18.30, Сергей Кургинян сделал следующее заявление.

Акция, проведенная по отношению ко мне полтора часа назад, осуществлена вскоре после моей стихийной пресс-конференции в Белом доме, в ходе которой я подробно описал план игры, затеянной вокруг конфронтации парламента и президента, в очередной раз ввел понятие «третьей силы» в сложившемся конфликте и дал прогноз развития событий. Видимо, какие-то силы не устраивает осмысленное движение парламента в политическом поле весьма непростых и неоднозначных событий. Не преувеличивая своей роли в происходящем, я тем не менее заявляю следующее.

⁶⁸ Во время «октябрьских событий» С. Кургинян, будучи советником Р.И.Хасбулатова, находился в здании Верховного Совета. За три дня до штурма он был неожиданно выведен оттуда неизвестными лицами. В тот же день С. Кургинян сделал заявление для прессы о готовящейся против «белодомовцев» провокации. Данное заявление было передано факсимильной связью в информационные агентства: ИТАР-ТАСС, РИА, РИА «Новости», Агентство новостей и информации, ИМА-пресс, Интерфакс, Постфактум, Ассошиэйтед пресс, Рейтер, Дойче прессе-агентур, Афинское агентство новостей, а также на Радио «Свобода». Часть агентств имело смелость данное заявление опубликовать.

Первое. Инцидент, произошедший со мной, я расцениваю как провокацию.

Второе. Смысл данной провокации я вижу в том, чтобы не допустить внутри изолированного от внешней информации Дома Советов адекватного анализа его деятельности.

Третье. Разумеется, все произошедшее никоим образом не может повлиять на мою политическую позицию в отношении происходящих событий.

Четвертое. Весь процесс около Белого дома носит сугубо манипулятивный, сценарный, игровой характер.

Пятое. Суть игры антинациональна.

Шестое. Под видом примиряющей «третьей силы» в игру вступают субъекты более чем двусмысленные, о наличии которых я предупреждал неоднократно.

Седьмое. Игра будет строиться на крови. Она ведется силами, открыто декларирующими свой неморальный характер и настойчиво стремящимися овладеть монополией на смысл, монополией на управление «слепыми стихиями».

Что касается меня, то я верил и верю, что Россия прозреет. В содействии этому прозреванию я видел и буду видеть свой политический долг. И буду действовать, исходя из этого. Опасность для России неизмеримо возросла в эти трагические дни. Она возрастает с каждым часом.

Одна и та же рука раскладывает колючую проволоку вокруг Белого дома и толкает навстречу друг другу граждан России, провоцируя взаимную ненависть и усиливая ее по всем правилам грязных манипулятивных политических технологий. Если мы не остановим манипуляторов, то нас никогда не простит история.

Остались буквально считанные часы.

Я обращаюсь к правительству с требованием, осознав двусмысленность происходящего, немедленно и в кратчайшие сроки снять оцепление, прекратить любой силовой прессинг, дать полную возможность для нормализации политического процесса и обеспечения его развития в русле Конституции и демократии.

Я обращаюсь к парламенту с тем, чтобы он в ближайшие часы и дни не выпустил из-под контроля поддерживающих его людей и политические силы. Я констатирую, что сегодня, как никогда, они могут стать и становятся объектами грязных и враждебных России манипуляций.

Я обращаюсь к политическим партиям с призывом, наращивая силовое воздействие на правительство и предпринимая все возможное для активизации борьбы за отмену антиконституционных указов Ельцина, вместе с тем не терять голову и не превращаться в пешку в чужой и деструктивной игре. Трагическим результатом Указа № 1400 является разрушение конституционно-правовой среды. Такое разрушение может быть преодолено лишь за счет ответных политических действий вне конституционно-правового поля. Увы, такова реальность, и исходить приходится из нее.

Вместе с тем, я обращаюсь к Конституционному суду с напоминанием о том, что всякие антиконституционные действия обоюдоостры и могут, будучи продолженными и далее, погresti под обломками права, законности и Конституции все структуры и силы, в том числе и Конституционный суд, и Совет Федерации.

В этот хаос может и уже пытается ворваться лишь голая сила в лице пресловутых «силовых структур».

Сам термин «силовые структуры», подменивший понятия «правоохранительные органы» и «органы защиты безопасности», тоже далеко не случаен. Но и силовые структуры отнюдь не едины. Раздираемые корпоративными противоречиями, эти силовые структуры лишь обеспечат тотальный хаос и ничего более. В связи с этим я обращаюсь к субъектам Федерации с призывом понять всю обоюдоострость принятого ими решения и суметь пройти «по лезвию бритвы».

Одновременно я оставляю за собой право считать, что никто и никакая власть, в том числе и власть регионов, не вправе предъявлять ультиматум всей нации. Целостность России и сохранение сильной российской государственности приоритетны всегда и при любых обстоятельствах. И никакие региональные, политические или идеологические интересы не вправе заслонять этот высший приоритет.

Я обращаюсь к политическим партиям и прошу вдуматься в двусмысленность сложившейся ситуации. В результате борьбы «капиталистов» с «социалистами», сторонников Союза со сторонниками Российской Федерации, «патриотов» с «демократами» может вдруг оказаться, что под шумок, под сурдинку выплывет в иной ипостаси тот самый «сахаровский» или какой-либо другой «евразийский проект», в котором «Соединенные Штаты Евразии» станут трагическим финалом в историческом бытии нашей Родины.

ны. Политические протесты закономерны и обязательны. Но здравый смысл реальных политиков должен отличать действительно эффективные технологии, позволяющие повернуть течение политического процесса, от мелких судорожных акций, используемых противником. Сейчас все определяется разумом и волей штабов. Опасно бездействие, но еще более опасно потерять управление процессом. В чьи руки оно перейдет? Об этом еще не поздно задуматься и принять меры, не прекращая политической борьбы, не уменьшая ее напряженности, но ведя ее хладнокровно, как и подобает политикам.

В заключение хочу сказать, что все вышесказанное не отменяет для меня морального обязательства всеми доступными мне средствами содействовать победе тех сил, которые, будучи оскорблены ельцинской пощечиной, встали на защиту Конституции. Будучи силовым приемом отсечен от содействия работе Дома Советов, я продолжу действия вне него. Обиды или разочарования неадекватны нынешней остроте ситуации, а понимание сути ее полностью исключает любое эмоциональное реагирование.

Сергей Кургинян

ИГРА И КРОВЬ

По материалам пресс-конференции 1 октября 1993 года⁶⁹

Русский собор. 1993. №9

То, что две силы – Ельцин и его противники – «горят» в данной акции, очевидно. Вопрос лишь в том, кто «сгорает» и до какой степени. Видимо, и это определено до начала «политического спектакля», и моя попытка оптимизировать выигрыш одной из сторон (а точнее, минимизировать издержки для страны и народа) вызывает чье-то негодование. Могу догадаться – чье.

С самого начала «сидения» в Белом доме были отдельные намеки на неприятности, ждущие меня, если я не перестану ломать чью-то игру. Естественно, я игнорировал «советы доброжелателей».

На сегодня мы имеем, как в августе 1991 года, два взаимообусловленных неконституционных действия: ельцинский псевдореворот и формирование «третьей силы» в лице Совета Федерации.

Может ли подобный Совет стать субъектом стабилизации? Не думаю.

Прежде всего, это потребует исчезновения с политической сцены одновременно президента, вице-президента, съезда, Верховного Совета и т.д., что в нынешней ситуации возможно лишь при конфликте высокой интенсивности, в огне которого «сгорают» все сразу. Сознательно жечь такой огонь и аморально, и неразумно (даже если встать на позиции тотального политического цинизма).

Во-вторых, такой конфликт приведет к детонации ряда дремлющих сил, в том числе армии. Неужто непонятно, что это значит?

Далее, что дает России это уничтожение двух сил ради третьей? И разве удержит вожжи «третья сила»? Ничуть! Она ведь тоже раздираема противоречиями, да еще какими! А значит, конфликт становится перманентным.

⁶⁹ На следующий день после выдворения из осажденного Белого дома С.Кургинян провёл в ЭТЦ пресс-конференцию для журналистов.

Идет игра в так называемую стратегию напряженности. Это грязная, непростая и тупиковая для всех играющих «комбинация». Шила в мешке не утаишь. Очень скоро суть происходящего станет ясна всем. И, говоря о своей роли, заявляю со всей определенностью: моя задача — либо поломать такую игру, либо, сделав для этого все возможное, хотя бы однозначно в ней не участвовать.

Поломать можно, находясь внутри Белого дома, и я находился там, раздражая кое-кого своим активным присутствием. Что дальше?

Дальше — охрана Р.И.Хасбулатова сбежала. Это произошло во вторник, 28 сентября. В среду, 29 сентября, в преддверии ожидаемого в очередной раз штурма, я начал обнаруживать людей с экзотическим знаком — «красное на черном фоне». Они были в новой форме и косо смотрели на наличие «других сил» рядом со спикером. Думаю, что это их люди остановили меня в одном из темных коридоров, направив на меня три автомата. Одновременно это же проделали еще с одним моим коллегой. За этими мальчиками с автоматами, естественно, стоят другие. И они настолько слабы, что унизились до устранения меня, так сказать, силовыми методами.

Одновременно начались звонки из президентских структур (до этого чуть ли не полгода шантажировавших меня закрытием моего центра и сфабрикованными «делами»): «Тебя предал Хас, отомсти!»

Видимо, подонки всех считают подонками, а кретины всех считают крестинами. Иначе объяснить это я не могу.

Все, что происходит в парламенте после 30 сентября, происходит без моего участия. Но это не означает, что я «умываю руки». Отнюдь нет. Огромно мое сочувствие к молодежи, певшей на баррикадах. И ради нее, этой молодежи, я готов продолжать работать. Я сохраняю солидарность со средней депутатской массой, ибо они в этот момент показали себя с хорошей стороны. Что касается политиков, то они... обязаны думать, думать и еще раз думать, а не становиться пешками в чужих деструктивных играх! Ибо речь идет о России.

Сейчас начались публикации, которые повторяют всю ту чушь, которая говорилась обо мне в августе 1991 года и ранее, еще зимой 1990 года. Искреннее желание помочь нормальным, не потерявшим чувства государственной ответственности людям разобрататься в хитросплетениях играющих элит выдается за манипулирование, а действительные манипуляторы пытаются спрятаться за

раздуваемый ими «кургиняновский миф». Все это смешно и гадко. Но момент слишком острый, чтобы поддаваться чувству брезгливости и замыкаться в себе.

Я обращаюсь к правительству с требованием, осознав двусмысленность происходящего, немедленно и в кратчайшие сроки снять оцепление, прекратить любой силовой прессинг, дать полную возможность для нормализации политического процесса и обеспечения его развития в русле Конституции и действительной демократии.

Я обращаюсь к парламенту с тем, чтобы он в ближайшие часы и дни не выпустил из-под контроля поддерживающих его людей и политические силы. Я констатирую, что сегодня, как никогда, они могут стать и становятся объектами грязных и враждебных России манипуляций.

Я обращаюсь к политическим партиям с призывом, наращивая воздействие на правительство и предпринимая все возможное для активизации борьбы за отмену антиконституционных указов Ельцина, вместе с тем не терять голову и не превращаться в пешку в чужой и деструктивной игре, «пристегиваясь» намертво к неконституционным структурам.

Теперь — о перспективах на завтра и о своем месте в процессе.

Я думаю, что целый ряд политических сил (о чем я уже предупреждал) пропустили момент для формирования политических партий вместо вялых и эклектических коалиций. И я считаю своим долгом всячески содействовать становлению партийной структуры недефектного типа. Пусть минимальной по количеству, но — КАЧЕСТВЕННОЙ. Это **первое**.

Второе. Идущий процесс завершает для меня определенный период, начатый появлением в «Независимой газете» заметки «Тайный советник кремлевских вождей». Этот этап для меня пройден. Двигаться в этих политических кабинетах в статусе чье-либо консультанта я больше не буду. А находиться в них в каком-либо ином статусе я не стремлюсь.

В той нехватке людей и идей, которая будет иметь место в период 1995–1997 годов, я могу, если меня к этому призовут, фигурировать в качестве человека, занятого политикой. Но, повторяю, не в ранге «советника».

Третье. Диалог с обществом не обрывается, а усиливается. Я и мои товарищи не уходим в подполье (если нас туда не загонят) и

не прячемся в «башню из слоновой кости». Общество получит от нас новые книги по политической теории и по основам государственного строительства. Общество получит от нас с еще большей интенсивностью выпускаемый журнал и, надеюсь, политическую газету. «Экспериментальный творческий центр» будет еще более эффективно заниматься региональными процессами. Знаний о них у нас пока недостаточно (что, в частности, показали и мои курильские поездки), но мы довольно быстро исправляем наши упущения в этом вопросе.

Мы сумели сформировать группу единомышленников. И это показали события последней недели. Руководимый мною клуб «Постперестройка» стал в эти дни политической структурой, и он будет расти и крепнуть, возможно, превращаясь в настоящую партию. Время покажет.

Четвертое. Я предвижу, что мне будут ставить палки в колеса в двух направлениях:

1. Волны дискредитации — но это уже было.

2. Попытки найти компромат на организацию и ее «скрутить». Уже искали. Но «трудно найти черного кота в темной комнате, особенно, когда его там нет». А даже если это и удастся, то я всегда считал, что лучшее создается в подвалах. И у меня есть «вредная» черта — делать то, что замыслил. А те игры, которые происходили в Белом доме, убедили меня, что мое дело — правое и необходимое. Мы и дальше будем вскрывать игру и противодействовать ей, если она такого скверного толка. Я уверен, что главный наш ресурс, молодежь, будет расти и интеллектуально, и политически. И она не простит блефа, не простит «омарионечивания», не простит торговых сделок за ее спиной на «черном» политическом рынке.

И главное, что я довожу до вашего сведения на этой пресс-конференции — что если я ранее морально и интеллектуально противостоял «скверным играм», ведущимся за счет страны и народа, то со вчерашнего дня я такого противодействия оказывать не могу. А отвечать морально (да, именно морально!) за то, в чем я не участвую, — не желаю.

Пятое. По поводу моей «элитарности». Она отпугивала многих из депутатов, пока не случилась беда. А там, в холоде и темноте, этот барьер элитарности рухнул сам собой. Депутаты потянулись к серьезному знанию о том, что же произошло, стали расспраши-

вать, стали думать. Может быть, это напугало тех, кто навел на меня своих автоматчиков.

Сам я тоже многое пересмотрел. Мое презрение к депутатам (а оно было, что греха таить!) теперь уже в прошлом. Здесь для меня многое стало яснее. В ходе сегодняшнего процесса я увидел, как много среди них нормальных людей.

Что я имею в виду под нормальностью?

Сейчас муссируется тема о психической неадекватности депутатов. Если когда-то об этом и можно было говорить, то именно в эпоху «медных труб» и демократических славословий в адрес «свободолюбивого российского парламента». А если сейчас кто и неадекватен, то это интеллигенция, визжащая от восторга в условиях надвигающейся криминальной диктатуры и работающая в режиме психологической атаки по отношению к осажденным людям, погруженным в холод и темноту. А там, в полном бытовом дискомфорте, идет нормальная жизнь. Царит атмосфера товарищества.

Лично я пьяных не видел. Прорывающиеся сквозь кордоны уборщицы, поварихи, весь этот «низовой» персонал, — это просто герои. Сплетни об их «дурном поведении» особенно омерзительно звучат в устах долларовых проститутток, вещающих с телеэкрана.

Нормальность — очень важное качество нашего «свечного парламента». А то, что в таких условиях идет парламентская работа, принимаются решения, дискутируются формулировки, — это признак высокого достоинства и человеческого мужества.

Все это я включаю в понятие нормальности. И многое пересматриваю в своем отношении к «народным избранникам». И как это важно, когда в процессе участвуют такие нормальные люди! Это еще не главное в политике, но это уже очень многое.

Так вот, нормальным людям я хотел бы помочь — всем, чем могу. Им, а не играющим гадам. Именно эта моя давняя мысль: раскрыть глаза на игру тем, кто становится — в силу отсутствия знания о ней — марионеткой, постоянно извращается. Якобы я с «правыми», потому что они дураки. Нет, я с ними потому, что многие из них — ЛЮДИ.

Но самое важное для меня — это молодежь, пришедшая на баррикады, ведущая на них микрофонную войну с желтым омовским БТРом. Крутнули из БТРа похабные песенки в агитирую-

щем за предательство «полицайском» стиле — молодежь мерзнет, мокнет и насмерть стоит на опустевшей площади в оцеплении. И уже не первые сутки.

Это — надежда на будущее. Нельзя, чтобы эту молодежь «разыграли» в свою пользу — «упаковали» не в ту форму, нацепили значки со свастикой и извратили ее чувство национальной справедливости, пустив по ложному следу. Нельзя, чтобы на поверхность всплыл дефектный режим с фашистской риторикой.

Я скажу больше. Видя игру, я предупреждаю, что и это «всплывание» будет проходить чисто декоративно, на срок 6—8 месяцев, так как есть структуры, которые заинтересованы в переключении внимания заокеанского партнера (который сейчас смотрит на это в бинокль) с Западной Европы на Россию. Потому все это, прогерманское по существу, «евразийство» вскоре поделится на две части: на серьезных людей, которые сейчас же «лягут на дно», и тех «бросовых» людей, которые будут «бултыхаться на поверхности» с ноября месяца в соответствующих униформах и при значках. Вскоре они будут убраны (как, впрочем, и то, что находится «на поверхности» с сентября), но еще более кроваво.

Вопрос: Вы считаете, что Вы описали происходящее сейчас в Вашей статье «ГКЧП-2. Когда?»?

Ответ: Нет. Сейчас совершенно другая ситуация. Это ситуация, которую я описывал в ряде статей о «третьей силе». У нас на глазах столкнулись два видения, как надо убирать отработавших людей. Одних — тихо, без шума, других — как они говорят, «под фанфары». Это касается тех, кто борется и считает, что победа той или иной стороны приведет их наверх. На деле же тут как бы «борьба антрекота с гарниром». Кто-то сложит их в одну тарелку и съест.

Я не могу это говорить политической массе, поскольку это деморализует, но и молчать нельзя. Потому что завтра они нас (или вас — как хотите) спросят: «Куда и для чего вы нас вели? Для того, чтобы новый М.С.Горбачев пришел к власти? Для этого?»

Еще раз о реставрации Союза.

Я делал все, что мог, чтобы отстоять СССР. Но сегодня те, кто кричит «Со-вет-ский Союз!», еще не стали силой восстановления Союза. А в качестве игрового элемента эти «союзники» объективно и легко могут стать инструментами развала России.

Союз воссоздается по другим технологиям. И будет воссоздан. Но «ретро» не может победить.

«Союзное ретро» – это инструмент развала России. Вот в чем трагедия.

Сначала люди, которые кричали, что Ельцин – «шестерка» Буша, стали «шестерками» Назарбаева, а потом станут «шестерками» Илюмжинова. Вам такой вариант нравится? Мне, извините, – нет.

Вы думаете, что региональные структуры справятся с процессом? А Совет Федерации – это конец распада? Черта с два!

Регионы так же условны, как и республики. А вы помните, что происходило с республиками при распаде Союза? Что, непонятно, какие процессы начнутся между регионами после распада России?

Теперь еще об одном вопросе, который я поднимал неоднократно, – о кадрах оппозиционного режиму движения, которые сегодня действительно все решают. Ну что, провели эксперимент, увидели, кто есть кто? Сделайте выводы. Найдите людей, которые будут делать дело, а не играть в спектакле (вольно или невольно).

Далее – о политических структурах. Завершен этап с попытками склеивать кое-как объединительные коалиции. Опыт показал, что они разваливаются в любой момент. Ведь уже было на улицах сто тысяч человек. И сколько собрали сегодня? Значит, «выдали» столько, сколько сочли нужным, значит, не «коалиционеры» – субъекты процесса. Значит, есть заказчик? И, стало быть, очевидно, что необходимо строить «наши» структуры иначе.

А что творится на заводах? Там нет авторитетных представителей нынешней оппозиции – ни коммунистов, ни патриотов-некоммунистов. А без этого какая может быть политическая субъектность?

Далее. Об идеологии. Вновь возникает этот вопрос. Надо прекратить игру с идеологией, это не шутка! Идеология выбирается, как любимая жена, – она выбирается надолго, желательно навсегда. А в патриотической коалиции никакой идеологии не было, только риторика.

Мне говорят, что идеология будет выбираться в **консенсусе лидеров**. Не слабо?.. Кому-то это кажется практичным, наверное. А на деле рождается ублюдочная идеология. И это погубит все.

О социальной базе. Думайте, что вы скажете людям. Мы не должны потерять поддержку масс.

Пока что побеждают те, кто в Доме Советов. И – побеждают, используя политические, а не силовые ресурсы. Дай Бог, чтобы у

них и дальше хватило разумного мужества, политического хладнокровия и воли. Бороться надо всегда и при всех обстоятельствах. Есть сила слабых, и это — большая сила. И есть умелая политическая борьба, которая может иногда значить больше, чем танки. **БОЯТЬСЯ СЛЕДУЕТ ЛИШЬ ПРОЦЕССОВ ВНУТРИ ДОМА СОВЕТОВ.**

Внешние враги гораздо менее опасны ему в политическом смысле. До сих пор удавалось блокировать их интриганство. Три раза за эти дни мы действительно ломали игру. Надо так работать и дальше. Я не склонен преувеличивать свою роль и преуменьшать интеллектуальный потенциал оставшихся. А мальчики с автоматами — это «рябь». Не в них действительная сила Дома Советов, который имеет все возможности для победы политической.

Моральный фактор. Есть депутаты, которые сидели и при свечах работали, а есть люди, покрывшие себя позором. Знать, кто есть кто, очень важно.

Понимание политического подтекста. Снова к этому возвращаюсь, потому что это самое важное. Вы что, не видели, как работало телевидение? Оно работало мастерски, **ТОПЯ ЕЛЬЦИНА.**

Делается это просто: берется одна текстовка и совершенно иной видеоряд. Или сюжет (о продажности демократов, к примеру) дается вроде как под позитивом, а воспринимается как негатив⁷⁰. Или прямые информационные прорывы⁷¹. Эти три слагаемых повернули против Ельцина общественное мнение. Как вы думаете, это случайно? Или вы считаете, что они повернули общественное мнение в пользу «Трудовой России»? — Смешно! Они готовят почву для третьей, пока теневой силы, не менее, чем нынешняя власть, опасной для страны.

Как должен выглядеть выигрыш, тоже могу сказать: если бы политическая забастовка состоялась, это был бы выигрыш. «Трудовая Москва» хоть и вывела на всеобщее обозрение **символ** народной поддержки (пусть нешуточный символ), но безусловной, мощной народной поддержки не получила. Это факт. Должной

⁷⁰ Многих представителей «Демократической фракции» Верховного Совета выманили из Белого дома как непосредственно «сребрениками», так и посулами политических «пряников». Значительная часть телепрограмм освещала это в сугубо «позитивном» ключе.

⁷¹ Имеются в виду выступления на ТВ регионалов, открыто предъявлявших себя в качестве «единственно благой» политической «третьей силы».

поддержки нет, и нам предстоит пройти несколько катастрофических периодов, прежде чем мы получим народную поддержку, и работать на это нужно не так. Но «Трудовая Москва» хоть символ вывела, а большинство оппозиционных партий сидело и «считало ситуацию», поэтому обвинять «Трудовую Москву» в несостоятельности аморально.

Что же касается меня лично, то я считаю, что утыкание автоматов в живот есть полное поражение той «демократической» силы, которая выиграла у меня в 1991-м. Я доказал, что чисто политическими методами меня из процесса не выведешь. И той силе в новой ситуации пришлось менять стратегию, определяясь заново. Вот они и определились — автомат в живот. Это показало ограниченность их политических ресурсов.

Вопрос: Как Вы относитесь к поведению военных?

Ответ: История скажет, сколько было обращений военных и как на них реагировали «центры принятия решений» в Доме Советов. Это первое.

Второе. Все видели, что готовится, приближается компромисс. А «крайними» военные, естественно, быть не хотели.

И третье. Что значит: «Армия, приходи к Белому дому!»? А что она будет там делать? Она придет с тыловыми обозами в долгий лагерь? Для демонстрации? Но войска ведь — не опереточные статисты! Армия — не милиция. Она или действует прямо из мест базирования, с ходу и на всю мощь, или сидит в казармах. А в политической игре армия не участвует. Армия — это слишком серьезно для таких «игр».

Вопрос: Так Вы уверены в игровом характере происходящего?

Ответ: Безусловно. Просто компромисс еще не склеен. Я не знаю, что там сейчас готовят «на кухне». И, повторяю, если готовят «тухлый винегрет», то я рад, что нахожусь за пределами этой «кухни». Потому что рецепты такого рода — не по моей части. А кровь, простите, не должна быть в роли клюквенного сока в таком «винегрете». Я не непротивленец, отнюдь. Но кровь — это не клюквенный сок.

ЭТО ВСЕ СДЕЛАЛА КОЛЮЧАЯ ПРОВОЛОКА

Аргументы и факты. 1993. Октябрь. №40

Звонок из редакции газеты «Аргументы и факты» с просьбой высказать свое понимание происшедших событий поставил меня в сложную ситуацию.

Газета, безусловно, намеренно оклеветала меня в очередной раз. Снова (уже после неоднократных разъяснений) были подняты и сообщены читателю обветшалые мифы о моей «коммерческой деятельности».

Газета опустила до махрового шовинизма, намекая на консолидацию вокруг моего центра «армянской диаспоры». Обвинение смехотворное и одновременно с тем весьма дурно пахнущее.

Мало того, я в очередной раз оказался «разработчиком» операций Белого дома, того самого, откуда некие молодые люди со свастикой вывели меня 30 сентября, направив на меня автоматы. Видя, как молодые люди свободно проходят через милицейские кордоны, закрытые для прочих, включая врачей, видя, как позируют они перед «демократическими» телекамерами в виде учебного пособия по «русскому фашизму», я, естественно, предполагаю, что в этом выдворении не обошлось без господ «демократов».

Словом, у меня хватает причин пожать плечами на предложение дать в «АиФ» статью о сути происходящего. И тем не менее ситуация столь остра, что я решил использовать возможность высказаться.

Фаза первая

21 сентября 1993 г. Борис Ельцин подписал Указ, не только объявляющий о перевыборах, но и произвольно трансформирующий все политические институты страны. Было совершено тяжкое тотально неправовое деяние. Ответные действия парламента были на первых порах чисто политическими. Они находились в рамках Конституции и были осуществлены с соблюдением всех правовых норм.

Парламент собрал кворум. Ему хватило выдержки на то, чтобы соблюсти все юридические процедуры и не совершить грубых политических ошибок.

На поддержку парламента пришли народные массы. Постепенно площадь вокруг Белого дома стала местом политизированных народных гуляний, куда определенная часть москвичей шла, чтобы обозначить свои политические симпатии или просто полюбопытствовать.

С балкона произносились речи. Площадь слушала, обсуждала. Энергетика находилась на достаточно низком уровне. Психофизиологическая синхронизация, необходимая для сплачивания толпы, начисто отсутствовала.

Фаза вторая

Депутатов отключили от всех источников нормального жизнеобеспечения. Одновременно резко усилилась их травля в некоторых средствах массовой информации.

В результате площадь «подсобралась». До катастрофы осталось несколько шагов, и эти шаги преднамеренно были сделаны.

Фаза третья

В тот момент, когда омовская блокада Белого дома стала тотальной, а чья-то услужливая рука положила вокруг здания парламента противопехотную колючую проволоку, был запущен механизм будущего кровопролития за счет так называемого «барьерного эффекта».

Что сотворили в тот момент омовцы? Они создали барьер между уже ставшей желанной площадью у Белого дома и толпой, которая была обречена стремиться преодолеть «барьер».

Объективное, даже помимо чьей-то воли, превращение скопления политизированных людей в раскаленную массу возможно только в случае, когда у каждого есть одно и то же, достаточно простое, мышечно реализуемое стремление. Формула такого стремления — «хочу двигаться (да, именно двигаться, тут крайне важен момент кинетики) из точки, в которой нахожусь, в точку, в которую мне мешают попасть».

С этого момента прорыв был уже неминуем. Предпрорывные рассеивания толп ОМОНом, мелкоочаговые конфликты и драки — все это было лишь подготовкой к прорыву. Все это я видел в Баку, в Ереване и Душанбе. Кто это сделал? Ответ для меня очевиден. Это сделала колючая проволока. Что касается осажденных, то странно считать, что люди, оказавшиеся в блокаде и поставленные в унизи-тельные условия, будут противодействовать стремлению массы прорвать блокаду. Еще смешнее упрекать каких-то «серых кар-

диналов» типа вашего покорного слуги в разработке каких-то планов. Да, я разрабатывал планы. Но это были планы эффективного политического противостояния, и к какому-то моменту эти планы стали давать плоды. А если есть политический результат, то никакой, даже радикальный, политик не станет разменивать его на уличные бои.

Проводя акцию по удалению меня из Белого дома с помощью неонацистских юношей, кто-то, подававший им такую команду, на деле отключал источник политического действия и тем самым стимулировал собственно силовую активность.

Систему действий по прорыву создали, отладили, освободили от помех и, наконец, запустили.

Министр Ерин⁷² может не знать законов поведения больших человеческих масс. Но он имеет аналитиков, которые хорошо осведомлены об этом. И у него есть опыт работы в тех регионах, где именно такие неграмотные (а скорее, провокационные) действия приводили к неминуемой эскалации политического конфликта.

Фаза четвертая

Заявив о силовых методах разгона парламента, учинив произвол, не сумев опереться даже на химерические структуры типа Совета Федерации, Борис Ельцин создал все необходимые условия для сбора в Белом доме не только поддерживающей массы мирных граждан с определенной политической ориентацией, но и людей, готовых защищать разгоняемую структуру с оружием в руках.

Такого человеческого материала в стране с избытком. Происходящее непрерывно травмирует людей воинской специальности с обостренным чувством долга и государственности. Они не хотели и не хотят быть террористами, бандитами, но мечтают умереть за безусловно правое дело.

Такую безусловность (теперь ее стало модно называть легитимностью) создал Ельцин своим Указом. А попав в Белый дом и встав на его защиту с оружием в руках, люди перешли Рубикон. Для них отныне не было ничего страшнее компромисса, ибо это мог быть только компромисс за их счет.

⁷² *Министр внутренних дел В.Ф.Ерин в 1988–1990 гг. был первым замглавы МВД Армении, в 1992 г. руководил оперштабом по восстановлению правопорядка в районе ингушко-осетинского конфликта.*

Соединение прорывающейся массы с такой наэлектризованной, на все решившейся боевой силой опять же порождало реакцию не просто легко предсказуемую, а неизбежную. Не понимать это мог только кретин.

Фаза пятая

Штурм «Останкино». Ввод войск, трупы, положенные у башни, – вот промежуточный итог процесса, начатого в сентябре в момент подписания злосчастного и зловещего Указа о разгоне парламента. Свершилось. Президент пролил кровь граждан. Войска, стреляющие из крупнокалиберных пулеметов в свой народ. Все замазаны кровью. Все – и президент, и парламента. Что, трудно было предположить, что в результате такого замазывания на поверхность политического кризиса выйдут новые силы? И так ли уж невероятна гипотеза о том, что эти силы как раз и развязали процесс, ведя его к подобному результату? «Ищите выгоду», и найдете тех, кто заинтересован в кровавой игре.

Президент Ельцин потерпел политическое поражение. Ни одна власть, пролившая кровь своих сограждан, не может далее чувствовать себя устойчивой. Уровень поражения ельцинское окружение оценит уже на следующий день после своей «пирровой победы».

Поражение потерпели и узники Белого дома.

Но главное – поражение потерпело государство, потерпели мы все.

Я не скрываю, что Ельцин, а главное, окружающие его наглицы, заведшие в тупик общество и поставившие государство на грань небытия, – это мои политические противники. Но никогда и ни при каких обстоятельствах я не стал бы бороться с ними с таким ущербом для того, чему служу, что люблю, во что верю, – для России.

P.S. Статья написана вечером 3 октября. Трагические события 4-го, к сожалению, подтверждают сказанное. Бессмысленная стрельба из тяжелых орудий, обгорелое здание парламента – все это входит в театрализованное действие, которое оказалось сопряжено с человеческими жертвоприношениями.

Трагическая ошибка Руцкого – перевод политической борьбы в военное русло. Трагическая ошибка Ельцина – следование навязанной роли в чужой игре. Склоним головы над всеми погибшими.

УРОКИ ОКТЯБРЯ

**Пакет взаимоувязанных политических документов,
предъявляющих ориентиры новой оппозиции,
на период после октябрьских событий⁷³**

Россия XXI. 1993. №11–12

ВВОДНАЯ ЧАСТЬ

События 4 октября и последовавшие за ними «выборы» окончательно разделили оппозицию на «правильную», т.е. готовую играть по правилам, предложенным победившими «октябристами», и «неправильную», т.е. ту, для которой подобная игра неприемлема. Я отношу себя к этой второй, «неправильной» части оппозиционного движения. И не хочу обвинять всех прочих в «коллаборационизме». Но у каждого свой путь. Каждый извлек свой опыт из октябрьской трагедии. Свое понимание произошедшего я предлагаю в данном системном анализе.

Первичны, изначальны при этом отнюдь не схемы и уравнения. Первично ощущение большой реальности, ощущение неправды и недосказанности там, где их не должно быть. Ради избытия этой неподлинности, этого тумана, сотканного из общих слов, междометий и восклицательных знаков, я апеллирую к точности и конкретности, к «катарсису» чисел.

Моя работа адресована тем, кто обожжен трагедией 4 октября, но, не давая волю страстям и эмоциям, сознает необходимость «другого пути».

«Да, мы пойдем другим путем, сжигая в огне чисел и уравнений полуправду, которая хуже лжи», — говорю я в этой серии докладов,

⁷³ Под таким названием и с объединяющими текстами автора в конце 1993 г. были опубликованы «послеоктябрьские» выступления С.Кургиняна, в которых он осмысливает трагически закончившийся этап нашей новейшей истории и обсуждает перспективы дальнейшего поиска Россией своего пути.

адресуясь только к единомышленникам. И если я по-прежнему говорю о движении, то отныне речь лишь о тех, кто понимает и принимает формулу «другого пути».

Работа состоит из пяти необходимых и достаточных блоков, следующих друг за другом в той последовательности, без которой не имеет смысла говорить о полноте и системности политико-научного текста.

Вначале – параметрический блок (блок I), содержащий в себе совокупность выявленных в ходе горького опыта параметров политического процесса. Речь может идти как о новых параметрах (новых политических переменных), так и об уточнении уже известных свойств и характеристик, которые, однако, были определены неверно в предшествующий период.

Следующий блок (блок II) содержит в себе описание результатов системного моделирования на основе уточненных параметров и (коль скоро анализируемое событие существенно меняет представление о сути происходящего) изложение новых моделей, с помощью которых может быть осуществлено более адекватное новым реалиям прогнозирование дальнейших событий.

Далее следует блок политической прагматики (блок III), содержащий в себе уже не рефлексию на произошедшее в обществе как целом и не строгую, по возможности, количественную, аналитику (без которой серьезная политическая деятельность невозможна). А взгляд изнутри на тот политический субъект, который, действуя в политическом пространстве, не достиг искомого результата, а значит, продемонстрировал свое – в лучшем случае, исправимое – несовершенство.

В следующем блоке (блоке IV) рассматриваются коррективы в вопросах теории.

После поражения 4 октября проигравшие политические силы должны доосмыслить и переосмыслить свое место в социально-политических процессах конца XX века, если, конечно, они всерьез думают о победе.

Оппозиционное движение обязано дать свое видение будущего, смыслов и целей, за достижение и обретение которых оно борется. В заключительном блоке (блоке V) обсуждаются вопросы стратегии и тактики достижения этих целей и обретения этих смыслов.

Фиксация (I), моделирование (II), выявление на их основе политического негатива, касающегося не внешних сил, а внутрен-

них дефектов движения (III), теоретическое достраивание движения (IV), политическая футурология и уточненная политическая стратегия (V) – вот что должен включать, на мой взгляд, полный системный анализ уроков 4 октября. Острота переживания произошедшего измеряется не риторикой. «Это» уже было: и в 90-м году при поражении на выборах, и в 91-м при подготовке обреченного ГКЧП, и в 92-м, когда не удалось извлечь политический результат из невероятно уязвимой политики власти, и в 93-м при поражении на референдуме и, наконец, при поражении в ходе октябрьских событий. Нельзя и далее бежать от реальности, сколь бы больной она ни была, нельзя спастись от нее, окутывая правду дымкой иллюзий. Надо работать, углубляя понимание реальности, работать внутри нее – и ради ее изменения.

БЛОК I. О ТОМ, ЧТО ВЫЯВИЛИ СОБЫТИЯ 4 ОКТЯБРЯ 1993 ГОДА

Трагические события октября 1993 года показали, что в целом расчет на активную поддержку Верховного Совета и съезда различными силами, способными противостоять беспределу исполнительной власти, был ошибочным. Факты говорят сами за себя.

1. Не было даже тех ста тысяч участников митинга, которые удавалось собрать, например, в ходе манифестации 9 мая 1993 года. Лидеры улиц не выполнили своих обязательств. Вопрос «почему?» должен быть поставлен и исследован (не скажу расследован) спокойно и объективно. Не надо патетических заклинаний по поводу героизма, самопожертвования и т.п. Лидеры улицы давали определенные обязательства и оперировали определенными количественными показателями. Они не выполнили своих обязательств перед оппозицией и должны дать внятные объяснения случившемуся. Анализом причин своего поражения занимается любая партия, желающая победить.

2. Не было политической забастовки. Вообще заводы и фабрики никак не отреагировали на указ 1400. Где «поддержавшие» ВС профсоюзы? Где директорат, клявшийся в верности парламенту России? Что это вообще за организации, так важно именовавшие себя концентраторами воли рабочих и воли директоров? Вместо внятного ответа на эти животрепещущие вопросы – взаимные комплименты кукушки и петуха и общие запоздалые проклятия в адрес «ельцинизма и ельцинистов». И это – все?!

3. Не было обещанной поддержки силовых структур. Все эти союзы офицеров, все эти клубы высокопоставленных военных, шептавшихся по углам о мондиализме и евразийстве, все эти вновь назначенные министры силовых структур – что это? Блеф или двойная игра? И что это за оппозиция, которая не добивается четкого ответа и на эти вопросы?

4. Особого анализа требует поведение региональной номенклатуры, ибо значительная часть лидеров, возглавлявших Советы в республиках, краях и областях и принадлежавших к старой партийно-хозяйственной элите, предьявила в очередной раз обществу свою политическую недееспособность. Советы на местах не смогли (побоялись, не захотели) возглавить политическую борьбу за советскую власть (т.е. за себя же!) даже в случае, когда для этого был стопроцентный, абсолютно законный мотив – нарушение Конституции со стороны исполнительной власти. И мы обязаны сделать соответствующие и, прямо скажем, далеко не частные выводы.

Видимо, пресловутые «кадры» (при всем их административно-хозяйственном опыте) страдают параличом политической воли, существуют в мире застывших форм, отражающих лишь одну реальность – их большое коллективное номенклатурное «Я». Номенклатура (по крайней мере – большая ее часть) боится Политики как концентрата Времени, она не способна уйти от бюрократического мира статики в политический мир динамики. Ее воля мечется в аду репрессивных фобий и реваншистских вожделений. Уязвленная поражением, она хочет вернуть все и сразу. В ее туманных, вневременных «снах» все происходит само собой, «по щучьему велению». И эти себялюбивые аполитичные сны она выдает за политическую реальность.

Данный тезис я хотел бы пояснить с помощью графической схемы (рис. 14 и 14а). Имеется некий политический барьер с высотой h . Номенклатура мечтает взять этот барьер и очутиться наверху. В сущности, она не слишком думает о том, что произойдет, когда она окажется у руля. Главное – власть (рис. 14).

Итак, внизу – номенклатурщик, желающий запрыгнуть наверх. Барьер слишком высок, и номенклатурщик, прыгая, не может запрыгнуть. После каждого прыжка – падение. И, как мы видим, кровь рядовых членов движения, пошедших за номенклатурным «вождем». Сам вождь чаще всего остается цел и прыгает снова.

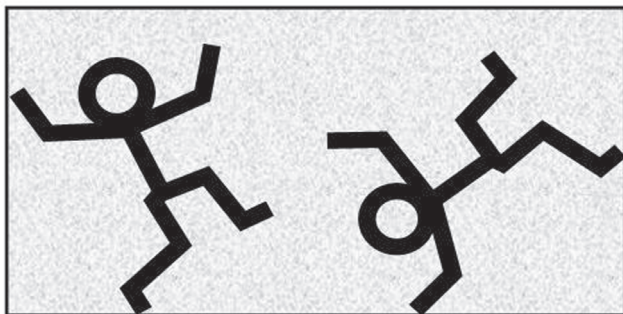

Рис. 14

Тренируется, наращивает мышцы и... в очередной раз падает, обрекая на смерть пошедших за ним. Чего же он не может или не хочет понять?

Казалось бы, очевидной вещи. Того, что двигаться следует по ступеням, строя оппозиционное движение и поднимаясь вместе с ним (рис. 14а).

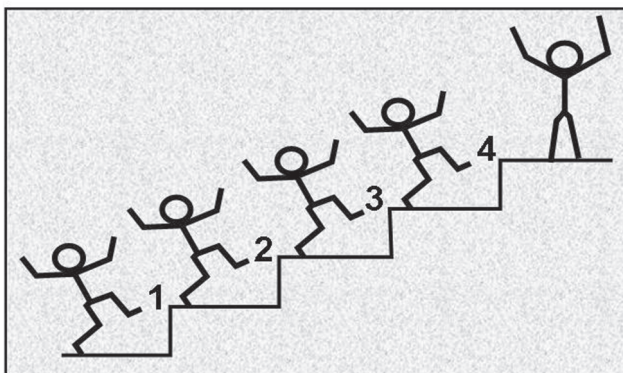

Рис. 14а

Почему? Дело в том, что примеряющийся к модели восхождения по строящимся ступеням оппозиционный политик (бывший партийный кадр, уязвленный поражением партийной номенклатуры, или же «маргинальный клиент» такого парткадра, подверженный комплексу своей маргинальной неполноценности) зачастую боится, что уже при подъеме на первую ступень его, строящего, спихнут, ибо проявится его несостоятельность – и власть бу-

дет отобрана. А мыслится все именно в категориях личной власти. Неоднократно присутствуя при такого рода дискуссиях — «строить или не строить политические ступени», — я имел возможность убедиться в собственной правоте, в том, что «работает» именно приведенная мною схема.

Итак, классическая номенклатура и ее клиентела (оппозиционный «неформалитет») не способны строить политическое дело. Для них воистину — все или ничего, и они готовы бесконечно подпрыгивать, пытаясь взять с ходу барьер власти (власти абсолютной и бесконтрольной, ибо именно так они понимают власть), лишь бы не строить лестницу, ведущую к власти, не проводить кропотливой черновой работы по возведению тех политических конструкций, без которых барьер власти не может быть преодолен. Это политическое подпрыгивание, это презрение к реальному политическому труду и вследствие этого постоянное проявление политической неадекватности в оценке событий получило негативную оценку? Нет! Изживается оппозиционным движением? Нет! Обрекает на очередное поражение? Да! Признаем, наконец, очевидное.

5. Анализ выступлений оппозиционных лидеров показывает, что ставка делается на слабые слои, прежде всего на так называемых гражданских, невоенных «бюджетников». (Подчеркивая **«гражданскость»** ущемленных слоев, я имею в виду, что силовые структуры власть сумеет, так сказать, **насытить ресурсами.**) Попытки адресоваться к интересам и целям «сильных» групп населения, способных привести оппозицию к власти, а главное — реально выправить положение после ее прихода, увы, «не прощупываются». А пресловутые демократы, скажем прямо, не собираются сдать власть без боя. Того боя, в который оппозиционеры, видимо, намерены послать своих гражданских бюджетников.

6. Особого внимания заслуживает размытость в понимании смысла октябрьского переворота.

Мы должны признать, что указ 1400 — это именно изменение формы политической жизни страны, что не просто был распущен парламент, не просто была нарушена конституция, но вдобавок (в строгом соответствии с идеей буржуазного революционизма, исповедуемой командой Бурбулиса) волюнтаристски изменены политические институты России, отменена Советская власть, а значит, произошел именно **буржуазный** переворот. Мы должны далее тем или иным образом отнестись к такому перевороту. Ибо

буржуазия, устанавливая новую форму общественных отношений, всегда и при всех ситуациях идет через диктатуру и кровь, через гражданские войны. Хотим ли мы прихода буржуазии, признаем ли легитимным неизбежный в случае такого прихода кровавый переворот с изменением общественно-политического строя в стране? Если хотим прихода – а большинство буржуазных патриотически ориентированных партий признает становление буржуазных отношений благом, – то в чем претензии к «октябристам»? Если не хотим (такова, наверное, должна быть позиция коммунистов), то почему своим участием в выборах освящаем этот «приход нового господина»? И наконец, куда ведем сами? К реставрации строя, имевшего место до 1985 года? Тогда прямо так и надо сказать! Но этот строй рухнул не по щучьему велению отдельных лиц, а в силу объективных причин. Заложенные в нем дефекты расшатали здание, сделали его, образно говоря, трухлявым настолько, что небольшого толчка было достаточно для обрушения. Налицо был сговор различных внутренних, номенклатурных элит, включая спецслужбы страны, партийные и комсомольские аппараты, часть околонomenclатурной интеллигенции, направленный именно на замену общественно-политического строя. Что, силы этого сговора исчезли с политической арены? Или окрепли альтернативные структуры? Что, исчезли те **классы** (включая криминалитет), которые выступали в качестве движущей силы буржуазного переворота? Что, этим **классам** не удалось подключить к процессу криминального самовоспроизводства и самоподпитывания широкие слои населения, которые, скажем прямо, желая выжить, учатся воровать и приучаются к участию в воровстве? Что, нацэлиты союзных республик, жаждавшие власти, вдруг успокоились, перестали переводить золото в иностранные банки и готовы к восстановлению полноценного политического Союза? Так в чем стратегия борьбы и каковы ресурсы? Нет ответа и на этот вопрос.

7. Налицо недооценка униительности участия в выборах и «думской деятельности». Морально-политические издержки, связанные с принятием правил игры, навязанных октябристами, не учитываются. А они огромны! Поясню на примере.

Представим себе, что две стороны (съезд народных депутатов и исполнительная власть) играют в политические шахматы и одна из сторон (исполнительная власть) начинает проигрывать. За ход до «мата» (предстоящий ноябрьский 1993 года съезд народных депутатов и внесение поправок в Конституцию, ограничивающих

власть президента, означали «мат» исполнительной власти) проигрывающая сторона смахивает фигуры с доски, берет доску и бьет ею по лицу «выигрывающих» нардепов, бьет сильно, наотмашь, до крови. Потом снова расставляет фигуры и говорит избитому: «Садись, еще поиграем, умойся только!» И умываются, и садятся. Иногда – буквально с еще не снятыми после побоев 4 октября наклейками из пластыря на политических и физических лицах.

8. Произошел поразительный альянс либерально-правозащитной и коммуно-патриотической оппозиции. Этот альянс произошел, образно говоря, на языковой территории либералов-правозащитников. Патриоты вынуждены были признать их первенство, принять их знаково-семантический ряд и в дружном строю апеллировать к демократии, правам народов, общечеловеческим ценностям, защите прав человека и т.п. В общем же строю должны были они проклинать великодержавность ельцинистов, прославлять «Амнистию Интернэйшнл», «Хельсинки Уотч», создавать американский Комитет по защите прав человека в России, апеллировать к международному контролю за выборами. Но ведь это не мелочь! Не тактическая уловка! Это означает отказ от своего политического языка, а значит, и от своего права на власть! Ибо язык – это власть! И нет ничего прагматичнее, чем забота об укреплении своей политико-языковой самости. Отсутствие подобной заботы свидетельствует о полном отсутствии самой этой самости, об отсутствии стратегической воли, заменяемой и подменяемой рефлексом «политиканства», со всеми, так сказать, вытекающими отсюда последствиями. Каковы они? Об этом в первом докладе предлагаемой читателю серии.

БЛОК II. О ТОМ, КАК БУДУТ РАЗВИВАТЬСЯ ПРОЦЕССЫ ДЕСТРУКЦИИ. ПОЛИТОЛОГО-МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССОВ НА ОСНОВЕ ВЫЯВЛЕННЫХ ВНОВЬ И УТОЧНЕННЫХ ХАРАКТЕРИСТИК

В этом докладе я постараюсь описать модель деструкции в предельно отстраненной, математической форме. Такие математичес-

кие модели с процессами, участниками, действиями, результатами и рисками известны в западной, да и в отечественной, политологии. Но здесь, возможно, впервые, будет предложена модель описания политических взрывных процессов на основе теории циклов и гиперциклов. Такие модели применительно к другим процессам успешно использовались естественниками и гуманитариями. Однако лично мне неизвестно о существовании таких моделей в политологии. «Но стоит ли в столь горячее время заниматься поиском новых методов количественного описания динамики политического процесса?» – могут спросить меня те, кто занимается политической практикой. Убежден, что это необходимо. Дальнейшая же дискуссия лишь на общегуманитарном уровне не соответствует новым послеоктябрьским требованиям к тому, что именуется аналитикой. Хотим мы или нет, но гуманитарный тип политологии призван в значительной степени описывать, а не изменять мир. Практическая борьба за победу в новых реалиях требует использования наряду с качествами еще и количеств, что вовсе не обесценивает высокую гуманитарную мысль, а лишь дополняет ее математической экспертизой. Кроме того, даже самая лучшая гуманитарная модель, предъявленная обществу, может быть обвинена во вкусовщине, в соотношении описываемых реалий с некоторыми идеологическими пристрастиями. А поскольку я и впрямь являюсь человеком пристрастным, не скрывающим, в отличие от многих, своих приверженностей, то мне хотелось бы вынести это в другие доклады, а здесь говорить только на языке строгих понятий и цифр.

Математическая модель циклического процесса предполагает совокупность операторов, преобразующих некий начальный политический ресурс в серию промежуточных продуктов (полуфабрикатов, готовых изделий, блоков из готовых изделий, механизмов, собранных из этих блоков и т.д.), и, наконец, расширенное воспроизводство с помощью этих механизмов исходного ресурса. В зависимости от того, по какой кривой идет наращивание ресурса, можно говорить о взрыве, нарастающем давлении невзрывного характера, стационарном воспроизводстве и, наконец, о затушении процесса с переходом в стадию стабильности.

С чем мы имеем дело в настоящий момент?

Прежде всего, о политическом ресурсе. Рассмотрим в качестве ресурса **народное недовольство** (НН). Этот ресурс может сработать

только при определенном типе его накапливания в различных стадиях сложного политического процесса. Сам по себе он и все, и ничто. Он – перефразируя Шекспира – «менее победы, но и более». Он условие, но не результат. Энергия масс, которой грезил Ленин и которой пренебрегают его нынешние наследники, требуют преобразующих политических операторов.

1. Оператор первый – **собрание энергии** (СЭ). Этот оператор преобразует народное недовольство в **силовое давление на власть** (СД). Говоря о силовом давлении, мы имеем в виду некий интегральный показатель, определяемый совокупностью средневзвешенных факторов, в числе которых уровень митинговой активности, стачечная активность, массовые сборы подписей, напряженность критики в средствах массовой информации, сопрягаемая с ростом силового давления (активность антиправительственной агитации, радикальность антиправительственных призывов), интенсивность листовочной войны, масштаб силовых акций (стычек, столкновений, конфликтов, открытых действий по силовому захвату власти, выраженных в штурме объектов, актов террора и т.п.). Первую стадию процесса можно описать так:

$$\text{НН} \rightarrow \boxed{\text{СЭ}} \rightarrow \text{СД} \quad (1)$$

То есть речь идет именно о преобразовании (скалярном или же матричном) народного недовольства (НН) в силовое давление на власть (СД), осуществляемом за счет использования линейных или нелинейных операторов «собрания энергии» (СЭ). Итак, СЭ – это первый из вводимых мною операторов цикла.

2. Второй оператор – **сохранение властных позиций в ответ на силовое давление** (СВП) – требует того или иного силового ответа на действие оппозиции. СВП – это оператор, преобразующий за счет той или иной совокупности действий силовое давление оппозиции (СД) в **стратегию силового ответа** власти (ССО). Говоря об ССО, мы вновь имеем в виду интегральную характеристику, средневзвешенную по целому ряду элементов. Примеры элементов-«действий»: разгон демонстраций, арест лидеров, огонь на поражение по толпе, штурм объектов, выпуск указов, ущемляющих политические интересы лидирующих групп населения, ликвидация властных структур, закрытие политических организаций и т.п. Сюда же входит серия действий по осуществлению наряду с

политикой «кнута» еще и политики «пряника»: льготы армии и другим силовым структурам, поощрение поддержавших групп населения, новые идеологические и политические жесты, показательные мероприятия, демонстрирующие смену образа в желательном для групп силовой поддержки направлении, и т.д. Вторая стадия цикла может быть описана так:

$$\text{СД} \rightarrow \boxed{\text{СВП}} \rightarrow \text{ССО} \quad (2)$$

Еще раз подчеркну, что стратегия силового ответа может быть представлена, как и другие переменные, не только в интегрально-скалярном, но и в векторном виде. Тогда связь между векторами осуществляется с помощью преобразующей матрицы СВП – тензора политических напряжений. Помнится, один из авторов газеты «День» упрекал одного из ключевых экспертов Корпорации «ЭТЦ» в неумении учитывать тензоры и строить системы тензорных уравнений. Однако впоследствии в родственной упрекавшему аналитику газете «Аль-Кодс» была описана схема политических действий оппозиции и ответных реакций власти, в которой не то что тензоров, но и скаляров не присутствовало. А была наивность, адресующая к райкомовским разнарядкам и худшим традициям политического соцарта. Статья столь показательна, что заслуживает дословного воспроизведения.

Борис Полынцев
Первые три часа после Ельцина
Аль-Кодс. 1993. 16 августа

Ельцинское правление заканчивается бесславно и позорно, в дыму и крови. Потомки еще увидят его имя в учебниках истории в одном ряду с Гришкой Отрепьевым, гетманом Мазепой, генералом Власовым и царевичем Алексеем. Опустошительные набеги диких орд Чингисхана и Батыея, мышинное половодье мундиров многомиллионного германского вермахта и бронированный вал танков Гудериана – ни одна из этих бед не нанесла большего ущерба России, чем несколько лет царствования «демократов». Испустя много столетий после нас российский дети, расшавшиеся в кроватке, будут в испуге замирать при слове «Бурбулис», «Боннэр», «Старовойтова».

Конец эры Ельцина неотвратим. Поэтому главная задача, стоящая перед всеми здоровыми силами России, – обеспечить мирный и

бескровный процесс передачи президентских полномочий от Ельцина к вице-президенту Руцкому.

От степени успеха или неуспеха этого впрямую зависят все последующие события. В соответствии с действующей Конституцией РФ это становится возможным в трех случаях:

- смерти Президента;*
- невозможности исполнения Президентом своих обязанностей из-за состояния здоровья;*
- импичмента.*

Реально возможно наступление всех трех событий. При этом в случае смерти Ельцина процесс передачи полномочий будет наиболее безболезненным. Сам факт смерти Президента утаить практически невозможно, т.к. о ней будет знать большое число людей из охраны и обеспечивающих служб.

Скрыть тяжелую болезнь Президента, повлекшую утрату управляющих и контрольных функций головного мозга, тоже вряд ли удастся. Если данные о продолжительности и периодичности запоев Ельцина становятся достоянием российской и зарубежной прессы, то сведения о наступлении необратимых изменений в его здоровье станут тем более известными.

Самый сложный вопрос – что будет в случае импичмента. В свое время, когда весной этого года вопрос об импичменте Ельцина был вынесен на Съезд народных депутатов, то Президент в окружении силовых министров выступил перед толпой своих сторонников с заявлением о том, что он не подчинится Конституции и решениям высшего органа государственной власти, т.е. пойдет на прямую конфронтацию. Есть все основания полагать, что свою точку зрения он вряд ли поменял. Учитывая, что вероятность вынесения импичмента Ельцину продолжает оставаться весьма велика (опять созывают т.н. «конституционное совещание» и призывают к проведению досрочных парламентских выборов вопреки Конституции), целью настоящей публикации будет рассмотрение тех первоочередных мер, которые, вероятнее всего, предпримут Президент, вице-президент и Съезд народных депутатов соответственно.

Само собой разумеется, что логика поведения и поступков конкретных должностных лиц и политиков в известной степени носит прогностический характер. Тем не менее предлагаемая версия событий построена с учетом всестороннего анализа как их личностных качеств, так и всей предыдущей деятельности.

Начало событий — время «Ч»

После объявления результатов голосования об импичменте (решение принято), Ельцин остается в Кремле с целью сосредоточения в своих руках всех нитей государственного и военного управления. Он покидает свой рабочий кабинет и укрывается в кремлевском подземном бункере, чтобы избежать последствий возможной (по его мнению) бомбардировки верной Верховному Совету РФ авиации ВВС МВО. Начальником Главного управления Кремля генерал-лейтенантом М.Барсуковым принимаются меры по усилению безопасности: блокируются въездные ворота со стороны Красной площади и Александровского сада, а также подземные транспортные коммуникации; осуществляется ввод в Кремль бронетехники президентского полка; выставляются дополнительные караулы с пулеметами по периметру стен Кремля. На крышах правительственных зданий размещаются расчеты ПВО с ПЗКР и снайперы.

Для проведения срочных консультаций по выходу из создавшегося положения в Кремль вызываются сторонники бывшего Президента Ельцина: мэр Москвы Ю.Лужков, министр обороны П.Грачев, министр внутренних дел В.Ерин, начальник управления МБ РФ по Москве и Московской области Е.Савостьянов, генерал армии К.Кобец, М.Полторанин, С.Юшенков, А.Котенков, Г.Бурбулис, члены президентского совета и правительства, руководители телевидения, радио и пропрезидентских средств массовой информации, лидеры «демократических» партий и движений.

Директор СВР Е.Примаков от приглашения прибыть в Кремль отказался, сказавшись больным.

Объявляется о переходе подразделений администрации экс-президента на круглосуточный режим работы. В бункере открывается совещание сторонников Ельцина.

В целях предотвращения интернирования Р.Хасбулатова, А.Руцкого, руководителей Верховного Совета РФ и народных депутатов работа Съезда переносится в здание на Краснопресненской набережной («Белый дом»).

«Ч» + 30 минут

На Краснопресненской набережной Съезд народных депутатов продолжает свою работу. Александр Руцкой издает указ о вступлении в должность Президента России и принятии на себя функций Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами РФ.

Обеспечивается прямая теле- и радиотрансляция из зала заседания. Содержание решений Съезда и указов и.о. президента доводит-ся до областных и республиканских органов власти.

От занимаемых должностей указом Руцкого и с согласия Верховного Совета РФ освобождаются генералы Грачев и Ерин, министр иностранных дел Козырев. На вакантные должности назначаются: министром обороны – генерал-полковник А.Ачалов, министром внутренних дел – генерал-майор А.Гуров; министром безопасности – генерал армии В.Баранников; министром иностранных дел – И.Андронов.

В соответствии с указаниями и.о. Президента Генеральным штабом производится отключение от центров коммутации абонентских комплектов Ельцина и Грачева по управлению стратегически-ми ядерными силами.

Вновь назначенные силовые министры в сопровождении охраны уходят во вверенные им министерства.

Руцкой вызывает к себе директора ФАПСИ.

В Кремле сторонники экс-президента продолжают обмен мнениями. Сработавшая автоматика «ядерных чемоданчиков» сигнализирует о пропадании связи. Ельцин вне себя, с перекошенным лицом, велит Грачеву узнать, в чем дело.

Поднятые по команде Лужкова водители городских автокомбинатов начинают вывод тяжелых грузовиков на улицы Москвы. Их движение, маршруты и конечные места стоянок координируются службами мэрии. Активисты демдвижения организуют несанкционированный митинг на Красной площади. Туда прибывают отряды боевиков под командованием Боксера, сотрудники частных охранных и детективных структур. Подъезжают грузовики с горячей пищей и спиртным. В толпе шныряют хасиды. По Москве производится мобилизация банд уголовников и рэкетиров «авторитетами» уголовного мира. Толпа брокеров перекрывает движение автотранспорта по Мясницкой улице и с огромным трехцветным флагом начинает шествие к Лубянской площади, выкрикивая антиконституционные лозунги. Кто-то из прохожих швыряет бульжник в окно Российской товарно-сырьевой биржи, внутри возникает паника: думали, что это бомба.

На волне радиостанции «Эхо Москвы» звучит призыв к москвичам «выступить на защиту всенародно избранного президента Ельцина» и против «номенклатурно-коммунистического Съезда».

А.Н.Яковлев звонит на коммутатор посольства США и, соединившись с послом, обращается с просьбой о предоставлении полити-

ческого убежища. Число таких звонков лавинообразно растет. В ворота американского посольства въезжает «Вольво» с четой Горбачевых. Через несколько минут — машина Бакатина. Милиционеры из охраны провожают их злорадными взглядами, но не задерживают.

Сотни тысяч москвичей не отрываются от экранов ТВ. Люди поздравляют друг друга: «Сегодня наш день, сегодня наш праздник!» Укасс Аэрофлота столпотворение желающих вылететь ближайшим рейсом из России. Кассирам суют пачки долларов, лишь бы скорее взять билет на заграничье.

«Ч» + 1 час

Ельцин обращается по радио к гражданам России выступить против «попытки коммунистического реванша» и отдает распоряжение командующему войсками Московского военного округа привести в полную боевую готовность 2-ю мотострелковую и 4-ю танковую дивизии, 27-ю отдельную мотострелковую бригаду и ждать команды на их ввод в Москву. Аналогичная задача ставится командующему внутренними войсками МВД РФ в отношении отдельной мотострелковой дивизии особого назначения ВВ им. Дзержинского.

Генерал Барсуков назначается комендантом Москвы. Он объявляет о введении в городе комендантского часа с 23.00.

И.о. Президента А.Руцкой издает указ о назначении командующего МВО генерал-полковника Л.Кузнецова первым заместителем министра обороны РФ и запрещает ему выполнять любые указания Ельцина и Грачева.

Съезд народных депутатов принимает обращение к личному составу Вооруженных Сил, сотрудникам органов безопасности и внутренних дел с призывом сохранять спокойствие и верность Конституции.

В.Ачалов прибывает в рабочий кабинет министра обороны и дает команду о срочном сборе руководящего состава Вооруженных Сил для проведения расширенной коллегии МО РФ. Аналогичные действия предпринимаются генералами Баранниковым и Гуровым. Управление контрразведки и служба собственной безопасности МБ РФ докладывают Баранникову все оперативные материалы по лицам, в отношении которых есть основания считать их агентами иностранных спецслужб. Документы передаются Генеральному прокурору РФ В.Степанкову. Становится известно, что выведенные из Прибалтики в Подмоскovie части воздушно-десантных войск объявили о своей полной поддержке Руцкого и Ачалова.

От занимаемой должности освобожден Савостьянов.

Конституционный суд собирается на заседание с целью рассмотрения ситуации, сложившейся в стране. Судья Аметистов допускает оскорбительные высказывания в адрес В.Зорькина с целью сорвать заседание, однако терпит неудачу – никто из членов КС его не подержал.

На Краснопресненской набережной по призыву ФНС, КП РФ, «Трудовой Москвы», «Трудовой России» собирается свыше 300 000 человек, возводятся баррикады для защиты «Белого дома».

Комендант охраны Генштаба отказывается допустить в здание Министерства обороны прибывшего из Кремля Грачева. Водитель автомобиля спецсвязи и находящиеся в ней офицеры получают команду генерал-полковника М.Колесникова о прекращении дальнейшего сопротивления Грачева.

По каналам ИТАР-ТАСС передается заявление Николая Рябова о его безоговорочной поддержке Руцкого и Хасбулатова.

«Ч» + 2 часа

В Москве уголовными бандами начинаются погромы коммерческих и частных магазинов. Продавцы покинули коммерческие киоски, опасаясь за свою жизнь.

В борьбу с погромщиками вступают работники милиции. Московский ОМОН принимает заявление, что его функции в нынешней ситуации ограничиваются исключительно рамками борьбы с организованной преступностью и против народа бойцы действовать не будут.

В мэрии Шахновский и Донцов начинают жечь документы.

Тяжелые грузовики кольцом окружают Кремль. У водителей растерянные лица, многие потихоньку отъезжают от греха подальше. На Красной площади проходит митинг стотысячной толпы. Оглушенная спиртным, толпа ревет. С вертолета разбрасываются листовки в поддержку Ельцина.

По команде С.Филатова в 235-м авиаотряде в пятнадцатиминутной готовности находятся два самолета «Ил-62М».

Начинается заседание коллегии Министерства обороны. Военачальники единодушно высказываются за верность Конституции и и.о. Президента А.Руцкому. Коллегии МБ РФ и МВД заканчиваются с таким же результатом. Информация об этом попадает в ближайшие выпуски радио и телевидения.

Обнародуется решение Конституционного суда, признавшего законным все решения Съезда. Судья Аметистов на этот раз особого мнения заявлять не стал.

В Кремль возвращается Грачев. Накричав на него, Ельцин приказывает Грачеву отправляться в штаб МВО и попытаться переломить ситуацию.

Результат – отрицательный. Командир дивизии внутренних войск отвечает отказом на отчаянные призывы Лужкова «поддержать Президента».

Генеральный директор ФАПСИ отключает Кремль от всех видов правительственной связи. В рядах сторонников экс-президента замешательство и паника.

Пост пограничного контроля в Шереметьево-2 запрашивает указаний у вышестоящего командования о возможности выезда из России гражданина Г.Х.Попова, прибывшего в аэропорт для отлета за границу. Узнав об отрицательном решении, «Мерседес» с Г.Х.Поповым разворачивается и на огромной скорости направляется в Москву, где его следы теряются. Министр безопасности РФ по представлению генерал-полковника А.Николаева утверждает список лиц, выезд которых за пределы России временно ограничен до выяснения их роли в нанесенном государству ущербе.

«Ч» + 3 часа

Становится известно, что командиры частей московского гарнизона присягают Руцкому. К Краснопресненской набережной в сопровождении автомобилей ГАИ подходят колонны слушателей Военной академии им.Фрунзе. Сбравшиеся у «Белого дома» люди приветствуют их громкими криками «ура». Поступает информация о поддержке решений Съезда и указов и.о. президента с мест. Министр обороны генерал Ачалов докладывает Съезду, что командующие войсками военных округов заявили о своей поддержке Съезда и Конституции. По сообщениям министров внутренних дел и безопасности территориальные органы обоих министерств также заявили о своей верности Конституции.

Передано информационное сообщение, что премьер-министр В.Черномырдин отмежевался от тех членов правительства, которые продолжают оставаться в Кремле.

Сторонники Ельцина начинают понимать, что никаких шансов на перелом ситуации у них не остается. На огромном столе сбравшиеся рассматривают крупномасштабную карту Москвы. Внезапно в бункере гаснет свет – Кремль обесточен. Когда через пару минут загорается аварийное освещение, некоторые из присутствующих, криво улыбаясь, вылезают из-под стола. Упавшего в обморок Лужкова выносят на носилках.

Сергей Филатов предлагает вылететь на правительственных самолетах 235-го авиаотряда на Урал, чтобы там, создав альтернативный центр власти, продолжить борьбу с Руцким. Некоторые предлагают сразу лететь за границу. Полторанин впадает в прострацию. Охрана выводит его под руки вслед за бывшим Президентом. Кортёж бронированных лимузинов через Боровицкие ворота на огромной скорости направляется во Внуково. Митингующие на Красной площади «демократы» понимают, что их обманули. Толпа в ярости кидается к ГУМу, где начинается грабеж, сопровождаемый битьем витрин. Для пресечения беспорядков решением министра внутренних дел в центр города вводится подразделение «краповых беретов».

Органы управления воздушным движением в московской зоне не дают разрешение на взлет президентского авиалайнера. На борт самолета по аварийному УКВ радиоканалу сообщается, что в случае несанкционированного взлета и направления в сторону государственной границы российскими войсками ПВО будут предприняты меры по пресечению полета.

Первый вице-премьер Олег Лобов, обращаясь к Ельцину, говорит: «Надо подчиниться обстоятельствам. Мы не можем пойти наперекор Конституции, общественному мнению и здравому смыслу. Я готов вступить в официальные переговоры с Руцким для выработки разумного и достойного компромисса». После нескольких минут тяжелого раздумья экс-президент произносит: «Да, я согласен. Амбиции политика не могут идти вразрез с желаниями народа».

В углу салона самолета рыдает Козырев.

Ну, а что дальше? — спросите вы. А дальше — через три месяца в соответствии с Конституцией проводятся новые президентские выборы. Кандидатов будет много.

Выборы окончательно перевернут черную страницу в отечественной истории, начало которой положил злополучный 1985 год.

Все те радикал-демократы, которые толкают Ельцина в пучину антиконституционных действий, должны крепко подумать, чем это для них закончится. Не надо замахиваться на Конституцию и Верховный Совет РФ — финал будет печальным.

Вот что моделировали «системщики ФНС».

Кстати, некоторые литераторы в «Литературной России» упрекают «неких парадоксалистов» в неверных прогнозах по поводу октябрьских событий. А одновременно есть опасность, что возобладает логика «Аль-Кодс» с ее борьбой стальных героев оппозиции с трусливыми выродками, стоящими у власти — в духе арабско-индийского кинематографа, ориентированного на упрощенное восприятие реальности (прошу не принимать это как интегральную оценку всего арабского и индийского кино, и уж тем более всей, почитаемой мною, арабской и индийской культуры). Поэтому я вынужден обратить внимание политических штабов оппозиции на действительные реалии политической борьбы в те сентябрьско-октябрьские дни.

Прежде всего, было ясно, что с той стороны — достаточно сильные и активные лидеры. Это необходимо было учитывать. Ни Шумейко, ни Лужков, ни Гайдар, ни Бурбулис не являются теми презренными ничтожествами, которыми их представляют журналисты «Аль-Кодс». И менее всего таким ничтожеством (спившимся, трясущимся, ничего не соображающим) является Ельцин. Недооценка противника — а она сквозит в каждой строке этого псевдосценария — есть одна из худших черт оппозиционного движения. И так, недоучтен психологический ресурс противника. Что дальше? Дальше речь идет о поразительной переоценке своих ресурсов, переоценке, граничащей с фанфаронством и подаваемой в качестве неких «объективных данных» высшему руководству представительной власти. А поскольку царит дух неверия, шпиономания, свойственная номенклатурному фанфаронству и скрывающая беспомощность, то оценки предлагается рассматривать в виде необсуждаемой объективной данности.

Далее, психологический ресурс самих оппозиционных бонз. Их поведение в критической ситуации заслуживает отдельного описания, равно как и неумение вести позиционную политическую войну. Потом — предъявленный властью (по результатам странных действий оппозиции) на 15-ый день (!) ресурс в десять единиц бронетехники. И — нулевой (я это подчеркиваю) потенциал, предъявленный в ответ оппозицией, чья беспомощность — вынужден покаяться — была лично мною недооценена при всем моем предельном негативизме. И даже в этой ситуации — без безобразных ляпов со стороны руководства (для снятия противодействия

этим «ляпам» и был выведен из Белого дома 30 сентября автор данного доклада, с изыманием удостоверения, т.е. возможности вернуться назад, и под дулами автоматов) — оппозиция не могла бы проиграть. Признаюсь вновь, что мера контроля власти за оппозицией именно изнутри, мера двусмысленности «борьбы» власти и оппозиции была тогда мною недооценена, и коррективы я вношу лишь сейчас. Так что речь идет не о моем отказе признать ошибки, отнюдь. Я их признаю и делаю выводы. В том числе и в данном докладе. Но поражает (другого слова не нахожу) та колониальность политического поведения и ее главный компонент — воинствующий антиинтеллектуализм, — которые свойственны нынешнему оппозиционному движению и не избываются им с упорством, заслуживающим лучшего применения. И в этом смысле — просьба одна. Не говорить хотя бы о тензорах.

3. Вектор **стратегии силового ответа (ССО)** — это и есть тот желанный ресурс, который в состоянии усваивать «вторая», не таранная, либеральная, правозащитная, коммутирующая с Западом оппозиция. Мы уже говорили об ее альянсе с первой и здесь утверждаем, что именно этот альянс и есть ключевое условие раскручивания деструкции, приводящей к гибели режима, но не только его. Опишем конкретно, как это происходит. Стратегия силового ответа за счет **информационно-интерпретационного оператора (ИИО)**, находящегося в руках у «второй» оппозиции, преобразуется в систему функций ОНЗ — **образов, неприемлемых для Запада**. И вновь мы можем говорить либо о многомерном векторном представлении, либо о свертке функций с представлением некоего средневзвешенного значения. Последнее просто удобнее для изложения на бумаге в материале, не претендующем на чрезмерную математизацию. Итак, опишем третью стадию:

$$\text{ССО} \rightarrow \boxed{\text{ИИО}} \rightarrow \text{ОНЗ} \quad (3)$$

4. Система образов, неприемлемых для Запада, может включать чрезмерную великодержавность, шовинистичность (как необходимые силовым структурам идеологические «пряники»), сюда же может включаться централизм (борьба с региональным давлением актуализирует это свойство вчерашних демократизаторов, что начинает раздражать, к примеру, господина Бжезинского, ставшего теперь чуть ли не союзником наших вчерашних патриотов-государственников в борьбе с пресловутыми «ельциноидами», —

это ли не безумие?). Здесь же — зажим гласности (вспомним помощь г-на Кристофера газете «Правда», проявлявшей в преддверии октябрьских событий явную неадекватность в части антиамериканизма, такого, который уместен лишь в устах победившей власти, намеренной в течение считанных месяцев развязать термоядерную войну против «американского империализма»). Здесь же — и некие лимиты на силовые действия против конституционных органов, которые не столь эластичны, как это представляется Ельцину. Ибо западное мнение содержит массу элементов, которые, в отличие от российского президента, президент США, к примеру, должен учитывать. В их числе — так называемые «промежуточные выборы в США», мнение референтных групп США, оценки экспертов США, значимые для этих групп, просто традиции и стереотипы американского восприятия, действия внутренней оппозиции правительству Клинтона, которая не столь подконтрольна Клинтону, как наша оппозиция — ельцинскому режиму, и т.д. В результате, рано или поздно, появляется преобразователь образа (образов), неприемлемого для Запада, в **давление западных групп на политиков Запада (ДПЗ)**. Оператор, преобразующий ОНЗ в ДПЗ, назовем **оператором сдвига баланса (СБ)**. Четвертая стадия выглядит так:

$$\text{ОНЗ} \rightarrow \boxed{\text{СБ}} \rightarrow \text{ДПЗ} \quad (4)$$

5. Западные политики обладают собственным ресурсом прочности и способны принимать решения, не слишком считаясь в ряде случаев с общественным мнением Запада. Иногда они игнорируют и мнения своих экспертов. Вспомним приход к Клинтону Голдмана, Бжезинского и самого Киссинджера. Президент указал им на дверь и реализовал свою (альтернативную!) стратегию поведения в российском вопросе. Помнится, Г.Киссинджер отреагировал на это в духе «жираф большой, ему виднее». Но при этом было зафиксировано расхождение с экспертами и обозначен **риск персональной ответственности** Клинтона за решение вопроса без учета мнения авторитетных экспертов (оператор РПО в нашей системе формул определяет именно этот риск и алгоритм его накопления). При определенном риске (определенных значениях РПО) западный политик уступает давлению и принимает политические решения в русле оказываемого давления. Это происходит на пятой стадии, на которой давление на политиков Запада (ДПЗ) пре-

образуется оператором РПО в **принятие решения западными политиками** (ПЗПР). Стадия пятая:

$$\text{ДПЗ} \rightarrow \boxed{\text{РПО}} \rightarrow \text{ПЗПР} \quad (5)$$

6. Автономность определенных экономических кругов от политических решений западной власти не так велика, как это представляется исходя из марксистской теории, предполагающей абсолютное господство западных капиталистов над политиками. Базис, конечно, определяет надстройку, но в определенных рамках и с определенными ограничениями. В этом смысле речь, безусловно, должна идти как о внесении коррекций, связанных не только с влиянием транснационального капитала (ТНК) на государство, но и с влиянием государства на ТНК, так и об учете феномена сверхимпериализма, связанного с особым типом огосударствления самих ТНК и стоящих над ними структур. Определенные выгоды могут продиктовать ТНК автономную от государства стратегию на какой-то период времени, что даст временное (!) расхождение между политикой и экономикой. Но здесь имеются свои ограничители, свои лимиты экономико-политического риска. В результате принятие западных политических решений неизбежно приведет к **изменению экономической стратегии Запада** (ИЭСЗ). Оператором будет являться в данном случае преобразователь ПЗПР в ИЭСЗ за счет взвешивания **системы политико-экономических рисков** (СЭР). Он включает довольно сложный расчет баланса приобретений и издержек, а также учет ряда прямых команд, подаваемых политиками тем или иным субъектам экономической деятельности, что на Западе тоже не редкость. Шестая стадия:

$$\text{ПЗПР} \rightarrow \boxed{\text{СЭР}} \rightarrow \text{ИЭСЗ} \quad (6)$$

7. Изменения экономической стратегии Запада для нашей открытой экономики достаточно значимы. «Закрывать» же экономику Борис Ельцин не может, не потеряв поддержку самой мощной группы общества, решающей судьбу его режима, т.е. **криминалитета**, бесконечно заинтересованного в вывозе сырья, безопасности своих накоплений в западных банках, возможности продолжать ограбление страны и других условиях, крайне прочно, так сказать, **«намертво»** связанных с понятием экономической открытости. А это значит, что изменение (в нежелательном направлении) экономической стратегии Запада с помощью оператора ОЭ (**«откры-**

тая экономика») преобразуется в ухудшение экономической ситуации (УЭС). Стадия седьмая:

$$\text{ИЭСЗ} \rightarrow \boxed{\text{ОЭ}} \rightarrow \text{УЭС} \quad (7)$$

8. Ухудшение экономической ситуации через оператор **социально-экономического дискомфорта** (СЭД) увеличит стартовый ресурс – **недовольство населения** (НН). Здесь тоже необходимо оговорить одно, крайне существенное, обстоятельство. Само по себе ухудшение экономической ситуации вызывает недовольство населения не автоматически, как это представлено иными номенклатурными лидерами старой оппозиции. Здесь есть масса зазоров, которая и описывается оператором социально-экономического дискомфорта. Ибо в какой-то ситуации население будет терпеть весьма существенный дискомфорт, а в какой-то не согласится терпеть сравнительно малых ущемлений своего социального статуса. Кроме того, имеет место эффект накопления дискомфорта, делающий оператор существенно нелинейным. Одним словом, надо уметь считать и прогнозировать дискомфорт, а не действовать наобум. Итак, стадия восьмая:

$$\text{УЭС} \rightarrow \boxed{\text{СЭД}} \rightarrow \text{НН}^* \quad (8)$$

Круг замкнулся. Замкнутый цикл из восьми стадий определяет динамику социального взрыва, который неизбежно сметет режим, но одновременно с этим – грозит весьма пагубными последствиями для нашего общества и государства. Перед всеми политическими силами страны встает дилемма: политическая борьба за счет деструкции или нечто другое? Но что может быть тем другим? Где здесь имеются варианты? Или, как говорят математики, где точки бифуркации процесса? Но вначале запишем подряд стадии цикла.

$$\text{НН} \rightarrow \boxed{\text{СЭ}} \rightarrow \text{СД} \quad (1)$$

$$\text{СД} \rightarrow \boxed{\text{СВП}} \rightarrow \text{ССО} \quad (2)$$

$$\text{ССО} \rightarrow \boxed{\text{ИИО}} \rightarrow \text{ОНЗ} \quad (3)$$

$$\text{ОНЗ} \rightarrow \boxed{\text{СБ}} \rightarrow \text{ДПЗ} \quad (4)$$

$$\text{ДПЗ} \rightarrow \boxed{\text{РПО}} \rightarrow \text{ПЗПР} \quad (5)$$

$$\text{ПЗПР} \rightarrow \boxed{\text{СЭР}} \rightarrow \text{ИЭСЗ} \quad (6)$$

$$\text{ИЭСЗ} \rightarrow \boxed{\text{ОЭ}} \rightarrow \text{УЭС} \quad (7)$$

$$\text{УЭС} \rightarrow \boxed{\text{СЭД}} \rightarrow \text{НН}^* \quad (8)$$

Весь процесс можно описать так:

НН → СД → ССО → ОНЗ → ДПЗ → ПЗПР → ИЭСЗ →
→ УЭС → НН*

Поскольку НН* больше НН, наблюдается именно развертывание процесса. Такое развертывание графически можно изобразить в виде спирали, где на каждой из осей, разделяющих восемь секторов круга (оси 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8), отложены в виде отрезков значения измеряемых восьми политических переменных (рис. 15).

Рис. 15. Спираль послеоктябрьской деструкции

Получающаяся кривая – это спираль с определенным периодом раскрутки. Раньше или позже раскручивающаяся спираль пересечет такое значение одной из двух фундаментальных переменных – НН и СД, за которым начнется или неуправляемый социальный взрыв (если вначале достигнуто критическое значение показателя НН), или смена политического режима (если вначале достигнуто критическое значение показателя СД). В свою очередь, новый режим столкнется со своими тензорами, циклами и спиралями, зависящими от его потенциалов, его возможностей. Где и

как взорвется процесс? Вот основной вопрос системной аналитики. После ответа на него можно ставить вопросы и о методах купирования, гашения взрывных процессов.

Приведенный пример носит частный характер. Он иллюстрирует новую политическую ситуацию, сложившуюся после 4 октября 1993 года в одном, но во многом решающем аспекте — аспекте сращивания двух оппозиций, — и возникающее за счет этого поле деструктивных возможностей. Анализ этого поля, сопоставление вариантов использования открывающихся возможностей и жесткое предъявление ограничений (граничных условий, как говорят математики), которые должны ставить перед собой политики, действующие ответственно, с сознанием подлинного смысла собственных действий, необходимы не только с прагматической, но и с моральной точки зрения. Пусть никто потом не говорит, что он не ведал, что творил, и не занимается политическим и историческим мифотворчеством.

В самом деле, что значит столь часто употребляемое мною понятие дефектности оппозиционных структур? На языке математики это означает в том числе и неумение записать систему политических формул, вывести из них кривую динамики процесса (как мы видим в данном случае, спиралеобразного типа!), предугадать точки катастрофы и тип (!) катастрофы. И вместо того, чтобы изображать из себя пресловутого «Буревестника», — ввести граничные условия.

Население вправе выразить свое недовольство, выявлять себя по преимуществу энергетически. Но запишем еще раз, что происходит с энергией.

(1) Ее собирают и преобразуют в силовое политическое действие.

(2) Борясь за сохранение властных позиций и действуя неадекватно, власть начинает применять при определенных напряжениях процесса стратегию силового ответа, что и произошло в ходе издания 1400-го указа и штурма Белого дома.

(3) В сущности только этого и ждала «вторая» оппозиция, и ради этого заваривалась, образно говоря, вся «каша с парламентом».

Это — серьезное политическое заявление. Я делаю его со всей ответственностью и в силу этого обязан предложить собравшимся свою версию всех тех событий, которые развернулись у нас в стране между августом 1991 и октябрём 1993 года.

**Таблица циклов увеличения политической
нестабильности после событий 4 октября**

№ п/п	Входные функции	Операторы	Выходные функции
1.	Народное недовольство Φ_1	Собирание энергии L_{12}	Силовое давление Φ_2
2.	Силовое давление Φ_2	Сохранение властных полномочий L_{23}	Стратегия силового ответа Φ_3
3.	Стратегия силового ответа Φ_3	Информационно-интерпретационный оператор L_{34}	Образы, неприемлемые Западом Φ_4
4.	Образы, неприемлемые Западом Φ_4	Сдвиг баланса (базы поддержки общественного мнения и т.д.) L_{45}	Давление западных групп на политиков Запада Φ_5
5.	Давление западных групп на политиков Запада Φ_5	Риск политической ответственности L_{56}	Принятие западных политических решений Φ_6
6.	Принятие западных политических решений Φ_6	Система экономических рисков L_{67}	Изменение экономической стратегии Запада Φ_7
7.	Изменение экономической стратегии Запада Φ_7	Открытая экономика L_{78}	Ухудшение экономической ситуации Φ_8
8.	Ухудшение экономической ситуации Φ_8	Социально-экономический дискомфорт L_{81}	Увеличение народного недовольства Φ_1'

Кому-то нужна сегодня лживая версия: «все мы жили в раю, пришли беловежцы – и устроили ад». Так ли это? Вспомним прошлое, время после августовских событий 1991 года, вызванных неконституционным новоогаревским процессом, шедшим при попустительстве союзного парламента. Заметим, что союзный парламент уже к тому времени совершил достаточное количество политических преступлений перед страной (включая принятие яковлевской модели пересмотра итогов Второй мировой войны, проведенной союзным парламентом через «всего лишь» осуждение «пакта Молотов–Риббентроп», а также поддержку лживой версии Собчака по поводу «тбилисских злодеяний советских военных» и т.д.). Горбачев и лидеры союзных республик, опять же неконсти-

туционно, с грубейшими нарушениями, разогнали высший представительный орган страны. С согласия самого парламента, при его постыдной, позорной трусости, проявленной хоть и не всеми – мы тогда видели это в прямом телеэфире, – но, скажем прямо, подавляющим большинством союзных избранников. В стране после августа установился странный порядок, шла подготовка к каким-то странным реформам, шел странный уголовный процесс над высшим руководством СССР на непонятных юридических основаниях. Все это было **ДО** Беловежского стовора. Он **усугубил** ситуацию, но вовсе не он ее **создал**. И будем честными перед собой: события могли разворачиваться и по более разрушительному сценарию, с глубоким гниением на уровне каждого отдельного территориального и этнического элемента всей нашей страны, включая и ядро российских территорий – РФ, Российскую Федерацию. Страшной ценой тогда была куплена весьма относительная стабильность ядра территории Большой России. Этой ценой стало пресловутое Беловежье. Сейчас эту ситуацию пытаются в очередной раз переинтерпретировать, представив дело так, словно до декабря (или августа) 1991 года все обстояло законно и благочинно, а потом всем известные политические хулиганы что-то там «смастерили на троих». Такая интерпретация производится при попустительстве многих оппозиционных сил. Я считаю ее преступно дезинформационной и предлагаю постоянно фиксировать это в политических документах оппозиции с тем, чтобы кое-кому неповадно было «по чужому билету» пытаться проскочить в некий «политический рай». А желающих у нас предостаточно.

Далее – после декабря началась реформа Гайдара. Речь шла на деле не о реформе, а об установлении баланса потребления и производства за счет наихудшего из возможных вариантов – за счет ущемления жизненно важных интересов, и именно **большинства** населения. Уже тогда НН, то есть народное недовольство, готово было вылиться в серию политических действий. Что помешало этому? **Неадекватное собирание энергии**, предъявление власти именно **неадекватных** силовых действий. Это – первое. И второе. Переход на сторону власти либеральных **держателей информационно-интерпретационного оператора**, с помощью которых (реже при попустительстве, а чаще при прямом участии) для широких народных масс был создан образ «красно-коричневых». Образ, не-

приемлемый и для Запада (ОНЗ), и для собственного населения в значительной его части. На создание такого образа были брошены, я подчеркиваю, **огромные силы**. Конечно, в его создании активно участвовали и представители пятой колонны внутри оппозиции, своими якобы всего лишь «неадекватными» действиями создавшие материал, необходимый для интерпретационно-информационных фото-кино-телемоделей. Но это не снимает ответственности с самих творцов образа «красно-коричневого врага».

Кстати, все попытки исправить дефекты оппозиции, выступить против действительно фашистских явлений внутри нее вызвали агрессивные нападки ультралиберальной прессы. В чем дело? Да в том, что фашизация оппозиции **делалась** именно теми, кто потом лил крокодиловы слезы по поводу крови 4 октября и превращался в союзников оппозиции. Где были эти союзники раньше и какова мера их **ответственности за кровь**? Мы обязаны поставить этот вопрос, а не проявлять поразительную всеядность. Только при такой «привередливости», кому-то представляющейся тактически проигрышной, можно решить главную стратегическую задачу — построить **недефектную** оппозицию, во-первых, способную к более активному собиранию энергии и, во-вторых, обладающую неким механизмом самозащиты от враждебных информационно-интерпретационных акций.

Установив это, я вновь подчеркиваю и нечто столь же важное, а именно: принцип политической и моральной ответственности за прошлое. Кто участвовал тогда в информационной войне против своего народа? Кто привел тем самым к трупам 3 и 4 октября? Не тот ли, кто оплакивает эти трупы сегодня? Да, это именно те же самые люди, те же самые структуры, те же самые печатные органы, те же самые телевизионные передачи. Разумеется, люди меняются. Меняется их мировоззрение. И это должно приветствовать. Но идет ли речь об этом или о недовольстве по поводу того, что еще не распалась РФ? Иначе чем объяснить, что те люди, которые изначально молились на буржуазную диктатуру и шли к ней, вдруг начинают причитать по поводу крови?

На мой взгляд, бонапартисты предпочтительнее (в качестве открытых противников) тем силам и лицам, которые, подведя ранее идейную базу под курс на такую диктатуру или развал страны, льют теперь крокодиловы слезы. То ли в раздражении, что не им выпало палить по своим ненавистным противникам (которых те-

перь удушают в объятиях), то ли в бешенстве оттого, что недостаточно быстро разваливается страна, что сохраняются какие-то потенциалы, что соблюдается хоть какая-то, пусть предельно неэффективная, но все же логика исторического движения. Если команда Бурбулиса в открытую заявляет о буржуазной прозападной диктатуре как своей цели и применяет адекватные этой цели политические технологии, то чего хотят негодующие на них отцы и учителя бурбулисов, юшенковых, костиковых и полтораниных? В чем их цели? В чем их модели развития? Интересы каких классов и групп они отражают и на кого опираются?

Сами боссы молчат об этом и включают лишь информационно-интерпретационный оператор (ИИО), создавая систему неприемлемых образов, то есть паразитируя на пролитой крови, вампиризируя политический процесс. Но что об этом думает оппозиция? Какова ее роль? В каком направлении работает неизмеримо меньший, но все-таки существующий механизм интерпретаций, находящийся в руках самой оппозиции?

Внимательный анализ показывает, что он работает в том же направлении, что и его «большой брат». Что он просто подключен к этому «брату» и стал не более чем его подголоском. Политическая борьба не замыкается в нулевом цикле — между народным недовольством, собиранием энергии, политическим действием и интерпретацией этого действия в интересах управления процессом. Энергия рассеивается, энергетические ловушки носят деструктивный или провокационный характер, политические действия двусмысленны и смещены по отношению к целям, которые в свою очередь не выявляются. Все это черты колониальной политики. У нас формируется оппозиция колониального типа, и главная ее характеристическая черта — это резко преувеличенная роль интерпретационных схем, ориентированных на Запад. Впечатление такое, что идет борьба не за право идти своим курсом, а за право быть надсмотрщиком по отношению к своему населению.

Отсюда — следующий процесс. Стратегия силового ответа радостно («наконец-то Борис подставился!») вносится в информационно-интерпретационный оператор, частично по системе обратной связи передается населению, увеличивая народное недовольство НН в пока не проявленных, скрытых («латентных») формах, но, главным образом (я настаиваю на этом!), она транслируется по различным каналам и в различные адреса для Запада и на

Запад, создавая систему ОНЗ, – неприемлемых для Запада образов чудовищного кошмара, творящегося на данной территории под руководством Ельцина.

Здесь я хочу быть правильно понят. Бойня в Белом доме – преступление, так же как и указ 1400, и виновные должны понести наказание. Но судьи-то кто? Побежавшие на выборы депутаты будущей Думы? Извините! Они лишились этого права своим политическим поведением. Они признали законность новых выборов фактом своего участия в них. Либералы-правозащитники? Красная Шапочка фонда Горбачева, напуганная серым волком зловещего ельцинизма? А кто это все творил? Кто лепил этого серого волка, кто его на своем самолете вез срочно в Петрозаводск, чтобы он мог быть выбран на XIX партийную конференцию? Что, уже забыли, как это было? Что, не знали, как выбирали на партийные форумы? Не понимали, что это не могло происходить иначе, как по велению Генсека партии? Что, не знали, в конце концов, и того, в чем был политический смысл октябрьского (1987 года) спектакля с участием Ельцина? А смысл был в том, чтобы создать себе радикальное второе «Я» в виде Бориса, затем напустить это «Я» на Егора и балансировать в центре, управляя тем и другим. Кстати, вопрос о Борисе Николаевиче Ельцине как креатуре Егора Кузьмича, недавно поднятый гениальным политическим актером XX века, тоже ведь далеко не случаен. И никто почему-то не отреагировал на эту «своевременную подачу». Мы обязаны со всей определенностью заявить: «Вы этого хотели, вы это делали, и вы же хотите теперь выступать в роли судей? Не выйдет! И если старая оппозиция на это согласна, то новая в нашем лице заявляет о том, что не примет такой игры».

Отрицая идею коллективной вины, не стремясь к мести (хотя бы потому, что месть – это удел политиков, не имеющих образа будущего), мы вместе с тем отрицаем идею умолчания, идею сговора за кулисами, идею циничных альянсов на непонятной основе. Да, 4 октября – это именно начало серии «подстав», серии подталкиваний к неадекватным силовым ответам (ССО) и прокручиваний этих ССО через систему интерпретационных операторов для создания системы неприемлемых образов. Это знакомое нам всем развертывание информационной войны против государственных лидеров в государственных средствах массовой информации, прежде всего электронных. Скажем прямо, хорошо известная технология. Эта узнаваемость

не может не настораживать любого мыслящего оппозиционного политика, умеющего отличать антиправительственность от антигосударственности. Увы, о необходимости такого отличия забыли иные из наших оппозиционных лидеров.

И еще больше должна была бы настораживать государственных-оппозиционеров адресованность системы образов только Западу, то есть попытка использовать Запад как инструмент борьбы за власть. Именно эта идея должна быть отвергнута оппозицией, изначально и стопроцентно. Пусть этим занимаются буковские и синявские, они прошли хорошую школу политического разврата, они умеют и любят звать иноземцев в свою страну, призывать к интервенции. Это их код, это их стратегия информационной войны. Пусть этим занимается истлевшая и переродившаяся номенклатура. Но не смеет соучаствовать в этом движение, предъявляющее себя в качестве патриотического. Это подло и это недалёковидно.

Я не призываю и никогда не призывал к закрытости, к огораживанию, к отсутствию контактов за рубежом. Вопрос не в том, нужно ли контактировать, в какой мере и с кем. Контакттировать нужно, предельно интенсивно и со всеми, но как и ради чего? В интересах государства и не теряя лица. В противном случае это уже не контакт, а **поза зависимости**. А такая поза зависимости неприемлема для тех, кто воюет за достойное будущее своей страны (чем в этом случае они отличаются от Козырева, кинувшегося подбирать платок, уроненный Бейкером, на одном из официальных приемов?). Она такая же, даже хуже, ибо претендует на схватывание и преобразование народных энергий.

Возвращаясь к оценке событий, происходивших между августом 1991 и октябрём 1993 года, я продолжаю настаивать на **двусмысленности** произошедшего. Реформа Гайдара (на которой я останавливался в своем анализе) должна была взорвать страну к марту—апрелю 1992 года. Цель ее была в этом, и только в этом. Этому помешал Верховный Совет и его лидер Хасбулатов, который тем самым спасал и себя (не надо лишней героизации), и Ельцина (на чем я настаиваю), и идею определенного типа реформ, в которую он верил всерьез, и общество, которое в тех условиях было обречено на мощный и многолетний процесс взаимных кровопусканий. Именно за это набросились тогда на Хасбулатова и парламент, и средства массовой информации. Именно тогда вожди де-

мократии (Хасбулатов и Руцкой) были превращены в исчадия ада. Именно тогда была впервые применена нацистская терминология («проклятый чеченец») и официализована хулиганская лексика по отношению к высшим должностным лицам страны.

Допустивший это президент, президент-марионетка, президент-кукла (если исходить из самого факта подобного допущения и судить хотя бы только по этому факту) обрекал себя на применение против него самого – в дальнейшем – сходных приемов. А в условиях системного кризиса ни одно государство, ни один режим не может выдержать давление такого информационно-интерпретационного оператора, с такими краевыми условиями или, точнее говоря, с отсутствием оных. Зачем все это было нужно? Цель была одна – не допустить стабилизации под эгидой парламента, не допустить легитимного, респектабельного диалога элит с различной ориентацией, что позволяла сделать только парламентская «площадка».

Такой диалог допускал в дальнейшем мирное развитие событий. Хасбулатову и Руцкому не простили, я в этом уверен, невыполнения ряда директивных команд по взрыванию ситуации, им не простили попытки выйти из режима марионеточности и стать самостоятельными субъектами политического процесса. Об этом говорит, например, весьма любопытная фраза из статьи Юрия Сенкевича, советника Хасбулатова. «Хасбулатов, – пишет он, отмываясь от мятежного спикера и своего давнего знакомого, – кажется, всерьез вообразил себя вторым человеком в государстве». А кем он, собственно, был, должны спросить мы господина Сенкевича? Кем был председатель Верховного Совета, глава представительной власти страны, глава съезда, высшего органа власти, согласно действующей конституции? Он не был, оказывается, если судить по проговорке автора, даже **вторым лицом**. Но тогда он был куклой, возомнившей о себе черт знает что и подвергнутой за это, именно за это (и только за это), надрывной истерической травле такого накала и с такими информационно-интерпретационными операторами, которые применяются только по отношению к своим, побывавшим в Канаде и принявшим присягу там, а потом (здесь можно использовать только уголовный жаргон) «вертухнувшимся», «закосившим».

А как иначе понять интонацию средств массовой информации летом 1992 года? Вчерашний кумир демократов – ни более ни менее, как «верный Хас, которому сказали фас», «пес Руслан», «пес коммунистического режима», «ползущий на берег злой чечен», «наркобан-

дит». И все это на определенной эмоциональной волне, в определенных информационных системах, с определенными связками и — с упаковкой в определенные «знаково-семантические ряды».

Теперь мы переходим к ключевому этапу в развитии событий. Предотвращение мартовско-апрельской эскалации и затяжные баталии в летне-осенний период привели к тому, что развал страны и ее весьма специфическая реинтеграция не состоялись. В ноябре 1992 года возник качественно новый геополитический расклад сил, который потребовал внесения серьезных корректив в изначальные планы. И только к марту 1993 года сформировалась новая стратегия подрыва единства двух ветвей власти, которая закончилась убийственным для них обеих референдумом.

Но и здесь задачу не удалось решить до конца, и были применены новые технологии. Резкое смещение вправо депутатской массы, определенный тип информационно-интерпретационных стратегий, применяемых оппозицией, ряд неадекватных действий, спровоцированных почти открыто теми, кто сегодня стремится изобразить парение над схваткой и изумление по поводу неожиданно пролитой крови, — все это вместе с двух сторон подрывало единство властного центра, ориентированного на поиск каких-то путей целостного движения усеченного, но все еще существующего государства. Поиск — в некоем поле собственных, пусть превратно понимаемых, но все же **исторических** смыслов. Политический клинч конца сентября 1993 года, Совет Федерации, стремящийся узурпировать функции обеих ветвей власти и столь же незаконный, как и указ 1400... Восстание Соколова на «съезде при свечах»⁷⁴, неудачная попытка определенных сил развязать узел за счет взрыва представительной власти и замены непокорного Хасбулатова более ведомой при всей кажущейся консервативности фигурой... Все это не получилось. Одноходовая комбинация с распадом России (взятой в тиски политического противостояния) за счет вклинивания «третьей силы» — не удалась. Времени было мало, и тогда... тогда расстрел, снятие легитимного центра, замарывание режима в крови и новая порция ИИО — теперь уже с травлей Ельцина, то есть, как я писал сразу после событий, **с нелинейным снятием его имиджа.**

⁷⁴ Имеется в виду попытка смещения Р.И.Хасбулатова председателем Совета Республики ВС РФ В.С.Соколовым на проводившемся 24 сентября 1993 г. в осажденном Белом доме (при отключенном электричестве) X съезде ВС РФ.

Теперь слепому видно, что я был прав и что моя модель цепных процессов, изложенная в данной статье, не есть пустая химера. Информационно-интерпретационные операторы вчерашних союзников Ельцина, надо признать, удачно схватившие его неадекватную стратегию силового ответа, с раскладыванием колючей проволоки и пальбой по Белому дому, с адресованными силовым структурам заявлениями по нацлимиту для президента России (подхваченными вчерашним другом и братом Рязановым с иезуитской провокационностью), с позированием в полковничьих «эполетах», — сумели транслировать на Запад систему неприемлемых образов. Можно учитывать это, вводить это в расчеты, коль скоро речь идет о реальной политике, но ликовать по этому поводу (понимая, что и зачем творится) и **подыгрывать** этому, теряя лицо, не смеет ни один человек и политик, именующий себя **государственником** и представителем патриотической оппозиции. Но продолжим.

Кто выступал вчера против Ельцина из авторитетных печатных западных органов? Две—три малозначимых газеты, не более. Кто выступает теперь? Все подряд — начиная с «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост» и кончая «Таймс», «Уолл-стрит джорнэл» и другими ключевыми изданиями. Все авторитеты советологии — Киссинджер, Голдман, Бжезинский, Стив Коэн, — звезды, влияющие на общественное мнение, типа Сьюзен Эйзенхауэр... Одним словом, ресурс ошибок и неадекватных шагов удалось подключить к информационно-интерпретационным операторам. Были подхвачены политические провалы, сделанные с определенной подачи и в определенном контексте, создана многоадресная серия неприемлемых образов. Через их внедрение с помощью оператора сдвига баланса общественного мнения, чувствительного к своим референтным структурам и фигурам, создана новая ситуация, в ходе которой давление западных групп на политиков, определяющих курс по отношению к России, — это уже реальность. Что дальше?

Риск политической ответственности, довлеющей над Клинтон и его окружением, крайне велик. Давление будет преобразовано в политические решения. Может быть, это произойдет уже сразу после парламентских выборов. А может быть — в конце зимы. Тут нужно считать ресурсы прочности, скорость накапливания давящих «грузов общественного мнения», «весомость» тех или иных групп и тех или иных экспертных суждений. Это сложный процесс со многими переменными, заданными с определенным, как говорят

математики, «доверительным интервалом». Мы не все здесь знаем, хотя и понимаем значение НАФТА, смысл тихоокеанских совещаний, смысл дискуссии о широте натовского блока (не расширять НАТО – интерес США, расширять – интерес объединенной Германии), смысл заявлений о НАФТА-2, простирающейся от Арктики до Антарктики, смысл американско-китайских переговоров, смысл и содержание новых режимов в Юго-Восточной Азии (Хокосава и его южнокорейский двойник). Мы понимаем соотношение рязановских «подстав» с рядом предложений, сделанных в ходе визита вице-президента США Гора, в том числе и относительно злосчастной библиотеки Шнеерсона. Мы понимаем, наконец, и то, почему визит Клинтона в Россию, возможно, произойдет с, так сказать, «перетеканием» в его же визит в КНР.

Здесь многое следует разобрать подробнее, но, увы, большинство оппозиционных политиков вообще не интересуется в геополитике ничем, кроме пресловутой конспирологии и сакральной географии. Это, кстати, тоже колониальный тип геополитических любопытств, в особенности при полном отрыве от прагматических реалий. Как говорится, «чем бы дитя ни тешилось, лишь бы»... проваливало одно направление реальной политики за другим. А то, что провал следует за провалом, достаточно очевидно.

Что касается демократов, то для них все просто: сказано Гором – сделано Козыревым. И никаких мыслей о будущем. Патриотизм и космополитизм Козырева всецело определяются указаниями из Вашингтона. Что тоже укладывается полностью в понятие колониальной внешней политики. Но где альтернативная политика оппозиции? Борьба проамериканской и прогерманской колониальных элит как содержание политического процесса? Наверное, выражу общее мнение, если скажу, адресуя к нашему прошлому (наполненному в том числе и спортивными достижениями): «Такой политический хоккей нам не нужен».

Будут ли иметь политические решения экономические последствия? Да, безусловно! Конечно, это произойдет не автоматически и не сразу. Слишком лакомый кусок, слишком велика прибыль. Но ведь и совокупный стратегический экономический интерес Запада тоже есть кому контролировать. И есть кому поставить на место зарвавшихся индивидуалов, даже если это индивидуалы уровня Аньелли или ключевые фигуры тройки германских банков («гросс-банков»). Делается это либо через политику, либо через

управляемое банкротство, либо через «зловредную мафию».

Пример: через политику Морихоро Хокосава ухитрился нанести удар не только по ЛДП⁷⁵, но и по поддерживавшим ее бизнесменам из стройкомплекса, как у нас принято говорить. Они сидят в тюрьме, эти блюстители внутренних целей и интересов. И будут сидеть. А кому хочется? Другие, разумеется, поразмыслят. Еще пример: борьба с коррупцией в Италии. Слепому видно, что не с коррупцией борются, а демонстрируют роль оператора, преобразующего политические решения через систему экономических рисков (оператор СЭР), в изменение экономической стратегии.

Так что речь идет – подчеркну еще раз – не о схоластических формулах, высосанных из пальца, а о количественных реалиях большой политики. Здесь я не могу еще раз не обратить внимания на застарелый и непродуктивный интерес наших «старых элит» к проникновению с помощью экспорта капитала в производительные силы Европы. Наша олигархия была зациклена на этом многие годы. Она участвовала в разрушении СССР ради такого проникновения. В этом был смысл операции, именуемой перестройка. Пора признать, что она провалилась, и внести серьезные коррективы, ибо я подчеркиваю еще раз: **«РАЗБОРКА» ВНУТРЕННИХ ЭЛИТ В РОССИИ НЕПРОСТИТЕЛЬНО И НЕПОЗВОЛИТЕЛЬНО ЗАТЯНУЛАСЬ.**

Кто не верит, пусть вчитается внимательно в заявление фон Амеронгена, отвечающего за приоритеты немецкой торговли. Там все написано прямым текстом. Не сегодня-завтра в Германии появится свой Хокосава. И тогда отвечать за провал стратегически крупного проекта кое-кому придется в буквальном смысле этого слова по самому высшему счету и отнюдь не в потустороннем мире, а здесь, на нашей грешной земле.

Мы имеем дело с оператором открытой экономики. В этой стратегии наших элит, лишь отражаемая пресловутой **гайдарономикой**. Пока этот вектор не будет изменен – разумеется, без перехода к изоляционизму, но с точным пониманием необходимых пропорций и объемов государственного экономического ресурса, направляемого в стратегические программы развития на конкурентной основе (а этот ресурс как минимум в сто пятьдесят миллиардов долларов, которые необходимы уже сейчас, и вовсе не для их про-

⁷⁵ М.Хокосава – в 1993–1994 гг. премьер-министр Японии. Боролся с влиянием Либерально-демократической партии (ЛДП).

едания), — **ничего не изменится**. Кто бы ни пришел к власти. Экономические решения Запада оператор открытой экономики преобразует и будет преобразовывать в ухудшение экономической ситуации. Отсюда один шаг до замыкания цикла.

Здесь крайне важно не забывать о природе оператора социально-экономического дискомфорта (СЭД). Я уже говорил вначале о том, что население в определенных условиях готово терпеть значительные лишения. Но нынешний курс лишает такое терпение осмысленности. Режим не сможет ответить, ради чего терпеть. А элитные группы не захотят разделить издержки со своим населением. Грабеж будет продолжаться. Ухудшение будет нарастать на фоне наглой роскоши меньшинства. Именно это преобразует ухудшение экономической ситуации через оператор социально-экономического дискомфорта во все большее народное недовольство.

Завершая аналитический обзор, я перехожу к самому главному. Народное недовольство само по себе способно только запрограммировать ситуацию в направлении всеобщей смуты и гибели. Здесь все зависит от операторов собирания энергии и преобразователей собранной энергии в продуктивное действие. На дне катастрофы в час народного возмущения что мы будем иметь? Смуту и гибель при опережении недовольством действия? К этому нас и подталкивают с разных сторон. Или — **смену политической парадигмы** при опережении действием недовольства? Но без излишнего забегания вперед! От этого зависит все. Человек, сказавший в 1917 году «есть такая партия», **хоть как-то сдержал слово**. Сейчас об этом кричат все, но сдержит ли слово хоть кто-то? И в чем она, эта новая политическая парадигма, та, которая сменит оголтелый неокOLONиализм, выдающий себя за модернизацию?

БЛОК III. О ВЫЯВЛЕННЫХ БОЛЕЗНЯХ НАШЕГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ ЛЕЧЕНИЯ: «КТО МЫ И ЧЕМ МОЖЕМ СТАТЬ»

В своем пророческом бреду шекспировская Офелия говорит: «Господи, мы знаем, кто мы такие, но не знаем, чем можем стать». В этом знании и в этом незнании — боль, отчаяние, надежда оппозиционного движения. Эту боль, это отчаяние и эту надежду

нельзя сводить только к системе уравнений, и я прекрасно понимаю это, предлагая не один доклад, а серию докладов в различных жанрах, именуемую «Уроками октября». Я не отделяю себя от оппозиции и не пытаюсь встать над схваткой. Но я понимаю, что только дав беспощадные ответы на вопрос «Кто мы такие?», мы можем чем-нибудь стать. Главная задача наших оппонентов, как я уже подчеркивал, не дать ни воскреснуть, ни умереть — и, может быть, для того и не дать пока (я подчеркиваю, именно пока) умереть, чтобы не было шансов воскреснуть. Либо сейчас смерть и потом воскресение — либо смерть завтра, но без воскресения потом. Да, именно смерть будет потом, если продолжится сегодня оппозиционный сон разума. Но тогда **та смерть** — вместе с отчаянием и неверием — будет уже смертью без воскресения, навсегда. Тогда про нас скажут словами Данте: «Их память на земле невозкресима; От них и суд, и милость отошли. Они не стоят слов: взгляни — и мимо!» Чтобы избежать этого в будущем, надо в настоящем быть беспощадными к себе. Такая беспощадная требовательность любви свойственна всем движениям, имеющим волю к жизни, волю к победе, и я адресуюсь только к тем, кто обладает подобной волей. Мало умения анализировать ситуацию и раскладывать ее по полочкам. Нужно и умение пережить ее целостно на уровне чувств. Третий блок данной работы обращен к этому политическому чувству и выдержан в соответствующем жанре.

Алгеброй, конечно, гармонию поверить нельзя. И политика не сводится к числам. Хотя и без них она невозможна. Но можно и должно предъявить еще и политико-этический, политико-эстетический и даже политико-религиозный счет к произошедшему. И это не будет уходом от реальности, напротив. Трагедия оппозиционного движения в том, что у него, этого творения проигравшей номенклатуры, нет своего антропоса, своей модели человека, своего четко выявленного, политико-культурологического, идеального измерения. А нет ничего более прагматичного, нежели взращивание, выращивание, продуманное культивирование, а иногда и, не побоюсь этого слова, строительство этого высшего смыслового блока в механизме (или в структуре), ведущем многоуровневую политическую борьбу за право сохранения и укрепления, развития и выявления исторических и метаисторических констант своей цивилизации, своего народа, своей культуры. Этот высший (по видимости непрагматический) блок обладает огромной и именно практической значимостью!

И не надо ссылаться на политический здравый смысл, противопоставляя его высоким измерениям, в деле борьбы за спасение страны и народа. Не будет высоких измерений — все превратится в мышиную возню, в грязь, в зловонную клоаку тупого и самодовольного политиканства. Внутри этой клоаки есть свои правила игры, освоить которые, даже при всем желании, гордящиеся своим прагматизмом оппозиционные деятели не смогут десятилетиями. Втащив их в это пространство, их либо уничтожат, либо превратят в безропотных «шестерок» чужой игры.

Это прекрасно понимают наши противники. Поэтому, всмотревшись в числа и пережив их в предшествующем блоке, давайте на простом, понятном любому языке чувства и разума предьявим счет к произошедшему, начиная, как это и подобает не потерявшим мужество людям, не с других, а с себя.

Чего же все-таки мы хотим?

События последних месяцев предполагают все большую требовательность оппозиции к самой себе. Вопрос: «Чего вы хотите?» встает все с большей остротой наравне с вопросом: «Что же вы можете?» Есть и третий вопрос: «Кто вы?»

Вопрос первый. Чингис-ханы — или ДмитриИ Пожарские?

В оппозиционной печати началось, теперь уже поставленное на конвейер, размывание национального самосознания. Если в газете «День» некий Федотов говорит о пришествии с Востока Минина и Пожарского, а затем монтирует в один ряд с ними фон Унгерна и Чингис-хана, то дело не в экзотичности таких отождествлений, а в том, что они объективно ломают сознание читающего. Стало быть, «День»... то бишь «Завтра», действует в социокультурной парадигме, абсолютно неотличимой от той, в которой действовали демократические печатные органы в первые годы так называемой «перестройки». Речь вновь идет о ломке стереотипов и архетипов массового сознания, т.е. о «сбросах», сшибках и социокультурных мутациях, осуществляемых с иной, благой, с точки зрения авторов, целью, но создающих ту же пустоту, тот же смысловой вакуум. Склейка фон Унгерна, Чингис-хана и Минина с Пожарским — это социокультурный вирус, который внедряется внутрь духовного, морального ядра народа, достигая успеха, поскольку этот вирус маскируется под дружественное тело, под нормальный геном. Такая маскировка — закон вирусологии и за-

кон психологической войны с использованием социокультурного моделирования. Одно из двух: либо «Завтра» этого не понимает, либо речь идет о крайне опасных тенденциях в оппозиционной печати, о которых в очередной раз наши патриотические бонзы будут помалкивать то ли из привычки к клановому невынесению сора из избы, то ли из каких-то других соображений.

Право, очень похоже, что оппозиция предает свой народ, втягивает внутрь народного тела смертельные яды и преуспевает в этом делании даже больше, чем пресловутые открытые ельцинисты. Ведь те отторгаются всеми нами с порога. А здесь наживка — по наивности и доверчивости — заглывается вместе с моральными популистско-патриотическими воззваниями.

Вопрос второй. Непримируемые «подпольщики» — или консенсусные политики?

Целые и невредимые лидеры оппозиции осуждают своих противников в подконтрольных электронных средствах массовой информации. Это делается в стиле: «Здравствуйте, я говорю из подполья!» Оппозиционные литераторы выступают по ельцинскому диктаторскому ТВ с обличительными речами, напоминающими романтику эпохи гражданской войны. Помните у Багрицкого: «В нас стреляли — И не дострелили; Били нас — И не могли добить! Эти дни, Пройденные навывлет...»?

Даже не осознается вся двусмысленность подобной патетики, если оценить ее в единстве места, времени и обстоятельств.

Вопрос третий. Государственники — или союзники Запада в деле разрушения России?

Да, не имея точки опоры, социальной базы, программы, оппозиция оказывается беспринципно всеядной и готовой дружить с кем угодно, лишь бы против Бориса Николаевича.

На этот раз (как мы уже показали) союз заключен с либералами, регионалистами, «друзьями народов СССР», врагами русского шовинизма. И этот союз заключен на поле того из союзников, который хорошо знает, что такое своя и чужая территория, свои и чужие «коды». Правозащитники заставили патриотов взять не свои слова и прибегнуть к Западу как к союзнику против «российского держиморды». А это значит, что патриотов уже нет, а есть лишь шестеренки либерально-правозащитной дробительной машины, которая работала и работает на уничтожение российской государственности.

В этом случае «патриоты» — это таран в руках либерально-западнической элиты, это разменная карта в чужой, антипатриотической игре. Подобная перспектива обретает еще большую очевидность, когда начинаешь анализировать еще одну черту нового патриотического сознания.

Вопрос четвертый. Сионисты — или антисемиты?

После расстрела Белого Дома все разговоры об антinationальной политике правительства Ельцина, все недовольство перенасыщенностью эфира лицами еврейской национальности, брезгливо осуждающими все русское, взорвались и перешли в новое качество. Я говорю не об антисемитизме, а о психическом резонансе яростного возмущения бойней, вызванном слишком явным одобрением ее теми, кто еще вчера рыдал по поводу «слезы младенца». Теперь выяснилось, что есть кровь и кровь, слезы и слезы. Это не может не возмущать, и я это возмущение и понимаю, и разделяю. Но вновь и вновь задаюсь вопросом о том, кто аккумулирует это возмущение, во что оно будет преобразовано? И здесь я не могу не зафиксировать ряд странных феноменов, рожденных в лоне оппозиционного движения.

Первое. Параллельно с лозунгом десионизации, как новую Библию, зачитывают высказывания Бжезинского, Вейсмана и взахлеб цитируют НГ и «Московские новости».

Второе. В либеральной прессе и СМИ, как по команде, снята истерика по части коммунофашизма, пропускаются мимо ушей все сентенции о «проклятых жидах».

Третье. С родины президента Клинтона, из США, точнее — прямо из Ричмонда, рассылается журнальчик «Слава», побивший все рекорды антисемитизма, реанимирующий тему «кровавой мацы, замешанной на крови русских младенцев», агитирующий за убийство «жида-Ельцина», — и все это бесплатно, с рассылкой по адресам. И пусть бы в русском издании кто-нибудь призвал пустить пулю в лоб Клинтона! Уверяю вас, протестов было бы предостаточно. А тут — никаких протестов со стороны козыревского МИДа, которому известно об этом издании. Можно сказать, что МИД не должен вмешиваться в деятельность частных зарубежных изданий. Но тогда уже тем более не должна противоположная сторона так остро реагировать на десятипроцентный по отношению к «Славе» накал этой темы в наших, кстати сказать, тоже вполне частных изданиях. Казалось бы, или — или! Но ведь происходит

отчетливо двойная игра. Так что, не ясно, о чем идет речь?! Нет, не ясно! Не ясно даже после баркашевско-дугинских провокаций, изрядно послуживших октябрьскому поражению. Которое, кстати, не осмысливается, а бездарно, трескуче героизируется.

Вопрос пятый. Революционеры – или толстовцы?

В Белом доме были герои. Но не те, кого снова возводят на пьедестал. Рядовые офицеры, комсомольцы Украины, просто люди чести дали отпор спецназу МВД, боксерам и ОМОНу и – легли с честью на поле брани. Честь им и хвала. И если среди них были и баркашовцы, то честь и хвала также и им, несмотря на провокаторскую роль профашистских дирижеров патриотического движения.

Но почему так бездарно было все? И была ли бездарность случайной? Почему сам бой был так похож на бойню? Где оборона Белого дома? Где серьезное оружие защитников Белого дома, например, гранатометы и стингеры? Стоит ли гордиться тем, что их не было? Что «стингером» якобы звали помощника Хасбулатова? И что это был единственный стингер? Не лучше ли было позаботиться об устойчивости, надежности и адекватной технической оснащенности Департамента охраны Белого дома, с тем, чтобы исключить спекуляции на теме о незаконном ношении оружия и иметь необходимый контрсиловой потенциал на случай защиты от антиконституционных действий исполнительной власти? Если этого не удалось сделать, то надо решать, каким путем идти: давать силовой отпор, призывая на свою защиту и эффективно защищаясь, а не странным образом нападая, – или мирно повиноваться силовому беспределу со стороны исполнительной власти. Но одно из двух. Нельзя смешивать варианты, изобретать гибриды и нарушать чистоту жанра. Цельность и последовательность человеческого поведения крайне важна, коль скоро противники ельцинского режима рассчитывают на поддержку народных масс. Нельзя клясться, что умрешь с оружием в руках, и одновременно демонстрировать смазанный автомат⁷⁶. Нельзя, готовясь к смертельной борьбе («народной, священной войне с оккупационным режимом»), одновременно проявлять полное безразличие к организации обороны Белого дома и вообще к практическим реалиям

⁷⁶ Некоторые «защитники» Дома Советов, когда их выводили из здания, в доказательство своей непричастности к сопротивлению штурму предъявляли автоматы заводской смазки (т.е. никогда не стрелявшие).

народной войны. Нельзя одновременно и в зависимости от того, проигрываешь ты или твой противник, призывать то к войне, то к миру. Массы этого не простят. Этого не поймут и не примут действительно готовые бороться до конца люди – самый важный ресурс любого серьезного политического движения. Провозгласив войну и имея на нее право, надо было бороться до конца и переламывать ситуацию. И наконец, говорю уже не как политик, а просто как офицер запаса мотострелковых войск (военно-учетная специальность 001) – десять–пятнадцать станковых противотанковых гранатометов СПГ-9 могли бы резко изменить ситуацию еще 4 октября. То, что их не было, – это что? Результат бездарности, провокация, безответственность слов о смерти с оружием в руках, за которыми ничего не было? Но где же стыд за слова?

Вопрос шестой. Профессиональные военные – или «годные к нестроевой»?

С. Кара-Мурза пишет, что в ночь с 3 на 4 октября люди пришли к Белому дому умирать. Что сам он-де струсил и ушел. И ему стыдно за это.

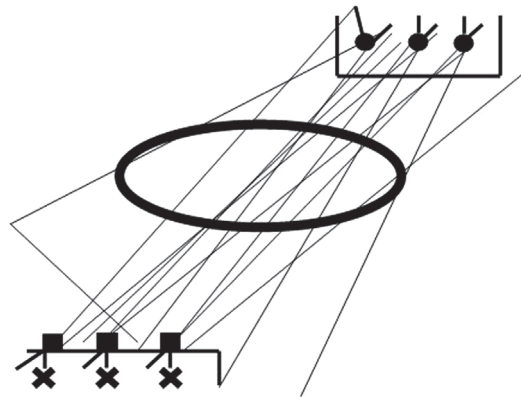
Впервые не могу согласиться с уважаемым мною Сергеем Георгиевичем. Безоружная толпа в ночь перед атакой – зачем она? И зачем стоять под прицелами М-16 в виде мишени?

Согласно предлагаемой ниже примерной (!) – очень хотелось бы помощи в ее уточнении – схеме (рис. 16) получается, что стоявшие у баррикад безоружные люди оказались под кинжальным огнем с двух сторон. Значит, защитники должны были дать отбой, не вести огонь по наступающим БТРах Боксера и тем самым резко понизить свою боевую мощь? Или же открыть огонь на поражение по своим, стреляя им в спину?

Первый шаг любого военного – убрать толпу из сектора огня, даже с применением силы и грубости, вплоть до очередей над головой своих, с тем, чтобы они не мешали. В самом деле, кого мы готовим – борющийся народ или самоубийц, пушечное мясо? При ответе на этот вопрос не надо вставать в позу оскорбленной невинности. Никто никого не хочет оскорблять. Но нужен, как у профессионалов, самый нелюбимый «разбор полетов».

Вопрос седьмой. Реставраторы – или люди с идеей будущего?

России мешают как возродиться, так и умереть. Ее держат, и держат сознательно, в полумертвом состоянии, в состоянии

- ✕ — пункты обороны Белого Дома
- — огневые точки обороны Белого Дома
- ↙ ↘ — сектора обстрела из оборонных пунктов Белого Дома
- — толпа безоружных, готовая умирать
- — огневые точки правительственных войск
- ▽ — сектора обстрела правительственных войск

Рис. 16

идеологического, политического, организационного хаоса. Опора на старое сознание, старые навыки, старый тип пропаганды, старые организационные модели... Опора на проигравших. Их вводят в игру раз за разом. В «Московской правде» напечатана статья о роли Филиппа Денисовича Бобкова (сокращенно, по странной аналогии с Рузвельтом, называемого в определенных кругах ФДБ). Не знаю, так ли это (я не имею чести быть знакомым с Филиппом Денисовичем), но если это так, то есть во всем происходящем элементы пресловутого спецмероприятия, сочетающего прямое управление с т.н. «управлением по мотивациям». Сравним Вильнюс 1991 года с Москвой 1993 года. Те же люди (Ачалов и ФДБ), те же «фронты спасения», те же приемчики вроде совещания по русофобии, те же дефектные, дырявые схемы «боевых действий», вплоть до штурма ТВ, рубильник от которого (открою всем известный секрет) находится в 5 км от телецентра. Да, в 5 км, и если бы нужна была диктатура Ельцина, то нападающим дали бы ворваться, надеть глупостей и после этого погрузили бы их во тьму. Но

это было не нужно. Ибо **и Ельцин приговорен. Как приговорено все наше Отечество**, превращаемое в свалку старья — политического, технологического, идейного и т.п.

Но я вопреки всему сохраняю веру в то, что новые силы выйдут из небытия во имя спасения и Родины, и человечества.

И делать все они будут иначе. Жестко, продуманно, без патетики. С чем они выйдут? Ответ на этот вопрос я искал после октябрьских событий, проводя дискуссии с очень разными политическими силами в разных условиях и с разными результатами. Тем не менее, два доклада я предлагаю читателю в рамках одного, следующего, четвертого блока, который посвящен вопросам политической теории.

Не может и не должно быть ставки на старое. Не может выигрывать то, что проиграло и даже не извлекает уроков из поражения. Не может выигрывать сентиментально-лживая позиция в отношении к проигранному сражению. Нельзя вернуться в прошлое и из этого прошлого переиграть проигранные бои. Можно умиляться принципиальности иных героев реванша, их упорству, но это дело поэтов, а не политиков. У нас, думающих о политическом будущем России, позиция должна быть другой. В политическом процессе если и есть место для проигравших, то только для тех, кто способен политически умереть и воскреснуть иным. Остальные — по ту сторону политического процесса. Это политические мертвецы, политики-призраки, и если даже (боюсь подумать об этом) их на какое-то время — конечно, в чужих целях, безусловно, на погибель страны — вернут на сцену, то это будет сделано лишь для того, чтобы они еще раз проиграли, даже в самой беспроблемной ситуации.

Повторяю, повторяю еще и еще раз! То, что происходит, это даже не миттельшпиль. Времени мало. Но едва ль еще не меньше понимания, что старое обречено.

Оппозиция — беспомощная,
оппозиция — без видения нового,
оппозиция — тянущая назад,
оппозиция — как игрушка чужих сил,
оппозиция — дискредитирующая,
оппозиция — как жупел и как фермент гниения, —
прочь с дороги!

БЛОК IV. В ЧЕМ ГЛОБАЛЬНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА МОДЕРНИЗАЦИИ, ПРЕДЛАГАЕМОЙ МИРУ ЗАПАДОМ? И ЕСТЬ ЛИ ОНА?

Два доклада, посвященные этой теме, готовились мною после октябрьских событий в очень разных политических ситуациях. Первый доклад «Антиамериканизм или новая парадигма» был прочитан на конференции в Афинах, куда меня пригласили якобы от лица Европарламента. Вместе со своими коллегами весьма умеренной ориентации (Румянцев, Липицкий, Полосин и другие) я неожиданно для себя оказался в очень радикально настроенном зале Афинского университета, на конференции левых сил, посвященной борьбе с «новым мировым порядком». Странным образом в число левых сил вошли исламские фундаменталисты и представители режима Саддама Хусейна. Впрочем, парадоксальные альянсы весьма типичны для конференций, на которых современные троцкистские круги (как на уровне своих патриархов, так и на уровне молодой генерации) ставят комплексные социокультурные эксперименты. Очень впечатлило меня и участие в этом эксперименте одного из бывших лидеров КПСС Е.К.Лигачева, пользующегося, как я убедился, невероятно высоким авторитетом в кругах «четвертого интернационала». Конференция была крайне интересной при всем ее эксцентризме, и я очень благодарен пригласившим меня представителям левого движения. Вместе с тем, приехав в Афины 7 ноября и будучи еще под глубоким впечатлением октябрьских событий, я сделал для себя ряд открытий, которыми должен поделиться с читателями. Вкратце дело в том, что пресловутый ФНС (Фронт национального спасения), строившийся по принципу «анти-» и собравший политические силы с весьма разной и зачастую противоположной ориентацией, — это этап в системе глобального социокультурного моделирования с вывариванием в его недрах некоей странной идеологии, которая в дальнейшем превращает всякое осмысленное сопротивление в двусмысленный и бесперспективный бунт против «государств-гигантов» (США) или «транснационального сговора». Борьба, таким образом, ведется с суперсилами, против которых и бороться в общем-то нельзя, а можно лишь именно бунтовать, зная заранее, что этот бунт обречен. Одновременно — бунт является

обоснованием для того самого «нового мирового порядка», против которого бунтуют, ибо бунтующие, вывариваясь в общем котле, предъявляют затем такую идеологию, которая тотчас требует общемирового спасителя от сторонников столь «угрожающего (партизанские ядерные войны, террор, священная оккультная война и т.д.) набора идей». И вот возникает вопрос: не является ли вываривание «всех до кучи» под одной крышкой в этом «антикотле» (российского или мирового масштаба) акцией глобального управления, того самого, против которого борются зачастую очень чистые, но не всегда до конца понимающие логику собственных действий лица и структуры? Возникает и такой вопрос: кто «вываривает»? А также вопрос о поведении мирового сообщества, допускающего и стимулирующего «вываривание с непредсказуемым результатом». Не ведет ли оно себя столь же самонадеянно и опрометчиво, как и российские имперские силы, когда они стимулировали революционный процесс и надеялись «оседлать» его? Если подобное стимулирование произойдет в глобальном масштабе, то результаты по своему качеству могут быть вполне сравнимы с победой Гитлера во Второй мировой войне, а с учетом ядерного оружия могут представлять даже и несравнимо большую опасность для человечества. Эти мысли побудили меня воспользоваться предложением хозяев конференции выступить с докладом. С текстом этого доклада я ознакомлю сейчас широкого читателя. Думаю, что он имеет значение для выявления тех разногласий, которые есть у нас, представителей новой оппозиции, считающих себя носителями альтернативной парадигмы мирового развития, с представителями оппозиции старой, упорствующей в эклектизме и содействующей созданию идеологии бунта. Обозначить эти разногласия крайне важно для будущего оппозиционного патриотического движения.

Антиамериканизм или новая парадигма

Доклад, прочитанный на прошедшей 7 ноября 1993 года в Афинах Международной конференции, посвященной проблеме «нового мирового порядка»

Уважаемые коллеги!

Моя профессия — политический анализ процессов в России и мире. Поэтому, понимая значение и роль эмоций, призывов, дек-

лараций как неотъемлемого компонента политики, я тем не менее позволю себе обратить ваше внимание на ряд содержательных моментов, не нашедших, увы, пока понимания на этой конференции. Для краткости я буду говорить тезисно.

Тезис первый. О содержании мирового процесса в течение последнего десятилетия

Здесь говорилось, что речь идет о становлении новой парадигмы Север—Юг и формировании адекватного этой парадигме дискриминационного «мирового порядка». Но это ли есть действительное содержание мирового процесса? Позволю себе заметить, что в этом случае все было бы не так плохо. Мир всегда делился и, по-видимому, будет делиться на лидеров и аутсайдеров.

Вопрос взаимоотношений между ними решается путем перераспределения части продуктов в пользу аутсайдера, который в противном случае тормозит движение всего человечества и, уж тем более, его лидирующей части. Проблема степени перераспределения всегда и при всех обстоятельствах является крайне острой, предполагает различные формы политической борьбы за недискриминационное, а точнее — минимально дискриминационное перераспределение. Такого рода борьба составляет, я бы сказал, политический код, некое политфилософское содержание понятия социал-демократизм — в его самом общем, теоретическом понимании.

В основе — признание реального расклада сил, факта лидерства и типа исторического движения. Подобно тому, как социал-демократизм прошлого принимал капиталистическую парадигму (то есть цели, смыслы, формы построения капиталистического общества), требуя при этом перераспределения произведенного продукта в более справедливых пропорциях (без всякого, я повторяю, оспаривания за капиталистами права на лидерство и, уж тем более, без постановки своих целей, без деклараций своей парадигмы), — нынешний социал-демократизм требует перераспределения продукта на глобальном уровне в пользу стран-аутсайдеров. И вновь не ставится проблема самого содержания исторического процесса, и вновь отсутствует оспаривание права на лидерство, и вновь не выдвигается альтернативная парадигма, и вновь не перестраивается некий порядок вещей.

Разумно ли это? Безусловно, до тех пор, пока речь идет о нормальном процессе движения стран и народов в нетурбулентном (!) потоке Истории. И здесь умеренная позиция, десятилетиями

отрабатываемая тактика компромиссов и диалогов всегда, как мне думается, будет более эффективной, нежели экстремизм, радикализм, с его патетикой, лозунгами и декларациями. Но содержание мирового процесса круто изменилось, и без констатации нового содержания, **состоящего в стремительном наращивании** именно турбулентности **исторического процесса**, всем бескомпромиссным силам лучше было бы умолкнуть и раствориться в том, что именуется себя «новым мышлением», то есть в идеологии и философии компромисса, паритета, **конца истории**.

Так что же, идет речь о теоретическом и идеологическом разрывании понятия **исторической турбулентности**, т.е. о констатации парадигмальных мутаций мирового процесса, или же «глобальная оппозиция» и дальше будет предаваться самонаркотизации, тоске по «делам давно минувших дней», как сказал великий русский поэт? Неужели и на глобальном уровне речь пойдет о **колловращении**, о ностальгии левых шестидесятников, «вспоминающих минувшие дни» и заявляющих «о порохе в пороховницах», не очень веря себе и своим заявлениям?

Мне не удалось здесь понять, о чем идет речь. Не скрою, что многое вызвало самые серьезные недоумения. Но об этом позже. А сейчас позвольте заявить о своей и моих товарищей по политической организации Клуб «Постперестройка» оценке общемирового процесса в его именно новом качестве, то есть расшифровать наше понимание турбулентности потока всемирной истории как принципиально новой характеристики общемирового процесса.

Мы считаем, что речь идет не о делении на Юг и Север, что, с нашей точки зрения, повторяю, было бы вполне нормальным явлением. Но речь идет, по нашему мнению, о переходе от стадии увеличивающегося отрыва Юга от Севера (в условиях ускоряющегося потока истории) к стадии **именно разрыва мира на две качественно отличающиеся части некогда единого человечества**, т.е. о бытии в условиях исторической турбулентности. Речь идет о попытке под видом «нового мирового порядка» реализовать **фундаментальный фашистский проект**, отвергнув в ходе его реализации не только демократическую риторику, но и (внимание!) **сами ценности двухтысячелетней христианской культуры (!) того же Запада**. Речь идет о попытке грандиозного сброса наработок двух последних тысячелетий. Сама техника сброса отрабатывается в России в ходе пресловутой борьбы с «коммунизмом и тоталитаризмом».

Сброс как духовно-политическое измерение процесса глобальной фашизации! Уверяю вас, что без вскрытия содержания этого понятия в его взаимосвязи с понятием исторической турбулентности бессмысленно говорить о какой бы то ни было борьбе, ибо непонятно, с кем, против кого и за что бороться.

Тезис второй. Об общемировом кризисе

Крайне важно далее установить, что сброс идет на фоне ряда общемировых процессов и параллельно этим процессам, которые требуют адекватного понимания. Я имею в виду обострение многих (связанных с этим сбросом!) проблем, энергетический и экологический кризисы, а также весь комплекс проблем, возникших при второй волне технологической революции, с переходом стран-лидеров (а в перспективе и всего человечества!) в новую постиндустриальную парадигму, предполагающую необходимость реальной планетарной интеграции, которая не выдумана какими-то зловещими силами, а продиктована реальным состоянием реального человечества.

Какие ответы на эти вопросы дают теоретики, концептуалисты, идеологи Юга? О чем идет речь? О теории мировой деревни и мирового города или о чем-то более адекватном современным реалиям? Я пока не понял этого из сказанного на конференции, где, увы, эмоциональные шумы преобладают над, так сказать, полезным сигналом.

Тезис третий. Об обострении противоречий на этом — я еще раз подчеркну, именно переходном — этапе между политическими субъектами внутри самого Севера

В чем содержание и смысл этих противоречий?

Для стран Юга крайне важно сохранить в этих условиях адекватное видение именно конкретных реальных геополитических процессов и с учетом ответственности момента не допустить мифологизации и, я бы сказал, крайней примитивизации реальных противоречий.

Анализ процессов разрушения СССР, основанный на наблюдении изнутри, мог бы оказать помощь в этом непростом деле. Перестройка, осуществлявшаяся в СССР и продолжающаяся в России, уже привела к духовной катастрофе (сбросу), к геополитической катастрофе (срыву в турбулентный тип исторического движения), к катастрофе геостратегической (фактическому сло-

му этно-конфессионального баланса в Евразии). Поэтому мы справедливо можем именовать ее технологией глобальной дестабилизации. Есть ли это результат успешных действий США, являвшихся геополитическим противником СССР? В определенной мере — да. Но я не стал бы преувеличивать значение этого фактора и вообще рискнул бы заявить, что он имел второстепенное значение. Понимая ответственность подобного заявления, я позволю себе краткую расшифровку данного тезиса.

Еще в начале перестройки мы стали замечать, что совершенно разные по политической ориентации внутренние (я подчеркиваю, именно внутренние!) элиты СССР и России, именно согласованно, отбросив, казалось бы, непреодолимые противоречия между собой, шли на сознательное ускорение процесса восточноевропейской деструкции и весьма специфической реинтеграции в духе, я бы сказал, пресловутой срединной Европы.

За это боролись наши политические лидеры с **диаметрально противоположными (!)** идеологическими ориентациями. Право же, здесь есть о чем поразмыслить! Уже тогда, в 1987–88 годах, а впрочем и ранее, стало ясно, что бросающийся в глаза всем конфликт США—СССР имеет и иное, почти невидимое, но крайне значимое геополитическое содержание и является не чем иным, как инструментом решения проблем так называемой «третьей силы», той силы, для которой США и СССР — это два ялтинских хищника. Много говорится о победе США над СССР. Но я не вижу этой победы. Мало того, я вижу совсем другое.

Господин Кристофер приезжает в СНГ и пытается решить всего лишь вопрос о ядерном оружии Украины и Казахстана. Что он получает? Фактически — решительный и однозначный отказ с весьма двусмысленным предложением привезти в республики, то бишь в суверенные государства, самого президента Клинтона. Мне известно, что приезд г-на Гора, а впоследствии и самого президента США в Россию тоже будет иметь несколько целей, связанных с демонтажем ядерных вооружений уже на нашей территории вкупе с вопросом о демонтаже нашего разведывательно-контрразведывательного сообщества и вопросом о скупке сырьесодержащих объектов в пределах нашей страны.

Ни один из этих вопросов решен не будет! Давайте примем во внимание далее и то обстоятельство, что после отъезда г-на Кристофера из стран СНГ лидер Китая Ден Сяо Пин объявляет о во-

зобновлении термоядерных испытаний. Следом за этим возобновляются испытания в Неваде, а это значит, что наносится мощный удар по всей политике Клинтона и тем более г-на Гора. Что, здесь тоже имеет место победа американского курса? Так зачем же мистифицировать себя и других криками о великих достижениях американского империализма? Где эти достижения? В чем они?

С другой стороны, мы видим процессы в Югославии. Мы знаем, что эти процессы вполне укладываются в понятие **срединной Европы**, мы помним, что аналогичные процессы уже имели место в истории и сопровождалась призывами к «расширению жизненного пространства», к «выходу к теплым морям», к «консервативной революции» и т.п.

Если США и американские аналитики видят в этом свою победу, то это более чем недальновидная позиция.

На эмблеме вашей конференции изображена петля с американским флагом, которая удерживает Земной шар, и глядящая на эту петлю масса людей, стоящая под Земным шаром. Развивая метафору и критикуя ее, могу сказать, что в петле шар удержать нельзя, что он обязательно выскользнет из петли, упав на человечество, стоящее внизу, и что в этой петле кого-то, видимо, хотят удавить, возможно, и хозяина флага. Что же, такое не раз бывало в истории.

Крах Потсдама и Ялты в Европе – это первый шаг к глобальной дестабилизации, сделанный еще во времена Горбачева. Подобный же крах на Дальнем Востоке – это второй шаг к данной дестабилизации. Он стал реальным после поездки Ельцина в Токио. В совокупности эти шаги суть последовательное движение по направлению к такому обострению противоречий, которое может быть разрешено только в ходе **глобального силового конфликта нового типа**, т.е. третьей мировой войны.

Тезис четвертый. Ялтинско-Потсдамские соглашения – это айсберг, на поверхности которого все то, что определяет видимые реальности послевоенного мира. Но на глубине – все механизмы общепланетарной стабилизации. Сломать их – это значит начать третью мировую войну

Оценивая текущую ситуацию, я и мои коллеги настаиваем на том, что угроза третьей мировой войны не уменьшилась с крахом СССР, как убеждают многие, а многократно увеличилась.

Это фундаментального значения явление 90-х годов XX века, слабо понимаемое Западом и абсолютно не входящее в поле зрения сил, представленных на данной конференции.

Еще в конце 80-х годов мы, представители определенной политической и аналитической школы в СССР, выдвинули идею геополитических волн. Вкратце речь идет о том, что дестабилизация в определенной точке пространства может иметь своей целью иной процесс, в иной точке. Речь идет о геополитических моделях, описывающих мировые процессы иначе, нежели модели г-на Бжезинского. С этой точки зрения дестабилизация в СССР имеет целью перестройку Европы по всем параметрам, и в векторе срединной Европы.

Для Греции, в которой мы сейчас находимся, это означает реализацию концепции «концентрической Европы» Делора, а значит, оттеснение «колыбели европейской цивилизации» на периферию европейского дома. Симптомом этого является дуга Болгария–Македония–Албания, которая и призвана обеспечить санитарный кордон на юге – подобно тому, как на западе роль такого кордона берет на себя пресловутая Балтийско-Черноморская федерация. Но и это есть лишь первая фаза процесса. Ибо, имея в ядре Европы Германию, а в качестве региональной сверхдержавы Юга (я цитирую определение ведущих политиков США) – многократно усилившуюся Турцию, Греция получит сразу двух противников, стремящихся раздавить ее хотя бы для того, чтобы прорваться друг к другу. Ничто не ново под луной. И мы имеем сейчас дело с установлением все той же оси Берлин–Багдад, которая когда-то привела к глобальным конфликтам. Сегодня эти конфликты будут только острее.

Что касается Балтийско-Черноморской федерации, то чем более плотно станут завязываться отношения между США и Россией, тем плотнее будет альянс Германия–Украина, а также альянс Казахстан–Китай и Центрально-Азиатский Союз (ЦАРС)–Турция. В обоих случаях Россия окажется между двух огней. А геополитическая стабильность Евразии будет подорвана отнюдь не в пользу пресловутого «американского империализма». Увы, все намного трагичнее и сложнее.

Тезис пятый. В этой связи меня беспокоит любая консолидация по принципу «против». В актерской среде, знакомой мне, как театральному режиссеру, не понаслышке, бытует такая поговорка: «Против кого мы будем теперь дружить?» Так вот – нельзя дружить против кого-то. Надо бороться за что-то. И здесь возникает вопрос – за что?

Этот вопрос требует не «перераспределительной», а «альтернативной» парадигмы для своего решения. Такой парадигмой были и остаются, как я считаю, коммунизм и социализм. Но эта парадигма требует не просто модернизации, а качественного изменения новых мировых реалий. В самом деле, какой класс возьмет на себя сейчас роль гуманистического лидера? Какой идеал будет противопоставлен западному, потребительскому? Какая стратегия должна быть избрана теми силами, которые не приемлют новых, именно неофашистских, тенденций, резко усилившихся после крушения СССР? Позволю себе ряд соображений по этому поводу.

Во-первых, компасом этих сил по-прежнему и при любых обстоятельствах должна быть борьба с фашизмом. **Антифашизм и еще раз антифашизм!** Всегда и при любых обстоятельствах. Это далеко не праздный вопрос, ибо там, где антиамериканизм подменяет собой антифашизм, там левое движение становится игрушкой в руках правых, а зачастую и ультраправых политических сил, что мы отчасти наблюдали в России в ходе октябрьских трагических событий.

Во-вторых, даже антифашизм — это еще не идея, это только лишь «анти-», а для нас никакое «анти-» не может и не должно являться политической парадигмой. Нам необходимо новое понимание красной идеи, отвечающее новым условиям развития человечества, новым мировым процессам. Да, мы должны признать интеграцию рабочего класса Запада, да и всего мира, в то, что можно назвать капиталистическими ценностями. Мы должны признать наличие нового типа отчуждения, делающего рабочего придатком уже не к машине, а к товару. Должны признать новые формы эксплуатации, с которыми эксплуатируемые примиряются с неизмеримо большей легкостью, нежели столетием ранее. Мы должны признать господство псевдокультурных моделей масс-медиа, разрушающих культурную идентичность. Мы должны признать феномен разрыва между играющей элитой Запада («хомо люденс») и потребляюще-производящим большинством граждан того же Запада, низведенных до роли жвачного быдла (так сказать, «хомо фабер»). Все это есть. Но за всеми этими явлениями надо видеть и уязвимые точки наших противников. **Капитализм удовлетворяет почти все человеческие потребности, кроме одной, собственно человеческой, — потребности в бессмертии.**

Именно эта потребность, будучи неудовлетворенной, взорвет так называемый западный образ жизни. Но лишь при фундамен-

тальных коррективах, осуществляемых левым движением. В чем содержание таких корректив?

Следует признать, что социализм не есть иной принцип распределения продуктов, а значит — отказаться от борьбы в рамках распределительной парадигмы, как не отвечающей новым фундаментальным мировым реалиям. Социализм — это иной принцип сочленения культуры и технологии.

Не культура подчиняется технологии, а технология — культуре. Вот в чем содержание подлинно социалистической новации. Отсюда вопрос о сращивании духовно-культурных сущностей с технологической парадигмой новой эпохи. То есть **вопрос об альтернативной парадигме исторического движения. И я позволю себе отождествить этот альтернативный гуманистический проект с новым социализмом и новым коммунизмом.** Без раскрытия этого нового качества красной идеи Юг окажется лишь в роли аутсайдера, требующего хотя бы крох от господского пирога Севера. А Юг может и должен претендовать в новых условиях на неизмеримо большее, на целеполагание, на субъектность. Настало время, когда воистину — **или все, или ничего. Когда воистину — или модернизация вкупе с капитуляцией, или новая альтернативная модель общечеловеческого развития.** Новый этап всеобщего кризиса исключает другие подходы, оказывающиеся абсолютно неэффективными.

В связи с этим целый ряд шумовых явлений беспокоит меня, ибо именно внутренние шумы процесса наиболее опасны для будущего движения.

Антикоммунизм ислама — это огромная опасность, выявившая себя в полной мере в Таджикистане. Но там же родился и альтернативный ислам народного типа как новое слово в конфессиональной политике. Как будет проходить его становление и не будет ли он удушен в зародыше руками все того же ислама, но в интересах, так сказать, «третьей силы»?

Эклектичность движения — это еще одна болезнь его, ибо без четких ориентиров варево различных движений, зачастую более далеких друг от друга по содержанию, нежели от того, с чем они борются, и объединенных лишь общей ненавистью, легко может стать черным, что, в свою очередь, будет использовано в чужих интересах. Это не резонерство, поверьте, это выстраданный опыт, ибо именно в таком вареве у нас в стране рождалось дефектное оппозиционное движение.

Мой главный вывод: философская, геополитическая, образовательная, научно-культурная субъектность Юга – вот главный вопрос текущего момента и ближайшего пятилетия. И только после решения этого вопроса можно будет говорить не о бунте, а о борьбе, не о сопротивлении, а о победе.

* * *

Следующий материал, предлагаемый для прочтения в этом же блоке, был адресован совершенно другой аудитории. Приняв предложение Н.Н.Моисеева об участии в дискуссии по глобальным проблемам на семинаре в Фонде Горбачева, я столкнулся с очевидным расколом позиций между участниками семинара, часть которых продолжает упорно исповедовать неизбежность капитализма эпохи первоначального накопления в России конца XX века, а часть корректирует позицию, стремясь к новому пониманию смысла советского периода нашей истории. Фанатическое капитализаторство, скрывающее стратегию капитуляции за набором наукообразных терминов, – в прошлом. И странно, может быть, лишь то, что молодые люди, достаточно осведомленные по части новых идей, в том числе и постиндустриальных, упорствуют в своем желании отстаивать заведомо проигрышную позицию. Что касается более зрелых участников, то не испытывая, в отличие от многих представителей патриотической оппозиции, мистического ужаса при произнесении названия «Фонд Горбачева», я, тем не менее, достаточно сдержанно отношусь к тому, что составляет смысловое ядро деятельности этой организации, безусловно, стремящейся завершить дело ее основателя по нашему вхождению в «мировую цивилизацию». Однако я сознаю и то, что данная организация на своих семинарах предлагает выступать людям с разной ориентацией и ведет, в отличие от патриотической оппозиции, напряженную мыследеятельностную работу, проводя мозговые штурмы, семинары и конференции на достаточно высоком интеллектуальном уровне.

Позиции многих участников данного семинара вызвали мое уважение, а доклад К.М.Кантора был, с моей точки зрения, одним из лучших теоретических концептов, излагавшихся за последние годы у нас в стране. Столь же интересно было и выступление В.М.Межуева. Этот уровень дискуссии поставил ребром вопрос о том, что может предложить оппозиция в ответ на модельные разработки, осуществляемые ее оппонентами.

Оппозиция сначала отмалчивалась, проклиная зловещий «Фонд», а теперь готова к непродуктивному альянсу с ним на его почве и при полном растворении в его идеологическом кредо.

Что касается меня и тех политических сил, которые группируются вокруг клуба «Постперестройка», то мы, не исповедуя ранее сакрального ужаса перед зловещим «Фондом», ныне не стремимся раствориться в его наработках. Но есть ли у патриотической оппозиции свое глобальное постиндустриальное кредо? И в чем оно? В предыдущем докладе были намечены позиции по этому вопросу. Но, выступая перед глобалистами, я был вынужден сказать больше, нежели перед прежней аудиторией. Это тоже не все. И вряд ли наступило время для представления всего пакета наработок в вопросе о постиндустриальных перспективах российской цивилизации. Тем не менее вехи должны быть обозначены уже сегодня, поскольку в противном случае может быть предъявлено справедливое обвинение в том, что российское патриотическое движение видит себя лишь в парадигме отгораживания от мирового процесса. Это обвинение — по адресу старой оппозиции. Пусть она и отвечает на него утвердительно или же предлагает нам Дугина в качестве борца с мондиализмом в духе внутрироссийского или международного бунтарского ФНС. Что касается новой оппозиции, то ей есть что сказать. Возможно, ее взгляды нуждаются в доработке. Но в качестве старта для дискуссии о глобальной альтернативной парадигме российского оппозиционного движения достаточен, как мне думается, предлагаемый читателям доклад, который тоже дается без искажений и добавлений. Здесь также, думаю, важно все — и мысль, и, так сказать, единство места, времени и обстоятельств.

Геоглобалистика и коммунизм

Выступление на семинаре Н.Н.Моисеева «Россия и XXI век»

Здесь высказана очень ценная мысль о том, что возникает единый планетарный интеллект. Но не упрощается ли модель его становления? Ведь интеллекты построены достаточно сложно. И их синтез — это задача «существенно нелинейная». Я поясню. Когнитивные системы содержат в себе собственно рецепторные операторы, то есть средства восприятия информации, потом — операторы первичной переработки этой информации, потом — буферные

фильтры, своего рода «сепараторы» и отстойники, и, наконец, то, что называется долговременным (и сверхдолговременным) хранилищем информации (ДВХ, СДВХ). То есть пространство формирования и хранения языковых и метаязыковых кодов, символов и «семантологом».

И что же мы понимаем под интеграцией планетарного интеллекта? Проще всего соединить рецепторные слои. Это фактически уже произошло! Ну еще чуть-чуть электроники, оптики, сверхбыстрых средств связи, еще немного усилий по совершенствованию систем приема и передачи информации, и мы соединимся, так сказать, на «**нулевом уровне**».

Дальше возникает проблема «**первого уровня**». Здесь встает вопрос о носителях, о системах первичной фиксации и обработки информации. Такие системы состыковываются с гораздо большим трудом, они существенно рассинхронизованы в разных культурно-цивилизационных типах.

Еще сильнее отличаются структуры «**второго уровня**», структуры буферные — координирующие, оценивающие, транслирующие, накапливающие и фильтрующие операторы. Быстро их ни за что не унифицируешь. Кстати, все системы «накопителей» и «фильтров» (равно как и системы «трансляторов» и т.п.) различны не только для отдельных наций или цивилизаций, а иногда и для гораздо менее мощных групп. Известны эксперименты, когда несколько групп, обладающих одними и теми же средствами сбора и обработки первичной информации, принципиально по-разному (качественно иначе!) воспринимают и интерпретируют информацию в связи с различием в системе «фильтров» и «накопителей».

И наконец, операторы «**третьего уровня**», формирующие и регулирующие процессы в «интеллоядрах», в долговременных хранилищах (ДВХ, СДВХ и т.д.). Унификация этих структур на «межцивилизационном» уровне почти невозможна. Или, по крайней мере, требует иного количества времени и иных «технологий».

Я предвижу, что при формировании планетарного интеллекта может начаться «вертикально прогрессирующая рассинхронизация». То есть верхние рецепторные слои легко состыкуются. Но уже на малых глубинах, уже при состыковке «носителей» будет иметь место пока что как бы слабая квазилинейная десинхронизация, а дальше... Дальше на больших, так сказать, глубинах начнется нелинейная десинхронизация, граничащая с прин-

ципиальной несовместимостью и рассогласованностью ментальных матриц и символических кодов, хранимых в ДВХ и СДВХ. Смыкание рецепторов на поверхности – при разрыве их на глубине – может привести к когнитивному коллапсу, то есть к процессу, прямо обратному тому, на который рассчитывают «интеграторы». Надо помнить, что **Богом быть – действительно страшно трудно.**

Я обращаю здесь внимание на то, что если мы не найдем способов построения переходников между ДВХ, то есть того, что я называю многомодальным человечеством, цивилизация погибнет. Потому что универсальное и унифицированное человечество невозможно, возможно лишь многомерное и многомодальное, но при этом единое. **Конечно же, оно должно быть единым.**

Ключевой вопрос: возможно ли создание многомодального человечества? И что в этом вопросе должно осуществляться путем конструирования (поскольку у нас мало времени), а что может быть включено из органики? Главное – не воспринимать человеческий интеллект как кубик, который можно составить с другим кубиком. Все гораздо сложнее. Еще раз повторяю: если интеллекты начнут «срачиваться» неравномерно, то это неизмеримо хуже, чем неверное срачивание при костном переломе. Ибо это грозит **асимметричной мутацией.**

И здесь встает вопрос об истинной природе глобального кризиса. Мы констатируем, что есть пределы роста, но не говорим главного – что речь идет **о пределах экстенсивного роста, о пределах линейного (!)** наращивания технологий при «почти блокировании» подлинных инноваций. Тот тип сциентической науки, или науки аристотелевского типа, который ответствен за этот кризис, исчерпал себя. Ибо этот тип знания связан только с линейным и экстенсивным наращиванием. В нем заложена линейность когнитивных операторов, линейные принципы гибридизаций и отборов и... И еще много чего! Исчерпал себя и тот способ переработки информации, и тот способ собирания знаний, и тот способ мышления. Пока не произойдут интеллектуальная и духовная революции – вместе и согласованно, – ничего не изменится.

В связи с этим я хочу сказать и о социализме, и о коммунизме, которые сегодня всем надоели, но скоро опять станут притягательными. Для людей моей школы (читавших Богданова **очень** внимательно) социализм, как я уже говорил, – это способ такой «со-

стыковки» культуры и технологии, при котором культура доминирует над технологией, а не технология над культурой. В этом смысле упрекать социализм в его немобильности по меньшей мере наивно.

Ибо вопрос шел о самом типе движения, а не о скорости. Да и чем измеряется скорость? Это ведь далеко не ньютоновская система, это гораздо более сложный процесс.

Если культура доминирует над технологией, то, конечно, технология начинает развиваться медленнее — в **«экстенсивных» метриках (!)**. Но что мы будем иметь на стыках фаз в этом случае, так сказать, между этапами? Ведь это принципиально важный вопрос! Отвечаю: мы будем иметь иную **гладкость** процесса. И ведь мы-то видим, что при социализме **какие-то знания** развивались гораздо медленнее (в том числе знания экстенсивные, связанные с темповыми линейными интеллонакопителями), а **какие-то знания** (интенсивные!) **развивались стремительно**. И система не мешала их развитию. Я имею в виду фундаментальную науку и... В общем, многое. Вот докладчик говорил в самом начале, что мы все-таки представляли одно из самых образованных обществ мира. Как это увязать с кажущимся окостенением и столь же кажущимся снятием разнообразия?

А вот в том-то весь вопрос и был, что попытка выстроить доминирование культуры над технологией, конечно, связана с ущербом для экстенсивных технологий, технологий, так сказать, **«группы Э»**. Но никто не сказал, что опыт этого замедления «Э-технологий» не будет еще и через 20–30 лет бесценным для всего человечества. Ибо, скорее всего, придется их тормозить где-то с 2050 по 2090 годы. И тут решаться все будет исходя из потенциала интенсивных технологий иного типа — назовем их **«И-технологиями»**.

Знаю, что ломаю стереотипы, говоря об «интенсивности» социализма, тогда как все кричат именно о его экстенсивности. Но я-то под интенсивностью понимаю, так сказать, «производство тонких вещей», или ноосферное производство, а не производство товаров. Товар всегда экстенсивен.

И наконец, последнее. После 2090 года — что делать? Ведь нельзя же просто затягивать агонию. Дальше что? В этом смысле социализм — это «всегда неустойчивая система». И социализм будет терпеть ускоряющиеся циклические кризисы, даже возникая

вновь (а в том, что он будет возникать, я уверен). До какого момента будет сохраняться такая квазиустойчивость (или квазинеустойчивость — не знаю, как это лучше назвать)? До того момента, пока не изменится сам тип научности, потому что нельзя по горизонтали устойчиво связать культуру и технологию с доминированием культуры. Можно только создать вертикальный вектор в обеих связываемых «системах» и дожидаться какого-то их срачивания на другом вертикальном уровне.

Иными словами, вновь возникает вопрос, могут ли войти ценности в науку и на каких основаниях? Возможен ли новый тип научности, связанный с этими ценностями? Возникнут ли на этой основе сверхтехнологии (S-технологии)? Возможно ли преодоление экологического кризиса иначе как через S-технологии? Вот где (и вот как) вновь **высвечивается** проблема коммунизма! Коммунизма как прорыва в новое **интеллосоциальное качество**. Коммунизма как попытки создания S-технологий. Поппер это прекрасно уловил! Задача состоит именно в создании нового типа научности, связанного с включением в науку ценностей. Но я, в отличие от Поппера, говорю о наличии этой проблемы не со знаком минус, а со знаком плюс. Ибо интенсивное развитие человечества невозможно без S-технологий, а их построение, в свою очередь, возможно только на фундаменте нового типа научности. Вопрос не в том, как регулировать потребление, а в том, как прорываться в новое качество. Где действительно возможен прорыв? Вот в чем вопрос! Где мы должны погасить скорость научно-технического развития (и — как?), а где — развить высокую скорость, но уже совсем в другом направлении? По крайней мере, коммунизм задавался этими вопросами. А никаких иных поисков, адекватных масштабу проблемы, я не вижу. Место коммунизма ничем не занято. Налицо дефицит макромоделей и, главное, макроидей. Поэтому сейчас (и особенно в той ситуации, в которой мы живем!) для людей интеллекта существует особое основание к тому, чтобы не сбрасывать со счетов все, связанное с коммунизмом. В противном случае мы постоянно будем отбрасывать единственно возможный путь решения нашей суперпроблемы и заниматься поиском чего-то очень-очень пристойного и респектабельного, но столь же бесплодного.

Когда мне тычут в нос тем, что Запад развивался и интенсивно, и быстро, я просто развожу руками. Как объяснить идеологам потреб-

ления, что интенсивное техноразвитие в парадигме комфорта — это и есть рафинированная экстенсивность, основанная на инфляции издержек? Плата за техноразвитие культурой, скорость, достигнутая за счет приспособления культурного ядра к технологическим потребностям, — это гиперинфляция, концентрированное выражение философии и идеологии «Э-технологий» и «Э-технологов».

Гонка вооружений и гонка комфорта одинаково «Э-технологичны». «Не на уровне!», «отстаем!», «проигрываем гонку!» Но не содержит ли в себе эта нескоростность шанс на другой тип движения, более удовлетворяющий граничным условиям новой эпохи?

Какой мерой измеряется скорость движения, то есть то, что определяет, проигрываем мы или не проигрываем, насколько проигрываем, отстаем или не отстаем, насколько отстаем и т.д.? Этот вопрос о мере совсем не так прост, как кажется. В математике существует понятие «метрики» — способа определения расстояния между двумя точками в пространстве с большим, а иногда и бесконечным количеством переменных.

Предположим, что мы имеем дело с пространством R_3 , то есть пространством, где метрика задается так, как в нашем обычном пространстве. Есть точка с одними координатами, есть точка с другими. Квадрат расстояния между точками — это сумма разностей между соответствующими координатами, возведенными в квадрат. Именно так мы определяем расстояние между двумя точками в пространстве из двух или трех переменных. Но так же можно определять метрику (то есть расстояние между точками или функциями) в пространстве любой размерности, вплоть до бесконечного. Итак, пусть метрика называется L_2 . И пусть расстояние между эффектом (функция Э) и издержками (функция И) определяется по принципу L_2 . В математике это расстояние (или разница между рассматриваемыми функциями) записывается так:

$$\| \text{Э} - \text{И} \|_{L_2}$$

Как обычно определяется оптимальность? Ищется, где именно разница между Э и И достигает максимума и говорится: «Вот это и есть оптимум!»

Чаще всего это так, но это не всегда так. Иногда увеличение эффекта не окупается соответствующим увеличением издержек. Иногда цена $C_э$ (весовой коэффициент эффекта) одна, а цена $C_и$ (весовой коэффициент издержек) — другая. Итак, возможна и такая формула оптимальности:

$$\max \| C_{\text{э}} \cdot \text{Э} - C_{\text{и}} \cdot \text{И} \|_{L_2} \rightarrow \text{opt}$$

А возможны и другие варианты. Когда достижение определенного уровня издержек, например, уровня $\text{И}_{\text{кр}}$, не окупается никакими эффектами. Тогда формула оптимальности – это максимум разницы между эффектом и издержками, вплоть до достижения издержками уровня $\text{И}_{\text{кр}}$:

$$\begin{cases} \max \| \text{Э} - \text{И} \|_{L_2} \rightarrow \text{opt} \\ \text{И} < \text{И}_{\text{кр}} \end{cases}$$

Мало ли еще вариантов? У вас работоспособность повышается с ростом температуры тела (пример, конечно, условный), но при повышении температуры тела выше 41 градуса наступает смерть. Или - у вас работоспособность повышается с ростом температуры тела, но с ростом температуры тела нелинейно нарастает риск тех или иных опасных заболеваний.

Приведу еще один пример, говорящий о разнице интенсивного и экстенсивного. Что лучше: одна крупная инновация с эффектом 100Э или 100 мелких инноваций, каждая из которых имеет эффект Э? Тут все зависит от многих обстоятельств. Например, от того, как ведут себя издержки. Если издержки – это культурная травма, связанная с инновацией как таковой и не зависящая от ее эффективности, то 100 мелких инноваций, дающие тот же эффект, что и одна крупная, дадут в 100 раз больше издержек. А если мелкие инновации не травмируют, а крупная травмирует, то 100 мелких инноваций не дадут рассматриваемых издержек вообще, а одна крупная даст.

Я лишь «размял» некую неочевидную проблематику для того, чтобы обычное, кажущееся очевидным, понимание оптимальности (а также скорости, отставания и всего прочего) было лишено ложно приписываемого ему статуса абсолютного и самоочевидного. Статуса оптимальности, не зависящей ни от чего на свете – ни от метрики, ни от критериев. Нет такой абсолютной и самоочевидной оптимальности для ученого. Для обывателя она есть, а для ученого ее нет. Оговорив это общее обстоятельство, я могу, с оглядкой на оное, обсуждать интересующую нас перестройку.

Перестройка, я согласен с этим, началась где-то... ну, по-настоящему в 1947 году. Она началась точным осознанием того, что, конечно, можно дойти до Бискайского залива, и даже очень просто, но вот «проклятые» ученые навывдумывали всяких «ядерных

гадостей», и теперь надо уживаться вдвоем под одной крышей. С этого момента началась отработка новых технологий строительства мировой власти. В общем, думали, думали... К 1956 году в целом «додумались»... потом «уточнилось кое-что» примерно к концу семидесятых годов. И выяснилось, что уж если проводить перестройку, то, конечно, путем резкого повышения нестабильности **на геополитическом уровне (!)**. И после этого – радикальное преобразование **всех Систем**.

Поэтому, в сущности, я думаю, что аппарат был не так глуп, не так прост, как говорил Никита Николаевич, что он не потерял управления процессами и сегодня имеет гораздо более масштабные цели в этом процессе, чем это может представляться на первый взгляд. Но это моя гипотеза.

БЛОК V. БУДУЩЕЕ РОССИИ

На недавнем аукционе «Сотби» с молотка продан иностранцам скафандр Гагарина. Политические партии, ведущие ожесточенную борьбу за место в парламенте, предназначенном к роли мальчика для битья, реагируют на это индифферентно. Такова же реакция и президента. Так же реагируют и «киты» бизнеса. Есть ли будущее у России? Это далеко не праздный вопрос. Особенно, если речь идет о неколониальном, нерабском будущем. Ответ не так прост, как это кажется, ибо уже сегодня ясно, что если будущее имеется, то оно не может быть связано с субъектами политического процесса, которые столь безразличны к тому, что составляет «идеальный ресурс» этого будущего, – к постиндустриальному потенциалу внутри российской, и прежде всего российско-советской, истории. Те силы, которые небезразличны к этому, находятся в процессе своего становления. Они и присутствуют, и отсутствуют, ибо они еще только **становятся**.

Тот слой, который готов поддержать этот вектор, сегодня еще достаточно тонок. Но, с моей точки зрения, действительная история вообще оперирует малыми величинами. Почти невидимые сегодня, эти силы, если у них хватит мужества для постоянной работы в условиях ежедневно усиливающегося отчаяния и неверия большинства, могут стать фактором политического процесса. Ключевой вопрос, опять же, в единстве места, времени и обстоятельств. «Уплотнение» места и времени вкупе с октябрьским кри-

зисом требуют предъявления нового качества в понимании возможных путей выхода из тупика. Шлифовка деталей, весьма значимая в такого рода проектах, напротив, требует определенной неспешности. Противоречивость требований не может быть снята. И игнорировать подобную противоречивость тоже нельзя. Что остается?

Как всегда в таких случаях – только одно. А именно: взять да и предъявить эту противоречивость обществу, не снимая и не скрывая ее. В парадигме классического текста такое предъявление недопустимо. Но постиндустриализм немислим без элемента постмодернизма. А тут уже другие законы. Следуя им, я помещаю в V-м блоке «Уроков октября» еще не прочитанный доклад наравне с уже прочитанными. Скорее всего, доклад все же состоится. А если нет, то есть определенный смысл в представлении его в письменном виде перед некоей аудиторией, которая реально существует даже в своем отсутствии. Как существует, например, наряду с электроном, и дырка в качестве физической реальности. Ощущение отсутствия – это уже присутствие. И в наличии этого ощущения, ощущения того, что в политике именуется «кризисом политического меню», – боль и надежда страны, ее итог и ее перспектива.

Итоги и перспективы

*Доклад, прочитанный на заседании клуба «Постперестройка»
20 декабря 1993 г.*

Вступление

Кому-то, может быть, покажется странным, что после столь бурных политических событий, закончившихся созданием нового органа представительной власти, я не стану подробно останавливаться на всем, что касается перспектив его дальнейшего участия в политической жизни страны. Но, как это следует из целого ряда моих публичных выступлений, я с самого начала не был склонен абсолютизировать значение новых органов политической власти в тех процессах, которые я прогнозирую на конец 1993 года и первую половину 1994 года как высоковероятные. Кажется, события последних дней и недель свидетельствуют о справедливости данной мною оценки роли новых органов представительной вла-

сти. Во многом ситуация будет развиваться в определенном направлении, независимо от того, как именно будет вести себя Дума и Совет Федерации. Иные факторы определяют стратегические характеристики политического процесса, и, говоря об этих факторах, а не о Думе и Совете Федерации, я тем самым выражаю свое отношение к тому, что происходит на поверхности политического процесса. Кому-то это может показаться снобизмом, но, уверен, будущее подтвердит правильность тех приоритетов, которые я выдвигаю в данном докладе.

Часть I. Россия, Постиндустриализм, Новый социализм

Три эти понятия, образуя единое целое, представляют собой ту триаду, в рамках которой будет решаться вопрос о власти в его стратегическом измерении. Для того, чтобы не быть голословным, мне придется совершить некий исторический экскурс.

Вначале – о делах давно минувших дней, имеющих для нас сегодня самое насущное значение. В зале много молодежи, которая воспринимает сталинский период в кодах «перестроечной публицистики». Но этот язык уже мертв, и молодежи придется учиться новому, более жесткому и прагматичному отношению к прошлому, что вовсе не исключает чувств негодования, сострадания и любви. И, однако, все более весомыми с каждым годом будут понятия сугубо профессиональные. Новой оппозиции придется учиться профессионализму, если она не хочет повторить судьбу своей предшественницы.

С учетом этого далеко не праздным оказывается вопрос о политической формуле сталинского общества. Термины «диктатура», «тоталитаризм», «сталинщина», «административно-командная система» – это термины-монстры из эпохи перестройки, столь же далекой от нас, как и эпоха, связанная с именем Сталина.

Они сыграли свою роль в оболванивании общества и подготовили вкупе со всей демократической фразеологией кровавые события 3–4 октября 1993 года.

Вместе с этими событиями они ушли из нашей жизни, как, впрочем, и хлесткие риторические обороты оппозиционеров из ФНС, резво побежавших на выборы и упокоившихся в высоких креслах народных избранников.

Все это, увы, не надолго, все это, увы, химерично. Беда уже стучится в наши двери, и предотвратить ее с помощью заклина-

ний вряд ли удастся. Парламентская риторика столь же эффективна в этом вопросе, как и якобы грозный рык исполнительной власти. Целей нет ни у тех, ни у других, структура власти не определяется ни теми, ни другими, реальность понимается чересчур однопланово и линейно, политические технологии, если можно так выразиться, одинаково убоги, и на всем, увы, лежит отпечаток перестроечного публицистизма.

На профессиональном языке базовая политическая формула сталинского общества – это блок коммунистов и беспартийных.

Такой блок реально существовал, он не был фикцией, как это кажется людям, не знакомым с реалиями той далекой эпохи. На самом деле движение вверх по социальной лестнице не определялось в те годы только принадлежностью к правящей партии. Беспартийными были многие ключевые фигуры того общества. Большая часть ученых не имела отношения к ВКП(б), а в ряде отраслей науки парткомы были просто запрещены и членство в партии считалось для крупного ученого чуть ли не недостатком. Беспартийными были в те годы все отцы атомного проекта: Курчатов, Харитон, Зельдович и Сахаров, что не мешало им быть трижды Героями Советского Союза и руководить в абсолютно единоличной манере огромными коллективами, распределяя по своей воле колоссальные инвестиции.

Какой ЦК мог вмешаться в их деятельность? Гениальность сталинских наркомов Ванникова и Славского состояла в том, что они тоже ни во что не вмешивались и лишь спрашивали, «чем можно помочь». Собственно, и сам руководитель атомного проекта с вызывающей тяжелое чувство фамилией Берия вел себя с учеными не как страшный начальник, а как один из соучастников в общем деле, находящийся, так сказать, на подхвате.

Все решали интересы дела. Все решала компетентность. И в этих условиях удалось достичь очень многого. В целом Сталин относился к партии достаточно специфическим образом и, зная в лицо и по именам всех ключевых наркомов и даже руководителей главков, относился гораздо более сдержанно к кадрам из партии.

Да, конечно, и тогда идеологический монополизм, идеологическая зашоренность, со временем перешедшая в идеологическую ущербность, приносили немалый вред стране и общему делу. В своей первой статье о механизме соскальзывания, датированной 1989 годом, а написанной еще двумя годами ранее и кочевавшей

из газеты в газету с неоднократным рассыпанием набора, я цитировал зловещую фразу Зиновьева, произнесенную им в апреле 1923 года на XII съезде РКП(б) и адресованную одному из моих любимых героев революции Леониду Красину. Фраза звучала так: «...Мы попросим некоторых наших товарищей, которые слишком часто суются к нам со словом «не компетентны», чтобы они забыли это слово». Я писал далее: «И — они забыли. История не должна повториться».

Увы, история повторилась, и, не поняв, почему это так произошло и что же все-таки произошло, мы не сможем двигаться дальше.

Критерии компетентности были сохранены и пронесены через сталинский период с невероятным трудом и с нередкими искажениями, и все же многого удалось добиться благодаря тому, что в каком-то пространстве значение компетентности удалось сохранить вопреки зиновьевским заклинаниям.

Войну выиграли профессионалы. И не партийная рьяность определяла их место в военной иерархии. Ректор МГУ Петровский не принадлежал к правящей партии, но играл важнейшую роль в построении нашей образовательной системы. Космос и авиация, фундаментальная и прикладная наука, ключевые области оборонного и технического строительства были затронуты порчей некомпетентности не столь сильно, сколь это можно было бы представить себе по описаниям наших перестроечных публицистов. Даже гонения в сфере кибернетики и генетики, хоть и являются образцом зиновьевщины, погубившей очень и очень многое, не так повлияли на торможение научного прогресса в этих областях, как пресловутая 6-я статья Конституции, выдуманная окружением Брежнева и приведшая к непродуктивной тотальной псевдопартизации общества. Кстати, давно бы следовало внести ясность в вопрос о том, кто же именно являлся творцом этой новой, закрепленной в 6-й статье, формулы о всеобъемлющей и руководящей роли КПСС.

Мы должны говорить правду, невзирая на имена, а эти имена не только и не столько из обоймы так называемого махрового брежневизма. Нет, и молодые «прогрессивные» кадры той эпохи, призванные позднее под знамена либеральной реформы М.С.Горбачева и сделавшие идеологию диссидентства последней действительной идеологией умерщвляемой КПСС, приложили в брежнев-

ские годы свою руку к тотальному «окапээсэсиванию» нашего общества.

Здесь нельзя обойти стороной имена Арбатова и Шахназарова, Булрацкого и... и даже Юрия Карякина. Время расставит точки над «і», и страна узнает, что кроется под термином «завидовцы» или «завидовская команда Леонида Ильича Брежнева».

Здесь важно не сводить счеты, а, сказав правду, понять, где и когда осуществился тотальный поворот нашего общества в сторону конституционно зафиксированного всевластия некой разлагающейся доктрины и загнивающей оргструктуры.

Тотальный поворот в эту сторону, безоглядная идеологизация, сведение партбилета к форме обязательного пропуска на всякую руководящую должность в любой сфере жизнедеятельности нашего общества произошли именно в эпоху брежневизма, на зрелой стадии оно и не без помощи либеральных экспертов, чья роль уже в ту эпоху была, мягко говоря, «многосмысленна».

Приход Горбачева после серии геронтократов был воспринят с ликованием очень и очень многими. Лично я, достаточно хорошо понимая всю сложность расклада сил в высшем эшелоне партийной номенклатуры, тем не менее весьма долго считал за благо приход молодого партийного лидера. Общество не могло дальше жить от одного старца до другого. Оно не могло и далее слышать задыхающееся предсмертное «Хорошо-о». Оно не могло и впредь находиться в тисках омертвелой и вызывающей отторжение идеологии. Оно не могло питаться рецептами тридцатилетней давности в сфере управления наукой и производством. Все мы понимали неоднозначность происходящего. Но понимали и то, что технологический паритет нашей страной теряется, что вслед за этим будет утерян и военный паритет, что вызревает новая, крайне опасная социальная структура криминалитета, предъявляющего претензии на реальную власть. В этом смысле и доклад Горбачева XXVII-му съезду партии, и уж тем более выступления Ельцина как на этом же съезде, так и на ныне уже забытой, но столь важной тогда научно-практической конференции (где лично я впервые столкнулся с новой политической фигурой, обладавшей, как тогда казалось, ясным пониманием остроты ситуации и близости края бездны) были огромными событиями для всех, кто ждал перемен.

Да, надежды были обмануты, мы соскользнули в бездну и продолжаем катиться в нее все с большей скоростью, но не будем пе-

ренимать стиль оценок наших противников из якобы демократического лагеря и говорить, что перестройка есть тотальное зло и наихудший вариант развития событий.

Я утверждал ранее и подчеркиваю в очередной раз, что наихудшим вариантом мог бы быть очередной беспомощный старец плюс завинчивание гаек, зажимание общества в жесткий политический панцирь устаревшей моноидеологии с постепенным выеданием из-под этого панциря живой социальной ткани, с удушением всего подлинного и живого, с умерщвлением всякого сколь угодно нужного знания, не укладывающегося в мертвые догмы, с подавлением стропливой компетентности и возвеличиванием посредственности, которая притворяется верноподданной и копит исподтишка злобу не только на идеологию и даже не только на государство, но и на общество, на его историю.

Такое омертвелое общество в течение долгого времени могло бы управляться с помощью определенных технологий извне. Мы были бы сырьевым источником, консолидирующим Запад и весь мир военным жупелом, объектом для спецмероприятий западных спецслужб под видом «борьбы с коммунизмом и тоталитаризмом».

В чем порочна идея заговора ЦРУ как главной причины разрушения СССР?

Во-первых, все разведки ведут заговоры против противника — это не объясняет причины его поражения. Образно говоря, можно обвинять дождь в том, что ты промок. Но остается открытым вопрос, где был зонтик.

Во-вторых, это означает, по сути, сокрытие или преуменьшение роли многих внутренних игроков.

В-третьих, в этом есть синдром поражения.

В-четвертых, если даже всепроницающие спецслужбы СССР оказались беспомощными, то что же делать теперь? Создавать еще более мощные службы в ослабленной стране? Огораживаться до такой степени, чтобы окончательно задохнуться? Что-то тут не то!

В-пятых, слишком много сам Запад говорит о своих агентах. Поскольку такое говорение входит в правила проведения спецмероприятий, стоит ли слушать все, принимая за чистую монету?

В-шестых, так ли уж «мудро и мощно» ЦРУ, чтобы разрушить великую державу?

В-седьмых, если оно так мудро и так мощно, то на кого, извините, оно работает? На Америку ли? На ее ли «гос. интересы»?

В самом деле, как западные интеллектуалы из спецслужб, столь сильные, что могли разрушить великую страну с бдительными спецслужбами, имея столь ценную агентуру, а значит, и контролируя столь важный властный ресурс, как генсек КПСС, могли заняться разрушением системы и подрубанием того сука, на который им удалось столь удачно залезть, — вместо того чтобы программировать нужные эффекты с сохранением видимости омертвело-тоталитаризма и постепенным расширением своей агентуры в высшем всевластном органе страны-конкурента, аппарате ЦК КПСС?

Один мой знакомый номенклатурщик, далеко не глупый и очень порядочный человек, недавно честно признался мне, что если бы в 1986 году их выстроили в холодный зимний день на мосту через Неву и заставили прыгать вниз головой, то, даже видя толстый слой льда на Неве, они все равно бы дружно нырнули.

Не могу взять в толк, с чего бы вдруг, имея столь совершенный инструмент, как КПСС, и контролируя столь ключевые фигуры, как большая часть высшего руководства, Запад решил пожертвовать инструментом и поломать его.

Нет, наверное, нам надо уходить от слишком простых объяснений. Кроме того, мы не имеем права признать «черной дырой» не только семьдесят лет российской истории, но и семилетие.

Будем помнить, что застигнутым этим семилетием мальчишкам десяти—двенадцати лет сегодня уже девятнадцать и вот-вот они войдут в активную политическую деятельность. Что мы им скажем? Что они воспитывались и жили в антисистеме? Что они не «совки», как оскорбительно именовали своих соотечественников перестройщики, а «пестки» — дети перестроечного безумия? А сами-то мы тогда кто после этого? Люди, перенимающие технологии, которые подсовывают им их враги, — технологии выпадения из истории, демонизации исторических периодов, разрыва цепи времен?

Открыто заявляю, что народ, принявший перестройку, не был глупо наивен. Он сделал это сознательно, осмысленно и не должен стыдиться своего выбора. Энергия масс, приветствовавших перестройку, не была черной. Другое дело, что эту энергию отлили в черные формы. Но исходный импульс был благим. И всякая попытка отрицать это, призывая к реставрации и реакции, — преступна и разрушительна.

Но что же произошло? И почему мы пришли к тому, к чему пришли? На это я попытаюсь ответить во второй части своего доклада.

Часть II. Две перестройки

Россия должна была взять постиндустриальный барьер. Без этого она была обречена на гибель. И сейчас в неимоверно более плохой ситуации перед ней стоит та же задача, и Россия должна будет решить ее или же погибнуть.

Но что значит взять постиндустриальный барьер? Я уже много раз говорил, что общество, построенное коммунистами к 1956 году, было реальным индустриальным социализмом в той его разновидности, которая могла быть осуществлена в России за исторически короткий срок и вслед за периодом катастрофического развития с 1915 по 1927 год.

Россия построила даже нечто большее. Ценой огромных жертв ей удалось взять индустриальный барьер без разрушения традиционного общества. Будем помнить, что разрушение «почвы», ломка традиционалистской структуры, обходилась всем странам, шедшим на такое разрушение, неимоверно дорого. Будем помнить и то, что подобная ломка, подрыв «почвы», в пока еще неопределенной, но, видимо, очень большой степени блокирует движение в постиндустриальный период. Ибо постиндустриализм в каком-то смысле является отрицанием индустриального отрицания доиндустриальных отношений, то есть превращенным возвратом к доиндустриальному бытию – новым «возвращением домой» в новом качестве.

Если некуда возвращаться, если дом, в который теперь необходимо войти, сожжен и даже фундамент его уничтожен, то есть ли основание для радости по поводу индустриальных успехов? Ведь двигаться-то надо к принципиально новому качеству! Большевики – кто вольно, а кто и невольно – совершили великое историческое деяние, и построенное ими общество при всех значительных дефектах давало возможности для ускоренного движения в эволюционном режиме, при весьма серьезных, разумеется, корrekтивах, но без всякого революционаризма.

Эволюционный постиндустриальный вектор движения был возможен. Он требовал смены парадигмы в пределах того же социализма. Он требовал перехода от идеологического приоритета

к приоритету компетентности, он требовал иного принципа расстановки социальных акцентов. Инженерный корпус страны, ее подлинно элитные научные кадры, ее высококвалифицированный пролетариат города и труженики деревни должны были получить новый заряд для социального движения. Общество должно было быть вырвано из уравниловки.

Управление производством и оплата труда должны были быть в корне изменены. Качество труда должно было быть оплачиваемо на порядок выше, чем его количество. Но и здесь не было ничего нового. Советское общество при том же Сталине уже знало, что такое действительная разница в оплате по труду, пусть это, повторяю, касалось не всех областей, пусть сочеталось с полурабским трудом в деревне, пусть во многом базировалось на принуждении и терроре. Все это худшее совсем необязательно было копировать в момент, когда началась перестройка. Следовало, напротив, выделить разумные начинания, вспомнить забытый опыт блестящих советских экономистов, учесть высокий авторитет андроповских реформ при их, казалось бы, незначительности, неброскости, недолговременности и отсутствии четкого их осознания в обществе. Но народ-то ведь запомнил и воспринял ту андроповскую волю к очищению авгиевых конюшен загнивающего общества, которой, он, возможно, сам и наделил шефа КГБ СССР, фигуру в целом неоднозначную. Я утверждаю, что начальный импульс и всей партии, и большинства ее руководства в 1985 году предполагал именно переход в постиндустриальную социалистическую парадигму развития советского общества с обязательным в этих условиях преодолением барьера моноидеологизма, с обязательным обеспечением информационной свободы, с обязательным изменением как социальных, так и политических приоритетов.

Когда же был совершен неожиданный поворот в другую сторону и сломана становившаяся постиндустриальная социалистическая парадигма эволюционного развития?

Это произошло в тот момент, когда началось кооперативное движение, когда ставка была сделана на новые отношения собственности. Именно эта ставка сломала хребет обществу и заставила его начать передел собственности и неизбежную при этом борьбу за передел власти между корпоративными кланами, группами, группировками, ищущими прикрытия для свои алчных вожделений в тех или иных псевдоидеологиях — псевдонационализ-

ме, псевдодемократизме, псевдопатриотизме и т.п. Идеологиях, которые не более чем ширмы для первоначального накопления капитала, для неслыханного перераспределения национального богатства, исчисляемого в буквальном смысле слова триллионами долларов. Почему же партия не захотела взять на вооружение постиндустриализм и возглавить постиндустриальный прорыв? Ответов здесь может быть несколько.

Ответ 1. Деформированная ментальность партийных кадров не позволяла даже воспринять новую парадигму социалистического развития, партия была архаичной и не могла измениться в нужном направлении. В какой-то мере это действительно так, но сводить все к этому вряд ли целесообразно. Лично я помню, какое воздействие оказала на определенные круги партии книга «Постперестройка», как были восприняты начинания МГК КПСС при Юрии Прокофьеве и программы реформирования партии и общества в постиндустриальном духе. Там не было отторжения, хотя, возможно, не было и полного понимания того, на что именно замахивается группа партреформаторов 1989–1990 годов, включавшая в себя столь разных людей, как Олег Шенин, Юрий Прокофьев, Людмила Вартазарова и ваш покорный слуга.

И тем не менее союз городов-героев, созданный по инициативе московской партийной организации в 1991 году, принял новые ориентиры. Расчеты показывали, что эти ориентиры принял бы и XXIX-й съезд партии. Все сорвал путч. И трудно определить сегодня, в какой мере этот срыв был скрытой целью августовского путча, не осознаваемой и сегодня, кажется, многими из его участников.

Итак, далеко не все партийные силы отторгали идею постиндустриального прорыва, изложенную в книге «Постперестройка», даже тогда, когда эта идея уже была подвергнута травле и справа, со стороны ортодоксов, соблюдавших чистоту марксизма-ленинизма, и слева, со стороны либеральной партийной элиты горбачевско-яковлевского толка. Тогда в чем же дело?

Ответ 2. Мысля в категориях власти и имея скрытый замысел перестройки, ядро партийной элиты понимало, что отказ от идеологии — это отказ от власти. Оно не желало терять власть в ходе постиндустриального прорыва, возглавить который оно не могло. Оно предпочитало идти путем кооперативного движения, считая, что его-то оно оседлает и что в условиях, скажем прямо, номенклатурного капитализма ему удастся сохранить всю власть, якобы

передав ее т.н. демократам, чтобы на деле свалить на них всю вину за народные бедствия и при этом лишь укрепить свои властные возможности благодаря изменениям отношений собственности.

Такое объяснение выглядит более правдоподобным, но и здесь есть изъян. Предполагается некая недостаточность компетентности в определенных кругах правящей элиты.

Возможно, что это справедливо по отношению к внешнему каркасу власти доперестроечного периода и начального периода перестройки. Но внутренние элитарные группы, сосредоточившие в своих руках действительную власть, особенно элиты спецведомств, обладали достаточной компетентностью для того, чтобы возглавить процесс и направить его в постиндустриальное русло. Конечно, это требовало жестких мер внутри самой партии и ее руководящих эшелонов. Но подобные меры легко могли быть проведены молодым генсеком. Пожалуй, жесткость этих мер была бы поддержана обществом в не меньшей степени, чем критика без берегов. Лично я помню свои собственные слова, сказанные в 1986 году, что я готов возглавить несколько батальонов спецвойск для целенаправленного силового очищения засоренной и отчасти перерожденной антиэлиты – номенклатурной элиты КПСС. Я считал и тогда, что без хирургии в этом вопросе не обойтись, что в хирургии нуждается не все общество, а обитатели нескольких сотен зданий, заполненных разжиревшим чиновничеством. Я был удивлен мягкотелостью Горбачева в вопросе о необходимом нам всем «чжэнфэне» и еще больше был впечатлен неадекватностью в этом вопросе первого секретаря МГК КПСС Б.Н.Ельцина. Что касается президента Б.Н.Ельцина, то он, при предельной антикоммунистической резкости слов, по сути восстановил сейчас все реалии брежневского режима, что беспокоит меня гораздо больше, нежели якобы авторитарные замашки этого лидера. Кстати, считаю нужным здесь ясно высказаться и об авторитаризме. Авторитаризм, как и любая другая политическая технология, не определяет собою главного – пространства целей.

Авторитаризм может быть инструментом деградации общества. В этом случае речь идет о лидере вроде того же Брежнева, который на длительном позднем своем этапе выполнял именно роль деградатора. Может быть также и модернизационный авторитаризм. Именно на него замахивается Ельцин. Но это всего лишь замах. Легко изобразить Петра Великого на эмблеме «Выбора Рос-

сии». Еще легче выбрать державный герб и сделать ряд ни к чему не обязывающих жестов. Но очень трудно быть Петром на деле.

Скажу больше: в постиндустриальных условиях, с учетом конкретной ситуации, и этот образ уже не является адекватным, пригодным для современности. Нам нужна теперь уже не модернизация, время которой в прошлом. Теперь же — либо все большая деградация, либо альтернативная парадигма развития с учетом культурно-исторической специфики и ориентацией на постиндустриальную перспективу. Такое возможно лишь в рамках качественно нового социализма — без радикализма и национального экстремизма, на что сейчас провоцируют, но социализма национально обусловленного, учитывающего культурно-историческую традицию, притом с конфессиональной окраской. В очередной раз изучая тезисы высшего лица католической церкви и, как мне кажется, верно понимая логику его политических и интеллектуальных шагов, я вновь позавидовал католикам, чьи лидеры способны к достаточно быстрому анализу изменений в геополитике и адекватным шагам идеологического и политического характера. Итак, сегодня речь может идти об альтернативной (то есть не модернизационной) парадигме развития России в постиндустриальном векторе с учетом ее культурно-исторического своеобразия и с опорой на весь ее духовный и идейный потенциал.

Если общество воспримет эту идею в еще более катастрофических условиях, чем сегодняшние, то политической технологией осуществления такой модели развития будет уже не просто авторитаризм, а весьма жесткая диктатура. Буду ли я противником такой диктатуры? Никогда и ни при каких обстоятельствах. Я не был им и пять лет назад и совершенно не понимаю, почему должен отказываться от своих мыслей и принципов ради следования общим местам и общим рассуждениям по поводу скомпрометировавших себя реалий. Другое дело, что модель необходимого стабилизационного и развивающегося процесса должна содержать в себе некие гарантии от перерождения в неэффективную, губительную для общества тиранию. Эта модель должна содержать в себе и механизмы постепенного смягчения типа политического управления обществом в сторону реального народовластия, возможно, даже более глубокого и продуктивного, нежели те его формы, которые рекомендует Запад всему миру как максимально реалистические и предельно эффективные.

Так давайте об этом и говорить. А не прикрывать фиговым листком демократии борьбу с непродуктивным режимом, ведущим общество к катастрофе. Одно дело – сохранение ресурса легальности и ведение борьбы политическими, а не силовыми методами постольку, поскольку это возможно на данном этапе. Здесь я был и остаюсь сторонником легальных методов с конструированием полноценных политических субъектов, отвечающих эпохе интеллектуальных войн, информационных противоборств, состязаний на уровне постиндустриальных требований. Здесь решает труд, труд каждодневный и самоотверженный, а не конвульсии. Здесь решает дисциплина, способность к практическим действиям, а не риторика. Все это вовсе не означает, что противостояние не может быть достаточно острым. Однако острота противостояния есть нечто, прямо противоположное провокаторству, с которым мы столкнулись отчасти и в ходе октябрьских событий. Я говорю «отчасти», потому что в Белом доме погибло много людей, относящихся, в полном смысле этого слова, к цвету нации. Но мы должны помнить о провокациях и извлекать опыт из случившегося. Только тогда мы вправе будем считать, что кровь пролита не зря. Мы должны избыть сентиментальность и не увлекаться мгновенной героизацией проигравших, ибо это свойство дряблых нисходящих элит, дряблых, вчерашних классов и групп. А постиндустриализм апеллирует к силам будущего.

Заканчивая описание вариантов ответа на вопрос, почему процесс развернулся не в сторону постиндустриализма, я должен поделиться своим пониманием поведения достаточно компетентных элит, которые участвовали в перестройке.

Итак, моя версия.

Ответ 3. Эти элиты понимали необходимость постиндустриального прорыва и не боялись за свое место в процессе. Но они понимали и другое. Призвав новые силы именно как силы, они должны будут делиться с ними властью. Без этого процесс был невозможен. А делиться властью с чужими эти элиты не хотели и не хотят. Здесь наступает почти бессознательный эффект отторжения. Да, власти будет больше, если поделиться и двинуть процесс в нужную сторону. Да, без этого можно потерять все. И все же не хотим делиться – и точка! Как говорят в народе, «ну хоть ты тресни». По-видимому, необходима глубокая катастрофа, задевающая не только народные массы, но и элитные ядра, чтобы осознание

неизбежности перемен по существу, а не по декоруму дошло до элитного сознания наших отечественных игроков. Так что будем лечить элиты.

Одновременно – строя себя.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные тезисы достаточно очевидны, и все же я сформулирую их еще раз.

1. Единственный путь для России – постиндустриальный прорыв, причем на основе собственной, а не заимствованной постиндустриальной модели.

2. В сложившейся ситуации такой прорыв в лучшем случае будет базироваться на развивающем авторитаризме, а в худшем (но более вероятном) – на развивающей диктатуре.

3. Борясь за развитие (а не за какую-то абстрактную демократию), необходимо бороться как против вариантов деградиционной диктатуры, так и против хаоса, дальнейшего развала России.

4. Деградиционная диктатура будет исходить от исполнительной власти. Первенство по части развала может держать старая оппозиция, за что она и будет обласкана Западом и нашими либералами. Ибо старая оппозиция, оппозиция,двигающаяся в номенклатурной парадигме, может создать управляемую экономику и обеспечить стабильный вывоз сырья, но не в состоянии мобилизовать силы народа на постиндустриальный прорыв. Но если она возьмется за реализацию жесткого деградаторства, то нам с нею не по пути, и об этом следует заявить со всей определенностью и немедленно. Будем помнить, что со старой оппозицией мы начали борьбу не сегодня. И что мы боремся не с людьми и не за места. Мы боремся против неадекватных действий – за Россию, ее право на самостоятельное развитие в XXI столетии.

5. Силой, способной вести на прорыв, является новый интеллектуальный класс. Он быстро формируется в условиях катастрофы, при возникшем беспрецедентном явлении массовой высокотехнологической безработицы. Это будет класс-лидер. Класс, способный к целенаправленному действию в подлинных интересах России. На рис. 17 я демонстрирую модель становления нового класса. Кривая I – высокотехнологическая безработица. Кривая II – высокотехнологическая эмиграция; разница между двумя эти-

ми кривыми – это и есть ресурс для формирования нового класса. Новый класс создает сам ельцинский режим, порождая своего же могильщика.

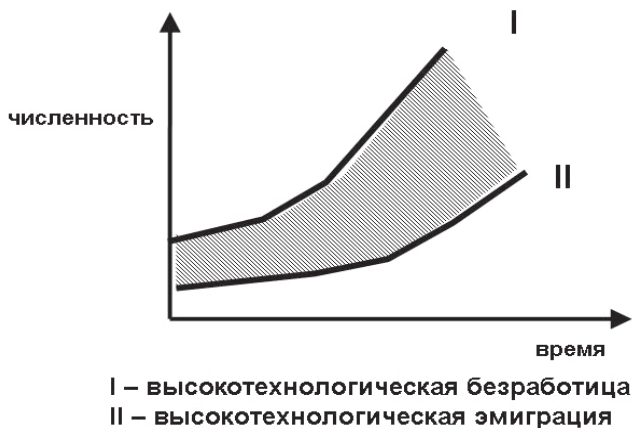

Рис. 17

6. В новом классе выступят наравне гуманитарии и технократы, рабочие и лица с высшим образованием. Важны – компетентность, профессионализм. Новый класс – это меритократия. Власть качеств, а не власть денег.

7. Новый класс породит новую партию. Не будучи ни индустриально-социалистической, ни капиталистической, эта партия объективно должна будет опереться на новый социализм с культурно-исторической доминантой, с национальной и конфессиональной спецификой.

8. Принимая решения в условиях кризиса, эта партия и этот класс будут действовать в интересах России, безусловно и однозначно с государственных позиций, без властных амбиций, но с сознанием своей исторической роли. Они будут действовать, соотносясь с идеей, целью и обстоятельствами.

9. В любом случае политическим идеалом этого класса является не монополия на власть и уж тем более не моноидеологизм самого совершенного типа. Идеал – профессиональная демократия с профессиональным, и только профессиональным, цензом.

ИДЕАЛ – ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ, РАЗВИТИЕ И КОМПЕТЕНТНОСТЬ.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ	5
ОГРАБЛЕНИЕ ВЕКА	8
О МЕХАНИЗМЕ СОСКАЛЬЗЫВАНИЯ.....	15
ИНДУЛЬГЕНЦИЯ НА БЕСПОРЯДОК, ИЛИ ЧТО ТАКОЕ КРИМИНАЛЬНАЯ БУРЖУАЗИЯ....	45
«СЕКРЕТНАЯ» ПАПКА ЦК КПСС С НАДПИСЬЮ: «КУРГИНЯН»	65
ПОСТПЕРЕСТРОЙКА	152
ЛИТОВСКИЙ СИНДРОМ	239
ПРЕДОТВРАТИТЬ КАТАСТРОФУ, ОБЕСПЕЧИТЬ РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА	269
ФИНАНСОВАЯ ВОЙНА (о двух сенсациях 1991 года)	318
КОЛЕЯ	346
ЦЕЛИ И ЦЕННОСТИ.....	358
ЧТО ПРЕДСТОИТ?	377
АНТИЭЛИТА	383
«СТРАННЫЙ КУРС»	405
«ВАШИ»	418
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ	432
ДЯТЛЕРИЗМ	438
У ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТЫ <i>Меморандум о возможном примирении конструктивных сил России</i>	446

ОТВЕТНОЕ ДЕЙСТВИЕ <i>Меморандум клуба «Постперестройка»</i>	453
РЕСПУБЛИКА РУСЬ: «КОЗЫРНАЯ КАРТА» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИГРЕ? <i>Круглый стол</i>	483
КАПКАН ДЛЯ РОССИИ, ИЛИ ИГРА В ДВЕ РУКИ	490
ОППОЗИЦИОННЫЕ ПЕРСОНАЖИ В ПОИСКАХ АВТОРА <i>Анализ результатов референдума 25 апреля 1993 года</i>	536
ПОЛИТИЧЕСКИЕ МАНИПУЛЯТОРЫ	556
ТАДЖИКСКИЙ УЗЕЛ <i>Аналитическое исследование, выполненное группой сотрудников ЭТЦ под руководством С.Е.КУРГИНЯНА с выездом на место конфликта по поручению руководства ВС РФ в связи с обострением ситуации на таджикско-афганской границе</i>	560
ЗАЛПЫ ПО ТАДЖИКИСТАНУ – ЗАЛПЫ ПО РОССИИ	604
ЗАЯВЛЕНИЕ С.КУРГИНЯНА ДЛЯ ПРЕССЫ	611
ИГРА И КРОВЬ <i>По материалам пресс-конференции 1 октября 1993 года</i>	615
ЭТО ВСЕ СДЕЛАЛА КОЛЮЧАЯ ПРОВОЛОКА	624
УРОКИ ОКТЯБРЯ <i>Пакет взаимоувязанных политических документов, предъявляющих ориентиры новой оппозиции, на период после октябрьских событий</i>	628